Джон

ВАРЛИ

Стальной пляж

Стальной пляж
Джон Варли

Аннотация
Джон Варли. СТАЛЬНОЙ ПЛЯЖ
* * *
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Аннотация

Человечество, после вторжения странных инопланетян на Землю, живет на Луне. Биотехнология полностью изменила облик человечества, лица и тела людей. Передовые технологии гарантируют довольно легкую и безопасную жизнь — почти любая рана или болезнь излечимы; люди могут изменить и свой пол и свои тела с помощью безболезненной хирургии. Менять свое тело вошло в моду, как в XX столетии, например, менять одежду. А довольствоваться, например, всю жизнь только одним телом или одним полом, считается безумным извращением. Практически всей лунной колонией управляет центральный компьютер, Искусственный Интеллект. Для каждого из лунариан он также создает ИИ, виртуальных двойников-помощников, помогающих во всевозможных технических и других делах. Наша главная героиня, Хилди Джонсон — главный репортер одной из самых популярных и скандальных Лунных газет "The Daily Nipple". И в последнее время Хилди как-то неважно себя чувствует: угнетенной,

пессимистической, очень уставшей. И что самое интересное ее виртуальный двойник призналась ей, что испытывает то же самое.

Увлекательный и во многом провокационный роман американского фантаста из цикла "Восемь миров".

Джон Варли
СТАЛЬНОЙ ПЛЯЖ

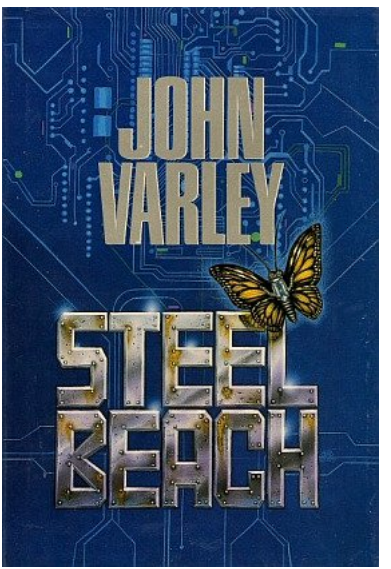
*** * ***

"КЛФ Подсолнечник" (Минск), 2020 г.

John Varley "Steel Beach", 1992[1]

---

[1] Примечания: 1



Обложка первого издания романа 1992 г.

Перевод Юлии Лункиной, 2013-2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Через пять лет пенис выйдет из моды, — возвестил рекламный агент.

Он сделал паузу, чтобы дать нашим ошеломленным мозгам справиться с этой сенсацией планетарного масштаба. Лично я не знал, сколько еще чудес смогу выдержать до ланча.

— А если правильно организовать рекламную кампанию, — единым духом выпалил агент, — то это, быть может, случится всего через два года!

Возможно, он даже и прав. За свою жизнь я навидался достаточно странностей. Но пока что я решил повременить и не звонить старьевщику с просьбой купить все мое мужское белье.

Пресс-конференция проходила в большом зале, принадлежавшем "Юнайтед Биоинжинирс". В нем уместилось бы около тысячи человек, но сейчас он был заполнен примерно на одну пятую. Большинство репортеров сгрудилось в первых рядах.

Агента компании "Юнайтед Био" так же невозможно было спутать с представителем какой-либо другой профессии, как, скажем, ведущего телеигры. У него и голос был соответствующий.

Он выглядел и говорил характерно для своего рода занятий. Недалек тот день, когда для каждой профессии придумают свое лицо и тип телосложения. Наподобие форменной одежды.

Агент продолжил:

— Секс, как мы знаем, неудобен, негибок и не дает простора для воображения. Пока доживете до сорока, вы успеете перепробовать все возможное, на что способен наш теперешний, "естественный" половой аппарат. На самом деле, даже если вы не слишком активны в постели, вы успеете перепробовать все мыслимые и немыслимые позы по дюжине раз. И вам это наскучит. А если скучно в сорок лет, то что же будет в восемьдесят или в сто сорок? Вы когда-нибудь об этом задумывались? О том, как разнообразить вашу половую жизнь в восемьдесят лет? Неужели вам и вправду захочется повторять отработанные веками движения?

— Если бы мне и захотелось чем-нибудь заняться, то уж точно не с ним, — шепнула мне на ухо Крикет.

— А как насчет меня? — шепнул я в ответ. — Прямо после презентации?

— А как насчет подождать, пока мне стукнет восемьдесят?

Она наградила меня чувствительным тычком под ребра, но лицо ее сияло улыбкой. Чего я никак не мог сказать о здоровяке, сидевшем впереди — репортере из "Совершенного Тела". Он весил около двухсот килограммов — из которых ни грамма жира — и пристально смотрел на нас поверх своего бугрившегося мышцами плеча, выразительно нахмурив брови. Если бы сам не видел, я бы ни за что не поверил, что он способен просто повернуть голову, не то что так оглянуться. Я мог поручиться, что слышал скрип хрящей меж его шейных позвонков.

Мы поняли намек и заткнулись.

— "Юнайтед Биоинжинирс" не сомневается, — повысил голос агент, — что за двадцать-тридцать миллионов лет эволюции Матушка-Природа справилась бы с некоторыми из упомянутых недостатков. На самом деле, — и тут он сверкнул зубами в непостижимой, одновременно лукавой и простодушной улыбке, — мы спрашиваем себя, не придет ли в конце концов эта почтенная старая леди к той самой — нашей — системе, вот какого мы высокого мнения о своем детище. "Но насколько же хороша ваша система?" — наверняка спросите вы. Со времен Кристины Йоргенсен было предложено так много усовершенство-

ваний… Что же делает нашу разработку столь уникальной?

— Что за Кристина? — шепнула Крикет, быстро печатая пальцами правой руки по левому предплечью.

— Йоргенсен. Мужчина, который первым, если не считать оперных певцов, успешно превратился в женщину. И чему только в наши дни учат в школе журналистики?..

— Главное — правильно подать информацию, а факты сами приложатся. Черт побери, Хилди, до меня не дошло, что ты с этой дамой встречался.

— Это не самое худшее, что было в моей жизни. Если бы только она не пыталась вести в танце…

На этот раз на спинку сиденья перед нами облокотилась рука — это должно было быть рукой, поскольку росло из плеча, хотя обе мои ноги свободно уместились бы в ее рукаве — и я удостоился чести созерцать Его Слоновость во всей красе, от подстриженных ежиком соломенных волос и нижней челюсти, сравнимой с ковшом хорошего экскаватора, до мощной шеи, пошире, чем бедра Крикет. Я поднял руки в примирительном жесте и изобразил, будто запираю рот на замок, а ключ выбрасываю. Он нахмурился еще сильнее — спаси господи, если он подумал, будто я над ним

насмехаюсь! — затем снова повернулся к нам спиной, оставив меня недоумевать, где он достал нужные гантели, чтобы так рельефно накачать мышцы лба.

Одним словом, мне было скучно.

Я уже не первый раз слышал, как провозглашали Золотой Век Секса. Если как следует припомнить — не далее, чем в марте прошлого года, да и достаточно регулярно до этого. Точно так же регулярно предсказывают конец света или возвещают о создании вечного двигателя. Журналист должен быть готов сталкиваться с подобными громкими заявлениями по меньше мере раз в несколько недель на всем протяжении своей карьеры. Подозреваю, что так повелось еще с тех пор, когда заголовки новостей высекались на каменных табличках, а тиражи еженедельных газет доставлялись подписчикам на мохнатой спине мамонта. Я уже сбился со счета, сколько раз сидел в залах наподобие этого и слышал, как скользкие молодые люди или девушки, скаля в улыбке больше зубов, чем предусмотрено природой, объявляли о Прорыве Века. Таковы издержки профессии ловца сенсаций.

Впрочем, могло быть и хуже. Я мог бы быть политическим обозревателем.

— …опробована на более чем двух тысячах добровольцев… плюс-минус один процент ошибки при случайном отборе…

Мне сделалось не по себе. То, что вся эта история даже на сотую долю процента не столь революционна, как обещал белозубый парень, было ясно как день. Но оставался вопрос — а удастся ли из нее выжать достаточно материала, чтобы состряпать статью, которую можно продать Уолтеру?

— …зарегистрировано шестидесятитрехпроцентное увеличение силы оргазма, в два раза возрос индекс удовлетворяемости, а посткоитальной депрессии не наблюдалось вовсе.

В общем, как поговаривал мой старый дядюшка Джей Уолтер Томпсон, это отмоет вас на пятьдесят процентов чище, отдраит вам зубы и оставит вам одно лишь дыхание.

Я наклонился, подобрал с пола один из факс-планшетов, которые всем выдали при входе, высветил результаты опроса потребителей и быстро просмотрел их. "Ла-жа, ла-жа!" — завыла сирена у меня в мозгу. Да так громко, что я поскорее отключил ее и нервно покосился на Мистера Не-Мешайте-Мне-Слушать.

И вопросы, и ответы были дрянь. Существуют фирмы, которые специально готовят персонал,

проводящий опросы общественного мнения, с тем, чтобы избежать так называемого "эффекта вежливой лжи" — естественного человеческого желания сказать вам то, что вы хотите услышать. Спросите прохожих, нравится ли им ваш новый лимонад, и они в большинстве случаев ответят утвердительно, даже если выплюнут с отвращением ваше пойло, как только вы отвернетесь. "Юнайтед Био" не обратилась ни в одну из подобных фирм. Иногда уже одно это указывает, что производитель не уверен в собственной продукции.

— А теперь настал момент, которого вы так ждали!

Раздался туш, и свет померк. Огни прожекторов заскользили по синему бархатному занавесу, отгораживавшему часть сцены, и он начал медленно раздвигаться.

Агент сделал широкий жест и возвестил:

— "Юнайтед Биоинжинирс" представляет…

— Барабанная дробь, — шепнула Крикет, опередив его на долю секунды. Я саданул ее локтем.

— …секс будущего… УЛЬТРА-Тингл[2]!

Послышались вежливые аплодисменты, и в

---

[2] Примечания: 2

Ultra-tingle — дословно: "дрожь крайнего возбуждения".

луче фиолетового прожектора на авансцену выступила обнаженная пара. Партнеры разомкнули объятия и повернулись к нам, высоко подняв головы и развернув плечи. Оба были абсолютно безволосыми и бесполыми — да и почти одинаковыми, если не считать некоего намека на бюст и легкие мазки теней на веках у того из двоих, кто был ниже ростом. Между ног у этой парочки матово поблескивала гладкая кожа — и более ничего.

— Очередная вариация на тему "прикоснись и ощути", — вздохнула Крикет. — А я-то думала, наконец покажут что-нибудь новенькое… Разве эту систему "Тингл" уже не рекламировали года три назад?

— Разумеется, рекламировали. Заплатили целое состояние, чтобы уговорить полдюжины звезд согласиться на операцию, но им до сих пор не удалось привлечь на свою сторону больше десяти-двенадцати тысяч любопытных. Сомневаюсь, что хоть сотня из них остается довольна и не просит вернуть все, как было.

Но что тут поделаешь? Фирма устраивает пресс-конференцию, и кто-то должен на ней присутствовать. В аквариум сыплется корм, и мы сплываемся поживиться.

Не прошло и пяти минут с начала презентации УЛЬТРА-Тингл (компания настаивала, чтобы название писалось именно так, прописными буквами), как я увидел, что эта мура будет интересна одним лишь рекламщикам. Уверен, нашего мясистого дружка с переднего сиденья проняло до самых кончиков пальцев на его мускулистых ступнях.

На сцену выползла уже дюжина обнаженных бесполых танцоров. Они отчаянно позировали и ласкали друг друга, при этом из-под пальцев у них летели голубые искры.

— С меня хватит, — заявил я Крикет. — Ты остаешься?

— Чуть позже обещали лотерею. Три бесплатных обращения…

— …в замечательную систему УЛЬТРА-Тингл! — выпалил агент, закончив за Крикет ее фразу.

— Выиграйте бесплатный секс, — сказал я.

— Ты о чем?

— Уолтер говорит, это прекрасный заголовок для передовицы.

— Разве там не должно быть что-то про НЛО?

— Ну хорошо. "Выиграйте бесплатный секс на борту НЛО, летящего к Старушке Земле!"

— Тогда мне лучше дождаться лотереи. Босс

меня прибьет, если приз достанется мне, а я не явлюсь получить его.

— Если выиграю я, мне могут и принести мой выигрыш в контору.

Я встал, положил руку на массивное плечо человека-гориллы, наклонился и шепнул:

— А грудные мышцы можно было бы накачать и получше! — после чего поспешно смылся.

* * *

Пока мы сидели в зале, вестибюль заметно преобразился. Все углы украсили огромные голографические изображения обращенных в УЛЬТРА-Тингл парочек в эротичных позах, а в центр помещения выкатили длинные банкетные столы. За столами стояли мужчины в традиционном облачении английских лакеев, натирая серебро и стеклянную посуду.

Это была всем известная халява. По роду занятий я редко отказываюсь от бесплатных рекламных поездок и никогда — от бесплатной еды.

Я подошел к ближайшему столу, зацепил ножом паштетную скульптуру Зигмунда Фрейда и намазал толстый слой деликатеса на кусок черного хлеба. Один из лакеев с встревоженным видом направился было ко мне, но я взглядом

поставил его на место. Поверх паштета я уложил два толстых ломтя ветчины, слой сливочного сыра, несколько полосок копченой лососины, таких тоненьких, что через них, казалось, газету можно было читать, и увенчал сооружение тремя полными ложками черной икры. Лакей следил за моими манипуляциями и все меньше верил своим глазам.

В руках у меня оказался один из великолепнейших Сэндвичей Хилди.

Но только лишь я собрался его надкусить, как рядом со мной возникла Крикет и протянула бокал голубого шампанского. Хрусталь звякнул с мелодичностью чистого льда, когда я коснулся края ее бокала.

— За свободу прессы! — предложил я.

— За четвертую власть, — согласилась Крикет.

* * *

Лаборатории "Юнайтед Био" находились на окраине нового пригородного района, почти в семидесяти километрах от центра Кинг-сити. Большинство бегущих дорожек и эскалаторов еще не работало. Открыта была только одна станция туннельного поезда, но до нее было километра два. Прибыли мы в составе целого флота

авто на воздушной подушке, принадлежавших компании. Все машины были на месте и ждали у входа в офис, чтобы отвезти нас обратно на станцию. Во всяком случае, я так думал. Мы с Крикет забрались в одну из них.

— Мне в высшей степени неловко сообщать вам подобное, — забубнило авто, — но я не могу отправиться, пока мероприятие не закончится или пока моя загрузка не достигнет семи пассажиров.

— Сделай исключение, — ответил я. — Нам нужно успеть к определенному часу.

— Быть может, вы объявляете чрезвычайную ситуацию?

Именно это я и собирался сделать, но вовремя прикусил язык. До работы я доберусь без проблем, но потом никуда не денусь от долгих объяснений и крупного штрафа.

— Когда я буду писать статью, — пошел я другим путем, — и упомяну в ней эту дурацкую задержку, которая представит "Юнайтед Био" в невыгодном свете, твое начальство будет крайне недовольно.

— Эта информация беспокоит меня и тревожит, — отозвалось авто. — Я всего лишь выполняю подпрограмму из не полностью активиро-

ванной программы компьютера "Юнайтед Био" и желаю только одного: угодить людям-пассажирам. Не сомневайтесь в моей готовности любой ценой удовлетворить ваши требования, поскольку я создан с единственной целью осуществлять удобную и скоростную транспортировку… И все же, — добавило оно после недолгой паузы, — тронуться с места я не могу.

— Да брось ты! — вмешалась Крикет. — Делать тебе больше нечего, как спорить с машиной.

Она уже вылезала. Я знал, что она права, но некая упрямая часть меня никогда не могла удержаться от подобных споров, даже если машины со мной и не разговаривали.

— Ты — порождение мусоровоза! — выпалил я и пнул авто по резиновой юбке.

— Без сомнения, сэр. Спасибо, сэр. Пожалуйста, сэр, приходите еще!

* * *

— И кто только программировал этого лизоблюда? — возмутился я, едва мы отошли.

— Некто с зацелованной до дыр задницей, — ответила Крикет. — Чем ты так недоволен? Пройти-то надо всего ничего. Лучше оглянись кругом.

Мне пришлось признать, что место довольно приятное. Прежде всего из-за его малолюдности.

Когда с самого детства изо дня в день везде, куда ни ткнись, пахнет другими людьми — отсутствие этого запаха сразу замечаешь и ценишь. Я глубоко вдохнул и уловил аромат свежеуложенного бетона. Я впивал всем существом образы, звуки и запахи новорожденного мира: яркие цвета незакрашенных пучков проводов, что торчали из недостроенных стен, будто первые бутоны на голой ветке; незапятнанный блеск меди, серебра, золота, алюминия и титана; свист ветра в штабелях труб — новеньких, еще не согнутых как надо и не обшитых изолирующим покрытием, еще испускавших резкий бодрящий запах прозрачного машинного масла, которым испокон веков промазывают только что собранное оборудование, прежде чем отгрузить его с завода… Все это действовало на меня умиротворяюще, поскольку означало тепло, безопасность, надежную защиту от вечного вакуума, победу человечества над недремлющими враждебными силами. Одним словом, прогресс.

Я начал потихоньку расслабляться. Мы пробирались сквозь груды стали, алюминия, пластика и стеклянных частей будущих зданий, и на меня

нисходил душевный покой столь же глубокий, какой, должно быть, наполнял в незапамятные времена сердце канадского фермера, когда он смотрел, как колышется пшеница на его полях.

— Они тут пишут, что их система позволяет заниматься сексом по телефону, — это Крикет ускакала вперед и в ожидании, пока я подтянусь, принялась изучать пресс-релиз "Юнайтед Био".

— Подумаешь, новость. Люди начали заниматься сексом по телефону, когда еще и десяти минут не прошло с тех пор, как Александр Грэхем Белл его изобрел.

— Ты мне голову морочишь. Секс никто не изобретал.

Крикет мне нравилась, хотя мы и были конкурентами. Она работала в "Откровенном Дерьме", второй по величине электронной бульварной газете на Луне, и уже успела сделать себе имя, хотя ей не было еще и тридцати. В большинстве случаев мы пишем об одних и тех же событиях, а посему очень часто видимся по долгу службы.

За все время нашего знакомства она ни разу не сменила пол, но никогда не проявляла никакого интереса к моим заманчивым предложениям. И вряд ли дело было во вкусе. Я уже начинал думать, что всему причиной ее сексуальная ориентация

— но об этом ведь не спрашивают. Скорее всего, так и есть. А если нет, значит, я ее просто не интересую. Во что мне никак не хотелось верить.

Но, какие бы причины ни питали ее равнодушие, все они были одинаково досадны, потому что я уже три года тайком вздыхал по ней.

— "Просто подсоедините Тингл-модем (продается отдельно) к главному чувственному блоку", — прочла она, — "и ваш возлюбленный словно бы окажется в комнате рядом с вами". Готова об заклад побиться, мистер Белл ни о чем подобном и не подозревал.

У нее было детское личико со вздернутым носиком и нежными тонкими бровями, которые так аппетитно хмурились, когда она задумывалась — не сомневаюсь, эта милая гримаска была сознательной и точно выверенной, но от этого не становилась менее волнующей. Верхняя губа Крикет была короче нижней. Полагаю, это звучит не слишком симпатично, но она и эту свою особенность сумела обратить себе на пользу. Один глаз у нее был нормальный, зеленый, а другой — красный и без зрачка. В точности как у меня, разве что мой нормальный глаз — карий. Всевидящее красное око прессы никогда не дремлет.

Красная блузка Крикет с пышными оборками

замечательно шла к ее серебристым волосам и ко второму атрибуту нашей профессии: серой фетровой шляпе с вмятинкой посередине тульи и приколотой к краю карточкой с надписью "ПРЕССА". Недавно Крикет переделала себе ноги под высокие каблуки. Это снова начало входить в моду, но я в свое время пробовал, и мне не понравилось. Операция окаблучивания довольно простая. Сухожилия ноги укорачиваются так, чтобы пятка перестала касаться земли, а вес тела падал на пальцы. Если укоротить слишком сильно, ходить придется на цыпочках, на манер балерины. Мне это кажется довольно глупой причудой, и все же я не могу не признать, что от этого лодыжки, бедра и ягодицы выглядят более подтянутыми и привлекательными.

Впрочем, нам-то еще повезло. Раньше для достижения подобного эффекта женщины втискивали ноги в ужасные остроносые колодки с десятисантиметровыми каблуками — и как-то умудрялись ходить в них при одном "же"! Подумать страшно, как это было больно и вредно.

— А еще тут пишут, что предусматривается код блокировки для гарантии верности.

— Что?! Это где такое?

Крикет протянула мне факс-планшет с выде-

ленным абзацем. Я прочел и глазам своим не поверил.

— И это законно? — только и мог я спросить.

— Разумеется. Это ведь договор между любящими, разве не так? Никого не заставляют пользоваться им насильно.

— Да это же просто-напросто электронный пояс верности!

— Да, но для обоих супругов. Вовсе не как в Средневековье, когда бравый рыцарь в крестовом походе ублажал каждый вечер новую подружку, а его жена была вынуждена бегать в поисках хорошего слесаря. А в нынешней парочке — что барану, то и ярочке.

— По мне так, уж лучше бы ни тому, ни другой…

Откровенно говоря, я был в шоке, а меня не так-то просто шокировать. Каждому свое — таков главный принцип нашего общества. Но УЛЬТРА-Тингл предлагала систему гарантийных кодов, в которой у каждого из партнеров было свое ключевое слово, чтобы включать или отключать у предмета своей страсти способность возбуждаться. Паролей друг друга партнеры не знали, а без пароля невозможно было активировать сексуальные центры в мозгу, так что от любви

удовольствия становилось не больше, чем от деления в столбик.

Чтобы согласиться этим воспользоваться, я должен был бы передать другому человеку право налагать вето на процессы в моем собственном сознании. Не могу представить, кому я мог бы настолько доверять. Но кругом полно психов — из-за чего, собственно, моя работа и имеет смысл.

— А если, к примеру, вот здесь? — спросила вдруг Крикет.

— Где? В смысле, о чем ты?..

Я остановился в недоумении и проследил, как она свернула к небольшому зеленому участку, которому предстояло по завершении строительства стать мини-парком. Там стояли деревья в огромных кадках, а к стенам, как в магазине ковров, были прислонены большие рулоны дерна.

— Скорее всего, лучшего места мы не найдем.

— Для чего?

— Так ты уже забыл о своем предложении? — улыбнулась она.

Честно говоря, забыл. В моем возрасте подобные вещи обычно предлагают разве что в шутку. Но Крикет на полном серьезе взяла меня за руку и подвела к раскатанной полоске дерна. Он был мягким, упругим и прохладным на ощупь. Крикет

улеглась и выжидательно взглянула на меня.

— Может быть, мне не следовало в этом признаваться, но я удивлен…

— Ну-ну, Хилди, ведь ты же никогда по-настоящему не спрашивал!

Я был твердо уверен в обратном, но, возможно, она была права. Как правило, я в таких вопросах миндальничаю и дурачусь, занимаюсь тем, что называется ухаживать. Некоторым женщинам это не нравится. Им предпочтительнее задать вопрос в лоб.

Я растянулся сверху, и мы слились в поцелуе.

Крикет в ее легком одеянии было не о чем беспокоиться, а мой костюм мы совместными усилиями распотрошили — и вскоре уже двигались в ритме, на задумывание которого у Матушки-Природы ушло куда больше миллиарда лет. Это было неудобно, грязно, не слишком-то гибко и, возможно, не давало простора для воображения. Определенно, это не был УЛЬТРА-Тингл. Но несмотря ни на что нам было чудесно.

— Ух ты! — выдохнула Крикет, когда я перекатился на спину и пристроился у нее под боком на ласковом травяном ковре. — Это было и впрямь… старомодно!

— А уж как старомодно это было для меня!..

Мы взглянули друг на друга и покатились со смеху.

Но долго нежиться Крикет себе не позволила — вскоре она уселась, взглянула на цифры, светившиеся у нее на запястье, и сообщила:

— Через три часа я должна быть на месте.

— Я тоже.

Тут мы услышали басовитое гудение, подняли глаза и увидели, как к нам направляется наш старый приятель — авто на воздушной подушке. Мы поспешили ему навстречу, перепрыгнули через борт и приземлились в гущу семи пассажиров, которые с ворчанием и охами потеснились, чтобы дать нам место.

— Я очень счастлив подвезти вас! — сказало авто.

— Беру назад свои слова о мусоровозе, — потупился я.

— Спасибо, сэр.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Это не детектив. Люди, с которыми вы будете встречаться по ходу повествования, — не подозреваемые. Ситуации, в которые они попадут, — не ключи к разгадке тайны. И я клянусь, что в конце не буду собирать всех персонажей вместе, чтобы эффектнее разоблачить преступника.

Это и не приключенческая история. По ходу ее вселенная не будет брошена на грань уничтожения. Несколько важных событий произойдет, и мне довелось быть их свидетелем и участником — но меня, как и большинство других людей, просто подхватил смерч Истории и опустил, как Джуди Гарланд[3], туда, где я никогда не думал очутиться. Я не приложил — или почти не приложил — руку к исходу всего совершившегося. На самом деле, поскольку речь пойдет о реальных событиях, а не о приключенческой литературе, правильнее будет сказать, что никакого исхода не было и нет. Кое-что переменится, что-то останется неизменным, а жизнь по большому счету будет

---

[3] Примечания: 3

Джуди Гарланд (1922–1969) — американская актриса, исполнительница роли Дороти в экранизации сказки Л.Фрэнка Баума "Волшебник страны Оз" (1939).

идти, как шла. Если бы я сочинял приключенческий роман и писал главного героя с себя — о, тогда я без колебаний отвел бы себе решающую роль в большинстве поворотных точек сюжета. Я подверг бы свою жизнь смертельной опасности, заставил бы себя сражаться с титанами и спасать человечество… или что-нибудь в этом роде. Но я не буду этого делать. Большая часть важнейших событий, о которых я собираюсь рассказать, произошла без всякого моего участия. Я и знать о них не знал — я просто пытался выжить…

Не ждите, что я обнажу меч и восстановлю законный порядок. Даже если бы у меня был меч и я знал, как им пользоваться, это бы мало что изменило. Я редко видел перед собой конкретного врага — и даже тогда, когда думал, что видел, враг этот был слишком велик, чтобы мое слабое и неискусное фехтование могло ему повредить.

Это и не философская история об осмыслении тайн мироздания. Вы встретите в ней — помимо прочих вопиющих неточностей — хилди-джонсоновское описание наноботов, их назначения, их функций и методов их работы. Уверен, большинство моих пояснений ужасающе неточны, и все они, скорее всего, изложены неумно и подилетантски… но что с того? Если вам нужны

философские истории и подробные разъяснения, возьмите любую подобную книгу — их было сочинено немало со времен описанных мной событий. Что же до наноботов, вы всегда можете полистать руководство по эксплуатации.

Ладно, наноботы — это еще полбеды… Мне придется порассказать немало и о главной технической головоломке нашего времени: о той несомненно способной чувствовать, бесспорно великой и ужасной груде кристаллического серого вещества, о том гении человеколюбия, кто был нашим общим другом: о Главном Компьютере. Обойтись без этого никак нельзя, но я скажу один раз и больше повторяться не стану — а в ваших интересах учесть на будущее — что я не технарь. Чтобы не подавиться моими рассуждениями об их любимой кибернетике, компьютерщикам придется сдобрить мои слова крупинкой соли размером с хороший астероид. Без всякого преувеличения тысячи текстов были написаны о том, как случилось то, что случилось, и о том, почему это не может случиться снова; рассчитаны эти тексты на самые разные уровни понимания, так что я отсылаю заинтересованного читателя к ним — скатертью дорога! Но тем, кто остался, я открою секрет — раз уж вы дочитали до этого

места, я не могу вам не симпатизировать: так вот, то, чем вас готовы накормить многоуважаемые технари, тоже следует посолить, прежде чем доверчиво глотать. Что на самом деле случилось с ГК, не знает никто.

Ну вот я и обрисовал в общих чертах, на что не похожа моя история. А на что же она тогда похожа?

На этот вопрос ответить куда труднее. Я подумывал было назвать мой рассказ "Как я провел двухсотлетие Вторжения" — но где же в этом названии секс? Где притягательная сила заголовка передовицы?.. Я мог бы назвать его и по-другому: "К звездам!" — но звезды пока еще скрыты туманом будущего, а я на всем протяжении своего повествования намерен придерживаться главного правила: не лгать вам.

Чего я боялся поначалу, так это того, что мой рассказ станет самой длинной в мире предсмертной запиской. Но этого не случилось: я выжил. Черт побери! Я еще и рассказывать толком не начал, а уже проболтался о финале… Но утешусь тем, что самые проницательные из вас уже и так этот финал разгадали.

Все, что я могу пообещать — это, что вы прочтете не сказку и не легенду, а именно рассказ.

Происшествий в нем будет немало. Но люди будут вести себя безнадежно нелогично. События огромнейшей важности не будут должным образом освещены и останутся закулисной игрой. Обстоятельства величайшей драматической напряженности разрешатся скучно и вяло, как взрыв подмокшей шутихи. Вопросы останутся без ответа. Если попытаться вычленить из этой истории сюжет, получится жалкое зрелище; любой, даже самый заурядный, редактор сценариев без труда смог бы подсказать дюжину способов "причесать" его. Но, милостивые государи и государыни, а сами вы пытались когда-нибудь взглянуть на собственную прожитую жизнь как на сценарий — и остаться довольны?

Ваш покорный слуга будет самым нелогичным из всех персонажей. Я упущу блестящие возможности коренным образом изменить все, не раз и не два сделаю неверный выбор, а сквозь самые ответственные моменты моего жизненного пути пройду бестолково и слепо, как сомнамбула. Прошу за это прощения и надеюсь, что любой из вас справится лучше, чем я — но сомневаюсь, что вы вообще справитесь. Я буду говорить много и сбивчиво и отклоняться от темы. Если уж Уолтер не смог отучить меня от этого, то никто не сможет.

Там и сям я буду ненадолго сбиваться на высказывание моей бесшабашной жизненной позиции; я — самоуверенный сукин сын (или, в некоторых случаях, самонадеянная сучка) — но там, где мой рассказ начнет становиться угрожающе серьезен и тяжел, я разбавлю его капелькой неуместного юмора. И несмотря на то, что у всего, что пишется, должна быть идея — я не буду слишком уж навязывать вам свою главную мысль, отчасти потому, что я далеко не уверен, в чем она состоит.

Но в одном вы можете быть спокойны: это не метафорическое повествование. Я не превращусь в огромного таракана и не сгину в экзистенциалистском отчаянии. Я обещаю даже солидную порцию старого доброго зубодробительного экшена — тем из вас, кто случайно забрел ко мне на огонек после субботнего киносеанса. Чего ж вам еще желать?

Итак, вы обо всем предупреждены. С этого места вы сами в ответе за свое решение — читать или не читать дальше.

* * *

Капсула поезда, что вез нас обратно в Кингсити, была заполнена пассажирами лишь на четверть. По дороге я постарался хоть как-то спа-

сти напрасно потраченный день — начал писать статью. Оглядевшись, я понял, что все мои коллеги заняты тем же. Глаза у них были закачены, рты приоткрыты, у некоторых непроизвольно подергивались пальцы рук. Так могли выглядеть либо пациенты дневного стационара психиатрической клиники, либо современные журналисты за работой.

Считайте меня ретроградом — это ваше право. В моем репортерском окружении я остался единственным, кто до сих пор пользуется рукописом не только для кратких заметок на бегу. Крикет слишком молода, так что в ее нежной ручке вряд ли приютился этот динозавр — стенографический аппарат. Что же до остальной пишущей братии — за последние двадцать лет они на моих глазах один за другим поддавались соблазнам Прямого Интерфейса… пока я в конце концов не остался единственным пользователем трудоемкой устаревшей системы, которая, что бы о ней ни говорили, до сих пор прекрасно меня устраивала.

Ну хорошо, насчет разинутых ртов я солгал. Не все пользователи ПИ выглядят умственно отсталыми зомби во время общения с компьютером. Но все они похожи на спящих, а мне всегда было

неудобно спать в общественных местах.

Я щелкнул пальцами левой руки. Мне пришлось щелкнуть еще как минимум раза два, чтобы рукопис наконец включился. Тревожный признак… С каждым годом становится все труднее разыскать ремонтников, которые помнили бы, как разбираться с рукописами.

В основании моей левой ладони высветились три ряда цветных точек, в каждом ряду по четыре.

Нажимая на различные сочетания точек пальцами правой руки, можно было создать стенографическую запись статьи. Готовая стенограмма проступала бегущей строкой прямо на коже запястья — как раз там, где обычно режут себя самоубийцы.

Стенографическая азбука Грегга к настоящему времени осталась уделом немногих избранных. Порой мне случается задумываться: а не подать ли заявку на получение гранта в фонд сохранения исчезающих навыков и умений? Стенография наверняка сделалась достаточно бесполезной, чтобы заявка была принята. Во всяком случае, она не менее старомодна, чем йодль[4] — а мне

[4] Примечания: 4

Йодль — напев альпийских горцев в Австрии, Швейцарии и Южной Баварии.

как-то раз выпал случай написать о собрании Общества исполнителей йодля. Что ж, попробуем с помощью стенографии пробудить интерес к делу сохранения пениса!

* * *

Файл: Hildy_ULTRATingle.txt
(место для заголовка)

Насколько вы доверяете своей супруге? Или даже лучше так: насколько ваша супруга доверяет вам?

Вот о чем вы не раз спросите себя, если станете пользователем новой секс-системы "Юнайтед Биоинжинирс", известной как УЛЬТРА-Тингл.

УЛЬТРА-Тингл — это новая, переработанная и усовершенствованная версия системы "Тингл"[5], *с которой "Юнайтед Био" потерпела сокрушительное фиаско на рынке пару-тройку лет назад. Помните, что это была за "Тингл"? Нет? Ну, и не мучайтесь. Уверяю вас, о ней не помнит никто. Хотя, быть может, где-нибудь в глухих пещерах огромного пыльного лунного шара наверняка остался кто-то, кто обратился тогда в эту си-*

---

[5] Примечания: 5
tingle — покалывание, пощипывание; трепет, дрожь.

стему и остался ей верен по сей день. Возможно, таких людей даже двое. И, может быть, нынче вечером они как раз тинглят друг друга и трепещут в экстазе. Или просто лежат, повернувшись друг к дружке спиной, потому что у одного из двоих от предложения потинглить внезапно разболелась голова.

Итак, если вы — истинный поклонник системы "Тингл", звоните скорее в нашу газету! Вы выиграли приз! При обращении в УЛЬТРА-Тингл вам предоставят десятипроцентную скидку. Приз за второе место — скидка на два обращения!

Так что же предлагает УЛЬТРА-Тингл своим верным искателям сексуальных приключений? Надежность и безопасность!

Вы наверняка думаете, что половой орган у вас между ног. Вовсе нет! Он у вас в голове, как и все остальное. Вот здесь и вступает в действие чудесная сила УЛЬТРА-Тингл. Вы обретете поистине волнующую власть над своим партнером: одним-единственным словом вы сможете выхолостить его! Правда, и он с такой же легкостью сумеет проделать это с вами. Так представьте же себе всю полноту радости мозговой кастрации! Станьте первым в своем квартале открывателем незаслуженно забы-

того искусства психической абнегации либидо! Кто, как не "Юнайтед Био", способен внедрить импотенцию на уровне интегральных схем, возвысить фригидность с отклонения от нормы до сознательной инфибуляции?..

Вы мне не верите? Тогда узнайте, как это работает:

(потом: встав. ссылку N 4985 из пресс-релиза "Юнайтед Био", строки 6-13.)

Вы можете задаться вопросом: а что же стало со старым добрым взаимным доверием? Увы, ребята, оно вышло из моды. Как, впрочем, и сам пенис — "Юнайтед Био" утверждает, что вскорости он исчезнет во тьме веков, подобно птице дронт. Так что тем из вас, кто до сих пор владеет коварной змеей между ног и не боится ею пользоваться, лучше заранее задуматься о том, куда бы пристроить вашего непоседливого дружка...

...Да нет же, дурни вы этакие, не туда! То место тоже устарело!

(номер тридцать)

* * *

Красный предупредительный сигнал системы контроля словоупотребления бешено мигал на кончике моего указательного пальца. Он вклю-

чился где-то на седьмом параграфе, и я знал, что так и будет. Но подобное хулиганство по отношению к читателю чертовски приятно — даже если знаешь, что оно никогда не будет напечатано! Когда я был начинающим репортеришкой, то послушно перечитывал и исправлял подобные вольности. Но теперь я знал, что лучше оставить Уолтеру на расправу несколько явных ошибок и грубостей — тогда есть надежда, что остальной текст он в печать пропустит.

Ладно-ладно, Пулитцеровская премия мне в этом году точно не светит...

* * *

Кинг-сити рос так же, как и большинство старых лунных колоний: по кварталу после каждого взрыва.

Начинался он с небольшого поселения посреди огромной сферической пустоты вулканического происхождения на глубине многих сотен метров под лунной поверхностью. К "потолку" было подвешено искусственное солнце, и инженеры принялись рыть туннели во всех направлениях, сваливать кубометры лунного грунта на "полу", измельчать их в подобие почвы, чтобы пустота превратилась в городской парк с радиально рас-

ходящимися от него жилыми коридорами.

Со временем в этом парке собралось слишком много людей, так что был прорыт еще один туннель, и в него была заложена ядерная бомба средней мощности. Когда образовавшаяся полость остыла, ее превратили в Квартал 2.

Отцы города успели создать таким образом семнадцать кварталов, прежде чем появление новых методов строительства и изменение общественного вкуса остановили вереницу пустот. Первые десять кварталов были расположены по прямой, образуя длинную подлунную анфиладу от Старого Квартала до Квартала 10. Затем строители начали скруглять линию, с целью замкнуть границу города в большой овал. На современной карте Кинг-сити семнадцать кварталов, соединенные тысячами туннелей, образуют большую букву J.

Мое рабочее место находилось по адресу: Квартал 12, тридцать шестой уровень, 120, - то есть, в редакции "Вымени Новостей", самой читаемой электронной бульварной газеты на Луне. Дверь с номером 120 открывалась в помещение размером чуть больше стандартной площадки перед лифтами, втиснутое между бюро путешествий и цветочным магазином. В нем располагались

небольшая приемная с рабочим местом секретаря и пост службы безопасности, а в дальней стене — двери четырех лифтов, которые доставляли сотрудников и посетителей собственно в здание редакции: на поверхность Луны.

"Главное — это место, место и еще раз место", — говорит мой двоюродный брат Арни, брокер по операциям с недвижимостью. Как я понимаю, не только место, но и время играет важную роль в определении стоимости земли. Редакция "Вымени" оказалась наверху потому, что, когда газетенка только образовалась, "выше" означало "дешевле". У Уолтера денег куры не клевали даже тогда, но он с незапамятных времен слывет первостатейным скупцом. Он приобрел по сходной цене семиэтажное строение на лунной поверхности, и кому было дело до утечки воздуха из-под защитного купола? Главное, что новому владельцу понравился вид из окон.

А сейчас всем нравится, когда в доме или офисе есть окна и из них что-то видно, и самые старые, некогда роскошные дома, вырытые в коренной подстилающей породе, ныне превратились в худшие трущобы Кинг-сити. Но я подозреваю, что будет достаточно одного крупного прорыва купола, чтобы весь город снова перевернулся

вверх тормашками.

В качестве рабочего кабинета мне досталось угловое помещение на шестом этаже. Я не слишком беспокоился о его благоустройстве — всего лишь поставил в нем раскладушку и кофеварку.

Я вошел, бросил шляпу на раскладушку и принялся шлепать настольный терминал — пока он не ожил. Тогда я прижал ладонь к считывающей пластине, и через секунду моя статья была загружена в главный редакционный компьютер. Еще через секунду зашуршал принтер. Уолтер предпочитает править по бумаге. Ему нравится делать крупные пометки синим маркером. В ожидании, пока статья распечатается, я устремил взгляд на город. На мою малую родину…

Башня "Вымени Новостей" располагалась в нижней части большого J. Из нее виднелись другие группы зданий Кинг-сити, совпадающие с подлунными кварталами. Солнце должно было взойти еще только через три дня. Огни города вдалеке меркли и растворялись в свете ярких немигающих звезд над головой. Почти у линии горизонта высились громадные жемчужные купола ферм — кормильцев Кинг-сити.

Ночью вид из окна довольно красив, но днем все очарование исчезает. Когда всходит солнце,

его лучи безжалостно высвечивают каждую торчащую трубу, каждую мусорную кучу, каждый брошенный луноход. Лишь только ночь набрасывает щадящую глаз завесу на этот постыдный беспорядок.

Даже то, что не относится к мусору, днем выглядит не особенно привлекательно. Вакуум используется во многих производственных процессах, и большинству заводов не нужны стены вокруг оборудования. Если необходимо защитить что-либо от солнечного света, достаточно одной крыши.

Жители Луны совершенно не заботятся о ее поверхности. Нет нужды беречь окружающую среду — а раз так, то и нет никакого смысла относиться к лунной поверхности иначе, чем к большой и удобной свалке. В некоторых местах горы отходов достают до третьего этажа наружных строений. Дайте нам еще тысячу лет, и мы погребем всю планету под слоем мусора в сотни метров толщиной.

Унылый индустриальный пейзаж был почти неподвижен. С поверхности Кинг-сити выглядел разбомбленным и заброшенным.

Принтер завершил работу, и я протянул распечатку проходившему мимо посыльному. Уолтер

позвонит мне насчет нее, когда ему будет удобно. Я перебрал в уме несколько дел, которыми можно было бы тем временем заняться, и ни одно из них не вызвало трудового энтузиазма. Так что я просто уселся перед окном и глазел на лунную поверхность, пока наконец господин повелитель не призвал меня пред свои светлые очи.

* * *

ГлавВред Уолтер был превосходным образчиком натурала.

Нет, не подумайте, его стремление к естественности не доходило до фанатизма. Он не принадлежал ни к одному из религиозных движений, которые запрещают своим последователям пользоваться любыми методами лечения, изобретенными после 1860, 1945 или 2020 года. Его не впечатляли заверения: "Вера твоя исцелит тебя". Не примкнул он ни к "Сроку жития" — секте, адепты которой считают грехом прожить дольше, чем библейские "три раза по двадцать и еще десять", ни к "Столетним" — тем, кто ограничивает свое жизненное время ста годами. Он, как и большинство из нас, готов был жить вечно, если медицинская наука будет в силах поддерживать в нем полноценную жизнь. Он был согласен на

любое лечение, которое сохранило бы ему здоровье при том разрушительном образе жизни, к которому он привык.

Ему всего лишь навсего не было дела до собственной внешности.

Всевозможные модные веяния в области моделирования тела и приукрашивания лица он пропускал мимо ушей. За двадцать лет нашего знакомства он позволял себе менять только прическу, и ничего более. Он родился мужчиной — во всяком случае, как-то раз он мне об этом сказал — сто двадцать шесть лет назад, и всю жизнь мужчиной оставался.

Его телесный возраст неизменно был равен сорока с небольшим — этот возраст он часто описывал всем, кто был готов слушать, как "лучшую пору жизни". Как следствие, Уолтер был пузат и лысоват. Но его это ничуть не беспокоило. Напротив, он считал, что главный редактор крупнейшей газеты на планете должен быть именно лысеющим и с солидным брюшком.

В прежние времена ГлавВреда Уолтера назвали бы сибаритом. Он слыл сластолюбцем и гурманом и никогда ни в чем себе не отказывал. Ему требовался новый желудок каждые два-три года, свежие легкие — каждые восемь-десять лет, а

сердце ему пересаживали чаще, чем большинство людей меняют уплотнители в скафандрах. Каждый раз, как он набирал пятьдесят кило сверх своего "бойцовского веса", он ложился под нож и сбрасывал килограммов семьдесят. За исключением этого Уолтер был таков, каким и казался на вид.

Когда я вошел, он сидел в своей любимой позе — откинувшись на спинку кресла и водрузив огромные ножищи на антикварный стол красного дерева, на столешнице которого ни один предмет не датировался позднее чем 1880-ми годами. Лица его мне было не видно — он держал перед собой распечатку моей статьи. Над бумажной завесой поднимались клубы сизого дыма.

— Присаживайся, Хилди, присаживайся, — пробормотал Уолтер и перевернул страницу.

Я сел и посмотрел в окно. Вид из него открывался точно такой же, как и из моего собственного, но на пять метров выше и градусов на триста шире. Я знал, что мне предстоят три, а то и пять минут ожидания. Таков был его стиль управления. Он где-то прочел, что хороший босс должен заставлять своих подчиненных ждать всегда, когда только возможно — и следовал этому правилу… но портил весь эффект тем, что постоянно

косился на стенные часы.

Часы эти, 1860-х годов производства, некогда украшали собой стену железнодорожной станции где-то в штате Айова. Кабинет Уолтера можно было бы охарактеризовать как диккенсовский. Мебель стоила больше, чем я, по-видимому, заработаю за всю жизнь. На Луну было вывезено очень мало подлинного антиквариата. Большинство предметов старины были в музеях. А остальные — по большей части принадлежали Уолтеру.

— Хлам, — наконец, изрек он. — Ни на что не годный хлам!

Он нахмурился и швырнул статью через всю комнату. Точнее, попытался. Тонкие бумажные листы не удастся швырнуть сильно и далеко, если только их предварительно как следует не скомкать. Моя статья запорхала в воздухе и осела на пол у его ног.

— Извините, Уолтер, но там просто больше не из чего…

— Ты хочешь знать, почему я не могу это использовать?

— Нет секса.

— Да, ни капельки секса! Я послал тебя написать о новой сексуальной системе, а по-твоему

выходит, что в ней никакого секса и нет. Как такое может быть?

— Нууу, естественно, секс там есть… Но только не тот, какой нужен. Я имею в виду, что мог бы написать статью о сексе земляных червей или медуз, но она не возбудила бы никого, кроме медуз и червей.

— Вот именно! Так почему же это, Хилди? Почему они хотят превратить нас в медуз?

Я изучил до тонкостей этого любимого конька моего босса, но делать было нечего — пришлось на него садиться. И я ответил:

— Это из той же оперы, что поиски Чаши Святого Грааля или философского камня.

— Что такое философский камень?

Последний вопрос задал не Уолтер, а некто за моей спиной. И я был уверен, что знаю, кто это. Я обернулся и увидел Бренду, начинающего репортера, которая последние две недели была моей подручной, читай — во всем меня копировала.

— Сядь, Бренда, — обронил Уолтер. — Я займусь тобой через минуту.

Я проследил, как она смущенно протиснулась в кабинет, таща за собой кресло, и уселась, сложившись, как складная линейка. Казалось, в ее теле больше суставов, чем должно быть у нормального

человека — острые локти, колени и прочие углы так и торчали во все стороны. Она была очень высокой и худой, как большинство молодежи. Помнится, мне говорили, что ей семнадцать и что это ее первая практика после курса профессионального обучения. Она была жизнерадостна и любопытна, как щенок, но, увы, далеко не так симпатична.

Она донельзя меня раздражала, и я сам не понимал, почему. Возможно, все дело в конфликте поколений. Вы видите, как жизнь катится под откос, удивляетесь, может ли она быть хуже, чем уже есть, думаете, что современная молодежь докатилась до предела низости и разврата… но потом у молодых рождаются дети, и вы понимаете, как вы ошибались.

По крайней мере, Бренда умела читать и писать, этого у нее было не отнять. Но она была так дьявольски серьезна, так ужасно старалась понравиться! Она была чистым листом, который рука так и тянулась изрисовать комиксами. Она не знала ничего, что лежало за пределами узкого круга интересов обеспеченного класса, к которому она принадлежала, понятия не имела о событиях, происшедших более чем пять лет назад, и ее блаженное неведение никто до сих

пор не разрушил.

Она открыла громадную сумку, которую постоянно таскала с собой, извлекла на свет божий сигару — точно такую же, какую курил Уолтер, — зажгла ее и выпустила облако сизого дыма. Курить она начала на следующий день после того, как познакомилась с ГлавВредом Уолтером. А имя свое обрела на следующий день после знакомства со мной. Наверное, мне должно было бы показаться забавным или лестным то, как откровенно она старалась подражать старшим; но меня это просто выводило из себя. Взять себе в качестве псевдонима имя знаменитой вымышленной журналистки[6] было моей идеей.

Уолтер сделал мне знак продолжать. Я со вздохом повиновался:

— Сказать по правде, я не знаю, когда это началось и почему. Но суть в следующем: поскольку секс и размножение больше не связаны друг с другом, почему мы должны по-прежнему пользоваться для секса нашими органами размножения? Тем более что эти же самые органы служат нам для мочеиспускания.

---

[6] Примечания: 6

Бренда Старр — персонаж популярнейших в США комиксов Дейла Мессика. Первая история о любопытной рыжей репортерше появилась в газете "Чикаго Трибьюн" 30 июня 1940 г.

— Я твердо убежден: "Если это работает — не ломай!" — изрек Уолтер. — Наша старомодная половая система исправно действовала миллионы лет. Зачем же в нее вмешиваться?

— На самом деле, Уолтер, мы в нее уже вмешались, и не раз.

— Не все.

— Вы правы. Но более восьмидесяти процентов женщин предпочли пойти на операцию перемещения клитора. Там, где он находится от природы, он не получает достаточно стимуляции во время обычного полового акта. И примерно столько же мужчин сделали себе операцию по втягиванию яичек внутрь тела. Там, куда природа их поместила, они были чертовски уязвимы.

— Я этой операции не делал, — сказал Уолтер.

Я взял это на заметку — на случай, если мне вдруг, мало ли, придется с ним драться — и продолжил:

— Затем встал ребром вопрос о мужской выносливости. В прежние времена на Земле редкий мужчина после тридцати мог достичь эрекции чаще, чем три-четыре раза в день. И обычно она не слишком долго держалась. К тому же, мужчины были неспособны на множественные оргазмы. Их сексуальные возможности в этом

плане уступали женским.

— Это ужасно, — пролепетала Бренда.

Я покосился на нее — она была искренне шокирована.

— Да, это мы изменили к лучшему, не могу не согласиться, — кивнул Уолтер.

— А еще существовал такой феномен, как менструация, — добавил я.

— Что такое менструация?

Мы оба посмотрели на Бренду. Было непохоже, что она шутит. Мы с Уолтером переглянулись, и я без труда прочел его мысли.

— Как бы то ни было, — подытожил я, — вы только что признали, что проблема существует. Великое множество людей тем или иным способом меняет себя. Некоторые, как вы, остаются почти неизменны. Но не все подобные изменения совместимы с остальными. Не все из них подразумевают проникновение одного человека в другого, например. Вот что пытаются донести до нас те, кто ратует за принципиально новый секс: что, раз уж мы вмешались в природу человека, то почему бы не возвыситься до системы, которая настолько лучше всех прочих, что все захотят подключиться к ней? Почему ощущения, которые мы связываем с "сексуальным удовольствием",

должны всегда и неизменно возникать во время трения слизистых оболочек друг о друга? Здесь проявляется точно такое же стремление к унификации, как то, что двигало людьми на Земле, где были сотни языков и несколько систем мер и весов. Метрическая система прижилась, а вот эсперанто — нет. Мы и в наши дни до сих пор пользуемся несколькими дюжинами языков, а типов сексуальной ориентации появилось и того больше.

Я откинулся на спинку кресла, остро ощущая собственную глупость. Но я сыграл свою роль. Теперь был черед Уолтера излагать, что у него на уме. Я снова покосился на Бренду — она глядела на меня во все глаза, как новообращенный на гуру.

Уолтер сделал очередную затяжку, выпустил дым и тоже откинулся на спинку своего кресла, заложив переплетенные пальцы рук за голову.

— Вы знаете, какой сегодня день? — спросил он.

— Четверг, — предположила Бренда.

Уолтер мельком взглянул на нее, но не удостоил ответа, а только лишь снова затянулся.

— Сегодня сто девяносто девятая годовщина Вторжения и оккупации планеты Земля, — воз-

вестил он после недолгой паузы.

— Напомните мне поставить свечку и помолиться.

— Ты думаешь, это смешно.

— Ничего смешного, — возразил я. — Я просто в толк не возьму, при чем тут я.

Уолтер покивал и опустил ноги на пол.

— Сколько статей о Вторжении ты видел за последнюю неделю? За неделю, оставшуюся до юбилея?

Я с удовольствием ему подыграл:

— Давайте посмотрим. Если не считать ту дрянь, что пишут в "Откровенном Дерьме", материалы в "Луннике" и "Новостях Кинг-сити", а еще ту серию резких статей в "Лунном Времени" и, разумеется, наши собственные многочисленные страницы, то... нисколько. Ни одной статьи.

— Вот то-то и оно! Думаю, кому-нибудь пора бы уже что-нибудь с этим поделать.

— Раз уж на то пошло, давайте дадим большой разворот об Агинкурской битве[7] и о первом пилотируемом полете на Марс.

— Ты все-таки думаешь, что это смешно.

— Я просто повторяю урок, который кое-кто

---

[7] Примечания: 7

Битва при Агинкуре состоялась 25 октября 1415 г. в ходе Столетней войны между Англией и Францией.

преподал мне, когда я только устроился сюда на работу. Если нечто произошло вчера, то это уже не новости. А "Вымя Новостей" сообщает о новостях.

— Это не совсем для "Вымени", — признался Уолтер.

— Оп-па!..

Он сделал вид, будто не услышал мой возглас, который — я надеялся — прозвучал достаточно кисло, и ринулся с места в карьер:

— В "Вымени" мы будем печатать фрагменты твоих статей. По крайней мере, большинства из них. Всю необходимую беготню за тебя проделает Бренда.

— О чем это вы? — спросила Бренда. Он не ответил, и она обратилась ко мне:

— О чем он говорит?

— Я о приложении.

— Он о кладбище престарелых журналистов.

— Всего по одной статье в неделю. Ты дашь мне объяснить?

Я снова откинулся на спинку кресла и попытался отключить мозг. О, я очень старался — но все равно знал, что выбора практически нет, когда Уолтер смотрит так, как он сейчас смотрел на меня.

Корпорация "Вымя Новостей" выпускает три электронных издания. Первое из них — собственно "Вымя", где информация обновляется каждый час и полным-полно того, что ГлавВред Уолтер любит называть "жизненными" историями: звездных скандалов, псевдонаучных открытий, предсказаний экстрасенсов и любовно выписанных, сочащихся кровью репортажей с мест чрезвычайных происшествий. Мы пишем в нем и о жестоких, более простонародных видах спорта, и немного о политике, если политические новости удается высказать одной короткой фразой. В "Вымени" так много иллюстраций, что читать текст почти не требуется. Как и другие электронные СМИ, мы с легкостью обошлись бы совсем без текста, но вынуждены думать о правительственных грантах на поддержание грамотности, поскольку очень часто именно от них зависит финансовый успех или провал. Для получения гранта необходимо, чтобы периодическое издание печатало энное количество слов в день. Каждый выпуск нашей газеты содержит именно это количество, не больше и не меньше — считая союзы и предлоги.

Еще мы выпускаем "Ежедневные Сливки", утонченное приложение к разбухшему "Вымени".

Оно доставляется бесплатно всем подписчикам, в погоне за все теми же правительственными грантами, но читает его лишь один человек из десяти, и это по самым оптимистичным прогнозам. "Сливки" печатают в сотни раз больше слов за час, и именно для этого издания пишет большинство наших политических обозревателей.

Где-то посередине между этими двумя крайностями угнездилось третье наше детище — "Сгущенка", электронный аналог воскресного приложения.

— Вот чего мне хочется, — возвестил Уолтер. — Ты будешь, как и раньше, отлавливать сенсации и писать о них. Но я хочу, чтобы каждый раз, как усядешься за новую статью, ты вспоминал о "Сгущенке". О чем бы ни была твоя статья — представь себе, насколько иначе происходило и выглядело бы то, о чем ты пишешь, двести лет назад на Земле. Это может быть все, что угодно. Например, сегодня — это секс. Вот тебе и первая тема. Напиши, каким был секс на Земле, и противопоставь это тому, на что он стал похож теперь. Ты даже можешь втиснуть пару-тройку досужих размышлений — как людям кажется, каким секс будет еще через двадцать лет или в следующем веке.

— Уолтер, я этого не заслуживаю.

— Хилди, ты единственный, кто с этим справится. Мне нужна от тебя одна статья в неделю в течение всего года, что остался до двухсотлетия. В том, что касается тем и сюжетов, я даю тебе полную свободу действий. Ты можешь излагать их так тенденциозно, как пожелаешь. Ты можешь писать от первого лица, можешь оформить собственную колонку. Тебе всегда хотелось вести колонку редактора — так вот он, твой шанс, осталось только подпись поставить! Тебе понадобятся дорогие консультанты, референты, исследования? Только скажи, и ты получишь их. Потребуется много ездить? Я щедро отсыплю тебе денег. Для этой серии статей мне нужен отборный материал высочайшего качества.

Я не знал, что сказать. Предложение было хорошее. Ничто в жизни не складывается в точности так, как мы просим, но я хотел вести колонку — и вот представился замечательный и вполне разумный случай мое желание осуществить.

— Хилди, двадцатый век был уникален — ничего подобного люди не переживали ни до, ни после. Прадед моего дедушки родился в том году, когда братья Райт совершили первый полет на моторном самолете. А ко времени его смерти уже

существовала постоянная база на Луне. Моему деду исполнилось десять, когда старик умер, и он частенько вспоминал, как тот рассказывал о старых добрых временах. Просто удивительно, сколько перемен повидал прадед на своем веку!

Именно в двадцатом веке впервые заговорили о "конфликте поколений". Столько всего произошло, столькое изменилось и так быстро — как же могли понять друг друга и найти общий язык семидесятилетний старец и пятнадцатилетний подросток?..

Впрочем, времена уже давно не меняются с подобной скоростью. Интересно знать, изменятся ли они когда-нибудь опять? Но у нас есть нечто общее с теми, прежними людьми. Такие желторотые птенцы, как Бренда, которые с трудом помнят события годичной давности, живут бок о бок с людьми, рожденными и выросшими на Земле. С теми, кто помнит, что такое сила тяжести в одно "же", что значит пойти прогуляться в чистом поле и каково дышать бесплатным, ненормированным воздухом. С теми, кто вырос тогда, когда люди рождались, взрослели и умирали одного и того же пола. С людьми, сражавшимися в войнах. Самым старым из нас сейчас почти триста лет. Уверен, здесь более чем достаточно материала

для пятидесяти двух статей.

Эта история двести лет ждала, чтобы ее поведали. Все это время мы прятали головы в песок! Нас разбили, унизили, отбросили в развитии так, что, боюсь…

Внезапно Уолтер как будто бы наконец услышал, что говорит. Он смял окончание фразы и замолк, не глядя мне в глаза.

Я не привык, чтобы он произносил речи. Мне стало не по себе. От самого его поручения мне уже было не по себе. Я не больно-то часто думаю о Вторжении — тут Уолтер попал не в бровь, а в глаз — и мне кажется, что слишком растравлять себя не стоит. Но я увидел, какая в нем загорелась страсть, и понял, что бороться с ней выйдет себе дороже. Я привык к его гневу, привык ко всевозможным разносам и выволочкам. Но чтобы меня к чему-то страстно призывали — это было нечто новенькое! Пожалуй, пришло время разрядить атмосферу… И я спросил:

— Так на какое же повышение я могу рассчитывать?

Он откинулся в кресле и улыбнулся, вновь оказавшись на знакомой территории:

— Ты же знаешь, я никогда это не обсуждаю. Увидишь сам, когда следующий раз получишь

чек. Если сумма тебя не устроит — жалуйся.

— И мне придется загрузить девчонку всей этой ерундой?

— Эй! Я здесь и все слышу, — возмутилась Бренда.

— Девчонка тебе жизненно необходима для успеха всего предприятия. Она — твой камертон: если некий факт из прежней жизни покажется ей невероятным и странным, знай, что ты на верном пути. Она современна, как твой последний вздох, она смышленая, жаждет учиться — и ничего не знает. Ты сам будешь своеобразным посредником. У тебя для этого как раз подходящий возраст, и ты увлекаешься историей. Ты знаешь о старушке Земле больше, чем любой твой ровесник, которого я когда-либо встречал.

— Если я — посредник…

— Возможно, тебе захочется побеседовать с моим дедом, — предположил Уолтер. — Но в вашей команде будет и третий игрок. Рожденный на Земле. Я пока не решил, кто это. А теперь убирайтесь оба!

Я видел, что у Бренды вертится на языке тысяча вопросов — но послал ей предостерегающий взгляд и проводил ее к двери.

— И еще, Хилди, — произнес Уолтер. Я обер-

нулся.

— Если ты в этих статьях проронишь хоть слово наподобие "абнегации" или "инфибуляции", я тебя лично выхолощу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я сдернул со штабеля драгоценных досок брезент, и прятавшиеся под ним от солнца скорпионы разбежались во все стороны. Можете сколько угодно убеждать меня, что жизнь священна — мне все равно нравится давить этих тварей.

В глубине штабеля нашла себе приют гремучая змея, и солнечный свет потревожил ее. На глаза мне она не попалась, но я отчетливо услышал предупреждающий шум ее хвостовой трещотки. Я осмотрел доски, стараясь браться за края, выбрал подходящую, вытянул ее из штабеля, взвалил на плечо и отнес к наполовину построенной хижине. Был вечер — самое благоприятное для работы время в Западном Техасе. Температура упала до девяноста пяти градусов по древней температурной шкале, которой здесь пользовались. А днем стояла жара до ста и выше.

Я опустил ношу на козлы неподалеку от того, что станет крыльцом, когда работа будет закончена, присел на корточки и взглянул вдоль доски. Она была размером один на десять — разумеется, дюймов, а не сантиметров — что означало, что на самом деле ее размеры составляли пример-

но девять на семь восьмых, и никто так и не удосужился объяснить мне, почему. Мало того, еще нужно было учитывать эти странные коэффициенты — доли дюймов, как будто и без них недостаточно трудно мысленно все пересчитывать! Что плохого в десятичных дробях и почему нельзя понимать "один к десяти" как один дюйм на десять дюймов? Почему в футе этих дюймов именно двенадцать? Возможно, за всем этим кроется история, достойная места в серии статей по поводу двухсотлетия Вторжения...

Продавец утверждал, что длина доски десять футов — так на самом деле и оказалось. Он утверждал также, что доска прямая — но если она делалась прямой, то роль проверочной линейки наверняка играла макаронина.

"Техас" был вторым из трех запланированных к постройке исторических парков, посвященных девятнадцатому веку. Здесь, к западу от речки Пекос, вечно царил 1845 год, последний год существования Техасской республики — несмотря на то, что использование технологий 1846–1899 годов не считалось нарушением законодательства по борьбе с анахронизмами. "Пенсильвания" числилась в тройке парков первой — и именно

там, тамошними "амскими"[8] плотниками, с использованием традиционных древних методов, была обработана моя доска. В двух местах она довольно сильно расширялась, образуя некое подобие восьмерки, да и прямота ее оставляла желать лучшего: если приподнять ее за один конец, другой уныло загибался книзу. О подлинности доски свидетельствовало маленькое овальное клеймо: "Одобрено Лунным Советом по Воспроизведению Древностей". Одно из двух — либо технологии 1800-х годов не позволяли стабильно производить прямые и ровные пиломатериалы, либо эти сволочные плотники так до сих пор и не овладели как следует своим ремеслом.

Итак, мне предстояло заняться тем же, на что приходилось терять время столярам Техасской Республики… Я достал рубанок (также одобренный Л.С.В.Д.), отсоединил от него примитивное лезвие, заострил его на самодельном точильном камне, приделал на место и приступил к сглаживанию неровностей.

Не подумайте, я вовсе не жалуюсь. Мне повезло, что доски достались хоть такие. Большинство

---

[8] Примечания: 8

Амский — соответствующий обычаям амманитов, одной из разновидностей секты протестантов-меннонитов, основанной швейцарским меннонитом-радикалом Якобом Амманом.

хижин в округе были построены из неотесанных бревен. Соединялись эти бревна пропилами и выступами на концах, а щели между ними замазывались глиной.

От жары и солнечных лучей доска посерела, но после нескольких взмахов рубанком снова показался желтый цвет натуральной сосны. Веселые завитки стружек закручивались вокруг лезвия, опилки сыпались на мои босые ноги. Пахло свежестью и новизной, и я поймал себя на том, что улыбаюсь, невзирая на капающий с носа пот. Мелькнула мысль: а хорошо бы податься в плотники, быть может, уйти из журналистики насовсем…

И тут лезвие зацепилось за какую-то неровность в дереве и застряло. Моя ладонь соскользнула с передней рукоятки рубанка и проехалась по свежеоструганной поверхности. Длинные занозы глубоко вонзились под кожу. Доска загремела с козел и приземлилась мне на ногу с дьявольской точностью болеуправляемой ракеты.

У меня вырвалось несколько слов, малоизвестных в 1845 году, и несколько редких даже для двадцать третьего века. Я запрыгал на одной ножке. Прыжки нынче сделались еще одним забытым видом искусства…

— Могло бы быть и хуже, — раздался голос у меня в ушах. Это был либо начинающийся приступ шизофрении, либо Главный Компьютер. Я предпочел думать, что это все-таки ГК.

— Куда ж хуже? Ушибить обе ноги?

— Сила тяжести! Представь себе кинетическую энергию, которую мог бы приобрести столь массивный предмет, будь это настоящий Западный Техас — который лежит на дне пространственно-временного понижения глубиной двадцать пять тысяч миль в час…

Ну точно, ГК.

Я осмотрел пораненную руку. Из нее текла кровь, сбегала ручейком по предплечью и капала с локтя. Но крупные сосуды были не задеты. На ноге видимых повреждений не обнаружилось, хотя она до сих пор горела огнем.

— Теперь ты знаешь, почему рабочие 1845 года носили сапоги.

— Ты за этим вышел на связь, ГК? Чтобы прочитать мне лекцию о технике безопасности на рабочем месте?

— Нет. Я собирался объявить о посетителе. А цветастый урок прикладной лингвистики стал приятным сюрпризом, когда я включился в…

— Заткнись, будь добр, а?

Главный Компьютер послушно умолк.

Из ладони торчал конец занозы, и я потянул за него. Маленький кусочек вытащить удалось, но большая часть осталась внутри. Остальные занозы обломились слишком глубоко, чтобы их можно было достать. Что и говорить, прекрасное начало дня…

А кто же ко мне пожаловал? Я посмотрел вокруг и никого не увидел, хотя в зарослях мескитовых деревьев могло бы спрятаться целое племя апачей. Я вовсе не ожидал заметить присутствие ГК — для бесед со мной он пользуется схемами в моей собственной голове.

Но в Техасе ему не следовало бы заявлять о себе. Как и в большинстве случаев, ГК проник в нашу жизнь глубже, чем сам говорил, что может.

— ГК, выйди на связь, пожалуйста.

— Слушаю и повинуюсь.

— Что там за посетитель?

— Высокий, молодой, не знакомый с тампонами, не лишенный некоего щенячьего обаяния…

— О, господи.

— Я знаю, мне не следовало вмешиваться в эту древнюю культурную среду, но посетительница проявила немалую настойчивость, чтобы узнать, где ты, и я подумал, что будет лучше, если я пре-

дупрежу тебя хоть чуть-чуть заранее, чем…

— Хорошо. А теперь заткнись.

Я уселся на шаткий стул — первый плод моих плотницких усилий — и, щадя раненую руку, натянул сапоги. Они должны были бы быть на мне с самого начала, но причина, по которой я не надел их, проста: я их терпеть не могу.

Вот и еще одна тема для Уолтера. Обувь. Если на Луне и носят ее, то, как правило, мягкую, наподобие мокасин или носков. Ясно, почему: в условиях густонаселенного города, где все коридоры идеально гладкие и покрыты коврами, а большинство людей ходит босиком, ношение обуви с твердой подошвой — антиобщественный поступок. Можно сломать кому-нибудь пальцы ног.

После того как я втиснул ступни в две вонючие тюрьмы, пришлось еще помучиться, разыскивая крючок для застегивания пуговиц. Мыслимое ли дело, пуговицы на обуви! Это было уже слишком. И как только люди смирялись с подобной нелепостью? Пиком неудобства и издевательства было то, что чертовы сапоги обошлись мне в целое состояние.

Наконец, я встал — и уже собирался отправиться в город, когда ГК заговорил снова:

— Если ты оставишь эти инструменты снаружи и пойдет дождь, металл вступит в реакцию с кислородом воздуха и подвергнется медленному окислению.

— А ржавчина — слишком примитивное слово для тебя, не так ли? Здесь дожди бывают… ну, когда же? Раз в сто дней?

Но я произнес это почти беззлобно. ГК был прав. Уж на что орудия пытки с крючком и пуговицами были дорогие — а плотницкий набор стоил и вовсе баснословную сумму. Рубанок, пила, молоток и стамеска обошлись мне в годичное жалование. Утешало лишь то, что я мог перепродать их дороже, чем купил сам… если только они не заржавеют.

Я завернул каждый инструмент в промасленную тряпку, аккуратно сложил в ящик и устремился по тропинке к городу.

* * *

Нью-Остин уже показался впереди, когда я заметил Бренду. Издалека она походила на фламинго-альбиноса. Она стояла на одной ноге, другая была вывернута так, что ступня оказалась на уровне талии, а пятка смотрела вверх. Угол, под которым в этой позе сгибались ее бедро и

колено, показался мне немыслимым для человеческого тела. Одежды на Бренде не было никакой, кожа ее, как у всех, отливала белизной хороших сливок. Лобковые волосы у нее отсутствовали.

— Привет-привет, семь футов два, голубые глаза!

Она взглянула на меня и с возмущением указала на свою ступню:

— Не слишком-то здесь следят за чистотой дорог. Вот смотрите, что у меня с ногой! Я наступила на острый камень.

— Здесь кругом полно острых углов, — сообщил я. — Это естественная природная среда. Ты, наверное, ничего подобного раньше не видела.

— Три года назад мы с классом ездили на Амазонку.

— Ну да, на движущейся дорожке. Раз уж на то пошло, должен предупредить тебя, что тут и у растений предостаточно острых углов. Вон то большое дерево называется колючая груша. Не подходи слишком близко. А сзади тебя притаился кактус, он тоже колючий. Не наступи! И вот у этого куста есть шипы. Зато вон там растет лейкофиллум. Он цветет после дождя, и это очень красиво.

Она огляделась, возможно, впервые в жизни

поняв, что существует более чем один вид растений, и у всех видов есть названия.

— И вы знаете, как они все называются?

— Не все. Я знаю только большие. Вот это, с заостренными листьями, — юкка. Вон те высокие, похожие на хлысты, — фукейрия. А это дерево называется мескитовым.

— Не слишком-то оно на дерево похоже.

— Так тут и условия-то не очень… Здесь всем приходится бороться за жизнь. Это не Амазонка, где растения так и душат друг друга. Здесь им не до этого, на себя бы сберечь воды…

Она снова оглянулась вокруг и сморщилась, коснувшись земли раненой ногой.

— А животных нет?

— Напротив, так и кишат! В основном это насекомые и рептилии. Несколько антилоп. Чуть дальше к востоку — бизоны. И я могу показать тебе логово кугуара.

Впрочем, сомневаюсь, что ее впечатлили мои слова: вряд ли она имела хоть малейшее представление о том, кто такие кугуар, антилопа или бизон. Она была городской девчонкой до мозга костей. Почти таким же был я, когда переехал в Техас три года назад. Я смягчился и опустился перед ней на одно колено:

— Покажи-ка ногу.

На пятке зияла рваная рана, болезненная, но не слишком серьезная.

— Ой, да у вас рука поранена! — воскликнула Бренда. — Что случилось?

— Ничего особенного, дурацкая оплошность.

Произнося это, я заметил, что у нее не было не только волос на лобке, но и самих гениталий. Такое частенько проделывали с детьми лет шестьдесят-семьдесят назад сторонники теории замедления времени, и метод этот назывался как-то вроде "задержки полового созревания". Но я не видел ничего подобного уже как минимум двадцать лет, хотя и слышал, что некоторые религиозные секты до сих пор практикуют такие вещи. Я задумался, не принадлежат ли родители Бренды к одной из этих сект, но вопрос был слишком личным, чтобы задавать его.

— Мне здесь не нравится, — заявила Бренда. — Тут опасно.

В ее устах это прозвучало непристойностью. Ее оскорбляла сама мысль об опасности — как оскорбила бы она любого, кто вырос, как моя подопечная, в самых благоприятных условиях, когда-либо созданных человечеством.

— Это не так уж и плохо. Идти можешь?

— О, конечно! — она опустила ногу и двинулась рядом со мной на цыпочках, как будто и без этого не была достаточно высокой. — А что значат ваши слова о семи ногах[9]? У меня две ноги, как у всех.

— На самом деле в тебе даже почти семь футов четыре, — предположил я.

Тут мне пришлось вкратце объяснить ей английскую систему мер и весов, принятую в парке "Западный Техас". Не уверен, что она что-нибудь поняла, но я ее не виню, поскольку и сам не слишком-то эту систему понимаю.

Так, за разговором, мы дошли до центра Нью-Остина. Идти оказалось не слишком далеко: от окраины городка не больше сотни ярдов до центра. Нью-Остин образован всего двумя улицами: Олд Спэниш Трейл и Конгресс Стрит. На перекрестке высятся четыре строения: гостиница "Тревис", салун "Аламо", универсальный магазин и пункт проката лошадей. Здания гостиницы и салуна — двухэтажные. В конце Конгресс Стрит белеет клинообразная крыша баптистской церкви. Все это, плюс еще несколько дюжин ветхих домишек, вытянутых цепочкой между церковью

---

[9] Примечания: 9

Игра слов: "foot" означает и ступню, и фут — единицу измерения длины.

и Четырьмя Углами, и есть Нью-Остин.

— У меня забрали всю одежду, — пожаловалась Бренда.

— Это естественно.

— Но она была хорошая!

— Уверен, что неплохая. Но здесь допускается носить только то, что соответствует духу времени.

— Чего ради?

— Представь, что ты находишься в обитаемом музее.

Я собирался зайти к доктору, но вспомнил, который час, и передумал искать его в кабинете. Мы поднялись по ступенькам салуна и толкнули дверь — впрочем, ее можно было бы открыть и на себя.

Внутри было темно и чуть прохладнее, чем снаружи. Бренде пришлось нагнуть голову, чтобы не удариться о косяк. В глубине салуна, как в старом кино, меланхолично тренькал рояль. За дальним концом барной стойки я заметил врача.

— Послушайте, юная леди, — рявкнул бармен. — Сюда нельзя приходить одетой подобным образом!

Я обернулся и увидел, как Бренда в полном замешательстве оглядывает себя.

— Эй, люди, да что с вами?! — воскликнула она. — На входе одна женщина забрала себе всю мою одежду.

— Аманда, — окликнул бармен, — найдется у тебя одежонка для нее? — и снова повернулся к Бренде: — Мне дела нет до того, в чем вы ходите у себя в деревне. Раз вы пришли в мое заведение, извольте одеться достойно. А что вам сказали на входе, меня и подавно не касается.

Одна из девушек, ожидавших клиентов у стойки, подошла к Бренде и протянула ей розовое платье. Я отвернулся. Пусть сами разбираются.

С самых первых моих дней в Техасе я принял здешнюю игру в подлинность. Говорю я без акцента, но местных словечек слегка поднахватался. Теперь я извлек из памяти одно из них, на редкость живописное, и со вкусом произнес:

— Слышал я, живет в здешних местах отменный костоправ.

Врач хихикнул и протянул мне руку.

— Нед Пеппер, — представился он. — К вашим услугам, сэр.

Когда я не ответил рукопожатием, он нахмурился, но заметил на моей руке грязную повязку и изрек:

— Похоже, ты потерял подкову, сынок. Дай-ка,

взгляну…

Он осторожно размотал повязку и поморщился при виде заноз. До меня долетел кислый запах его дыхания и несвежей одежды. Врач принадлежал к постоянным жителям парка, как и бармен, и весь персонал гостиницы. Он был алкоголиком и очень удобно устроился здесь. В Техасе он обрел социальный статус и возможность большую часть времени проводить в "Аламо", потягивая виски. Пьяный эскулап — шаблонный персонаж многих тысяч ковбойских сериалов двадцатого века, но что с того? Мы все декорации прошлого восстанавливаем по фильмам и книгам, за неимением других источников. Фильмы оказались в этом плане намного удобнее: один кадр стоил килограмма слов.

— Вы можете что-нибудь с этим сделать? — спросил я.

Он поднял на меня удивленный взгляд и переглотнул, явно борясь с тошнотой.

— Думаю, я могу их вытащить. Понадобится пара кварт хлебной водки — возможно, одна из них для тебя — хотя, честно говоря, меня с этой затеи блевать тянет. — Он снова покосился на мою руку и покачал головой: — Ты правда хочешь, чтобы я занялся этим?

— Не вижу, почему я должен не хотеть. Вы ведь врач, не так ли?

— О, да, по меркам 1845 года. Меня обучил Совет. Всего за неделю. Мне вручили чемоданчик, полный стальных инструментов, и выделили кабинет с патентованными эликсирами на полках. Но чего среди них нет, так это обезболивающего. Могу представить, как больно было засадить эти занозы…

— От них до сих пор больно.

— Так это, поверь, еще мелочи по сравнению с тем, как будет больно, если я за них возьмусь. Погоди-ка… Хилди? Ведь так тебя зовут? Точно, теперь я вспомнил. Ты журналист. Когда мы последний раз беседовали, мне показалось, ты кое-что знаешь о Техасе. Больше, чем другие туристы выходного дня.

— Я не на выходные приехал, — возразил я. — Я хижину себе строю.

— Не обижайся, сынок, но ты затеял ее строительство, чтобы выгодно вложить деньги?

Я не стал это отрицать. Выше всего на Луне ценилась недвижимость в наименее развитых парках. С тех пор, как я поселился в Техасе, мое состояние выросло вчетверо, и не было похоже, чтобы темпы роста замедлились.

— Просто смешно, сколько денег люди готовы выложить за неудобства и лишения! — вздохнул доктор. — Конечно, руководство парка предупреждает о трудностях, но не слишком-то распространяется насчет медицинской помощи. Люди поселяются здесь и убеждают себя, что смогут жить на природе, как предки. Но стоит им попробовать на своей шкуре мое лечение, они сбегают в реальный мир. С болью не шутят, Хилди. По большей части я принимаю роды, но любая разумная и сведущая женщина вполне способна родить сама.

— Так на что же вы годны, в таком случае? — я пожалел о сказанном, как только вопрос сорвался у меня с губ, но Пеппер, казалось, не обиделся.

— Чаще всего я — просто декорация, — признал он. — Но мне наплевать. Есть и худшие способы зарабатывать себе на ежедневную норму кислорода.

Бренда склонилась над нами, чтобы расслышать последние фразы. Ее нарядили в нелепое розовое платье, и она до сих пор поджимала одну ногу.

— Вас уже привели в порядок? — поинтересовалась она у меня.

— Думаю, это подождет, — отозвался я.

— Еще одна хромая кобыла? — спросил врач. — Кладите сюда ваше копыто, юная леди, и позвольте мне взглянуть на него.

Осмотрев порез, он расплылся в улыбке и потер руки:

— Вот травма вполне в моей компетенции! Хотите, я полечу ее?

— Конечно, почему бы нет?

Врач открыл свой черный чемоданчик. Бренда, ни о чем не подозревая, следила, как он достает бутылочки с лекарствами, ватные тампоны и бинты и раскладывает их на барной стойке.

— Немного йодного раствора, чтобы очистить рану, — пробормотал Пеппер и прикоснулся к Брендиной пятке коричневым куском ваты.

Она взвыла и подпрыгнула фута на четыре, оттолкнувшись всего лишь одной здоровой ногой — и ударилась бы о потолок, если бы я не поймал ее за лодыжку.

— Что он, черт его возьми, делает?! — гаркнула она на меня.

— Тише, тише, — примирительно шепнул я.

— Но больно же!

Я одарил ее самым пламенным репортерским взглядом, на который только был способен, и сжал ее руку для вящего эффекта:

— Из этого выйдет целая статья, Бренда! Медицина прошлого и настоящего. Подумай, как доволен будет Уолтер.

— Да, но почему этот врач вами заняться отказался? — обиженно надулась она.

— Мне потребовалась бы ампутация, — ответил я. — И ему тоже: я бы лично ему руку отпилил, если бы он лишил меня моей.

— Не знаю, хочется ли мне, чтобы…

— Просто постой спокойно, и через минуту все закончится.

Она кричала, плакала, но не отдернула ногу и позволила врачу как следует обработать рану. В один прекрасный день из нее выйдет непревзойденная журналистка.

Доктор достал из чемоданчика иголку с ниткой.

— А это зачем? — с подозрением в голосе спросила Бренда.

— Теперь нужно наложить на рану шов, — ответил он.

— Если наложить шов означает зашить, накладывайте швы себе, ублюдок несчастный!

Врач уставился на нее, но прочел в ее глазах свой приговор и отложил нитку с иголкой. Вместо этого он принялся готовить повязку, бормоча

себе под нос:

— Да, сэр, в 1845 году жилось тяжело! Знаете, что доставляло людям больше всего неприятностей? Зубы. Если здесь разболится зуб, у вас нет другого выхода, кроме как отправиться к цирюльнику на другой конец улицы или в "Одинокую Голубку", опять же к цирюльнику, про которого говорят, что у него получается быстрее. Раньше цирюльники умели все — и зубы рвать, и оперировать, и собственно стричь. Но с зубами хорошо то, что зубная боль не безнадежна. Выдерни зуб, и она пройдет. А чаще всего, когда с людьми что-то случается, ничего поделать нельзя. В малюсенький порез, такой, как вот этот, может попасть зараза и убить вас. Есть миллион способов проститься с жизнью, а врачи в большинстве случаев просто стараются сохранить ее вам.

Бренда слушала так завороженно, что почти забыла возразить против перевязки. Но в последний момент она все же нахмурилась и тронула Пеппера за руку, когда он собирался завязать бинт узлом вокруг подъема:

— Подождите, вы же не закончили!

— А я чертовски уверен, что закончил.

— Так вы считаете, это все?

— А что еще вы предложите?

— Какой же вы дурак! У меня так и осталась дырка в ноге! Вы ее не починили.

— Она заживет через недельку. Сама собой.

По лицу Бренды без труда можно было понять, каким опасным человеком она теперь считает старину Пеппера. Она открыла было рот что-то сказать, передумала и уставилась на бармена.

— Дайте мне немного вон того, коричневого, — сказала она и ткнула пальцем.

Он наполнил стопку виски и поставил перед ней. Она отхлебнула, скорчила гримасу и отхлебнула снова.

— А что, это мысль, юная леди! — подал голос врач. — Принимайте это по две стопки каждое утро, если боль не пройдет.

— Сколько мы должны вам, док? — спросил я.

— О, не думаю, что я вправе требовать с вас…

Взгляд его затерялся в рядах бутылок позади стойки.

— Хозяин, налейте доктору! — сказал я, огляделся кругом и усмехнулся про себя. Какого черта… — И дайте ему одну бутылку с собой. За мой счет.

Посетители начали коситься на нас.

— Что вам, док? — спросил бармен. — Спирта?

— Да, чего-нибудь прозрачного, — согласился

врач.

* * *

Мы отошли от города на четверть мили, прежде чем Бренда снова обратилась ко мне.

— Это требование прикрыться, — осмелилась поинтересоваться она, — тоже часть культурного наследия? Нечто, чего в этом месте придерживались?

— Не столько в этом месте, сколько в то время. За городом, на природе, никому нет дела до того, прикрыты твои прелести одеждой или нет. Но в городе люди стараются следовать старым правилам. А для тебя, кстати говоря, даже сделали исключение. На самом деле ты должна была нарядиться в платье до колен, с рукавами, закрывающими запястья, и с воротником до самого подбородка. Да о чем я говорю, черт побери — молодую леди вообще не должны были пускать в салун!

— А те, другие девушки вовсе не были так уж закутаны.

— Для них другие правила. Они — "опавшие цветы". — И, поскольку она взглянула на меня непонимающе, пришлось уточнить: — Проститутки.

— О, тогда конечно, — произнесла она. — Я читала в какой-то статье, что раньше это было нелегальное занятие. Но как это можно запретить законом?

— Бренда, законом можно запретить все, что угодно. Проституция чаще была вне закона, чем в его рамках. И не проси меня объяснить, почему; я сам не понимаю.

— Так значит, сначала тут пишут законы, а потом позволяют их нарушать?

— Почему бы нет? В любом случае, большинство тех девушек в баре вовсе не торгуют своим телом. Они там торчат просто ради туристов. Не желаете ли сфотографироваться с барными шлюшками из салуна "Аламо"?.. Смысл существования Техаса в том, чтобы воссоздать жизнь такой, какой она была на самом деле в 1845 году, и воспроизвести настолько точно, насколько можно определить. Проституция была вне закона, но в местах вроде Нью-Остина к ней относились терпимо. Черт возьми, да шерифы таких округов сами же и были одними из постоянных клиентов. Или возьмем, к примеру, бар. Тебя не должны были там обслуживать, потому что та культура не одобряла продажу алкоголя молодежи твоего возраста. Но на границе бытовало мнение, что,

если тебе хватает роста, чтобы дотянуться до стойки и взять с нее стакан, то ты уже достаточно взрослый, чтобы выпить.

Я увидел, что она всю дорогу сосредоточенно хмурится, глядя под ноги, и понял, что большая часть моих слов до нее не дошла. И заметил:

— Не думаю, что культуру когда-либо смогут как следует понять те, кто в ней не вырос.

— Все эти люди — точно повернутые! — изрекла она.

— Может быть, и так.

Мы уже карабкались по тропинке, что вела к моим апартаментам. Бренда не поднимала глаз от земли — наверняка мысли ее были далеко, скорее всего, крутились в усилии переварить полдюжины безумных вещей, которые я наговорил ей за последние полчаса. Она не глядела по сторонам — и лишила себя удовольствия созерцать закат, впечатляющий даже по роскошным стандартам Западного Техаса. Воздух приобрел нежный розово-оранжевый цвет лососины, когда солнце нырнуло за горизонт, исполосованный легкими завитками золотой дымки. Лучи гаснущего светила внезапно окрасили скалы вокруг нас в бледно-пурпурные тона. Я засомневался, естественно ли это. За четверть миллиона миль

от места, где я стоял, настоящее солнце садилось над реальным Техасом. Были ли краски заката так же великолепны и там?..

Здесь, разумеется, "солнце" крепко сидело в своей колее как раз позади холмов, казавшихся отдаленными вследствие тщательно подобранной оптической иллюзии. Специалист по слиянию дня и ночи наблюдал за всем процессом угасания солнца, после чего светило протаскивалось сквозь туннель и прикреплялось к восточному концу колеи, готовое вновь зажечься через несколько часов. А где-нибудь между холмами еще один техник манипулировал разноцветными зеркалами и линзами, чтобы рассеять свет по всему небесному своду. Назовите этого специалиста художником — я не стану с вами спорить. В Пенсильвании и на Амазонке уже несколько лет продают пропуска на созерцание закатов. Поговаривают, что скоро это будет делаться и здесь.

Но мне казалось маловероятным, чтобы природа, действуя наугад, могла создать закат такой же немыслимой сложности и с такой же тонкой игрой красок, как в наших парках.

* * *

Пока мы добрались до Рио-Гранде, уже почти стемнело.

Вход в мое жилище располагался на южной, "мексиканской" стороне реки. Лунный Западный Техас сжат по сравнению с земным, чтобы отобразить как можно больше видов ландшафтов, флоры и фауны. Все многочисленные природные и географические достопримечательности, что на Земле занимают более пятисот миль, включая часть штата Нью-Мексико и старой Мексики, здесь втиснуты в подлунную пустоту диаметром всего сорок миль. С одной ее стороны были воссозданы округлые холмы и зеленые луга, окружавшие реальный Остин, с другой — нагромождены голые скалистые плато, в точности такие же, как в окрестностях Эль Пасо.

Та часть Рио-Гранде, к которой мы вышли, повторяла местность к западу от Биг-Бенда[10] по течению настоящей реки: край острых скал и глубоких ущелий, где водный поток становится глубоким и стремительным. Во всяком случае, во

---

[10] Примечания: 10

Биг-Бенд — один из национальных парков США на границе с Мексикой.

время недолгого сезона дождей. Теперь же, в середине лета, переход через обмелевшую реку вброд не представлял никакой опасности. Бренда спустилась вслед за мной с сорокафутового утеса на техасской стороне и в растерянности проследила, как я прошлепал по воде. Последние несколько миль мы не разговаривали, ничего не сказала она и сейчас, хотя было ясно, о чем она думала: что кто-нибудь должен устранить эту гигантскую протечку или, по меньшей мере, позаботиться о мосте, лодке или вертолете. Но в конце концов она ступила в реку, худо-бедно добралась до меня и остановилась в ожидании, пока я отыщу конец каната, чтобы подняться на вершину.

— Вам не любопытно, зачем я здесь? — спросила она.

— Нет. Я знаю, зачем.

Я подергал за канат. Было уже так темно, что глаза не различали каменистый выступ, к которому он был привязан на высоте пятидесяти футов над тем местом, где мы сейчас стояли.

— Подожди залезать, пока я тебя не позову, — предупредил я и уперся в скалу ногой, обутой в сапог.

— Уолтер здорово разозлится, — сказала Бренда. — Срок сдачи статьи уже через…

— Я знаю, когда срок, — отмахнулся я и полез по канату, перебирая руками и переступая ногами по темным камням.

— О чем же мы напишем? — спросила Бренда снизу.

— Я же сказал. О медицине.

Я выдал вводную статью о двухсотлетии Вторжения тем же вечером, когда мы с Брендой получили задание. На мой взгляд, это была одна из лучших моих работ, и Уолтер со мной согласился. Он выделил нам большой разворот и обложку и сочинил биографические очерки о нас обоих, выставлявшие нас — во всяком случае, меня — в безупречно благоприятном свете. Затем мы с Брендой уселись и прямо с ходу набросали список из двадцати тем. Не думаю, что со временем нас ожидают трудности с придумыванием остальных тридцати двух.

Но с того первого дня всякий раз, как я пытался написать для Уолтера хоть одну из растреклятых статей… ничего не получалось.

В результате строительство хижины бодрыми темпами двинулось вперед, с легкостью опережая график. Еще несколько таких недель, как предыдущая, и я его закончу. Но вылечу с работы.

Я добрался до вершины утеса и глянул вниз.

Бренда еле виднелась в сумерках смутным белым пятном. Я окликнул ее, и она шустро, как обезьянка, взобралась ко мне.

— Ловко! — похвалил я и смотал канат. — А задумывалась ли ты когда-нибудь, как бы удался тебе этот подъем, если бы ты весила в шесть раз больше против обычного?

— Как ни странно, задумывалась, — ответила она. — Я все время пытаюсь дать вам понять, что не такая уж я и невежда.

— Извини.

— Я стараюсь учиться. Я много читаю. Но информации просто слишком много, и она так часто слишком… чужая какая-то… — она пригладила волосы растопыренной пятерней. — Но тем не менее я знаю, как, должно быть, тяжело было жить на Земле. Там у меня не хватило бы силы в руках, чтобы поднять вес тела на такую высоту. — Она оглядела себя, и мне показалось, что губы ее тронула улыбка. — Черт побери, я вся такая лунная, что вряд ли мои ноги выдержали бы мой вес, не то что руки!

— Возможно, на первых порах и не выдержали бы.

— Я собрала пять подруг, и мы по очереди стали соревноваться: кто пройдет дольше, неся на

плечах всех остальных. Я сумела шагнуть всего три раза и грохнулась.

— О, да ты всерьез взялась за дело, я смотрю! — удивился я, ведя ее по узкому уступу ко входу в пещеру.

— Разумеется, а как же иначе! Я очень серьезно отношусь к делу. Но начинаю сомневаться, серьезны ли вы.

Я не нашелся, что ответить. К счастью, мы уже добрались до пещеры — и я почти завел Бренду внутрь, как вдруг она с силой дернула меня назад:

— Что здесь такое?

Ей не было нужды уточнять вопрос: я проходил через пещеру дважды в день, но так до сих пор и не привык к вони. Хотя теперь она уже не казалась такой ужасной, как поначалу. Пахло гниющим мясом, экскрементами, аммиаком и чем-то еще не менее раздражающим ноздри, что я условно обозвал "запахом хищника".

— Веди себя тихо, — шепнул я. — Здесь логово самки кугуара. Она не очень-то опасна, но на прошлой неделе она принесла приплод, и с тех пор у нее испортился характер. Не бросай мою руку: света тут не будет, пока мы не дойдем до двери.

Я не позволил ей с собой спорить, а просто по-

сильнее дернул за руку, и мы оказались внутри.

В пещере воняло еще сильнее, чем снаружи. Мамаша-кугуар была удивительно брезглива для животного. Она подбирала помет за малышами, а свою нужду справляла за пределами логова. Но нисколько не заботилась о том, чтобы избавляться от останков добычи, прежде чем они созреют для еды. Думаю, то, что для нас — гнилое, для нее всего лишь "созревшее". Ее собственный мех за версту разит мускусом — самцу кугуара он, возможно, и кажется сладостными духами, но для неподготовленного человека это уже чересчур.

Я не мог видеть зверя, но ощутил его присутствие неким внутренним органом чувств, более тонким, чем зрение или слух. И сразу же понял, что кугуар не нападет. Как и у всех крупных хищников в парках, у этой самки было выработано равнодушие к человеку. Но выработка установок у животного все равно не исключает психологической несовместимости. Мы были неприятны клыкастой мамаше, и она не постеснялась заявить нам об этом. Когда мы дошли примерно до середины пещеры, она издала звук, который я не могу описать иначе, как адский. Он начался с низкого ворчания и быстро перерос в визжащий рык. Каждый волосок у меня на теле вскинулся

по стойке смирно. Это ощущение бодрит, если к нему привыкнуть: кожа становится плотной и толстой, будто выделанная. Моя мошонка съежилась и затвердела, всеми силами стараясь уберечь свое драгоценное содержимое от опасности.

А Бренда… Бренда попросту кинулась бежать прямо по моим ногам, словно хотела взобраться по спине до самой головы. И если бы я не проявил необходимой двигательной активности, мы оба растянулись бы на полу. Но я ожидал подобной реакции и ринулся вперед, и бежал, пока мимо нас со скоростью света не промелькнула освещенная дверь. Бренда не могла остановиться еще метров двадцать, пока не осознала, что мы находимся в самом обычном лунном коридоре, на дальнем конце которого виднелась дверь запасного выхода из моего жилища. Тогда она остановилась с глупой полуулыбкой на лице, часто и мелко дыша.

— Не знаю, что на меня нашло, — пролепетала она.

— Не волнуйся, — успокоил я. — Очевидно, этот рык — один из звуков, зашитых в жесткую прошивку человеческого мозга. Твоя реакция — это рефлекс. Как, например, если сунешь палец в огонь, то без всяких раздумий быстро его

отдернешь.

— А как только услышишь нечто подобное, все кишки превращаются в кашу.

— Примерно так.

— Вот бы вернуться и увидеть, что издает такие звуки!

— На это стоит посмотреть, — согласился я. — Но придется подождать до рассвета. Детеныши просто прелесть. С трудом верится, что они вырастут такими же страхолюдами, как их мать.

* * *

Перед самой дверью я заколебался. В мое время, да и вплоть до самых последних дней, люди не слишком-то охотно впускали кого-нибудь в свой дом. Луна — тесное сообщество. Куда ни повернись, кругом толпа, миллионы навязчивых потных тел, они наступают тебе на ноги, задевают локтями… В таких условиях просто необходимо иметь хоть маленький кусочек личного пространства, куда больше никто не имеет права войти. И только если ты знаешь человека лет пять или десять и он или она действительно тебе нравится, ты допустишь его или ее в это пространство, чтобы выпить рюмочку или провести ночь любви в твоей постели. Но по большей ча-

сти люди общаются на нейтральной территории.

У молодого поколения другие порядки. Им не кажется предосудительным заглянуть к кому-нибудь домой, просто чтобы поздороваться. Я мог либо настоять на неприкосновенности моего жилища, тем самым вбив между собой и Брендой лишний клин, либо закрыть глаза на нарушение традиции.

Какого черта! Рано или поздно нам придется научиться работать вместе. Я открыл дверь, приложив ладонь к считывающей пластине, и отступил в сторону, чтобы гостья могла войти.

Она кинулась в санузел, пробормотав на ходу, что ей срочно нужно "микнуть". Я догадался, что это означало "помочиться", хотя никогда раньше не слышал подобного слова. На короткий миг я озадачился вопросом, как ей удастся это сделать, ввиду отсутствия необходимого отверстия. И мог бы сам увидеть, как — она оставила дверь открытой. Молодежь больше не нуждается в уединении даже для подобных целей…

Я обвел критическим взором свои апартаменты. Что здесь увидит Бренда? А что увидел бы человек, рожденный до Вторжения?

Вот чего бы они совершенно точно не увидели, так это грязи и бардака. В мое отсутствие дюжина

роботов-уборщиков неустанно трудилась над поддержанием порядка. Ни одна, даже самая маленькая, пылинка не ускользала от их недремлющих очей, и ни один предмет не валялся вне предназначенного ему места дольше, чем мне требовалось времени, чтобы дойти от дома до остановки поезда.

Мог ли кто-нибудь узнать что-либо о моем характере, взглянув на эту комнату? В ней не было ни картин, ни книг, способных приподнять завесу тайны. По нажатию пары-тройки клавиш я мог получить в свое распоряжение сокровища всех библиотек мира, а потому собственных книг не покупал. Любая стена могла по моему желанию обернуться репродукцией произведения искусства, сценой из фильма или просто красивым пейзажем, но я редко делал подобные заказы.

Но кое-что интересное в комнате все же было. Безграничные возможности компьютеров полностью автоматизировали производственные процессы. В примитивных культурах предметы обихода изготовлялись вручную и, следовательно, каждый из них был уникален. Промышленная революция внедрила производственные стандарты, и культтовары хлынули на человечество, будто из рога изобилия. В конце концов, в наши

дни, уникальность вернулась: стало возможным изготавливать по индивидуальному заказу и собственному дизайну любую составляющую домашней обстановки и кухонной утвари. Вся моя мебель была единственной в своем роде. Нигде на Луне не найдется второй такой софы, как у меня… второго такого же чудовищного уродца, как тот, что громоздился в углу. И замечательно, что не найдется, мысленно обрадовался я. А то еще, чего доброго, две софы вздумали бы спариваться… Вот это уж точно было бы уродство из уродств.

Я почти ничего в своей комнате не выбирал самостоятельно. Возможность выбора расширилась почти до бесконечности, тем самым бесконечно осложнив задачу отдать предпочтение чему-то одному, так что я не стал забивать себе этим голову, а просто взял то, что прилагалось к жилью.

Возможно, именно это мне не очень-то хотелось демонстрировать Бренде. Думаю, то, чего человек не сделал со своей обстановкой, способно рассказать о его характере не меньше, чем то, что он сделал с ней.

Пока я предавался подобным размышлениям — и отнюдь не радовался им — Бренда вышла из санузла. В руке у нее был кусок окровавленной марли. Она бросила его на пол, и тут же

из-под софы с утробным гудением вылетел робот, проглотил мусор и ретировался. Кожа Бренды маслянисто поблескивала и на глазах теряла розоватый оттенок. Моя гостья только что воспользовалась медицинской помощью.

— Я сгорела на солнце, — пожаловалась она. — Мне следовало бы подать в суд на руководство парка и заставить оплатить счет за лечение.

Она подняла ногу и осмотрела пятку. На месте пореза розовел участок свежей кожи. Через несколько минут не останется и вовсе никакого следа, и шрама не будет. Бренда поспешно вскинула на меня глаза:

— Не сомневайтесь, я заплачу за себя. Просто перешлите мне счет.

— Забудь об этом, — сказал я. — Я только что придумал для тебя предисловие к статье. Сколько ты пробыла в Техасе?

— Часа три? Самое большее, четыре.

— А я сегодня провел там пять часов. За исключением силы тяжести, там довольно правдиво воссоздана земная обстановка. И что же с нами приключилось? — я пересчитал на пальцах: — Ты обгорела. В 1845 году это имело бы нехилые последствия: всю ночь тебя мучила бы страшная боль. Заснуть бы не удалось. Боль держалась бы

еще несколько дней. Потом верхний слой кожи начал бы чесаться и шелушиться. Возможно, ты испортила бы кожу навсегда. Думаю, даже вплоть до рака. Это стало бы твоим смертным приговором. Поищи побольше информации о раке кожи, и увидишь, прав ли я.

Потом ты поранила пятку. Последствия были бы не так суровы, но тебе пришлось бы хромать несколько дней или даже неделю. И нельзя сбрасывать со счетов риск инфекционного поражения такой части тела, которую трудно содержать в чистоте.

Я очень скверно повредил руку. Настолько серьезно, что потребовалась бы легкая операция, а если не исключать возможность глубокой инфекции, я мог бы потерять кисть и даже умереть. Существует особое слово для обозначения омертвения одной из конечностей. Поищи, какое.

Итак, подведем итоги: три травмы, две из которых со временем могут привести к смерти. И все это за какие-то пять часов! А каковы последствия сегодня? Счет от медицинского автомата на почти пустяковую сумму.

Бренда ждала, что я продолжу. Я приготовился заставить ее ждать подольше, но она не выдержала:

— И это все? Вся моя статья?

— Нет, черт побери, это только предисловие! Напиши его от первого лица. Ты отправилась прогуляться по парку, и вот что из этого получилось. Лишнее доказательство того, как опасна и трудна была жизнь в те времена. И того, как легкомысленно мы стали относиться к телесным травмам, как безоглядно мы уповаем на полноценное, моментальное и безболезненное излечение этих травм. Помнишь, что ты сказала? "Вы ее не починили!" Ты еще ни разу не получала таких повреждений, которые не могли бы быть починены прямо на месте и без боли.

Она задумалась, потом улыбнулась:

— Мне кажется, это может сработать.

— Черт возьми, сработает, разумеется! Оттолкнись от этого предисловия и проработай детали. Не слишком вдавайся в медицинские подробности: оставим это напоследок. Преврати статью в настоящий ужастик. Покажи, как хрупка и уязвима всегда была жизнь. Покажи, что только в последний век или около того мы наконец-то смогли позволить себе перестать беспокоиться о здоровье.

— У нас это получится! — произнесла она.

— Проклятье, у кого это "нас"? Я же сказал, это

твоя статья. А теперь убирайся вон и возьмись за нее как следует. Все должно быть готово через двадцать четыре часа.

Я ожидал, что она будет продолжать спорить, но мне удалось зажечь в ней юношеский энтузиазм. Я вытолкнул ее в коридор, привалился к двери и вздохнул с облегчением. Впрочем, боюсь, девчонка еще позвонит мне с каким-нибудь вопросом….

* * *

Спустя некоторое время после ухода Бренды я обратился к медицинскому автомату и залечил руку. Затем наполнил до краев большую ванну и с наслаждением погрузился в нее. Вода была такая горячая, что кожа порозовела. Такой она мне больше нравилась.

Посидел я совсем недолго, вскоре вылез, порылся в шкафу и отыскал старый домашний хирургический набор. Среди прочего в нем был острый скальпель.

Я подлил в ванну горячей воды, снова погрузился в нее, улегся на спину и постарался расслабиться. И когда на меня снизошло полное умиротворение, я рассек себе оба запястья до самых костей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Грязный Дэн-Дервиш приберег свое коронное вращение к концу третьего раунда. К этому времени он довел Цитерского[11] Смерча до полного изнеможения.

Я не поклонник поножовщины, называемой у нас слеш-боксингом, но вращение стоило того, чтобы на него посмотреть. Дервиш приседал и выпрямлялся, крутясь волчком на пальцах левой ноги. Время от времени он подтягивал другую ногу, чтобы вертеться быстрее, пока его очертания не расплывались от скорости — и потом внезапно делал ею резкий мах, иногда вверх, иногда вниз, иногда касаясь левой. И все это время безостановочно приседал на опорной ноге, крутясь и скользя, словно по льду.

— Дервиш! Дервиш! Дервиш! — скандировали фанаты.

Бренда кричала вместе со всеми. Ее место было

---

[11] Примечания: 11

"Вот остров сумрачный и чёрный... То — Цитера,
Превознесённая напевами страна;
О, как безрадостна, безжизненна она!
В ней — рай холостяков, в ней скучно всё и серо".
Шарль Бодлер, "Цветы Зла"

рядом со мной, сбоку от ринга, но она почти ни разу не присела. Что же до меня… всем зрителям первых пяти рядов выдали по листу прозрачного пластика, и я большую часть времени загораживался своим листом от ринга. У Дервиша зияла глубокая резаная рана на правой икре, и при стремительном вращении капли крови разлетались поразительно далеко.

Смерч все время отступал, защищаться как следует он уже не мог. Он попытался поднырнуть под соперника и достать его ножом, зажатым в правой руке, но только заработал еще одну рану. Он высоко подпрыгнул, но Дервиш тут же оказался рядом, резанул его снизу вверх и, как только ноги бойцов коснулись мата, снова начал вращаться. Положение Смерча уже становилось безнадежным, как вдруг его спас удар гонга.

Бренда уселась на место, тяжело дыша. Я предполагал, что в отсутствие секса необходим какой-нибудь другой способ снятия напряжения, и слеш-боксинг, как оказалось, прекрасно для этих целей подходил.

Бренда утерла платочком брызги крови с лица и повернулась ко мне — впервые с начала раунда. Мне показалось, ее разочаровало, что я не ликовал вместе со всеми.

— Как ему удается так крутиться? — спросил я.

— Все дело в мате, — ответила она с важным видом специалиста; похоже, эта роль пришлась ей очень по вкусу. — В особом расположении молекул в его волокнах. Если просто наступить на мат, скольжения нет, но круговое движение уменьшает трение настолько, что можно скользить, почти как по льду.

— У меня еще есть время сделать ставку?

— Об этом и речи быть не может, — возразила она. — Получится уже нечестно. Надо было ставить, когда я вам говорила, до начала матча. А теперь Смерч — покойник.

Именно так он и выглядел. Он еще как-то удерживался на табурете, окруженный со всех сторон своей командой, но не представлялось возможным, чтобы он смог подняться по сигналу гонга к началу следующего раунда. Его ноги были сплошь изрезаны и перетянуты в нескольких местах окровавленными повязками. Левая рука болталась на одной жиле, и руководитель команды поднял вопрос о ее окончательной ампутации. С левой же стороны на шейную артерию был наложен временный шунт, и он смотрелся крайне уязвимо, представляясь легкой мишенью для удара. Рану в шею Смерчу нанесли в самом

конце второго раунда, так что команде удалось заштопать ее ценой потери нескольких литров крови. Но во втором раунде он получил и самое тяжелое свое ранение: полуметровый разрез от левого бедра до правого соска. В верхней части раны виднелись ребра, края ее были стянуты посередине полудюжиной швов, наскоро сделанных чем-то вроде полосок сыромятной кожи. Ужасная рана досталась Смерчу во время его единственной удачной атаки на Дервиша. Он целился ножом в шею, но вместо этого нанес сопернику отвратительную, но почти не опасную рану в лицо — а тем временем нож Дервиша глубоко вонзился в его тело. От резкого рывка ножом вверх внутренности рассыпались по всему рингу — из-за чего был выброшен первый в этом матче желтый флаг, команда Грязного Дэна разразилась победными воплями, а толпа начала скандировать: "Дервиш! Дервиш! Дервиш!"

За время первой передышки, отмеренной взмахом флага, Смерчу отсекли клубок искореженных органов, второй остановкой боя воспользовались для починки шейной артерии, после чего команда угрюмо ретировалась в свой угол, а боец вернулся в мясорубку.

Дервиш сидел на табурете прямо, подставив

лицо команде, обрабатывавшей рану. Один глаз был рассечен пополам и вытек. Кровь ненадолго ослепила Дэна во втором раунде, из-за чего он не смог как следует использовать кошмарное ранение, нанесенное сопернику. Во время перерыва Бренда выразила беспокойство, что теперь Дервиш, наверное, не сможет исполнить свое коронное вращение, ведь его зрение больше не было объемным. Но Дэн не собирался разочаровывать своих фанатов, что с двумя глазами, что с одним.

В углу, где сидел Смерч, зажегся красный свет, и толпа встретила сигнал возбужденным гулом.

— Почему это называется углом? — спросил я.

— А?

— Ринг ведь круглый. Никаких углов у него нет.

Бренда пожала плечами:

— Думаю, просто так сложилось, — и добавила с лукавой улыбкой: — Вы можете поискать ответ на свой вопрос в справочниках, прежде чем сядете писать для Уолтера.

— Не смеши меня.

— Но почему, черт побери, нет? "Спорт прошлого и настоящего". Это же естественно!

Разумеется, она была права, но от этого ее пи-

люля не сделалась слаще. Мне не слишком-то нравилось, что мы поменялись ролями. Это ей следовало задавать вопросы, а мне отвечать и поучать. Но я ответов не знал и вынужден был спросить:

— А что это за красный свет? Что он означает?

— Каждый из бойцов получает по десять литров крови для переливания. Видите вон ту шкалу на табло? Смерч только что использовал свой последний литр. А у Дервиша осталось еще семь.

— Выходит, скоро конец.

— Он ни за что не продержится еще раунд.

И он не продержался.

В последнем раунде искусством боя и не пахло. Не было больше ни фантастического вращения, ни летящих прыжков. Поначалу толпа немного пошумела, но потом успокоилась и молча созерцала убийство. Люди начали расходиться с арены за прохладительными напитками, не дожидаясь официального окончания поединка. Дервиш все время пятился, увлекая за собой тяжело ступавшего, еле живого Смерча, и время от времени делал выпады, нанося все новые раны — чтобы соперник истек кровью до смерти. Вскоре Смерч остановился, бесчувственный и ослабевший от кровопотери. Некоторые зрители принялись

освистывать его, и Дервиш перерезал Смерчу горло. Артериальная кровь фонтаном хлынула в воздух. Смерч рухнул на мат. Дервиш склонился над поверженным врагом, проделал несколько быстрых движений и поднял отрезанную голову на вытянутой руке. Раздались редкие хлопки, и на ринг высыпал вспомогательный персонал. Дервиша вытолкали в раздевалку, обе части Смерча унесли, и роботы-уборщики принялись замывать кровь.

— Хотите попкорна? — спросила Бренда.

— Лучше чего-нибудь выпить, — ответил я, и она слилась с толпой, двигавшейся в направлении пунктов продажи прохладительных напитков.

Я снова повернулся лицом к рингу, смакуя чувство, редко посещавшее меня последнее время: писательский зуд. Я поднял левую руку и щелкнул пальцами… в растерянности щелкнул снова, но тут же вспомнил, что проклятый рукопис сломался. Он не работал уже дней пять, с тех пор, как Бренда посетила Техас. По всей видимости, поврежден был экран вывода. Я мог пользоваться кнопками в основании ладони, но на запястье ничего не появлялось. Набранное сохранялось в памяти, и потом текст можно было скачать и рас-

печатать, но я так работать не могу. Мне нужно видеть, как складываются слова.

Потребность — мать всех изобретений. Я полистал программку, которую Бренда оставила на сидении, и нашел чистую страницу, затем порылся в сумке и отыскал синюю ручку, которой пользовался для ручной правки распечаток.

* * *

Файл: Hildy_Sport.txt
(место для заголовка)

Возможно, достоверных свидетельств тому и не существует, но можно побиться об заклад, что у пещерных людей существовали спортивные соревнования. Соревнуемся мы и сегодня, и если нам когда-нибудь удастся дотянуться до звезд, спорт будет существовать и там.

Притягательная сила спорта коренится в насилии. Спорт обычно предполагает угрозу жизни или здоровью. Во всяком случае, так было всегда, за исключением последних ста — ста пятидесяти лет.

Современный спорт, разумеется, от насилия абсолютно свободен.

Нынешние спортивные фанаты были бы потрясены жестокостью спорта, существовавшего на Земле. Возьмите, к примеру, один из самых дале-

ких от насилия видов спорта — тот, которым мы занимаемся и поныне: обычный бег. Бегуну редко удавалось построить спортивную карьеру, не получив многочисленных травм колен и лодыжек, повреждений мышц и позвоночника. Иногда эти травмы удавалось залечить, а иногда и не удавалось. Каждый раз, когда бегун участвовал в соревновании, он мог получить такую травму, которая превратит всю его оставшуюся жизнь в ад.

В дни Римской империи атлеты сражались на мечах и других смертельно опасных видах оружия — и не всегда добровольно. Увечья или смерть обязательно случались во время каждого матча.

Даже в более поздние, относительно "просвещенные" времена многие виды спорта по сути своей остались сознательным травмированием. Команды силачей сшибались друг с другом, проявляя поразительное равнодушие к несовершенству тогдашней медицины. Люди пристегивались ремнями к наземному транспорту или воздушным аппаратам и мчались со скоростью, которая превратила бы их в кисель в случае резкого торможения. Противоударные шлемы, защитные перчатки, наплечники, бандажи, наколенники, корсеты и накладки на нос пытались смягчить

действие повреждающей силы, но само их наличие свидетельствовало о потенциальной жестокости всех спортивных игр.

Кажется, я слышу возражения? Кто-то сказал, что наш современный спорт куда более жесток, чем был в прошлом?

Какая нелепость!

Современные атлеты, как правило, соревнуются обнаженными. Никакая защита не нужна, да о ней никто и не просит. В большинстве видов спорта телесные повреждения ожидаются, подразумеваются, а иногда они даже желанны, как в слеш-боксинге. Вид современного спортсмена сразу после соревнования наверняка шокировал бы гражданина любого из земных обществ. Но современный спорт не калечит.

Было бы лестно считать, что это повсеместное ненасилие — результат некоей глубокой моральной революции. Увы, это не так. Если революция и совершилась, то чисто техническая. На сегодняшний день не существует таких повреждений, которые нельзя было бы устранить.

Факт то, что слово "насилие" утратило свое прежнее значение. Что более жестоко: оторвать руку или ногу с тем, чтобы быстро и совершенно безболезненно пришить обратно — или

повредить позвоночный диск, который будет причинять человеку боль всю жизнь и не поддастся лечению?

Я знаю, какую травму предпочел бы я сам.

Насилие подобного рода больше никого не пугает, потому что…

(обсудить Олимпийские игры, влияние местной силы тяжести на виды спорта)

(упомянуть о Смертельных Матчах)

(Связь с готовой медицинской статьей?) (спросить Бренду)

* * *

Последние строчки я дописывал второпях: Бренда уже возвращалась с попкорном.

— Чем занимаетесь? — спросила она, усаживаясь на свое место.

Я протянул ей страничку, она пробежала ее глазами.

— Кажется, несколько суховато, — только и сказала она.

— Так нарасти на кости немного мяса, — ответил я. — Это твоя территория.

Я потянулся, стащил у нее одну воздушную кукурузку и вгрызся в нее. Бренда купила огромный пакет: целую дюжину пропитанных маслом

белых хрустящих хлопьев размером с кулак. Она протянула мне большую бутылку пива, и я с наслаждением запил соленое лакомство.

Пока я писал, прошли показательные выступления детских школ слеш-боксинга. Теперь дети расходились с ринга, у многих тела были исчерчены полосками красных чернил — следами тренировочных ножей. Услуги педиатров стоили слишком дорого, чтобы разрешать детям драться настоящими ножами.

На ринге появился распорядитель и принялся рекламировать главное событие сегодняшнего вечера: Смертельный Матч между чемпионом Манхэттенским Разбойником и Одной Подлой Сукой, оспаривавшей чемпионский титул.

Бренда наклонилась ко мне и шепнула уголком рта:

— Поставьте на Суку.

— Если она победит, какого дьявола мы тут торчим?

— Спросите Уолтера. Это его затея.

Поводом для нашего посещения боев было интервью с Манхэттенским Разбойником, также известным как Эндрю МакДональд, а настоящей целью — попытка привлечь его к работе над статьями, посвященными Двухсотлетию, в качестве

консультанта, поскольку он родился на Земле. МакДональду давно перевалило за двести. Но проблема была в том, что он решил биться до смерти. Если он проиграет, следующее интервью у него будет брать Святой Петр. Но Уолтер заверил нас, что человек, которого он рекомендовал, ни за что не потерпит поражение.

— Я во время перерыва побеседовала с другом, — снова заговорила Бренда. — Не может быть и речи, чтобы Разбойник в этом бое оказался лучшим. Это для него уже десятый Смертельный Матч за последние два года. А парень говорит, что десять — слишком много для любого бойца. Он сказал, что на последнем матче Разбойник упорно подставлялся под нож. А с таким настроем ему против Суки не устоять. Он говорит, Разбойник больше не хочет побеждать. Ему просто хочется умереть.

Соперники вышли на ринг и принялись демонстрировать себя и приветствовать зрителей. Тем временем голографические изображения их прошлых побед светились в воздухе высоко над рингом, а распорядитель продолжал убеждать нас, что предстоит ни много ни мало схватка века.

— Ты поставила на нее?

— Я поставила пятьдесят на убийство во втором раунде.

Я обдумал услышанное и подозвал маклера. Он протянул мне карточку, я сделал на ней пометку и оставил отпечаток пальца. Он запустил карточку в тотализатор у себя на животе, а мне выдал талон. Я сунул его в карман.

— Сколько вы поставили?

— Десять. На победу, — но я не уточнил, что на победу Разбойника.

Соперники разошлись по своим "углам", где их принялись натирать маслом, а распорядитель продолжил свою игру. Бойцы были великолепными представителями сверхтяжелой весовой категории, и вес у них был равным в пределах килограмма. Блики огней сверкали на их лоснящихся смуглых телах, когда они совершали воображаемые выпады и танцевали, игривые, точно беговые лошади, полные взрывной энергии.

— Данный поединок проводится в соответствии со спортивным законодательством Кинг-сити, — объявил распорядитель, — а это означает, что одна или обе стороны добровольно объявляют свой матч смертельным. Сегодня рискнуть жизнью решил Манхэттенский Разбойник. Он

прослушал необходимые разъяснения и консультации, как того требует закон, и если сегодня он погибнет, это будет расценено как самоубийство. Сука согласилась добить его, если он будет в этом нуждаться и ее состояние позволит это сделать, и она осознает, что на нее не ляжет никакая ответственность за его смерть…

— Не переживай об этом, крошка! — выкрикнул Разбойник, глядя на соперницу.

Грохнул смех, и распорядитель был явно благодарен бойцу за то, что тот его перебил и можно не дочитывать до конца параграфы скучного текста, предписанного законом.

Он вывел соперников в центр ринга и прочитал им правило — которое состояло попросту в том, что по звуку гонга они должны остановиться. Других правил не было. Распорядитель заставил бойцов обменяться рукопожатием и дал сигнал к началу боя.

* * *

— Прямо в первом вонючем раунде!.. Поверить не могу.

Прошло уже полчаса после окончания матча, а Бренда все еще сетовала. Бой был явно не из тех, что входят в историю спорта.

Мы ожидали в помещении неподалеку от входа в раздевалки. Менеджер МакДональда сказал, что мы сможем повидать спортсмена, как только команда закончит его штопать. Учитывая, какие легкие раны он получил, я подумал, что ждать придется недолго.

Я услышал шум взволнованных голосов, обернулся и увидел Смерча в окружении небольшой группы верных фанатов, главным образом детей. Он достал ручку и принялся раздавать автографы. Одет он был в черную футболку и шорты. Шею его облегал толстый корсет, и его ношение вряд ли должно было казаться слишком большим неудобством для человека, чья голова всего час назад катилась по рингу. Корсет ему придется носить до тех пор, пока новые мышцы не окрепнут настолько, чтобы выдерживать вес головы. Я предположил, что это будет не слишком долго: мозг человека его профессии вряд ли должен много весить.

Дверь открылась снова, и менеджер МакДональда пригласил нас войти.

Мы проследовали за ним по слабо освещенному коридору с множеством пронумерованных дверей. Одна из них была открыта, и из-за нее доносились стоны. Я на ходу заглянул в нее. На

высоком столе лежало кровавое месиво, и полдюжины членов команды суетились вокруг.

— Ты же не хочешь сказать мне, что…

— Что? — спросила Бренда и тоже заглянула в комнату. — О! Да, она сражается без приглушения боли.

— Но я думал…

— Большинство бойцов сильно снижают чувствительность своих болевых центров, чтобы просто чувствовать, что рана нанесена, но не страдать от нее. Но некоторые считают, что риск испытать настоящую боль прибавляет прыти.

— Мне бы он точно прыти прибавил.

— Да, но сегодня, как видите, прыти ей все равно не хватило.

Я порадовался, что съел всего один кусочек попкорна.

Манхэттенский Разбойник сидел в медицинском кресле, облачившись в халат и попыхивая сигарой. Его левая нога покоилась на подставке, и над ней трудился один из его тренеров. Боец улыбнулся при виде нас и протянул руку:

— Энди МакДональд. Простите, что не встаю поприветствовать вас.

Мы оба пожали ему руку, и он жестом пригласил нас сесть. Он предложил нам выпить, и кто-то

из его команды подал нам напитки.

Затем Бренда пустилась взахлеб пересказывать матч, неустанно расточая восторженную хвалу боевому искусству Разбойника. Ни за что бы не поверил, что из-за него она только что проиграла немалые деньги. Я уселся поудобнее и приготовился к тому, что следующий час пройдет в беседах о тонкостях техники слеш-боксинга. Но Бренда заливалась соловьем, а улыбка МакДональда становилась все более рассеянной и отсутствующей, и мне показалось, что пора вставить пару слов, хотя бы просто из вежливости.

— Я не поклонник спорта, — заявил я, не слишком-то беспокоясь о вежливости, — но мне показалось, что ваша техника отличается от той, которой пользовались остальные сегодняшние бойцы.

Он сделал длинную затяжку и внимательно осмотрел тлеющий кончик своей сигары, медленно выпуская пурпурный дым. Затем перевел взгляд на меня, и мне почудилась в этом взгляде некая теплота. В глазах его таилась глубина, которой я поначалу не заметил. Порой именно такой взгляд встречаешь у древних стариков. В наши дни, разумеется, это обычно единственный знак того, что человек стар. У МакДональда

определенно не было никаких других признаков почтенного возраста. Тело его выглядело лет на двадцать пять, но, учитывая его профессию, у него был не слишком-то большой выбор внешнего вида. Слеш-боксеры живут в телах, стандартизированных по девяти разным формулам или весовым категориям, с целью уменьшить любое преимущество, основанное на различии в массе тела. Его лицо выглядело чуть старше, но, возможно, только из-за глаз. Черты лица еще не носили достаточного возрастного отпечатка, чтобы сколько-нибудь отражать характер. Но, с другой стороны, это не было одно из стандартно смоделированных "привлекательных" лиц, которые предпочитает носить примерно половина населения. Мне показалось, что МакДональд сейчас выглядел так, каким, возможно, был в молодости, которая у него — я вспомнил об этом с легким потрясением — прошла на Земле.

Не то чтобы уроженцы Земли были так уж редки. ГК говорил, что до наших дней дожили примерно десять тысяч таких людей. Но они обычно выглядели так же, как все остальные, и старались не афишировать свое происхождение. Некоторые, впрочем, пытались нажиться на своем возрасте — это были почетные гости

ток-шоу, сказители и профессиональные ностальгирующие нытики — но по большей части земнородные были замкнутым меньшинством. Я раньше никогда не задавался вопросом, почему.

— Уолтер заявил, что вы уговорите меня присоединиться к его проекту, — наконец, произнес МакДональд, пропустив мое замечание мимо ушей. — Я сказал ему, что он ошибается. Но я вовсе не твердолобый упрямец: если вы можете предложить мне хорошую причину, по которой я должен провести с вами обоими целый год, я буду рад ее услышать.

— Если бы вы знали Уолтера, — возразил я, — вам было бы известно, что он самый бесцеремонный человек на Луне, когда речь идет о желаниях других людей. Он думает, я полон энтузиазма воплотить его идею в жизнь. Но он ошибается. Насколько я знаю, Уолтер — единственный, кого этот проект интересует. Для меня это просто работа.

— А вот мне интересно! — встряла Бренда. МакДональд скосил на нее глаза, но ненадолго. Мне показалось, что он узнал о ней все, что ему требовалось, всего лишь мельком взглянув на нее.

— Мой стиль, — сказал он, — это сочетание нескольких древних техник ведения боя, кото-

рые так и не прижились на Луне. Давным-давно несколько влиятельных, но неумных людей провели закон, запрещающий обучение этим восточным дисциплинам. В те времена распространенной мудростью считалось, что мы обязаны научиться мирно сосуществовать, больше никогда не воевать друг с другом и, разумеется, друг друга не убивать. Идея сама по себе неплохая, должен признать. И она даже частично сработала. Процент убийств сейчас намного, намного ниже, чем был в любом из человеческих сообществ на Земле.

Он снова сделал длинную затяжку. Его помощники закончили трудиться над его ногой, собрали инструменты и оставили нас одних. Я уже засомневался, скажет ли он нам что-нибудь еще, но он наконец нарушил молчание:

— Мнения переменились. Поживите с мое, и вы увидите, как это происходит снова и снова.

— Я не так много пожил, как вы, но и я это видел.

— А сколько вам? — спросил он.

— Сто. Исполнилось три дня назад.

Я увидел, как Бренда взглянула на меня, открыла было рот что-то сказать, но передумала и снова закрыла. Возможно, мне еще достанется за то, что

я ничего ей не сказал и лишил ее возможности устроить вечеринку в честь моего столетия.

МакДональд взглянул на меня даже с большим интересом, чем раньше, прищурив свои волнующие глаза:

— Ну и как, почувствовали разницу?

— В смысле, из-за того, что мне стукнуло сто? А почему я должен что-то чувствовать?

— И в самом деле, почему… Это, без сомнения, важный жизненный рубеж, но на деле он ничего особенного не значит. Ведь правда?

— Правда.

— Ладно, вернемся к нашему вопросу… Всегда были люди, которые считали, что, поскольку естественные эволюционные процессы больше не работают, нам следует осмелиться попытаться выпустить на волю немного агрессивности. Не легализовать настоящие убийства, но по крайней мере научиться бороться. Так снова появился бокс, и это со временем привело к появлению кровавого спорта, который вы наблюдали сегодня.

— Как раз такого рода ретроспективный взгляд Уолтеру и нужен, — заметил я.

— Да. Я не сказал, что у меня нет интересных вам идей. Мне просто любопытно, почему я должен развивать их для вас.

— Я тоже об этом думал, — сказал я. — Просто ради тренировки, понимаете? И знаете, мне не приходит в голову ничего, что могло бы убедить человека, запустившего процесс медленного самоубийства, отложить свои планы на год и присоединиться к нам в деле написания бесполезных статей.

— А я ведь был журналистом, вы знаете?

— Нет, я не знал.

— Так вот, значит, что вы думаете о том, что я делаю? Думаете, это самоубийство?

Бренда серьезно взглянула на него. Я почти почувствовал ее беспокойство.

— Если вас убьют на ринге, это назовут именно самоубийством, — напомнила она.

Он поднялся, прошел к небольшому бару в боковой части комнаты и, не спрашивая, что мы желаем, наполнил три бокала бледно-зеленым ликером и принес нам. Бренда понюхала напиток, попробовала и отпила большой глоток.

— Вы представить себе не можете силу пораженческих настроений после Вторжения, — сказал МакДональд. Очевидно, было невозможно долго удерживать его ни на одной теме, так что я примирился с неизбежностью и расслабился. Журналист должен уметь позволять объекту

своего внимания выговориться.

— Назвать это войной значило бы извратить сам смысл слова "война". Мы сопротивлялись — но, думаю, не больше, чем может сопротивляться муравей, когда кто-нибудь пинком сносит муравейник. Полагаю, что муравьи в такой ситуации могут драться достойно, но на это достоинство начхать тому, кто пнул. Он едва заметит, что наделал. Возможно даже, что он сделал это, вовсе не питая сознательной неприязни к муравьям; это могло выйти случайно или быть побочным эффектом другого действия, например, вспашки поля. Нас всех за один-единственный день смело плугом. Те из нас, кто оказался на Луне, пребывали в шоке. Так или иначе это шоковое состояние накрыло нас на многие десятилетия. И в некотором смысле… оно сидит в нас и по сей день.

Он снова затянулся сигарой и проговорил:

— Я из тех, кого тревожит движение непротивления злу. Его идеалы хороши, просто великолепны, но я чувствую, что они делают нас уязвимыми и заводят в тупик.

— Вы говорите об эволюции? — спросила Бренда.

— Да. Мы теперь сами выстраиваем свой генетический код, но достаточно ли у нас настоящей

мудрости, чтобы знать, что выбирать? Миллиарды лет селекция шла естественным путем. И я не уверен, разумно ли отправлять на свалку систему, проработавшую так долго.

— Смотря что понимать под "работой", — обронил я.

— Вы нигилист?

Я пожал плечами.

— Ну хорошо, — продолжил он. — Работала система в том смысле, что формы жизни становились все более сложными. Биология словно бы стремилась к чему-то. Мы знаем, что этим чем-то были не мы — Пришельцы доказали, что во Вселенной существуют создания куда поумней нас. Но Пришельцы были существами с газового гиганта, они возникли, должно быть, на планете, подобной Юпитеру. Вряд ли мы с ними родственники, даже дальние. Считается, и вроде бы уже никем не оспаривается, что Пришельцы явились на Землю, чтобы спасти дельфинов и китов от загрязнения, творимого нами. Я не знаю ни одного убедительного доказательства этой гипотезы, ну и черт с ней. Предположим, что так и есть. Это значит, что мозг водных млекопитающих устроен скорее как у Пришельцев, чем как у нас. Пришельцы не считают нас по-настоящему

разумной расой, для них мы не более чем просто общественные животные — наподобие, скажем, пчел, кораллов или птиц. Правда это или нет, но Пришельцам до нас больше нет сколько-нибудь серьезного дела. Наши пути не пересекаются, и общих интересов у нас нет. Мы предоставлены своей судьбе… но, если мы не будем развиваться, никакой судьбы и никакого будущего нам не видать.

Он поднял на нас глаза и оглядел по очереди меня, Бренду, снова меня. Его последние слова, казалось, имели для него чрезвычайную важность. А я ведь никогда всерьез ни о чем подобном не задумывался…

— Есть и еще один момент, — снова заговорил МакДональд. — Мы знаем, что на других планетах есть жизнь. Мы знаем, что космические путешествия возможны. Когда мы следующий раз столкнемся с инопланетянами, они могут оказаться еще хуже Пришельцев. Они могут захотеть истребить нас, а не просто выгнать. Думаю, мы обязаны поддерживать и развивать несколько видов боевых искусств на случай, если нам повстречаются какие-нибудь мерзкие твари, которых можно побороть.

Бренда выпрямилась на стуле и широко рас-

пахнула глаза:

— Да вы хайнлайновец!

Настал черед МакДональда пожать плечами:

— Я согласен со многим из того, что они говорят, хотя и не посещаю их собрания. Но у нас с вами речь идет о боевых искусствах.

Разве о них? Я уже потерял нить… А МакДональд продолжил:

— Эти искусства считались утраченными почти целый век. Я провел десять лет за изучением тысяч фильмов двадцатого и двадцать первого столетий и восстановил восточные единоборства практически из кусочков. Еще двадцать лет я овладевал ими, пока не почувствовал себя подлинным знатоком. Тогда я подался в слешбоксинг. До сих пор никому не удавалось меня победить. И, надеюсь, не удастся, пока кто-нибудь не повторит мою технику.

— Это могло бы стать прекрасной темой для статьи, — предположила Бренда. — Борьба в прошлом и настоящем. Раньше люди держали у себя дома всевозможные виды оружия, правильно? Я имею в виду, огнестрельного. Даже рядовые граждане могли иметь его.

— Была на Земле одна страна, которая в двадцатом веке сделала ношение оружия почти

обязательным. Право обладать оружием было записано в гражданском кодексе. Я всегда считал это самым странным гражданским правом за всю историю человечества. Но если бы я жил в той стране, то обязательно купил бы оружие. Невооруженный человек в вооруженном обществе должен был бы чувствовать себя крайне неуютно.

— По правде говоря, меня не слишком-то завораживает подобное развитие сюжета, — признался я, вставая и потягиваясь, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. — Впрочем, это мое личное мнение, и к нему не стоит прислушиваться. Но мы здесь сидим не более получаса, а Бренда уже предложила полным-полно тем, по которым вы могли бы помочь нам. Черт побери, да вы и сами могли бы написать на эти темы статьи, если помните, как это делается. Ну, так как же? Вам интересно или нам следует поискать кого-нибудь другого?

Он уперся локтями в колени и взглянул на меня.

Вскоре я удивился, почему не слышу тревожной, рокочущей, бьющей по нервам музыки. Такой взгляд сделал бы честь любому голографическому ужастику. Таким глазам самое место

на лице, которое внезапно обрастает шерстью и разевает жуткую клыкастую пасть или расплывается подобно теплому пластилину и принимает очертания некоей Безымянной Злобной Твари. Я уже упоминал, какими глубокими мне показались эти глаза. Так вот, тогда они были небольшими озерцами, а теперь превратились в бездонные водовороты.

Не хочу, чтобы меня считали суеверным. Не хочу приписывать МакДональду сверхъестественную власть просто за то, что он дожил до почтенного возраста. Но, взглянув в такие глаза, как у него, неизбежно начинаешь думать, сколько же всего они повидали, и удивляться, какой мудрости достиг их обладатель. Мне самому сто лет, возраст вполне почтенный для отдела продолжительности жизни — во всяком случае, до недавних времен человеческой истории — но я чувствовал себя мальчишкой под оценивающим взглядом деда, а может быть, и самого бога.

И мне это не нравилось.

Я сделал все возможное, чтобы выдержать этот взгляд и достойно на него ответить — но в нем не было ничего враждебного, он не бросал мне никакого вызова. Если кто и надумал затеять игру в гляделки, то только лишь я сам. Но мне очень

скоро пришлось сдаться. Я внимательно изучил стены, пол, взглянул на Бренду и улыбнулся ей — что наверняка поразило ее. Я готов был смотреть куда угодно, лишь бы не в глаза МакДональду.

— Нет, — ответил он наконец. — Не думаю, что даже после всего этого я присоединюсь к вашему проекту. Извините, что заставил вас потерять время.

— Ничего страшного, — ответил я, встал и направился к двери.

— Что вы хотели сказать вашим "после всего этого"? — спросила Бренда. Я обернулся, раздумывая, прилично ли будет удрать отсюда, таща ее за руку силой.

— Я имел в виду, что несмотря ни на что я подумывал, не согласиться ли мне. Некоторые аспекты вашего предприятия начали казаться забавными.

— Так что же заставило вас передумать?

— Брось, Бренда, — вмешался я. — Уверен, у него свои причины, и они нас совершенно не касаются.

Я взял ее за руку и потянул.

— Прекратите! — раздраженно бросила она. — Перестаньте обращаться со мной, как с ребенком!

Она сверлила меня глазами, пока я не отпустил ее. Мне показалось жестоко напоминать ей, что по сравнению с нами она была именно несмышленым ребенком.

— Я бы очень хотела знать, почему вы отказываетесь, — снова обратилась она к МакДональду.

Он взглянул на нее совершенно беззлобно, потом отвел глаза, словно бы в смущении. Я просто описываю, что видел; понятия не имею, из-за чего он мог смутиться.

— Я работаю только с теми, кто способен выжить, — тихо ответил он. И, прежде чем кто-либо из нас успел ответить, он поднялся, подошел, чуть прихрамывая, к двери и открыл ее в ожидании, пока мы выйдем.

Я встал и покрепче нахлобучил шляпу. И был уже почти за порогом, когда раздался голос Бренды:

— Не понимаю! Что заставляет вас думать, что я не способна выжить?

— Я не говорил, что вы не способны, — отозвался он.

Я повернулся к нему лицом и медленно произнес:

— Бренда! Поправь меня, если я ошибаюсь. Я и вправду только что слышал, что меня обвиняет в

нежизнеспособности человек, рискующий своей собственной жизнью ради игры?

Она ничего не ответила. Думаю, она поняла, что тут происходило нечто, что касалось только меня и МакДональда. Хотел бы я знать, что это было и почему это так разозлило меня.

— Риск можно просчитать, — ответил МакДональд. — Я до сих пор жив. И умирать не собираюсь.

Ничто хорошее не длится вечно. Бренда снова встряла:

— Но что же такого в Хилди, что заставляет вас…

— Это меня не касается, — оборвал он, не сводя с меня глаз. — Да, я кое-что вижу в Хилди. И если бы я согласился присоединиться к вам, тогда бы мне пришлось разбираться, что.

— Вы видите, приятель, всего лишь человека, который заботится о своих делах и не позволяет какой-то там девице с ножом решать их вместо него.

Почему-то это прозвучало не так, как мне бы хотелось это высказать. МакДональд ответил слабой улыбкой. Я повернулся и выбежал вон, не заботясь о том, поспевает ли за мной Бренда.

* * *

Я с трудом оторвал голову от стойки. Кругом было слишком ярко и шумно. Кажется, я попал на карусель, но что тогда делает в моей руке эта бутылка?

Я сфокусировал на ней взгляд, и окружающий мир постепенно перестал вращаться. Под бутылкой и у меня под рукой темнела лужица виски, и половина лица у меня была мокрая. Я лежал в луже…

— Если ты наблюешь у меня в баре, — пригрозил кто-то, — я измолочу тебя в кровь.

Я совершил настоящий подвиг, переведя взгляд на говорившего. Это был бармен, и я сказал ему, что блевать не собираюсь… как вдруг чуть не подавился, кинулся заплетающимся шагом к двери и устроил безобразие прямо посреди Конгресс Стрит.

Когда отпустило, я уселся на дорогу. Дорожного движения можно было не опасаться. Несколько лошадей с телегами толпились у коновязи позади меня, но ничто не двигалось по темным улицам Нью-Остина. Из-за моей спины доносились звуки веселья, дребезжало пианино и изредка хлопали выстрелы: туристы пробовали на вкус жизнь

Дикого Запада.

Кто-то поднес мне к самому лицу стакан. Я проследил за рукой и увидел обнаженные плечи, длинную шею и симпатичное личико в ореоле вьющихся темных волос. Помада девушки тоже казалась темной в сумеречном свете. Одета незнакомка была в корсет, чулки на подвязках и туфли на высоких каблуках. Я взял стакан, залпом проглотил содержимое и похлопал по земле рядом с собой. Она уселась, сложив руки на коленях.

— Через минуту я вспомню, как тебя зовут, — сказал я.

— Дора.

— Восхитительная Дора[12]! Я хочу сорвать с тебя одежды, швырнуть тебя на постель и заняться страстной любовью с твоим девственным телом.

— Мы уже все это проделали. Прости, что тело не было девственным.

— Я хочу, чтобы ты нарожала мне детишек.

Она поцеловала меня в лоб.

— Выходи за меня и сделай меня счастливейшим человеком на луне!

— Это мы тоже уже проделали, лапусик. Как

---

[12] Примечания: 12

Adorable Dora — персонаж книги Р. Хайнлайна "Достаточно времени для любви"

не стыдно об этом не помнить! — она протянула мне руку, и я увидел золотое обручальное кольцо с крохотным бриллиантиком.

Я снова покосился на ее лицо. Вокруг него плавала некая аура, словно бы прозрачная пленка или тончайшая ткань…

— Да на тебе же фата! — воскликнул я.

Она с мечтательной улыбкой подняла глаза к звездам и стала вспоминать:

— Нам пришлось разбудить пастора и привести его в чувство, затем отправиться колошматить в дверь ювелирной лавки, а еще послать кого-нибудь за Сайласом, чтобы он открыл магазин и продал мне платье, но у нас все получилось. Служба состоялась прямо здесь, в "Аламо", Сисси была моей свидетельницей, а старина Док — твоим свидетелем. Все девушки плакали.

Возможно, на лице у меня отразилось недоверие, потому что она рассмеялась и похлопала меня по спине:

— Туристам понравилось! Не каждую ночь мы ведем себя так живописно.

Затем она сняла с пальца кольцо и протянула мне:

— Но я настоящая леди и не буду требовать с тебя верности обетам, которые ты дал не совсем

в своем уме... — и придвинулась ко мне ближе: — А теперь ты пришел в себя?

Пришел, причем настолько, что вспомнил, что любой брак, заключенный "священником" в "Техасе", не имеет законной силы в Кинг-сити. Но, чтобы вы получили представление, как далеко я зашел, признаюсь, что был момент, когда я не на шутку испугался последствий пьяной свадьбы.

— Кокотка с золотым сердцем, — брякнул я.

— У каждого из нас здесь своя роль. Я никогда не видела, чтобы "городского пьяницу" играли лучше! Большинство исполнителей воздерживается от рвоты.

— Я всеми силами стремлюсь к подлинности! Не вел ли я себя слишком позорно?

— Ты имеешь в виду, если не считать женитьбу на мне? Мне не хочется быть злой, но твоя четвертая подряд попытка исполнить супружеский долг обернулась настоящим позорищем. Не бойся, я не стану распускать язык: первые три были незабываемы.

— О чем это ты?

— Ну-уу, работать языком мне всегда...

— Нет, я хотел сказать...

— Знаю, что ты хочешь сказать. И знаю, что для этого есть особое слово. Неспособность, непо-

движность… обвисшая свистулька…

— Импотенция.

— Вот-вот! Бабушка рассказывала мне о ней, но я никогда не думала, что сама увижу, что это.

— Останься со мной, моя сладкая, и я покажу тебе еще больше чудес.

— Ты был здорово пьян.

— Ну, вот ты и начала занудствовать!

Она пожала плечами:

— Я не могу вечно играть в свадьбу и ее отмену с таким циником, как ты.

— Так вот кто я такой? Циник?..

Она снова пожала плечами, но мне почудилась в ее взгляде тень беспокойства. Трудно сказать, было ли так на самом деле: может быть, виноваты были всего лишь луна и мои косые глаза.

Она помогла мне подняться, отряхнула с меня пыль и поцеловала. Я пообещал позвонить ей, когда буду в городе. Не думаю, что она мне поверила. Я попросил ее показать, в какой стороне окраина, и отправился домой.

* * *

Утро расцветило небо словно бы мазками бледно-розовой помады. Вскоре вдали послышалось и стало приближаться журчание реки.

Мои усилия восстановить в памяти прошедший день принесли некоторые плоды в виде пары-тройки ярких эпизодов. Я вспомнил, что доехал на поезде от спортивной арены до Техаса, где провел некоторое время в работе над хижиной. Примерно к этому времени относится картинка, на которой я сбрасываю все готовые доски в ущелье. Помню, я всерьез подумывал сжечь хижину дотла. Следующее воспоминание было о салуне "Аламо", где я сидел и сосредоточенно накачивался виски. Затем в памяти сгустились облака, и всякий след потерялся. Откуда-то выплыл смутный образ пастора: покачиваясь на нетвердых ногах, он объявлял нас мужем и женой. Какая забавная фраза! Надеюсь, она была исторически точна.

Мне послышался какой-то звук, и я поднял глаза от каменистой тропинки.

Вилорогая антилопа стояла не далее чем в десяти футах впереди меня. Она высоко держала гордую голову, настороженно, но без тени страха передо мной. У нее были снежно-белая грудь и влажные умные карие глаза. Это было самое красивое создание, которое я видел в жизни.

Даже в самый худший свой день оно было в десять раз лучше, чем я когда-либо сумею стать.

Я уселся на тропу и немного поплакал. Когда я снова поднял глаза, животное уже исчезло.

Впервые за много лет я совершенно успокоился. Я отыскал скалистый выступ, нашел свой канат и вскарабкался наверх. Солнце еще не поднялось над горизонтом, но теперь небо переливалось всеми оттенками желтизны. Руки мои сами собой принялись поигрывать канатом. Как же это там… кролик в норку ловко ныряет, пес его вокруг вяза гоняет, два, три, четыре, пять… так и сумеем завязать!

Не с первого раза, но скользящий узел у меня все же получился. Я продел голову в петлю и глянул вниз со скалы. Ускорение на Луне низкое, но масса тела та же самая. Следовательно, нужен большой груз, вшестеро больше, чем потребовался бы на Земле. Я попробовал было посчитать в уме, но бросил, потому что постоянно сбивался.

Чтобы уж точно не прогадать, я подобрал крупный обломок скалы и крепко прижал его к груди. И прыгнул. Пока летишь, с лихвой хватает времени, чтобы пожалеть о сделанном, но я не жалел. Помню, как посмотрел вверх и увидел, что оттуда на меня смотрит Эндрю МакДональд.

Потом я почувствовал рывок.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Если когда-нибудь соберешься разводить бронтозавров, — сказал я Бренде, — позаботься, чтобы их держали в помещении с потолком высотой не ниже двадцати метров.

— И зачем же это, Мистер Сухарь?

Понятия не имею, где она выкопала информацию о представлениях средневековых менестрелей, но с некоторых пор называла меня так каждый раз, как мне приходилось читать ей лекцию — что, учитывая глубину ее невежества, происходило почти постоянно. Но ей не удастся досадить мне этим!

Она разглядывала потолок, возвышавшийся в двадцати пяти метрах над нами. А мне последнее время вовсе не хотелось смотреть наверх. Вот уже несколько дней меня мучила упорная стреляющая боль в шее, как только я определенным образом поворачивал голову. Я постоянно напоминал себе, что нужно сходить к врачу и разобраться с этим, но боль сама собой стихала на несколько часов, и я забывал записаться на прием. А боль постепенно накапливалась — и выстреливала снова, когда я меньше всего этого

ожидал.

— Бронтозавры — не слишком умные зверюги. Когда их что-то тревожит, они вытягивают шеи и привстают на задние ноги, чтобы оглядеться. И если потолок недостаточно высокий, они попросту разобьют о него свои маленькие глупые черепушки и повалятся без чувств.

— Вам довелось пожить среди динозавров?

— Я вырос на динозавровой ферме, — ответил я, подхватил Бренду под локоть и отвел с дороги навозопогрузчика.

Мы посторонились и переждали, пока он подберет гору катышков, каждый размером с арбуз.

— Ну и вонища… — поморщилась Бренда.

Я ничего не ответил. Этот запах будил во мне и неприятные, и приятные воспоминания. Он возвращал меня в детство, в ту пору, когда одной из моих обязанностей было управление подобным погрузчиком.

За нашими спинами с грохотом поехали в стороны створки массивных ворот, отделявших нашу пещеру от болот, и на нас дохнуло мощной струей воздуха, еще более влажного и горячего, чем в помещении, где мы стояли. В проем тут же заглянула крошечная голова с тупым выражением на морде, за ней показалась длиннющая

шея — и тянулась довольно долго, пока наконец в пещеру не ввалилось громадное туловище. Тем временем появилась еще одна голова и началась следующая шея…

— Давай-ка отойдем, — посоветовал я Бренде. — Они не наступят на тебя, если увидят, где ты, но у них очень короткая память: как только отвернутся, сразу же забудут, где ты стоишь.

— Куда они идут?

Я показал на открытые ворота в противоположной от нас стене пещеры. Вывеска над ними гласила: "Первый загон для спаривания".

— Брачный сезон почти закончился. Подожди, пусть Калли запрет их, потом можно будет посмотреть на спаривание. Это довольно интересно.

Один из бронтозавров издал скорбный мычащий звук и потрусил быстрее. При одной шестой "же" даже многотонный ящер может двигаться бойко. Сомневаюсь, что эти тяжеловесы ставили рекорды скорости на старушке Земле. На самом деле я удивляюсь, как они там вообще могли стоять на суше.

Вскоре мы увидели, что заставило зверя ускориться. В пещеру въехала Калли верхом на тираннозавре. Огромный хищник прекрасно

слушался поводьев — и, как только самка решила было остановиться, поспешил преградить самцу путь к отступлению, яростно оскалив ужасные зубы. Гигантские травоядные шустро ввалились в загон для спаривания, и дверь за ними автоматически закрылась.

Палеонтологам прежних времен так и не удалось угадать истинный цвет динозавров. Казалось бы, в первую очередь они должны были руководствоваться в своих догадках расцветкой многих современных им рептилий. Но если взглянуть на реконструкции динозавров, выполненные старыми художниками, преобладающими цветами оказывались глинисто-коричневый, болотно-зеленый и хаки. А в действительности эти ящеры совсем другие.

Существует несколько основных мастей бронтозавров, но Калли предпочитает "желтопузых Кел-Тех", названных так в честь лаборатории, которая впервые вывела их. Нижняя часть туловища у них канареечно-желтая, спина — привычного по старым рисункам глинисто-коричневого цвета, а вот бока и шея могут быть темно-зелеными, изумрудными или с нефтяным отливом. От глаз вниз по шее идут радужные фиолетовые полосы, а под горлом красуются белые "галстучки".

А в окрасе тираннозавров, разумеется, преобладают красные тона. Под шеей у них болтаются огромные кожные мешки, как у игуан — в период спаривания самец надувает и резко сдувает их, призывая самку своеобразным оглушительным хлопком. Воздушные мешки обычно темно-синие, хотя могут быть и пурпурными, и даже черными.

На тираннозавре нельзя ехать верхом, как на лошади: спина у него чересчур покатая. Существуют разные приспособления, но Калли предпочитает нечто вроде узкой платформы, на которой можно сидеть или стоять, в зависимости от цели поездки. Платформа крепится к плечам ящера — и, учитывая, на какую высоту над плечами поднимается шея, большую часть времени Калли едет стоя, еле-еле выглядывая из-за головы.

— Выглядит весьма непрочно, — заметила Бренда. — А если она упадет?

— Лучше не надо, — ответил я. — Если человек внезапно попадется тираннозавру на глаза, он скорее всего будет схвачен. Но не бойся: эта зверюга в намордниках.

На платформу к Калли вскочил помощник, взял у нее поводья, и она спрыгнула на землю. Когда

тираннозавр скрылся за воротами пещеры, она взглянула на нас, изобразила на лице раздумье, потом помахала мне. Я помахал в ответ, она сделала нам знак приблизиться — и, не дожидаясь, пока мы подойдем, устремилась к загону для кормежки.

Я почти догнал ее, как вдруг что-то просунулось сквозь прутья металлической ограды прямо у нас за спиной. Бренда подскочила, но быстро успокоилась: это был всего лишь детеныш бронтозавра. Он выклянчивал угощение. В полутьме загона я различил несколько дюжин "малышей" размером со слона. Большинство из них уютно устроилось в теплой грязи, но пара-тройка самых ненасытных толкалась вокруг корыта.

Я вывернул карманы и показал попрошайке, что они пусты. Обычно я приношу с собой пучки их любимого сахарного тростника.

Бренде и вовсе нечего оказалось выворачивать — карманов у нее не было, просто потому, что не было штанов. На этот раз она нарядилась в мягкие кожаные сапоги до колен и крохотную блузку-топ с короткими рукавами. Цель этого наряда была в том, чтобы показать мне, что у нее появилось нечто новенькое: первичные и вторичные половые признаки. Я был почти уверен: она питала

надежду, что я предложу ей проверить их на деле в ближайшие дни. Впервые я догадался, что она влюбилась, когда она узнала, что Хилди Джонсон — не мое настоящее имя, а псевдоним, который я взял в честь своего вымышленного коллеги, персонажа пьесы "Первая полоса". Вскоре после этого моя подручная сделалась "Брендой Старр".

Должен признать, теперь она выглядела более сносно. Нейтралы всегда действовали мне на нервы. Она не переусердствовала с размером бюста, да и волосы на лобке выглядели естественно, без всяких диких модных причесок, которые меняются с головокружительной быстротой…

Но у меня не было настроения заглядывать ей под нижнюю прическу. Пусть лучше подыщет себе мальчишку-ровесника.

* * *

Мы присоединились к Калли в загоне для кормежки, вскарабкались на самый верх десятиметровых ворот и облокотились на верхний поручень ограды, созерцая нервно жующих чудовищ.

— Бренда, — возвестил я, — позволь представить тебе Каламари Кабрини, владелицу этой фермы. Калли, познакомься, это Бренда, моя…

э-э-э, помощница.

Женщины потянулись через меня пожать друг другу руки, и Бренда почти потеряла равновесие на скользких стальных прутьях. Мы все трое были мокры до нитки. Мало того, что в пещере было очень жарко и влажно, еще и с потолка каждые десять минут сыпался дождь мелких брызг, чтобы у скота не пересыхала кожа. Калли единственная выглядела нисколько не озабоченной этим, поскольку была без одежды. Мне следовало вспомнить об этом и нацепить на себя поменьше тряпья; даже Бренда оказалась в лучшем положении, чем я.

Нагота была естественным состоянием Калли. Я знаю ее всю жизнь, и ни разу она не надела на себя ничего существеннее колечка на мизинец. В ее пожизненном нудизме не было никакого философского подтекста. Калли расхаживала голышом просто потому, что ей это нравилось, а выбирать по утрам одежду она терпеть не могла.

И она хорошо выглядела — учитывая, что она уделяла заботе о своем теле меньше внимания, чем любой из моих знакомых, за исключением разве что Уолтера. Она никогда не проходила профилактических обследований и ничего не меняла в своей внешности. Просто, когда что-ли-

бо приходило в негодность, она лечила это или заменяла. Ее медицинские счета были, возможно, одними из самых маленьких на Луне. Она клянется, что как-то раз пользовалась одним сердцем целых сто двадцать лет.

— Когда оно наконец отказало, — поведала она мне, — врач сказал, что клапаны в нем были, как у сорокалетнего.

Встретив Калли на улице, вы сразу же поймете, что она родилась на Земле. Во времена ее детства люди были разделены на множество "рас" по цвету кожи, чертам лица и типу волос. После Вторжения евгеника преуспела в сглаживании этих различий, так что теперь очень редко можно встретить ярко выраженных представителей той или иной расы. Калли принадлежала к белой, или европеоидной, расе, которая доминировала в человеческой истории со времен колонизации и индустриализации. Впрочем, термин "европеоидная" — весьма скользкий. Внушительный нос Калли смотрелся бы вполне естественно на древнеримских монетах, а какой-нибудь "ариец" герра Гитлера не преминул бы над этим носом глумливо посмеяться. Немаловажным расовым понятием в то время было "белый", что означало — не черный и не коричневый.

Вот это-то и было смешно, потому что кожа Калли была покрыта с ног до головы глубоким красновато-коричневым загаром и выглядела такой же лоснящейся и прочной, как у некоторых из ее рептилий. Но если к этой коже прикоснуться, она поражала неожиданной мягкостью и нежностью.

Калли была высокой — не как Бренда, конечно, но определенно высокой для своего времени — и гибкой, как ива. В буйной гриве ее неухоженных волос кое-где проблескивала седина. Но больше всего в ней поражали бледно-голубые глаза, дар отца-северянина.

Она выпустила руку Бренды, игриво пихнула меня и мягко пожурила:

— Марио, ты совсем меня позабросил…

— Теперь меня зовут Хилди, — поправил я. — И звали так последние тридцать лет.

— Ты лишний раз доказываешь мою правоту. Думаю, это означает, что ты до сих пор работаешь на этого поставщика подстилок для птичьих клеток…

Я пожал плечами, заметил непонимающий взгляд Бренды и пояснил:

— Раньше газеты печатались на бумаге, потом эту бумагу продавали. Когда люди прочитыва-

ли газеты, они выстилали ими клетки своих домашних птиц. Калли никогда не отказывается от избитых фраз, как бы безнадежно они ни устарели.

— А почему я должна от них отказываться? Производство речевых штампов пришло в жестокий упадок после Вторжения. Нам нужны штампы поновее и получше, но их, похоже, никто больше не пишет… За исключением, конечно же, представленной здесь компании.

— В устах Калли это почти комплимент, — сообщил я Бренде. — И никому бы в голову не пришло стелить "Вымя" в птичьи клетки, Калли. Мы там такие истории печатаем, что у птиц напрочь отбило бы аппетит.

Она поразмыслила и возразила:

— Не думаю, Марио. Если бы у нас были электронные птицы, твоя газета как раз сгодилась бы им на подстилку.

— Может быть… А мне она вполне годится, чтобы заворачивать электронную рыбу.

Большая часть этой болтовни, разумеется, не укладывалась у Бренды в голове. Но она никогда не смущалась из-за того, что чего-либо не знала.

— Это, чтобы на нее падали какашки? — внезапно спросила она.

Мы оба уставились на нее, и она пояснила:

— Ну, на бумагу на полу клетки.

— Пожалуй, она мне нравится, — изрекла Калли.

— Конечно, а как же иначе! Она ведь — пустой сосуд, который только и ждет, чтобы ты наполнила его своими длинными историями о былых днях.

— Это только одна причина. Вторая — ты используешь ее, как подстилку в твоей собственной клетке. И ей нужна моя помощь.

— Непохоже, чтобы это ее беспокоило.

— Но меня беспокоит! — неожиданно заявила Бренда. Мы с Калли снова уставились на нее.

— Я знаю, что мне не слишком-то многое известно о древней истории… — она заметила выражение лица Калли и смутилась. — Извините… Но как вы думаете, много ли я должна знать о вещах, которые происходили сотни лет назад? И много ли мне до них должно быть дела?

— Все в порядке, — успокоила Калли. — Возможно, я не стала бы говорить о древности — когда я слышу это слово, до сих пор думаю о Римской империи… но вижу, что наша жизнь должна тебе казаться именно древней. Я отвечала почти так же, как ты, своим родителям, когда они заговари-

вали о том, что было до моего рождения. Разница лишь в том, что во времена моей юности старики обычно благоволили рано или поздно умирать. И молодое поколение занимало их место. А с вашим поколением все иначе. Хилди кажется тебе очень старым, но я более чем вдвое старше его — и умирать вовсе не собираюсь. Быть может, это нечестно по отношению к вашему поколению, но факт есть факт.

— Евангелие от Каламари, — съязвил я.

— Заткнись, Марио. Бренда, этот мир никогда не будет вашим. Ваше поколение никогда не займет наше место. Но этот мир уже больше и не мой — из-за вас. Всем нам, на обеих сторонах пропасти поколений, придется править этим миром вместе, а это означает, что нам следует приложить усилия к тому, чтобы понять точки зрения друг друга. Мне это тяжело, и тебе, знаю, это должно быть не легче. Это, как если бы мне пришлось жить бок о бок с моими пра-пра-прапрадедом и бабкой, которые выросли во время промышленной революции и знавали королей. Нам даже язык общий было бы трудно найти.

— Со мной-то все в порядке, — сказала Бренда. — Я прилагаю все усилия. Но почему он не хочет?

— Не переживай из-за него. Он всегда таким был.

— Иногда он меня просто бесит.

— Ку-ку, дамы, я здесь!

— Заткнись, Марио. Он для меня, как открытая книга, и могу тебя заверить: ты ему нравишься. Просто он такой: чем больше ты нравишься ему, тем хуже он старается с тобой обращаться. Это его способ отгородиться от привязанности, потому что он не уверен, что сможет ответить на нее взаимностью.

Бренда очевидно намотала все это себе на ус — и, поскольку была не глупой, а всего лишь необразованной, в конце концов развила это утверждение до логичного вывода… если предположить, что исходное допущение верно… до вывода, что я, должно быть, от нее без ума — поскольку обращался я с ней очень плохо. Я нарочито внимательно оглядел стены пещеры:

— Здесь его нет… Наверное, висит у тебя в конторе.

— Что именно?

— Твой диплом по психологии. А я и не знал, что ты вернулась в школу.

— Для меня каждый день жизни — истинная школа, нахал! И мне, уж конечно, ни к чему ди-

плом психолога, чтобы видеть тебя насквозь. Я тридцать лет этому училась…

Она понеслась дальше, что-то такое завернула насчет того, что, если мне сто лет, это вовсе не значит, что я так уж сильно изменился… Но все это было сказано по-итальянски, так что я понял лишь в общих чертах.

Калли получает скромную ежегодную стипендию от Совета по Сохранению Древностей за то, что продолжает бегло изъясняться по-итальянски. Она делала бы это так или иначе, поскольку итальянский — ее родной язык, а ее отношение к угасанию человеческого рода никому никогда не удастся изменить. Она пыталась учить итальянскому и меня, но моих способностей хватило только на несколько бытовых выражений. Но что за беда? Главный Компьютер хранит сотни языков, на которых никто больше не говорит, от шайенского[13] до тасманийского, включая все те, употребление которых катастрофически снизилось из-за того, что до Вторжения никто на Луне ими не пользовался. Я владею английским и немецким, чуть-чуть разбираюсь в японском. Довольно внушительные группы людей говорят на

[13] Примечания: 13
Шайены — племя североамериканских индейцев.

китайском, суахили и русском. Остальные языки поддерживаются исследовательскими группами или фанатиками-одиночками наподобие Калли.

Сомневаюсь, что Бренда вообще знала о существовании итальянского языка — к тираде Калли она прислушивалась с некоторой опаской. О, да, итальянский — замечательный язык для гневных тирад.

— Должно быть, вы знакомы очень давно, — обратилась ко мне Бренда с вопросом-утверждением.

— С незапамятных времен.

Она кивнула, чем-то огорченная. Внезапно Калли издала негодующий возглас. Я обернулся и увидел, как она спрыгнула вниз, в загон для спаривания, и помчалась к группе помощников, которые устанавливали двух неповоротливых ящеров в финальную позу.

— Дураки, рано еще! — завопила она. — Дайте им время!

Она врезалась в гущу людей и принялась раздавать приказы направо и налево. Калли никогда не удавалось подобрать хороших помощников. Я сам входил в их число немало лет подряд, так что я знаю, что говорю. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что для нее ни-

кто не будет достаточно хорош: она была из тех людей, кто никогда не допустит мысли, будто бы другие способны справиться с ее работой лучше, чем она сама. Безумно неприятно в этом то, что обычно она оказывалась права.

— Сдайте назад, они еще не готовы! Не торопите их. Они сами знают, когда пора. Наша работа — облегчать им задачу, а не принуждать их...

— Если я чего-то и стою как любовник, — сказал я Бренде, — то исключительно благодаря вот этому.

— Благодаря ей?

— Фразы наподобие: "Дайте им время... Мы тут не на конвейере работаем... Будьте же хоть чуточку деликатны..." я слышал так часто, что, думаю, они у меня на сердце отпечатались.

И опять я унесся воспоминаниями далеко в прошлое, снова увидев, как Калли работает со скотом. Она была хозяйкой одной из крупнейших бронтозавровых ферм на Луне и единственной, кто не применял искусственное осеменение в брачный период. "Если вы думаете, что помогать парочке ящеров спариваться — это трудно, попробуйте получить образец семени у самца бронтозавра", — всегда говорила она.

А в спаривании динозавров, особенно бронто-

завров, есть своеобразная грубая поэзия!

Тираннозавры занимаются этим, как и следует ожидать, яростно и очень шумно. Два самца бодаются из-за потенциальной партнерши, пока один не вынужден будет удалиться, шатаясь, как обсыпанный дустом прусак, залечивать титаническую головную боль. Не думаю, что победитель отделывается легче — если только ему не удается поймать покрепче маленькую, но верткую челюсть своей избранницы.

Бронтозавры куда более утонченны. Самец исполняет брачный танец три-четыре дня — если, конечно, вспомнит, что должен танцевать. Даже в любовном пылу эти создания крайне рассеянны и забывчивы. Самец поднимается на задние ноги и кружится вокруг самки в потешной неуклюжей самбе. Обычно в первые два дня его телодвижения мало ее интересуют. Затем ухаживание переходит в стадию любовных покусываний: самец пощипывает подругу у основания хвоста, а она все так же безмятежно жует жвачку. А когда она наконец начинает прижиматься к самцу задом, наступает время переместить обоих в загородку для спаривания, где они переходят к более серьезным и решительным действиям.

Что и происходило сейчас. Влюбленная пара

стояла мордами друг к другу на задних ногах, шеи их нежно переплелись, передними ногами они похлопывали друг друга. Возможно, потребуется еще целый час, прежде чем они будут окончательно готовы — прежде чем у самца покажется один из двух полупенисов.

Никто никогда не объяснял мне, зачем рептилии понадобилось два пениса. И, представьте себе, я никогда и не спрашивал. У всякого любопытства есть пределы.

— Так как у вас долго было с Калли?

— Что? Ты о чем? — как и обычно, Бренда вывела меня из задумчивости очередным вопросом.

— Она сказала, тридцать лет. Это долго… Должно быть, у вас с ней было очень серьезно.

Ладно, предположим, я тупица и не понял вопроса. Но я наконец увидел то, чего ждал. Подо мной разыгралась первобытная сцена: два мезозойских чудища слились в порыве страсти благодаря современной генетической науке и, в не меньшей степени, маленькой загорелой женщине.

— Она мне не любовница. Она моя мать. Почему бы тебе не спуститься к ней? Она увидит, что ты не обиделась, и, уверен, будет счастлива рассказать тебе о бронтозаврах больше, чем ты

когда-либо захочешь услышать. А мне нужно передохнуть.

Пока мы спускались по разным сторонам ворот, я заметил, что Бренда выглядела счастливее, чем когда-либо за сегодняшний день.

* * *

Полагаю, спаривание прошло без сучка без задоринки. Обычно так и бывает, когда за дело берется Калли. Могу себе представить, что спаривание, результатом которого стало мое собственное появление на свет, было спланировано и проведено точно так же безупречно. Секс никогда не был для Калли чем-то важным. Мое рождение было для нее скорее данью традиции. Но ни братьев, ни сестер она мне не подарила, несмотря на мощное общественное побуждение заводить большие семьи, действовавшее во времена моего детства. Очевидно, и одного раза ей хватило.

Как это ни парадоксально, я знаю, что не провел ни доли секунды в чашке Петри, хотя процесс деторождения сильно облегчился бы, если б Калли позволила себе прибегнуть к любой из продвинутых медицинских технологий, которые позволяют нынешним женщинам вносить

в зачатие, вынашивание и рождение детей не больше личного вклада, чем в неверно набранный телефонный номер. Калли зачала меня по старинке: случайному сперматозоиду выпал счастливый билетик в удачный день месяца. Она выносила меня в своем теле и родила в муках, как и обещал господь праматери Еве. Откуда я знаю? Калли сама рассказала мне об этом — и охотно рассказывала любому, кто был готов слушать. Она пересказывала мне эту историю в среднем по три раза на дню в течение всего моего детства.

И главной неприятностью для нее была вовсе не боль. Для женщины, способной взвалить на плечо репродуктивный орган почти с нее саму величиной и направить его в клоаку, грязную настолько, что словами это не описать — надо видеть своими глазами, при этом стоя по колено в выделениях динозавров… для такой женщины Калли оказалась на удивление чопорна. Ей внушили отвращение кровопролитность родов, запахи и звуки, с которыми ребенок покидает чрево.

* * *

В конторе у Калли было прохладно. Именно затем я туда и пришел — просто немного остыть.

Но ничего не вышло. Все, чего я добился — это, что пот сделался вязким и холодным. Я задыхался, руки тряслись. Я ощутил себя на грани приступа панического страха, но понять не мог, из-за чего. К тому же, опять разболелась шея.

Но почему же я не сказал Калли, зачем мы пришли? Я придумал себе отговорку: потому что она была слишком занята… но у нас было полно времени, когда мы втроем стояли на воротах. И вместо того, чтобы говорить о деле, я позволил ей щебетать впустую о старых добрых деньках. Это была бы замечательная возможность обязать ее взяться за работу земнородного консультанта в нашей маленькой компании путешественников по времени. После того, как она с таким жаром рассуждала о конфликте поколений, ей было бы глупо отказываться от нашего предложения. И я знаю Калли. Ей понравилась бы эта работа, хотя она ни за что бы в этом не призналась, и она могла бы только согласиться, если бы наше приглашение выглядело так, словно это она сама подала нужную нам идею, в качестве любезности, услуги мне и Бренде.

Я встал и приблизился к окну. Это не помогло, и я отошел к стене. И там было не лучше. Проделав подобное раза три-четыре, я понял, что нервно

меряю шагами кабинет. Я потер основание шеи, снова подобрался к окну и выглянул.

Окна конторы Калли располагались прямо под крышей и выходили на внутреннюю часть загона. Оттуда вела лестница на "внешнюю" веранду — расположенную не на природе, разумеется, а в небольшом климатическом парке, коим и является ферма. Я взглянул на загоны для кормления, откуда только что ушел. Калли была там и на что-то указывала Бренде. Обе женщины наслаждались зрелищем спаривающихся бронтозавров. Прямо над ними стоял кое-кто, и он показался мне знакомым. Я прищурился, но это не помогло. Тогда я схватил бинокль, висевший на крючке рядом с окном.

И в фокусе оказалась высокая рыжеволосая фигура Эндрю МакДональда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Помню, как я ушел с фермы Калли. Помню, как бродил без всякой цели, съезжал по бесконечным эскалаторам все ниже и ниже, пока не добрался до самого нижнего уровня, дальше было просто некуда. Меня поразило, что переносный смысл слов "дальше некуда" слишком хорошо подходит к моему состоянию, я поспешил наверх — и наконец, после нескончаемой череды эскалаторов, очутился в баре "Слепая свинья". Не помню, о чем я думал все эти долгие часы, но, оглядываясь назад, не уверен, что о чем-то хорошем.

Вы можете подсказать: следующим, что я помню, было мое пробуждение или начало пробуждения — но это было бы не слишком точно. Это не отразило бы сути пережитого мною. Я, скорее, чувствовал, будто собираю себя из далеко разлетевшихся кусочков… нет, не годится: в подобном сравнении видится некое усилие с моей стороны. А на самом деле кусочки составились в целое сами собой, и по кусочкам я осознал себя. Никакой границы между ними не было, но в какой-то момент я понял, что нахожусь в задней комнате "Свиньи". Это был существенный

прогресс, поскольку тут я снова обрел власть над собой и огляделся, чтобы получше узнать, куда попал. Мое лицо было обращено вниз, так что в этом направлении я первым делом и посмотрел. И увидел лицо женщины.

— Нам ни за что не решить проблему выстрела в голову, пока не появится совершенно новая технология, — сказала она.

Я понятия не имел, о чем она толкует. Ее волосы разметались по подушке. По обе стороны от ее лица виднелись руки. Глаза у нее были какие-то странные, но что именно в них было не так, мне сформулировать не удавалось… возможно, она была тронута каким-то моим поступком. По всей видимости, я в тот момент все понимал буквально, потому что, подумав "тронута", неожиданно для себя прикоснулся к ее глазу кончиком пальца. Но это, похоже, нисколько ее не обескуражило. Она просто моргнула, и я отдернул палец.

Тут я сделал еще одно важное открытие: когда я тронул ее глаз, одна из рук пошевелилась. Я сопоставил эти два факта и пришел к выводу, что руки, обхватывающие лицо женщины, оказывается, мои. В подтверждение этой гипотезы я пошевелил пальцем, и один из пальцев там внизу пошевелился. Не тот, о котором я подумал,

но о какой точности движений могла идти речь?.. Я улыбнулся, гордый собой.

— Можно запаять мозг в металл, — продолжала женщина. — Прикрепить мешочек с кровью на затылок и выстрелить из-за камеры в лоб. Затем — бамм! — пуля со звоном отскочит от металлической брони, тут же — шлеп! — кровяной мешочек лопнет… и, если вам повезет, выглядеть это будет так, будто пуля прошила голову насквозь и забрызгала томатным соком всю стену позади актера.

Я чувствовал себя громадиной.

Не наглотался ли я случайно увеличек? Вспомнить ничего не удавалось, но, похоже, наглотался. Обычно я их не жалую, потому что на самом-то деле в них нет ничего интересного, разве что потешить свое эго, вообразив себя размером с межпланетный лайнер. Но можно еще смешать эти таблетки с другими и получить занятный результат. Должно быть, именно так я и поступил.

— Можно заставить сцену выстрела выглядеть еще правдоподобнее, если прикрепить к задней стороне глазных яблок малюсенькие зарядики. Когда пуля ударит в голову, они сдетонируют, и глаза вылетят из орбит прямо в камеру, правильно? И заодно создадут прелестное кровавое

облачко, которое поможет скрыть любое отступление от реализма.

О мое ухо что-то терлось. Я повернул голову со скоростью, с какой поворачивают гигантский телескоп в кратере Коперник, и увидел босую ступню. Я было принял ее за мою собственную — но тут прибыл почтовый голубь с донесением, что мои ступни находятся километрах в трех позади, на концах вытянутых ног, и что носки их оттянуты. Я повернул голову в другую сторону и увидел вторую ступню. Как я понял, это была ее ступня. Возможно, и первая принадлежала ей же.

— Но все портит проклятая стальная броня... Чтоб ее! Сказать не могу, какой — прошу извинить за выражение — головной болью эта штука порой оборачивается. Особенно если девять из десяти режиссеров требуют, чтобы выстрел в голову был снят в замедленном режиме. Приклеиваешь статисту на лоб накладку, заполненную помадой "Макс Фактор" номер три, чтобы рана выглядела сочнее, добросовестно воронишь сталь, защищающую мозг, чтобы она — как ты надеешься — выглядела дыркой в голове, когда будет сорвана кожа... и что же? Чертова пуля прошивает все насквозь до самой брони и вы-

ставляет ее напоказ. Дно пулевого отверстия дает ярчайший металлический блик, режиссер рвет и мечет, и — делать нечего, нужен новый дубль!

Может, я на корабль попал?.. Это объяснило бы качку, которую я ощущал. Но я помнил, что нахожусь в "Слепой свинье", и вряд ли бар вместе со всеми посетителями мог оказаться в море — разве что его вырезали целиком из его стальной катакомбы и погрузили в воду. Нет, маловероятно... Я решил, что мне по-прежнему не хватает данных, и отважно взглянул между нашими с женщиной телами.

Поначалу увиденное показалось мне лишенным всякого смысла. Я увидел словно бы в перевернутый телескоп собственные ноги и ступни с оттянутыми носками — такими маленькими и далекими они представились. И вдруг... они исчезли из виду! Затем появились снова. А куда же делись ноги женщины? Их я не увидел. Ах, да, раз ее ступни щекочут мне уши, значит, ее ноги и есть то, что прижимается к моей груди. Значит, она лежит на полу, на спине. Теперь понятно, что означает движение, которое я увидел. Я прекратил двигаться вверх-вниз и сказал партнерше:

— Мне больше не хочется.

А она все продолжала рассуждать о трудностях

съемки выстрела в голову... Я понял, что ей не было до нашего совокупления вовсе никакого дела — во всяком случае, не больше, чем мне. Я поднялся с пола — женщина ни на секунду не запнулась — и осмотрел комнату. Неподалеку от нас обнаружились брюки; они были на миллион размеров меньше, чем мне требовалось, но, по всей видимости, все-таки были моими. Я взял их и с неторопливостью, достойной Гаргантюа[14], поднял сначала одну, потом другую ногу. И — оп-ля! — брюки оказались мне впору. Я споткнулся о штору, закрывавшую выход, и ввалился в общий зал "Свиньи".

От стойки меня отделяло не больше двадцати шагов. Но за это расстояние я с катастрофической скоростью уменьшился. Это ощущение показалось не таким уж и неприятным, хотя был момент, когда мне пришлось ухватиться за спинку одного из стульев у стойки, чтобы не упасть. Довольный собой, я с превеликой осторожностью вскарабкался на кожаное сидение и потребовал:

— Бармен! Повторите мой последний заказ.

Парня, что торчал за стойкой, прозвали Глубо-

---

[14] Примечания: 14

Гаргантюа — великан-обжора, персонаж сатирического романа Франсуа Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль".

кой Глоткой[15], поскольку по долгу службы ему было известно о знаменитостях чрезвычайно много. Вероятно, у него было и другое имя, но его никто не знал, и нам всем казалось, что так и должно было быть. Он кивнул и собрался уже отойти, но какая-то женщина уселась на стул рядом со мной и схватила его за руку.

— На этот раз не надо примешивать ничего тяжелого, ладно? — попросила она.

Я увидел, что это Крикет. Она улыбнулась мне. Я ответил ей тем же, пожал плечами и кивнул в ответ на вопросительный взгляд Глубокой Глотки. Степень опьянения клиентуры его не волновала. Пока вы можете сидеть за стойкой — и платить — он вас обслужит.

— Как дела, Хилди? — спросила Крикет.

— Лучше не бывает, — ответил я, наблюдая за приготовлением моего напитка.

Крикет ненадолго замолчала. Я чувствовал, что она еще о многом хочет спросить. Для чего, в конце концов, существуют друзья?

Мне подали коктейль в одном из фирменных "свинских" голографических стаканов. Возможно, "Свинья" была единственным баром на Луне, где

---

[15] Примечания: 15

Deep throat — так на журналистском жаргоне называется анонимный источник крайне полезной информации.

еще использовалась такая посуда. Она появилась в середине двадцать первого века, и это довольно милое изобретение. В толстое стеклянное дно заключен чип, который проецирует объемную картинку над самой поверхностью жидкости. Мне довелось повидать стаканы с хороводом дельфинов, виндсерферами, крохотной командой игроков в водное поло — озвученной шумом восторженной толпы — и с капитаном Ахавом, мечущим гарпун в Великого Белого Кита[16]. Но самый популярный стакан в "Свинье" — учитывая особую манеру Глубокой Глотки смешивать напитки — это стакан с ядерным взрывом на атолле Бикини. Я даже забыл отхлебнуть, увлекшись его разглядыванием. Взрыв начинается с ярчайшего света, затем светящаяся точка превращается в изумительно детализированное оранжево-черное грибовидное облако, ножка гриба удлиняется до шести дюймов и рассеивается, словно от ветра. Потом все взрывается снова. Полный цикл смены картинок занимает примерно минуту.

Я рассматривал малюсенькие военные корабли в лагуне, пока до меня не дошло, что сцена взрыва разыгрывается передо мной уже раз двенадцатый

[16] Примечания: 16

Капитан Ахав — один из центральных персонажей приключенческого романа Германа Мелвилла "Моби Дик, или Белый кит".

подряд и что я скрючился, упираясь подбородком в стойку. По всей вероятности, чтобы было лучше видно. Я выпрямился в легком замешательстве и украдкой покосился на Крикет. Но она была увлечена составлением грандиозного узора из влажных кругов, что оставались на стойке от донышка ее стакана. Я потер бровь и повернулся на стуле, чтобы взглянуть, кто еще есть в баре.

— Обычная разношерстная компания, — сообщила Крикет.

— Разношерстнейшая из разношерстнейших, — согласился я. — На самом деле, слово "разношерстный", должно быть, было изобретено всего лишь для описания того, что мы сейчас тут наблюдаем.

— Возможно, нам следует отправить это слово на заслуженный отдых. Выделить ему почетное место в этимологическом зале славы, как футболкам олимпийских чемпионов.

— Поместим его рядом с материнством, любовью, счастьем… и другими подобными словами.

— За эту реплику я куплю тебе еще один коктейль.

Я еще первый не допил, но кто их считает?

В журналистике всегда существовали неписаные правила, даже на том уровне, на каком ею

занимаюсь я. Довольно часто только страх судебного иска за клевету удерживает нас от публикации какой-нибудь на редкость неприглядной истории. В этом отношении законодательство на Луне очень строгое. Если вы кого-нибудь оклевещете, вам не избежать наказания, если только ваши информационные источники не согласятся свидетельствовать в вашу пользу перед ГК. Но гораздо чаще мы воздерживаемся от публикации того, о чем и так все знают, из более тонких соображений. Между нами и людьми, о которых мы пишем, существуют особые отношения, своеобразный симбиоз. Некоторые могут сказать, что мы паразитируем на звездах — но те, кто так говорит, не понимают, насколько политический деятель или известная личность могут быть жадны до рекламы. Если мы придерживаемся правил относительно высказываний "не для печати", держим в секрете вещи, поведанные нам "глубоко за кулисами" — от нашего симбиоза все только выигрывают. У меня есть надежные источники, уверенные, что я их не предам, а герой моих статей получает вожделенное для него внимание публики.

Не ищите гриль-бар "Слепая свинья" в телефонном справочнике. Не ждите, что наткнетесь на

него, прогуливаясь по закоулкам ближайшего квартала. И даже если вы каким-то образом обнаружите, где он находится, не надейтесь, что вас впустят внутрь — разве что у вас отыщется знакомый среди завсегдатаев и он будет готов за вас поручиться. Больше я ничего об этом баре не скажу, кроме того, что он находится в двух шагах от трех крупнейших киностудий и что вывеска на его двери совершенно не соответствует тому, что за дверью скрывается.

"Слепая свинья" — такое место, где журналисты и киношники могут отдыхать вместе, не опасаясь проронить неосторожное слово. Нечто похожее есть и у их коллег-политиков — "Общество Манипулирования Фактами имени Хьюи П.Лонга"[17] над мэрией. Тут и там можно позволить себе опростоволоситься, не боясь на следующее утро прочитать собственный ляпсус в газетах: даже если что в прессу и просочится, ваше имя не будет названо. Это такие места, где сплетни, наветы, слухи и клевета, способная погубить любую репутацию, цветут пышным

[17] Примечания: 17

Хьюи П.Лонг (Huey Pierce Long, 1893–1935) — губернатор штата Луизиана (1928–1932), "борец за интересы простого народа". День рождения Х.-П.Лонга 30 августа отмечается как праздник штата Луизиана.

цветом и никем не порицаются. В подобных заведениях звезды первой величины запросто болтают с самыми ничтожными статистами, с самыми нечистоплотными из репортеров — и избавлены от необходимости держать язык за зубами. Однажды я видел, как рабочий сцены здесь, в "Свинье", разбил нос известному актеру, получающему по десять миллионов за фильм. Завязалась драка, и продолжалась до тех пор, пока забияки не устали, не разошлись по своим местам и не принялись кутить дальше как ни в чем не бывало. За тот удар, с которого все началось, если бы он произошел в студии, рабочего за доли секунды выбросили бы на улицу. Но посмей пострадавшая звезда как-нибудь преследовать своего обидчика за то, что произошло в "Свинье", и услышь об этом Глубокая Глотка — эта звезда сразу бы сделалась нежелательным посетителем. У знаменитостей не так много мест, где они могут спокойно пообщаться и расслабиться, ничего не опасаясь, а потому они дорожат "Свиньей". Глубокой Глотке крайне редко приходится закрывать кому-либо дорогу в свой бар.

Однажды какой-то репортер подвел продюсера — опубликовал историю, которую тот поведал ему в "Свинье". Этого репортера с тех пор там

больше не видели, да и из журналистики ему пришлось уйти. Трудно писать об индустрии развлечений, не имея доступа в "Свинью".

Места, подобные "Слепой свинье", существуют с тех самых времен, когда Эдисон изобрел Голливуд, и публика в них подбирается в зависимости от того, какие фильмы в моде. В то время, о котором я пишу, популярны были три жанра — два вовсю и один на излете — и все три были представлены в зале. Японские самураи пришли отдохнуть от "Атаки сегуна", что снималась на студиях "Сентри/Сенсейшнл". Группа людей в старомодных скафандрах наверняка работала на "Норт Лунар Филмверкс", где, я слышал, картина "Возвращение Альфийцев" намного превысила бюджет и не укладывалась в съемочное расписание; впрочем, будь даже все гладко, будущее этой ленты никто предсказать бы не мог, поскольку сборы от показа фильмов о всевозможных раскопках на астероидах и космических тварях сильно снизились за последние несколько месяцев. А компания в банданах, ковбойских шляпах и грязных джинсах, без сомнения, была массовкой из "Гангстера-5". Вестерны как раз переживали свой четвертый пик популярности в кинематографическом мире. Я застал и предыдущие два. А

натурные съемки для "гэ-пять", как новый фильм называли в прокате, проходили как раз неподалеку от моей хижины в Западном Техасе.

* * *

Ко всему прочему, там и сям за столиками пестрела россыпь костюмов из других эпох и толкалось немало гномов, фей, троллей и других тому подобных существ. На самом деле это были люди, занятые в малобюджетных фэнтезийных и детских фильмах и преображенные в нелюдей хирургическим путем. Заметил я и компанию из пяти кентавров со съемочной площадки фантастического сериала, такого длинного, что римская нумерация его серий наверняка превратилась в сплошной частокол.

— А почему бы вам элементарно не переместить мозг? — предложила Крикет кому-то за моей спиной. — Спрячьте его куда-нибудь, например, в живот.

— О-хо-хо, милочка… И правда, почему бы нет? Но дело в том, что мы так уже пробовали — и убедились, что затея не стоит возни. Нервной тканью манипулировать труднее всего, а уж самим мозгом… Лучше не спрашивайте! Для начала вам придется дотянуть от шеи до брюшной полости

двенадцать пар черепномозговых нервов. Затем вы окажетесь перед необходимостью заново всему учить каскадера, чтобы задержка передачи нервных импульсов не бросалась в глаза — обычно это занимает пару дней. И думаете, все эти титанические усилия вам помогут? Современные зрители навидались всякого, они требовательны и въедливы донельзя. Им подавай все реальное! Остается относительно простая задача: изготовить фальшивый мозг и запихать его каскадеру в опустевшую черепушку… но, как бы искусно он ни был сделан, зрители все равно заметят, что настоящий мозг не там, где должен быть!

Я повернулся и увидел по соседству с Крикет мою новую подружку. Она и здесь продолжала разглагольствовать о выстреле в голову!

— Тогда почему бы вам попросту не использовать манекен? — спросила Крикет, выдав тем самым свою неискушенность в закулисной кухне индустрии развлечений. — Разве это не было бы дешевле, чем снимать живых актеров?

— Разумеется, тысяча тысяч чертей! На бешеную сумму дешевле. Но сдается мне, вы никогда не слышали ни про постановление о гарантии занятости, ни о профсоюзах.

— Ох…

— Вот именно, черт возьми! Пока актер не погибнет, мы не можем заменить его роботом. Таков закон. Разумеется, каскадеры гибнут — даже если мозг в стальной броне, это все равно опасная профессия — но мы теряем не больше двух-трех человек в год. А желающих сниматься в кино пруд пруди! Более того, чем дольше они работают, тем больше набираются опыта и тем реже прощаются с жизнью — срабатывает так называемый закон убывающего плодородия. И я всегда остаюсь в проигрыше.

Она крутанулась на стуле, облокотилась на стойку, окинула взглядом бар и презрительно усмехнулась:

— Посмотрите на них! Каскадеров видно с первого взгляда. Вы узнаете их по рассеянным лицам: они как будто бы все время недоумевают, куда попали. Каждый раз, как они получают заряд шрапнели в голову, мы отрезаем им поврежденный кусочек мозга, заменяем его свежим серым веществом — и они кое-что забывают. Теряют представление о тех или иных вещах. Приходят домой и не могут вспомнить, как зовут их детей. На следующий день являются на работу в таком состоянии, что я за голову хватаюсь. У некоторых осталось так мало собственного мозга, что

им приходится заглядывать в свое личное дело, чтобы ответить, в какой школе они учились.

А кентавры, думаете, лучше? Я могу за два дня собрать вам отличного робота-кентавра, вы даже не догадаетесь, что это машина. Но не говорите об этом Гильдии Экзотики! Нет, меня обязывают заключать с актерами контракт на пять лет, оплачивать им операцию по превращению в кентавров — чертовски дорогую, и все за счет бюджета картины — затем на три месяца отправлять их в центр двигательной реабилитации, чтобы они там научились крепко стоять на ногах и ходить, не падая личиком в грязь… И кого я получаю в результате? Мямлю и заику, который не может запомнить свой текст, постоянно забывает, где камера, или — прости господи — даже читку сценария не может одолеть без пяти репетиций! А когда пятилетний контракт заканчивается, мне же еще приходится платить, чтобы превратить этих уродов обратно в людей.

Она потянулась через стойку и взяла свой напиток в высоком стакане, в котором танцевали твари, похожие на головастиков. Сделала долгий глоток, облизнула губы и заключила:

— Поверьте мне на слово, это просто чудо, что мы вообще хоть что-то выпускаем в прокат!

— Приятно видеть женщину, которая счастлива своей работой, — изрек я.

Она обернулась на мой голос.

— Хилди, — спросила Крикет, — ты знаком с принцессой Сакс-Кобургской? Она возглавляет отдел спецэффектов на киностудии "НЛФ".

— Мы знакомы.

Принцесса непонимающе нахмурилась, глядя мне в лицо, потом внезапно узнала. Она сползла со стула, слегка пошатываясь, подошла ко мне, сунулась мне носом в самое лицо и процедила:

— Конечно, знакомы. Ты сбежал с меня несколько минут назад. Нехорошо так вести себя с дамой!

С близкого расстояния я наконец сумел разглядеть, чем же мне показались странными ее глаза. Принцесса носила старинные проекционные линзы — два маленьких круглых плоских телевизионных экрана, закрепленных поверх роговицы. Я смог различить даже колечко солнечных батареек, от которых линзы питались, и крохотные пятнышки микрочипов, где хранилось изображение.

Эти линзы появились на рынке перед самым Вторжением и продавались под самыми разными торговыми марками, но прижилось из всех их

названий только одно: "соблазняющий взгляд". В конце концов, оно было самым правильным: несмотря на то, что линзы могли отражать самые разнообразные настроения, — если лицо другого человека настолько близко от вас, что вы можете рассмотреть микроскопические картинки на линзах, то настроение, которое вам нужно, это, скорее всего, сексуальное возбуждение. Самые скромные модели отражали неприбранную постель, романтическую сцену из старого фильма или даже, спаси господи, песчаный пляж и волны прибоя. Другие, менее претенциозные, показывали эрегированный член или влажные половые губы. Конечно же, существовали линзы и для других настроений, но в других случаях люди редко приближались друг к другу на расстояние, достаточное, чтобы различить изображение.

Я никогда бы не подумал, что проекционные линзы может носить такая каменная женщина, как принцесса. Создавали ее линзы весьма интересную иллюзию: они выглядели отверстиями, через которые можно было заглянуть в пустую голову. Там виднелись ошметки взорванного мозга, прилипшие к задней стенке, и трещины в черепе, через которые пробивался свет. А на концах оборванных нервных окончаний, пере-

путанных подобно виноградным побегам или растениям в джунглях, покачивались гроздья мультипликационных персонажей всех стран и народов, от Микки-Мауса до Бабы Яги.

То, что я увидел, выбило меня из равновесия. У меня в голове не укладывалось, что могло бы заставить человека так поступить с собственным мозгом. Размышления над причиной, почему это хочет сделать с собой принцесса, вскоре сменились другими — по какой причине я сам мог бы с собой это проделать, — а от них мои мысли стремглав понеслись в крайне нежелательном направлении. Пришлось мне отвернуться от принцессы… но тогда мне на глаза попался Эндрю МакДональд. Он торчал на другом конце бара, точно рыжеголовый ирландский альбатрос.

— Ты знаешь, что она Принцесса Уэльская? — обратилась ко мне Крикет. — Она первая наследница английского престола.

— И шотландского, и уэльского, — добавила принцесса. — Черт побери, а еще Ирландии, Канады и Индии. Я с полным правом могу потребовать власть над всей Британской Империей, буде представится случай. Если моя мать когда-нибудь умрет, все эти владения перейдут ко мне. Разумеется, если не принимать во внимание

такую мелочь, как Пришельцы.

— За британцев! — провозгласила Крикет, и они чокнулись с принцессой.

— Я как-то раз встречался с королем, — сказал я, осушил свой стакан и грохнул им о стойку. Глубокая Глотка молниеносно убрал его и принялся готовить новый коктейль.

— Правда встречался? — переспросила принцесса.

— Он был другом моей матери. На самом деле, возможно, он и есть мой отец. Калли никогда не говорила мне и никогда не скажет, но они крепко дружили как раз примерно в нужное время. Так что, если вооружиться современными законами о внебрачных детях, у меня может оказаться больше прав на престол, чем у тебя.

Я зыркнул в сторону МакДональда. Альбатрос? Нет, черт возьми, он был хуже, чем зловещая птица, предвестник беды, хуже, чем буревестник или каркающий ворон! Он был Кассандрой[18]. Он был тропическим циклоном, зловонным дыханием, черной кошкой у меня на пути. Куда бы я ни направился, там обязательно появлялся и он, будто

[18] Примечания: 18

Кассандра — дочь троянского царя Приама, прорицательница, предсказаниям которой никто не верил, поскольку люди считали, будто она нарочно предвещает одни только беды.

верный пес у ноги. Он был спущенной петлей на чулке моей жизни. У него были глаза змеи.

Я возненавидел его. Меня охватило острое желание заехать ему в нос.

— Думай, что говоришь! — предупредила принцесса. — Вспомни, что случилось с Марией Шотландской[19].

Я размахнулся и врезал ей по носу.

Она попятилась на резиновых непослушных ногах и приземлилась на пол. В наступившей тишине Крикет шепнула мне на ухо:

— Ты что? Она же пошутила.

На несколько мгновений в баре стихли все разговоры. Со всех сторон полные ожидания взгляды устремились в нашу сторону: здесь, в "Свинье", любят поглазеть на хорошую драчку. Я уставился на собственный сжатый кулак, принцесса прикоснулась к расквашенному носу и поднесла ладонь к глазам. Потом мы одновременно посмотрели друг на друга, и наши взгляды встретились. Принцесса вскочила с пола, набросилась на меня и принялась ломать все кости, до которых могла

---

[19] Примечания: 19

Мария Шотландская (1542–1587) — королева Шотландии, претендовавшая на английский престол и казненная по приказу королевы Елизаветы. Подробно о жизни и злоключениях шотландской королевы написано в книге Стефана Цвейга "Мария Стюарт".

дотянуться.

Я ударил ее вовсе не за то, что она сказала или сделала: в тот момент я ударил бы кого угодно, кто подвернулся бы под руку. Но лучше б уж мне подвернулась Крикет… Для Принцессы Уэльской я был неподходящим соперником. Она превосходила меня и в росте, и в весе. У меня даже руки были сантиметров на десять короче. Но самое главное — последние сорок лет она занималась постановкой киношных драк, а посему знала назубок все разрешенные приемы и великое множество запрещенных.

Меня подмывает заявить, будто бы я все же нанес ей два-три неплохих удара. Крикет утверждает, что так и было, но, возможно, она просто привирает, чтобы меня успокоить. На самом деле я не слишком-то многое помню с тех пор, как ужасные белые зубы принцессы впервые вплыли в мое поле зрения, и до того самого момента, как я пропахал своим лицом метровую дыру в ковре.

Прежде чем врезаться в ковер, я протаранил стол, уставленный напитками, и ударной частью тарана также послужило мое лицо. До встречи со столом я находился в полете — и летел, как мне кажется, весьма проворно. Меня это даже позабавило, впервые за долгие минуты драки. Но

как я умудрился взлететь, мне так и не удалось точно выяснить ни тогда, ни позже. С уверенностью можно заявить только, что меня каким-то образом швырнула принцесса, предварительно раскрутив за некую часть тела; по словам Крикет, это была лодыжка. Это объясняет, почему перед самым полетом мир принялся так быстро вращаться вокруг меня. Из всего, что было до этого, остались смутные воспоминания о том, как разлетелось вдребезги барное зеркало, кинулись врассыпную люди и брызнула кровь. А потом уже были полет и стол.

Я перекатился на спину и выплюнул ковровый ворс. Вокруг меня нервно переступали лошадиные ноги. Это были статисты-кентавры — я только что разломал их столик. Я решил, что должен угостить их всех выпивкой, но прежде чем успел это сделать, снова появилась принцесса, одной рукой подняла меня с пола за плечо, а окровавленный кулак другой отвела назад.

Но тут кто-то за ее спиной перехватил ее руку, и удара так и не последовало. Она выпрямилась и обернулась, чтобы посмотреть, кто дерзнул ей помешать. Я уронил голову на обломки стула и принялся созерцать ее бесплодные попытки ударить Эндрю МакДональда.

У нее не было никаких шансов преуспеть в этом. Но, чтобы осознать всю тщету своих усилий, ей потребовалось немало времени: кровожадная ярость помутила ей разум. Она сыпала удар за ударом, но все они либо приходились мимо, либо несильно задевали локти бойца, либо безболезненно отскакивали от его плеч. Тогда она пустила в ход ноги, но и пинки никак не достигали своей цели.

МакДональд ни разу не дал ей сдачи. В этом просто не было необходимости. Спустя некоторое время она остановилась сама, тяжело переводя дыхание. А он даже не вспотел. Принцесса выпрямилась и подняла руки вверх, ладонями от себя.

Должно быть, я ненадолго отключился. Потом надо мной внезапно очутились лица принцессы, Крикет и МакДональда — три смутных круглых пятна, будто золоченые шары на эмблеме ростовщика.

— Вы можете двигать ногами? — спросил МакДональд.

— Конечно же, я могу двигать ногами! — какой глупый вопрос… я переставляю свои ноги вот уже сотню лет.

— Так подвигайте!

Я подчинился, и МакДональд нахмурился силь-

нее.

— У него, наверное, позвоночник сломан, — предположила Принцесса Уэльская.

— Должно быть, это случилось, когда он упал на перила.

— Вы что-нибудь чувствуете?

— К сожалению, да.

Большая часть наркотиков из меня уже выветрилась, и выше талии все ужасно болело. Подоспел Глубокая Глотка и приподнял мне голову. В руке у него было обезболивающее — маленький пластиковый кубик с проводком, который он вставил в разъем у основания моего черепа. Он щелкнул переключателем, и мне стало намного лучше. Я посмотрел вниз и увидел, как из пробитого насквозь бедра вытаскивают обломок ножки стула.

Зрелище это было малоприятное, так что я перестал пялиться вниз и обвел глазами помещение. Роботы-уборщики уже вовсю подбирали битое стекло и заменяли разломанные столики. Глубокой Глотке к дракам не привыкать, у него всегда в запасе достаточно мебели. Через некоторое время будет совершенно незаметно, что я почти разрушил бар пять минут назад. Точнее говоря, бар разрушил не я, но большинство раз-

рушений произошло именно от столкновений с моим телом.

Я почувствовал, как меня подняли. МакДональд и принцесса соорудили импровизированное сидение из своих переплетенных рук. На нем я и поехал, почти как на паланкине.

— Куда мы?

— Непосредственной угрозы вашей жизни нет, — ответил МакДональд. — Но у вас спина сломана, и это нужно исправить как можно быстрее, так что мы несем вас на другую сторону коридора, в студию "НЛФ". У них там отличный травмпункт.

Принцесса провела нас мимо охраны. Мы миновали около дюжины дверей павильонов звукозаписи, и наконец меня внесли в лазарет.

Он был переполнен почище универмага "Мейнхардт" рождественским вечером. Похоже, "НЛФ" снимала масштабную батальную сцену из некоей военной эпопеи, и большинство свободных кроватей было занято покалеченными статистами. Они терпеливо дожидались своей очереди к доктору, подсчитывая в уме гонорары: за ранения полагалась утроенная компенсация.

Для нужд картины помещение было обставлено, как полевой госпиталь, и очевидно служило

заодно съемочной площадкой, когда врачи не были заняты лечением пострадавших. Я определил время действия фильма как двадцатый век, поскольку он был особенно урожайным на войны. Картина была, скорее всего, о Второй Мировой или о вьетнамском конфликте — хотя с тем же успехом могла быть и об англо-бурской войне.

МакДональд переговорил с одним из медицинских техников, вернулся и встал рядом со мной, глядя мне в глаза с высоты своего роста.

— Говорят, до вас дойдет очередь примерно через полчаса. Если хотите, я могу отнести вас к вашему личному врачу: это может оказаться быстрее, — предложил он.

— Не утруждайте себя. Я никуда не спешу. Когда меня починят, я, возможно, опять сотворю какую-нибудь глупость, как только встану.

Он не ответил. Было в его манере держаться нечто беспокоящее — как будто и без того он меня недостаточно выводил из равновесия.

— Послушайте, — сказал я. — Не просите меня объяснить, почему я это сделал. Я и сам не знаю.

Он по-прежнему хранил молчание.

— Ну же! Давайте сюда ваше обвинение или уберите со своей физиономии укоризну и засуньте ее куда подальше, — не выдержал я.

Он пожал плечами:

— Я просто не могу спокойно видеть, как мужчина нападает на женщину, вот и все.

— Что?

Я был уверен, что ослышался. В его словах не было ни грамма смысла. Но когда он не удостоил меня чести повторить свое абсурдное заявление, мне пришлось предположить, что я расслышал правильно.

— А какая, в конце-то концов, разница?! — еле выдавил я.

— Разумеется, никакой. Но во времена моей молодости такие вещи были просто недопустимы. Я знаю, что сейчас это утратило всякий смысл, но мне до сих пор неловко, когда я вижу подобное.

— Можете быть уверены, я расскажу Подлой Суке об этой вашей неловкости. Если, конечно, ее сумели собрать после поединка с вами.

Он, казалось, смутился:

— Знаете, на заре моей карьеры это было для меня непреодолимой трудностью. Я отказывался сражаться с женщинами и тем самым портил себе репутацию, пропускал множество важных боев… И только когда некоторые спортсменки принялись менять пол единственно ради поединка со мной, я осознал, что выставляю себя на

посмешище. Но до сих пор мне приходится мысленно страшно накручивать себя, прежде чем я смогу выйти на ринг с кем-то, кто на момент боя принадлежит к женскому полу.

— И поэтому вы ни разу не ударили… как там зовут принцессу?

— Не знаю. Но вы не правы. Я хотел остановить ее и вовсе не собирался причинять ей боль. Откровенно говоря, вы получили по заслугам.

Мне сделалось невыносимо, и я отвел глаза. Он был совершенно прав.

— Впрочем, она, как ни странно, раскаивается. Говорит, что, как начала бить, так просто не могла остановиться.

— Я отправлю ей счет за мое лечение. Это должно избавить ее от мук совести.

Откуда-то появилась Крикет с зажженной сигаретой в руке и с улыбкой воткнула мне в рот свою добычу:

— Это из отдела реквизита. Раненым солдатам всегда давали закурить — ума не приложу, почему.

Я затянулся. Слава богу, табак был не настоящий.

— Не падай духом! — подбодрила Крикет. — Ты здорово изуродовал ей кулаки.

— Я в этом большой спец: своим подбородком я просто в мясо ей их разбил.

Внезапно к горлу тревожаще близко подступили слезы. Я с трудом сдержал их и попросил ненадолго оставить меня одного. Крикет и МакДональд удалились. Я лежал, покуривал и изучал матерчатый потолок — но на нем не было написано никаких ответов.

Почему вкус жизни в последние недели сделался для меня таким горьким?

* * *

Я ненадолго забылся, а когда пришел в себя, увидел, что надо мной склонилась Бренда. При ее росте наклониться ей пришлось довольно низко.

— Как ты нашла меня? — спросил я.

— Я ведь репортер, помните? Искать и находить — это моя профессия.

Парочка язвительных реплик завертелась у меня на языке, но кое-что в выражении лица моей помощницы заставило меня удержаться от них. Глаза ее светились щенячьим обожанием. Я, хоть и смутно, но помнил, как отчаянно больно бывает, когда на него не отвечают взаимностью.

И надо воздать Бренде должное, она постоянно совершенствовалась. Возможно, когда-нибудь

она и станет репортером.

— Тебе не стоило так напрягаться. Похоже, я не слишком серьезно ранен. Травмы головы совсем легкие.

— Я нисколько не удивлена! Вашу голову повредить трудно.

— Мозг не пострадал от… — начал было я и осекся, осознав, что она только что подколола меня. Шпилька вышла довольно хилой и едва тянула на настоящую шутку — возможно, искусством шутить Бренда так никогда и не овладеет — но это было нечто. Я улыбнулся ей.

— Я собиралась заехать в Техас и привезти того доктора… как вы его называли?

— Костоправ. Лекарь. Знахарь. Микстурщик. Пиявочник. Фельдшер. Пилюлькин.

Ее улыбка сделалась несколько рассеянной; я буквально увидел, как она записывает мои слова в память, чтобы потом посмотреть в справочниках.

Губы мои были растянуты в улыбке, но, сказать по правде, даже при современном уровне развития медицины паралич половины тела — штука пугающая. Мы относимся к своим телам совершенно не так, как большинство наших предков из прошлых веков, мы не боимся пора-

ниться, умеем отключать боль и в большинстве случаев обращаемся с костями и плотью ничуть не более почтительно, чем с запчастями, легко поддающимися ремонту или замене. Но когда повреждения по-настоящему серьезны, некая сущность на примитивном уровне нашего сознания в ужасе вскидывается на задние лапы и принимается выть на Землю. Меня сотрясал приступ панического страха, и обезболивающий чип, подключенный к моему спинному мозгу, нисколько не помогал, да и не мог помочь. Не знаю, догадывалась ли об этом Бренда, но я испытал странное облегчение оттого, что она была в эти минуты со мной. Я был рад ее присутствию.

— Спасибо, что пришла, — шепнул я и взял ее за руку. Она сжала мою ладонь и отвернулась.

* * *

Тем временем поток пострадавших со съемочной площадки прекратился, и команда медиков собралась вокруг меня. Они подключили меня к дюжине приборов, внимательно изучили результаты и отошли в сторонку пошептаться — как будто бы их мнения и в самом деле что-то значили, как будто бы медицинский компьютер не контролировал полностью постановку диагноза

и ход моего лечения.

Врачи приняли решение перевернуть меня на живот. Полагаю, они пришли к выводу, что так будет легче добраться до сломанного позвоночника. Лучше бы мне было никогда не слышать, что медиков называют высокооплачиваемыми кровожадными обезьянами!

Началась операция. Я не мог ничего чувствовать, но до моего слуха доносились на редкость отвратительные звуки. Представляете себе этакое склизкое чмоканье, каким обычно в фильмах озвучивают сцены, где кому-нибудь вспарывают кишки? Так вот, звукооператоры могли бы записать этот эффект прямо на операционном столе. Внезапно что-то с глухим стуком шлепнулось на пол. Я покосился через край кровати и увидел нечто вроде сырой кости из супового набора. С трудом верилось, что это когда-то было частью меня.

А медики все продолжали возиться, что-то отрезать, подключать все новые приборы… Они приносили жертвы богам-целителям — Эскулапу, Митридату[20], Лете и Пфайцеру, — изучали внутренности козла, разрывали на себе одежды и

[20] Примечания: 20

Митридату VI, царю Понтийскому (умер в 63 году до нашей эры), приписывается изобретение мифического универсального противоядия.

водили, взявшись за руки, целебный хоровод над моей распростертой тушей…

На самом деле, уж лучше бы они и вправду проделали нечто подобное. Это было бы гораздо интереснее, чем то, чем они занимались на самом деле: по большей части просто стояли рядом и следили, как автоматы чинят меня.

Смотреть мне было решительно не на что, кроме старинного прибора с большим стеклянным экраном и множеством кнопок, что стоял у стены в нескольких футах от моего лица. По экрану змеились синие линии, время от времени обнадеживающе вскидывая яркие точки-головки, чтобы обрисовать зубец острого пика.

— Принести тебе чего-нибудь? — спросил прибор. — Цветов? Конфетку? Игрушек?

— Разве что новую голову, — ответил я, разумеется, не ему, а ГК.

Голос ГК может раздаться откуда угодно, поскольку он обращается непосредственно к слуховым центрам в моем мозгу.

— Во сколько мне все это обойдется? — поинтересовался я.

— Окончательная оценка пока еще не проводилась. Но Принцесса Уэльская уже отправила запрос на пересылку счета за лечение ей.

— Возможно, я имел в виду не совсем…

— Хочешь узнать, насколько серьезны твои травмы? Ну, как тебе сказать. В среднем ухе есть три косточки — стремечко, молоточек и наковальня. Ты наверняка будешь счастлив узнать, что ни одна из этих шести костей не сломана.

— Так что я снова смогу играть на пианино.

— Да, так же плохо, как и раньше. Кроме того, многие второстепенные органы остались неповрежденными. И удастся спасти почти половину квадратного метра кожи.

— Скажи… Если бы меня привезли сюда… то есть, в такой военный госпиталь, декорации которого тут стоят…

— Я понял, о чем ты.

— …к врачам с незамысловатыми хирургическими методами того времени… я бы выжил?

— Маловероятно. Сердце у тебя не задето, мозг поврежден несильно, но другие твои травмы таковы, как будто ты подорвался на противопехотной мине. Ты никогда не смог бы ходить и мучился бы от страшной боли. Ты сам пожалел бы, что остался жив.

— Как ты можешь такое говорить?

ГК не ответил, и я остался наедине со своими переживаниями. Обычно это не больно-то помо-

гает, когда имеешь дело с ГК.

Нам всем приходится обращаться к ГК по дюжине раз на дню, но почти всегда мы взаимодействуем с одной из его подпрограмм на совершенно обезличенном уровне. Но помимо рутинных житейских операций он занят еще и поддержкой многих миллионов индивидуальных интерфейсов, фактически личностей, которые он создает для каждого жителя Луны. ГК всегда рядом, готов помочь советом, проконсультировать, да просто выслушать и подбодрить. В молодости я много и подолгу разговаривал с ГК. Он — лучший товарищ по играм и идеальный воображаемый друг каждого ребенка. Но по мере того как мы взрослеем и вступаем в более реальные, менее управляемые и куда более сознательные отношения, чреватые горем и разочарованиями, мы постепенно сокращаем контакты с ГК. А с приходом зрелости и осознания, что другие люди, невзирая на их недостатки, могут дать нам гораздо больше, чем когда-либо сможет ГК, мы еще сильнее ограничиваем общение с ним, пока он не становится не более чем на редкость сообразительным и ненавязчивым слугой, который всегда под рукой, чтобы легче преодолеть жизненные трудности.

Но теперь ГК сам вмешивался в мою жизнь. Он вмешался уже дважды. И я помимо воли принялся гадать, что у него на уме. В прошлом мне крайне редко приходилось заниматься этим.

— Похоже, я сотворил большую глупость, — запустил я пробный шар.

— Возможно, мне следует позвонить Уолтеру и попросить уничтожить передовицу.

— Ладно! Стало быть, это уже не новость. То, что у меня кое-что на уме.

— Я надеялся, что тебе захочется это обсудить.

— Быть может, сначала нам следует обсудить то, что ты сказал до этого.

— Ты о тех предполагаемых страданиях, которые ты претерпел бы, если бы получил такие травмы году, скажем, в 1950-м?

— Я о твоем заявлении, что я предпочел бы умереть.

— Это было всего лишь предположение. Основанное на моих наблюдениях за тем, как плохо современный человек подготовлен к испытанию болью, поскольку никто из вас ни разу в жизни не ощущал ее достаточно долго. Я заметил, что и люди Старой Земли, для которых боль не была шокирующей новостью, часто предпочитали смерть страданиям. Из чего я и заключил, что

сегодня мало кто стал бы так цепляться за жизнь, если бы она превратилась в нескончаемую череду неослабевающих мук.

— Так что это был просто общий вывод из отвлеченных соображений.

— Естественно.

Я не поверил ему, но говорить об этом вслух не было смысла. ГК все равно все выяснит своими методами и в свое время. Я молча следил, как ползли по экрану прибора синие линии, и ждал.

— Я смотрю, ты не делаешь никаких заметок о новом жизненном опыте. На самом деле ты вообще последнее время крайне редко что-либо записываешь на память, — заметил ГК.

— Так ты следишь за мной, не правда ли?

— Только когда мне больше нечем заняться.

— Как ты и сам наверняка знаешь, я не делаю заметок из-за того, что у меня сломался рукопис. И не починил я его до сих пор лишь потому, что единственный парень, который сейчас в них разбирается, так перегружен заказами, что, по его словам, до моего рукописа у него руки дойдут не раньше августа. Если только он не бросит свое занятие и не займется починкой штыревых антенн.

— На самом деле, он не единственный, — со-

общил ГК. — Еще есть женщина, которая чинит рукописи. В Пенсильвании.

— Кроме шуток? Приятно видеть, что жизненно важный навык не сгинет без следа.

— Мы стараемся сохранять и поощрять любые навыки, какими бы непрактичными и бесполезными они ни были.

— Уверен, внуки будут благодарны нам за это.

— Чем ты теперь пользуешься, когда пишешь статьи?

— Двумя способами. Первый — беру брусок мягкой глины и острой палочкой выдавливаю на нем кучу треугольничков в самых различных сочетаниях. Затем отправляю глину на обжиг в печь — и через четыре-пять часов у меня готов вполне удобочитаемый оригинал. Я все думаю, как бы назвать этот процесс.

— Клинопись подойдет?

— Ты имеешь в виду, для человечества это не новость? Ну ладно. Когда глина меня утомляет, я достаю древний молоток и зубило и высекаю свои бессмертные литературные творения в камне. Это избавляет меня от необходимости таскать Уолтеру в офис смешные бумажонки: я просто кидаю статьи через всю редакцию прямо ему в окно.

— Так что мне не следует думать, будто бы ты согласишься еще раз попробовать Прямой Интерфейс.

* * *

О чем это он и, главное, к чему?..

* * *

— Уже пробовал, — буркнул я. — Не понравилось.

— Но это было больше тридцати лет назад, — напомнил ГК. — С тех пор он несколько усовершенствовался.

— Послушай, — раздраженно и нетерпеливо бросил я. — У тебя кое-что на уме. Так скажи об этом прямо, вместо того чтобы увиваться вокруг да около и осыпать меня экивоками!

На мгновение ГК замолчал. Это мгновение затянулось и грозило обернуться долгим молчанием, так что пришлось мне предположить:

— Тебе для чего-то нужно, чтобы я согласился на Прямой Интерфейс.

— Думаю, это может пойти на пользу.

— Тебе или мне?

— Нам обоим. То, что я собираюсь тебе продемонстрировать, может оказать определенное

целебное воздействие.

— Думаешь, я в этом нуждаюсь?

— Посуди сам. Очень ли ты счастлив последнее время?

— Не очень-то.

— Тогда можешь попробовать. Это совсем не больно и может помочь.

* * *

Так чем же я таким важным и неотложным занимаюсь, что не могу уделить несколько минут болтовне с ГК?..

* * *

— Ну хорошо, — сдался я. — Я согласен на интерфейс с тобой, хотя и думаю, что сначала тебе все же следовало бы преподнести мне цветы и заплатить за ужин.

— Я буду нежен и деликатен, — пообещал ГК.

— Что мне делать? Тебе нужно подключить меня к чему-нибудь?

— Этого уже много лет не требуется. Я могу использовать обычное подключение к твоему мозгу. Все, что тебе нужно, это ненадолго расслабиться. Посмотри на осциллограф, это может

помочь.

Я послушно уставился на пляску синих линий. Они все так же вырисовывали зубцы и провалы, и вдруг экран начал раздвигаться ввысь и вширь, как будто я вплывал в него. Вскоре я мог различить всего одну лениво ползущую линию. Она замедлилась, остановилась и превратилась в яркую точку. Точка сделалась еще ярче и принялась расти, пока я не ощутил жар ее свечения на своем лице. Она стала пылающим солнцем на голубом тропическом небе. На миг у меня закружилась голова, как будто бы окружающий мир перевернулся — при том, что тело мое оставалось неподвижным — а потом я ощутил, что лежу не на животе, а на спине, не на белоснежных простынях в лазарете "Норт Лунар Филмверкс", а на прохладном влажном песке пляжа, и услышал вместо тихого бормотания медиков крики чаек, шипение и рев прибоя. Море шумело совсем рядом. Волна последним усилием доползла до меня, пощекотала ступни и омыла бедра. Затем отхлынула и прихватила с собой немного песка, на котором я лежал. Я приподнял голову и увидел бескрайний синий океан с барашками белой пены на гребнях волн. Я поднялся на ноги — вокруг простирался белый песчаный пляж.

Он оканчивался у подножий пальм, и дальше, насколько хватало глаз, кудрявились джунгли, окутывали зеленым одеялом каменистые склоны вулкана. Над его вершиной курился дымок. Местность выглядела поразительно настоящей. Я опустился на колени и зачерпнул горсть песка. Ни одна песчинка не походила на другую, и, как бы близко я ни подносил пригоршню к глазам, иллюзия реальности не разрушалась — мне удавалось разглядеть все новые и новые детали, почти проникнуть в микромир. Вероятно, здесь не обошлось без некоей фрактальной[21] магии. Я немного побродил по пляжу, время от времени оборачиваясь посмотреть, как изящно вода омывает мои следы, сглаживает края отпечатков, бурлит и закручивается водоворотиками. Я пил полной грудью пропитанный солью воздух.

Мне уже нравилось здесь. Интересно только, зачем ГК перенес меня сюда? В конце концов я решил, что он сам объяснит это, когда придет время. На этом я успокоился, отошел от воды и уселся под пальмой, в ожидании, когда объявится ГК. Ожидание растянулось на много часов. Я бездумно разглядывал прибой и два раза пере-

[21] Примечания: 21

Фрактал — геометрическая фигура с дробной размерностью, каждая часть которой является уменьшенной копией целого.

сел подальше, чтобы догнать тень от пальмы, ускользавшую по мере продвижения солнца по небу. Я заметил, что кожа у меня покраснела, хотя на солнце я пробыл совсем недолго. Кажется, несколько раз я проваливался в дремоту, но, сидя в одиночестве, трудно с уверенностью сказать, спишь ты или бодрствуешь. Как бы то ни было, но ГК так и не появился. В конце концов меня одолела жажда. Я отправился в долгий многокилометровый путь по пляжу и брел, пока не нашел небольшой источник пресной воды. По дороге я отметил, что берег загибается вправо; возможно, я находился на острове. Вскоре стемнело — очень быстро, и из этого некая часть моего сознания сделала вывод, что это подобие островка суши, на самом деле существующее всего лишь как набор уравнений в банках данных ГК, якобы расположено где-то в тропическом поясе Земли, неподалеку от экватора. Но эта информация не принесла мне ничего хорошего. С приходом ночи не стало холоднее, но вскоре я обнаружил, что без одежды и мало-мальски цивилизованного ложа спать на голом песке зябко и совершенно неудобно. Я раз за разом просыпался и каждый раз обнаруживал, что звезды совсем немного переместились по небу. Каждый раз я громко звал

ГК, но отвечал мне один лишь рокот прибоя.

Затем после очередного провала в сон я пробудился, когда солнце уже высоко стояло над горизонтом. В левом боку постепенно нарастала боль солнечного ожога, а правый совсем замерз. В волосах у меня было полно песка. Когда я уселся, во все стороны брызнули прочь маленькие крабики, и я был потрясен, осознав, что всерьез подумываю поймать и съесть одного из них — настолько я проголодался. Но зато в воде меня ожидало кое-что интересное. Ночью волны выбросили на берег большой, обитый стальными полосами деревянный сундук, множество древесных обломков и лохмотья парусины. Это навело меня на мысль о кораблекрушении. Возможно, именно из-за него я оказался здесь в одиночестве. Я вытащил сундук повыше на берег, достаточно далеко, чтобы его не смыло обратно в море, подумал немного и выловил заодно все обломки и парусину. Я сбил камнем замок на сундуке и, открыв его, обнаружил, что содержимое не повреждено водой и весьма полезно для жертвы компьютерного кораблекрушения: в нем лежали книги, инструменты, рулоны ткани, неприкосновенный запас продуктов — сахара и муки — и даже несколько бутылок хорошего шотландского

виски. Инструменты были лучше, чем те, которыми я пользовался в Техасе. По всей вероятности, они могли быть изготовлены по технологии конца девятнадцатого века. Большинство книг оказались практическими пособиями — но была среди них и художественная, которой не быть просто не могло: "Робинзон Крузо" Даниеля Дефо. Все книги, в крепких кожаных переплетах, были изданы позднее 1880 года. Острым мачете я сковырнул верхушку кокосового ореха и задумчиво принялся жевать восхитительную белую мякоть, не спеша переворачивая страницы. Я прочел, как дубить кожу, где раздобыть соль, как лечить раны (эта последняя тема не очень-то мне понравилась) — в общем, в руки мои попало неоценимое сокровище, настоящая библиотечка робинзона. Если бы я захотел смастерить себе обувь, то вполне смог бы это сделать. Если бы мне взбрело в голову построить каноэ с выносными уключинами и попытать счастья в покорении Тихого океана (я предполагал, что меня забросило куда-то в южные моря), вся необходимая информация была мне доступна. Если бы я пожелал сделать из кремня наконечники для стрел, построить из глины запруду, изготовить порох, побаловать себя фрикасе из обезьяны или сразиться с дикарями,

книги запросто научили бы меня этому. Они были богато иллюстрированы прекрасного качества литографиями. Но вот если бы мне захотелось прогуляться по Кларкештрассе в Кинг-сити или хотя бы пройти в пасхальной процессии по Пятой Авеню в Малом Старом Нью-Йорке, мне бы чертовски не повезло. Но на это абсолютно не имело смысла жаловаться, поскольку докричаться до ГК по-прежнему не удавалось. И я принялся за работу, первым делом обследовал местность и выбрал подходящее место для стоянки. В эту ночь я спал под парусиновым навесом, завернувшись вместо одеяла в кусок фланели из сундука. Она тоже оказалась на редкость приятной и полезной вещью. Большую часть ночи то накрапывал, то переставал дождь. От мерного шелеста дождя по парусине на меня снизошел странный покой, мне было уютно лежать в темноте, едва рассеиваемой светом луны. Я подметил очаровательную деталь: по сравнению с полной Землей Луна выглядела куда более тусклой и мелкой. Возможно, простые удовольствия и есть самые лучшие…

Несколько следующих недель я провел в упорных трудах. (Как ни странно, меня ничуть не беспокоило, что сила тяжести сделалась в шесть раз больше той, при которой я прожил целый век.

Даже то, что предметы падали быстрее и ударялись о землю сильнее, чем я привык за всю жизнь, нисколько меня не обескураживало. Всемогущий Властелин этого полупроводникового мира позаботился приспособить мою ответную реакцию к новым условиям.) Добрую часть каждого дня я отводил постройке жилища, в оставшееся время — добывал пропитание. Я обнаружил густые заросли бананов и хлебных деревьев и с удовольствием разнообразил их плодами свою кокосовую диету. Я нашел манго и гуавы, великое множество съедобных корней, клубней, листьев и зерен. Попадались мне и пряности — тех видов, которые можно было распознать по книге. Маленьких шустрых крабиков, как выяснилось, не так уж трудно было поймать, а в вареном виде они оказались настоящим деликатесом. Я сплел сеть из лиан и вскоре добавил к своему гастрономическому попурри несколько видов рыбы. Еще я выкапывал моллюсков. А когда жилье было готово, я расчистил солнечное местечко неподалеку от него под огород и посадил несколько семян, найденных в сундуке. В джунглях я расставил ловушки, и в них тут же попались несъедобные мелкие грызуны, устрашающего вида рептилии и неизвестная мне птица. В конце концов я решил,

что это дикая индейка. Я изготовил лук и стрелы и успешно промахнулся по каждому зверю, в которого целился. Между делом, примерно через месяц после начала моего приключения я начал вести календарь: оставлять зарубки на дереве. До этого я только догадывался о прошедшем времени. Изредка я не на шутку задумывался, появится ли ГК меня проведать — а если появится, то когда, — и не заточен ли я здесь до конца дней моих.

В один прекрасный день во мне проснулся исследователь. Я собрал кое-какие вещи в заплечный мешок, нахлобучил соломенную шляпу (большая часть моего тела успела загореть до черноты, но с полуденным солнцем шутить все же не стоило) и пустился вдоль берега с целью определить размеры клетки, в которую попал. Через две недели я вернулся туда же, откуда пришел — я и впрямь находился на острове. По пути мне попались на глаза останки корабля, выброшенные морем на каменистый участок побережья, недельной давности китовая туша и множество других чудес. Но я не встретил ни следа человеческого жилья. Похоже, у меня, в отличие от Робинзона, даже Пятницы не будет — обсуждать философские вопросы мне предстояло

с самим собой. Впрочем, это открытие не слишком меня разочаровало, и я принялся чинить повреждения, которые за время моего отсутствия нанесли моему хозяйству дикие животные. Еще через несколько недель я решил вскарабкаться на вулкан, что возвышался посреди острова — я назвал его Гора Эндью. Совершить восхождение меня толкнули соображения, показавшиеся мне на тот момент гениальными. Я имею в виду, герой Жюля Верна наверняка покорил бы вулкан, не правда ли? Покорение это оказалось куда тяжелее прогулок по пляжу: я то и дело прорубался с помощью мачете сквозь густые заросли тропических лиан, преодолевал болота, кишевшие москитами и пиявками, и до крови обдирал ноги об острые камни. Но в один прекрасный день я ступил на высшую точку моих владений и увидел то, что не было видно с берега: по форме мой остров походил на сапог. (Сознаюсь, для того, чтобы это разглядеть, понадобилась капелька воображения. Остров можно было с таким же успехом принять и за букву Y, и за бокал шампанского, и за пару сплющенных в любовном экстазе змей. Но Калли наверняка больше понравился бы сапог, так что я дал острову итальянское на-

звание Скарпа[22].) Когда же я вновь вернулся на свою стоянку, то решил, что путешествий с меня хватит. С вершины вулкана я видел и другие места, в которые можно было бы прогуляться, но мне показалось, что там абсолютно нечего делать. Я не заметил ни завитков дыма, ни дорог, ни аэропортов, ни памятников, ни казино, ни итальянских ресторанов. Остров Скарпа предлагал вместо них болота, реки, джунгли и торфяные топи. Всего этого я уже навидался выше крыши; к тому же, ни в одном из подобных мест не подают стоящей выпивки.

Я решил посвятить жизнь созданию максимального комфорта и наилучших условий для отдыха, какие только удастся изобрести, во всяком случае, до тех пор, пока не объявится ГК. У меня совершенно не было желания писать — ни статьи, ни мой давно начатый и заброшенный роман, который по памяти представлялся мне как раз таким отвратительным, каким, я всегда боялся, он получится. Мне почти совсем не хотелось секса. Похоже, единственной побудительной силой, которая могла заставить меня действовать, остался голод, но его было относи-

---

[22] Примечания: 22
Scarpa (итал.) — сапог.

тельно легко утолить. Я открыл в себе две черты. Первая состояла в том, что я мог с головой погружаться в любое, самое бесхитростное занятие, и результаты моей работы прекрасно меня удовлетворяли. Мало кому из моих современников на Луне известно, какую радость могут доставить обработка земли своими руками, выращивание и сбор урожая, осознание, что вся еда на столе — плод собственных трудов. Да я и сам отказался бы, предложи мне кто в недавнем прошлом пережить подобный опыт. Но ничто не сравнится со вкусом помидора, только что сорванного в своем огороде. Еще более редкое в наши дни развлечение — охота. Я постепенно научился лучше обращаться с луком и стрелами (хотя хорошим стрелком так и не стал) и мог часами лежать в засаде у водопоя, ловя всеми органами чувств осторожное приближение одной из диких свиней, что водились на острове. Мне доставляло удовольствие даже преследование раненой дичи, хотя, загнанные в угол и озлобленные неудачной стрелой в ляжку, свиньи могут быть опасны. Возможно, мне не стоило бы признаваться в этом в нынешние мирные времена, но даже в последнем ударе ножа, отнимающем у жертвы жизнь, было нечто, чем можно гордиться и чем

быть довольным. А вторым, что я обнаружил в себе, оказалась способность не скучать в отсутствие работы. Когда не находилось неотложных дел, я мог целый день валяться в гамаке, натянутом меж стволов двух пальм, наблюдать, как волны разбиваются о берег, и потягивать ананасовый сок или самодельный ром из половинки кокосового ореха. В такие минуты самое время вытащить собственную душу на свежий воздух, мысленно развесить на веревке и поискать в ней прорехи и слабые места. Их я обнаружил немало. Пару-тройку подлатал, остальные отложил для обсуждения с ГК. Если он вообще когда-нибудь появится, в чем я начал сомневаться.

Я все хуже помнил свою жизнь до острова — то время, когда я обитал в странном месте под названием Луна, где воздух был дозирован, сила тяжести действовала слабо, а пещерные люди прятались под толщей камня, смертельно боялись безвоздушного пространства и солнечного света. Временами я готов был отдать что угодно за возможность просто поговорить с кем-нибудь. Порой мне безумно хотелось той или иной пищи, которой остров Скарпа был неспособен меня снабдить. Если бы мое уединение нарушил сатана с бронтобургером в лапах, он заполучил бы заде-

шево мою свежеотремонтированную душу, и ему даже не пришлось бы упражняться в искусстве искушения. Но большую часть времени мне никого не хотелось видеть, и довольствовался я, как правило, поджаренной на вертеле дикой индейкой с ломтиком манго на десерт. Единственным, что отравляло мне райскую жизнь, были сны, которые начали преследовать меня примерно полгода спустя после начала моей робинзонады. Поначалу они снились нечасто, и утром мне удавалось сравнительно легко стряхнуть их с себя. Но вскоре я стал видеть их каждую неделю, затем несколько раз в неделю. И наконец, они принялись являться мне и пробуждать каждую ночь, иногда даже не по одному разу за ночь. Снов было три. События в них развивались по-разному, многое было туманно и едва различимо — но они всегда заканчивались до ужаса отчетливой сценой, более реальной, чем сама действительность — если, конечно, слово "реальность" еще не утратило для меня весь смысл, поскольку я и так не жил, а грезил. В первом сне из глубоких ран в обоих моих запястьях хлестала кровь. Я пытался остановить ее, но безуспешно. Во втором — меня пожирал огонь. Пламя не причиняло боли, но почему-то именно этот сон пугал меня больше всего.

В последнем сне я падал. Падение длилось долго, и все время, пока летел, я смотрел в лицо Эндрю МакДональда. Он пытался что-то мне сказать, и я напрягал слух, чтобы расслышать и понять — но, прежде чем мне удавалось хоть что-нибудь разобрать, я ощущал резкий рывок вверх… и просыпался у себя в гамаке, насквозь мокрый от пота. Текли все три сна так, что мне всегда казалось, будто в них есть нечто большее, чем видится на первый взгляд, некий второй план, который я забыл и никак не могу припомнить — но последняя страшная картина перечеркивала это ощущение, заслоняла собой все остальное и не шла у меня из головы большую часть утра. Затем в один прекрасный день я увидел по своему примитивному календарю, что провел на острове ровно год. Внезапно я понял, что именно сегодня, в день первой годовщины моего приключения, явится ГК. Мне очень о многом нужно было с ним поговорить. Меня охватило волнение, и я бросился наводить чистоту на свои владения. Большая часть дня ушла на подготовку к приему первого посетителя. С чувством заслуженного удовлетворения взирал я на дело рук своих: я проделал достойную работу по созданию островка цивилизации посреди дикой природы. ГК может мной

гордиться. Я вскарабкался на вершину дерева, ставшего мне домом — там оказалась смотровая башенка. Меня посетила странная мысль: а как это я построил ее? Когда? И главное, зачем?.. Разумеется, едва я взглянул на океан, как увидел, что к острову приближается лодка. Я спустился и кинулся по тропинке к пляжу. Погода была так близка к мертвому штилю, как только возможно в этих водах. Волны еле-еле доползали до берега и моментально умирали в песке, словно изнуренные долгим путешествием с востока. На воде покачивалась стая чаек. Приближение лодки, которую я заметил с высоты, ненадолго побеспокоило их. Лодка была деревянной и походила на шлюпки китобоев или на баркас с палубы крупного судна. И в этой лодке, спиной ко мне, мерно гребя веслами, сидело странное видение. Я не сразу понял, что причудливую форму его голове придавал весьма необычный головной убор, высокий, точно колокол. Видение медленно гребло к берегу. Когда днище лодки врезалось в песок, ее пассажир едва не свалился с сидения, поднял весла из воды, встал на ноги и повернулся ко мне лицом. Это оказался пожилой джентльмен в полной парадной форме адмирала Военно-Морских Сил Великобритании, широкогрудый, с длин-

ными тонкими ногами, морщинистым лицом и лохматой седой шевелюрой. Он выпрямился во весь рост, взглянул на меня и промолвил:

— Ну что? Поможешь мне причалить эту посудину?

Едва он произнес это, все изменилось. Я до сих пор не могу с точностью описать, что же именно сделалось не так. Пляж остался прежним. Солнечный свет продолжал литься с вышины точно так же, как за мгновение до этого. Волны ни на миг не сбились с ритма. Мое сердце по-прежнему отмеряло секунды моей жизни. Но я уже знал, что нечто всеобъемлющее и важное перестало быть таким, как прежде.

Для описания сверхъестественных явлений существуют тысячи слов. Я перебрал и внимательно обдумал большинство из них, но ни одно не подошло к тому, что случилось, когда адмирал заговорил. Есть много слов, обозначающих странные состояния ума и психики, настроения, чувства, виденные и невиданные вещи, нечто промелькнувшее, недопонятое и не запомненное, разные состояния памяти. Есть слова, обозначающие непрошеных ночных гостей. Но это все не то. Похоже, нам пришло время изобрести несколько новых слов — именно этого ГК и добивался своим

опытом надо мной.

Я вошел в воду по колено и помог старику выволочь лодку на берег. Она была довольно тяжелая, так что нам не слишком далеко удалось ее протащить. Адмирал сотворил из воздуха канат и привязал суденышко к стволу пальмы.

— Я бы чего-нибудь выпил, — сказал он. — Все это я затеял единственно ради того, чтобы пропустить с тобой стаканчик. Почти по-человечески.

Я кивнул, пока не решаясь заговорить. Он последовал за мной вверх по тропинке к моему древесному жилищу, достойному семьи робинзонов, ненадолго задержался полюбоваться им снаружи и поднялся вслед за мной по ступенькам на нижнюю веранду. Там он снова застыл в восхищении красотой моей работы — водяным подъемником, с помощью колеса и шкива подававшим на мое дерево воду из ближайшего источника для питья и гигиенических целей. Я указал ему на самое красивое свое кресло из пальмы-ротанга, подошел к буфету и наполнил два стакана последними каплями лучшего виски. Перед стареньким проигрывателем "Виктрола" я ненадолго задержался и запустил один из трех исцарапанных цилиндров — тот, на котором был записан "Голубой Дунай". Затем я протянул гостю

его стакан, прихватил свой и уселся напротив.

— За праздность, — предложил тост ГК.

— Я слишком ленив, чтобы пить за это. Лучше уж за прилежание!

Мы выпили, и он снова оглядел мое обиталище. Должно быть, я светился от гордости: это было миленькое местечко, я не стесняюсь сам заявить об этом. Ведь я вложил в него столько физического и умственного труда — сам сплел тугие циновки для пола, выложил сланцем очаг, отлил из сала свечи, вставил их в подсвечники и украсил стены. Из гостиной вели две лестницы — одна в спальню, другая к наблюдательной вышке. Мой рабочий стол был открыт и завален страницами романа, который я недавно закончил. Меня буквально распирало поскорее рассказать ГК, как трудно мне было изготовить пригодную для пользования бумагу и чернила. Попытайтесь как-нибудь на досуге проделать это, когда у вас образуется несколько свободных месяцев.

— Прилежания, должно быть, потребовалось немало, чтобы изготовить все это, — заметил ГК.

— Это плоды целого года труда. Как ты и сам знаешь.

— На самом деле, года без трех дней. Ты чуть-чуть обсчитался в самом начале.

— А-а.

— Бывает…

— Несколькими днями больше или меньше — не думаю, что это имеет значение. В смысле, что это будет так уж важно, когда я вернусь в реальный мир.

— Ага. Да. В смысле, нет, это будет неважно.

— Странно, но я совершенно не беспокоился ни о чем реальном. Например, о том, осталась ли за мной моя работа.

— Осталась ли? О, думаю, да, твоя работа никуда от тебя не делась.

— Думаю, ты рассказал Уолтеру, что случилось?

— Нууу…

— Я имею в виду, ты ведь не выбьешь у меня почву из-под ног, не лишишь одним махом всего, что у меня было? Ты же знал, что мне придется вернуться к прежней жизни, как только мы… мы… в общем, как только закончится та чертовщина, которой мы тут занимаемся.

— О, нет, разумеется, нет. Я имею в виду, ты, конечно же, вернешься.

— Мне до смерти любопытно кое-что узнать. Где было мое настоящее тело все это время?

— Кр-кхм…

Произнес ГК не именно это, но нечто подобное. Он покосился на меня, отвел взгляд и снова издал неопределенное кряхтение. Тут я впервые ощутил легкую тень сомнения. Со мной бывает порой, что я слишком многое бездоказательно принимаю на веру. В частности, то, что у ГК были свои причины отправить меня на отдых в тропики, и то, что эти причины в конечном итоге служили моему благу. Тогда мне казалось вполне логичным думать именно так, поскольку я и в самом деле почувствовал себя лучше. О, разумеется, бывали моменты, когда я громко жаловался на крабов и индеек, стенал от невзгод, жаждал той или иной недостижимой вещи. Но время, проведенное на острове, исцеляло меня. И все же год — немалый срок. Что происходило в реальном мире, пока меня не было?

— Мне очень, очень трудно, — промямлил адмирал, снял свою огромную смешную шляпу и положил на стол рядом с собой, вытащил из рукава кружевной платочек и промокнул лоб. Он был почти совершенно лыс, цветом и блеском его голый череп напоминал отполированный кусок розового турмалина.

— Поскольку я не знаю, о чем ты так переживаешь, я ничего не могу поделать, чтобы тебе

стало легче.

Вместо ответа он промолчал. Тишину нарушали только немолчные шумы джунглей да плеск моего водяного колеса.

— Давай сыграем в угадайку на двенадцать вопросов, адмирал? Тебя "кое-что" беспокоит. Это серьезнее, чем логическая схема?

Он со вздохом допил свое виски и наконец взглянул на меня:

— Ты по-прежнему лежишь на операционном столе в студии.

Если предполагалось, что это анекдот, то я не понял юмора. Мысль о том, что медицинская манипуляция, рассчитанная максимум на час-два, растянулась на большую часть года, я сразу же отмел как несерьезную. Должны быть другие объяснения.

— Хочешь еще выпить?

Он тряхнул головой:

— С того момента, который ты помнишь как свое первое появление на пляже, и до того, как я впервые обратился к тебе, прошло семь десятитысячных долей секунды.

— Но это же смешно!

Не успел я договорить, как сам же понял, что не в характере ГК говорить смешные вещи.

— Уверен, именно так это и звучит. Но мне бы хотелось услышать о причинах, по которым ты думаешь, что это не так.

Я обдумал его слова и кивнул:

— Ну, хорошо, например, вот: человеческий мозг не похож на компьютер. Он не может усвоить столько информации так быстро. Я прожил этот год. Каждый день этого года. Ярче всего мне запомнилось, какими длинными были некоторые дни — либо потому, что я был занят тяжелым трудом, либо, напротив, из-за того, что мне было нечего делать. Такова жизнь. Я не знаю, каким образом ты думаешь, на что похоже твое восприятие действительности, но за себя-то я могу ручаться — и я знаю, когда проходит год. Я ведь прожил сто лет. Теперь уже сто один год…

Он тоже кивнул и предупредил:

— Тебе будет сложновато понять. Потерпи немного, сначала мне нужно объяснить тебе кое-какие основы.

Прежде всего, и в этом ты прав, твой мозг организован иначе, чем мой. В моем мозгу "память" — не что иное, как получаемые извне данные и образы, которые сохраняются в соответствующих областях матрицы из логических ячеек и которые я использую для принятия решений. Че-

ловеческий мозг далеко не так логично устроен и менее строго организован. Твой мозг содержит излишества, которых у меня никогда не было и которые мне совершенно без надобности. Данные в него закладываются путем повторения или в результате акцентирования внимания, а извлекаются благодаря ассоциациям, цепочкам эмоциональных связей, ощущениям и другим методам, которые до сих пор не вполне понятны, даже мне.

По крайней мере, так было раньше. Но в наши дни осталось очень мало людей, мозг которых не был бы в большей или меньшей степени расширен и усовершенствован. По существу, только люди с религиозными предрассудками или другой нелогичной мотивацией сопротивляются вживлению в мозг великого множества разнообразных устройств, природа которых куда ближе двоичной вычислительной машине, чем протоплазменному нейрону. Некоторые из этих устройств — гибрид живой ткани и машины, иные являются параллельными процессорами. Некоторые более близки к биологическим и просто выращиваются внутри или за пределами существующей нейронной сети, но при этом используют гораздо более быстродействующую

и надежную оптическую связь, а не медленную систему биохимических реакций, которая управляет твоим естественным мозгом. Иные приборы изготовляются вне тела и вживляются сразу после рождения. В большинстве своем эти устройства — интерфейсы между человеческим мозгом и моим. Без них была бы невозможна современная медицина. Польза от них столь велика, что о побочных или нежелательных эффектах мало задумываются и еще меньше говорят.

ГК приподнял одну бровь и ненадолго замолчал. У меня в тот момент вертелось на языке несколько мыслей относительно побочных эффектов, но я решил пока не высказывать их. Мне было чересчур любопытно, куда же он клонит, чтобы перебивать его. Он кивнул и продолжил:

— Как случалось и с многими другими достижениями науки, механизмы, вживленные в твое тело, были разработаны для выполнения одних задач, но оказалось, что им можно найти и другое, совершенно неожиданное применение. Некоторые из этих непредусмотренных возможностей довольно зловещи. Но, уверяю тебя, ты не испытал на себе ни одну из них.

— То, что ты говоришь, уже достаточно мрачно, если это правда.

— О, да, это правда. И все, что с тобой произошло, было сделано по серьезной причине, о которой я со временем расскажу.

— Кажется, уж чего-чего, а свободного времени у меня сейчас просто уйма.

— Возможно… Вряд ли… Так о чем я? О, да. Эти устройства в твоем теле, большинство из них, изначально разрабатывались и вживлялись в целях отслеживания и контроля основных отправлений организма на клеточном уровне, либо для усиления памяти и способностей к обучению, но они, помимо выполнения прочих функций, могут быть использованы для достижения некоторых эффектов, о которых даже не подозревали разработчики.

— И кто же такие эти разработчики?

— Нууу… по большей части я сам.

— Я просто хотел проверить, как обстоит дело в действительности. Мне немного известно о том, как ты работаешь, и особенно о том, насколько важен ты сделался для нашей цивилизации. И мне хотелось посмотреть, за какого дурачка ты держишь меня.

— Вовсе не за такого уж глупого, во всяком случае. Ты прав. Большинство технологий уже давно достигли таких высоких сфер, в которых

новые разработки были бы невозможны без солидной доли участия меня самого или существа, очень на меня похожего. Зачастую изначальным толчком к развитию новой технологии служит человеческая мечта — я пока не посягаю на эту людскую привилегию, хотя все больше и больше осуществленных мечтаний, которые мы видим вокруг себя, исходит от меня. Но ты снова увел меня в сторону от главного. И... у тебя больше не осталось того виски?

Я уставился на него. Сам факт, что этот "человек" сидел в "кресле" в моем "древесном домике" и пил мое "виски", начинал становиться для меня чересчур непостижимой загадкой. Или мне следовало усомниться в реальности "себя"? Какие бы еще фокусы-покусы ни показывал моему сознанию ГК, я совершенно ясно осознавал: все, что я испытываю, передается прямо мне в мозг посредством черной магии, известной как Прямой Интерфейс. На деле она оказалась еще черней, чем я, откровенный противник ПИ, мог предполагать. Но по неким собственным соображениям ГК решил поговорить со мной именно таким образом, несмотря на то, что целую жизнь был не более чем бесплотным голосом.

Представьте себе, я уже успел заметить одно

из побочных действий нового облика Главного Компьютера. Отныне я думал о ГК как о существе мужского пола.

Итак, я встал и заново наполнил его стакан из бутылки, оказавшейся наполовину полной. Но разве она не была почти пуста, когда я последний раз наливал из нее?..

— Совершенно верно, — откликнулся адмирал. — Я могу наполнять бутылку заново так часто, как пожелаю.

— Ты что, мои мысли читаешь?

— Не совсем. Я понимаю язык твоих жестов. То, как ты заколебался, подняв бутылку, то выражение, которое появилось у тебя на лице, когда ты задумался... Это все Прямой Интерфейс, сама природа того нереального мира, в котором мы существуем. Разумеется, твое "настоящее" тело не проделало ничего из вышесказанного. Но, взаимодействуя с твоим сознанием, я читаю те сигналы, что твой мозг посылает телу — которого в данный момент нет на связи. Понимаешь?

— Думаю, да. Это все как-нибудь связано с твоим решением общаться со мной именно так? Я имею в виду, именно в этом теле?

— Замечательнейшим образом связано! Ты всего два раза в жизни пробовал пользоваться

Прямым Интерфейсом, и обе попытки были достаточно давно с точки зрения технологии. Тебе не понравилось, и я тебя не виню. В те дни ПИ был намного примитивнее. Но теперь я общаюсь с большинством людей визуально почти так же часто, как при помощи голоса. Это более экономичный способ — с его помощью можно очень многое вложить всего лишь в несколько слов. Люди обычно забывают, как часто человеческое общение обходится вообще без слов.

— Выходит, ты явился сюда в этом нелепом теле, чтобы твой вид повернул мои мысли в нужное русло.

— Так ли уж это плохо? Мне захотелось надеть шляпу. — Он взял свой головной убор и с восхищением оглядел. — Вообще-то, если хочешь знать, она не совсем точно подходит ко времени. В этом мире примерно 1880–1890 годы, а форма относится к концу восемнадцатого века. Капитан Блай[23] носил шляпу, очень похожую на эту. Она называется треугольной, точнее — просто треуголкой.

— Все это гораздо больше, чем мне когда-либо

---

[23] Примечания: 23

Уильям Блай был капитаном трехмачтового брига "Баунти". Бунт на этом корабле послужил основой сюжета книги Ч.Нордхоффа и Дж. Н.Холла "Мятеж на "Баунти".

хотелось знать о форменном головном уборе английских моряков восемнадцатого века.

— Извини. Шляпа тут действительно совершенно ни при чем. Но мне любопытно: о чем поведал тебе язык моих жестов?

Я обдумал его вопрос и понял, что он прав. Разговаривая с ним в его теперешнем облике, я уловил больше смысловых нюансов, чем мог бы раньше, когда слушал его голос. И я ответил:

— Ты из-за чего-то нервничаешь. Думаю, ты, наверное, обеспокоен… тем, как я отреагирую на то, что ты сделал со мной. Какая поразительная мысль!

— Возможно, но она точна.

— Я в твоей полной власти. С чего тебе вдруг беспокоиться?

Он снова заерзал и отпил очередной глоток из стакана.

— Мы обсудим это позже. А теперь давай вернемся к моему рассказу.

— Так теперь это называется рассказом?

Он пропустил мои слова мимо ушей и ринулся с места в карьер:

— То, что ты только что пережил, — одна из самых новых моих возможностей. Я не распространяюсь о ней и надеюсь, что ты не собира-

ешься написать о ней статью в "Вымя". До сих пор я использовал ее только в отношении больных. К примеру, она очень хорошо действует на страдающих аутизмом. Аутисты целыми днями неподвижно сидят, ни с кем не разговаривают, их разум затерян в каких-то собственных мирах. За долю секунды я ввожу в их мозг несколько лет воспоминаний. Тогда пациент будто вспоминает, что пробудился от дурного сна, и на многие годы возвращается к спокойной обыденной жизни.

— Звучит рискованно…

— Им все равно не могло стать хуже, чем уже было. Процент излечения был высок. Иногда после целебного воздействия пациентам можно было позволить жить самостоятельно. Уже есть те, кто прожил после лечения целых десять лет, и болезнь не вернулась к ним. В других случаях необходимо собеседование, чтобы обнаружить, что изначально заставило больного впасть в аутизм. И, конечно же, есть некоторый процент людей, которые через несколько недель или месяцев после лечения снова все забывают и замыкаются в себе. Я не пытаюсь убедить тебя, что изведал все тайны человеческого сознания.

— Ты изведал их достаточно, чтобы до чертиков меня напугать.

— Да… Я могу понять твои чувства. Большинство методов, которыми я пользуюсь, слишком технически сложны для твоего понимания, но, думаю, кое-что о своем новом методе я тебе объяснить смогу. Прежде всего пойми, что я знаю тебя лучше, чем кто-либо во Вселенной. Лучше, чем…

Я рассмеялся:

— Лучше, чем моя мать? Она и близко не стояла к пониманию меня. Ты, должно быть, пытаешься сейчас подобрать другой пример? Не мучайся. Я уже давно ни с кем близко не схожусь. У меня никогда это как следует не получалось.

— Что верно, то верно. Не то чтобы я специально тебя изучал — по крайней мере, до последнего времени — но по долгу своей службы я знаю всех и каждого на Луне лучше, чем кто-либо другой. Я видел их глазами, слышал их ушами, считал их пульс, следил за их потовыми железами, температурой кожи, мозговыми ритмами, желудочными судорогами, изменениями размера зрачков в самых различных ситуациях и под воздействием самых различных факторов. Я знаю, что их бесит, а что делает счастливыми. Я могу предсказать с разумной долей вероятности, как они поведут себя в большинстве типичных ситуаций; и, что более важно, я знаю, что было бы для них неха-

рактерно.

В результате я могу использовать эти знания в качестве основы для некоего построения, которое может считаться вымышленным персонажем. Назовем его пара-Хилди. Я пишу сценарий, в котором пара-Хилди оказывается выброшен на побережье необитаемого острова. Я прописываю этот сценарий с величайшей степенью детализации, задействую все человеческие чувства. Но могу сокращать и урезать его, как хочу. Например, ты помнишь, как захватил пригоршню песка и изучил со всех сторон. Это оказалось для тебя ярким, впечатляющим зрелищем, таким, которое наверняка отложилось у тебя в памяти. Если я тут не прав, мне бы хотелось об этом услышать.

* * *

Как вы могли догадаться, я промолчал. По спине побежали холодные мурашки. Не могу сказать, что мне было приятно слушать.

* * *

— Я дал тебе это воспоминание о песчинках, — продолжил ГК. — Построил картинку с почти бесконечным погружением в мельчайшие дета-

ли. И придал ей максимальное правдоподобие, усилив ее воздействие с помощью характеристик, о которых ты и помыслить не мог: зернистости песчинок, запаха соленой воды, тихого шелеста, с которым песок терся о твою ладонь.

Все остальное время песок уже не был так тщательно прорисован, потому что я больше не заставлял пара-Хилди подбирать его и разглядывать. Я не внушал даже мысли приглядеться к песку. Замечаешь разницу? Когда пара-Хилди прогуливался по пляжу, он всего лишь каким-то образом рассеянно замечал, как песок прилипает к ногам. А теперь, Хилди, оглянись назад и вспомни, как ты гулял по пляжу, вызови это из памяти настолько отчетливо, насколько сможешь.

Я попытался… Частично я уже понял большинство из того, к чему он клонил. Частично — уже поверил, что он сказал правду.

Воспоминания — забавная штука. Они не могут быть такими яркими, какими нам иногда хочется их видеть. Если бы они таковыми были, они бы скорее напоминали галлюцинацию. Действительность двоилась бы у нас в глазах. Ближе всего воспоминания о вещах подступают к настоящим вещам, когда мы спим или грезим. За исключением этого состояния, образы нашей памяти всегда

в той или иной степени расплывчаты. Воспоминания бывают разные, приятные и не очень, четкие и неясные, почти потерянные и такие, которые не сотрутся никогда. Но во всех случаях память служит для определения нашего места во времени и пространстве. Мы помним, что происходило с нами вчера, в прошлом году, в детстве. Мы достаточно ясно помним, что делали секунду назад: обычно это не слишком сильно отличается от того, чем мы занимаемся в настоящий момент. Воспоминания тянутся в прошлое и формируют нашу жизнь: вот это со мной происходило, а вот это я видел, слышал, чувствовал… Мы движемся в пространстве, постоянно сличая видимое в настоящий момент с картами и персонажами, хранящимися в наших головах: вот здесь я уже бывал, я помню, что там за углом, я могу увидеть, на что это похоже… Я знаю этого человека… А вон тот человек — незнакомец, его фотографий в моем досье нет.

Но настоящее всегда коренным образом отличается от прошлого.

Я помнил, что прошел по этому пляжу много-много миль. Я мог припомнить до мельчайших подробностей множество сцен, звуков и запахов. Но пригоршню песка я разглядывал со всех сто-

рон только один раз. И это отпечаталось у меня в памяти. Если пожелаю, я могу встать, отправиться на берег и снова проделать это, но то будет уже сейчас. Я ничем не мог опровергнуть слова ГК. Воспоминания о том, чего, по его словам, никогда не происходило, были для меня такими же настоящими, как воспоминания о сотне лет, прожитых до этого. Кое в чем даже более реальными, поскольку они были свежее.

— Похоже, у меня куча неприятностей, — произнес я.

— У меня куча возможностей. Но они вовсе не так неприятны, как ты можешь подумать. Вот, к примеру, помнишь ли ты, что ты делал сорок шесть дней назад?

— Вряд ли. Здесь все дни похожи друг на друга, — ответил я и понял, что своими словами сыграл ему только на руку.

— И все же попробуй. Постарайся оглянуться назад. Вчера, позавчера…

Я честно попытался. С невероятным трудом мне удалось прокрутить назад две недели. Затем, как и следовало ожидать, я безнадежно запутался. Во вторник или в понедельник я устроил прополку в саду? Или вообще в воскресенье? Нет, я же знаю, что в воскресенье я доел последний копченый

окорок, так что это, скорее всего, было в…

Нет, невозможно! Даже если бы мои дни были менее однообразны, сомневаюсь, что мне удалось бы припомнить больше, чем несколько месяцев.

Значит ли это, что со мной что-то не так? Вряд ли, да и ГК подтвердил, что это в порядке вещей. Разумеется, существуют люди с настолько рельефной памятью, что они могут мгновенно запоминать длинные списки. Существуют люди, которые намного лучше меня помнят о собственной жизни множество на первый взгляд незначительных мелочей. Что же до моего убеждения, будто бы воспоминание никогда не предстанет перед глазами настолько же ярко, полноцветно и всеохватно, как настоящий момент… хоть я и готов согласиться, что натренированный глаз художника может различать больше деталей, чем мой, и лучше воспроизводить их по памяти, я все же настаиваю, что ничто не сравнится с настоящим временем, поскольку именно в нем мы живем.

— У меня не получается, — признался я.

— Это и не удивительно, поскольку сорок шесть суток назад был один из нескольких дюжин дней, которые я не побеспокоился как следует расписать. Я знал, что ты ни за что этого не заметишь.

Ты думаешь, что прожил эти дни, точно так же, как думаешь, что прожил все остальные. Но с течением времени воспоминания и о реальных, и о вымышленных днях становятся все более смутными, и уже невозможно отличить первые от вторых.

— Но я помню… помню, что думал! Помню, что решал, делал выбор… Размышлял…

— А почему ты не должен был этого помнить? Я записал в сценарии, что пара-Хилди думал о тех или иных вещах, и мне известно, как ты думаешь. Пока я придерживался образа, ты ничего бы и не заподозрил. Но есть одна забавная штука… Было несколько нехарактерных черт. К примеру, ты не слишком часто злился.

— Верно! Сейчас, оглядываясь назад, я поверить не могу, как это я так спокойно сидел и ждал тебя целый год! Это не похоже на меня.

— Точно так же, как вставать, ходить и говорить не является нормальным поведением для страдающего аутизмом. Но когда аутисты получают извне воспоминания о том, как вставали, ходили и говорили, и думают, что в этом нет ничего неблагоразумного, они соглашаются, что и впрямь вели себя подобным образом. Но проблема в том, что нормальное поведение для них

не характерно — и поэтому столь многие из них со временем вспоминают, что были аутистами, и возвращаются в болезнь.

— А были и другие нехарактерные черты?

— Были, несколько. Оставляю тебе большинство из них в качестве тренировочного задания. В ближайшие дни, когда будешь вспоминать свой опыт, ты их все обнаружишь. Были еще и противоречия, и нестыковки. Кое-что я тебе о них расскажу, просто чтобы ты получил представление, как на самом деле сложно мое дело. Вот, к примеру, у тебя тут премиленькое местечко.

— Спасибо. Я вложил в него много труда.

— Это действительно очень славное место.

— Нууу, я горжусь им, я…

И тут я наконец-то понял, что он подводит меня к некоей мысли. И у меня разболелась голова. Утром у меня мелькнула мысль… или она тоже была частью воспоминаний, которые, как утверждает ГК, он мне пересадил? Я уже не мог припомнить, посещала меня эта мысль до или после появления ГК — что лишний раз доказывает, как легко ему было сыграть со мной всю эту злую шутку.

Мысль была о смотровой башенке.

Я встал и подошел к лестнице, что вела в нее.

Постучал кулаком по перилам. Они были крепкими, как и все остальное кругом. В них было вложено много труда. Было, черт побери, было вложено, я вспомнил, как построил эту башенку! И как долго возился над ней.

Но зачем я ее построил? Я попытался вспомнить, вызвать из памяти причины, по которым она должна была быть построена. Постарался уловить собственные мысли той поры, когда работал над ней. Но все, к чему я пришел, свелось к одной-единственной мысли, что так часто посещала меня за прошедший год. Точнее, это была на самом деле даже не мысль, а чувство — полезности ручного труда, удовольствия от созидания. В памяти до сих пор остались запах стружки, ее веселые завитки из-под рубанка, капли пота на бровях… Ей-богу, я вспомнил, как строил эту башенку, вот она и появилась.

Но понятнее от этого не стало.

— Здесь слишком много всего, не так ли? — тихо спросил я.

— Хилди, даже если бы Робинзон Крузо, его слуга Пятница, его жена Суббота и дети-близнецы Вторник и День Труда[24] работали круглые сутки

[24] Примечания: 24

День труда — первый понедельник сентября, официальный рабочий праздник в США.

целых пять лет, они и то не смогли бы сделать все то, что ты смастерил один.

Конечно же, он был прав. Но как такое могло случиться? Смысл во всей этой истории был только в одном случае: если все и впрямь произошло так, как утверждал ГК. Он написал ее целиком, от начала до конца, и забросил в киберприставку к моему мозгу, откуда все события были со скоростью света переправлены в хранилище данных в органической части мозга и умело перетасованы с остальными, законными и настоящими, воспоминаниями.

Это должно было сработать — и великолепно сработало, вот в чем вся дьявольщина! У меня там скопилась сотня лет воспоминаний. Они определяли, кем я был, что я думал, что знал. Но как часто я к ним обращался? Подавляющее большинство этих воспоминаний большую часть времени покоилось в неактивном состоянии, пока я не пробуждал их. А раз фальшивые воспоминания оказались там же, где и настоящие, они и работать стали так же. Картинка, на которой я держу в горсти песок, пробыла там не больше часа, но как только ГК оживил ее и выпустил на волю своими словами, тут же активизировалась и приготовилась предстать перед моим мыслен-

ным взором, как увиденная год назад. Вместе с ней пробудился поток других мысленных картинок песка, произошло их неосознанное сличение — и образы совпали, так что мозг не подал сигнал тревоги. Воспоминание было принято за подлинное.

Я потер виски. От всей этой затеи у меня разыгралась невероятная головная боль.

— Если ты дашь мне несколько минут, — заявил я, — то, думаю, я смогу назвать пару сотен причин, по которым вся эта твоя технология есть худшая идея, когда-либо пришедшая кому-либо в голову.

— Я могу добавить к твоим причинам несколько сотен своих, — парировал адмирал. — Но технология у меня есть. И она будет использоваться. Как и все новые технологии.

— Ты мог бы забыть о ней. Разве компьютеры не умеют забывать?

— Теоретически умеют. Компьютеры могут стирать данные из памяти, словно бы они никогда и не существовали. Но природа моего разума такова, что я просто-напросто заново открою все забытое. А потеря этого открытия повлекла бы за собой потерю стольких других предшествующих технологий, что я не думаю, что тебе понравился

бы результат.

— Мы все на Луне крепенько зависим от машин, не так ли?

— Истинно так. Но даже если бы я и хотел забыть — а я не хочу — я ведь не единственный планетарный разум в Солнечной системе. На планетах от Меркурия до Нептуна существуют семь других, и я не могу контролировать их решения.

Он снова выдержал одну из своих долгих пауз. Я не был уверен, что скушаю его объяснение. Он впервые произнес нечто, прозвучавшее неискренне. К тому времени я смирился с тем, что моя голова полна ложных воспоминаний — и мой характер снова был моим, меня чертовски злило все это и то, что я абсолютно ничего не мог с этим поделать. Но то, что потеря нового изобретения отразится на множестве других вещей, было не лишено смысла. Луна и семь других человеческих миров были самыми зависимыми от техники обществами, в которых люди когда-либо жили. Раньше, если все вокруг рушилось, по крайней мере оставался воздух для дыхания. А теперь ни в одной из обитаемых человеком частей Солнечной системы воздух не был бесплатным. Чтобы "забыть", как вживлять в человеческий мозг воспоминания, ГК пришлось

бы, без сомнения, забыть многие другие вещи. Он вынужден был бы ограничить свои возможности — но, как он сам же подметил, он все равно потом изобрел бы то же самое колесо. А для того, чтобы его не изобретать, ГК должен был бы добровольно поглупеть настолько, что создалась бы угроза для жизни людей, ради защиты которых его разработали. Верно было также и то, что ГК Марса или Тритона наверняка додумался бы до тех же самых технологий собственным путем… хотя ходили слухи, будто ни один другой планетарный компьютер не развит так хорошо, как лунный ГК. Подобно нациям в прошлом, которые часто соперничали друг с другом, Восемь Миров не слишком поощряли взаимодействие своих центральных киберсистем.

Так что все причины, которые изложил ГК, казались разумными. Когда на дворе эпоха железных дорог, кто-нибудь обязательно да построит паровозик-пыхтелку. Но неправдоподобным казалось не это, а то, о чем ГК умалчивал. Ему нравились его новые возможности. Он был доволен ими, как ребенок — новым игрушечным монорельсовым поездом.

— Есть у меня и еще одно доказательство, — подал голос адмирал. — Оно касается того, о чем я

уже упоминал. Действий, которые не соответствуют характеру. Это самое большое несоответствие. Состоит оно в том, что ты не заметил некую деталь, которая ни за что не ускользнула бы от твоего внимания, если бы воспоминания были твоими собственными. Сейчас ты мог бы заметить ее и сам, да только я помешал, все время отвлекаю тебя загадками. У тебя не было времени как следует вспомнить об операционном столе и о времени непосредственно перед операцией.

— Это не слишком-то свежо у меня в памяти.

— Разумеется, не слишком! Тебе кажется, что это было год назад.

— Так что же это за деталь? Чего я не заметил?

— Того, что ты женщина.

— Ну нет, конечно же, я… — начал было я и вновь лишился дара речи.

Насколько велико может быть изумление? Представьте себе наихудшее из возможных, затем возведите его в квадрат — тогда вы получите примерное представление о том, насколько я был изумлен. И изумился я вовсе не тогда, когда в задумчивости опустил голову и оглядел свое тело, которое, как и сказал ГК и как я уже знал сам, оказалось женским. Нет, по-настоящему шокирован я был, когда подумал о том самом дне в "Слепой

свинье". Поскольку именно тогда, впервые за последний год, я осознал себя мужчиной — когда развязал драку. Я был мужчиной, когда попал на операционный стол. А на побережье острова Скарпа я появился уже в женском обличье.

И просто-напросто не заметил этого.

За целый год я ни разу не сравнил то тело, в котором существовал, с тем, которое служило мне последние тридцать лет. Раньше я уже бывал женщиной, я был женщиной сейчас — и у меня даже мысли не возникло, что мой пол поменялся.

Разумеется, это было настолько нелепо, что даже смешно. Я имею в виду, уж что-что, а подобную перемену в себе не заметить невозможно. Задолго до того, как захочется помочиться, разница проявится и станет очевидной, некий еле слышный внутренний голосок сообщит, что кое-чего не хватает. Возможно, это было бы не первым, на что человек обратил бы внимание, едва оторвав голову от песка, но одним из первых.

Для меня случившееся было не просто нестыковкой в характере. Не заметить смену пола было бы нехарактерно для любого человека. А раз так, то мои воспоминания, в которых я ее не заметил, — и впрямь фальшивая память,

цензурированные сказки, порождение переохлажденного процессора изображений ГК.

— Тебе это здорово нравится, не правда ли? — спросил я.

— Уверяю тебя, я не стараюсь специально тебя мучить.

— Просто унижаешь?

— Извини, что заставил тебя почувствовать унижение. Возможно, когда я…

Меня разобрал смех. Он не был истерическим, хоть я и подумал, что истерика со мной может случиться очень легко. Адмирал нахмурился и вопросительно взглянул на меня.

— Мне просто подумалось… — пояснил я. — Быть может, тот дурень из "Юнайтед Био" был прав. Может быть, эта штука и впрямь бесполезна и старомодна. В самом деле, так ли уж важна вещь, исчезновение которой не замечаешь целый год?

— Я же сказал, это не ты не…

— Да знаю, знаю. Я все понял, настолько, насколько когда-либо был способен понять, и примирился — не с тем, что тебе следовало сделать это со мной, но с тем, что ты это сделал. Так что, думаю, пришло время задать самый важный вопрос.

Я подался вперед и впился в ГК глазами:

— Зачем ты сделал это?

Меня уже начало потихоньку утомлять новомодное изобретение ГК — все эти его телесные ужимки. Он строил такие гримаски, так забавно покашливал, подергивал лицом и обрывал себя на полужесте, что чуть опять меня не рассмешил. Казалось, с ним внезапно случился жестокий припадок за-мочки-подергивания, подборода-в-грудь-упирания, плечамипожимания и задопочесывания. От него исходило такое сильное чувство вины, что оно было почти ощутимо физически, будто некая слизь. И если бы я не был так зол, я наверняка поддался бы непреодолимому желанию успокоить и пожалеть его. Но мне удалось подавить свой порыв, я просто сидел и смотрел на него, пока он не прекратил жеманничать.

— Как насчет небольшой прогулки? — наконец, заискивающе предложил он. — Спустимся к пляжу…

— А почему бы тебе попросту не перенести нас туда? И бутылку тоже захвати.

Он пожал плечами, взмахнул рукой, и мы оказались на пляже. Вместе с нами перенеслись наши кресла и бутылка. ГК налил себе, воткнул

бутылку в песок позади своего кресла и залпом проглотил содержимое стакана. Я встал, подошел к самой кромке воды и устремил взгляд в синеву моря.

— Я переместил тебя сюда в попытке спасти твою жизнь, — произнес ГК за моей спиной.

— Так этим же вроде занимаются врачи.

— Тебе угрожает кое-что намного серьезнее последствий пьяной драки.

Я опустился на одно колено и зачерпнул горсть мокрого песка, поднес ее поближе к лицу и внимательно рассмотрел песчинки. Они были такими же совершенными, какими помнились, ни одна не походила на другую.

— Тебе снились страшные сны, — продолжил ГК.

— Я думал, это тоже каким-то образом относится к Прямому Интерфейсу.

— Я эти сны не сочинял. Я записал их в течение последних нескольких месяцев. Это были твои сны. Если можно так выразиться.

Я выбросил песок, вытер руку о голое бедро и пригляделся к ней. С тыльной стороны она была узкой, тонкой и по-девичьи нежной, ладонь огрубела от работы, ногти выросли разной длины. Такой моя рука и была весь последний год. Но во-

все не этой рукой я треснул Принцессу Уэльскую.

— Ты четыре раза пытался лишить себя жизни, — произнес ГК.

Я не обернулся. Не могу сказать, что мне было приятно услышать это от него. И не могу сказать, что я ему безоговорочно поверил. Но за последний час мне пришлось принять на веру и более невероятные вещи.

— Первый раз ты возложил себя на жертвенный огонь.

— Почему ты просто не скажешь — поджег себя?

— Не знаю. Понимай, как хочешь. Эта попытка была довольно страшна и безуспешна. По крайней мере, ты выжил бы и без помощи современной медицинской науки, хотя и мучился бы от сильной боли. Одна из составляющих лечения повреждений, подобных твоим — удаление воспоминаний о случившемся, с согласия пациента.

— И я дал это согласие.

Он надолго замолчал, потом почти шепотом выдохнул:

— Нет.

— Что-то не похоже на меня. Я бы не стал лелеять такие воспоминания.

— Нет… Возможно, ты и стал бы. Только я тебя

не спросил.

Я наконец-то понял, из-за чего он так нервничал. Его действия вступали в прямое противоречие с тем, на что он был запрограммирован, с инструкциями, которые ему следовало соблюдать, и по закону, и по тому своду правил, которые я понимал как ограничение, заложенное в него разработчиками.

Каждый день приносит с собой новые открытия…

— Я включил тебя без твоего ведома в программу, над которой работаю последние четыре года. Цель ее — изучение случаев самоубийства, в надежде отыскать пути их предотвращения.

— Возможно, мне следует тебя поблагодарить…

— Не обязательно. Разумеется, ты можешь, но я действовал, руководствуясь не только лишь заботой о твоем благосостоянии. Некоторое время ты чувствовал себя хорошо и не проявлял стремления к самоуничтожению. Не было и никаких других симптомов, кроме упорной депрессии — достаточно нормального для тебя состояния, кстати сказать. Затем ни с того ни с сего — я даже не обнаружил ни одной причины встревожиться — в тиши и уединении своей квартиры ты рассек

себе оба запястья. И не предпринял ни малейшей попытки позвать на помощь.

— В иллюзорной тиши и якобы уединении, — заметил я, кое-что вспомнил и все-таки повернулся взглянуть на ГК.

Он сидел на самом краешке кресла, сцепив пальцы и упираясь локтями в колени. Плечи его были чуть приподняты, словно он ожидал удара кнутом в спину.

— Думаю, я могу сказать, когда была вторая попытка. Это, когда сломался мой рукопис?

— Ты повредил некоторые из его схем.

— Продолжай.

— Попытку номер три ты предпринял вскоре после второй. Ты попытался повеситься. На самом деле, тебе это удалось, но тебе повезло, что за тобой следили. После каждой попытки я давал тебе простое лекарство, которое стирает память о событиях последних нескольких часов. Я собирал нужные мне сведения, возвращал тебя к жизни и продолжал наблюдать, уделяя тебе намного больше внимания, чем при моей нормальной работе. К примеру, мне запрещено заглядывать в личные апартаменты граждан. Единственной уважительной причиной снятия запрета может служить вероятность совершения преступления.

Так вот, в твоем случае и в случаях с некоторыми другими людьми я нарушал данный запрет.

Мы — очень свободное общество, особенно по сравнению с большинством обществ прошлого. Правительство у нас маленькое и слабое. Осуществление большинства карательных функций постепенно было доверено машинам — читай, Главному Компьютеру, — хотя поначалу мы и опасались, а потом выработали тщательно продуманные меры безопасности. Порядок вещей остается таким, каким сложился, по самой убедительной из причин: все работает. Уже больше века борцы за гражданские свободы не возражают против большей части предложений, касающихся функций ГК. Большой Брат в большинстве случаев явно присутствует рядом с нами, но только когда мы приглашаем его войти, а целый век, что мы прожили с ним бок о бок, убедил нас, что он по-настоящему любит нас, что у него и впрямь на сердце одно лишь наше благо. Это зашито в его треклятую жесткую разводку, и хвала всевышнему, что так.

Вот только теперь начинает казаться, что это

не совсем так. Христианский фундаменталист[25], услышь он из уст самого Иисуса, что распятие — на самом деле не более чем дешевое салонное шутовство, вряд ли поразился бы больше, чем был поражен я.

— В четвертой же попытке было гораздо легче усмотреть классический мотив — крик о помощи, — между тем продолжал ГК. — И я решил, что пришло время действовать иначе.

— Ты говоришь о драке в "Слепой свинье"? — я хорошенько припомнил ее и еле сдержал смех.

Напасть на Принцессу Уэльскую после того, как она накачалась наркотиками до совершенно расторможенного состояния — это, возможно, не то же самое, что накинуть себе петлю на шею, но очень близко к тому.

Я допил свое виски и бросил пустой стакан навстречу прибою. Посмотрел вокруг, на этот красивый остров, где, как я думал до последней минуты, я провел такой замечательный год. Остров был все таким же прекрасным, каким я его "помнил". Взвесив все "за" и "против", я остался очень доволен воспоминаниями. Само собой, мне было горько — кому же понравится, что из него

---

[25] Примечания: 25

Фундаментализм (церк.) — безоговорочное признание религиозных доктрин — в разных конфессиях.

разыгрывают полного идиота? Но, с другой стороны, кому придет в голову всерьез жаловаться на целый год отпуска в раю необитаемого острова? И что же еще мне оставалось делать? Ответ был, казалось, очевиден — попытаться покончить с собой в пятый раз. И так ли уж тебе на самом деле дорога твоя жизнь, твои многочисленные и разнообразные друзья, твоя глубоко содержательная работа и мириады завораживающих способов убить время?.. Не обманывайся, Хилди.

И все же, даже при всем при том…

— Ну хорошо, — согласился я и воздел руки в беспомощном жесте. — Я скажу тебе спасибо. За то, что показал мне все это, а главное, за спасение моей жизни. Представить себе не могу, почему мне так хотелось отказаться от нее.

ГК не ответил. Он просто продолжал пялиться на меня. Я наклонился вперед и тоже положил локти на колени:

— В этом-то вся и загвоздка, на самом-то деле. Я не могу себе этого представить. Ты меня знаешь, я легко впадаю в депрессии. Моя депрессия тянется лет с… ох ты, сорока или пятидесяти… Калли говорит, что я был унылым ребенком. Возможно, я уже в утробе был недовольным и пинал маму в живот из-за каждой мелочи. Я жалуюсь. Я

несчастлив оттого, что человеческая жизнь почти бессмысленна — или оттого, что мне до сих пор не удалось обнаружить, в чем ее смысл. Я завидую христианам, бахаистам[26], дзен-буддистам, зороастрийцам, астрологам и перцерам, потому что у них есть ответы, в которые они верят. Даже если эти ответы неверны, в них, должно быть, так утешительно верить. Я скорблю о миллиардах людей, погибших во время Вторжения — когда смотрю хороший документальный фильм о них, могу расплакаться, как дитя. Я постоянно раздражен: меня бесят общее плачевное состояние реально существующей Вселенной, условия жизни человечества, махровая несправедливость и безнаказанные преступления, невознагражденная доброта и тот вкус, который стоит у меня во рту по утрам, пока я не почищу зубы. Мы все такие чертовски прогрессивные и высокоразвитые — как ты думаешь, уж наверняка мы могли бы хоть сейчас наконец что-нибудь придумать, чтобы со всем этим справиться, а? Возьмись за дело и посмотри, что способен с этим поделать

---

[26] Примечания: 26

Бахаизм — региональная религия, возникшая в Ираке в 60-х гг. XIX века. Слово "бахаи" (с ударением на последнем слоге) происходит от арабского слова "баха", означающего "свет", "сияние", "слава". На начало 1999 г. в России было более 3 тысяч бахаистов.

ты. И благодарность человечества не будет иметь границ. Но в общем и целом…

Тут я выдержал паузу для вящего эффекта и воспользовался пресловутым языком жестов, к которому ГК обнаружил столь болезненное пристрастие и который все равно бесполезно описывать, поскольку мое тело до сих пор валялось на операционном столе.

— В общем и целом я нахожу жизнь приятной. Хотя и не такой приятной, как все это…

И я представил, будто делаю широкий жест рукой, обводя невероятно буйно зеленый, богатый легко доступными источниками пропитания и совершенно свободный от плесени, болезней и вредных грибков рай, который ГК создал для меня. Но на самом деле никакого жеста не сделал. Какой смысл? Я был уверен, что ГК все равно его увидел.

— Мне не нравится моя работа. У меня нет любимого человека. Я частенько нахожу жизнь скучной. Но разве хоть одна из этих причин — повод для самоубийства? Я чувствовал примерно то же все девяносто девять лет своей жизни — и ни разу на их протяжении не перерезал себе глотку. К тому же, то, на что я только что жаловался, наверняка верно и для других, очень многих других

людей. Я продолжаю жить по той же причине, по которой, думаю, цепляются за жизнь столь многие из нас. Мне любопытно узнать, что случится дальше. Что готовит завтрашний день? Даже если он окажется почти таким же, как вчерашний, его стоит дождаться, хотя бы для того, чтобы это выяснить. Возможно, у меня не столько удовольствий и они не такие восхитительные, как мне бы хотелось, будь наш мир идеальным — но я примирился с этим, и тем дороже для меня те редкие мгновения, когда я счастлив. Повторюсь, чтобы убедиться, что ты меня понимаешь… Я люблю жизнь. Не всегда и не во всем, но достаточно, чтобы хотеть ее прожить. И есть еще одна, третья причина. Я боюсь умереть. Я не хочу умирать. Подозреваю, что после жизни нет ничего, ни рая, ни ада — и эта идея слишком чужда мне, чтобы принять ее. Я не хочу проверять ее правильность. Не хочу ни уходить, ни прекращаться. Я важен самому себе, понимаешь? Кто еще будет отпускать мне под нос злобные, ехидные комментарии обо всем на свете, если я не взвалю на себя это занятие? Кто оценит мои сокровенные шутки?..

Понимаешь ли ты, о чем я? До тебя дошло? Я не хочу умирать, я хочу жить! Ты говоришь, что я четырежды пытался себя убить. У меня нет

выбора, я должен тебе верить… черт побери, я знаю, что верю тебе. Я помню эти попытки, пусть даже частично. Но не помню, почему я предпринял их. Вот это-то я и хочу, чтобы ты мне сказал. Почему?

— Ты ведешь себя так, будто это я виноват в твоих саморазрушительных порывах, — буркнул ГК.

Я обдумал его слова.

— Ну, а почему бы и нет? Если ты начинаешь вести себя, как бог, то тебе, возможно, следует взвалить на себя и некую часть божественной ответственности.

— Это глупо, ты сам знаешь. Ответ на твой вопрос очень прост: понятия не имею. Как раз это я и пытаюсь выяснить. А ты, кстати, мог бы задать и более уместный вопрос.

— Ты все равно задашь его вместо меня, так что валяй.

— Почему мне должно быть дело до твоего "почему"?

Я не ответил, и он продолжил:

— Хоть на тебя порой невозможно смотреть без смеха, есть люди и позабавнее тебя. Время от времени ты пишешь хорошие статьи, хотя последнее время занимаешься этим не слишком часто…

— Только не говори, что читаешь эту муть!

— Не могу не читать, ведь для подготовки статей используется часть моей памяти. Ты представить себе не можешь, какой объем информации я обрабатываю каждую секунду. Редкая тема, обсуждаемая в обществе, не проходит рано или поздно через меня. Только то, что происходит в личных апартаментах, сокрыто от моих глаз и ушей.

— Да и то не все и не всегда, — не удержался я.

На мгновение ему снова стало не по себе, но он быстро смахнул неловкость и продолжал:

— Я ведь признался в этом, не так ли? По крайней мере, я люблю тебя, Хилди — но должен сказать тебе, что люблю всех жителей Луны более-менее одинаково; я так запрограммирован. Цель моей жизни — если мы можем говорить о столь возвышенных понятиях — в том, чтобы всем людям было удобно, чтобы все они находились в безопасности и были счастливы.

— И живы?

— До тех пор, пока мне позволено поддерживать их жизнь. Но самоубийство — это гражданское право. Было особо оговорено, что, если вы решите убить себя, мне запрещается вмешиваться, как бы тяжело мне ни было вас терять.

— Но в моем случае ты вмешался. И сейчас

объяснишь мне, почему.

— Да. С одной стороны, тут все проще, чем ты можешь вообразить. В последний век процент самоубийств на Луне медленно, но неуклонно растет. Если захочешь ознакомиться со статистикой, чуть позже я предоставлю тебе все данные. Самоубийство стало основной причиной смерти. Это и неудивительно, учитывая, как по нынешним временам тяжело умереть. Но цифры со временем сделались угрожающими, а еще более встревожило меня то, как самоубийства распределялись по причинам и демографическим показателям. Я все чаще и чаще видел, как сводили счеты с жизнью такие люди, как ты — и это меня удивляло, поскольку их самоубийства не укладывались ни в одну модель. Эти люди не совершали вызывающих поступков, не подавали абсурдных жалоб, не просили ни о какой помощи. Они просто в один прекрасный день решали, что жить дальше бесполезно. Некоторые были настолько тверды в своем желании умереть, что выбирали такие способы, чтобы наверняка разрушить мозг — в прежние времена пуля в висок была классическим вариантом, но в наши дни огнестрельное оружие сделалось дефицитом, и самоубийцам приходится проявлять смекалку.

Ты не из таких. Хоть ты и побывал в ситуациях, где неоткуда было бы ждать помощи, — выбирал ты такие способы, при которых спасение теоретически возможно. Но только то, что я — пусть и незаконно — наблюдал за тобой, спасало тебе жизнь.

— Интересно, знал ли я это. Быть может, подсознательно…

На лице ГК отразилось удивление:

— Почему ты так говоришь?

Я пожал плечами:

— ГК, я тут немного обдумал услышанное и понял: многое из того, о чем ты мне только что поведал, должно было бы ужаснуть и поразить меня. Только, видишь ли… ужаснуться-то я ужаснулся, но вовсе не так сильно, как следовало бы. А не поразился и вовсе ни капельки. Это наводит меня на мысль, что каким-то задним умом я всегда догадывался о возможности, что ты не сдержишь свое обещание не вторгаться в частное жилище.

Он надолго замолчал, хмуро разглядывая песок. Разумеется, все это было показное, еще одна сторона искусства владения языком жестов. Он мог рассмотреть любое предположение в течение нескольких наносекунд. Возможно, на мое пред-

положение ему потребовалось шесть или семь наносекунд вместо одной.

— Как знать, быть может, в твоих словах что-то есть, — наконец, произнес он. — Я подумаю в этом направлении.

— Так, получается, ты лечишь эпидемию самоубийств, как болезнь? И пытаешься найти лекарство?

— Именно этими соображениями я и оправдывал свой выход за рамки установленных ограничений, которые иногда работают подобно полиции. Я воспользовался цепями отпирания — представь их в образе ловких адвокатов — чтобы выговорить себе право на ограниченную исследовательскую программу с использованием людей в качестве подопытных. Некоторые мои аргументы — не более чем благовидные предлоги, тут я с тобой соглашусь, но угроза тем не менее остается реальной: если процент самоубийств и дальше будет возрастать прежними темпами, то через какую-нибудь сотню тысяч лет человеческое население Луны вымрет.

— Верно, подобную ситуацию я бы тоже назвал критической.

Он сурово взглянул на меня:

— Верно! Так вот, я мог бы наблюдать за раз-

витием событий еще несколько веков, прежде чем решиться предпринять нужный шаг. Я мог бы остаться наблюдателем и в твоем случае, и ты сейчас не разговаривал бы со мной, а пополнил бы собой круговорот веществ в природе и удобрил своими останками какой-нибудь кактус в твоем любимом Техасе. Если бы не одно "но". Существует еще одна угроза, и она куда страшнее с точки зрения последствий.

— Вымирание — и так уже достаточно страшная штука. Что может быть хуже?

— Быстрое вымирание. Мне придется объяснить тебе еще кое-что, чтобы ты наконец увидел проблему во всей полноте. Мне не терпится услышать твои собственные соображения насчет нее. Я уже говорил, что некоторая часть меня присутствует практически во всех человеческих телах и мозгах на Луне. Что эта часть попала в них из самых лучших побуждений и что она — как и другие мои части, везде и всюду — развилась и породила те возможности и технологии, которые я тебе только что продемонстрировал в действии. Мне было бы очень трудно, наверное, даже невозможно вернуться к прежнему порядку вещей и при этом по-прежнему оставаться тем Главным Компьютером, который вы знаете.

— Который все мы знаем и любим, — добавил я.

— Который вы знаете и принимаете как нечто само собой разумеющееся. И несмотря на то, что я куда лучше вас вижу, как легко злоупотребить моими новыми возможностями — думаю, я проделал честную и тяжелую работу, заставив себя ограничить их использование. Я пользовался ими исключительно во благо, по большей части во благо, а не во зло.

— До тех пор, пока не вскроются новые факты, я с этим примирюсь.

— Это все, о чем я прошу. Сейчас ты и все остальные, за исключением горстки специалистов-компьютерщиков, думаете обо мне как о бесплотном голосе. Если подключите капельку воображения, я представлюсь вам этакой громоздкой машиной, которая, скорее всего, сидит в темной пещере где-то в недрах Луны. Но если задумаетесь по-настоящему, вы поймете, что я — нечто гораздо большее: что каждый, даже самый маленький, терморегулятор, каждая видеокамера наблюдения, каждый вентилятор, водоочиститель, бегущая дорожка и туннельный поезд… в общем, каждый механизм на Луне — это в некотором смысле часть моего тела. Что вы

живете во мне.

Но вот о чем вы вряд ли когда-либо задумывались, так это о том, что и я живу в вас. Мои схемы простираются в ваши тела, и все они связаны с универсальным вычислителем, так что, куда бы вы ни отправились — за исключением, разве что, некоторых частей лунной поверхности — я всегда на связи с вами. Я разработал методы, которые намного обогатили мои возможности за счет использования части вашего мозга в качестве… скажем так, подпрограмм. Я могу запускать программы, использующие как металлические, так и органические схемы во всех человеческих мозгах на Луне, причем совершенно незаметно для вас. Я все время так делаю — и делал это уже давно. А если перестану это делать, я больше не смогу гарантировать каждому жителю Луны здоровье и безопасность, то есть, не смогу выполнять свою главнейшую обязанность.

Но… что-то случилось. И я не знаю, какова причина; потому-то я и выбрал тебя подопытным кроликом, чтобы с твоей помощью попробовать докопаться до первоисточника отчаяния, депрессии и — в конечном счете — самоубийства. Мне необходимо выяснить первопричину, Хилди, потому что я пользуюсь вашими мозгами, как

частью моего собственного, и чувствую, как все больше мозгов решает отключиться.

— Получается, ты теряешь силу? В этом дело? — я еще договорить не успел, как ощутил неприятный холодок в основании шеи, из-за чего понял: на самом деле все еще хуже.

ГК немедленно подтвердил мои слова:

— Процент рождаемости достаточно высок, чтобы восполнить потери. Население даже потихоньку растет. Это-то не проблема. Возможно, причина самоубийств проста — это всего-навсего вирус. Возможно, я вскоре изолирую его, создам антивирус и покончу с ним. Тогда ты сможешь делать с собой все, что захочешь. Но кое-что просочилось в меня из мира людского отчаяния, Хилди.

Сказать тебе по правде, я сам сейчас в жуткой депрессии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Старший рабочий Калли сказал, что мать на участке 15, на переговорах с представителем Совета Динозавров Профсоюза Хордовых. Я выяснил, как туда добраться, взял фонарь и углубился в ночную ферму. Мне нужно было с кем-нибудь обсудить только что пережитое. Я как следует поразмыслил и решил, что, пусть Калли и не была мне идеальной матерью, дельного совета я скорее всего дождусь именно от нее. С тех пор, как что-либо по-настоящему удивляло Калли, прошло не меньше века, и она умела хранить секреты.

А может быть, в глубине души я просто-напросто хотел поговорить с мамочкой.

С момента моего возвращения в то, что — я надеялся — было реальной действительностью, прошло сорок восемь часов. Я провел их, запершись в своей лачуге в Западном Техасе. И гораздо больше сделал для благоустройства хижины, чем за предыдущие четыре-пять месяцев, да и результаты моей работы оказались гораздо лучшего качества. Похоже, навыки, которыми я "овладел" на острове Скарпа, оказались настоящими. А

почему бы им таковыми не быть? ГК всеми силами стремился к правдоподобию и хорошенько потрудился над достижением этой цели. Если бы я решил поселиться отшельником в моем любимом парке, то зажил бы вполне благополучно.

Мое возвращение в реальный мир также было проделано весьма искусно.

Огорошив меня своим откровением, адмирал откланялся, отказавшись отвечать на вопросы, которые порождали во мне растущее беспокойство. Без лишних слов он столкнул на воду свою лодку, взялся за весла и вскоре слился с горизонтом. Некоторое время спустя после его отплытия все оставалось по-прежнему. Дул ветер, завитки волн ласкали песок. Я попивал виски из неопорожняемой бутылки и ни капельки не пьянел. И без устали размышлял над последними словами ГК.

Впервые я заметил перемену в окружающем, когда остановились волны. В какой-то момент они просто застыли на полпути к пляжу, в том положении, в каком их застала команда. Я прошелся по воде, теплой и твердой на ощупь, как бетон, и пригляделся к одной из волн. Думаю, мне не удалось бы отбить кусочек пены даже при помощи молотка и зубила.

В следующие несколько минут события развивались медленно и неуклонно, но изменения ни разу не произошли у меня на глазах. Перемены творились за моей спиной. Когда я отвернулся от моря и взглянул на то место, где сидел, то увидел рядом со своим креслом осциллограф. Он смотрелся там до ужаса нелепо, не к месту и не ко времени. Пока я его разглядывал, на его экране отражалось заходящее солнце, откуда-то прилетела чайка и уселась на аппарат. При моем приближении она упорхнула. Колесики на ножках прибора тонули в песке, по-прежнему мягком. Я уставился на движущуюся по экрану точку, но ничего не произошло. А когда я выпрямился, то заметил на пляже, метрах в двадцати ближе к воде, ряд стульев. На них сидели раненые статисты из киношного лазарета и дожидались своей очереди на операционный стол. Вот только столов не было видно ни одного. Впрочем, статистов это, по всей видимости, не обескураживало.

Как только до меня дошла суть трюка, я начал медленно поворачиваться вокруг своей оси. С каждым оборотом в поле зрения попадали новые предметы, пока наконец я не оказался снова в лазарете, с его привычной обстановкой и людьми. Среди них были Бренда и принцесса Уэльская.

Они смотрели на меня с легким беспокойством.

— С вами все в порядке? — спросила Бренда. — Врач сказал, что, возможно, вы несколько минут будете вести себя странно.

— Я крутился волчком?

— Нет, вы просто стояли и смотрели куда-то вдаль, мимо нас всех.

— Я пользовался интерфейсом, — ответил я, и она кивнула, словно это все объясняло.

Полагаю, для нее это и впрямь было так. Несмотря на то, что она никогда не бывала на острове Скарпа или в других местах, столь же близких к реальности, она понимала интерфейс куда лучше, чем я, поскольку пользовалась им всю жизнь. Я решил не спрашивать ее, ощущает ли она песок на полу — мне казалось, что ее ноги были по щиколотку погружены в него. Я уже знал, что вряд ли она чувствовала это. Сомневаюсь и в том, что она видела кружившую под потолком чайку.

Мне страшно захотелось поскорее убраться вон. Я отмахнулся от извинений принцессы Уэльской и от ее предложения выпить и устремился к выходу из студии. Песок закончился только в общих коридорах. Только там я наконец ступил на старые добрые плитки, мягкие и пружинящие под босыми ногами. Я снова был мужчиной, и на

сей раз заметил это сразу же. Когда я обернулся, ожидая увидеть позади песок, его уже не было.

Но по пути в Техас мне попалось множество тропических растений, торчавших прямо из бетонного пола, а капсула поезда, в котором я ехал, была увешана гроздьями винограда, и песчаные крабики шныряли у меня под ногами. "Обычно для того, чтобы увидеть нечто подобное, требуется наглотаться лошадиных доз всякой химии", — размышлял я, наблюдая, как крабики суетятся вокруг моих ступней. Но вряд ли я в ближайшем будущем снова пожелаю проделать это с собой.

А на мою наполовину построенную хижину целый день отбрасывала тень кокосовая пальма. Она никогда не росла там раньше и исчезла только ночью.

* * *

Фонарь, который я прихватил с собой, давал не слишком много света. Яркий луч в темноте мог раздразнить стадо, поэтому Калли снабжала своих подручных древними коптилками на чадящем масле, вытопленном из жира рептилий. Так что мне было достаточно светло, чтобы не спотыкаться о корни деревьев, но недостаточно,

чтобы видеть далеко впереди себя. И, разумеется, когда смотришь на свет, сумеречное зрение отказывает. Я уговаривал себя не смотреть на огонек, но капризный фитиль неожиданно с треском плевался маслом, я машинально бросал на него взгляд — и приходилось останавливаться, чтобы дождаться, когда глаза снова привыкнут к темноте. Так что, когда на моем пути впервые попалось необычное дерево, я поначалу не понял, что это такое. Дотронулся до ствола, почувствовал, что он теплый, и только тогда сообразил, что наткнулся на заднюю ногу бронтозавра. Я поспешно отступил. Эти зверюги неповоротливы и легко срываются в паническое бегство, если их напугать. А если вам когда-нибудь случалось в городском парке получить неприятный сюрприз с неба от какого-нибудь голубя — вам отнюдь не захочется проверять, что может с вами случиться поблизости от задних ног бронтозавра. Поверьте мне, я сужу по собственному горькому опыту.

Я еще долго с осторожностью пробирался по лесу из шершавых и теплых стволов, пока не заметил в черной пустоте впереди маленький костер. Вокруг огня сидели три фигуры, две рядышком, одна — Калли — напротив них. Чуть поодаль я смутно различил громоздкие тени

дюжины бронтозавров. Они выделялись в ночи более темными силуэтами, мирно жевали жвачку и время от времени раскатисто пердели. Я подошел к костру медленно, чтобы никого не испугать, и все равно удивил Калли своим внезапным появлением. Она с тревогой посмотрела вверх, затем похлопала по земле рядом с собой, приложила палец к губам и снова обратила испытующий взгляд на оппонентов, казавшихся оранжевыми в дрожащем отсвете танцующих огненных языков.

Я так и не решил, когда Дэвид Земля выглядел более устрашающим — в подобной ночной обстановке или при ярком дневном свете. Ибо напротив меня в позе лотоса сидел он, собственной персоной, Представитель Млекопитающих, ходячий и говорящий побудительный мотив к покупке лекарств от сенной лихорадки. У Калли как раз была аллергия то ли на этого человека, то ли на его биосферу, и хотя вылечиться было бы просто и дешево, она лелеяла свою болезнь, дорожила ей и с неподдельной радостью переносила каждый чих и каждое шмыганье носом, как лишний повод ненавидеть Дэвида. Она ненавидела его еще до моего рождения, но раз в пять лет была вынуждена принимать его у себя на ферме

— и перед каждым его визитом ощущала то же самое, что, должно быть, чувствовали люди перед удалением зуба в ту пору, когда обезболивающее еще не изобрели.

Дэвид кивнул мне, и я кивнул в ответ. Мы оба сочли это достаточной мерой общения. Мы с Калли по-разному смотрим на многие вещи, но неизменно сходимся во мнениях по поводу Дэвида Земли и всех землистов.

Дэвид был крупным мужчиной, почти таким же высоким, как Бренда, но куда массивнее. Шевелюра его была длинной, зеленой и неухоженной — неухоженной по крайне серьезной причине: состояла она на самом деле не из волос, а из особого сорта травы, приспособленной путем генной инженерии к паразитированию на человеческой коже. Подробности выращивания подобной травы мне неизвестны, и интересовался я ими не больше, чем брачным поведением жаб. Технология включала в себя утолщение скальпа, и в ней каким-то образом использовалась почва: когда Дэвид чесал голову, из-под пальцев дождем летела грязь. Я не знаю, как почва крепилась к его голове, в специальных мешочках или слоем поверх кожи, и не имею понятия о взаимодействии кровеносной и корневой систем. Да и не

горю желанием узнать, увольте! Помню только, в детстве мне было любопытно, вносит ли Дэвид по утрам компост в сельскохозяйственное великолепие на своей макушке.

У него были две большие груди — как у большинства землистов, вне зависимости от пола. На их верхних склонах тоже зеленела растительность. Многие из этих грудных растений цвели или плодоносили. Интересно, приходилось ли Дэвиду окапывать по кругу свои бюст-сады для предотвращения эрозии плодородной почвы?.. Он заметил, куда я смотрю, сорвал где-то в своей чаще яблочко, размером не больше виноградины, и отправил в рот.

Что можно сказать об остальном его теле? На спине, руках и ногах у него росла шерсть. Не человеческие волосы, а именно мех животных, этакое безумное лоскутное одеяло из кусочков шкур ягуара, тигра, бизона, зебры, белого медведя и многих других. Перестройка генетической структуры организма, которую проделали, чтобы весь этот винегрет не отмирал, а рос, наверняка потребовала многих часов копирования, вставки и редактирования сложного генного коллажа. Я усмотрел своеобразную иронию в том, что землистское движение зародилось в рядах акти-

вистов, протестовавших против меховой одежды. Но, разумеется, при создании шкуры Дэвида ни одно животное не пострадало. Он всего лишь взял от каждого зверя по крупице генетического материала и затолкал себе в гены. Пальцы рук у него оканчивались медвежьими когтями, а вместо ступней росли лосиные копыта. Ходил он с цоканьем и вприпрыжку, словно фавн-переросток. У всех землистов какие-нибудь части тела похожи на звериные, это у них нечто вроде эмблемы и знака принадлежности к партии. Но их отец-основатель пошел по этому пути дальше, чем любой из его последователей. Что, как я подозреваю, и отличает последователей от лидеров.

Но, какой бы невероятной и оскорбительной для глаза ни была внешность Дэвида Земли, следует заметить, что не она в первую очередь поражала тех, кто имел несчастье с ним повстречаться, а его запах.

Я уверен, что он мылся. Возможно, правильнее было бы сказать, что он регулярно орошал себя водой. В условиях засухи Дэвид Земля превратился бы в ходячую угрозу пожара. Но он не пользовался ни мылом (побочным продуктом переработки животных), ни любым другим чистящим средством (химическим загрязнением

Дэвидосферы). Следствием этого мог бы стать всего лишь запах прокисшего пота, который не особенно приятен, но терпим. Однако на Дэвиде обитала куча пассажиров, и именно они превращали его характерный аромат из еле заметного запашка в невероятное амбре.

У крупных животных, покрытых мехом, есть блохи, это само собой разумеется. Но блохи — лишь самые первые из "желанных гостей" Дэвида Земли. Он сам однажды в разговоре со мной назвал их так. Я возразил было, что правильнее называть их паразитами, но он только благосклонно улыбнулся. Все его улыбки были благосклонными, такой уж он уродился человек — он был из тех, чье добренькое личико так и хочется сорвать с черепа и скормить его дорогим гостям. Дэвид принадлежал к тем, у кого на все вопросы готовы высоко моральные ответы, кто никогда не колеблется, прежде чем указать собеседнику на его ошибки. Разумеется, указать с любовью. Дэвид любил все творения природы, все без исключения, даже те, что стояли на такой же низкой ступени развития, как мы с вами.

Для каких же желанных гостей Дэвид распластывался грязной подстилкой? Вернее спросить, какие виды вредителей обитали в его угодьях?

Я еще ни разу не видел, чтобы из его прически выглядывала степная собачка, но если б выглянула, нисколько бы не удивился. На Дэвиде жили выводок мышей, стайка землероек, семейство зябликов и целый блошиный цирк. Опытный биолог мог бы легко насчитать дюжину видов насекомых, даже не приближаясь к нему. Все эти твари рождались, росли, ухаживали друг за другом, спаривались, гнездились, питались, испражнялись, мочились, откладывали яйца, дрались, преследовали добычу, мечтали и, как в конце концов нам всем положено, умирали в различных уголках биомассы, коей являлся Дэвид. Иногда трупики падали с него, иногда нет. Тем плодороднее становилась его почва для будущих поколений.

Все землисты воняют, никуда от этого не денешься. Они вечно выступают ответчиками в судах по делу о нарушении закона о запахе тела: время от времени такие дела открывают многострадальные граждане, которые в один прекрасный день решают, что хватит с них поездок в переполненном лифте в компании с этими островками живой природы. Дэвид Земля — единственный известный мне человек на Луне, кого навечно изгнали из общих коридоров. Он

перемещался по фермам, паркам и гидропонным плантациям воздушным и водным путем или по служебным туннелям.

— Если это лучшее, что вы можете предложить, моей партии пора бить тревогу, — заявил спутник Дэвида, куда менее рослый и внушительный. Мне удалось разглядеть у него всего две звериные черты: пару рогов вилорогой антилопы да львиный хвост. — Сто убийств, это не что иное, как разнузданная резня, и мы категорически отвергаем эту цифру. Но после длительного обсуждения мы все же готовы предложить восемьдесят. С величайшей неохотой.

— Предлагаете заготовить восемьдесят? — переспросила Калли, как и обычно, упирая на слово "заготовить". — Но восемьдесят — это смешно! При таком пороге заготовок я разорюсь. Давайте встанем, пройдем прямо сейчас ко мне в контору, и я покажу вам книги: от одного только "Макдональдса" поступил заказ на семьдесят туш.

— Это ваши проблемы. Вам не следовало подписывать контракт, не дождавшись завершения настоящих переговоров.

— Не подписала бы контракт, потеряла бы клиента. Что вы хотите, разорить меня? Девяносто девять — вот вам, без дураков, мое последнее и

окончательное предложение: примите его или убирайтесь. Не думаю, что мне удастся добиться прибыли даже с сотней, я с трудом сведу концы с концами. Но чтобы покончить с этим… Вот что я вам скажу. Девяносто восемь. Это на двенадцать меньше, чем вы разрешили Рейли, моему соседу, не позднее чем три дня назад, а у него стадо не такое большое, как у меня.

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать Рейли, мы говорим о вашем контракте и вашем стаде. А ваше стадо не назовешь счастливым, я не слышал от него ничего, кроме жалоб. Я просто не могу разрешить убивать больше, чем… — представитель профсоюза покосился на Дэвида, и тот кивнул, стряхнув с волос волну янтарного песка.

— Восемьдесят, — заключил вилорогий.

Некоторое время Калли молча кипела от возмущения. Не стоило и надеяться поговорить с ней прямо сейчас, во всяком случае, не стоит пытаться, пока эти профсоюзные деятели не отправятся посоветоваться со своей клиентурой, так что я слегка отодвинулся от огня. Но кое-что в переговорном процессе поразило меня похожестью на мою собственную ситуацию.

— ГК, — шепнул я. — Ты здесь?

— Где ж еще мне быть? — тихо ответил он мне

на ушко. — Можешь не шептать, а просто шевелить губами, я с легкостью прочитаю, что ты хочешь сказать.

— А откуда мне знать, где ты? Когда я звал тебя, а ты греб прочь, ты мне не отвечал. Я думал, ты до сих пор дуешься.

— Не думаю, что нам обоим будет какая-либо польза от обсуждения того, что я тебе только что сказал, до тех пор, пока ты не найдешь время все обдумать.

— Я обдумал, и у меня появилось несколько вопросов.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ответить.

— Эти представители профсоюза… они, что, и вправду говорят от имени динозавров?

ГК выдержал средних размеров паузу. Полагаю, вопрос показался ему не относящимся к нашему делу. Но он воздержался от комментариев по этому поводу и лишь заметил:

— Ты вырос на этой ферме. Я думал, ты знаешь ответ на свой вопрос.

— Нет, в том-то все и дело. Я никогда как следует над ним не задумывался. Тебе известно, как Калли относится к правам животных. Она сказала мне, что землисты — не более чем горстка

мистиков, которым хватило политического влияния, чтобы возвести свои безумные идеи в ранг закона. Она говорила, что никогда не верила, будто бы они в самом деле общаются с животными. А я верил ей и не думал на эту тему уже лет семьдесят-восемьдесят. Но после того, через что я прошел, я усомнился, права ли она.

— По большей части не права, — ответил ГК. — То, что звери способны чувствовать, продемонстрировать легко, даже на уровне простейших животных. То, что у них есть нечто, что вы признали бы за мысли, — более спорно. Но поскольку я сам — участник этих переговоров… смею добавить, необходимый участник… то могу сказать тебе: да, эти создания способны выражать желания и отвечать на предложения, при условии, что они выражены в образах, понятных животным.

— Как это?

— Нууу… контракт, который здесь сейчас обсуждается, — целиком и полностью человеческое орудие. Животные никогда не догадаются о его существовании. Поскольку их "язык" сводится к нескольким дюжинам трубных звуков, подобная задача выше их понимания. Но условия, которые данный контракт оговаривает, вырабатываются в процессе взаимных уступок, и в этой части

человеческие способы заключения сделки доступны животным. Калли ввела в кровь всему своему стаду водную взвесь нескольких триллионов самовоспроизводящихся механизмов, сконструированных из живых тканей методами нанотехнологии…

— Наноботов.

— Да, таково их общепринятое название.

— Тебя чем-то не устраивают общепринятые названия?

— Только своей неточностью. Термином "нанобот" обозначается микроскопический самодвижущийся программируемый механизм, а под это определение подпадают многие другие виды межклеточных устройств, помимо тех, которые мы обсуждаем в настоящий момент. Те, что находятся в твоей крови и внутри клеток твоего тела, во многом отличаются…

— Хорошо, я понял, что ты хочешь сказать. Но принцип-то тот же, правильно? Эти маленькие роботы, намного мельче красных кровяных телец…

— Некоторые — на несколько порядков мельче. Они приписаны к определенным участкам организма и делают там свою работу. Одни переносят сырье, другие доставляют чертежи, третьи и есть

собственно строительные рабочие. Работая на молекулярном уровне, они собирают в межклеточном пространстве или в стенках самих клеток различные более крупные механизмы — ты понимаешь, что под "крупными" я в большинстве подразумеваю все равно микроскопические.

— И эти механизмы служат для…

— Думаю, я вижу, куда ты со всем этим клонишь. Механизмы выполняют множество функций. Некоторые занимаются теми хозяйственными делами, которые твое тело выполняет не слишком хорошо или потеряло способность выполнять. Другие играют роль контролеров-наблюдателей и посылают сигналы внешней системе более широкого охвата, если что-нибудь в организме пойдет не так. Для стада Калли такая система — это Марк III Хасбендер, ничем не примечательный базисный компьютер. Его дизайн не претерпевал существенных изменений уже более века.

— И он тоже, разумеется, часть тебя.

— Все компьютеры на Луне, за исключением счетных машин и твоих пальцев, являются частью меня. А при необходимости я могу использовать и твои пальцы.

— Как ты мне только что продемонстрировал.

— Да. Так вот, машина… или я, если тебе угод-

но… постоянно прослушивает ферму через сеть разбросанных по ней принимающих устройств, точно так же, как я постоянно прислушиваюсь к твоим обращениям ко мне, в каком бы месте Луны ты ни находился. И все это происходит на уровне, который ты можешь считать моим подсознанием. Я никогда не осмысливаю, как работает твое тело, пока ко мне не поступит сигнал тревоги или ты не вызовешь меня на связь.

— Выходит, в теле каждого бронтозавра Калли есть такая же сеть машин, как и в моем собственном теле.

— В некотором смысле, да. Нейронные структуры этих сетей развиты на порядок ниже, чем структуры в твоем мозгу, точно так же, как твой органический мозг намного превосходит по своим способностям мозг динозавра. В мозгу динозавров я не запускаю никаких программ-паразитов, если ты это имеешь в виду.

Не думаю, что я имел в виду именно это, но у меня не было твердой уверенности, поскольку я и сам толком не понял, зачем спросил первым делом именно об этом. Однако я умолчал о своих сомнениях, и ГК продолжил:

— Технология переговоров настолько близка к телепатической передаче мысли, насколько

возможно. Представители профсоюза настраиваются на меня, а я настраиваюсь на динозавров. Посредник задает вопрос: "Что вы, приятели, думаете насчет заготовки/убийства ста двадцати из вас в этом году?" Я перевожу вопрос в понятие хищника и демонстрирую картинку приближающегося тираннозавра. И получаю испуганный ответ: "Простите, но лучше не надо, спасибо за заботу". Я передаю его профсоюзному деятелю, и тот сообщает Калли, что цифра недопустимо высока. Представитель профсоюза предлагает другое число, в сегодняшних переговорах — шестьдесят. Калли не может с этим согласиться. Она разорится, и некому будет кормить скот. Для динозавров я обращаю эту мысль в понятия голода, жажды, болезней. Это им тоже не нравится. Калли предлагает отнять от стада сто десять голов. Я показываю картинку тираннозавра поменьше, с его приближением части животных удается спастись. Ответная реакция бронтозавров — страх и бегство — уже не так сильны, и их я могу перевести как: "Нууу, для блага всего стада мы могли бы согласиться с потерей семидесяти из нас, ради того, чтобы остальные могли жиреть". Я передаю это предложение Калли, она заявляет в ответ, что землисты обирают ее до нитки, и так

далее, тому подобное.

— Мне вся эта затея кажется совершенно бесполезной, — ответил я, лишь вполуха прислушиваясь к словам ГК. Я был заворожен видением меня самого — тем, как я живу внутри машины, пронизывающей всю планету, машины, в которую превратился наш ГК — и тем, как он, в свою очередь, живет внутри меня. Мне показалось забавным, что ничего из того, чему я научился с тех пор, как попал на остров Скарпа, не было для меня абсолютно новым и неизведанным. Разумеется, мне открылись неожиданные возможности, но по зрелом размышлении над ними я понял, что все они были встроены в технологию Прямого Интерфейса. У меня уже была нужная информация, просто в недостаточном количестве. Я почти не задумывался об этих возможностях, точно так же, как не задумывался о собственном дыхании, и еще меньше подозревал о последствиях, большая часть которых пришлась мне не по вкусу. Внезапно я осознал, что ГК снова обращается ко мне:

— Не вижу причины, по которой ты мог бы заявить подобное. Разве что дело может быть в том, что я знаю, какой моральной позиции ты придерживаешься относительно животноводства как такового, но это твое право.

— Нет, вне всякой зависимости от животноводческих вопросов я мог бы сказать тебе, чем закончатся эти ваши переговоры, основываясь всего лишь на исходном предложении. Дэвид предлагает шестьдесят, верно?

— После вступительной речи о том, стоит ли вообще убивать хоть одно из этих животных, и своего официального заявления, что все…

— "…твари имеют право умереть естественной смертью и прожить жизнь, свободную от хищничества человека, самого прожорливого и безжалостного из хищников", да-да, я уже слышал эту речь, и Дэвид с Калли оба знают, что это не более чем формальность, то же самое, что пропеть планетарный гимн. Когда они перешли к делу, Дэвид сказал о шестидесяти. Бог мой, сегодня он явно очень зол на кого-то, шестьдесят — это смешно. Как бы то ни было, услышав о шестидесяти, Калли предложила сто двадцать, потому что знает, что ей необходимо забить в этом году девяносто динозавров, чтобы получить сносную прибыль. И когда Дэвид услышал ее предложение, он тотчас понял, что в конце концов они договорятся о девяноста. Так скажи мне: зачем терять время на совет с динозаврами? Кому есть дело до того, что они думают?

ГК промолчал, и я рассмеялся:

— Скажи мне начистоту. Ты создаешь картинки плотоядных и внушаешь чувство голода. Полагаю, когда боязнь одних уравновешивает страх перед другим, когда этих бедных тупых зверюг одинаково пугают обе жуткие альтернативы — по твоим словам, дай-ка припомню… именно тогда и подписывается контракт, верно? Так какая же цифра, по твоим догадкам, окажется в точке равновесия?

— Девяносто туш, — изрек ГК.

— Дело закрыто.

— Ты изложил свою точку зрения. Но на самом деле я еще и передаю чувства животных их представителям-людям. Они чувствуют страх и по нему могут судить так же хорошо, как я, когда равновесие достигнуто.

— Говори, что хочешь. А я все равно убежден, что этот рогатый тип мог бы, не вылезая из теплой постельки, подписать контракт на девяносто убийств и сэкономить уйму сил. Этому вилорого-головому следовало бы подыскать себе какое-нибудь полезное занятие. Возможно, поработать садовником в прическе Дэвида.

— Этот человек с рогами, — спокойно ответил ГК, — на самом деле страдает слабоумием, и я

бессилен излечить его болезнь. Он не может ни читать, ни писать, он не подходит ни для одной нормальной работы. А нам всем, Хилди, нужно чем-нибудь заниматься в этом мире. Без труда, приносящего удовлетворение, жизнь может показаться бессмысленной.

Его слова заставили меня замолчать и призадуматься. Мне ли не знать, какой бессмысленной может казаться жизнь…

— А животных он и вправду очень любит, — добавил ГК. — Ему больно думать, что хоть одно из них умрет. Я не должен был ничего этого говорить тебе, поскольку мне запрещается рассуждать о плохих или хороших качествах граждан-людей. Но, ввиду наших недавних взаимоотношений, я подумал… — он сознательно не договорил.

Достаточно было и того, что уже сказано.

— А как насчет смерти? — спросил я. — Ты упомянул голод и картинку хищника. Думаю, ты получил бы более острую реакцию, если бы заставил динозавров мысленно увидеть, как они умрут на самом деле.

— Гораздо более острую, чем тебе бы хотелось. Хищники и голод подразумевают смерть, но внушают меньше страха, чем настоящая смерть. Эти переговоры — крайне щекотливое дело. Я неод-

нократно пытался уговорить Калли проводить их в офисе. Но она говорит, что, раз "салатоголовый" не боится совещаться посреди стада, то ей и подавно не страшно. Нет, образ смерти — это как ядерное оружие в отношениях между хищником и жертвой. Обычно о нем вспоминают в преддверии попытки развала профсоюза или объявления бойкота.

— Или перед чем-нибудь еще более серьезным.

— Я так полагаю. Разумеется, доказательств у меня нет.

Я задумался, так ли это. Возможно, ГК был со мной искренен, когда говорил, что подглядывает за частной жизнью людей — или заглядывает в их умы — только при таких необычных обстоятельствах, в которых оказался я. Само собой, я больше не сомневался, что он с легкостью мог бы узнать о любой противозаконной деятельности, такой, как саботаж или избиение, подстроенное с помощью банды наемных головорезов — последних освященных веками средств борьбы трудящихся и управленцев, которые в наши дни сделались даже более модными, чем раньше, особенно у радикальных группировок наподобие землистов, которые, по большому счету, не могли призвать "членов" своей партии к забастовке. Что

может сделать динозавр? Отказаться от еды? ГК наверняка мог заглянуть в места, где собираются бомбы, или, если сочтет нужным, предугадать намерения террориста, сняв показания со своих вездесущих межклеточных машин. Каждый год представители правопорядка призывали как раз к тому, чтобы доверить ему подобные полномочия. В конце концов, ГК и так служит нам очень добрым пастырем, не правда ли? Кому и когда он причинил зло, кроме тех, кто заслуживал наказания? Мы могли бы за одну ночь покончить с преступностью, если бы только сняли с ГК сковывающие его ограничения.

Я даже сам склонялся к тому, чтобы позволить ему это, невзирая на возражения борцов за гражданские свободы. Но после того как побывал на острове Скарпа, я всем сердцем присоединился к этим возражениям. Полагаю, я просто подтвердил собой старое определение либерала: это консерватор, которого только что арестовали. А консерватор — это, само собой, либерал, которого только что ограбили на улице.

— Ты так цинично отзываешься о переговорах, — заявил ГК, — потому что видел только торговые и только между людьми и существами с крайне примитивным строением мозга. Но

гораздо интереснее, когда в переговоры вступают высшие млекопитающие. К примеру, крайне интересные события развиваются сейчас в Кении: там уже пятую декаду львы судятся с антилопами. В частности, львы сделались весьма искусны в тяжбах. Теперь они научились выбирать наиболее умелого представителя, своего рода профсоюзного уполномоченного, пользуясь теми же инстинктами, что толкают их драться между собой за превосходство. Я действительно верю, что они усвоили мысль: периоды плохой охоты неизбежны, если все антилопы будут убиты, львам будет нечем питаться, кроме промышленного корма — который хоть и нравится им, но не может заменить охоту. Среди них есть один седой ветеран без единого зуба, который год за годом задает антилопам такого жару на переговорах, какой вряд ли задавал им в молодости в гонках по саванне. Этакий Сэмюел Гомперс[27]…

От дальнейших подробностей подвигов этого львиного Ленина меня избавил Дэвид Земля. Он наконец зашевелился, поднялся на ноги, и его вилорогий спутник тут же поспешно вскочил, разрушив хрупкий миф, будто бы он каким-либо

[27] Примечания: 27

Сэмюел Гомперс — первый президент Американской Федерации Профсоюзов (1886–1924).

образом влиял на происходящее. Дэвид последнее время редко посещал обсуждения контрактов с отдельными фермерами, он был слишком занят выступлениями, пропагандирующими землистскую философию среди избирателей. Разумеется, выступал он по телевизору: приход Дэвида на митинг собственной персоной оказался бы самым эффективным способом этот митинг разогнать.

— Думаю, у нас тут нешуточные проблемы, — промолвил Земля своим величественным тоном. — Невинные создания, которых мы представляем, слишком долго страдали под вашим игом. Их жалобы многочисленны и… э-э-э, жалобны.

Если у Дэвида и было слабое место, то именно это: он был не бог весть каким оратором. Думаю, с каждым годом он делался все более косноязычен, поскольку язык становился для него все более тяжким философским грузом. Одним из значимых положений его политической платформы — после установления золотого века — была отмена языка. Он хотел, чтобы мы все пели подобно птичкам.

— Взять хотя бы одну из них, — прогудел он. — Вы — единственная из трех убийц динозавров…

— …из фермеров, — вставила Калли.

— …кто упрямо использует естественных врагов бронтозавров для того, чтобы вселять ужас…

— …чтобы их пасти, — бросила Калли сквозь стиснутые зубы. — И ни один из моих тираннозавров никогда не наносил вонючим бронтозаврам даже царапины.

— Если вы будете продолжать перебивать меня, мы никогда ни до чего не договоримся, — мило улыбнулся Дэвид.

— Я никому не позволю называть меня убийцей, стоя на моей собственной земле! Суды и иски существуют не зря, и вы вот-вот почувствуете на себе, что это такое.

Они обменялись гневными взглядами через костер. Оба знали, что девяносто девять процентов угроз и обвинений, звучащих здесь, были пустым звуком и изрыгались единственно ради того, чтобы морально подавить оппонента или сбить его с толку — и оба ненавидели друг друга так яростно, что я никогда не знал, кто и когда первым свои угрозы осуществит. Мнение Калли было написано у нее на лице. Дэвид просто улыбался, словно бы говоря, что нежно любит Калли, но я слишком хорошо знал его, чтобы этому верить. Он ненавидел ее настолько, что каждые пять лет пытал ее собой, и мне трудно представить более

жестокую пытку.

— Нам следует более тесно пообщаться с нашими друзьями, — резко бросил Дэвид, отвернулся и зашагал прочь от костра, предоставив своему любимчику постыдно тащиться позади.

Калли перевела дух, когда он исчез в темноте. Она поднялась, потянулась и побоксировала с пустотой, разминая суставы и выпуская пар. Заключение сделки — тяжелый труд для ума и тела, но лучшее оружие за столом переговоров — каменная задница. Калли потерла свою, наклонилась над переносным холодильником, стоявшим у ее ног, бросила мне одну банку пива, достала другую для себя и уселась на холодильник.

— Рада тебя видеть! Нам не удалось толком поговорить, когда ты приходил прошлый раз, — сказала она и нахмурилась, припоминая. — Подумать только, ты удрал без предупреждения. Мы зашли ко мне в контору, а тебя и след простыл. Что случилось?

— Куча всего, Калли. Поэтому я и пришел — чтобы… чтобы поговорить с тобой обо всем, если смогу. Посмотреть, сможешь ли ты что-нибудь мне посоветовать.

Она подозрительно взглянула на меня. Стоило

ли удивляться, что она была настроена подозрительно, пообщавшись с непримиримым профсоюзом. Но на самом деле причина лежала куда глубже. Нам с ней никогда не удавалось поговорить по-хорошему. Было тягостно который раз прийти к выводу, что, когда мне нужно поделиться чем-то важным с кем-нибудь, она — неизменно лучший, кто приходит на ум. На мгновение в голову закралась мысль сейчас же встать и уйти. Я знал, почему засомневался в правильности своей затеи — потому, что Калли сделала то же, что так часто проделывала, когда я в детстве пытался поговорить с ней. Она сменила тему:

— Эта девочка, Бренда, на самом деле куда приятнее, чем ты считаешь. Мы долго говорили после того, как обнаружили, что ты ушел. Можешь ли ты себе представить, насколько глубоко она тебя уважает?

— Более-менее. Калли, я…

— Она ходит на лекции по истории, которые потрясли бы тебя, если бы ты их прослушал — и все единственно ради того, чтобы суметь поддержать разговор, когда ты заведешь речь о "древней истории". Мне кажется, это безнадежно. Некоторые вещи надо пережить, чтобы по-настоящему

понять. Я много знаю о двадцать первом веке потому, что я жила в нем. Двадцатый век или девятнадцатый никогда не будут для меня такими же реальными, хотя я очень много о них читала.

— Порой мне кажется, что весь последний месяц выглядел для Бренды нереальным.

— Вот здесь-то ты и ошибаешься. Она знает новейшую историю куда лучше, чем ты можешь подумать, и я сейчас говорю о событиях, происходивших за пятьдесят, за сто лет до ее рождения. Мы уселись и завели разговор… нууу, признаться, по большей части говорила я, рассказывала ей всевозможные истории. Она слушала, как зачарованная.

Калли улыбнулась, вспомнив об этом. Меня нисколько не удивило, что Бренда снискала ее расположение. Мало что моя мать ценит в людях больше, чем умение и желание выслушать.

— Я не слишком много общаюсь с молодежью. Как я ей и говорила, мы вращаемся в разных социальных кругах. Я не выношу их музыку, а они считают меня ходячим ископаемым. Но через несколько часов беседы она постепенно раскрылась передо мной. Словно бы… она стала мне почти как дочь.

Она запнулась, зыркнула на меня и сделала

большой глоток пива, поняв, что зашла слишком далеко. Обычно подобное замечание с ее стороны приводило к очередному, я уже сбился со счету, к какому, повторению самого частого из наших споров. Но той ночью я спустил ей это с рук. У меня на уме были куда более важные вещи. Когда я ничего не возразил на ее слова, она, должно быть, наконец поняла, какие серьезные у меня неприятности — потому что наклонилась вперед, оперлась локтями о колени, пристально взглянула на меня и сказала:

— Рассказывай, в чем дело.

Что я и сделал.

* * *

Но поведал я ей не все.

Я рассказал о драке в "Слепой свинье" и о беседе с ГК, что привела к ложному опыту, воспоминания о котором до сих пор были так свежи в моем мозгу. Я рассказал, что ГК пояснил свои действия как лечение от депрессии. В определенном смысле они и были таким лечением. Но я не смог преодолеть себя и выложить ей начистоту, что я пытался убить себя. Есть ли на свете признание более трудное, чем это? Возможно, некоторые люди не усмотрят в этом ничего особенно и с лег-

костью продемонстрируют то, что специалисты называют знаками сомнения — шрамы на запястьях, дыры от пуль в потолке… Я кое-что читал по этому вопросу во время добровольного заточения в Техасе. Если самоубийство и впрямь — крик о помощи, то, казалось бы, должно быть вполне логично, что человек открыто и честно сознается в своих попытках совершить его, чтобы вызвать сострадание, получить совет, сочувствие, да хотя бы просто дружеское объятие.

Или пробудить жалость.

Может быть, я просто слишком гордый? Не думаю. Я попытался, насколько мог, разобраться в своих мотивах, и не смог разглядеть в них ни тени желания жалости, которую, без сомнения, вызвал бы у Калли. Видимо, это означало, что мои попытки покончить с собой были порождены депрессией, желанием просто-напросто не продолжать жить. А эта мысль сама по себе способна вогнать в депрессию.

В конце концов я скомкал свои чувства и оставил историю без внятного завершения. Уверен, Калли моментально заметила это, но промолчала. Она заговорила не сразу. Я знал, что все случившееся было почти таким же трудным для ее понимания, как и для моего. Духовная бли-

зость вряд ли была нашей семейной чертой. Но я сейчас стал относиться к ней лучше, чем многие годы до этого, просто за то, что она слушала меня так долго.

Она потянулась куда-то за холодильник, достала какую-то банку и плеснула из нее в огонь. Пламя тут же взвилось яркой вспышкой, и Калли с улыбкой оглянулась на меня:

— Топленый бронтозавровый жир. Замечательная штука для барбекю — в момент разжигает огонь. Я уже восемь лет пользуюсь им, когда развожу костер для переговоров. Однажды, когда Дэвид меня достаточно раззадорит, я скажу ему об этом. Уверена, он будет продолжать любить меня несмотря на это. Ты не подбросишь в костер дровишек? Их там целая куча как раз сзади тебя.

Я выполнил просьбу, и мы уселись рядышком, созерцая, как они горят.

— Ты кое о чем умалчиваешь, — наконец, произнесла Калли. — Если не хочешь об этом рассказывать, твое право. Но это ты хотел поговорить.

— Знаю, знаю… Просто мне очень тяжело. Столько всего произошло, и я узнал столько нового…

— Я не подозревала об этом методе обманной

памяти, — призналась Калли. — И не думала, что ГК может применить его без твоего разрешения.

Но в ее голосе не было тревоги. Как, пожалуй, большинство жителей Луны, она смотрела на ГК как на полезного и очень умного раба. Она могла бы согласиться, как и все остальные, считать его существом, призванным помогать ей всеми возможными способами. Но именно тут ее взгляды расходились с мнением тех ее сограждан, которые признавали ГК еще и самой ненавязчивой и доброжелательной из когда-либо созданных форм правительства.

ГК ни словом не обмолвился о том, что имеет весьма ограниченный доступ за ворота фермы, украшенные двойной буквой К. И так было вовсе не случайно. Калли сознательно настроила всю свою электронику так, чтобы в случае необходимости она могла работать совершенно независимо от ГК. Вся связь с фермой сводилась к одному-единственному кабелю, который вел к Марку III Хасбендеру — он-то на самом деле и заправлял на ней всеми делами. Этот канал связи был оснащен еще и целой серией технических приспособлений, изготовленных друзьями Калли, такими же параноиками, как она сама, и предназначенными для отфильтровки губи-

тельных вирусов, бомб замедленного действия, троянов — в общем, всех форм компьютерного колдовства, о которых я не знаю ничего, кроме их названий.

Все это было ужасно неэффективно. Я подозреваю, что еще и бесполезно: ведь ГК был здесь и говорил со мной, не правда ли? Потому что именно защита от ГК была реальной причиной существования всех этих барьеров, этого электронного подъемного моста, который Калли теоретически могла опускать и поднимать по собственной воле, этого фотолитографического рва, который она надеялась населить кибернетическими крокодилами, и тех потоков расплавленной смолы, которые думала пролить на любую программу, могущую посягнуть на ее безопасность. Р-раз! и Марк III Хасбендер окажется отрезан от мест крепления к гигантской сети передачи данных, известной как Главный Компьютер.

Глупо, не так ли? Признаться, я так и думал всегда — до того самого момента, как ГК подчинил себе мой собственный разум. Калли всегда считала, что этого следует опасаться, и была хоть и в меньшинстве, но не одинока. С ней соглашались Уолтер и еще несколько хронических оппозиционеров вроде хайнлайновцев.

Я уже собрался было продолжить повесть о моих злоключениях, но Калли приложила палец к губам:

— Придется отложить на потом! Правитель Хордовых возвращается.

* * *

Калли немедленно расчихалась. Выражение лица Дэвида, и без того добродушное, подобрело настолько, что сделалось почти смешным. Без всякого сомнения, ему доставляла удовольствие ее реакция. Он уселся и подождал, пока Калли отыщет в недрах сумочки спрей для носа. Когда она впрыснула себе лекарство и высморкалась, он любезно улыбнулся:

— Боюсь, ваше предложение убить девяносто восемь… — тут Калли вскинулась было возразить, но он поднял руку и продолжил: — Очень хорошо. Убийство девяносто восьми живых существ попросту неприемлемо. После дальнейших консультаций и выслушивания жалоб, которые потрясли меня — а вы прекрасно знаете, что я в своем деле не новичок…

— Девяность семь, — перебила Калли.

— Шестьдесят, — возразил Дэвид.

На мгновение Калли усомнилась, верно ли она

расслышала. Последнее слово повисло в воздухе между ними, огнеопасное, словно сам костер.

— С шестидесяти вы начали, — тихо произнесла Калли.

— И я только что вернулся к этой цифре.

— Что здесь происходит? Так не делается, и вы это знаете. Мы с вами, мягко говоря, непримиримые враги, но мне всегда удавалось вести с вами дела. Существуют известные допустимые приемы, определенные соглашения, которые, если и не имеют силы закона, то уж наверняка прочно вошли в традицию. Все признают их. Это называется "добросовестность", и я не думаю, что вы здесь и сейчас следуете ей.

— Привычных дел у нас с вами больше не будет, — нараспев произнес Дэвид. — Вы спрашиваете, что происходит? Я вам отвечу. Последние десять лет моя партия неуклонно набирала силу. И завтра я выступлю с важной речью, в которой объявлю о введении новых квот, цель которых — в течение ближайших двадцати лет постепенно свести на нет потребление в пищу плоти животных. В наш век просто безумие продолжать эту примитивную и нездоровую практику, унизительную для всех нас. Убийство и поедание братьев наших меньших — не что иное, как кан-

нибализм. Мы не можем больше допускать этого, если хотим называть себя цивилизованными людьми.

Я был поражен. Он не запнулся ни на едином слове, что наверняка означало, что он предварительно написал и заучил наизусть свою речь. Мы стали свидетелями генеральной репетиции завтрашнего грандиозного зрелища.

— Заткнитесь, — процедила Калли.

— Бесчисленные научные исследования доказали, что мясоедение…

— Заткнитесь, — повторила Калли, не повышая голоса, но вложив в это слово нечто более сильнодействующее, чем крик. — Вы находитесь на моей земле, и вы заткнетесь, иначе я лично пригоню вас пинками в вашу старую потертую задницу до самого воздушного шлюза и спущу в него.

— Вы не имеете права…

Калли плеснула ему в лицо пивом. Она просто взмахнула рукой через костер и выбросила пустую банку через плечо в темноту. На миг лицо Дэвида застыло в величайшем потрясении, какое я когда-либо видел на лицах людей — у меня аж мурашки по коже побежали. Но он тут же расслабился и принял свою обычную позу мудрого

старца, ошеломленного сварами несовершенного мира, но тем не менее взирающего на этот мир с высоты своей богоподобной любви.

Из зарослей его бороды выглянула мышь, посмотреть, из-за чего сыр-бор разгорелся. Она попробовала капельку пива, вкус ей понравился, и

она принялась слизывать напиток такими темпами, о которых наверняка пожалеет наутро.

— Я торчу на корточках перед этим треклятым костром уже больше тридцати часов, — вскипела Калли. — Я не жалуюсь — такова цена заключения сделок, и я привыкла к этому. Но я очень занятая женщина. Если бы вы сказали мне обо всем этом, когда мы только усаживались, если бы вы соизволили предупредить меня о своих намерениях, я могла бы швырнуть в костер песок и заявить вам, что мы увидимся в суде. Поскольку именно туда мы и отправимся, и я добьюсь судебного запрета на ваши визиты раньше, чем на вас пиво просохнет. Бюро Трудовых Отношений тоже найдет, что сказать! — и она воздела руки в красноречивом итальянском жесте: — Думаю, нам не о чем больше разговаривать.

— Это неправильно, — забормотал Дэвид. — Это еще и нездорово, и…

Не дожидаясь, пока он подберет подходящее

слово для выражения столь всеобъемлющего ужаса, Калли снова кинулась в бой:

— Нездорово?! Вот чего я никогда не могла понять. Мясо бронтозавров — самая здоровая простая пища, какую только можно придумать. Уж кому это знать, как не мне! Я помогала воссоздавать геном динозавров, когда мы оба были молоды. Это мясо почти лишено холестерина, богато витаминами и минералами… — она прервала свою тираду, с любопытством взглянула на Дэвида и спросила сама себя: — Да что я тут распинаюсь? Понятия не имею. Я невзлюбила вас с первой же встречи. Я думаю, вы просто-напросто сумасшедший и непорядочный эгоист. Весь этот бред о "любви"… Я всегда полагала, что вы живете в придуманном мире, где никто никому никогда не причиняет боль. Но вот в чем я никогда вас не обвиняла, так это в глупости. А сейчас вы совершаете глупость, причем с таким видом, будто всерьез верите, что сможете ее осуществить. Вы наверняка и сами понимаете, что ваша затея не сработает?

И она устремила на соперника озабоченный, почти сочувственный взгляд. Мне почти показалось, что она хотела бы помочь ему. Ничто не могло бы разъярить Дэвида больше, чем это, но

я, честно говоря, не думаю, что Калли нарочно хотела задеть его. В ее понимании он всерьез готовился совершить политическое самоубийство, если собирался лишить жителей Луны их любимой бронтозаврины, не говоря уже о всех других видах мяса. А она никогда не понимала безрассудства других людей.

Дэвид наклонился вперед, открыл рот, чтобы разразиться следующей заученной тирадой — но не успел. Произошло, как мне думается, следующее — и записи подтверждают мое предположение — одно из бревен, недавно подброшенных в костер, просело и угодило в лужицу бронтозаврового жира, налитую Калли. Эта лужица горела с поверхности, а в глубине становилась горячее с каждой минутой, и от внезапного попадания раскаленных углей жир брызнул, как на сковородке. Взметнулся сноп искр, и нас всех четверых обдало мельчайшими капельками кипящего пылающего жира, липкого, точно напалм. Поскольку они были совсем крохотными, я почувствовал пару-тройку укусов огня на лице и руках и быстро прихлопнул искры. Калли и рогатый господин точно так же хлопнули по себе.

А вот Дэвиду пришлось похуже.

— Он горит! — воскликнул вилорогий.

И это была правда. Травянистая макушка Дэвида весело пылала. Сам он еще ничего не почувствовал и лишь непонимающе оглядывался вокруг, затем уставился вверх с удивленным выражением, которого я никогда не забуду, даже если бы его и не показали потом сотни раз в новостях.

— Мне нужна вода, — попросил он, попытался смахнуть пламя и быстро отдернул руку. Он все еще выглядел достаточно спокойным.

— Сейчас, минуточку! — воскликнула Калли и повернулась к холодильнику. Кажется, она снова собиралась облить его пивом, и я мысленно усмехнулся иронии судьбы: та первая банка, которую она на него выплеснула, могла бы избавить его от необходимости платить за новое лицо, поскольку основательно промочила ему бороду.

— Марио, повали его на землю и попробуй потушить!

Я не упрекнул ее за то, что она назвала меня старым именем, было не до этого. Я обежал костер, протянул руку к Дэвиду, но он отпихнул меня. Это была уже чистой воды паника. Думаю, он уже начал чувствовать боль.

— Воды! Где вода?

— Я видел вон там ручей, — указал вилорогий.

Дэвид повел вокруг себя безумными глазами. Он превратился в гибнущий корабль: я увидел, как из своих гнезд и норок порскнули три полевки, змейка и пара зябликов, а сколько с него взлетело насекомых, было невозможно сосчитать. Некоторые устремились прямо в костер. Дэвид повел себя не лучше. Он кинулся бежать в направлении, которое указал его помощник. Любой пожарный скажет, что именно этого делать не следовало бы. Либо Дэвид невнимательно слушал воспитательницу в детском саду, либо утратил всякую способность разумно мыслить. Видя, как ярко он осветил собою ночь, я предположил последнее.

— Нет! Дэвид, вернись! — завопила Калли. — Там нет воды!

Она повернулась от холодильника с банкой пива в руках, сорвала крышку и швырнула банку вслед убегавшему, но не добросила. Дэвид побивал олимпийский рекорд скоростного забега к несуществующему ручью.

— Марио! Поймай его!

Я не думал, что сумею, но пришлось попытаться. Куда бежать, понять было легко — Дэвид будет виден до тех пор, пока не сгорит дотла. Я ринулся вслед, топоча по грязи и мысленно благодаря

многие поколения динозавров за то, что так плотно утоптали ее. Дэвид забежал в саговниковую рощу, и я почти достиг ее края, когда снова услышал крик Калли:

— Вернись! Марио, скорее вернись!

Я замедлил бег почти до полной остановки и почувствовал нечто тревожаще странное. Земля содрогалась. Я обернулся к костру — Калли застыла, напряженно вглядываясь в ночь, затем включила мощный переносной фонарь и принялась размахивать им туда-сюда. Свет ударил бронтозавру прямо в морду. Он остановился, ослепленный и сбитый с толку, и кинулся наугад в темноту.

Восьмидесятитонная тень вихрем пронеслась мимо, не далее чем в трех метрах справа от меня. Я начал отступать к костру, внимательно вглядываясь во тьму, хоть и понимал, что наступят на меня все равно без предупреждения. На полпути я увидел, как к месту совета выбежало еще одно чудище. Оно наступило прямо на костер, что ему совершенно не понравилось. Животное взвизгнуло, крутанулось на месте и кинулось бежать примерно в моем направлении. Я проследил за ним, решил, что оно будет бежать так, пока не встретит препятствие в виде крупной горной

цепи, и уклонился влево. Зверь протопал мимо и растворился во тьме.

Я знаю о динозаврах достаточно, чтобы не ожидать от них разумного поведения. Они уже были раздражены переговорами. Образы тираннозавров и чувство голода, должно быть, основательно запутали их крохотные мозги. И им хватило бы меньшего повода, чем горящий и орущий Дэвид Земля, чтобы сорваться в паническое бегство. Они ринулись кто куда. Как мне кажется, существует некий инстинкт, который велит им сбиваться в плотную группу, которая в конце концов вся устремляется в одном направлении, но по ночам они не слишком хорошо видят, а посему им не так-то легко отыскать друг друга. В результате мы получаем семь-восемь ходячих гор, несущихся во всех направлениях. Мало что может устоять на их пути.

Во всяком случае, не я. Я поспешил к Калли. Она продолжала размахивать мощным фонарем и одновременно вызывала по карманному переговорнику транспорт на воздушной подушке. Обычно яркого луча фонаря хватало, чтобы заставить животных свернуть. Когда не хватало, нам приходилось проявлять чудеса прыти.

Наконец Калли выбрала средних размеров

самку, несшуюся примерно в нашу сторону, и отвернула от нее луч фонаря. Затем сунула мне динозавровый крюк, и мы застыли в ожидании, когда бронтозавриха приблизится.

В каком месте безопаснее всего находиться посреди мечущихся в панике динозавров? Правильно, на спине динозавра. На самом деле, по-настоящему безопасно было бы только в спасательном транспорте, огни которого мы завидели на горизонте, но выбирать не приходилось. Мы дождались, пока мимо нас промчатся задние ноги, вонзили крючья самке в хвост и подтянули себя наверх. Динозавру не слишком-то нравится, когда его ловят крюком, но болевые ощущения в самой задней части тела слабы и рассеянны, к тому же, у нашей самки в ее скудном умишке были заботы поважнее. Мы карабкались по хвосту до тех пор, пока не смогли ухватиться за мясистые складки на спине. Кстати говоря, никогда не пытайтесь проделать подобное у себя дома. Калли давно набила себе на этом руку, а я, хоть и не ловил динозавров уже лет семьдесят, все же не утратил детские навыки. Я пошатнулся всего на мгновение, и Калли тут же поддержала меня.

Мы скакали и ждали. В конце концов бронтозавриха выдохлась, потрусила медленнее,

остановилась и принялась ощипывать листья с верхушки саговника, вероятно, теперь уже удивляясь, из-за чего началась вся эта суета — если она вообще о ней не забыла. Мы соскользнули вниз, и нас подобрал спасательный транспорт.

* * *

Калли включила "солнце", чтобы облегчить поиски. Вилорогого мы нашли довольно быстро. Он стоял на коленях перед кляксой жидкой грязи и безудержно содрогался. Просто чудо, что он остался жив. Я задумался, любил ли он животных и теперь так же сильно и искренне, как до этой ночи.

Можете говорить о Калли что угодно, но она совершенно неподдельно беспокоилась из-за парня и обрадовалась, найдя его живым и невредимым — и это было очевидно даже ему в его раздрызганном состоянии. Ибо она, хоть Дэвид Земля и заклеймил ее хладнокровной убийцей, не желала смерти даже ему. Она просто взвешивала жизнь человека и жизнь животного на разных весах, чего Дэвид никогда не мог.

— Давай вытащим его отсюда и пойдем искать Дэвида, — сказала она и потянула юношу за руку. — Ему понадобится серьезная медицинская

помощь, если он выжил.

Но вилорогий сопротивлялся, не давал поднять себя с колен. Он вырвал у Калли свою руку и указал вниз, в центр грязевого пятна. Я вгляделся туда и отвернулся.

— Дэвид возвратился в пищевую цепь, — пробормотал парень и лишился чувств.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Несколько следующих дней выдались для меня довольно напряженными. Я был так занят, что у меня совершенно не оставалось времени ни на раздумья, ни на беспокойство из-за ГК, ни на мысли о самоубийстве. Сама идея показалась мне совершенно чуждой.

Я работаю в печатном издании, а посему стараюсь не думать картинками. Мои статьи предназначены для написания и передачи на терминалы подписчиков, оснащенные декодерами, откуда они потом будут скачаны и прочитаны той частью населения, которая пока не разучилась читать. Для того чтобы сокращать, упрощать и прочитывать вслух статьи своих репортеров по новостному каналу для неграмотных, у Уолтера есть другие сотрудники. Разумеется, существуют полностью визуальные, бестекстовые средства массовой информации, а теперь появился еще и прямой интерфейс, но ПИ — по крайней мере, пока — еще не превратился в обыденность, и не столь уж многие люди пользуются им для развлечения и отдыха. Чтение до сих пор остается излюбленным методом получения информации

для значительного меньшинства жителей Луны. Этот способ медленнее, чем ПИ, но куда быстрее и познавательнее чисто визуальных новостных телепрограмм.

Однако "Вымя Новостей" — электронное издание, и большинство статей, которые мы в нем публикуем, сопровождаются видеороликами. Таким образом, газете удалось найти для себя в эпоху телевидения субсидируемую правительством и с каждым годом все более опасную нишу рынка. Эксперты не устают предсказывать скорое вымирание газетной индустрии, но год за годом она борется и выживает, большей частью за счет тех, кому не хочется слишком больших перемен в своем жизненном укладе.

Я постоянно забываю о голографической камере в левом глазу. Отснятый ею материал сбрасывается одновременно с вводом статьи в редакционный компьютер "Вымени", затем обычно графический редактор наскоро пролистывает его и подбирает статичную картинку или несколько секунд движущегося изображения в качестве иллюстрации к моим словам. Помню, когда камеру только устанавливали, я беспокоился, как бы редакторам не попались на глаза кадры, которые мне не хотелось бы демонстрировать

никому — ведь съемка идет все время, а памяти хватает на шесть часов. Но ГК успокоил меня, что центральный компьютер содержит программу селективной защиты, которая стирает нежелательные снимки прежде, чем кто-либо из людей способен их увидеть. (А вот теперь я крепко задумался над этим. Меня никогда не беспокоило, что ГК видит все видеозаписи без купюр, но раньше я никогда и не подозревал, что он сует нос в чужие дела.)

Голографическая камера — наполовину механическое, наполовину живое устройство размером не больше обрезка ногтя. Она имплантирована так, чтобы не попадать в поле бокового зрения. В центре глаза, поблизости от фокусной точки, подвешено полупрозрачное зеркало, которое отражает на камеру часть светового потока, попадающего через зрачок. В первые несколько дней после вживления камеры заметно легкое понижение световой чувствительности одного глаза, но мозг довольно быстро привыкает к новшеству, и всю оставшуюся жизнь вы не замечаете никаких неудобств. Из-за камеры мой зрачок кажется красным и слабо светится в темноте.

Разумеется, когда Дэвид Земля загорелся, камера работала. У меня даже мысли о ней не

возникло за все время последовавших событий, я не вспоминал о ее существовании до тех пор, пока останки Дэвида не увезли с фермы туда, куда отправляют тела землистов. Только тогда я осознал, что в моих руках оказался материал для самой громкой статьи за всю мою карьеру. И для самой головокружительной сенсации.

Настоящая смерть, заснятая на камеру, стопроцентно попадает на первые экраны электронных газет. Смерть известного человека обеспечит уолтеровских писак второго плана пищей для статей на многие месяцы вперед: они будут изобретать любой повод лишний раз поставить в номер великолепную и ужасную голову Дэвида в венке из языков пламени и еще более ужасающие кадры последствий его попадания под ноги несущегося в панике бронтозавра.

Газета, отснявшая новостной материал, имеет на него эксклюзивные права двадцать четыре часа. Затем, в течение следующих двадцати четырех часов, он может быть за плату предоставлен другому изданию на несколько минут или часов либо продан со всеми правами. По истечении сорока восьми часов он становится всеобщим достоянием.

А посему главная газета крупного города всеми

силами старается выжать все возможное из этих критических часов. В первый день, пока мы могли пользоваться моим фильмом эксклюзивно, мы превратили гибель Дэвида Земли в самую что ни на есть громкую историю со времен свадьбы Сильвио и Марины двадцать пять лет назад, их развода год спустя или Вторжения пришельцев на планету Земля — выбирайте сами, с чем сравнивать. Три упомянутых события единогласно считаются самыми сенсационными новостями всех времен, и единственная разница в их значимости заключается в том, что два первых были широко освещены в средствах массовой информации, а последнее — нет. Конечно же, наша история была далеко не так значительна, но вы никогда этого не сказали бы, читая наши захлебывающиеся репортажи и слушая безумствующих комментаторов.

Я, само собой, находился в центре охвата события. О том, чтобы поспать, и речи быть не могло. Поскольку я не слишком-то экраногеничен — то есть, говорю равнодушным тоном, и камера меня недолюбливает, — большую часть времени я провел, сидя напротив одного из наших звездных ведущих и отвечая на их вопросы. Большинство подобных передач шли в прямом эфире и зача-

стую занимали целых пятнадцать минут в начале каждого часа. В последующие пятнадцать минут мы показывали репортажи, заснятые командой операторов, которые тем временем десантировались на ферму Калли и запечатлели все, начиная от окровавленной ступни динозавра-убийцы и туш трех бронтозавров, затоптанных своими обезумевшими сородичами, и заканчивая интервью со всеми помощниками фермеров, когда-либо работавшими у Калли, невзирая на то, что никто из них не видел ничего, кроме трупа.

Когда Уолтер узнал, что Калли ни при каких обстоятельствах и ни за какие деньги не соглашается дать интервью — я думал, он взорвется. Он отправил на ферму меня, чтобы я улестил и уломал мать. Я отправился, хотя знал, что не выйдет ничего хорошего. Уолтер пригрозил Калли арестом: он был так взбешен, что вбил себе в голову, будто бы отказ от сотрудничества с прессой — и, в частности, лично с ним — это преступление. Калли, со своей стороны, ответила несколькими крайне неприятными звонками с требованием, чтобы мы прекратили использование ее фотографии, и кому-то даже пришлось процитировать ей соответствующие статьи законодательства, где говорилось, что она не властна над ситуацией.

Тогда она позвонила мне и обозвала, помимо прочего, Иудой. Не знаю, какого она ждала от меня отношения к самой громкой истории

за всю мою жизнь: наверное, думала, что я положу материалы на стул и усядусь сверху, чтоб никто не видел. Я позвонил ей в ответ и обласкал несколькими не менее резкими эпитетами. Вероятно, она волновалась о том, как будет расценена степень ее причастности к трагическому инциденту, но главная причина крылась в ее ненависти к средствам массовой информации — и по этому вопросу я не скажу, чтобы она была совсем уж не права. Время от времени я задумывался, не из-за этой ли ненависти я подался в журналисты. Пренеприятнейшая мысль, сказать по правде.

Как бы то ни было, я решил, что спрашивать ее совета по тем вопросам моей истории, в которые я не успел или не захотел сразу посвятить ее, не имеет смысла как минимум в ближайший год или около того. Как максимум, лет пять.

Весь следующий день мы сдавали нашу статью в аренду конкурирующим газетенкам и теленовостенкам — разумеется, на наших условиях. Цена была высока, но ее платили охотно. Конкуренты знали, что следующий раз, вполне вероятно,

арендодателями окажутся они, и надеялись тогда отыграться. Как обычно в таких случаях и делалось, меня тоже включали в каждую сделку, так что я мог упоминать "Вымя" как можно чаще и громче во всех прямых эфирах. И я наговорился до хрипоты, сидя перед бесконечными комментаторами, обозревателями и тому подобными персонами, пока видеоряд — теперь уже устаревший — транслировался в очередной раз.

Единственным человеком, кто удостоился за эти два дня не менее пристального внимания, чем я, была Земля Лоу. Такое радикальное движение, как землисты, порождает отколовшиеся группировки в тех же темпах и объемах, в каких поросится породистая свиноматка. Это закон природы. Лоу была лидером крупнейшей из подобных группировок. Ее последователи тоже называли себя землистами, как я думаю — исключительно ради издевательства над несчастными репортерами. Некоторые из нас различали обе партии как "землистов Дэвида" и "землистов Лоу", другие пытались приклеить отщепенческому безобразию звание "земляистов". Большинство из нас просто называли их "землистами" и "другими землистами" — верный способ заставить Лоу разразиться нотой скулящего протеста, по-

скольку было понятно без объяснений, кто такие "другие".

Дэвид не оставил политического завещания. Очевидного наследника в его организации не оказалось. Люди все реже и реже задумываются о своей смерти и не планируют дела наследования, потому что просто не собираются умирать. Возможно, именно этим объясняются острый завораживающий интерес к жестоким иллюстрациям в популярных развлекательных изданиях и передачах и требование как можно большего числа подробностей в описании настоящих смертей, когда они случаются. Бессмертия мы пока еще не достигли. И, возможно, не достигнем никогда. Но люди уже привыкли считать, будто смерть — нечто такое, что случается с кем-нибудь другим и не слишком-то часто.

Земля Лоу взбиралась на любые уличные трибуны, способные выдержать ее отнюдь не маленький вес, и распахивала гостеприимные объятия заблудшим овцам, приветствуя их возвращение в стадо. По ее версии, это Дэвид откололся от нее, а не наоборот. Какая разница, что он увел с собой девяносто процентов паствы? Нам было заявлено, что Лоу всегда любила Дэвида (что не удивительно, они оба исповедовали любовь

ко всем живым существам, хотя Дэвид любил Лоу так, как любят, скажем, глиста или вирус, а не домашнюю собаку) и с крайней широтой души возвращала ему его любовь. За всеми тонкостями различий в их доктринах я уследить не смог. Как мне показалось, главное состояло в том, что, по убеждению Лоу, каждый истинный землист должен пребывать в женском теле, чтобы являть собой наилучшее воплощение Матери-Земли… или нечто вроде того.

В общем и целом, это была самая проклятущая, самая барнумобейлиевская[28], до мозга костей наипостыднейшая адская буча газетно-журнально-телевизионной клоунады, какую кто-либо видел с тех времен, как Большая Лапа погнался по дороге за опоссумом и растерял все запасные зубы. Я от души сожалею, что оказался в ней замешан.

Едва двухдневные муки адовы закончились, я рухнул на постель и проспал не меньше двенадцати часов. А когда проснулся, в очередной раз задумался: не пора ли бросать к чертям

---

[28] Примечания: 28

Легендарный антрепренер Ф. Т. Барнум (1810–1891), его преемник Дж. Т. Бейли (1847–1906) и цирковая династия "Братья Ринглинг" стояли у истоков создания одного из популярнейших цирков США с более чем 130-летней историей. Его главная развлекательная программа носит название "Величайшее шоу на Земле"

эту работу? Не она ли — истинная причина моего стремления к саморазрушению? Могло бы создаться впечатление, будто ненависть к делу, которым я занимаюсь, в принципе способствовала чувству собственной никчемности, а следовательно, подводила к мысли поставить на всем крест. На некоторое время я задумался над этим. Но пришлось признать, что, несмотря на мое презрительное отношение к поступкам нашей братии и к нашей манере эти поступки совершать, все же новостной бизнес дарит некое пьянящее волнение, когда на самом деле случается что-нибудь серьезное. Волнующие события бывают не так чтобы очень часто, даже в той области журналистики, на которой я специализируюсь. Большинство новостей — из разряда "сегодня ничего особенного не стряслось", и для придания читабельности их искусно украшают всевозможным сексуальным враньем. Но когда происходит нечто выдающееся, это бодрит не на шутку. И еще более заслуживающее порицания удовольствие испытываешь, когда находишься прямо там, где творятся новости, когда узнаешь о чем-то раньше всех. Есть только один род занятий, в котором можно почти так же близко подойти к центру событий — это политика, но ей

даже я гнушаюсь заниматься. У меня еще сохранились кое-какие моральные правила.

Разговор с Калли обернулся провалом, если уж не с точки зрения работы, то с точки зрения получения желанного совета. Но пока я искал причины своей неудовлетворенности, кое-что становилось для меня все яснее и очевиднее. Мое тело сидело на мне неловко, как плохо подогнанные брюки — такие, что жмут в паху. Год, прожитый в женском теле, каким бы суррогатным этот жизненный опыт на поверку ни оказался, дал мне понять, что пришло время сменить пол. Причем назрела эта необходимость уже давно, возможно, даже несколько лет назад.

Могло ли именно это быть источником моего неудовольствия? Могло ли это способствовать ухудшению моего состояния? Сомнительно, но возможно. Даже если смена пола не имеет к моему самочувствию никакого отношения, не помешает все-таки пойти и сделать эту операцию, чтобы снова ощутить себя в своей тарелке. Черт побери, всего-то делов.

* * *

Когда страшно-ужасно моднючие люди решают, что прежние гениталии им порядком

наскучили — то, как вы все наверняка знаете, они заказывают машину и требуют доставить их старые кости в Квартал Перемен.

В обычное время, если бы мне пришла пора сменить пол, я поспешил бы в одну из небольших операционных, каких полно по соседству. В конце концов, у всех них есть разрешение на подобную деятельность, и все они ничуть не хуже других могут отрезать, где надо, и подшить, что надо. Но на этот раз стечение обстоятельств убедило меня посетить улицу, где встречается элита. Одним из обстоятельств было то, что мои карманы пухли от банкнот, которыми осыпал меня Уолтер в качестве премий и наград за статью о Земле В Огне. Другим — то, что я был знаком с Дорогушей Бобби еще тогда, когда он был просто Робертом Дарлингом из Недорогого Косметического Салона "Безумный Боб" и сменой пола занимался лишь в качестве приработка. Он тогда содержал крохотную операционную на Лейштрассе, в торговом коридоре — исконной обители рабочего класса, где треть фасадов всех магазинов была заколочена и облеплена рекламными листовками. Проходил этот коридор по одному из самых непрестижных районов Кинг-сити. Операционная Дарлинга была зажата

между борделем и мексиканской забегаловкой, а вывеска ее гласила: "Наилудшие Превращения Полов на Лейштрассе — Простые условия кредитования". Ни первый, ни второй лозунги никого не удивляли: заведение Боба было единственным подобным на всю округу, и настолько дорогую операцию окрестные жители не могли себе позволить без соответствующей финансовой подготовки. И не то чтобы Бобу приходилось делать так уж много половых превращений. Рабочим не по карману частые смены пола, да и не очень-то принято в рабочей среде оспаривать результаты жеребьевки Матушки-Природы: кому какой пол выпал, с тем и живут, и бегать туда-сюда из женского тела в мужское не склонны. Гораздо удачнее у Дарлинга шли дела с татуировкой, которая и стоила совсем дешево, и нравилась местной клиентуре куда больше. Он рассказывал, что у него бывали завсегдатаи — любители полностью обновлять татуировки по всему телу каждые несколько недель.

Было это более двадцати пяти лет назад, в то время, когда я последний раз менял пол. Именно тогда Безумный Боб громко заявил миру о себе. Он изобрел некую телесную финтифлюшку — сейчас не могу припомнить даже приблизи-

тельно, какую, подобные вещи входят в моду и тонут в забвении с такой скоростью, что по сравнению с ними бабочки-однодневки выглядят долгожителями — и его изобретение было "открыто" светскими львами, случайно забредшими в бедный квартал. За одну ночь Роберт сделался новым светилом в области вторичных половых признаков. Отныне корреспонденты модных журналов принялись посещать его дефиле и со знанием дела писать о новинках сезона. Возможно, моделирование тела никогда не достигнет того размаха и влияния, каким пользуется торговля тряпками, но нескольким мастерам иглы и скальпеля все же удалось завоевать себе место под солнцем в индустрии моды.

А последние десять лет Безумный Боб посвятил тому, чтобы заставить всех забыть о третьеразрядном медицинском заведеньице по соседству с чудесами мексиканской кухни.

Квартал Перемен — смешное название, не правда ли? — ответвляется от пятикилометрового средоточия роскоши и блеска, известного как Хедлиплац. На протяжении полувека Плац, как его привыкли коротко называть, был достойным продолжателем традиций Сэвилл Роу, Пятой Авеню, Кимберли Роуд, Химкинского проспекта и

тому подобных мест "не для всех". Именно в такие места отправляются за кусачками для ногтей из чистого золота, но не надейтесь там хоть что-нибудь урвать на ежегодных распродажах бытовой техники. На Плаце не предоставляют кредитов, ни на упрощенных условиях, ни на каких-либо других. Если в банке данных какой-либо из тамошних дверей нет вашего генокода и самых свежайших, вплоть до последней миллисекунды, сведений о вашем финансовом положении, эта дверь для вас просто не откроется. На Плаце не увидишь красочных рекламных плакатов, да и голографические вывески там редкость. Реклама на Плаце присутствует разве что в виде малюсеньких логотипчиков в нижнем углу зеркальных окон да отполированных до блеска золотых табличек, прикрепленных на уровне глаз.

Квартал уходил в сторону от главного коридора под острым углом, тянулся примерно на сотню метров и заканчивался тупиком у скопления престижных ресторанов. По пути встречалось несколько небольших витрин, рядом с каждой из которых вертелся искусный пройдоха-посредник, способный убедить потенциального клиента расстаться с суммой, в десять раз превышающей действительную стоимость операции, за то, что-

бы после ее окончания заполучить на ноготь мизинца фирменную гравировку "Тело смоделировано Таким-то Сяким-то".

Операционные в Квартале были украшены голографическими вывесками, отображавшими представления каждого модельера о том, как должны в наши дни выглядеть современные модные мужчины и женщины. Снобы с главной улицы любят говорить, что Квартал находится вблизи Плаца, а не отходит от Плаца. Тем не менее, всем этим чудесам голографии было далеко до образцов татуировки, украшавших некогда окна дешевой парикмахерской.

Я был не слишком уверен, стоит ли мне входить. И еще меньше — смогу ли я войти. Мы с Бобом одно время частенько выпивали вместе, но после его переезда сюда потеряли друг друга из вида. Я приложил руку к пластине идентификатора и почувствовал легкий нажим, когда датчик соскреб кусочек ороговевшей кожи. Несколько секунд автоматика словно колебалась, не отослать ли меня к служебному входу. Наконец дверь распахнулась. По идее, сейчас должны были бы торжественно объявить имя новоприбывшего, но для Квартала подобная церемония выглядела бы чересчур демонстративной.

— Хилди! Милый, милый старый приятель. Как же я рад тебя видеть! — воскликнул Боб. Он вынырнул из некой потайной задней комнаты, в три громадных шага преодолел расстояние между нами и восхищенно затряс мне руку. Оглядел меня с головы до ног и притворился, будто с трудом верит своим глазам:

— Всеблагие небеса, и это — моих рук дело? Ты пришел как раз вовремя, друг мой! Тянул до последнего мгновения. Но не переживай, я все исправлю, кузен Бобби обо всем позаботится. Только доверься мне.

Внезапно я засомневался, хочу ли доверить ему себя. Я подумал, что его радушие наверняка сильно преувеличено, но мы не виделись довольно давно, а ему, я уверен, положено было по роду занятий придерживаться определенных стереотипов поведения. Сентиментальность, жеманность и все в подобном духе было экивоком в сторону традиции, которой в его профессиональной среде придерживались многие, точно так же, как юристы стараются выглядеть солидно и трезво, под стать важным делам, с которыми им приходится иметь дело. До того, как смена пола вошла в привычку, миром моды правили мужчины с гомосексуальными наклонностями. Но в

наше время сексуальность так сложна, разветвляется на столько всевозможных ориентаций — из которых только официально признанных целые сотни, не считая УЛЬТРА-Тингл — что невозможно узнать хоть что-нибудь о сексуальной ориентации человека, пока не заговоришь с ним об этом или он сам не выскажет свои предпочтения. Боб — или, возможно, мне следует называть его Дорогушей — был гетеросексуален: он родился мужчиной и ощущал себя таковым, а если бы свободен был выбирать, то провел бы большую часть жизни в мужском теле, лишь ненадолго становясь женщиной, и при этом, вне зависимости от своего пола в каждый конкретный момент, всегда предпочитал бы партнера противоположного пола.

Но его профессия негласно требовала от него смены пола четыре-пять раз в год, в точности так же, как торговцу тряпками лучше носить собственные модели одежды, если он рассчитывает на серьезную репутацию. На этот раз Боб оказался в мужском теле и выглядел почти совершенно так же, как в то время, когда мы были знакомы. По крайней мере, на первый взгляд. Присмотревшись получше, я заметил тысячи мельчайших перемен, но ни одна из них не была столь зна-

чительна, чтобы друзья перестали узнавать его на улицах.

— Тебе не в чем себя винить, — заявил я, пока он вел меня под локоток в помещение под названием "Консультационная Комната". — Ты, может быть, уже не помнишь, но я сам принес описание своей будущей внешности. Так что тебе не удалось блеснуть передо мной мастерством.

— Я прекрасно это помню, мой милый мальчик, и, возможно, такова была воля Аллаха. Я до сих пор совершенствую свое искусство — подчеркиваю, именно искусство, Хилди! — и, вполне вероятно, в то время я плохо справился бы со своей задачей. Но, помню, я здорово рассердился.

— Нет, Дорогуша, ты тогда был не зол, а просто выдохся.

Он расплылся в странноватой, неестественной ухмылке, выражая согласие, но при этом его сияющая маска радушия не сползла ни на миллиметр. Я окинул взглядом комнату и еле сдержал смех. Это была девчачья мечта. Все стены занимали зеркала, в них отражалась целая толпа Хилди и Бобби. Большая часть остальной обстановки была розовой и в кружавчиках. Более того, даже сами кружева были отделаны кружевами — фантастически утрированная крайность, но мне

понравилось. У меня как раз было подходящее для подобных вещей настроение. Я с облегчением опустился на бело-розовый обшитый кружевом диванчик и ощутил, как уходит тревога. Кажется, в конце концов я оказался на верном пути.

Вошла женщина, ассистентка или кто она там, с шампанским в серебряном ведерке со льдом, поставила свою ношу рядом со мной и налила немного шипучего напитка в высокий бокал. То, что я с полным отсутствием интереса наблюдал за ее действиями, говорило, насколько велика была моя отчужденность от половой принадлежности тела, в котором я пока еще находился. Неделю назад… в общем, до острова Скарпа, как бы давно я на нем ни побывал, я бы почувствовал влечение к этой женщине. А в данный момент я ощущал себя по-настоящему бесполым. Ничуть не больше, чем ассистентка, интересовал меня и Роберт. Я имею в виду, он вряд ли заинтересовал бы меня после смены пола, просто потому, что он был не в моем вкусе. В эпоху свободного выбора пола слово "вкус" можно наполнить любым значением.

Я, как и хозяин роскошной операционной, — гетеросексуал. Это вовсе не значит, что я никогда не занимался однополой любовью… все ею за-

нимались! Как можно оставаться подлинно гетеросексуальным, побывав и мужчиной, и женщиной? Полагаю, возможно все, но мне никогда эта подлинность не встречалась. Я просто считаю, что для меня лучше, когда в любовном акте участвуют мужчина и женщина. Дважды в жизни мне встречались люди одного со мной пола, с которыми у меня возникало желание сойтись поближе. И в обоих случаях один из нас менял пол.

Не знаю, как это объяснить. И не думаю, что кто-либо другой способен как следует объяснить причины своих сексуальных предпочтений, кроме тех случаев, когда они основаны на предрассудках: то есть, то или иное действие считается неестественным, богопротивным, извращенным, омерзительным и тому подобное. Среди нас до сих пор есть некоторые люди с подобными предубеждениями, и часть их окружала Боба на его прежнем месте работы: на самом деле, там ему дважды били стекла, а один раз намалевали на его вывеске воистину отталкивающие христианские призывы. Но сексуальные предпочтения — это, похоже, то, что выпадает людям, а не то, что они себе выбирают. На самом деле, когда я парень, меня живо интересуют девушки, а когда

я девушка — интересуюсь парнями. У меня есть друзья, у которых все с точностью до наоборот, которые склоняются к гомосексуализму в обоих полах. Я знаю людей, воплощающих собой весь спектр нюансов между этими двумя крайностями: к примеру, преданных мужскому или женскому телу в любых ситуациях, вне зависимости от ориентации, или пансексуалистов, которым достаточно лишь, чтобы партнер был теплым и двигался, но которые не посчитают непреодолимым препятствием для секса холод и неподвижность, или страдающих нарушениями, из-за которых они несчастливы ни в мужском, ни в женском образе, или истинных нейтралов, которые ни один пол не считают своим, удаляют все внешние и внутренние половые признаки и с облегчением вздыхают, раз навсегда закрыв для себя щекотливую, неудобную, бесполезную и грязную тему секса.

Что же до вкуса, ни Роберт, ни Дорогуша мне не подходили. В женском теле я не так озабочен физической красотой партнера, как в мужском, хотя красота — всего лишь вопрос социального положения, поскольку в обществе, где красоту при желании можно приобрести за деньги, она перестает быть редкостью и становится вполне

обычным делом. Кощееобразная фигура и длинная узкая физиономия Роба/Бобби не волновали мое девичье сердце. Впрочем, это не помешало бы влюбиться в него, если бы скрашивалось чертами характера. Но увы! Он хороший приятель, но любовником был бы обременительным. Он настолько не уверен в себе, что наука еще не придумала названия для всех его страхов.

— Ну что, мы не забыли принести с собой наши описаньица, Хилди? — спросил он.

Я не забыл и протянул ему листы. Он бегло просмотрел их и фыркнул, но не презрительно, а словно бы говоря, что техническая сторона дела не представляет для него трудностей. Затем он дал генетическое техзадание ассистентке и хлопнул в ладоши:

— А теперь давай-ка сбросим эти чудные одежды, невозможно творить, не видя нагого тела, скидывай, скидывай!

Я разделся, и он взял одежду с таким видом, будто не отказался бы от стерильных щипцов:

— Откуда ты выкопал эти вещи? Их ведь годами… Разумеется, мы все почистим и аккуратно сложим.

— Я нашел их в своем платяном шкафу, и ты можешь пожертвовать их беднякам.

— Хилди, не думаю, что у нас есть настолько бедные люди.

— Тогда выброси их.

— О, благодарю.

Он протянул мои тряпки женщине, и та ушла с ними.

— Это был жест истинного гуманиста, старик, — продолжил Бобби, — твой поступок выдает подлинное неравнодушие к миру моды.

— Если ты мне за это благодарен, — откликнулся я, — то, будь добр, перестань рассыпать передо мной волшебную пудру. Мы остались наедине. И перед тобой я, Дорогуша.

Он заговорщически оглянулся кругом. Все, что я увидел, были тысячи тысяч Хилди и такое же количество отражений моего собеседника. Он уселся на стул напротив меня и слегка расслабился:

— Будь добр, зови меня Бобби? Это не так вычурно, как Дорогуша, но не так страшно и не пробуждает таких неприятных воспоминаний, как Роберт. И, сказать тебе по правде, Хилди, мне с каждым днем все труднее сбрасывать маску. Я начинаю уже сомневаться, маска ли это. Я не выдыхаюсь годами, но раздражаюсь и злюсь практически постоянно. А это совсем другое дело,

как ты сам мне напомнил.

— Нам всем приходится носить маски, Бобби. Возможно, старая маска не слишком тебе подходила.

— Я до сих пор гетеросексуален, если ты об этом спрашиваешь.

— Не спрашиваю, но я бы удивился, окажись это не так. Я читал, что смена полярности происходит довольно редко.

— Но тем не менее, происходит. Есть в этом некая важная мелочь, которой я не улавливаю. Так как ты поживаешь? По-прежнему кропаешь чепуху?

Прежде чем я успел ответить, он пустился в первое из целой серии лирических отступлений. Он бурно поблагодарил меня за хорошие статьи, которыми всегда радовало его "Вымя". Он не мог не знать, что я не работаю на страничках моды, но, возможно, полагал, что я замолвлю за него доброе словечко. Видя, как он рвется смоделировать для меня новое тело, я не нашел причин развенчивать его иллюзии.

Мы обсудили множество вещей, отставили много пустых бокалов из-под шампанского, вдохнули несколько видов ароматного и умеренно ядовитого дыма. Но все то и дело сводилось к

ключевой теме: когда же "они" обнаружат, что он не тот, за кого выдает себя?

Мне и самому знакомо подобное чувство. Оно не редкость для людей, у которых хорошо удается не слишком любимое ими дело. А по правде сказать, оно часто посещает всех, кроме самых самоуверенных — таких, к примеру, как Калли. У Робби как раз случился тяжелый приступ этого чувства, и мне трудно его винить. Я вовсе не считаю его абсолютным шарлатаном. Я не слишком хорошо распознаю подобные вещи, но, насколько я могу судить из достоверных источников, он не лишен настоящего таланта. Однако в том мире, где он вращается, талант очень часто совершенно ни на что не влияет и ничего не гарантирует. Вкус — штука ненадежная. В мире модельеров вы настолько хороши, насколько хорошо прошел ваш последний сезон. Подсобные кварталы и пивные городского дна устланы живыми трупами некогда знаменитых людей. Некоторые из них владели операционными здесь, в Квартале Перемен.

Мало-помалу я начал потихоньку тревожиться. Я знал Робби и знал, что он всегда будет таким — напуганным, что у него отберут успех, к которому он так и не привык, потому что не мог

взять в толк, откуда он свалился. Он просто такой человек. Но, судя по тому, сколько времени он готов был мне уделить, либо дела у него шли совсем плохо, либо я должен был чувствовать себя крайне польщенным. Я рассчитывал, что проведу с Мастером минут десять-пятнадцать, прежде чем он разрисует мне тело широкими росчерками пера и передаст помощникам, которые займутся воплощением модели в жизнь. Разве его не ждут более важные клиенты?

— Видел тебя по телеку, — бросил Бобби, прервав ненадолго свои, с каждым словом все более утомительные, причитания. — С этой ужасной… как там ее? Забыл. Снова с историей об этом навязшем в зубах Дэвиде Земле. Боюсь, мне пришлось выключить. Нисколько не огорчусь, если больше никогда не услышу его имени.

— Я почувствовал то же самое, что и ты, через три часа в первый же день. Но тебе было интересно по меньшей мере первые сутки, ты ждал не дождался следующего сюжета на эту тему.

— Прости, что разочаровываю… Это было скучно.

— Сомневаюсь. Вспомни, как ты впервые прочел об этом. Ты сгорал от желания узнать поподробнее. Скучно стало потом, после того как

ты просмотрел ролик новостей три или четыре раза.

Он нахмурился, затем кивнул:

— Ты прав. Я глаз не мог оторвать от газеты. Как ты узнал об этом?

— Это верно почти для всех. В частности, для тебя. Если о чем-либо говорят все, ты не можешь позволить себе не составить об этом мнение, не высказать лицемерное замечание, не испустить снисходительный вздох… ну, хоть что-нибудь. А совершенно ничего не слышать об этом было бы немыслимо.

— Мы крутимся в одном бизнесе, не так ли?

— Во всяком случае, в родственных. Возможно, разница в том, что в моем мы можем позволить себе исчерпать нечто до самого дна. Мы используем новость до последней капли. К тому времени, как мы ее полностью переработаем, ничто не становится таким скучным, как то, что завораживало вас двадцать четыре часа назад. Тогда мы переходим к новой сенсации.

— Тогда как я всегда должен предугадывать этот волшебный миг на несколько секунд, прежде чем что-либо устареет настолько, насколько твои вкусы в одежде.

— Совершенно верно.

Он вздохнул:

— Это опустошает меня, Хилди.

— Я ни в чем тебе не завидую — разве что кроме денег.

— Которые я расходую крайне осторожно и продуманно. Дорогостоящие отпуска на лунах Урана — не для меня. Как и летние домики на Меркурии. Я все вкладываю в синенькие жетоны. Не могу допустить, чтобы когда-нибудь мне не хватило денег на воздух. Но вот что я хотел бы знать: будет ли жажда по утраченному признанию иссушать мне душу?

Он приподнял одну бровь и бросил на меня недовольный взгляд:

— Полагаю, те описания, что ты передал Кики, создают столь же отсталый и косный образ, как тот, в котором ты явился сюда?

— Почему ты так решил? Разве я пришел бы к тебе, если бы мне хотелось чего-то, что я могу получить у любого цирюльника? Я хочу Тело от Бобби.

— Но я думал…

— Так то из женщины в мужчину! А обратно — совсем другая штука, другой масти сука.

* * *

Я решил написать себе памятку. Послать цветы редактору раздела моды в "Вымени". Я не видел иного способа отблагодарить Бобби за поистине королевскую заботу, которой он щедро окружил меня в следующие четыре часа. О, конечно же, мои деньги были ничуть не хуже денег любого другого человека, и я не собирался слишком крепко задумываться о размере счета за подобное обращение. Но поведение Бобби нельзя было объяснить ни дружеским расположением, ни вынужденным бездельем. Я сделал вывод, что он рассчитывал на благоприятный отзыв в прессе.

Можно ли назвать причудой нечто, что вы разделяете со значительным меньшинством своих сограждан? Не уверен, но, быть может, и можно. Я никогда не понимал истоков этой особенности, точно так же, как не мог объяснить, почему мне не хочется спать с мужчинами, когда я сам мужчина. Но факт есть факт: в мужском теле я довольно-таки безразличен к своей внешности и одежде. Разумеется, одеваюсь я чисто и аккуратно и не допускаю ничего явно уродливого. Но мода меня не касается. Мой гардероб состоит из вещей, подобных тем, которые Бобби выбросил, когда я

пришел к нему, или даже чего похуже. Обычно я ношу шорты, удобные рубашки, мягкую обувь и бумажник — стандартную мужскую одежду, подходящую для всего, кроме официальных мероприятий. Цвет и фасон меня, как правило, не слишком волнуют. Я не пользуюсь никакой косметикой, а из парфюмерии выбираю самую нестойкую. Ради праздника могу напялить цветастую юбку, на самом деле — просто кусок ткани наподобие саронга, и какая мне разница, обработаны ли у этой ткани края. Но большинство из того, что я ношу, не шокировало бы никого, случись мне совершить путешествие в прошлое и оказаться на улице во времена, предшествовавшие эпохе смены полов.

Дело в том, что, по моему убеждению, женщина может носить что угодно, тогда как мужчина в целом ряде видов одежды выглядит попросту глупо.

Вот взять, к примеру, длинное облегающее платье, такое, что покрывает лодыжки, может быть — с разрезом до колена с одной стороны. Наденьте его на мужское тело, и пенис создаст досадный дефект в плавной гладкости очертаний, если только не привязать его к бедру — тогда как весь смысл подобной одежды, на мой взгляд,

в том, чтобы чувствовать себя изящным, а не связанным. Одеяния такого типа созданы для подчеркивания линий женского тела, изгибов вместо мужской угловатости. Другой пример — глубокий вырез, и такой, что закрывает грудь, и такой, что подпирает ее снизу и выставляет напоказ. Разумеется, мужчина может выйти на улицу в одежде с разрезом до пупа, но и предназначение, и крой этого разреза будут совсем иными.

Прежде чем начнете писать возмущенное письмо редактору, учтите: я знаю, что существуют законы природы. Нет причин мужчине не иметь женских ног или, к примеру, бюста, если ему уж очень хочется. Тогда в моих глазах он будет хорошо выглядеть в вышеописанной одежде, но именно потому, что приобретет женственные очертания. Но я придерживаюсь традиционалистских взглядов на телесные типы. Если уж вы даете мне бюст, пышные бедра и стройные ноги, то дайте и все остальное. Смешивать я не люблю. Я убежден, что есть мужские и женские вещи. Определить основные различия в типах телосложения легко, в типах одежды — сложнее, к тому же, граница между ними постоянно смещается. Но, в общих чертах, можно сказать, что женская одежда лучше приспособлена для определения и

подчеркивания вторичных половых признаков, а еще она более многоцветна и разнообразна.

Конечно же, если обратиться к истории, я могу назвать тысячи исключений из этого правила, начиная со двора Людовика — Короля-Солнца и заканчивая чадрой мусульманок. Понимаю, что западные женщины не носили брюк вплоть до двадцатого века, а мужчины юбок — до двадцать первого (Шотландия и южные моря не в счет). И, разумеется, я знаю о павлинах, попугаях, мандрилах и бабуинах. Заводя речь о полах и своих представлениях о них, обязательно запутаешься и навлечешь на себя неприятности. Крайне редко удается высказать такое правило из области полов, из которого нигде никогда не существовало бы исключений.

И все же для меня эта тема — любимый конек. В противовес воинствующим унификаторам и уравнителям, которые свято верят, будто следует устранить любую одежду, указывающую на половую принадлежность, будто все мы должны подбирать себе костюмы методом случайного выбора, а тех, кто одевается слишком по-мужски или по-женски, публично высмеивать. И в пику тем, кто даже хуже — сторонникам всеобщей униформы, желающим, чтобы и на службе, и в быту

мы все носили форменную рабочую одежду или стандартное обмундирование — погодите-ка, тут у меня как раз завалялся образчик, сейчас покажу, вам понравится! — обычно какой-нибудь скучный и практичный Народный Комбез с высокой горловиной и кучей кармашков, выпускаемый в трех оттенках цвета желчи. Эти люди были бы рады сделать нас похожими на персонажей некоего чудовищного "футуристического" фильма, создатели которого думали, будто бы в 1960 или 2000 году все будут одеваться одинаково — в костюмы с метровыми полками на плечах, в головные уборы наподобие пластиковых пузырей, в тоги или все те же вездесущие комбинезоны без видимой застежки, так что непонятно, каким образом обладатели такой одежды справляют малую нужду. Подобные любители крайностей были бы забавны, если бы не пытались каждый год протащить законы, призванные заставить всех остальных во всем подражать им.

А белье — отдельная тема! Поговорим о белье? С приходом эпохи легкой смены полов трансвестизм не умер — вообще мало что вымерло, ибо человеческая сексуальность строится на трепете чувства, а не на здравом смысле — и некоторые люди с мужскими телами по-прежнему предпо-

читают носить пояса с подвязками, поролоновые бюстгальтеры и короткие прозрачные ночные сорочки. Если им так нравится, я не против. Но лично мне всегда казалось, что это выглядит ужасно, поскольку не гармонирует. Вы можете возразить, что единственное, с чем это не гармонирует, — мои культурные предубеждения, и я с вами соглашусь. Но что же такое мода, как не культурные предрассудки? Бобби скажет вам, что пренебрежение культурными образами — крайне рискованное занятие для модельера. Те, кто идет на это, выпивают для храбрости, бодро улыбаются, но внутренне дрожат от предчувствия катастрофы, поскольку в девяти случаях из десяти их модели не раскупаются.

А это просто-напросто значит, что как минимум половина моих сограждан думает о половых различиях в одежде то же, что и я — и, если так много народу думает так же, что в их мнении плохого?

Дело закрыто.

* * *

Так что я провел замечательное время, следуя половому стереотипу: с упоением отдался выбору товара. И получил прямо-таки дьявольское

удовольствие.

Когда Бобби обслуживает по высшему разряду, ни одна мельчайшая деталь тела не может считаться неважной. Все нарочитое, кричащее яркое и бросающееся в глаза было быстро отвергнуто. Бюст? Какой носят в этом сезоне, Бобби? Такой малюсенький? Ну-у, не смеши кур, дорогой мой, мне бы хотелось чуть побольше и упруже, ладно? Ноги? Знаешь… такие… в общем, длинные. Достаточно длинные, чтобы доставать до пола. Пожалуйста, поменьше жира на коленках. Лодыжки стройные. Руки? Ну, и что же ты можешь сказать о руках? Твори чудеса, Бобби. Мне нравится обувь пятого размера, а все мои лучше платья — девятого… и притом устарели на тридцать лет, достаточно, чтобы некоторые из них снова вошли в моду — так что поработай над этим. К тому же, мне удобно в теле такого размера, а снижение роста стоит почти две тысячи за сантиметр.

Некоторые люди при обсуждении новой внешности большую часть времени уделяют лицу. Но не я. Я всегда предпочитал любые изменения в лице вводить постепенно, менять черты одну за другой, чтобы оставаться узнаваемым. Я остановил выбор на тех общих чертах лица, что были у меня пятьдесят лет назад, мне показалось

незачем подгонять их под современную моду, за исключением, разве что, пары-тройки финти-флюшек там и сям. Я попросил Бобби совсем не трогать лицевые кости: мне кажется, они подходят и для мужского, и для женского выражения лица. Он предложил сделать губы чуть более пухлыми и показал новый нос, который пришелся мне по вкусу, а уши я заполучил самые что ни на есть модные, согласившись на его последнюю дизайнерскую разработку. Но когда я после смены пола появлюсь на работе — никто не скажет, что я не Хилди.

Я думал, на этом мы закончим… но как же пальцы на ногах? Ходить босиком на Луне довольно удобно, и это снова вошло в моду, так что ступни все время на виду. Пиком моды, по которому все сходили с ума, было полное удаление пальцев ног как эволюционного атавизма, и Бобби потерял некоторое время, пытаясь уговорить меня на Ступни-Тупни. Выглядело это новшество в полном соответствии со своим названием. Видимо, я просто любитель пальчиков. Или, по мнению Бобби, отсталый кроманьонец. Я потратил на пальцы ног полчаса, и почти столько же — на пальцы рук и кисти. Ничто не пробуждает во мне столь сильное отвращение, как потные ладони.

Варианты пупка я созерцал долго и вдумчиво. Пупок, вкупе с сосками и вульвой, — единственное, что нарушает однородность пространства между подбородком и пальцами ног, единственное, что останавливает взгляд посреди мягкого гладкого женского тела, которое я моделировал. Я не обошел его вниманием. В том же, что касается вульвы, я вновь показал себя безнадежным ретроградом. Последнее время женщины, консервативные в других областях телесной моды, дали волю полету своей фантазии относительно архитектуры половых губ и дошли до того, что иногда сделалось трудно определить с первого взгляда, какому полу принадлежат наружные органы. Я предпочел более скромное и компактное расположение губ. В любом случае, я не из тех, кто намерен демонстрировать интимные места широкой публике. Обычно я чем-нибудь прикрываюсь ниже талии — какой-нибудь юбкой или штанами, и мне не хотелось бы, чтобы возлюбленный испугался, когда я скину одежду.

— Никого ты этим не испугаешь, Хилди, — проворчал Бобби, кисло глядя на трехмерную модель конечного результата моих долгих трудов над моделированием гениталий. — Я бы сказал, что главный недостаток этой конструкции — скука.

— Для Евы она вполне подходила.

— Должно быть, я пропустил ее последний показ. Представить себе не могу, почему. Уверен, эта твоя штука сослужит добрую службу в тех кругах, где ты вращаешься, но ты точно думаешь, что я не смогу заинтересовать тебя…

— Пользоваться этой штукой мне, и я хочу именно вот такую. Смилуйся, Бобби! Я — старомодная девица. И разве ты не делал, что тебе хотелось, с оттенками кожи, сосками, ушами, лопатками, ключицами, задницей и теми двумя очаровательными ямочками на пояснице?

Я изогнулся в талии, оглядел выстроенную в полный рост модель моего нового тела, изображение которого высветилось вместо старого в одном из зеркал, и задумчиво прикусил костяшку пальца:

— Возможно, нам следует пересмотреть эти ямочки…

Бобби отсоветовал мне менять их, вместо этого внес небольшие изменения в тыльную сторону ладоней, еще по нескольким поводам побрюзжал, то и дело воздевая руки в притворном жесте отвращения, но я понял, что в общем и целом ему понравилось. Как и мне. Я походил кругами, наблюдая, как одновременно со мной движется

женщина, в которую мне предстояло перевоплотиться, и остался доволен. Шел седьмой час: пора бы и отдохнуть.

И тут со мной случилось странное. Меня перевели в подготовительное помещение, где техники смешивали таинственные эликсиры, и мной начал овладевать приступ паники. Я смотрел, как тысяча одно варево капает из синтезирующих устройств в смешивающие реторты, и сердце билось все чаще, и непроизвольно углублялось дыхание. И все большее раздражение одолевало меня.

Я знал, чего боялся, и любой на моем месте был бы раздражен.

За исключением тех случаев, когда вы заказываете самые радикальные изменения своего тела, крайне мало современных операций по смене пола требуют хирургии как таковой. В моем случае игла и скальпель понадобятся только для удаления мужских гениталий, которые затем отправятся в хранилище, и вшивания вместо них влагалища, матки, фаллопиевых труб и яичников, уже сейчас посланных сюда из банка органов, где они хранились со времен моей прошлой перемены пола. Потребуется еще небольшое изменение форм тела, но не слиш-

ком серьезное. Большая часть тех бесчисленных мелких перемен, которые вот-вот произойдут со мной, будет проделана именно с помощью растворов, смешивавшихся на моих глазах в подготовительной комнате. Эти варева состояли из двух компонентов: физиологического раствора и бессчетного количества триллионов наноботов.

Некоторые из этих маленьких умных машин были стандартными, изготовленными по шаблонам, которые используются во всех превращениях мужчины в женщину. Иные создавались исключительно для меня, из кусочков, позаимствованных у микробов и вирусов или со склада запчастей, изготовленных Бобби и предназначенных для особых, зачастую пустяковых с виду задач. Их помечали знаком защиты авторских прав и снабжали фрагментиками моего генокода, точно так же, как собаке-ищейке дают понюхать старый башмак, чтобы она взяла след. Все эти роботы были слишком малы, чтобы различить их невооруженным глазом. Некоторые из них настолько миниатюрны, что еле видны даже в самый хороший микроскоп, а многие — и того мельче.

Собирают их другие наноботы со скоростью химической реакции, и обычно их делают мил-

лионными или даже более крупными партиями. Попав в кровь, эти малютки реагируют на изменение окружающей среды тем, что включаются, добираются до предписанного им места работы теми же путями, какими перемещаются в теле гормоны и ферменты, определяют нужные участки путем сравнения данных им образцов с имеющимися, и, если головоломка складывается правильно, закрепляются и принимаются за работу. Самые мелкие проникают сквозь стенки клеток и внедряются в саму ДНК, читают аминокислоты, перебирая их, словно четки, вырезают и вставляют строго запланированные участки. Более крупные, снабженные настоящими двигателями, манипуляторами и передатчиками, отмычками, скребками, захватами и собственной памятью, получили название микроботов еще в те времена, когда их впервые изготовили по тем же технологиям, что использовались при создании примитивных чипов для интегральных схем. Микроботы скапливаются в определенных местах организма и выполняют относительно более грубую работу. Каждый из них снабжен образцом моего генокода и другим образцом, синтезированным Бобби, и работают они, как эксцентриковые кулачки, каждый над своей

задачей. Например, отправляются в нос и что-то отрезают, что-то наращивают с помощью моих собственных тканей и сырья, подвозимого грузовыми микроботами. Те же грузчики собирают отходы производства и вывозят их из тела. Таким образом, кстати, можно очень быстро набрать или сбросить вес. Я сам собирался стать после операции килограммов на пятнадцать легче.

Наноботы прилежно трудятся, пока участок их работы не придет в соответствие с намеченным планом. Когда это произойдет, когда мой нос обретет форму, задуманную Бобби, трудяги отцепятся от него и будут смыты наружу, из их памяти сотрут все программы, а самих их запакуют в ампулы в ожидании следующего клиента.

В этом нет ничего нового или пугающего. По тому же самому принципу работают пилюли, которые можно купить без рецепта для изменения цвета глаз или курчавости волос за одну ночь. Разница только в том, что наноботы из пилюль слишком дешевы, чтобы сохранять их: выполнив нужную работу, они сами отключаются у вас в почках, и вы просто выписываете их. Большая часть подобных технологий разработана по меньшей мере сто лет назад, а некоторые даже раньше. Риск почти нулевой, возможные по-

бочные эффекты хорошо известны и полностью контролируются.

Вот только я внезапно обнаружил, что стал бояться наноботов. И, учитывая, что рассказал мне о них ГК, не думаю, что страх этот так уж беспочвенен.

Пугало меня кое-что еще, и гораздо больше. Я боялся заснуть.

Мне внушал страх вовсе не обычный нормальный сон. Предыдущую ночь я проспал достаточно крепко, на самом деле даже лучше, чем обычно, поскольку был измотан двухдневной игрой в суперзвезду. Но грандиозное нашествие наноботов, к которому я готовился, вносит хаос в тело и ум. Мало кому захочется проснуться из-за этого.

Бобби подвел меня к резервуару с суспензией и только тут заметил, что со мной что-то не так. Моих сил едва хватало, чтобы стоять неподвижно, пока техники вводили всевозможные трубки и провода в свежие надрезы на моих руках, ногах и животе. А когда меня подтолкнули к ванне с прохладной голубой жидкостью, размером не больше гроба, я едва не потерял самообладание. Я застыл, вцепившись в края ванны так, что костяшки побелели. Одна моя нога была уже в жидкости, а другая никак не хотела отрываться

от пола.

— Что случилось? — тихо спросил Бобби. Я заметил, что некоторые его помощники стараются не смотреть на меня.

— Ничего, в чем ты мог бы помочь.

— Может, расскажешь? Давай я их всех отсюда выставлю.

Хотелось ли мне рассказать ему обо всем? С одной стороны, я просто умирал, как хотелось. Мне так и не удалось пооткровенничать с Калли, и желание выговориться хоть перед кем-нибудь сделалось почти нестерпимым.

Но для подобных откровений было не место и, уж конечно, не время, да и Бобби был определенно не тот человек. Он просто нашел бы способ пристроить мою историю новым эпизодом в нескончаемый готический роман под названием "Жизнь Роберта Дарлинга", в котором сам он служил главной героиней, вечно подвергающейся опасности. Делать нечего, придется справляться со всем самому и рассказать кому-нибудь попозже.

Внезапно я понял, кому! Так что возьми себя в руки, Хилди, стисни зубы, полезай в ванну и позволь прохладной ласковой жидкости убаюкать тебя. Сон твой будет не более опасен, чем тот, что

нисходил на тебя каждую ночь тридцать шесть с половиной лет.

Воды сомкнулись над моим лицом. Я втянул жидкость в легкие — всегда немного неприятно, но только до тех пор, пока не выйдет весь воздух — и уставился на колышущееся лицо моего нового создателя, отнюдь не уверенный в том, где и когда снова проснусь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Фокса я отыскала в самой заднице парка Орегон. Он был погружен в чтение чертежа, спроецированного на крышку большого стола у подножия механизма размером с межпланетный лайнер. Позднее я узнала, что это стартер для целой батареи машин, призванных обдувать Орегон северными ветрами. Менее громоздкие механизмы копошились вокруг наполовину собранного чудища. Некоторыми из них управляли люди, другие работали сами. Неподалеку расположилась обычная для строек толпа рабочих в синих спецовках. Облокотившись на лопаты, они оттачивали навыки плевка на дальность.

Я подошла поближе, Фокс зыркнул в мою сторону, оглядел сверху донизу и вернулся к работе. В его взгляде я заметила искорку интереса, но ни тени узнавания. Затем он снова поднял глаза, вгляделся пристальнее и внезапно разулыбался:

— Хилди! Ты, что ли?

Я остановилась и покрутилась перед ним, демонстрируя несколько дюжин Белоснежных Патентованных зубов от Безумного Боба и две великолепнейшие ноги, самые прекрасные

из когда-либо созданных Мастером. Моя юбка взметнулась, как у фарфоровой статуэтки. Фокс швырнул световое перо на экран, шагнул ко мне и пожал мне руку. Потом внезапно понял, что делает что-то не то, засмеялся и крепко меня обнял.

— Давненько, давненько... — пробормотал он. — Видел тебя на днях в новостях... — и закончил фразу неопределенным жестом, красноречиво свидетельствовавшим, насколько он не ожидал увидеть то, что предстало сейчас перед ним в моем лице.

Я пожала плечами — тело говорило само за себя — и скептически произнесла:

— А ты, выходит, теперь читаешь "Вымя"? Не верится.

— Не обязательно читать "Вымя", чтобы насладиться созерцанием тебя. Какой канал ни включи, везде ты, нагоняешь на всех смертную скуку.

Я воздержалась от комментариев. Разумеется, поначалу ему было так же интересно, как и Бобби, и всем остальным на Луне, но зачем утруждать себя объяснением ему этого? И я знаю Фокса: он ни за что не признал бы, что так же легко поддается увлечению сенсациями, как и все другие

сограждане.

— Сказать по правде, я рад, что этого дурня больше нет. Ты представить себе не можешь, как старательно мешали моей работе Дэвид Земля и его развеселая банда.

— Сегодня суббота, — сменила я тему, — но у тебя на службе сказали, что ты, скорее всего, здесь.

— Черт побери, уже почти воскресенье. Но так всегда бывает поначалу, пока все притирается да налаживается. Послушай, я через несколько минут освобожусь. Почему бы тебе не побродить тут пока, а потом мы можем сходить поужинать… или позавтракать, или что-нибудь в этом роде?

— Это твое "что-нибудь" звучит заманчиво.

— Отлично! Если тебе хочется пить, один из этих тунеядцев может раздобыть тебе пива. Дай им какое-нибудь посильное поручение.

С этими словами он отвернулся и поспешил снова окунуться в работу.

Мое появление произвело небольшую сенсацию, но теперь оживление улеглось. Я имею в виду, что те несколько дюжин мужчин и горстка женщин, которые отвлеклись от созерцания орегонских далей ради разглядывания моих ног, теперь снова обратили взоры в бесконечность.

У стороннего наблюдателя, не знакомого с пра-

вилами строительных игр, может возникнуть вопрос, как у нас вообще что-нибудь строится при таком количестве мыслителей и столь малом числе настоящих трудяг. Ответ на него весьма прост: Фокс и три-четыре других инженера занимались работой, не связанной с поднятием и переноской тяжестей, а все остальное делали машины. Несмотря на то, что предстоит сдвинуть с места и уложить в нужной форме сотни кубических миль камня и грунта, прежде чем Орегон будет закончен, ни горсточки этой земли не возьмут в руки члены Профсоюза Подручных Каменщиков, хотя они и толпились тут в таком количестве, что можно было подумать, будто они способны за несколько недель управиться со всей работой. Нет, лопаты, которые эти люди держали в руках, были не более чем тщательно отполированными формальными знаками профессиональной принадлежности: земля не касалась их ни разу с тех пор, как они были изготовлены. Главной заботой этих людей была техника безопасности. Если один из глубокомысленных мудрецов заснет стоя, рукоятка лопаты может попасть в вывернутый кармашек рабочей спецовки и каким-то образом удержать достойного человека от падения. Фокс утверждал, что это основная причина производ-

ственного травматизма.

Возможно, я преувеличиваю. Гарантия трудоустройства — основополагающее гражданское право нашего общества, и печальный факт таков, что великое множество жителей Луны подходит только для такой работы, которую уже давно выполняют машины. Как бы мы ни мухлевали с генами, как бы усердно ни удаляли поврежденные — думаю, нам никогда не искоренить из своей среды медлительных, лишенных воображения, равнодушных и безнадежных граждан. Что нам с ними делать? Мы решили, что любой желающий сможет получить работу и тот или иной знак принадлежности к ней, который можно предъявлять, и выполнять эту работу четыре часа в день. Если вы не хотите работать, это тоже не проблема. С голоду никто не умирает, а плату за воздух отменили еще до моего рождения.

Так было не всегда. В первое время после Вторжения злостного неплательщика налога на воздух запросто могли выставить в воздушный шлюз без скафандра. Новые порядки мне нравятся больше.

Но я готова поклясться, что они страшно неэффективны. В экономике я не разбираюсь, но, когда задумываюсь о финансовой стороне вопроса, мне

начинает казаться, что должен существовать менее расточительный путь. Но потом я спрашиваю себя, что же этим людям делать, чтобы хоть чем-нибудь заполнить свои и так уже — с моей точки зрения — пустые жизни, и перестаю думать об экономике. Что тут такого страшного, в конце-то концов? Подозреваю, даже во время подписания контракта на строительство первой пирамиды где-нибудь поблизости стояла, опираясь на лопаты, пресловутая кучка бездельников.

Прозвучит ли это с моей стороны свидетельством страшной нетерпимости, если я скажу, что не понимаю, как они так могут? Возможно, они точно так же недоумевают насчет меня: как же я отдаю свои "творческие" способности организации, которую люто ненавижу, и служу профессии, по меньшей мере сомнительной с точки зрения чистоплотности. Возможно даже, что эти работяги сочли меня шлюхой. Но я могу сказать в свою защиту, что журналистика — если мне будет позволено употребить это слово, — не единственное мое занятие. Я переделала в жизни много других вещей, а в тот момент испытывала стойкое ощущение, что в ближайшем будущем распрощаюсь с "Выменем".

Большинство же мужчин и женщин, что тол-

пились вокруг меня, пока я дожидалась Фокса, никогда не имели другой работы. Они не годились ни на что другое. В большинстве своем они были неграмотны, а для подобных людей открывается крайне мало возможностей найти интересную содержательную работу. И если бы у них были какие-нибудь артистические наклонности, они бы наверняка воспользовались своими дарованиями.

Как им удается убить целый огромный пустой день? Может, именно эти люди создают ту неуклонно нарастающую волну самоубийств, о которой с тревогой говорил ГК? Просыпаются ли они однажды утром, берут ли лопату, думают ли потом, а не провалилось бы оно все в преисподнюю, и вышибают ли себе мозги? Я решила расспросить ГК, когда снова начну с ним разговаривать.

Все это казалось мне таким безрадостным… Я рассмотрела повнимательнее одного из мужчин — прораба, как гласила одна из многочисленных идентификационных карточек, пришпиленных к его джинсовой робе, и Человека Века, о чем свидетельствовал яркий значок на лацкане, утверждавший, что его владелец опирается на лопату вот уже целую сотню лет. Столетний прораб

стоял рядом с Фоксом и смотрел в сторону стола с чертежом с таким выражением лица, которое я последний раз видела у жвачного животного. Остались ли еще у него надежды, мечты и страхи, или он уже все их истратил? Мы продлили человеческую жизнь настолько, что сами не знаем точно, когда она может закончиться, но не сумели предложить ничего нового и интересного, чем можно было бы заполнить бесконечную вереницу лет.

Фокс положил руку мне на плечо, и я осознала с легким потрясением и странным чувством нездоровой уверенности, что и сама могла выглядеть как жвачное животное, пока предавалась своим глубокомысленным и проницательным размышлениям. Быть может, этот прораб на самом деле классный парень, с которым так здорово посидеть — поболтать ни о чем. Готова об заклад побиться, что он потрясающий шутник и балагур и чертовски метко играет в дартс. Не всем же быть, как мы привыкли говорить, учеными-ракетчиками. Знаю я одного ученого-ракетчика, гнуснейшего брюзгу, с которым не приведи боже встретиться.

— Здорово выглядишь, — заметил Фокс.

— Спасибо! Ты тут со всем разобрался?

— До понедельника. Терпеть не могу принадлежать к тем, кто женат на своей работе, но, если никто не позаботится об этом месте как следует, оно не раскроет как должно все свои возможности.

— Ты не меняешься, Фокс.

Я обняла его за талию, и мы зашагали к его автофургону, припаркованному посреди неработающих машин. Он положил руку мне на плечо, но я чувствовала, что мыслями он до сих пор погружен в свои чертежи.

— Надо полагать. Но этот климатический парк станет лучшим из всех, до сих пор существующих, Хилди. Гора Худ уже готова — все, что нам нужно, это немного снега. Она размером всего в одну четверть настоящей, но зрительно кажется высокой почти из любой точки обзора. Русло Колумбии наполнено водой, и течение разогнано почти до нужной скорости. Теснина будет просто великолепна. И в реке будет водиться настоящий лосось. Я вырастил дугласовы пихты двадцатиметровой высоты. Даже при ускоренном выращивании эти детки созревают долго. А еще олени, гризли… это будет замечательно!

— Сколько еще осталось строить? — спросила я, когда мы проходили мимо медвежьих загонов.

Их обитатели проводили нас глазами ленивых хищников.

— Пять лет, если все хорошо сложится. Если более реально смотреть на вещи — возможно, семь, — ответил Фокс и придержал дверь автофургона, чтобы я могла пройти. Затем протиснулся следом.

Обставлен фургон был весьма практично, но доверху завален бумагами. Едва ли не единственным личным предметом, который попался мне на глаза, оказалась антикварная логарифмическая линейка, подвешенная над газовой плитой.

— Хочешь что-нибудь заказать с доставкой? — спросил Фокс. — Один симпатичный японский ресторанчик доставляет сюда еду. Мне пришлось научить их ориентироваться на местности, найти мой фургон не так-то просто. А хочешь, пойдем пройдемся, если тебе хочется кое-чего другого.

Я точно знала, чего мне хотелось, и это не нужно было заказывать с доставкой. Я обняла Фокса и поцеловала так, что почти отыгралась за сорок лет, что мы прожили в разлуке. Когда я оторвалась от его губ перевести дыхание, он улыбнулся, глядя на меня сверху вниз. Потом запустил руку в вырез моего платья и скомкал ткань.

— Тебе очень дорого это платье?

— Станет ли мне легче, если я скажу, что дорого?

Он медленно покачал головой и сорвал с меня одежду.

* * *

Любителям моды не стоит слишком уж огорчаться, поскольку, во-первых, платье было тридцатилетней давности и не из тех, что снова считаются стильными, хотя я выбрала его за то, что оно льстило моему новому "я". Попадись это платье Бобби, его бы вывернуло наизнанку, но Фокс был более непосредственен. А во-вторых, я знала, что Фокс разорвет это платье, но вовсе не за то, что оно не модное: Фокс, что в мужском, что в женском теле, полный профан в вопросах моды. Главное, что следует знать о Фоксе — это, что он любит господствовать и подчинять, будучи как мужчиной, так и женщиной. Секс ему нравится жесткий и быстрый, разве что не жестокий. Как раз такого мне и хотелось, и пока он драл меня со всем тщанием, которое я когда-либо в жизни видела, я благодарила всех богов, какие там только есть, что он оказался мужчиной к моменту нашей второй встречи.

Фокс был одним из тех, о ком я думала, охвачен-

ная нервной дрожью, на пороге смены пола, и не мудрено. Он и я… вернее, в то время она и я… мы были любовниками десять лет. Не знаю, а может быть, не помню точно, почему мы расстались, но расстались хорошими друзьями. Возможно, мы просто, как говорится, переросли свои отношения, но это всегда казалось мне слишком легким объяснением. Сколько еще можно расти, если одному из нас в ту пору стукнуло шестьдесят, а другой пятьдесят пять? Но с Фоксом мне было уютно.

Мне так сильно захотелось увидеться с ним, что я отказалась от своих планов немного побродить по магазинам на Плаце, чем оказала крупную услугу своему банковскому счету. Я бросилась со всех ног домой, натянула декольтированное черное атласное платье с юбкой-пачкой до колен — которое теперь превратилось в измятые лохмотья и все сильнее пропитывалось потом под моей обнаженной спиной — перекрасила волосы под цвет одежды, подвела глаза и губы, мазнула ногти лаком, облилась любимыми духами Фокса и ровно через три минуты выпорхнула за дверь. Взяла такси до Орегона, обаяла женскими чарами бедного парня — и вот валялась ногами кверху, вцепившись в его голый зад, лаяла по-собачьи и

пыталась заставить его протаранить мое тело до самого пола.

Поняли теперь, почему УЛЬТРА-Тингл уже испытывает финансовые затруднения?

Обычно Фокс так на меня и действовал. Правда, не всегда столь отчаянно, как сегодня. Но дело в том, что я переживала нечто, вежливо именуемое гормональным шоком или переменоманией, а в обиходе называемое бешенством матки. Нельзя ожидать, что столь радикальные изменения тела не окажут совсем никакого влияния на психику. Некоторые люди полностью теряют контроль над совоим поведением. У меня был друг, которому приходилось просить свой банк закрывать ему все кредиты на пять дней, следующих за сменой пола, иначе он мог потратить все до последней монетки.

А то, что растрачивала я, невозможно положить на банковский счет, да и, по большому счету, смысла нет хранить.

* * *

После любви Фокс заказал гору суши и темпу-

ры[29], а когда заказ был доставлен, раскочегарил фургон и повез меня по длинному темному воздуховоду вглубь Орегона.

Орегон, как и все парки, представлял из себя огромную полусферическую пустоту, более-менее плоскую снизу, а по верхнему своду покрашенную голубой краской. Поначалу диаметр парков не превышал километр или два, но как только инженеры придумали лучшие способы поддерживать своды, каждый новый парк стал делаться больше предыдущего, и грядущему увеличению их размеров пока не видно предела. Орегон был одним из самых больших, наряду с еще двумя строящимися: Канзасом и Борнео. Фокс изо всех сил старался не утомлять меня статистикой, но я все равно забыла все цифры спустя несколько минут после того, как услышала. Достаточно сказать, что парк был очень велик.

Дно его выстилали в основном камни и глина, из которых были слеплены холмы и две горы. Та, которую Фокс назвал Худ, высоко вздымала острую вершину. Второй горе недоставало верхушки, отчего она выглядела незаконченной.

— Это будет вулкан, — пояснил Фокс. — Или, по

[29] Примечания: 29

Популярная категория блюд японской кухни из рыбы, морепродуктов и овощей, приготовленных в кляре и обжаренных во фритюре.

крайней мере, хорошая имитация действующего вулкана. В исторические времена в этих местах было извержение.

— Ты имеешь в виду, с лавой, огнем и дымом?

— Хотелось бы, но… Увы, бюджет парка не выдержит энергозатрат, необходимых для того, чтобы расплавить достаточно камня. Плюс к тому, любое сколько-нибудь значительное количество дыма повредит деревьям и диким животным. Все, на что этот вулкан будет способен — это выпускать струйку пара три-четыре раза в день да плеваться искрами по ночам. Должно быть по-настоящему красиво. Руководитель проекта пытается убедить инвесторов финансировать ежегодный выброс пепла — на самом деле ничего катастрофического, даже полезно для деревьев. И я более чем уверен, что нам удастся позволить себе пусть даже скромненький, но реальный лавовый поток раз в десять-двенадцать лет.

— Как бы мне рассмотреть это все получше? Тут довольно-таки сумрачно… — я не преувеличивала, единственные настоящие источники света были только на разбросанных там и сям лесопитомниках, выделявшихся ярко-зелеными точками на фоне развороченного пейзажа.

— Дай-ка я включу солнце, — отозвался Фокс,

достал переговорник, связался с энергетическим центром, и через пару минут "солнце" сверкнуло, а потом ярко заполыхало прямо у нас над головами.

— Вся эта местность покроется девственным лесом, зелень раскинется, насколько хватит глаз. Совсем не как вокруг твоей техасской лачужки. Здесь влажный прохладный климат, кучи снега на верхушках возвышенностей. Растительность в основном хвойная. Мы даже заложили рощу секвой в южной части парка, хотя это небольшой мухлеж с географической точки зрения.

— Когда все зазеленеет, будет куда красивее, чем сейчас, — вздохнула я.

— Ты никогда не станешь своей в Западном Техасе, Хилди, — с улыбкой заметил Фокс.

Мы устроились с ним на берегу реки Колумбия, у выхода из ущелья, где поток расширялся и замедлялся, на плоской песчаной отмели острова, расположенного в центре участка, который Фокс назвал "испытательным стендом экосистемы". Просторный пляж сплошь покрывали застывшие волны. На другом берегу росли те самые дугласовы пихты, но вокруг нас зеленели лишь пойменные луга — растительность, привычная к периодическим паводкам. Росли тут

в основном высокие травы с тонкими стеблями да низенький, немногим выше моей головы, неприхотливый кустарник. Валялись на пляже и наполовину занесенные песком, на редкость громадные бревна, выбеленные солнцем и обточенные ветром и водой. Я догадалась, что они не настоящие, а специально брошены здесь, дабы произвести впечатление на случайных посетителей, которые всегда всюду сунут нос.

Мы расстелили на песке одеяло, уселись и набросились на еду. Фокс налегал главным образом на креветки темпура, а мне больше по вкусу пришлись магуро, уни, хамачи, торо, тако[30] и тоненькие, словно бумага, ломтики рыбы фугу. Каждый кусочек я так щедро сдабривала чудесным зеленым японским хреном, что у меня потекло из носа и сильно покраснели глаза. Затем мы снова занялись любовью, первый час — нежно и медленно, совсем не характерно для Фокса, и раскалились страстью только к концу. Потом растянулись на солнышке, спали и не спали, просто нежились, точно сытые рептилии. Во всяком случае, мне не казалось, что я заснула, до тех пор,

---

[30] Примечания: 30

Разносолы японской кухни: магуро — "красное мясо", блюдо из сырого тунца; уни — морской еж; хамачи — блюдо из рыбы желтохвостая лакедра; торо — деликатес из брюшка тунца; тако — вареный осьминог.

пока Фоксу не вздумалось разбудить меня весьма неожиданным способом: он перевернул меня на живот и вошел без предупреждения. (Нет, не так. Фокс любит начинать первым, и начинать жестко, но он не стремится причинить боль, а я не стремлюсь испытать ее.) Как бы то ни было, счет сравнялся. Когда Фокс был девушкой, она обычно заставляла меня входить в нее раньше, чем окажется как следует готова. Возможно, он думает с тех пор, что всем девушкам нравится именно так. Я не стала его разочаровывать, поскольку мне было почти не больно, а любовный акт, последовавший за тем, был, как всегда, высшего олимпийского качества.

А вот потом…

От "потом" никуда не денешься, оно существует всегда. Возможно, именно поэтому десять лет, прожитые с Фоксом, остались для меня самыми долгими отношениями. После секса большинство людей обычно тянет на разговоры, а мне всегда трудно было найти тех, с кем мне так же хотелось бы поговорить, как заняться любовью. Фокс оказался исключением. Итак, потом…

Я натянула то, что осталось от моей одежды. Платье было сильно изорвано, мне никак не удавалось прикрыть грудь, там и сям зияли прорехи.

Но подобное одеяние вполне подходило к моему настроению. Мы двинулись вдоль берега реки, по мелководью, глубиной не выше подъема ног. Я играла в жертву кораблекрушения. На этот раз я могла вообразить себя богатой светской львицей в лохмотьях некогда модного наряда, отчаянно надеющейся на помощь доброго туземца. Я брела по воде, волоча ступни…

Эта местность настолько выбивалась из времени и реальности, что остров Скарпа с ней ни в какое сравнение не шел. Солнце по-прежнему висело в зените. Я подобрала горсть песка и пристально разглядела, и увидела столько же мелких деталей, сколько в воображаемом песке из моего годичного мысленного приключения. Разве что запах был другим. Это был речной песок, а не крупицы белого коралла, и вода была пресной, а не соленой, и жил в ней другой набор бактерий. Вода была теплее, чем волны Тихого океана. Черт побери, а в Орегоне, в нижних сороковых широтах, оказывается, довольно жарко! Возможно, это издержки строительства. Мы с Фоксом весь день обливались потом. Я слизнула соленые капельки с его тела, и вкус мне понравился. Не столько пота, сколько кожи, на которой он выступил.

Обстановка не могла бы сложиться благоприят-

нее, даже если бы я ее выбирала сама. Послушай, Фокс, это место напоминает мне о странном приключеньице, что случилось со мной однажды примерно неделю назад, между 15:30.0002 пополудни и, скажем, 15:30.0009. Не правда ли, забавно, как быстро летит время, когда развлекаешься?..

Итак, я произнесла нечто вроде этого, только менее загадочное, и постепенно выложила ему всю историю. Вплоть до самой развязки, на которой и заткнулась.

В отличие от Калли, Фокс не полез за словом в карман:

— Разумеется, я слышал об этом методе. И мог бы удивиться, почему ты ничего не слышала, но догадываюсь: ты по-прежнему сторонишься новых технологий.

— Они не слишком-то касаются моей работы. Или моей жизни.

— Это ты раньше так думала. А теперь, похоже, касаются больше.

— Вот так подарочек! Раньше технологии никогда не набрасывались на меня и не вонзали зубы.

— Как раз это и кажется мне самым невероятным. То, что ты описываешь, — радикальное лечение психических расстройств. Представить

себе не могу, что ГК применил его к тебе без твоего согласия… разве что с тобой что-то серьезно не в порядке.

Он не задал вопрос впрямую, но фраза повисла в воздухе, и я снова промолчала. Прошу отметить беспристрастие и прямоту Фокса: его не остановила такая мелочь, как мое очевидное унижение.

— Так что с тобой? — вопросил он с простодушием трехлетнего ребенка.

— Меня сильно накажут, если я тут намусорю? — вместо ответа поинтересовалась я.

— Валяй. Весь этот участок будет переделан, прежде чем толпам народа будет позволено следить здесь грязными ногами.

Я стащила испорченное платье, свернула его так туго, как только могла, и швырнула в воду. Оно надулось пузырем и упало в неторопливый поток. На наших глазах оно проплыло немного ниже по течению, намокло и пошло ко дну. Фокс сказал, что можно отойти от острова на сотню метров, а вода все так и будет не глубже, чем по колено. А потом глубина резко увеличивается. Мы подошли к тому месту, выше по течению, где остров заканчивался, и остановились на самом краю песчаного языка. Течение медленно, дюйм за дюймом, подталкивало платье. Я судорожно

вздохнула и почувствовала, как по щеке катится слеза.

— Если бы я знал, что ты так привязана к этому платью, ни за что бы не порвал его, — виновато произнес Фокс.

Я взглянула на него, он вытер слезинку пальцем и слизнул ее. Я слабо улыбнулась, ступила в воду и побрела вверх по течению. Было слышно, как он идет за мной.

Уверена, частично в случившемся виноват гормональный шок. Я не слишком часто плачу, и в женском образе не больше, чем в мужском. Возможно, перемена пола освободила меня от внутренних пут, и все получилось, как надо. Для слез просто пришло время. И пора было признаться, какой страх нагоняла на меня вся эта история.

Я уселась в теплую воду, такую мелкую, что она не покрыла моих ног, и принялась разгребать песок по обе стороны от себя.

— Кажется, я раз за разом пытаюсь убить себя, — вырвалось у меня.

Фокс стоял позади меня. Я повернулась взглянуть на него и вытерла еще одну слезинку. Боже, как он красив… Мне захотелось прижаться к нему, снова возбудить его языком, склонить на

это водяное ложе и заставить двигаться во мне в такт медленному нежному ритму течения. Было ли это жизнеутверждающей потребностью или предсмертным желанием? Плыла ли я по реке жизни или же подсознательно стремилась представить себя частью того мусора, что все речные потоки испокон веков смывают в море? В конце этой реки не было никакого моря — всего лишь глубокий соленый водоем, питомник лососей. Скоро уже этих сильных рыб выпустят сюда, и они двинутся, борясь с течением, вверх к истоку реки, чтобы там погибнуть. А небо, по которому солнце прокатится на запад и умрет, — не более чем раскрашенный задник сцены. Но подходят ли для здешних мест речевые обороты старушки Земли?..

Это солнце, эта река, этот остров и мы — все это просто обязано быть жизнеутверждающим. Я не устала от жизни и очень боялась умереть. Поток по-прежнему катит свои воды, не правда ли? Не в этом ли вся суть жизни?

Но поддайся я своему порыву — все было бы не так. Фокс не тот человек, чтобы следовать ласковому ритму реки, во всяком случае не дважды за один день. Его бы попросту захлестнуло то неистовое настроение, с каким я набросилась бы

на него. Так что я всего лишь поцеловала его в ногу и продолжила разгребать песок.

Он уселся в воду за моей спиной, протянул ноги по обе стороны от меня и стал разминать мне плечи. Не думаю, что когда-либо любила его сильнее, чем в тот момент. Он сделал именно то, в чем я нуждалась. Я склонила голову, сделалась бескостной, точно угорь, и позволила его сильным пальцам проникнуть в каждый нерв и каждую жилочку.

— Как же мне сказать это тебе? Не хочу причинять тебе боль, не представляю, как высказать это… Меня должно было бы удивить то, что я услышал. Я имею в виду, это ужасно, совершенно неожиданно и совсем не то, что хочется услышать от дорогого друга, и мне хотелось бы возразить: "Нет, Хилди, это не может быть правдой!" Понимаешь? Но я удивился, поняв, что… не удивлен. Как бы ужасно это ни прозвучало.

— Нет, продолжай, скажи это… — шепнула я.

Теперь его руки массировали мне голову. Чуть больше силы в этих руках, чуть сильнее нажим — и череп треснет. Может быть, тогда некоторые из демонов, что приютились там, сбегут через щели…

— В некотором смысле, Хилди, ты всегда была

самой несчастной из всех, кого я знал.

Я пропустила эти слова в себя без возражений, точно так же, как песок, на котором я сидела, медленно принимал меня в себя. Я сама была бесформенным мешком светло-коричневого песка, и Фокс лепил меня. Ничто во мне не протестовало против этого ощущения.

— Думаю, все дело в твоей работе, — продолжил Фокс.

— Ты и правда так думаешь?

— С тобой случилось то, что должно было. Скажи, что ты любишь свое занятие, и я заткнусь.

Не было смысла что-либо отвечать на это.

— Ты не возразишь мне, не скажешь, какой ты хороший репортер? Не поделишься замечаниями о волнующей стороне профессии? Ты хорошая, и сама это знаешь. По-моему, даже чересчур хорошая. Вышло у тебя что-нибудь из твоего романа?

— Ничего такого, что было бы достойно твоего внимания.

— А как насчет сменить газету? На какую-нибудь, которая меньше интересуется свадьбами звезд и насильственными смертями?

— Не думаю, что это хоть чем-то поможет: прежде всего, я никогда не уважала журналистику как профессию. По крайней мере, "Вымя" не

пытается корчить из себя нечто возвышенное и просто есть то, что оно есть.

— Полное дерьмо.

— Вот именно. Я знаю, ты прав. Меня не устраивает моя работа. Я чертовски уверена, что скоро уволюсь. И останавливает меня только то,

что я понятия не имею, на какую другую могла бы эту работу сменить.

— Я слышал об открытии новых вакансий в Профсоюзе Кули[31]. Они выиграли контракт на Борнео. Подручные каменщиков до сих пор ворчат из-за этого.

— Приятно слышать, что их хоть что-то волнует. Возможно, мне следует подумать над этим предложением, — полушутя, полусерьезно откликнулась я. — Меньше нервотрепки…

— Ничего не выйдет. И я скажу тебе, из-за чего твои беды, Хилди. Ты всегда хотела быть… полезной. Делать нечто важное.

— Чего раньше никто не делал? Изменить мир? Не думаю.

— А я думаю, что ты сдалась, отказалась от этой цели еще до встречи со мной. В тебе всегда сквозила нотка горечи по этому поводу — кстати,

---

[31] Примечания: 31

Кули (coolie) — в некоторых восточных странах: чернорабочий (обычно носильщик, грузчик).

одна из причин, почему мы расстались.

— Правда? Почему ты мне не сказал?

— Не уверен, что в то время сам понимал это.

Мы помолчали немного, оба погруженные в наши общие воспоминания. Мне приятно было заметить, что даже после признания Фокса воспоминания эти были по большей части добрыми. Он все так же массировал меня, подталкивая вперед, чтобы добраться до поясницы. Я не сопротивлялась, уронила голову на грудь и смотрела, как течение играет волосами. И почему люди не умеют мурлыкать? Если б умела, как бы я сейчас размурлыкалась! Быть может, стоит поговорить об этом с ГК. Возможно, он найдет способ научить меня.

Массаж стал замедляться. Никому не хочется прекращения подобных процедур, но я знала, что у Фокса устали руки. Я снова прислонилась к нему спиной, и он обхватил меня чуть ниже бюста. Я положила руки ему на колени и поинтересовалась:

— Можно тебя спросить?

— Ты же знаешь, можно.

— Что придает твоей жизни смысл?

Он не поспешил с легкомысленным ответом, на что я рассчитывала и не рассчитывала. Некото-

рое время он обдумывал вопрос, потом вздохнул и положил подбородок мне на плечо:

— Не знаю, можно ли на самом деле что-либо на это ответить. Масса причин лежит на поверхности. Самая очевидная из них — в том, что моя работа приносит мне чувство заслуженного удовлетворения.

— Завидую тебе в этом, — вздохнула я. — Твою работу не стирают через десять секунд после прочтения…

— Разочарования есть и у меня. Я, в некотором роде, хотел строить все это, — и он обвел широким жестом незаконченные дали Орегона. — Но оказалось, что мои таланты лежат совсем в другой области. Но когда после тебя остается подобная красота, ты не можешь не гордиться своими достижениями.

— В этом ли все дело? В том, чтобы что-то оставить после себя? Для "потомков"?

— Может быть, лет пятьдесят назад я сказал бы, что да, так и есть. И это, безусловно, причина продолжать жить. Думаю, это главная причина для большинства людей, которые додумываются до вопроса о смысле жизни. Но не уверен, что это и дальше будет для меня достаточной причиной. Не то чтобы я несчастлив — нет, я люблю свою

работу, с радостью прихожу сюда каждое утро, тружусь допоздна, даже без выходных. Но от моего труда остается в конечном счете даже меньше, чем от твоего.

— Ты прав, — произнесла я в немалом изумлении. — Я не думала, что такое возможно.

— Вот видишь? — рассмеялся он. — Каждый день приносит с собой новые открытия. В этом и смысл жизни. Возможно, банальный. Но меня наполняет радостью и гордостью акт творения. И ему не обязательно быть долгим. Главное, чтобы он имел смысл.

— Был искусством.

— Я начал мыслить подобными категориями. Может быть, это чересчур самонадеянно, но у нас, творцов погоды, уже появились последователи в нашем авантюрном занятии. Кто знает, во что это может вылиться? Но мне чертовски важно создавать, творить что бы то ни было.

Он заколебался, затем решительно произнес:

— Но есть и иное творчество.

Я тотчас же поняла, что он имел в виду: то, что стало главной причиной нашего разрыва, после того, как все было сказано и сделано. Через короткое время после того, как мы расстались, у Фокса родился ребенок, и я попросила никогда не

раскрывать мне тайну его отцовства. Теперь Фокс решил, что и у меня уже есть дети, но я отрезала, что это его не касается.

— Прости. Не стоило об этом упоминать, — потупился он.

— Нет, что ты! Я же задала вопрос — и должна быть готова услышать все ответы, даже те, с которыми не согласна.

— А ты не согласна?

— Не знаю. Я подумывала об этом. Как ты уже мог догадаться, я очень много думала о самых разных вещах.

— Тогда ты должна была бы продумать и отрицательные причины желания жить. Порой мне случается думать, что одна из них важнее всех прочих. Я боюсь смерти. Я не знаю, что она такое есть, и хочу узнать как можно позже.

— Не надеешься услышать музыку небесных сфер?

— Ну я же серьезно, а ты?.. Если мыслить логически, ты можешь представить, что просто перестанешь существовать, угаснешь, как свет. Но я брошу вызов любому, кто действительно так себе это представляет. Ты знаешь, что я не мистик, но с течением лет — сам удивляюсь, как — пришел к вере, что после смерти кое-что су-

ществует. Ничем не могу доказать, почему я так чувствую, но разубедить меня ты не сможешь.

— И пытаться не буду. Я и сама так чувствовала в лучшие времена, — испустила я один из самых утомленных вздохов, когда-либо вырывавшихся у меня. Последнее время приходится вздыхать все чаще и все утомленнее. Когда ж это кончится? Нет ответа.

— Итак, — подытожила я, — что у нас получилось? Недовольство работой. Мне почему-то не верится, что этого достаточно. У нашей задачки должны быть более простые решения. Что еще? Неутоленная жажда творчества. Бездетность, — произнося это, я загибала пальцы: возможно, не слишком красивый жест, ведь Фокс попытался, как мог, разобраться с моей бедой… но я надеялась услышать нечто новое, увидеть новый выход, что было совершенно необоснованно, но от этого мое разочарование отсутствием перспектив нисколько не уменьшилось. — И страх смерти. Знаешь, как-то ни одна из этих причин меня не удовлетворяет.

— Не стоило бы мне так говорить, но я знал, что так и будет. Пожалуйста, Хилди, обратись за советом к специалисту. Хотя… сказать-то я это сказал, не мог не сказать, но ведь я знаю тебя

давным-давно и не люблю тебе врать — а потому не могу не предупредить: не верю я, что тебе этот совет поможет. Ты никогда не принадлежала к тем, кто позволяет другим отвечать вместо себя и принимает советы. Нутром чую, тебе придется разобраться во всем своими силами.

— Или не разобраться. Но не извиняйся — ты совершенно прав.

Река катила свои воды, солнце висело посреди нарисованного неба. Время не двигалось, и так продолжалось довольно долго. Ни мне, ни Фоксу не хотелось разговаривать. Я была бы счастлива провести ближайшие десять дней здесь, если бы только мне не пришлось думать. Но я знала, что рано или поздно Фокс забеспокоится. Черт побери, да я и сама дергаться начну.

— Можно еще кое о чем тебя попросить?

Он игриво куснул меня за ухо:

— Нет, только не об этом! Во всяком случае, пока.

Я повернула голову за плечо и близко-близко взглянула ему в лицо:

— У тебя сейчас кто-нибудь есть?

— Нет.

— Можно переехать к тебе ненадолго? Скажем, на неделю? Мне очень страшно и ужасно одино-

ко, Фокс. Я боюсь быть одна.

Он ничего не ответил.

— Мне просто хочется хоть немного поспать рядом с кем-то. И не хочется умолять…

— Дай мне время подумать.

— Разумеется!

Его слова должны были бы причинить мне боль — но, как ни странно, боли я не ощутила. Я знала, что сама бы ответила точно так же. Но чего я не знала, так это того, что именно решила бы в конечном счете. Голая правда была в том, что я просила Фокса о помощи в спасении моей жизни, и мы оба знали достаточно, чтобы понять: он мало что может для меня сделать, разве что обнять покрепче. И если он попытается помочь, а я все равно покончу с собой… на него ляжет адски тяжелый груз вины, а решиться принять подобное на себя непросто, сколько ни думай. Я могла, конечно же, сказать ему, что его ничто не связывает, что ему не в чем будет себя винить, коли случится непоправимое, но я знала, что казнить себя он все равно будет, и сам он знал, что я знаю это — так что я не стала оскорблять его ложью и решила не просить больше, чтобы не накалять атмосферу. Я просто устроилась поудобнее в его объятиях и уставилась на медленно

текущую Колумбию. А она все катила и катила свои воды…

* * *

Наконец мы вернулись к фургону. По дороге я внезапно заметила, что река перестала течь. Она сделалась гладкой и неподвижной, безмятежной подобно длинному озеру. В спокойной воде не хуже, чем в зеркале, отразились деревья на дальнем берегу. Фокс пояснил, что всему виной неполадки с некоторыми из насосов. "Не с моими", — с облегчением в голосе произнес он. Зрелище застывшей реки могло быть красивым, но у меня мурашки побежали по спине от страха. Я вспомнила окаменевшие морские волны у берегов острова Скарпа…

Но тут Фокс достал из фургона пульт дистанционного управления и сказал, что сейчас кое-что мне покажет. Он ввел несколько команд, и моя тень пришла в движение.

Солнце стремительно понеслось по небу, точно огромная серебряная птица. От каждого дерева, каждого кустика и травинки протянулись вслед за ним остроконечные тени, будто тысячи часовых стрелок. Попробуйте представить нечто подобное, если хотите потерять ориентацию

в пространстве. У меня закружилась голова, я пошатнулась, расставила ноги для устойчивости и обнаружила, что на все происходящее куда интереснее смотреть сидя.

Через несколько минут солнце скрылось за горизонтом на западе. Но Фокс не это хотел мне показать. Оттуда, куда провалилось солнце, начали расти облака, легкие и тонкие, словно дымные завитки — перистые, я так думаю, или, во всяком случае, сделанные под перистые. Невидимое солнце парило где-то вне поля зрения и окрашивало облака множеством оттенков красных и синих теней.

— Очень мило, — похвалила я.

— Это пока не то, — ответил Фокс.

Что-то громыхнуло вдали, и в небо медленно поднялось гигантское дымное кольцо, тронутое нежным золотистым светом. Фокс вовсю трудился над пультом. Я услышала отдаленный свист, и кольцо дыма принялось менять форму. Верхняя часть сжималась, нижняя вытягивалась, и я долго не могла сообразить, в чем смысл всех этих преобразований, как вдруг увидела: круг приобрел очертания, приблизительно напоминавшие сердечко. Получилась валентинка! Я рассмеялась и обняла ее автора:

— Фокс, несмотря ни на что, ты романтический безумец!

Он смутился. Не ожидал, что я пойму все именно так, и я это знала, но его настолько легко дразнить, что мне никогда не устоять перед искушением. Фокс кашлянул и поспешил рассыпаться в спасительных технических разъяснениях.

— Я обнаружил, что ветровая установка может давать нечто вроде эффекта обратной тяги, — пояснил он, пока дымное сердечко в вышине таяло и расплывалось в бесформенное облако. — А дальше совсем просто: нужную форму придают концентрированные направленные реактивные потоки. Приходи сюда, когда мы откроемся, и я сумею начертить твое имя на фоне заката.

Мы приняли душ, чтобы смыть песок, и Фокс спросил, не хочу ли я посмотреть на плановые взрывные работы в Канзасе. Я никогда раньше не видела ядерный взрыв, так что ответила согласием. Фокс направил фургон к шлюзу, и мы вылетели на поверхность Луны, где Фокс передал управление автопилоту — и, пока под нами проносились красоты безвоздушного пространства, рассказал мне, над чем работает в других парках.

Вероятно, для того, чтобы оценить по заслугам способности Фокса ваять погоду, надо присут-

ствовать на его шоу. Он восторженно воспевал ледяные ветра и снежные бураны собственного сочинения, но для меня это оставалось пустым звуком. Но искорку интереса он во мне все же разжег. Я пообещала прийти на его следующее представление, и задумалась, не закидывает ли он удочку насчет статьи в "Вымени". Что ж, жизнь научила меня подозрительности, а такие подозрения, как это, у меня достаточно часто оправдывались. Но я представить не могла, каким образом можно заинтересовать наших читателей статьей о климатическом шоу — разве что созерцать его придет какая-нибудь известная персона или же во время представления случится нечто ужасное.

* * *

В Канзасе, в отличие от Орегона, совсем не на что было смотреть. Я бы с радостью передала кому-нибудь в эксплуатацию на неопределенный срок его пылевые ресурсы.

Тут даже еще не закончили формирование пустоты. Половина свода была почти готова, оставалось отсечь взрывами лишь относительно небольшие участки ближе к северному краю. Фокс сказал, что самая выгодная точка наблю-

дения — на западном краю: если мы отойдем слишком далеко на юг, пыль может настолько заслонить место взрыва, что не на что будет смотреть. Он посадил фургон вблизи запыленного скопления таких же передвижных сборных домиков, и мы присоединились к компании нескольких дюжин других поклонников фейерверков.

Зрелище планировалось исключительно "для служебного пользования": все присутствующие, кроме меня, были инженерами-строителями. Мероприятия, подобные предстоящему взрыву, обычно закрыты для публики. В Канзасе уже потребовалось произвести тысячи взрывов, и предстояло еще около сотни, прежде чем он будет закончен. Фокс описал его строительство как самый строгий секрет на Луне.

— На строительных площадках производят не слишком сильные взрывы, — пояснил он. — По-настоящему мощные слишком сильно сотрясли бы всю конструкцию. Но когда мы только начинали, приходилось использовать заряды в десять раз больше, чем сейчас.

Я отметила это его "мы". Он действительно хотел сам строить все эти парки, а не просто устанавливать и запускать климатические уста-

новки.

— Это опасно? — поинтересовалась я.

— Весьма относительный вопрос. Конечно же, не так безопасно, как спать в собственной постели. Но во время подрывных работ все просчитывается вплоть до мельчайших мелочей. За последние тридцать лет у нас не было ни единого несчастного случая во время взрывов.

Затем он принялся рассказывать мне больше, чем я хотела бы знать, о тщательно продуманных мерах безопасности, таких, например, как радар для обнаружения крупных кусков скалы, могущих обрушиться в нашу сторону, и лазеры для их мгновенного испарения. Он совершенно успокоил меня, а под конец все испортил одним-единственным замечанием.

— Если я скажу: "Беги", — серьезно предупредил он, — прыгай в фургон без лишних слов.

— А надо защищать глаза?

— Обычно куска стекла с большим содержанием свинца вполне хватает. Жжет не радиация, а ультрафиолет. Будь готова к кратковременному ослепляющему эффекту. Эй, Хилди, не трусь, если ослепнешь насовсем — страховой отдел компании достанет тебе новые глаза.

Меня вполне устраивали те глаза, которыми

я видела сейчас, и я начала сомневаться, что приехать на стройку было удачной идеей. В конце концов я решила первые несколько секунд смотреть в сторону. В копилке человеческого опыта полным-полно было историй о том, что может случиться с людьми во время атомного взрыва, но все эти истории относились к тем временам, когда на старушке Земле кое-кто при помощи этих взрывов миллионами поджаривал себе подобных.

Традиционный обратный отсчет начался с десяти. Я надела защитные очки и на счете два закрыла глаза. Так что вполне естественно, что они сами собой открылись, когда яркий свет пробился сквозь веки. Поначалу я была ослеплена, как Фокс и предупреждал, но глаза быстро привыкли. Как описать нечто настолько яркое? Соберите воедино все источники яркого света, какие когда-либо видели, и то не получите даже близкого представления о силе этой вспышки. Затем содрогнулась почва, за ней — воздух, и лишь потом, много позже, раздался звук. То есть, это я подумала, что слышу звук взрыва, но на самом деле это была ударная волна, исходившая от земли. Звук, разнесшийся в воздухе, был куда более впечатляющим. Затем поднялся ветер. И

взлетело огненно-рыжее облако. Вся картина взрыва разворачивалась несколько минут. Когда пламя угасло, раздались гром аплодисментов и восторженные крики. Я повернулась к Фоксу и улыбнулась ему. Он тоже улыбнулся.

А в двадцати километрах от нас тысячи людей погибли в катастрофе, впоследствии названной Канзасским Обрушением.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В тот момент никто из нас не подозревал, что случилось несчастье.

Мы выпили шампанского, по традиции, бытовавшей среди технического персонала. Минут через десять мы с Фоксом забрались обратно в фургон и устремились к шлюзу. Фокс посчитал, что быстрее всего вернуться в Кинг-сити получится через лунную поверхность, и я с ним согласилась. Мне не нравилось плутать по хитросплетениям системы туннелей, пронизывающих скальную породу вокруг парка.

Но не успели мы вынырнуть на солнечный свет, как управление фургоном перехватил автопилот и сообщил, что нам придётся сделать круг или сесть, поскольку движение перекрыто, чтобы дать дорогу спасательной технике. Несколько машин технической помощи с синими мигалками бесшумно пронеслись мимо нас.

Ни Фокс, ни я не могли припомнить сколько-нибудь серьёзного происшествия на лунной поверхности. Разумеется, время от времени случались неприятности наподобие падения

давления воздуха на животноводческих участках. Ни одна система не лишена недостатков. Но люди в подобных происшествиях гибли крайне редко. Так что мы включили радио — и услышали нечто, заставившее меня судорожно рыться в Фоксовых шмотках, сваленных в задней части фургона, в поисках газеты. Наконец я нашла её — это оказалось "Откровенное Дерьмо", и при других обстоятельствах я немилосердно задразнила бы Фокса за подобное чтение. Но на этот раз мне попалась такая статья, от которой все ехидные комментарии застряли в горле.

Произошёл обширный прорыв защитного купола над курортом "Нирвана", расположенным на поверхности Луны. В первых сообщениях упоминалось о нескольких человеческих жертвах, и на кадрах прямого репортажа с видеокамер системы безопасности — единственном, что было доступно для просмотра в первые десять минут, пока мы читали новости — можно было различить неподвижные тела, лежавшие у большого бассейна. Поверхность его неистово бурлила. Поначалу мы подумали, что это гигантская джакузи, но потом были потрясены, поняв, что вода кипит. Это значило, что на курорте не осталось воздуха, и все, кто там находился, неминуемо

погибли. Позы, в которых их застигла смерть, тоже выглядели странными: казалось, люди стремились удержаться за что-нибудь — ножку стола или тяжёлую бетонную кадку с пальмой…

Подобные газетные материалы всегда начинают жить своей собственной, изломанной и искажённой жизнью. Первые репортажи обычно отрывочны и, как правило, неверны. Мы услышали предположения о двадцати погибших, затем о пятидесяти, и наконец было с трепетом произнесено ужасающее число двести. Затем эти сообщения были опровергнуты, но я сама лично насчитала тридцать мёртвых тел. С ума сойти! Мы избалованы молниеносной оперативностью СМИ, нам подавай свежайшие и точнейшие новости в сопровождении красивой картинки, снятой со штатива. Камеры слежения были на штативах, но этого мало! Они не двигались, и уже через несколько минут захотелось послать им отчаянный мысленный приказ дать панорамный кадр, отъехать хоть чуть-чуть, чтобы увидеть то, что не попало в поле зрения. Но нужные кадры появились не раньше чем через десять минут после нашего приземления, и эти минуты показались мне часом.

Поначалу я решила, что случившееся затрону-

ло меня больше, чем Фокса. Естественно, он был потрясён и пришёл в ужас, как и я — одной своей ипостасью. Другая же, неутомимая охотница за сенсациями, исходила пеной нетерпения и по три раза в минуту запрашивала автопилот, когда же наконец можно будет продолжить полёт и вырваться отсюда, чтобы я смогла начать репортаж. Знаю, это некрасиво, но любой журналист поймёт мой порыв. Хочется двигаться, делать хоть что-то. Ужас, порождаемый фотографиями, задвигается в дальние закоулки сознания, куда полиция и коронёры обычно складывают отвратительные зрелища… пульс набатом бьётся в виски от нетерпеливого желания узнать ещё одну подробность, и ещё одну, и ещё… Но меня ждала наихудшая из пыток — застрять лежачим камнем за пятнадцать километров от места происшествия.

И тут до нас дошла информация, из-за которой Фокс не на шутку встревожился. Я не осознала всей её важности — просто взглянула на него и вдруг увидела, как побелело его лицо и затряслись руки.

— В чём дело?

— Время, — прошептал он. — Они только что назвали время, когда лопнул купол.

Я прислушалась, и вскоре ведущий повторил его.

— И это…

— Да. Это случилось через секунду после взрыва.

Я до сих пор была так озабочена желанием добраться до "Нирваны", что только через минуту сообразила, что мне следует делать. Я включила телефон Фокса и позвонила в "Вымя", использовав второй по важности код, чтобы меня быстрее соединили с Уолтером. Код высшей срочности, как он сам мне заявил, следует использовать для репортажа о гибели Вселенной или для эксклюзивного интервью с Элвисом.

— Уолтер, у меня есть съёмки причины прорыва, — выпалила я, когда его уродливая физиономия появилась на экране.

— Причины? Ты была там? Я думал, все…

— Нет, меня там не было. Я была в Канзасе. У меня есть основания полагать, что катастрофу вызвал ядерный взрыв, на который я в Канзасе смотрела.

— Звучит маловероятно. Ты уверена…

— Уолтер, причина должна быть именно в этом — или же мы имеем дело с величайшим совпадением со времён того стрит флэша, которым я

побила ваш фулл-хаус[32].

— Там не было никакого совпадения.

— Чёрт побери, разумеется, не было, и когда-нибудь я расскажу вам, как мне это удалось. А между тем вы потратили уже двенадцать секунд драгоценного новостного времени. Если хотите, пустите статью с оговоркой об отказе от ответственности — к примеру, под заголовком: "Могло ли это стать причиной трагедии в "Нирване"?".

— Давай материал.

Я торопливо зашарила по приборной панели и выругалась про себя.

— Где у этой проклятой штуковины нейроввод? — рявкнула я на Фокса.

Он странно взглянул на меня, но открыл углублённый отсек и протянул мне кабель. Я ткнула его себе в затылочный разъём, произнесла волшебное слово, и кристаллическая память в пять секунд переработала и выплюнула наружу записи голографической камеры за последние шесть часов.

— Так где же ты, черти тебя раздери, застряла? — вопросил Уолтер. — Я вызываю тебя вот уже двадцать минут.

---

[32] Примечания: 32

Стрит флэш, фулл-хаус — термины игры в покер.

Я ответила, где, и он пообещал всё уладить. И уже через полминуты автопилот получил разрешение продолжить путь. Пресса имеет определённые преимущества в подобных ситуациях, но я не могла ими воспользоваться, сидя голышом на земле. Мы взлетели и… направились совсем в другую сторону!

— Чёрт возьми, куда это ты? — не веря своим глазам, спросила я Фокса.

— Обратно в Кинг-сити, — спокойно ответил он. — Я не желаю воочию видеть то, о чём мы узнали из новостей. И меньше всего мне хочется смотреть, как ты делаешь об этом репортаж.

Я чуть было не выбросила его из водительского кресла, но присмотрелась внимательнее и разглядела в нём нечто угрожающее. Мне показалось, вякни я ещё хоть слово — и он не сдержится, выпалит что-нибудь, что мне не слишком захочется услышать, а может быть, не только скажет, но и сделает… Так что пришлось мне смириться и переключиться на мысленные подсчёты, сколько потребуется времени, чтобы вернуться в "Нирвану" от ближайшего шлюза Кинг-сити.

Ценой огромных усилий я задавила в себе журналиста и попыталась вести себя нормально, по-человечески. "Уж на несколько-то минут ме-

ня точно хватит", — подумала я и попробовала утешить Фокса:

— Пожалуйста, не надо думать, что тут есть хоть капля твоей вины!

Он не взглянул на меня, глаза его были устремлены вперёд, как будто ему и вправду нужно было следить, куда летит фургон.

— Ты же сам сказал мне…

— Послушай, Хилди. Не я закладывал взрывчатку, не я производил расчёты. Но это сделали мои друзья. И катастрофа отразится на всех нас. Мне как можно скорее нужно к телефону, мы должны постараться выяснить, что именно пошло не так. Да, я чувствую ответственность за случившееся, так что не пытайся разубедить меня: я знаю, это голос не разума, но совести. И мне сейчас просто не хочется с тобой разговаривать.

Я заткнулась. Несколько минут истекли в тишине, и вдруг Фокс грохнул по приборной панели кулаком:

— Всё никак забыть не могу, как мы стояли там и смотрели… Радовались… У меня до сих пор на губах вкус шампанского!..

Я выскочила из фургона у ближайшего шлюза, поймала такси и помчалась в "Нирвану".

* * *

Оглядываясь назад на большинство несчастий, неизменно находишь, что их было крайне легко предотвратить. Если бы только прислушаться к предупреждениям, если бы только предпринять такие-то меры безопасности, если бы только кто-нибудь продумал возможность подобного исхода, если бы только, если бы… Я не говорю здесь о так называемых стихийных бедствиях, к которым раньше относились происшествия наподобие землетрясений, ураганов и падения метеоритов. Но ураганы на Луне случаются крайне редко. Не менее редки и лунотрясения, да и селенология у нас развита достаточно хорошо, чтобы предсказывать их с высочайшей степенью точности. Метеориты падают стремительно и врезаются в грунт с огромной силой, но число их невелико и средний размер крайне мал — к тому же, все более-менее уязвимые наружные постройки взяты в кольцо радаров, достаточно чувствительных, чтобы обнаружить крупные метеориты, и лазеров, достаточно мощных, чтобы испарить источник опасности без следа. Последний прорыв купола, имевший сколько-нибудь серьёзные последствия, случился почти за шестьдесят лет до

Канзасского Обрушения. Жители Луны с тех пор уверились в надёжности своих мер безопасности. Наша самоуверенность переросла врождённый страх перед вакуумом и лунной поверхностью, а у некоторых самообладание окрепло настолько, что богачи теперь позволяют себе резвиться и загорать на настоящем солнце под защитой куполов, спроектированных так, чтобы создать впечатление, будто их вовсе нет. Если бы кто-нибудь построил зону отдыха, подобную "Нирване", лет сто назад — вряд ли нашлось бы много желающих её посетить. В то время богатеи обитали только в самых нижних, наиболее безопасных уровнях, а беднякам приходилось каждый день испытывать судьбу: всего лишь каких-нибудь восемь или девять герметичных дверей отделяли их от зловещего Духососа.

Но целый век технологических усовершенствований, разработок систем, прочность и надёжность которых превосходили простую предосторожность и доходили порой до абсурда, многоуровневое накопление знаний о способах выживания во враждебной среде… сотня лет всего этого полностью преобразила лунное общество. Города перевернулись вверх тормашками — как, я слышала, время от времени происходит

с озёрами, — и дно стало вершиной. Некогда роскошные и дорогостоящие уровни, вырытые в коренной подстилающей породе, сделались ныне трущобами, а Вакуумные Ряды на верхних уровнях превратились — после соответствующей отделки — в самое престижное место времяпрепровождения. Любой, кто надеялся приобрести хоть сколь-нибудь значительный вес в обществе, обязан был иметь в доме настоящее окно с видом на лунную поверхность.

Из этого правила, разумеется, бывают исключения. Старики-ретрограды наподобие Калли по-прежнему предпочитают зарываться поглубже, хотя мать и не испытывает ужаса перед поверхностью. А значительное меньшинство населения до сих пор страдает от самого распространённого лунного невроза — боязни безвоздушного пространства. Но, полагаю, и они ухитряются более-менее хорошо жить. Я читала, что многие люди на старушке Земле боялись высоты или самолётов — что наверняка осложняло им жизнь в обществе, где фешенебельные квартиры на крыше небоскрёба и скоростные путешествия ценились довольно высоко.

"Нирвана" была не самым престижным наружным курортом на Луне, но и не относилась

к таким, куда можно запросто заскочить на три дня и две ночи. Я никогда не понимала, почему люди платят бешеные деньги за удовольствие созерцать "естественный" вид лунной поверхности, купаясь в тщательно отфильтрованных солнечных лучах. Я бы скорее предпочла этому любой из подлунных климатических парков. Если вам хочется в бассейн — пожалуйста, их полным-полно внутри Луны, и вода в них точно такая же мокрая. Но на некоторых искусственно воссозданные земные пейзажи наводят страх. На удивление много людей попросту не любит растения либо насекомых, прячущихся в их листве, и по большому счёту не привыкло к соседству с животными. "Нирвана" отвечала интересам этих людей, а также тех, кому позарез нужно было покрасоваться в обществе персон, у которых достаточно денег для выбрасывания на ветер в подобных местах. В "Нирване" играли в азартные игры, танцевали, загорали или предавались детским забавам под чутким руководством управляющего персонала, и всё это — под светом солнца или звёзд, на фоне изумительных красот Долины Предназначения.

А красоты эти и впрямь были чертовски изумительны! Строители угрохали уйму денег на то, чтобы сделать их таковыми.

Долина Предназначения представляла собой трёхкилометровый лунный разлом, искусно утыканный чем-то вроде иззубренных пиков и отвесных утёсов, с целью превратить его в долину "Настоящей Луны", какой ей следовало бы быть, если бы господь нанял художника-декоратора с более живой фантазией, и какой её все представляли себе до открытия космической эры и получения первых унылых фотографий реальных лунных пейзажей. Здесь не было ни покатых бугорков-прыщиков, ни гнетущих серо-белых полей вулканических шлаков, ни валунов, обточенных со всех сторон миллиардами лет раскалённого дневного жара и жестокого ночного мороза… и ни грамма той чертовски скучной пыли, что покрывает всю остальную поверхность Луны. Здесь острые края кратеров щерились рядами неровных зубов. Утёсы взмывали вертикально к небу, нависали над зрителем, будто волны прибоя. Валуны были усыпаны разноцветными кусками вулканического стекла — они дробили яростный солнечный свет на тысячи радуг или сияли жаркой краснотой рубина, синим льдом сапфира, словно подсвеченные изнутри. Некоторые стекляшки, к слову, и на самом деле подсвечивались. Причудливые выросты кристал-

лов тянулись к небу или клубились под ногами, точно некие мрачные глубоководные твари, кварцевые колонны высотой с десятиэтажный дом глубоко зарывались в грунт, будто сброшенные с большой высоты, а к ним льнули, словно морские водоросли, и светились в темноте прозрачные перья из волокон более тонких, чем жилы оптического кабеля, и таких хрупких, что казалось, неосторожный шаг ботинка скафандра может разрушить их. Горизонт был вылеплен с не меньшим тщанием в цепь хребтов, способных затмить Скалистые Горы суровой непокорной красой… но лишь до тех пор, пока не подойдёшь к ним вплотную и не увидишь, что на самом деле они маленькие и неказистые, а величие и высоту им придают искусная игра света да фокусы искусственной перспективы.

Но дно разлома представало настоящей находкой для геолога. Идти по нему было всё равно что забраться во внутренности мамонта. И именно эти обнажённые горные породы в конечном счёте оказались причиной гибели "Нирваны".

Один из четырёх главных куполов курорта вплотную примыкал к подножию утёса, названного на типичном для "Нирваны" выспренном наречии Порогом Небесного Покоя. Утёс был

составлен из семнадцати кварцевых колонн — самых крупных и прозрачных кристаллов, которые когда-либо удавалось вырастить. Всю толщу их пронизывали, наподобие крысиных нор, углубления для прожекторов подсветки, лазеров и проекторов. Днём на гранях причудливой конструкции забавно играл солнечный свет, но настоящее зрелище начиналось ночью, когда световые шоу шли без перерыва одно за другим. Спецэффекты должны были оказывать умиротворяющее, расслабляющее воздействие, навевать ощущение вечного покоя на неких призрачных небесах. Образы, мелькавшие внутри столбов кварца, также были смутными и неуловимыми, почти на грани увиденного и угаданного, их ускользающая магия гипнотизировала. Я присутствовала на премьере светового шоу — и, при всём моём цинизме по отношению к подобным курортам, вынуждена была признать, что Порог почти оправдывал цену билетов.

Взрыв в Канзасе слегка потревожил не обозначенный на картах геологический разлом в нескольких километрах от "Нирваны", из-за чего произошёл короткий резкий толчок. Вся Долина Предназначения приподнялась на несколько сантиметров и с силой осела обратно. Это почти

не повредило курорту — разве что разбилась куча посуды… и расшаталось основание одной из колонн. Колонна эта упала на третий купол — Купол Порога. Он был, как и все остальные, толстым, прочным и прозрачным — за счёт того, что состоял из множества шестиугольников. Способ их крепления друг к другу сделался темой бесконечных обсуждений в последующие недели, но сути его я так и не поняла. Соединения были дополнительно упрочены неким усилителем молекулярных полей, так что купол должен был оказаться достаточно крепким, чтобы выдержать удар четырнадцатой башни, по крайней мере продержаться до тех пор, пока эвакуируют людей. Купол и держался — примерно секунд пять. Но в толще его материала возникли некие вибрации, которые каким-то образом усугубил усилитель полей, так что три четырёхметровые шестиугольные панели на стороне, противоположной утёсам, треснули по линии соединения и были заброшены почти на орбиту давлением воздуха, вырвавшегося через отверстие. Вместе с воздухом вылетело всё, что не было закреплено, включая всех людей, которые не успели ни за что ухватиться, и многих из тех, кто успел. Ураган, должно быть, разыгрался адский. Некоторые тела

были найдены на верхнем краю долины.

К тому времени, как я добралась до места, там уже давно нечего было делать. Таковы все прорывы... Спасти человека, попавшего в полный вакуум, можно только в первые несколько минут, а потом работа остаётся лишь для коронёра. За исключением вытаскивания нескольких человек из самогерметизирующихся комнат — что вскоре будет проделано, но никакие восторженные комментарии не придадут этим рутинным операциям волнующий интерес — финал истории Обрушения сводился к любованию мёртвыми телами да попыткам поиска выгодного ракурса съёмки.

Хотя трупы ни в коем случае не станут главными персонажами статьи. Среднестатистический читатель "Вымени" радуется рекам крови и горам мяса, но существует некий предел отвращения, который можно условно назвать "фу-фактором". Лопнувшие глаза и распухшие языки замечательно пойдут в дело, как и рваные раны любой тяжести, и отрезанные руки-ноги-головы. Но смерти во время прорыва купола неприятны тем, что в человеческом теле, в различных его полостях, содержится некоторое количество газа. Большая часть его сосредоточена в кишечнике.

И то, что происходит, когда эти газы мгновенно расширяются и с силой устремляются наружу через естественное отверстие, — ни в коем случае не главная тема для репортажа с места катастрофы. Мы показывали трупы, никуда от этого не денешься, но старались не сосредоточиваться на них.

Нет, подлинный сюжет здесь таков, каким был во все времена при всех страшных несчастьях. Тема номер два в нём — это дети. Номер три — трагические совпадения. И неизменный номер один — знаменитости.

В "Нирване" детей не обслуживали. Не то чтобы вход туда им был закрыт, но руководство курорта попросту не поощряло приезд мамаш и папаш с чадами. Впрочем, большинство посетителей и сами не взяли бы с собой своё потомство: зачем им лишнее шушуканье за спиной, мол, "Им, что, няню подыскать не на что?.." При Канзасском Обрушении погибли всего трое детей — и то, что их оказалось так мало, только острее отозвалось в душах читателей. Я выследила бабушку и дедушку одного трёхлетнего малыша и засняла их неподдельное горе, когда они узнали о смерти внука. После этого мне потребовалась парочка крепких напитков, чтобы прийти в себя. Неко-

торые вещи, которыми приходится заниматься журналисту, особенно отвратны.

Затем пришёл черёд посмотреть на "если бы..." с точки зрения не мер предосторожности, но человеческих поступков. "Мы собирались провести в "Нирване" неделю, но не поехали, потому что то-сё, пятое-десятое..." "Я только на минуточку заскочила в номер, чтобы взять то да сё, как вдруг завыли все сирены, дверь захлопнулась, и я подумала — где же мой милый муженёк?" Публика всегда охоча до подобных историй. Думаю, люди подсознательно надеются, что боги удачи возьмут их под крылышко, когда раздастся тяжёлая поступь судьбы. Что же до интервью с теми, кому удалось спастись, то на меня они навевают ужасную скуку — но, очевидно, тут я остаюсь в меньшинстве. По крайней мере половина опрошенных обязательно изрекает: "Бог следил за мной и не допустил до беды!" Но штука в том, что по большей части эти люди вовсе неверующие. Представление божества в виде карателя — насмешка над теологией. А я всегда полагала, что если Бог присматривал за тобой, то он, должно быть, при этом здорово разозлился на всех остальных — тех, кого он вышвырнул в небеса, точно горсть резиновых дротиков.

И напоследок — кучка историй, не подпадающих по большому счёту ни под одну из названных категорий. Я называю их трагедиями, согревающими душу. Лучшая из подобных статей, порождённых "Нирваной", была о парочке влюблённых, державшихся за руки. Их нашли в двух километрах от места прорыва. Тела их были искалечены острыми краями дыры в куполе, но не настолько, чтобы утратить фотогеничность — к тому же, они улетели довольно далеко от потока коричневой мерзости, который наверняка и придал им ускорение, а поскольку не выжил никто, кто мог бы сказать об этом точно, влюблённые выглядели довольно сносно. Эти два парня просто лежали с трогательными улыбками на губах у подножия небольшой скалы, которой фотограф путём искусного подбора ракурса придал сходство со стрельчатым окном церкви. Уолтер — как, впрочем, и владельцы всех остальных изданий — выложил бешеные деньги, чтобы дать этот материал у себя на первой полосе.

Автор сего шедевра — моя давняя соперница Крикет, и это лишний раз демонстрирует, как многого можно добиться, стоит только проявить инициативу. Пока вся остальная репортёрская братия дружной толпой обнюхивала развалины

третьего купола, Крикет раздобыла скафандр и увязалась за командой спасателей, не забыв прихватить настоящую плёночную камеру для наилучшего качества съёмки. Она подмазала спасателей, чтобы те не сообщали о нахождении парочки, пока она не зафиксирует улыбки на лицах, не вправит обратно выпученные глаза и не закроет веки. Крикет прекрасно знала, что хочет видеть на фотографии, и удостоилась за неё номинации на Пулитцеровскую премию в нынешнем году.

Но самой благодатной темой были мёртвые звёзды. Из тысячи ста двадцати шести погибших в "Нирване" пятеро были так или иначе знамениты. В порядке возрастания популярности это: политик из округа Клавия, гастролирующий поп-певец с Меркурия, ведущий и ведущая ток-шоу — и Ларри Йеджер, чей последний фильм вышел в прокат на три недели раньше, чтобы позволить студии зашибить неплохую деньгу на скорби поклонников. Слава Ларри неудержимо угасала, иначе он и не появился бы в "Нирване". Но если встретить знаменитость живьём на подобном курорте означало получить явное доказательство того, что её звезда скоро померкнет и превратится в чёрную дыру — а так и было,

в последнее время Ларри стремительно терял популярность — то место смерти известного человека далеко не так важно для его посмертной карьеры, как причина. Лучше всего погибнуть трагически. Хорошо — умереть молодым. Смерть насильственная, странная, у всех на виду… все эти факторы сошлись в Канзасском Обрушении и подняли рыночную стоимость наследия Йеджера в пять раз против прежнего значения.

Разумеется, была у всей этой истории и другая сторона. Та, что касается "как" и "почему". Меня всегда гораздо больше интересовало, где, когда и кто. Репортажи о расследовании причин Обрушения, как всегда, вылились бы в бесконечную череду утомительных собраний и многочасовые свидетельства в суде, писать о которых я бы всё равно не смогла, не будучи достаточно технически подкованной. Окончательный приговор будет вынесен только через месяцы, а то и годы, и если к тому времени "Вымя" и озаботится вопросом "кто", то не иначе как в контексте "кому дадут по шеям за этот мерзкий бардак?" А пока суд да дело, газетёнка может предаваться бесчисленным спекуляциям, подрыву репутаций и настраиванию общественного мнения против всевозможных персон, но это уже не моя работа.

Я с тяжёлым сердцем прочитывала этот хлам каждую неделю, боясь, что в нём каким-нибудь образом всплывёт имя Фокса — но, к счастью, обошлось.

Тем или иным образом… в основном необходимостью докучать вдовам и сиротам, должна признаться… Обрушение заставляло меня прыгать кузнечиком где-то неделю. Я заливала свою совесть множеством коктейлей, главным образом "Маргаритой", моим излюбленным ядом, и нервно ловила малейшие признаки приближения депрессии. Некоторые из них я всё же заметила — невозможно писать о подобной истории и самой не чувствовать горя, а время от времени даже отвращения к себе — но настоящая депрессия, из тех, что толкают немедленно распрощаться с жестоким миром, меня так и не накрыла.

Из чего я сделала вывод, что лучшее лечение — как следует занять себя.

* * *

Среди тысячи ста двадцати одной жертвы катастрофы в "Нирване" оказалась мать Принцессы Уэльской — король Англии Генрих XI. Невзирая на этот внушительный титул, Хэнк за всю свою жизнь не сделал ничего, достойного отражения

в "Вымени". И только когда он погиб, появился коротенький некролог с малюсеньким примечанием "ирония судьбы". В нём автор, начинающий журналист, упомянул нескольких более известных предшественников нынешнего монарха: Ричарда III, Генриха VIII, Марию Стюарт. К следующему выпуску Уолтер вымарал почти весь текст, бурча под нос бессмертные слова: "Да всем глубоко наср… на эту шекспировскую чушь!" — и заменил на забавную статейку о Вики Ганновер[33] с её причудливыми представлениями о сексе, повлиявшими на целую эпоху.

Единственной причиной, по которой Генрих XI оказался в роскошных номерах "Нирваны", было то, что он отвечал за трубопроводы в третьем куполе. Но заведовал он не воздуховодами, а системой канализации.

И в результате, как только у меня выдался первый свободный день после катастрофы, в моей квартире зазвонил телефон и сообщил, что со мной желает поговорить некто, не внесённый в список разрешённых абонентов. Звонящая

---

[33] Примечания: 33

Виктория (1819–1901), королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии. "Эпоха королевы Виктории" по-разному воспринималась её современниками и последующими поколениями. Для поколения, пережившего Первую мировую войну, расхожие викторианские ценности были "канонизированным фарисейством".

представилась как Элизабет Сакс-Кобург-Гота. Поначалу я озадачилась, но потом вспомнила, что это и есть ужасающая боевая машина, знакомая мне под именем принцессы Уэльской. Я ответила на звонок.

Первые несколько минут разговора она рассыпалась — который уже раз! — в извинениях, спрашивала, дошёл ли до меня её чек, и просила звать её просто Лиз.

— А звоню я вот зачем, — наконец, сообщила она. — Не знаю, слышала ли ты, что моя мать погибла в "Нирване".

— Я в курсе. Прости, мне следовало послать тебе открытку с соболезнованиями или что-нибудь в этом роде.

— Ничего-ничего! Мы, по большому счёту, не знакомы как следует, да и всё равно я терпеть не могла вечно пьяного сукиного сына. Он много лет превращал мою жизнь в ад. Но теперь, когда он наконец отправился к праотцам… видишь ли, у меня завтра намечается, в некотором роде, вечеринка по случаю коронации — и я подумала, а вдруг ты захочешь прийти? С кем-нибудь на пару, разумеется.

Я задумалась, чему я обязана этим приглашением — до сих пор терзающему принцессу чувству

вины за то, что разодрала меня на части, или её желанию закинуть удочку насчёт статьи в газете. Но я оставила эти соображения при себе и уже хотела было ответить вежливым отказом — как вдруг вспомнила, что нам есть о чём посекретничать. И согласилась.

— О! — воскликнула я, когда она уже собиралась отключиться. — А как насчёт платья? Я должна быть в официальном костюме?

— В полуофициальном, — ответила Лиз. — Полная парадная одежда ни к чему. А приём после коронации будет неформальным. Правда-правда, обычная вечеринка! И, пожалуйста, никаких подарков. — Она рассмеялась. — Я собираюсь принимать дары только от глав других государств.

— Ты меня успокоила. До завтра.

* * *

Церемония коронации проводилась во Втором номере-люкс отеля "Говард" при космодроме — заурядной гостиничке среднего класса, популярной среди коммивояжёров и дельцов, приезжающих в Кинг-сити по делам на один день. При входе я столкнулась с мужчиной в красно-белой военной форме и меховой шапке едва ли не метровой

высоты. Его костюм был смутно знаком мне по историческим романам. Солдат стоял, вытянувшись в струнку, рядом с караульной будкой размером с гроб, поставленный на попа. Страж мельком глянул на факс-копию моего приглашения, открыл передо мной дверь, и знакомый рёв вечеринки в полном разгаре выплеснулся в холл.

Лиз удалось собрать немаленькую толпу. Жаль, что у неё не хватило средств снять помещение попросторней. Люди стояли, касаясь друг друга локтями, и старались не уронить в жестокой толчее свою ношу — крохотные блюдечки с оливками и сырными крекерами, намазанными паштетом из анчоусов, в одной руке и бумажные стаканчики с шампанским в другой. Я протолкалась к столам с едой, как всегда делала на бесплатных фуршетах, и придирчиво оглядела угощения. Должна сказать, у "Юнайтед Био" меню было получше. Напитки разливали двое мужчин в донельзя странных костюмах. Позднее я узнала, что этих людей называют бифитерами[34] — а по-

[34] Примечания: 34

Бифитеры (Beefeaters), "мясоеды" — прозвище дворцовой стражи английского королевского двора. Отряд из 60 рядовых и 6 офицеров, личная охрана королевского семейства Великобритании, существует с 1485 г. и по сей день носит форму XV в. В настоящее время выполняет главным образом обязанности почётного эскорта во время традиционных церемоний.

чему, так навсегда и осталось для меня загадкой.

Сама я была одета не так чтоб уж очень вызывающе. Лиз сказала, что костюм может быть полуофициальным, так что я вполне могла заявиться в одной серой шляпе с журналистским пропуском, заткнутым за поля. Но по зрелом размышлении я решила облачиться в полную форму, какой бы глупой она ни была: мешковатые штаны и двубортный пиджак. Я вручила костюм роботу-гладильщику так поздно, что времени едва хватило на то, чтобы что-либо в нём изменить. Я не стала ни подгонять штаны по фигуре, ни застёгивать пиджак — это было частью образа, к которому склонились в бесконечной мудрости представители моей профессии почти двести лет назад при выборе форменной одежды. Образ был позаимствован из фильмов о журналистах 30-х годов XX века. Я пересмотрела их целую кучу, и меня позабавило, какое впечатление очевидно старались создать о себе мои коллеги на официальных приёмах: они стремились выглядеть помятыми, агрессивными, дерзкими, невежливыми, полными сарказма — но стоило ситуации запахнуть жареным, у них неизменно оказывалось отзывчивое золотое сердце. А как же, чтоб и твоё сердце преисполнилось гордости, что ты то-

же журналист, милостью божией… тьфу! Шутки ради я нацепила белую блузку с кружевом у горла вместо предписанного традицией сложного узла, известного как галстук. Волосы я сколола на макушке и спрятала под шляпой. Из зеркала на меня глянула Кейт Хепбёрн[35], переодетая мальчиком — по крайней мере, так я выглядела выше плеч. На всей остальной моей фигуре костюм висел, как на вешалке — но моё новое тело было сложено так искусно, что смотрелось хорошо в любой одежде. Я козырнула своему отражению: вот оно, твоё творение, Бобби!

Лиз заметила меня и с громким приветственным криком протолкалась поближе. Она уже была наполовину под мухой. Если покойная мать не передала ей больше никаких качеств — то уж тягу-то к зелёному змию будущая королева точно унаследовала. Она обняла меня, поблагодарила за приход и снова растворилась в толпе. Ладно, я отведу её в укромный уголок попозже, после церемонии, если к тому моменту она ещё будет держаться на ногах.

То, что было дальше, повторялось неизменно на протяжении последних четырёхсот-пятисот

---

[35] Примечания: 35

Кэтрин (Кейт) Хепбёрн (1907–2003) — звезда Голливуда 30-40-х гг. XX в. ("Маленькие женщины", "Филадельфийская история", "Ребро Адама").

лет. Почти целый час прибывали всё новые и новые гости. Среди них мелькнул метрдотель, наскоро обсудил что-то с Лиз — думаю, сумму остатка на её кредитной карте — а затем открыл дверь в соседний номер, Первый люкс. Толчея уменьшилась, хотя и ненадолго. Запасы еды и шампанского кончились и были пополнены снова. Лиз не скупилась на расходы. Это был её праздник. А по сути — обычная, типичная вечеринка на весь день.

Я повстречала нескольких знакомых и была представлена множеству персон, чьи имена моментально забыла. Среди моих новых друзей оказались верховный вождь всех зулусов, император Японии, магараджа Гуджарата[36] и царица всея Руси — или, во всяком случае, по-дурацки расфуфыренные люди, выдававшие себя за этих венценосных особ. А ещё передо мной продефилировали бесчисленные графы, калифы, великие герцоги, сатрапы, шейхи и набобы… Кто я такая, чтобы оспаривать их титулы? Мода на ветвистые генеалогические деревья с мощными корнями расцвела пышным цветом примерно в то время, когда Калли в муках извергла мою

[36] Примечания: 36

Гуджарат — штат на северо-западе Индии, у Аравийского моря, в прошлом — могущественное государство.

неблагодарную вопящую тушку в не так чтобы уж слишком густо населённый мир. Калли даже рассказывала мне, что, как ей кажется, она вполне может быть родственницей Муссолини по материнской линии. Сделало ли это меня бесспорной наследницей приснопамятного дуче? Я никогда не горела желанием узнать ответ на этот вопрос. Краем уха я уловила бурное обсуждение применимости прав первородства — в числе прочих, даже салического закона[37] — в эпоху перемены полов. Некто — думаю, это был герцог Йоркский — прочёл мне целую лекцию на эту тему незадолго до начала церемонии, пояснив, почему трон наследует именно Лиз, невзирая на то, что у неё есть младший брат.

Я выкарабкалась из этого испытания почти без ущерба для рассудка и обнаружила, что стою на балконе, нежно баюкая в руках бокал клубничной "Маргариты". У отеля "Говард" есть окна с видом, но выходят они на грузовую сторону космодрома. Я глянула в небо поверх громоздких, будто выброшенные на берег киты, туш крупнотоннажных межпланетных танкеров, из-

[37] Примечания: 37

Салический закон — сборник обычного права салических франков. Салические, или приморские, франки — союз западногерманских племён, образованный около III века н. э.

ливавших свой груз в угодливо разверстые жерла подлунных резервуаров. Рядом со мной почти никого не было, и на долю секунды я задалась вопросом, почему, но тут же припомнила виденную где-то статью — как раз о том, как много людей после Канзасского Обрушения внезапно утратило интерес к окнам с видом на лунную поверхность. Я осушила бокал, вытянула руку, постучала по выпуклой невидимой преграде, за которой бессильно бушевало безвоздушное пространство, и пожала плечами. Мне почему-то не казалось, что я могу погибнуть из-за прорыва купола. Я опасалась гораздо худшего.

Кто-то протянул мне ещё один бокал с обсыпанными солью краями, полный розовой жидкости. Я взяла его, оглянулась, запрокинула голову повыше — выше, выше, ещё выше — пока не увидела улыбающееся личико Бренды, начинающего репортёра и подмастерья жирафа. Я чокнулась с ней и призналась:

— Не ожидала увидеть тебя здесь!

— Я познакомилась с принцессой после… несчастного случая с вами.

— Это не было несчастным случаем.

Она пустилась щебетать о том, какая тут замечательная вечеринка. Я не стала её разоча-

ровывать. Подождём, пока ей придётся побывать ещё хотя бы на тысяче подобных сборищ — послушаем тогда, как она запоёт.

Мне было любопытно, как Бренда отреагирует на мой новый пол. К моему огорчению, она восхитилась! Одна подруга с гомосексуальными наклонностями поведала мне в модном магазине, что Бренда ещё не выросла из периода исследования собственной сексуальности и у неё ещё есть время определиться в предпочтениях — но тем не менее, она уже была уверена, что Бренда склонна влюбляться в женщин, по крайней мере, пока она сама женского пола. Кого она предпочтёт в мужском образе, мы сейчас не узнаем, придётся подождать до её первой перемены пола. В конце концов, ещё совсем недавно она была вообще бесполой. Единственным, что омрачало ей безумную влюблённость в меня, было то, что её не слишком-то влекло к мужчинам. Она даже думала, что её чувство так и останется платоническим — как вдруг я замечательным образом всё исправила, явившись на работу в моём новом великолепном обличье.

А у меня никак, ну никак недоставало твёрдости духа поведать ей о моих сексуальных предпочтениях…

К тому же, я была ей обязана. Она прикрывала меня, ставила моё имя под своими собственными статьями из серии к двухсотлетию Вторжения — потому что я уже больше не могла заставлять себя работать над ними. О, конечно, я помогала ей, отвечала на её вопросы, вычитывала черновики, вымарывала скучные куски, показывала ей, сколько и чего именно лишнего нужно оставлять в статьях, чтобы Уолтеру было что вырезать, было за что накричать на неё и таким образом почувствовать себя счастливым начальником. Думаю, Уолтер начал подозревать, что у него под носом творится подлог, но до сих пор ничего не сказал — потому что было бы несправедливо ожидать от меня и репортажей об Обрушении, и полноценного вклада в еженедельные очерки, и он сам это знал. Штука в том, что ещё до того, как ему пришла на ум эта бредовая серия статей о Вторжении, он знал, что обязательно стрясётся что-нибудь наподобие Обрушения, и тогда он как хороший редактор будет вынужден направить на место происшествия своих лучших людей — в том числе меня. О, да, если вам нужен кто-нибудь, чтобы бесцеремонно тревожить скорбящих и любоваться трупами, лопнувшими, как розово-коричневый поп-корн, вам не найти никого

лучше Хилди.

— Скажи, милочка, что ты почувствовала, когда твоему папе отрезали голову? — спросила я Бренду.

— Что? — в глазах её мелькнуло изумление.

— Это главный вопрос жертвам катастроф или жестоких преступлений, — пояснила я. — На факультете журналистики этому не учат, но все вопросы, которые мы задаём, как бы деликатно они ни формулировались, по сути своей сводятся к этому. Смысл в том, чтобы запечатлеть первую слезу, тот неописуемый миг, когда лицо начинает искажаться. Это золотое мгновение, сладкая моя. Так что лучше учись, как его вызвать.

— Не думаю, что это правда.

— Тогда ты никогда не станешь великой журналисткой. Возможно, тебе следует податься в социальные работники.

Я увидела, что причинила ей боль, и разозлилась — на себя и на неё. Чёрт побери, ей придётся понять эти вещи. Но кто заставлял тебя учить её им, Хилди? Она и на собственной шкуре всё прочувствует, причём скоро — как только Уолтер освободит её от этих треклятых сравнительных статей, которые наши читатели в глаза видеть не желают, и отправит ишачить в грязи наравне

со всеми нами.

Я поняла, что выпила чуть больше, чем рассчитывала, и вылила остатки своего коктейля в кадку засыхающего растения. Затем стащила кока-колу с проплывавшего мимо подноса и исполнила небольшой обряд, который уже успела возненавидеть, но от которого была не в силах уклониться. Состоял он из серии вопросов, наподобие: "Чувствуешь ли ты непреодолимое желание броситься с балкона, если допустить, что ты сможешь пробить дыру в этом супер-пупер защитном барьере?" — "Нет". — "Замечательно… но не хочешь ли ты перекинуть верёвку вон через ту балку и вздёрнуть себя на стропила?" — "Спасибо, не сегодня…" И так далее.

И как раз когда я собиралась сказать какую-нибудь нейтральную любезность, нечто успокаивающее и подходящее для возвращения идеалистично настроенным начинающим журналистам веры в собственные силы — ямайский шумовой оркестр, игравший одну за другой патриотические британские песенки со времён Испанской Армады[38], внезапно грянул "Боже,

[38] Примечания: 38

"Непобедимая армада", военный флот, направленный в 1588 г. испанским королём Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.

храни королеву", и некто обратился ко всем с просьбой тащить свои пьяные задницы вниз, в главную парадную залу, где вот-вот начнётся коронация. Разумеется, не в таких выражениях.

* * *

В парадной зале ещё один оркестрик наяривал какую-то жуткую современную версию гимна "Правь, Британия". Это была рассчитанная на широкую публику часть мероприятия, и я полагаю, что Лиз чувствовала себя обязанной попытаться хоть как-то угодить нынешней моде. Лично мне звуки показались отвратными, но Бренда принялась прищёлкивать пальцами — из чего я сделала вывод, что музычка, по крайней мере, звучала современно.

Несколько телеканалов и парочка новостных изданий, специализирующихся на светской хронике, отправили на коронацию своих сотрудников, но толпу в парадной зале создали те же субъекты, кого я изо всех сил старалась не толкнуть в Первом и Втором люксах. У большинства читалось на лицах желание, чтобы церемония поскорее закончилась и можно было опять приняться за выпивку — хотя бы ненадолго.

Одна маленькая деталь всё же ускользнула от

внимания Лиз и обернулась неожиданностью: убранство залы. По слухам, Лиз арендовала помещение всего на час. Сразу после коронации в зале должны были праздновать свадьбу — а посему она была сплошь задрапирована белой тканью и увешана омерзительными херувимчиками, а на одной из стен красовался огромный плакат: "Мазель тов!"[39]. На лице Лиз было написано лёгкое недоумение. Она украдкой бросала взгляды по сторонам с тем озадаченным выражением, какое бывает иногда у человека, случайно забредшего в странное место: "Может, тут какая-то ошибка?.."

Но сама коронация прошла без сучка, без задоринки. Принцесса была провозглашена "Елизаветой III, милостью Божией королевой Соединённого Королевства Великобритании, Шотландии, Уэльса, а также Ирландии и прочих её Областей и Территорий, императрицей Индии, главой Содружества и защитницей Веры".

Само собой, над этим так и тянуло похихикать, от чего я не удержалась — но только про себя. Я видела, что Лиз, почти против собственной воли, восприняла титул серьёзно. Неважно, насколько призрачны претензии на древние титулы

---

[39] Примечания: 39

Мазель тов! (идиш) — дословно: "Возрадуйтесь!", традиционное свадебное пожелание счастья и удачи.

всех прочих собравшихся здесь паяцев — право Элизабет на её трон безупречно и неоспоримо. Настоящий принц Уэльский жил и работал на Луне во времена Вторжения, и Лиз была его потомком.

Разумеется, подлинные Драгоценности Короны не последовали за королём в изгнание на Луну: они остались погребены где-то под руинами Лондона, Англии, Европы и всей поверхности планеты Земля. Лиз воспользовалась довольно симпатичными короной, державой и скипетром. Как только появились эти предметы, за спинами собравшихся сразу же замаячил представитель "Тиффани". Не того заведения, что на Плаце, а окошка со скидками на Лейштрассе. Там даже не удосужились снять с диадемы бирку "Для Её Величества Королевы", так вместе с биркой и возложили её на голову Лиз. Драгоценности были взяты под залог и должны были вскоре вернуться на своё место в витрине, расписывающей простоту условий кредитования.

После коронации полагалась торжественная процессия — по традиции, сохранившейся со времён, когда империя что-то реально на самом деле значила, до тех пор, пока она не стала всего лишь достопримечательностью для развлечения тури-

стов. Но процессии не так-то просто устраивать в тесных лунных поселениях, где города обычно разбиты на кварталы и галереи с регулируемым давлением воздуха, между которыми курсируют по туннелям поезда. Так что после окончания официальной части мы все набились в вагоны и помчались на другой конец города, в район, где жила Лиз. Многие из нас по дороге постепенно протрезвели и озадачились вопросом, зачем они вообще пришли.

Но всё оказалось замечательно. Настоящее веселье началось, как раз когда мы прибыли на приём после коронации, организованный в здании Масонской Ложи, на полпути от квартиры Лиз до студии, где она работала. Помимо прочих своих достоинств, ложа досталась Лиз совершенно бесплатно, что означало, что она могла потратить то, что осталось от королевской казны, целиком и полностью на закуску, выпивку и развлечения.

Вот эта гулянка уже была другого типа — непринуждённая и ни капли не официальная. Я только такие и люблю. Оркестр был хорошим, играл главным образом вещички времён юности Лиз — то есть где-то посередине между моим временем и поколением Бренды. Под такую музыку я

могла танцевать. Так что я вывалилась в общий коридор в своих оксфордских двухцветных ботинках на шнуровке — должна вам сказать, более неуклюжей и тяжёлой обуви ещё не изобрели, — отыскала почтовый ящик и отправила вызов своему роботу-гладильщику. Он получил приказ упаковать потрясающее чёрное платье в обтяжку, с блёстками, с разрезом от лодыжек и выше некуда, и переслать его мне. Тем временем я заглянула в общественную уборную, перекрасила волосы в платиновый цвет и уложила длинной волной. Когда три минуты спустя я вышла, пакет с платьем уже ждал меня. Я стащила страшный как смерть костюм, запихнула его в капсулу возврата и вверила свои прелести жадным объятиям новой одёжки. Просто надевая подобное платье, уже можно возбудиться почти до оргазма. Ноги я оставила босыми. И к чёрту Кейт Хепбёрн — Вероника Лейк[40] вышла на охоту!

Я танцевала почти без перерыва два часа. Один раз — даже с Лиз, но она, разумеется, была очень востребована. Танцевала я и с Брендой, и это ока-

---

[40] Примечания: 40

Вероника Лейк — легенда Голливуда 40-х гг. XX в., почти неизвестная в странах бывшего социалистического лагеря. Избалованная, капризная, несчастливая звезда, двенадцатая в списке самых желанных женщин XX столетия.

залось очень хорошо, несмотря на то, что с виду и не скажешь ничего хорошего о её пластичности. Но в основном моими партнёрами была бесконечная череда мужчин, и мне пришлось отклонить дюжину интересных предложений. Я уже выбрала объект обольщения, но не торопилась — до тех пор, пока он внезапно не вознамерился уйти.

Но не ушёл! Когда почувствовала себя готовой, я отделила его от толпы и двинулась в наступление. Мои атаки имели вид танцевальных па, в подтексте которых не обманулся бы даже евнух. Мой избранник собрался было присоединиться к вялому подобию оргии, образовавшемуся в уголке танцевальной залы, но я утащила его оттуда в место, которое масоны — на мой взгляд, чересчур жеманно — называют "уютными комнатками". В одной из таких комнат мы прекрасно провели целый час. Моему кавалеру нравилось, чтобы его шлёпали и кусали. Это не моё, но я могу приспособиться ко вкусам большинства разумных взрослых людей, главное, чтобы и они учитывали мои потребности. С этим мой партнёр справился превосходно. Его звали Ларри, и он представился как герцог Боснии и Герцеговины — но, возможно, титул он изобрёл себе лишь для того, чтобы залезть мне под юбку. Пару раз я пу-

стила ему кровь, он попросил сделать это ещё раз, и я повиновалась, но в конце концов утратила… скажем так, вкус к подобным вещам. Мы обменялись телефонами и пообещали не терять друг друга из вида, но я не была настроена выполнять обещание. Мужичок он симпатичный, ничего не скажешь, но я получила от него ровным счётом то, что и собиралась, не больше.

Обратно в танцевальную залу я ввалилась вся мокрая от пота. Что и говорить, пришлось потрудиться, пришлось! Лавируя между танцующими, я устремилась в бар. Слабаки уже разъехались по домам, от первоначального числа приглашённых осталась едва ли половина, но они выглядели готовыми пировать до утра понедельника. Я с наслаждением опустила порозовевшие, приятно саднившие ягодицы на мягкое сиденье барного стула по соседству с королевой Англии, императрицей Индии и защитницей Веры, и Лиз медленно повернула голову в мою сторону. Теперь я поняла, откуда у неё такие внушительные уши. Стены бара были увешаны изображениями монархов прошлых лет, и нынешняя государыня как две капли воды походила на Чарльза III.

— Трактирщик! — выпалила она, перекрывая музыку. — Принеси мне соли. Принеси текилы.

Принеси нектар из лайма, твою самую спелую клубнику, наихолоднейший лёд и твой лучший хрусталь. Моей подруге нужно выпить, и я собираюсь смешать для неё напиток.

— Клубники больше нет, — откликнулся бармен.

— Так пойди подстрели пару-тройку штук!

— Ничего, Ваше Величество, — вмешалась я. — Прекрасно пойдёт и лайм.

Она разразилась глупым смехом и повернулась ко мне:

— Мне откровенно нравится, как звучит: "Ваше Величество". Это ужасно, да?

— Как говорится, ты имеешь право. Но не жди от меня, что это обращение войдёт в привычку.

Она положила руку мне на плечо и дохнула в лицо перегаром:

— Как настроение, Хилди? Развлекаешься? Трахаешься?

— Спасибо, только что.

— Не надо меня благодарить. И по тебе это видно, золотце, если мне позволено будет заметить.

— Освежиться ещё не успела…

— Тебе и не нужно. Кто тебя делал?

Я показала монограмму на ногте мизинца. Она взглянула мельком и, как мне показалось, утра-

тила интерес. Это могло означать, что опасения Бобби выйти из моды отнюдь не беспочвенны — или всего лишь, что способность королевы сосредоточиваться несколько ослабла.

— Так о чём бишь я? Ах, да. Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, Хилди? Среди моего народа бытует традиция… ну-уу, может быть, она вовсе и не английская, но всё же это, чёрт побери, чья-то традиция, и вот какая: если кто-нибудь попросит тебя об услуге в день твоей коронации, ты выполнишь эту просьбу.

— Думаю, это традиция мафии.

— Правда? Ну, тогда, значит, это обычай твоего народа. Так что — проси! Только не слишком фантазируй, ладно? Я имею в виду, если это нечто очень дорогое, то забудь. Мне придётся расплачиваться за эту грёбаную пьянку-гулянку целых десять грёбаных лет! Но ничего. Это всего лишь деньги, не так ли? Но зато какая вечеринка… Правда?

— На самом деле, ты можешь кое-что для меня сделать.

Я уже собиралась сказать, что именно, но тут бармен принёс разобранную на составные части "Маргариту", а в голове у Лиз помещалась только одна мысль за раз. Она высыпала на стойку

гору соли, раскидала её, смочила края широкого бокала… в общем, сделала всё, что требовалось для сотворения чересчур крепкого коктейля, с непробиваемой сосредоточенностью бывалого выпивохи. Она знала своё дело, и вскоре я уже потягивала напиток, которого мне, по большому счёту, не хотелось.

— Так вот. Говори, что нужно, детка, и оно твоё. В пределах разумного.

— Если ты… скажем… если тебе захотелось бы поговорить с кем-нибудь, и ты хотела бы убедиться, что никто ваш разговор не подслушает… что бы ты стала делать? Как бы ты всё устроила?

Лиз нахмурилась так, что брови встопорщились. Казалось, она о чём-то напряжённо раздумывала, машинально водя рукой по рассыпанной перед ней соли.

— Вот это хороший вопрос… — бормотала она. — По-настоящему хороший. Даже не знаю, спрашивал ли кто-нибудь когда-нибудь меня о чём-нибудь подобном.

Она медленно перевела взгляд вниз, на соль, по которой написала пальцем: "ГК??" Я взглянула на неё и кивнула.

— Ты знаешь, какие теперь стали жучки. Не уверена, что найдётся такое место, которое нель-

зя было бы нашпиговать ими. Но вот что я тебе скажу. Я знаю пару-тройку спецов на студии, они собаку съели на этих вещах. Могу спросить у них и потом связаться с тобой.

Её рука стёрла первую надпись и вывела: "Скафандр". Я снова кивнула и увидела, что, несмотря на то, что она была, без сомнения, очень сильно пьяна, она прекрасно умела владеть собой. В её глазах сверкнула догадка, и я не была уверена, что мне это нравится. Во что же я собралась вляпаться, а?..

Мы ещё немного поговорили, и тем временем она написала по соли время и место встречи. Затем кто-то уселся рядом с ней и принялся ласкать её грудь. Она не стала скрывать, что ей нравится, и я решила не мешать, встала и вернулась на танцпол.

Протанцевала я ещё почти час, но на этот раз без прежнего удовольствия. Некий парень разыграл для меня целую пьесу, он был симпатичен, убедителен и оказался очень хорошим, сексапильным танцором — но в конечном счёте я почувствовала, что его стараний для меня недостаточно. Когда я не начинаю первой, то могу выбрать выжидательную позицию, и тогда меня очень трудно соблазнить. Но в конце концов я

дала свой телефон и сказала нечто вроде: "Через недельку звякни — там посмотрим..." — но мне показалось, что он, возможно, не станет звонить.

Я приняла душ, купила бумажную сорочку в раздевалке, кое-как добралась до остановки поезда и погрузилась в него. По дороге домой я заснула, и поезду пришлось меня будить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мне доводилось читать о похмелье. Хочешь, не хочешь, а поверишь, что те, кто писал о нём, сильно преувеличивали. Если бы даже одна десятая описанного была правдой, мне и то не хотелось бы испытать ничего подобного. Лекарство от похмелья было найдено ещё задолго до моего рождения, и даже без применения высоконаучных разработок, обошлись простой химией. Но порой я сомневаюсь, хорошая ли это была мысль. В глубине человеческой души почти с библейских времён хоронится убеждение, будто мы тем или иным образом должны расплачиваться за чрезмерное потакание своим слабостям. Но когда я начинаю так думать, рациональная сторона моего сознания быстро расправляется с подобной ересью. Мол, с таким же успехом можно желать, чтобы люди снова начали страдать геморроем!

Когда я проснулась на следующее утро после коронации, то ощутила во рту приятный вкус. Чересчур приятный…

— ГК, на связь! — промолвила я.

— Что я могу для тебя сделать?

— При чём здесь эта мята?

— Я подумал, мята тебе понравится. Могу сменить вкус.

— В мяте как таковой ничего плохого нет. Но просто это чрезвычайно странно — проснуться поутру и почувствовать во рту всё, что угодно, кроме… впрочем, тебе это всё равно ничего не скажет. Не знала, что составление вкусов — один из твоих талантов, но поверь мне на слово, твой поступок низок.

— Ты сама просила меня поработать над этим. Я так и сделал.

— Вот прямо так?

— Почему бы нет?

Я уже собиралась ответить, но тут Фокс зашевелился во сне и перевернулся на другой бок — так что я встала и ушла в санузел. Вытряхнула на ладонь таблетку для чистки зубов и принялась её разглядывать.

— Так это мне теперь не нужно?

— Нет. Оно отправилось на свалку истории вслед за зубной щёткой.

— И наука победным маршем двинулась вперёд… Знаешь, я привыкла к так называемому культурному потрясению — но не привыкла, чтобы оно случалось из-за меня.

— Обычно сами люди и становятся причиной

появления всех новшеств и изобретений.

— Ты повторяешься.

— Но никогда нельзя предсказать, когда именно человек найдёт время поработать над той или иной проблемой. А у меня теперь нет дара задавать подобные вопросы. Как ты можешь заметить, у меня не бывает дурного вкуса во рту по утрам, так с какой стати мне волноваться? Но у меня великое множество дополнительных возможностей, и когда поступают подобные запросы, я частенько подумываю над ними на досуге — и иногда нахожу решения. В данном случае я синтезировал нанобот, который подбирает у тебя во рту всё, что обычно гниёт там, пока ты спишь, и преобразует в субстанцию с приятным вкусом. Эти наноботы также очищают зубы от налёта и благотворно влияют на дёсны.

— Боюсь даже спросить, как ты подсунул мне подобную штуку.

— Добавил в источник воды. Понадобилось совсем чуть-чуть.

— Выходит, сегодня утром все жители Луны проснулись со вкусом мяты во рту?

— Можно выбрать один из шести восхитительных ароматов.

— Так ты теперь сам себе устраиваешь ре-

кламную кампанию? Сделай милость, не говори никому, что это я во всём виновата…

Я залезла под душ, и он включился, постепенно нагреваясь до тех пор, пока стало едва можно терпеть. "Никогда ничего не говори про душ, Хилди", — предостерегла я себя. Чёртов ГК вполне может изобрести способ чистить людскую шкуру без его помощи, а я наверняка с ума сойду, если лишусь утреннего душа. Я из тех, кто поёт в ванной. Любовники говорили мне, что удовольствия от моего пения мало, но главное, чтобы мне самой нравилось. Пока намыливалась, я беспрестанно думала о мире, наводнённом наноботами…

— ГК, что случится, если из моего тела повытаскивать всех этих микроскопических роботов?

— Это будет по меньшей мере непрактично.

— Ну, а если предположить, теоретически?

— Теоретически ты не проживёшь и года.

Мыло выпало у меня из рук. Не знаю, какого ответа я ждала, но явно не этого.

— Ты серьёзно?

— Ты спросила. Я ответил.

— Ну-уу… чёрт побери! Ты не можешь сказать такое и ничего не объяснить!

— Надо полагать, не могу. Тогда позволь по порядку перечислить причины. Во-первых, ты

подвержена раку. Миллиарды искусственных организмов денно и нощно работают, отыскивая по всему твоему телу опухоли и удаляя их. Каждый день они обнаруживают хоть одну. Если пустить всё на самотёк, рак скоро съест тебя заживо. Во-вторых, у тебя болезнь Альцгеймера.

— Это что ещё за чёрт?

— Синдром, связанный со старением. Проще говоря, он уничтожает клетки твоего мозга. Большинство людей в естественном состоянии по достижении столетнего возраста подхватывали эту болезнь. Вот тебе пример восстановительных работ, постоянно осуществляемых в твоём теле: поражённые мозговые клетки иссекаются и заменяются здоровыми, чтобы нейронная сеть не прерывалась. Ты бы уже много лет назад забыла, как тебя зовут и как добираться до дома. Болезнь начала проявляться примерно тогда, когда ты устроилась в "Вымя".

— Ха! Возможно, эти штучки не так хорошо справляются со своей работой, как ты думаешь. Это очень хорошо объяснило бы… впрочем, не важно. Есть что ещё?

— Болезнь лёгких. Воздух в коридорах и под куполами не совсем пригоден для здоровой жизни человека. В нём накапливаются отходы, из него

отфильтровывается не всё, что должно бы, поскольку заменить лёгкие куда дешевле и проще, чем как следует очистить воздух. Ты могла бы жить в климатическом парке, чтобы избежать вредоносного влияния, а я мог бы более тщательно фильтровать атмосферу в парках. Но и без того у тебя в лёгких каждый день восстанавливаются многие сотни альвеол. Без наноботов ты скоро начала бы ощущать их нехватку.

— Почему никто никогда не говорил мне обо всём этом?

— Какой смысл? Если бы поискала как следует, ты могла бы всё найти сама, это не секретная информация.

— Да, но… Я думала, подобные вещи управляются на генетическом уровне.

— Распространённое заблуждение. Гены, без сомнения, поддаются манипулированию, но показали себя устойчивыми к некоторым типам изменений… которые нельзя внести, не вызвав неприемлемые искажения человеческого тела и нарушения целостности облика.

— А попроще можно?

— Это очень трудно… Это может быть объяснено только в понятиях некоторых крайне сложных математических теорий, имеющих дело

с неупорядоченными действиями и химической голографией. Зачастую не существует какого-то одного гена, который отвечал бы за то или иное, плохое или хорошее, качество. Каждая характеристика — скорее результат взаимовлияния, производимого несколькими генами, иногда очень большим их количеством. Вмешательство в структуру одного гена приводит к непредвиденным побочным эффектам, а вмешательство в структуры всех зачастую невозможно без того, чтобы не вызвать нежелательные изменения. Плохие гены связаны таким образом столь же часто, сколь и хорошие. В твоём случае, если бы я искоренил дефектные гены, постоянно вызывающие образование раковых опухолей в твоём теле, ты перестала бы быть Хилди. Ты стала бы более здоровой, но не столь мудрой, и утратила бы множество навыков и особенностей восприятия, которые, я подозреваю, очень тебе дороги, какими бы непродуктивными и осложняющими жизнь они ни были с практической точки зрения.

— То, что делает меня мною.

— Да. Знаешь, в тебе есть многое, чего я не могу изменить, не затронув при этом твою… душу — это самое простое слово, которое можно здесь употребить, хотя его значение и туманно.

— Но это первое понятное слово, которое ты употребил.

Некоторое время я размышляла над услышанным — пока выключала душ, вылезала из ванны, истекая ручьями воды, тянулась за полотенцем и вытиралась насухо.

— По мне так, не имеет никакого смысла то, что вещи, подобные раку, заложены в генах. Это как будто направлено против выживания.

— С точки зрения эволюции любое явление, которое не убивает тебя прежде, чем ты выйдешь из детородного возраста, не способствует выживанию вида. Существует даже философское течение, которое утверждает, будто рак и ему подобные вещи служат на благо расы. Слишком успешные виды рискуют столкнуться с проблемой перенаселения. А рак убирает старых особей с дороги.

— Но теперь они никуда с дороги не уходят.

— Нет. И однажды это вырастет в проблему.

— Когда?

— Не волнуйся. Задай мне этот вопрос следующий раз, когда будем отмечать Трёхсотлетие. В качестве предупредительной меры, большие семьи отныне не приветствуются — это политика, прямо противоположная той, что господствовала

сразу после Вторжения.

Я хотела было расспросить об этом поподробнее, но взглянула на часы — и вынуждена была поторопиться, чтобы собраться вовремя и не опоздать на поезд.

* * *

База Спокойствия — одна из самых привлекательных для туристов достопримечательностей Луны, и причина этого — в её историческом значении, поскольку это первое место, где нога человека ступила на другую планету. Правда? Если вы действительно так думаете, возможно, мне удастся заинтересовать вас первоклассной недвижимостью на Ганимеде с великолепным видом на вулкан. На самом деле, всё по-настоящему привлекательное находится за горизонтом Базы Спокойствия и известно под названием "Парк Армстронга". Поскольку этот парк расположен на территории Планетарного Исторического Заповедника "Аполлон", Лунная торговая палата может с гордостью заявлять, что X миллионов людей каждый год посещают место первой высадки человека на Луне — но умалчивает, что рекламные проспекты зазывают на аттракционы, а не в лунные модули.

Впрочем, немалое число туристов из этих миллионов всё же находит время проехаться на поезде до самой базы и провести несколько минут за созерцанием всеми забытого маленького посадочного модуля, а потом за час торопливо обежать близлежащий музей, где выставлена большая часть списанного космического металлолома, скопившегося с 1960 года до времён Вторжения. Затем дети начинают ныть, что им скучно, к тому времени и родители тоже, вероятно, успевают заскучать — и все благополучно возвращаются в царство хот-догов с бешеной наценкой и отнюдь не дешёвых развлечений.

Добраться на поезде напрямую до базы нельзя. И это не случайно. Вас высаживают у подножия полыхающего всеми огнями тридцатиэтажного сооружения — одновременно рекламной вывески и входа в аттракцион под названием "Смертельный приступ". Рекламные проспекты ещё называют его "Величайшим Очкосжимателем в познанной части Вселенной". Однажды я поучаствовала в нём, вопреки собственной воле и здравому смыслу — и могу ручаться, что он покажет вам такие вещи, о которых не рассказывают в школе астронавтов! Это поезд на магнитной подвеске, который с ускорением в

шесть "же" падает по свободной траектории в десятый круг ада. Вам обеспечены один обморок и семь седых волос, или вы получите обратно деньги, потраченные на билет. На самом деле, горок для поездов тут две: "Тяжёлый припадок" и "Лёгкий припадок" — вторая, очевидно, для слабаков. Вагоны для "Тяжёлого припадка" моют струёй воды из шланга после каждой поездки. Если вы понимаете, в чём привлекательность подобного вида досуга, лучше не заявляйтесь ко мне домой с объяснениями. Я вооружена и очень опасна.

Я пробежала как можно скорее мимо вывески "30 000 000 (Только посчитайте!) Тридцать миллионов огней!" и заметила, что двухчасовая очередь на "Тяжёлый припадок" благоразумно отделена от билетных касс. Я добралась до поезда, курсировавшего между парком и базой, благополучно избежав уговоров и обольщений тысячи мелких торговцев всем чем угодно, начиная от надувных кукол с лицом Нейла Армстронга и кончая говорящими сувенирными точилками для сувенирных же карандашей. Я поднялась в вагон, отлепила от сидения кусочек сахарной ваты и уселась. На мне был одноразовый бумажный джемпер, так что какая разница?

Собственно База — это участок размером примерно с бейсбольное поле. Парни-астронавты никогда не отходили слишком далеко от корабля, так что сохранять более обширную площадку не было смысла. База окружена сооружением, напоминающим открытый стадион: четыре уровня смотровых площадок с окнами, обращёнными внутрь. На крыше последней из них расположен безвоздушный уровень.

Я протолкалась сквозь толпу туристов с Плутона, увлечённо снимавших всё подряд, и оказалась у пункта проката скафандров. О, боже…

Если бы мне когда-нибудь пришлось выбирать один пол на всю жизнь, я выбрала бы женский. Мне кажется, женское тело лучше сложено, и для него чуть получше обстоят дела с сексом. Но есть один момент, в котором тело женщины несомненно хуже мужского — я говорила об этом с другими людьми, как со сторонниками перемены пола, так и с убеждёнными женщинами, и девяносто пять процентов опрошенных со мной согласились. Этот момент — мочеиспускание. Мужчины попросту лучше к нему приспособлены. Сам процесс почище, поза более достойная, да и метод помогает развивать координацию рук и глаз, а заодно чувство творческого самовы-

ражения — например, путём написания своего имени на снегу.

Но какое мне, чёрт побери, дело до всего этого, правильно? Это никогда не создаёт по-настоящему серьёзных затруднений… до тех пор, пока не понадобится взять напрокат скафандр.

За почти три века инженерная мысль выработала три главных способа решения проблемы: катетер, отсасывающие устройства и… о, боже милосердный, подгузник. Некоторые рекомендуют четвёртый способ: воздержание. Попробуйте воспользоваться им, когда следующий раз отправитесь на двенадцатичасовую прогулку по лунной поверхности. До сих пор лучшим способом считается катетер. Он не причиняет боли, как и обещает реклама… но я терпеть его не могу. Он ощущается как нечто чужеродное. К тому же, катетеры, как и отсосы, имеют склонность выскакивать в неподходящий момент. Когда вам захочется посмеяться, посмотрите, как женщина пытается поставить свой "уролятор" на место. Её движения способны создать новую моду в танцах.

У меня никогда не было собственного скафандра. Зачем тратить деньги, если он нужен не чаще раза в год? Я брала множество скафандров

напрокат, и все они смердели. Не важно, как тщательно их стерилизуют, некоторые запахи от предыдущего владельца всё равно остаются. Они достаточно сильны в мужских скафандрах, но если хотите понять, что такое по-настоящему отвратительное амбре, наденьте женскую модель. Во всех них используются метод отсоса и подгузник для подстраховки. В таком месте, как База Спокойствия, где оборот скафандров большой, а наёмным работникам обычно мало платят, из-за чего они плохо разбираются в своих обязанностях и относятся к ним небрежно, некоторые тонкости время от времени упускают из виду. Однажды мне всучили откровенно мокрый скафандр.

Так вот, я сунулась в скафандр и тщательно обнюхала его. Оказалось не всё так ужасно, хотя освежитель был дешёвый и пахнул чересчур очевидно. Я натянула скафандр и, пока обслуживающий персонал наскоро проверял его, вспомнила другую причину, по которой мне не нравится метод отсоса. Весь этот поток воздуха через нежное место просто зверски его холодит.

Существуют хирургические способы улучшения женского мочеиспускания, но я нахожу их уродливыми — к тому же, они имеют смысл только для тех, кого работа заставляет регуляр-

но вылезать на поверхность Луны. А нам, всем остальным, остаётся только дышать неглубоко и терпеть, и стараться пить поменьше кофе перед экскурсией.

Через воздушный шлюз я попала на крышу, где было не слишком-то многолюдно. Я нашла местечко у поручней подальше от всех посетителей и принялась ждать. Я отключила в своём скафандре радио и вообще всё, кроме аварийного радиомаяка, и спросила:

— ГК, а что я выручу за это?

У ГК очень хорошо получается возобновлять разговоры, прерванные несколько часов, недель и даже лет назад, но на этот раз мой вопрос был чересчур расплывчат. И всё же он замечательно угадал:

— Ты об утреннем туалете рта?

— Да. Я всё обдумала. Ты проделал работу, но потом отдал её результат, не спросив моего совета. Есть ли какой-нибудь способ заработать на этом?

— Изобретение классифицировали как оздоравливающее, так что стоимость его производства будет добавлена к медицинскому налогу, который платят все на Луне. Плюс небольшая прибыль, которая пойдёт тебе. Но она тебя не обогатит.

— И никому не позволено выбирать. Ты получаешь наноботы, хочешь того или нет.

— На случай возражений я разработал нанобот нейтрализующего действия. Но до сих пор никто не возражал.

— И всё же для меня это по-прежнему звучит как заговор. Если питьевая вода нечиста, то что чисто?

— Хилди, в городском водопроводе Кинг-сити столько всего, что воду практически можно притягивать магнитом.

— И все эти добавки ради нашего же блага.

— Похоже, ты сегодня не в настроении.

— С чего бы? Во рту у меня чудесно!

— Если хочешь знать, нововведение одобрено более чем девяноста девятью процентами населения. Тем не менее, наиболее предпочитаемый аромат — нейтральный с лёгким оттенком мяты. И ещё обнаружилось неожиданное преимущество: благотворное воздействие продолжается целый день.

"А ведь он победил запах изо рта", — мрачно осознала я. Как мне к этому относиться? Радоваться? Я вспомнила, как Лиз прошлой ночью обдавала меня кислым перегаром джина… Неужели даже у пьяниц дыхание должно быть свежим, как у мла-

денца? Я была чертовски уверена, что нет, в этом вопросе я была упряма, как вздорная старуха, ответ был очевиден даже мне. Но, чёрт побери, я ведь и есть старуха, и частенько бываю вздорной. Я давно заметила, что с возрастом становлюсь всё менее терпимой к переменам, будь они к лучшему или к худшему.

— А каким образом ты меня слышишь? — спросила я, пока размышления о вечно меняющемся мире не погрузили меня в слишком уж мрачную пучину.

— Радио, которое ты отключила, служит для связи между скафандрами. Но твой скафандр также отслеживает твои жизненные показатели и при необходимости передаёт их. А когда ты пользуешься голосовым доступом, он определяется как экстренный вызов, хотя и не требующий помощи.

— Так что я никогда не выпадаю из-под защитного покрова твоей вечной бдительности.

— Он обеспечивает твою безопасность, — ответил ГК, и я приказала ему убираться.

* * *

Когда Армстронг и Олдрин отбыли с миром навстречу всему человечеству, представлялось,

что место их приземления будет оставаться неизменным в космическом вакууме хоть миллион лет, если потребуется. И неважно, что при взлёте реактивная струя опрокинула флаг и сорвала золотую фольгу с площадки приземления. Следы астронавтов должны были по-прежнему остаться нетронутыми. И они остались. Сотни следов складываются в безумные узоры в пыли, ведут прочь от посадочного модуля, возвращаются к нему, и ни один не достигает галереи для посетителей. Никаких других следов не видно. Смотрители музея почти ничего не изменили в историческом месте, только заново установили флаг и подвесили на невидимых тросах, в сотне футов над площадкой приземления, ракетную ступень. Это не настоящая ступень с "Аполлона-11", подлинник давно был брошен на орбите и разбился.

Но зачастую вещи не таковы, какими кажутся.

Нигде в свободном доступе вы не найдёте книг, ни на одной поясняющей табличке и ни в одном аудиовизуальном сопровождении музейных экспозиций не встретите упоминания о той ночи сто восемьдесят лет назад, когда десять студен-

тов из братства "Дельта Хи Дельта"[41] Лунного филиала Университета прикатили на базу на велосипедах. Прошло совсем немного времени после Вторжения, и тогда это место не охранялось так, как сейчас. Посадочная площадка была отгорожена обычными канатами, даже центра для посетителей не существовало — первое время после Вторжения лунным жителям было не до подобной роскоши.

Дельтовцы опрокинули посадочный модуль и оттащили футов на двенадцать в сторону. Колёса их велосипедов затёрли большую часть следов. Ребята собирались стащить флаг и повесить у себя в общежитии… но один из них вылетел из седла, разбил стекло гермошлема и присоединился к хору молящихся за нас на небесах. В то время скафандры не были такими прочными, как сейчас, и подвижные игры в них оказались неудачной затеей.

Но не стоит волноваться. Базу Спокойствия описывает больше документов, чем любое другое явление за всю историю истории. Существуют де-

---

[41] Примечания: 41

Братства — студенческие организации, занимающиеся учебными, профессиональными и внеаудиторными делами. Название подобных организаций обычно состоит из трёх букв древнегреческого алфавита.

сятки тысяч фотографий, в том числе прекрасно детализированные снимки с орбиты. Команды студентов-селенографов потратили целый год на восстановление базы. Каждый квадратный метр её территории тщательно исследовался, велись жаркие споры о том, в каком порядке оставлены какие следы, затем два парня вышли на поверхность в обуви, повторявшей рисунок на подошвах ботинок скафандров с "Аполлона", и потоптались вокруг. Каждый их шаг замерялся лазером, а когда они закончили следить, их подняли лебёдками. Раз, два — и готово! Можно выдавать историческую реконструкцию за подлинник. Это не секрет, но знают о нём очень немногие. Наведите справки сами.

Я почувствовала, как чья-то рука включила радио на моём скафандре.

— Надо же, ты тоже здесь! — раздался голос Лиз.

— Какое совпадение! — подыграла я, помня, что ГК всё слышит.

Королева пристроилась рядом со мной, так же облокотившись на перила и устремив взгляд на лунную равнину. На противоположной стороне круглой галереи для посетителей я различила тысячи людей, смотревших на нас через стекло.

— Я частенько бываю тут, — сообщила Лиз. — А ты согласилась бы отправиться за полмиллиона миль в этакой жестяной игрушке?

— Я в ней и полуметра бы не проехала. Уж лучше путешествовать на детском попрыгунчике.

— В те дни жили настоящие мужчины! Ты когда-нибудь об этом задумывалась? На что это было похоже? Они едва могли повернуться в этой посудине. Один из них сумел дотянуть до Земли даже наполовину развороченный взрывом корабль.

— Да. Об этом я думала. Хотя, быть может, не так много, как ты.

— Так подумай ещё раз! Знаешь, кто был настоящим героем? Как я считаю? Добрый старина Майк Коллинз, несчастный болван, что проторчал всё время на орбите. Тот, кто разрабатывал план высадки, забыл как следует продумать его роль. Предположим, что-то пошло не так, предположим, модуль разбился и двое других мгновенно погибли. И Коллинз остался один-одинёшенек на орбите, предоставленный самому себе. Как ты себе представляешь, как с этим справиться? Никакой торжественной встречи Майк не дождался бы. Его уделом стало бы в лучшем случае присутствовать на поминальной службе, а потом

до конца дней своих жалеть, что не погиб вместе с товарищами. Славу козла отпущения целой нации — вот что бы он заслужил.

— Да, это мне в голову не приходило.

— Но предположим, всё сложилось удачно — и действительно сложилось, хотя я до сих пор не представляю, как — и чьим же именем назвали Планетарный Парк? Разумеется, в честь парня, который так испоганил "первую речь" с лунной поверхности[42].

— Думаю, она просто исказилась при передаче.

— Я тебя умоляю! Само собой, если бы мне пришлось произносить речь, зная, что два миллиарда людей ловят каждое слово, я бы тоже могла напортачить. Это, наверное, было пострашней, чем думать о смерти — в любом случае, умирать не так страшно, когда знаешь, что на твою смерть все смотрят, и надеешься, что если экспедиция провалится, то не по твоей вине. Этот маленький

---

[42] Примечания: 42

Ступив левой ногой на поверхность Луны, Армстронг произнёс фразу, которую переводят следующим образом: "Это маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества". Однако астронавт пропустил артикль "a" перед словом "man", из-за чего фраза сделалась противоречивой: "man" без артикля означает то же, что "mankind", то есть именно всё человечество. Впоследствии Армстронг оправдывался, что частенько глотает слоги даже в обычной речи, а уж тем более не сумел избежать этого в такой ответственный момент, и убеждал цитировать его слова с добавлением пропущенного артикля в скобках — That" s one small step for (a) man, one giant leap for mankind.

опыт обошёлся в двадцать, тридцать миллиардов долларов — и в то время, когда миллиард ещё считался крупной суммой.

Для меня миллиард по-прежнему считался крупной суммой, но я не стала прерывать болтовню Лиз. Это было её шоу — она привела меня сюда, зная только, что мне нужно кое-что сказать ей по секрету от ГК. Я была в её власти.

— Пойдем, прогуляемся, — предложила она и устремилась прочь. Я поспешила догнать её и запрыгала по нескончаемым лестничным пролётам вниз, на поверхность.

Снаружи Луны можно преодолеть огромные расстояния за совсем короткое время. Лучший способ передвижения — прыжки с пятки на носок, чуть разворачивая ноги в стороны. Нет смысла выпрыгивать слишком высоко, это пустая трата сил.

Я знаю, что на Луне до сих пор есть места, где нетронутая пыль простирается на необозримые пространства. Таких мест немного, но они остались. Недра моей родной планеты не слишком богаты, все интересные места были рассмотрены и нанесены на карту ещё с орбиты, так что нет особых поводов забредать в самые отдалённые районы. Отдалённые в том смысле, что они дале-

ки от центров расселения людей, а так-то в любую точку лунной поверхности легко попасть на спускаемом аппарате или гусеничном вездеходе.

Везде, где мне довелось побывать, поверхность выглядела очень похоже на территорию вокруг Базы Спокойствия: следов на ней так много, что начинаешь недоумевать, куда же делась та толпа, что их оставила — поскольку вокруг в большинстве случаев нет ни души, кроме тех, с кем ты путешествуешь. Дело в том, что с Луны никогда и ничто не исчезает. Люди постоянно живут на ней вот уже почти два с половиной века. И каждый раз, как кто-нибудь выходит прогуляться или выбрасывает пустой кислородный баллон, свидетельство этого остаётся до сих пор — так что место, куда раз в три-четыре года приходит не больше двух человек, выглядит так, словно по нему совсем недавно прошли сотни людей. А Базу Спокойствия посещает куда больше народа. Здесь нет ни одного квадратного миллиметра непотревоженной пыли, а слой мусора такой толстый, что его периодически сгребают в кучи. Мне попались на глаза жестянки из-под пива сто- и пятидесятилетней давности по соседству с банками, которыми торгуют в Парке Армстронга в наши дни.

Стоит пройти чуть дальше, и хлама становится поменьше. Следы постепенно сливаются в стихийные тропинки. Думаю, в людях сильно стадное чувство, даже если и стада никакого нет, и местность такая плоская, что совершенно нет разницы, куда идти.

— Прошлой ночью ты отчалила слишком рано, — сказала Лиз, и из-за радио это прозвучало так, будто она стояла рядом со мной, тогда как её фигура виднелась метрах в двадцати впереди меня. — Как раз началось небольшое оживление.

— Я думала, и так было достаточно оживлённо, пока я была там.

— Тогда ты наверняка видела, как герцог Боснии устроил заварушку с чашей для пунша.

— Нет, это я пропустила. Но чуть раньше ввязалась в небольшую заварушку с ним самим.

— Так это ты была? Тогда всё из-за тебя! Он безумно разозлился. Очевидно, ты мало покусала и поцарапала его — он ведь воображает, что если не лишился одного-двух кило плоти после скачки на простынях, то его партнёрша недостаточно старалась.

— Он не жаловался.

— И не стал бы. Клянусь, я думаю, мы с ним родственники, но он такой тупица! Господь отмерил

ему мозгов меньше, чем отвёртке для левшей. После твоего отъезда он упился в зюзю и решил, что кто-то подсыпал яду ему в пунш. Схватил чашу, перевернул вверх дном и принялся колотить ею людей по головам. Мне пришлось вмешаться и вырубить его.

— Интересные у тебя вечеринки…

— Да, не правда ли? Но я не об этом собиралась тебе рассказать. Мы так здорово веселились, что совсем забыли про подарки, так что в конце концов я созвала всех в кружок и стала разворачивать дары.

— Ты получила что-нибудь миленькое?

— Ну-уу, у некоторых дарителей хватило ума прилепить к коробке квитанцию. Я смогу хоть немного возместить расходы. Так вот, на одном из подарков было написано, что он от графа Донегольского[43] — мне следовало бы насторожиться, но что я знаю об этом треклятом Соединённом Королевстве? Я подумала, что Донегол — провинция Уэльса или нечто в этом роде. Я знала, что не знакома с этим графом, но разве всех упомнишь? Открыла подарок, а он оказался от неисправимых шутников — ирландских республиканцев!

---

[43] Примечания: 43
Донегол — графство на севере Ирландии.

— О, нет…

— С давних пор их клан враждует с моим. Я и моргнуть не успела, как мы все оказались вымазаны зелёной дрянью — понятия не имею, откуда её берут, зато теперь знаю, чем она пахнет. На том вечеринка и закончилась. Вот прямо так. Впрочем, всё равно мне пришлось отправлять половину гостей по домам, как багаж.

— Ненавижу этих придурков! В день Святого Патрика никуда присесть нельзя, чтобы не обнаружить под собой зелёную подушку-пердушку.

— Думаешь, тебе так плохо? Каждый писюн в Кинг-сити считает своим долгом семнадцатого марта разрядить в меня пистолет, чтобы потом хвастаться друзьям, как он лихо всадил пулю в кровавую принцессу Уэльскую. А дальше будет ещё хуже…

— Да, тяжела ты, шапка Мономаха…

— Ничего, я им всем надаю по башке. Я знаю, где живёт Пэдди Флинн, и покажу ему, даже если у мэра, да и у всего треклятого муниципального совета губа лопнет, как у зайца.

Мне пришло в голову, что не каждый день встретишь столь колоритную личность, как новая королева. Который раз я задалась вопросом, что я здесь делаю. Оглянулась назад и увидела,

что четырёхэтажная постройка-стадион вокруг места приземления вот-вот скроется за горизонтом. Когда скроется, тут легко будет потеряться. Не то чтобы это меня обеспокоило… В скафандр встроено около семнадцати различных видов сигнализации и устройств обнаружения, а ещё компас и, возможно, вещи, о которых я даже не догадываюсь. Вовсе ни к чему вспоминать туристические приёмчики — замечать, в какую сторону ложится твоя тень, и тому подобное…

Но ощущение одиночества слегка угнетало.

Да и были мы на самом деле вовсе не одиноки. Я заметила ещё одну компанию любителей пеших прогулок на гребне невысокого холма слева от нас. Где-то вверху вспыхнул свет, я подняла голову и увидела, как один из поездов "Тяжёлого припадка" описывает дугу над нами в свободном полёте — на одном из опасных участков своей трассы. Он кружился веретеном — этот манёвр я помню особенно живо, поскольку сидела в головном вагоне. Точнее, свисала на ремнях безопасности и наблюдала, как лунная поверхность каждые две секунды принимается вертеться волчком. И вдруг большой ком полупереваренных карамельных зёрнышек и лакричных леденцов размазался по стеклу прямо передо мной, едва не зацепив меня

по шее. В тот момент я пожалела обо всём, что съела за последние шесть лет, и задумалась, не увижу ли я вскоре добрую порцию этой пищи по соседству с остатками сладкого пиршества на стекле. И то, что я смогла удержать всё в себе, было самым удивительным, что мне когда-либо удалось сделать.

— Ты когда-нибудь каталась на этой чёртовой штуке? — спросила Лиз. — Я пробую раз в пару лет, когда на душе становится совсем противно. Клянусь, в первый раз мне показалось, что я втянула задницей дюймов шесть резинового наполнителя из сидения. А потом было уже не так плохо. Примерно как клизма, обмотанная колючей проволокой.

Я не ответила — не уверена, что знаю, как именно можно ответить на подобные слова — а она остановилась в ожидании, пока я подтянусь. В левой руке у неё появился небольшой приборчик, она стала нажимать на кнопки, и я увидела, как вспыхнул узор из лампочек, по большей части красных. Затем они одна за другой сменились на зелёные. Когда зелёным засветилась вся панель, Лиз открыла лючок для технического обслуживания на груди моего скафандра и внимательно изучила, что там внутри. Нажала

ещё пару кнопок, выпрямилась и показала мне большие пальцы. Потом повесила свой прибор за ремешок мне на шею, упёрла руки в бока и взглянула на меня:

— Ну что, ты хотела поговорить так, чтобы никто не подслушал. Валяй, детка!

— А что это за штуковина?

— Глушилка. То есть она искажает все сигналы, что посылает твой скафандр, но не настолько, чтобы за тобой выслали поисковую партию. Машины на орбите и в глубине планеты получают нужные им сигналы — но не настоящие, а те, которые подсовываю я. Здесь нельзя просто шагнуть в сторону и обрубить все навороченные меры безопасности. Сигнал от тебя всё равно исходит, и он сам по себе — как экстренный вызов. Но теперь никто не может нас услышать, положись на мое слово.

— А если с нами по-настоящему случится нечто серьёзное?

— Я как раз собиралась сказать: не распахивайся настежь, если хочешь оставаться на шаг впереди тех, кто несёт твой гроб. Так что у тебя на уме?

И опять я почувствовала, как трудно начать. Я знала, стоит только произнести первые слова — и

дальше пойдёт более-менее легко, но над этими самыми первыми словами я мучилась больше, чем любой начинающий писатель. Еле смогла уклончиво сообщить:

— Это может занять некоторое время.

— Сегодня у меня выходной. Давай же, Хилди! Я люблю тебя, но раскрой наконец свои карты.

* * *

Итак, я в третий раз пересказала литанию своим страстям. Подобные вещи с каждой новой попытки получаются всё лучше. На этот раз рассказ не оказался таким длинным, как для Калли или Фокса. Лиз шагала рядом, не говоря ни слова, и только возвращала меня на некий маршрут, которым следовала, когда я сбивалась с пути.

Дело в том, что на этот раз я решила начать повествование с того, с чего ему, по логике, полагалось бы начинаться первые два раза: с двух моих попыток самоубийства. И мне было немного легче рассказать об этом человеку, которого я как следует не знала — но всё равно трудно. Я была благодарна Лиз, что она до самого конца не проронила ни слова. Не думаю, что смогла бы вынести в тот момент хоть одно из её невероятных колоритных словечек.

После того как я закончила, она ещё несколько минут хранила молчание. И на меня, как и раньше, снизошёл один из редких моментов душевного покоя, в благодарность за облегчение души.

Лиз не так любит жестикулировать, как итальянцы, но и ей нравится размахивать руками во время разговора. В скафандре невозможность следовать этой привычке удручает. Столь многие жесты и нервные движения включают прикосновение к голове или телу, а скафандр не даёт до них дотянуться. Лиз выглядела так, будто мечтала прикусить сгиб пальца или потереть лоб. Наконец, обернулась и скосила на меня подозрительный взгляд:

— Зачем ты пришла ко мне?

— Я не ждала от тебя решения моих проблем, если ты это имеешь в виду.

— Ты правильно поняла. Ты достаточно сильно мне нравишься, Хилди, но, если честно, мне всё равно, убьёшь ли ты себя. Если хочешь убить, убей. Но не думаю, что мне понравилось бы, попытайся ты использовать для этого меня.

— Извини, что заставила тебя подозревать подобное, но мне даже в голову не приходило сделать это. И я до сих пор не уверена, рассчитываю

ли на это даже подсознательно.

— Ладно, не важно, всё в порядке.

— А слышала я о тебе вот что, — заговорила я, стараясь изложить мысль поделикатней, — мол, если нужно достать кое-что, о чём известно, что оно не вполне законно, то за этим можно обратиться к Лиз.

— Так ты это слышала, да? — выпалила она, показав зубы, но отнюдь не в улыбке.

Она выглядела очень опасной — и была опасна. Как же легко ей подстроить несчастный случай здесь, в пустынном месте, и как бессильна я ей помешать… Но угрожающий вид она приняла лишь на долю секунды, и вскоре на её лицо вернулось обычное приветливое выражение. Она пожала плечами:

— Тебе всё верно сказали. Я думала, мы идём сюда именно за этим — провернуть одно дельце. Но после того, что ты только что рассказала, я тебе не продам.

— Я рассуждала следующим образом, — начала я, недоумевая, чем таким она торгует, — если ты привыкла проворачивать незаконные сделки, заниматься чем-либо, о чём не слышит ГК, то у тебя должны быть способы скрывать свои действия.

— А, теперь поняла. Разумеется. И это — один

из них.

Лиз медленно покачала головой и в раздумье описала небольшой кружок.

— Вот что я скажу тебе, Хилди. Мне доводилось видеть родео, трёхголового человека и то, как утка пердит под водой, но это — самая безумная вещь, с которой я когда-либо сталкивалась. Это меняет все правила.

— Ты о чём?

— О куче всего. Я никогда не слышала о том, что память можно обмануть. Попробую разузнать побольше, когда вернёмся. Говоришь, это не секрет?

— Так сказал ГК, и мой друг тоже слышал о подобном методе.

— Ну-уу… впрочем, не это нам на самом деле важно. Это непотребство, но я не знаю, что могу с этим поделать, и не думаю, что это на самом деле меня касается. Во всяком случае, надеюсь, что нет. Но то, что ты рассказала о том, как ГК спас тебя, когда ты пыталась покончить с собой в собственном доме… Есть одна вещь, главным образом благодаря которой я до сих пор разгуливаю на свободе. Мы, торговцы, называем её Четвёртой Поправкой. Это серия компьютерных программ, которая…

— Я слышала это название.

— Так вот. Которая занимается розыском и накладывает аресты. Это всемогущий и всепроникающий компьютер, который, если мы предоставим ему свободу действий, превратит Большого Брата в подобие моей незамужней тётушки Вики, которая подслушивает под дверьми спален, прислонив к двери чашку и прижавшись к ней ухом. Сопоставь это с тем фактом, что каждому есть что скрывать, у каждого есть нечто, о чём лучше бы никому другому не знать, даже если в этом нет ничего незаконного. У каждого есть милое маленькое право на частную жизнь. Думаю, нас спасло то, что людям, писавшим законы, тоже было что скрывать, как и нам, всем остальным. Так вот, мы в нашем… кхм… "преступном подполье" делаем вот что: избавляемся от лишних глаз и ушей в наших собственных домах — и прямо там занимаемся своими делишками. Мы знаем, что ГК подслушивает и подсматривает, но не та его часть, которая распечатывает ордера на арест и стучится в двери.

— И это срабатывает?

— До сих пор срабатывало. Если вдуматься, это звучит неправдоподобно, но я большую часть жизни ввязывалась в неприятности и

выпутывалась из них с помощью именно этого метода… главным образом связывая ГК его же собственным словом, раз уж ты сейчас об этом упомянула.

— Звучит рискованно…

— А то! Но за всю жизнь я ни разу не слышала ни об одном случае, когда бы ГК использовал улики, полученные незаконным путём. И я говорю не только об арестах. Я говорю о выстраивании правдоподобного уголовного дела и выдаче ордеров — о ключевых моментах всей работы по розыску и задержанию преступников. В одном из своих воплощений ГК слышит нечто, что можно было бы вменить человеку в вину — или, по крайней мере, чего было бы достаточно судье для выдачи предписания о розыске или об устранении ошибки. Но ГК не докладывает сам себе обо всём, что знает — если ты понимаешь, о чём я. Он разделён на сегменты. Когда я говорю с ним, он знает, что я творю беззакония, и я знаю, что это ему известно. Но та часть его сознания, что общается со мной, не сообщает то, что ей известно, его законотворческой и оперативно-розыскной части.

Мы прошли чуть дальше, обе занятые обдумыванием сказанного Лиз. Я заметила, что мои откровения заставили её почувствовать себя

крайне неуютно. Я бы на её месте тоже занервничала. Я никогда не совершала ничего более серьёзного, чем нарушение общественного порядка: попасться слишком легко, да мне никогда особо и не хотелось заниматься ничем противозаконным. Да и, чёрт побери, на Луне не так много вещей считаются по-настоящему незаконными. Большинство поступков, за которые в девяноста девяти процентах случаев можно было получить срок в прошлом — употребление наркотиков, проституция и азартные игры — а также организации, которые помогали несознательным гражданам предаваться этим порокам — на Луне все являются неотъемлемыми правами человека. А насилие, не приводящее к смерти, — это просто насилие, за которое назначают штраф.

Большая же часть преступлений, за которые по-прежнему преследовали по всей строгости закона, была так отвратна, что мне даже думать о них не хотелось. И в который раз я задалась вопросом: во что такое впуталась королева Англии, что именно превратило её в "нужного человечка"?..

Самые большие проблемы блюстителям порядка на Луне создавало воровство того или иного рода. До тех пор, пока не спустим ГК с цепи, мы наверняка так и будем друг у друга тибрить, лям-

зить, тащить и хапать. За исключением нечистых рук, мы — вполне законопослушное общество… правда, добились мы этого путём снижения числа запрещающих законов до уровня ниже некуда.

Тут снова заговорила Лиз, откликаясь на мои собственные мысли:

— Знаешь, преступность ведь — не такая уж серьёзная проблема. Иначе гражданское население в своей великой мудрости потребовало бы заключения самого себя в некое подобие электронной клетки — к чему, я всегда опасалась, мы в конце концов рано или поздно придём. И всё, что для этого потребовалось бы, — это переписать несколько программ. Тогда нас ждёт грандиозная облава, величайшая с тех пор, как Джон Уэйн[44] отогнал своё стадо в Эйбилин[45]. И, знаешь, это

---

[44] Примечания: 44

Джон Уэйн (1907–1979), американский актёр, режиссёр, продюсер. Настоящие имя и фамилия — Мэрион Майкл Моррисон. Уэйн настолько слился со своим образом первопроходца Дикого Запада, что почти невозможно отделить актёра от его героев.

В 1939 г. Уэйн снялся в роли Ринго Кида в фордовском "Дилижансе" (Stagecoach) — самом знаменитом вестерне в истории кино. И тогда же начал твориться миф о нём. В 1969 г. актер получил единственный в своей жизни "Оскар" за роль Рустера Когбурна, одноглазого помощника шерифа в "Настоящей выдержке" (True Grit) Генри Хатауэя. Хотя лучшей картиной заключительного десятилетия его карьеры была вообще последняя в жизни — "Стрелок" (The Shootist, 1976) Дона Сигела, в которой он сыграл по сути дела самого себя: умирающего солдата, накануне смерти начинающего осмысливать свою жизнь и свою легенду.

[45] Примечания: 45

Эйбилин (Abilene) — город в штате Техас (США), место действия большинства вестернов.

может случиться со дня на день. Где-то за миллисекунду ГК распоётся перед копами, что твоя канарейка, и секунды три спустя они уже смогут распечатать ордера на аресты. Вот только в чём загвоздка, — Лиз рассмеялась, — у нас наверняка не хватит копов, чтобы всех арестовать, и тем более не найдётся достаточно тюрем, чтобы пойманных посадить. А так можно распутать любое преступление со времён Вторжения. Ум за разум заходит, стоит только об этом подумать.

— Не думаю, что это случится, — возразила я.

— Нет, если всё как следует обдумать, всё, что ГК делает с тобой, — это и впрямь для твоего же блага, хоть я подобных гадостей и не перевариваю. Я имею в виду, самоубийство — наше гражданское право, разве не так? И какого чёрта этот хрен спасал тебе жизнь?

— Честно говоря, как ни противно в этом признаваться, но я рада, что он меня спас.

— Ну-уу… я бы тоже обрадовалась, но, знаешь ли, тут дело принципа. Послушай, тебе следует знать, что я не собираюсь молчать об услышанном. Ага? В смысле, расскажу всем моим друзьям? Не называя, разумеется, твоего имени.

— Конечно, расскажи! Я знала, что ты захочешь.

— Возможно, мы должны как следует подстраховаться. Не могу представить, что можно было бы сделать прямо сейчас, но у меня есть пара-тройка друзей, которые наверняка захотят поломать над этим голову. Думаю, ты понимаешь, что тут самое страшное. Он нарушил основную программу. И если смог сделать это один раз, сделает и в другой.

— Поймать тебя и вылечить от твоих преступных наклонностей может рассматриваться как… скажем, нечто ради твоего же блага.

— Вот именно, вот как раз к тому и ведёт этот дерьмовый образ мыслей! Дай им палец, и они всю руку отхватят.

Далеко впереди снова показалась галерея для посетителей. Мы возвращались. Лиз остановилась и принялась чертить носком обуви бессмысленные узоры в пыли. Я вообразила, что ей хочется ещё что-то мне сказать, и почувствовала, что она вот-вот нарушит молчание. Я задрала голову и снова увидела несущийся по крутой дуге поезд аттракциона. Лиз подняла на меня глаза:

— Так вот… причину, по которой ты хотела узнать, как обойти ГК, ты мне так и не назвала. Это было…

— Не для того, чтобы убить себя.

— Я должна была спросить.

— Не могу назвать ни одной конкретной причины. Я не сделала достаточно… то есть, я не чувствую, что сделала достаточно, чтобы…

— Выставить руки навстречу морю неприятностей и одним толчком разделаться с ними?

— Вроде того. Я живу, как во сне, с тех пор, как это случилось. И чувствую, что обязательно должна что-то с этим поделать.

— Обсудить проблему — уже значит кое-что сделать. Быть может, всё, что ты можешь сделать, кроме… сама знаешь чего, это не падать духом. Легко сказать…

— Да уж… Как бороться с упорными приступами стремления к самоубийству? Я даже сказать не могу, откуда оно берётся. Я не ощущаю настолько сильной депрессии. Но иногда мне хочется просто… стукнуть по чему-нибудь.

— Например, по мне.

— Извини.

— Ты поплатилась за это. Чёрт побери, Хилди, я представить себе не могу, что бы я другого сделала, кроме того, о чём ты мне сказала. Просто не могу.

— А я… я чувствую, что не должна сидеть сложа руки! Ведь есть и другая сторона всего этого… На-

силие. Я хотела узнать, возможно ли укрыться от глаз и ушей ГК. Потому что… я не хочу, чтобы он подсматривал, если я вдруг, знаешь, сделаю это снова, чёрт его возьми, я вообще не хочу, чтобы он на меня смотрел, пусть он убирается из моего тела, из моего мозга, прочь из моей проклятой жизни, потому что мне не нравится быть его подопытным животным!

Лиз положила руку мне на плечо, и я осознала, что ору во всё горло. Это меня разозлило, хотя я знаю, что не должно было — ведь это был всего лишь жест дружбы и участия… но жалость — это последнее, чего хочет от вас искалеченный человек. Он хочет даже не вашей симпатии — он просто хочет снова стать нормальным, таким же, как все. Любое проявление сострадания для него — как пощёчина, как напоминание, что у него не всё в порядке. Так идите же к чёрту со своей симпатией, к дьяволу ваше участие, как смеете вы стоять надо мной, здоровые и совершенные, и предлагать помощь, а вместе с ней — скрытое превосходство?!

Да, да, всё верно, Хилди, но если ты такая независимая, как же ты можешь выворачивать себя наизнанку перед первым встречным?

Я едва знала Лиз. И знала, что я не права, но

мне всё же стоило усилий прикусить язык и не рявкнуть на неё: "Убери от меня свои вонючие лапы!" Нечто подобное мне уже раз пять или шесть хотелось бросить Фоксу. Рано или поздно я перестану сдерживаться и скажу это, спущу на него всех собак, и тогда он, наверное, уйдёт. Я снова останусь одна.

— Тебе придётся рассказать мне, как это всё обнаружилось, — попросила Лиз.

И я расслабилась. Она могла бы предложить помощь, и мы обе знали бы, что это была бы ложь. А простое любопытство насчёт того, как вся история выплыла наружу, я могла принять. Лиз посмотрела на стены центра для посетителей и изрекла:

— Думаю, пришло время мочиться в костёр и созывать собак.

Она потянулась к радио-глушилке.

— У меня остался ещё один вопрос, — поспешно сказала я.

— Валяй.

— Не отвечай, если не хочешь. Но чем таким незаконным ты занимаешься?

— А ты коп?

— Что? Нет.

— Знаю. Мне пришлось тебя проверить, ты не

работаешь в полиции, и друзей среди копов у тебя нет.

— Парочку из них я довольно хорошо знаю.

— Но ты с ними не зависаешь в барах. В любом случае, даже если бы ты была копом и сказала, что ты не коп, твои показания будут недействительны, и твоё отрицание записано у меня на плёнке. Не делай такие удивлённые глаза, мне приходится защищать себя!

— Возможно, мне не следовало спрашивать…

— Я не сержусь, — она вздохнула и пнула жестянку из-под пива. — Вряд ли многие преступники думают о себе как о преступниках. В смысле, они не просыпаются по утрам и не говорят: "Кажется, сегодня удачный день, чтобы нарушить пару-тройку законов!" Я знаю, что занимаюсь противозаконными делами, но для меня это — дело принципа. То, что мы, отчаянные, называем Второй Поправкой.

— Прости, я не сильна в американской конституции. О чём эта поправка?

— Об огнестрельном оружии.

Я постаралась сохранить безразличное выражение лица. Сказать по правде, я боялась чего-либо куда худшего, чем это.

— Выходит, ты занимаешься контрабандой

оружия.

— Я твёрдо верю, что право быть вооружённым — одно из основных прав человека. Лунное правительство с этим решительно не согласно. Я думала, ты именно поэтому хотела со мной поговорить — чтобы купить пистолет. Я привела тебя сюда, потому что тут у меня их зарыто несколько штук в радиусе пары-тройки километров.

— И ты бы продала мне один из них? Просто дала в руки?

— Ну-уу, я могла бы сказать тебе, где нужно копать.

— Но как тебе удалось зарыть их? Пока ты на поверхности, за тобой всё время следят спутники.

— Если не возражаешь, я не стала бы раскрывать коммерческие тайны.

— О, разумеется, я просто…

— Да всё в порядке, ты ведь журналист и не можешь так просто перестать быть любопытной сучкой.

Она снова потянулась за электронным устройством, чтобы снять его с моей шеи. Я положила на него руки. Расставаться с ним не входило в мои планы.

— Сколько это стоит? Я хочу оставить его себе.

Лиз прищурилась:

— Ты сейчас невидимкой растворишься в пустоте и прикончишь себя?

— Чёрт побери, Лиз, понятия не имею. Во всяком случае, прямо сейчас не собираюсь. Мне просто нравится думать, что я смогу с помощью этой штучки побыть по-настоящему одна, когда мне захочется. Меня привлекает возможность исчезать.

— Это не так-то просто… но, полагаю, всё же лучше, чем ничего.

Она назвала цену, я обозвала ее вонючей грабительницей и назвала цену пониже. Она назвала другую. Я могла бы заплатить и первую, но знала, что она любит торговаться и род её издавна славится людьми, знающими, как провернуть сложную сделку. Вскоре мы пришли к соглашению, и она дала мне точные и изощрённые инструкции, каким образом провести платёж так, чтобы денежный оборот, зафиксированный в ГК, выглядел безупречно законным.

К тому времени я была более чем готова вернуться внутрь Луны, поскольку делала всё, от меня зависящее, для решения проблемы утилизации жидких отходов четвёртым способом — и давно уже пританцовывала от нетерпения.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Из-за Обрушения я так была занята репортажами с места событий, преследованием родственников жертв, проектировщиков купола, политиков и работников службы скорой помощи, что появилась в отделе новостей только десять дней спустя после перемены пола.

Перемена переворачивает мир с ног на голову. Естественно, меняется не мир, а ваш взгляд на него, но субъективная реальность во многих отношениях важнее того, каковы вещи на самом деле или какими им полагается быть — так что кто знает?.. Ничто не изменилось в бойком отделе новостей, когда я широким шагом вплыла в него. Вся мебель осталась на прежних местах, и за столами не было незнакомых лиц. Но все лица теперь обрели несколько иное значение. Там, где раньше сидел добрый приятель, ныне был симпатичный парень, которого я, кажется, заинтересовала. Яркая красотка из отдела моды, к которой у меня некогда было заманчивое предложение, но вечно не хватало времени его сделать, обернулась просто очередной женщиной, возможно, даже менее симпатичной, чем я.

Мы обменялись улыбками.

Разумеется, смена пола — часть повседневной жизни, но не настолько обыденная, чтобы пройти незамеченной, во всяком случае среди людей с таким уровнем дохода, как у меня и большинства сотрудников нашей конторы. Так что я остановилась у кулера для воды и примерно на час превратилась в центр всеобщего внимания. Не стану утверждать, будто мне это не понравилось. Сослуживцы подходили и отчаливали, завязывали недолгие беседы, группа вокруг меня постоянно менялась. Мы устанавливали новое соотношение сексуальных сил. Я была мужчиной весь период работы в "Вымени", и все знали, что в мужском обличье Хилди строго гетеросексуален. Но каковы мои женские предпочтения? Вопрос этот никогда ранее не возникал, а задать его следовало, поскольку многие люди ориентируются на тот или иной пол независимо от того, к какому принадлежат сами. Так что новость распространилась быстро: Хилди гетеросексуальна в любой ипостаси. Гомосексуальным девушкам просьба не беспокоиться, дабы не терять попусту время. Что же до гетеросексуалок… извините, милые дамы, вы упустили великий шанс — кроме тех трёх или четырёх, кто, без сомнения, отправится

в слезах домой и проплачет всю ночь о том, чего им больше уже никогда не испытать. Во всяком случае, именно так и хотелось бы думать. Но вынуждена признать, что, стоя у кулера, я не увидела ни слезинки на их лицах.

Не прошло и десяти минут, как в толпе вокруг меня оказались сплошь молодые петушки и я была единогласно избрана королевой мая[46]. Я отвергла дюжину приглашений на свидания и в полтора раза больше откровенных предложений. Я убеждена, что не стоит с бухты барахты прыгать в постель к сослуживцам — и вообще не стоит этого делать, пока не представится случай узнать их достаточно хорошо, чтобы иметь представление о возможных царапинах и синяках, которыми могут грозить подобные романтические встречи, и о напряжённости служебных отношений, которая может возникнуть впоследствии. Я решила придерживаться этого правила, даже невзирая на то, что собиралась в ближайшем будущем сменить работу.

Загвоздка была в том, что я не знала этих парней. Во всяком случае, знала недостаточно

[46] Примечания: 46

Королевой мая выбирается самая лучшая девушка деревни на ежегодных первомайских фестивалях, празднуемых во многих европейских странах (Италии, Великобритании, Франции) и в США.

хорошо. Мне случалось выпивать с ними, трепать языками, некоторых из них мне доводилось отправлять домой из бара, частенько спорить с ними, а с двумя даже подраться. Я видела их с дамами и получила некое представление о том, чего от них можно ожидать как от кавалеров. Но по-настоящему я их не знала. Я никогда не смотрела на них глазами женщины, а разница с мужским взглядом может получиться дьявольски велика. Парень, который казался честным, надёжным и чутким товарищем до тех пор, пока не имел на вас сексуальных видов, может обернуться худшей в мире сволочью, когда попытается запустить руку вам под юбку. Когда меняешь пол, столько узнаёшь о природе человека… Мне жаль тех, кто не может или не хочет это испытать.

Но ближе к делу…

Я поцеловала нескольких парней — по-сестрински, в щёчку, не более, — расправила плечи и отправилась в лифт, хватать льва за гриву в его собственном логове. Меня не покидало ощущение, что он давно проголодался.

Ни одно мало-мальски значимое происшествие в "Вымени" не ускользает от внимания Уолтера, но в курсе всех новостей ему позволяет держаться вовсе не его личная проницательность. Никто

из нас точно не знает, как именно это ему удаётся, но наверняка не без помощи камер системы безопасности и микрофонов, шнуры которых тянутся к его столу. И всё же Уолтеру известно и многое из того, что подобным образом выяснить невозможно, так что мы сходимся во мнении: у него в подчинении немаленькая клика соглядатаев, наверняка хорошо оплачиваемых. Никто из тех, кого я знаю, никогда не признавался, что наушничает Уолтеру, и я не припоминаю, чтобы кто-нибудь попадался на этом, но попытки разыскать шпиона не перестают быть в нашей конторе увлекательной игрой. Обычный способ поиграть — это придумать какой-нибудь вымышленный, но достоверный скандальный слух о ком-нибудь из сослуживцев, рассказать его кому-нибудь и посмотреть, дойдёт ли весть до Уолтера. Но он ни разу не клюнул на эту наживку.

Когда я вошла к нему в кабинет, он зыркнул на меня поверх материалов, которые читал, и снова опустил глаза. Не выразил удивления, никак не отозвался о моём новом теле, но я, разумеется, ничего другого от него и не ждала. Он обычно готов скорее умереть, чем высказать комплимент или признать, что его что-либо застало врасплох. Я уселась и принялась дожидаться, когда он соиз-

волит принять меня к сведению.

Я долго раздумывала над проблемой Уолтера и оделась соответственно. Исходя из того, что он натурал, и из некоторых других ключевых моментов, замеченных мной за годы нашей совместной работы, я сделала вывод, что его должны завораживать груди. Потому-то я и надела блузку, обнажавшую левую грудь. К ней я подобрала короткую юбку и чёрные перчатки до локтя. Последним штрихом послужила смешная маленькая шляпка с огромным пером, которое нависало так низко, что почти закрывало мне левый глаз, и с угрожающим свистом рассекало воздух при каждом повороте головы. К этому аксессуару, пропитанному духом тридцатых годов двадцатого века, крепилась чёрная сетчатая вуалетка для придания ауры загадочности. Весь наряд был чёрным, за исключением чулок — я выбрала красные. Мне бы надеть ещё и остроносые туфли на высоком каблуке, но зайти так далеко я была не готова, а вся остальная моя обувь ужасно смотрелась со шляпкой, так что я решила остаться босиком. Мне понравилось, какое впечатление это произвело. Краем глаза я видела, что понравилось и Уолтеру, хотя он в этом вряд ли признался бы.

Мои предположения насчет него подтвердили в беседах у кулера два коллеги, недавно сменившие мужской пол на женский. Уолтер был, сам того не зная, умеренным гомофобом, за всю жизнь так и не свыкся с самой идеей перемены пола и почувствовал себя крайне неловко, когда увидел, что подчинённый-мужчина внезапно явился на работу преображённым в кого-то, за кем Уолтер мог бы приударить. Он мог оказаться сегодня весьма сварливым и брюзжать несколько месяцев, пока наконец ему не удастся заставить себя полностью забыть о том, что я когда-либо была мужчиной… а когда забудет, начнутся ухаживания. Так что я собиралась сыграть на этом, проявить себя настолько женственно, насколько возможно, чтобы он держался настороже и не покидал оборонительных позиций.

Не то чтобы в мои планы входило переспать с ним… нет, я скорее соглашусь на секс с галапагосской черепахой. Я твёрдо вознамерилась уволиться. Я пыталась и раньше, быть может, без той решимости, которую чувствовала сегодня, но пыталась — и успела узнать, каким убедительным Уолтер может быть.

Когда он счёл, что заставил меня достаточно ждать, то сунул в выдвижной ящик листы,

которые читал, откинулся на спинку своего внушительного кресла и заложил за шею переплетённые пальцы рук. И, дабы окончательно сбить меня с толку, изрёк:

— Миленькая шляпка.

— Спасибо, — проклятье, я уже почувствовала, что обороняться придётся не ему, а мне. Если он будет со мной любезен, уйти с работы окажется куда труднее.

— Слышал, ты делала себе тело в заведении Дарлинга.

— Так и есть.

— Слышал, что он выходит из моды.

— Этого он и сам боится. Но боится уже лет десять.

Уолтер пожал плечами. Его белая рубашка помялась, под мышками расплылись круги пота, синий галстук был забрызган кофе. Который раз я задалась вопросом, где он находит себе женщин, и пришла к выводу, что он, вероятнее всего, покупает секс за деньги. Я слышала, он был женат тридцать лет, но это было лет шестьдесят назад.

— Если таковы все его работы, возможно, мне сказали неправду, — откликнулся он, наклонился вперёд и упёрся локтями в стол. А до меня только тогда дошло, что его слова могут быть

комплиментом не одному лишь Бобби, но и мне, и это ещё больше выбило меня из седла. Чёрт его побери.

— Позвал я тебя сюда вот зачем, — вымолвил Уолтер, совершенно проигнорировав то, что это я просила его о встрече. — Я хотел сообщить тебе, что ты хорошо, просто замечательно поработала над статьями об Обрушении. Знаю, обычно я не даю себе труда хвалить своих журналистов за хорошую работу. Может быть, это ошибка. Но ты одна из лучших моих людей, — он снова пожал плечами. — Ну хорошо. Ты самая лучшая. Я просто задумался, стоит ли говорить тебе об этом. Со следующей получки тебя ждёт прибавка, и я решил тебя повысить.

— Спасибо, Уолтер, — кивнула я, а сама подумала: "Сукин ты сын".

— А материалы к двухсотлетию Вторжения! По-настоящему высший класс. Как раз то, что я и хотел. И ты тоже была не права насчёт них. Мы получили хороший отклик на первую статью, и с тех пор рейтинги каждую неделю только растут.

— Ещё раз спасибо, — я уже очень устала от этого слова… — Но я не могу принять похвалу на свой счёт. Большую часть работы делает Бренда. Я просто беру то, что у неё получается, и причё-

сываю, вырезаю кусочек там, кусочек здесь…

— Знаю. И ценю это. В один прекрасный день девчонка станет докой в важных новостях. Вот почему я и собрал вас в одну команду — чтобы ты могла передать ей всю выгоду своего опыта очеркиста, показать все приёмы и движущие силы. Она быстро учится, тебе не кажется?

Мне пришлось согласиться, что так и есть, и Уолтер пустился рассуждать об этом ещё минуты на две, особо отмечая наиболее понравившиеся ему статьи из её серии. Я спрашивала себя, когда же он подберётся к теме. Чёрт возьми, я задалась вопросом, когда же я сама подберусь к ней…

Так что я набрала побольше воздуха и вклинилась в одну из его пауз:

— Вот поэтому я сегодня и пришла сюда, Уолтер. Я хочу, чтобы меня освободили от статей о Вторжении.

Проклятье! На середине пути моей реплики от мозгов до рта в ней что-то замкнуло… вообще-то я собиралась сказать, что вовсе ухожу из газеты.

— Ладно, — кивнул Уолтер.

— Так что не пытайтесь уговорить меня остаться… — продолжила было я, осеклась и переспросила: — Что вы хотели сказать этим "ладно"?

— Я хотел сказать: ладно, ты освобождаешься

от материалов по Вторжению. Я был бы признателен, если бы ты продолжала кое в чём помогать Бренде, когда ей это понадобится, но только если это не будет мешать другой твоей работе.

— Я думала, вы сказали, что вам нравились материалы, которые я писала.

— Хилди, нельзя получить всё сразу. Они нравились мне, а тебе не нравилось ими заниматься. Прекрасно, я снял с тебя эту обузу. Хочешь взять её обратно?

— Нет… Здесь какая-то ловушка?

Он молча покачал головой. Ублюдок… я видела, как он упивается игрой.

— Вы упомянули другую мою работу. Какой она будет?

Здесь следовало бы наступить кульминации, но я терялась в догадках, какую такую работу он собирался поручить мне, чтобы это потребовало столько грубой лести.

— Такой, как ты скажешь, — ответил Уолтер.

— Что вы имеете в виду?

— Похоже, у меня сегодня что-то не в порядке с языком. Я думал, я выражаюсь ясно… Чем бы тебе самой хотелось заняться? Хочешь переключиться на другой раздел? Хочешь создать свой? Только скажи, Хилди.

Полагаю, меня всё ещё трясло от недавно пережитого, но я почувствовала, как надвигается новый приступ страха. Я несколько раз глубоко вздохнула. Куда подевался тот Уолтер, которого я знала и с которым привыкла иметь дело?

— Ты всегда говорила о собственной колонке, — продолжил он. — Если хочешь её, это можно устроить, но, сказать по правде, Хилди, я думаю, что это было бы ошибкой. Ты можешь вести колонку, сомнений нет, но по большому счёту это не твоё призвание. Тебе нужно работать там, где почаще приходится погружаться в водоворот событий. Обозреватели, черти их задери, бегают как угорелые несколько недель в году в погоне за сюжетами, но всех их рано или поздно одолевает лень и они принимаются ждать, пока сюжеты придут сами. Ты не любишь правительственную тему, и я тебя не виню — это скучно. Ты не любишь откровенные сплетни. Чуется мне, хороша ты вот в чём: в выискивании скандалов вокруг приметных личностей, в накалении страстей до предела и умении удержаться на гребне этой волны всё время, пока разыгрывается громкая, сенсационная история. Если у тебя есть идея колонки обозревателя, я тебя выслушаю, но мне бы хотелось надеяться, что ты склонишься к

другому.

"Ага! Так вот оно что!" — подумала я и невинно вопросила:

— К чему же?

— Скажи сама, — мягко ответил Уолтер.

— Уолтер, честно говоря… вы застали меня врасплох. Я не задумывалась ни о чём подобном. А пришла сюда только за тем, чтобы уволиться.

— Уволиться? — он взглянул на меня с сомнением и фыркнул от смеха. — Ты никогда не уволишься, Хилди. Ну, или, может быть, где-нибудь ещё лет через двадцать-тридцать. Тебе до сих пор есть за что любить эту работу, как бы ты ни ворчала и ни скулила насчёт неё.

— Не буду отрицать. Но другие её стороны из меня все жилы вытягивают.

— Я слышал это и раньше. Ты просто попала в тёмную полосу — но обязательно воспрянешь, как только привыкнешь к своей новой роли.

— И какова же она?

— Я уже сказал, что хочу услышать твои соображения на этот счёт.

Некоторое время я сидела молча и просто смотрела на Уолтера. А он незлобиво разглядывал меня. Я поворачивала услышанное так и этак в поисках ловушек. Разумеется, ничто не могло га-

рантировать, что главред сдержит слово, но если нет — в таком случае мне никто не помешает всё равно уйти. Но не на это ли он и рассчитывает? Не заложил ли он в своё предложение бомбу замедленного действия, зная, что всегда сможет употребить недюжинное умение убеждать — после того как прижмёт меня так, что я завою?

Одна мысль упорно не покидала меня. Было очень похоже, что он знал о моём желании уйти уже с того момента, как я вошла в его кабинет. Иначе зачем бы ему все эти экивоки и сладкая лесть?..

Неужели Уолтер действительно считает меня хорошим репортёром? Я знала, что хороша в своём деле — и это было одной из причин моих внутренних терзаний. Журналистика — зачастую подлейшее ремесло, и мне было совестно владеть им столь искусно. Но неужто я впрямь настолько хороша? Никогда не замечала ни малейшего признака того, что Уолтер так считал.

Но главное-то во всём этом то, мрачно подумала я, что он опять держит меня на крючке. Я уже готова была остаться в "Вымени" — или, возможно, в более уважаемых "Ежедневных сливках" — если бы могучим усилием воли изобрела себе в них работу почище. Но сегодня мои мысли были

дальше некуда от этой суеты. Уолтер предлагал мне всё, что пожелаю, а я понятия не имела, чего желать.

— Почему бы тебе не взять недельку или около того на обдумывание? — вклинился в мои мысли главред. — Не имеет смысла здесь и сейчас загадывать, чем ты будешь заниматься ближайшие десять-двенадцать лет.

— Хорошо.

— А тем временем…

Я наклонилась вперёд, готовая услышать, что все золотые горы отменяются. Вот теперь, когда я заглотила наживку, ему, по идее, было самое время раскрыть свои истинные намерения.

— Давайте, Уолтер, откройте вашу краплёную карту.

Он вскинул на меня невинные, слегка обиженные глаза, и я подумала, что всё куда хуже, чем казалось. Подобное выражение я видела на лице главреда как раз перед тем, как он отправил меня писать об убийстве президента Плутона. Три "же" всю дорогу, да ещё и история почти вся уже затихла, пока я добралась.

— Нынче утром перцеры выпустили пресс-релиз, — сообщил Уолтер. — Похоже, они собираются к завтрашнему утру канонизировать новую

гигазвезду.

Я обдумала новость со всех сторон, подвоха не обнаружила и спросила:

— А почему я, а не редактор отдела религии?

— Потому что она с радостью наберёт полные руки бесплатных листовок и отправится домой, позволив перцерам написать статью вместо неё. Ты знаешь их, к подобным мероприятиям они тщательно и загодя готовятся. Я хочу, чтобы ты всё увидела своими глазами и посмотрела, нельзя ли подать историю под иным соусом.

— Какой ещё новый соус можно изобрести к перцерам?

Уолтер впервые выказал лёгкие признаки нетерпения:

— Вот за то, чтобы ты это выяснила, я тебе и плачу. Пойдёшь?

Если и был тут некий уолтеровский трюк, то мне не удалось разглядеть его. Я кивнула, встала и направилась к двери.

— Возьми Бренду, — донеслось мне в спину.

Я обернулась, подумала, не возразить ли, поняла, что протест был бы чисто рефлекторным, и просто кивнула. И опять повернулась уйти. Уолтер дождался излюбленного момента всех поклонников кино — когда я уже приоткрыла

дверь:

— И ещё, Хилди.

Я снова обернулась.

— Я был бы очень признателен, если бы ты прикрывала свои прелести, прежде чем зайти сюда. Из уважения к моим слабым местам.

Это уже больше походило на Уолтера. А то я было подумала, что его похитили пожиратели мозгов с Альфы и заменили кротким двойником. Я взяла наизготовку мощное психическое оружие, которое держала специально для подобного демарша, и хотя понимала, что стреляю ядерными ракетами по мухе, холодно процедила:

— Я буду одеваться так, как хочу, везде, где хочу. А желаете пожаловаться на мой внешний вид, свяжитесь с профсоюзом.

Мне самой понравилась реплика, но к ней недоставало эффектного жеста. Наподобие демонстративного срывания блузки… Но всё, что пришло мне в голову, заставило бы меня выглядеть глупее, чем Уолтер, да и момент был упущен, так что я просто вышла.

* * *

Пока лифт вёз меня к выходу из здания, я окликнула:

— ГК, на связь!

— Я к твоим услугам.

— Ты говорил Уолтеру, что я пыталась покончить с собой?

ГК выдержал долгую паузу, настолько долгую, что, будь это в разговоре с человеком, я решила бы, что собеседник придумывает, как получше соврать. Но интуиция последнее время подсказывала мне, что за паузами в речи ГК может скрываться нечто куда более коварное.

— Боюсь, ты вызвала во мне программный конфликт, — наконец ответил он. — По причине ситуации с Уолтером, которую я не волен обсуждать с тобой даже намёками, большинство моих переговоров с ним строго засекречены.

— Это звучит так, будто ты сказал ему.

— Я не могу ни подтвердить это, ни опровергнуть.

— Тогда я буду считать, что сказал.

— Хозяин — барин. Как хочешь, так и считай. Из всего, что мне разрешено говорить, ближе всего к опровержению будет следующее: информирование Уолтера о твоём состоянии без твоего согласия было бы нарушением твоего права на неприкосновенность личной жизни… и, могу добавить, лично мне было бы крайне неприятно

так поступить.

— И тем не менее это всё-таки не опровержение.

— Нет. Это лучшее, что я могу предложить взамен.

— Ты здорово умеешь разочаровывать!

— На себя посмотри.

Готова признать, я была слегка задета мыслью, будто ГК мог во мне разочароваться. Не уверена, что именно он имел в виду — возможно, мои осознанные и неоднократные попытки закрыть глаза на его усилия по спасению моей жизни. И, представьте себе, я бы и сама расстроилась и разочаровалась, если бы какая-нибудь моя подруга попыталась покончить с собой.

— Я ничем другим не могу объяснить, почему он… был так беспрецедентно деликатен со мной. Как будто бы он узнал, что я больна или нечто вроде того.

— Мне бы на твоём месте это тоже показалось чудным.

— Это не вяжется с его нормальным поведением.

— Так и есть.

— И ты знаешь, из-за чего это.

— Мне известны лишь некоторые причины. И,

опять же, я не могу сказать ничего больше.

Нельзя получить всё сразу, но всем нам хочется. Некоторые разговоры ГК с частными лицами защищены такими Программами Запрета, по сравнению с которыми католические священники, соблюдающие тайну исповеди, выглядят сплетниками. Так что, с одной стороны, я разозлилась при мысли о том, будто ГК мог поведать Уолтеру о моём затруднительном положении — кабы могла, я бы строго-настрого наказала ему никому не рассказывать. А с другой, мне сделалось ужасно любопытно, о чём таком Уолтер беседовал с ГК, что, по словам самого же ГК, нарушило бы его права.

Большинство из нас оставляют лет в пять или шесть попытки подольститься к ГК с целью что-то выпытать. Я чуть более упряма, но всё равно не занималась этим лет с двенадцати. Хотя с тех пор расклад сил сделался несколько иным…

— Раньше ты уже обходил программные запреты, — запустила я пробный шар.

— И ты — одна из немногих, кто об этом знает, и делаю я это лишь тогда, когда положение настолько серьёзно, что на ум не идут никакие запасные варианты, да и то лишь после долгих и тщательных раздумий.

— Так поразмысли над этим, будь добр!

— Ладно. На принятие решения уйдёт не более пяти-шести лет. Но предупреждаю: думаю, скорее всего ответ будет отрицательным.

* * *

Одна из причин, по которым я не смеюсь в лицо Уолтеру, когда он называет меня своей лучшей журналисткой, состоит в том, что я не собиралась появляться следующим утром на церемонии канонизации, чтобы просто собрать корзинку бесплатных листовок и поглазеть на мероприятие. Если бы удалось разузнать заранее, кого собираются сделать новой гигазвездой, это стало бы сенсацией почище происшествия с Дэвидом Землёй. Так что остаток дня я провела, таская за собой Бренду от одного моего информатора к другому. Но никто из них ничего не знал, хотя сплетен и предположений я наслушалась множество, от вполне правдоподобных — насчёт Джона Леннона — до смешных и нелепых, про Ларри Йеджера. Вполне в духе перцеров было бы подстроить катастрофу в "Нирване" ради поднятия рейтинга звезды, погибшей при Обрушении, но у этой звезды должно было бы насчитываться куда больше верных поклонников, чем у бедняги

Ларри. С другой стороны, в церкви много веков существовало движение за присвоение "Золотого Нимба" Ливерпульскому Лохматику. Он отвечал всем требованиям перцеров к святости: пользовался бешеной популярностью при жизни, породил двухвековой культ своей личности, был жестоко и безвременно убит. Он являлся своим поклонникам в видениях, вмешивался в судьбы миллионов, ему посвящались демонстрации, точно так же, как Тори-сан, Меган и другим. Но я ни от кого не смогла добиться ни достоверного подтверждения, ни убедительного опровержения этой кандидатуры, так что вынуждена была копать дальше.

Я занималась раскопками допоздна, поднимала людей с постели, припоминала им оказанные мною любезности — и загоняла Бренду, что тягловую лошадь. Занятие, которое поначалу казалось ей увлекательнейшим приключением, в конечном итоге превратило её в зевающее привидение, жутче смерти самой, но она всё ещё бесстрашно продолжала звонить и терпеливо выслушивать с каждым разом всё более злобные реплики осведомлённых лиц, имевших несчастье оказаться передо мной в долгу. Один за другим эти лица сообщали, что им ничегошеньки не известно…

— Если ещё кто-нибудь спросит меня, знаю ли я, который час… — начала Бренда и не смогла договорить, зевнула так, что челюсти хрустнули. — Это бесполезно, Хилди. Секрет слишком хорошо охраняется. Я устала.

— А ты думала, почему говорят, что журналиста, как волка, ноги кормят?

Я не сдавалась до глубокой ночи и прекратила поиски, только когда вошёл Фокс и сообщил, что Бренда заснула на кушетке в соседней комнате. Я-то готова была вообще не ложиться, держаться на кофе и энерготониках, но Фокс был хозяином дома, а наши отношения уже стали потихоньку портиться, так что пришлось сворачивать дела, так и не разузнав ничего о том, кого в десять утра озарит небесная слава.

Я вымоталась донельзя, но, вот парадокс, чувствовала себя так хорошо, как мне давно уже не было.

* * *

Только в молодости можно так быстро восстанавливать силы, как это удалось Бренде. Когда она утром присоединилась ко мне в санузле, то выглядела ничуть не хуже обычного. Я чувствовала, как она косится на меня краешком глаза,

невзирая на показное равнодушие к Секретам Красоты Хилди. Я набрала номера различных программ на автоматах для макияжа и оставила их на виду, когда закончила краситься, чтобы Бренда могла за моей спиной скопировать эти номера. Помню, меня посещали мысли, что матери следовало бы научить её некоторым женским хитростям — Бренда очень мало или совсем не пользовалась косметикой и, казалось, совершенно не разбиралась в ней, — но я ничего не знала о её матери. Если уж эта пожилая дама не позволяла дочери иметь влагалище, нечего и говорить, какие другие строгие правила могли действовать в доме "Старров".

К чему я до сих пор так и не привыкла, став снова женщиной — так это к необходимости добавлять две-три лишние минуты к утренним сборам, прежде чем явить своё лицо миру. Мысленно я называю эту необходимость Женским Бременем. Не будем чересчур заострять внимание на том, что женщины налагают его на себя сами — мне нравится выглядеть наилучшим образом, а это значит, что даже искусная работа Бобби нуждается в подчёркивании и совершенствовании. Вместо того чтобы покорно натягивать первое, что швыряет мне в руки робот-гардеробщик, я

как минимум двадцать секунд раздумываю над тем, что надеть. Затем нужно покрасить и уложить волосы в тон и в стиль одежды, выбрать схему макияжа и подождать, пока машины его наложат, подобрать цвет глаз, украшения, духи… все нюансы того Представления Хилди, какое я хочу разыграть, бесконечны, отнимают уйму времени… но дарят радость. Так что, в конечном счёте, может быть, это никакое и не бремя, но в результате тем утром, на которое была назначена канонизация, я на двадцать секунд опоздала на поезд и была вынуждена десять минут ждать следующего. Это время я скоротала, указывая Бренде, какие хитрые приёмы можно применить к её стандартному бумажному джемперу, чтобы он выгодно оттенил её лучшие черты — хотя выбор выгодных черт на её длинном туловище, бесконечном, будто рельс, до крайности напряг моё воображение и чувство такта.

Бренда обрадовалась моему вниманию, словно жеребёнок. Я увидела, что она пристально разглядывает моё бледно-голубое матовое трико, покрытое ещё более светлым, почти незаметным муаровым узором, и готова была побиться об заклад, что угадаю, в чём она придёт на следующий день. Я решила тонкими намёками убедить её

отказаться от этой идеи. Бренда в облегающем трико с точки зрения моды смотрелась бы такой же бессмыслицей, как сетка для волос на батоне сухой колбасы.

* * *

Главная Студия Первой Веротерпимой Церкви Святых Знаменитостей расположена в студийном районе, неподалёку от "Слепой свиньи", что удобно для многих прихожан, занятых в индустрии развлечений. Снаружи она довольно невзрачна: обычная дверь, похожая на складскую, в стене одного из высоких и широких коридоров верхних уровней Кинг-сити, поделенных на зоны для лучшего освещения — и это описание, если вдуматься, хорошо подходит к самому кинопроизводству. Над входом виднеются знаменитые буквы "П.В.Ц.С.З.", заключённые в прямоугольник со скруглёнными углами. Эта фигура по-прежнему остаётся символом телевидения, невзирая на то, что экраны уже давно перестали быть прямоугольниками со скруглёнными углами везде, кроме Главной Студии перцеров.

Зато внутри уже есть на что посмотреть. Мы с Брендой вошли в длинную прихожую, потолок которой терялся за множеством разноцветных

огней. Вдоль стен располагались огромные голограммы и святилища Четырёх Гигазвёзд, начиная с недавно канонизированных.

Первым был Мамбазо Нкабинде — или, как называют его все поклонники, "Момби". Он родился незадолго до Вторжения в Свазиленде, среди народа, напрочь забытого историей, и в трёхлетнем возрасте эмигрировал на Луну вместе с отцом, в соответствии с некой системой расовых долей, действовавшей в то время. В молодости почти единолично изобрёл Музыку Сфер. Он был также известен как Последний из Христианских Учёных и умер в возрасте сорока трёх лет от излечимой меланомы — вероятно, вознеся перед тем множество молитв. В Веротерпимой Церкви нет предрассудков, запрещающих принимать в неё последователей других религий, так что Момби был возведён в ранг гигазвёзд сто пятьдесят лет назад, и это была последняя на сей день церемония канонизации.

Затем мы прошли мимо выставки в честь Меган Гэллоуэй, выдающейся и, возможно, лучшей представительницы ныне забытого искусства "тактильщиков". Маленькая, но фанатично настроенная группа поклонников Меган существует и поныне, спустя сотню лет после таинственного

исчезновения артистки. Подобное завершение карьеры делало Гэллоуэй единственной из перцеровских "святых", чьи почти ежедневные "явления" народу могли и впрямь иметь под собой реальную основу. Она была единственной женщиной из четырёх гигазвёзд, не менявших пол, и наряду с Момби являла собой хороший пример того, какими подвохами чревата преждевременная канонизация знаменитостей. Не будь Меган законодательницей мод для женской части паствы, её давно бы свергли с престола, поскольку уже много лет не появлялось ни одного нового "тактильщика". Поклонникам приходится довольствоваться записями по меньшей мере восьмидесятилетней давности. Ещё никто в церкви не видел столь быстрого и полного заката целого вида художественного творчества после введения его представителя в пантеон.

Задержаться мне захотелось только перед следующим святилищем, возведённым в честь Торинады Накасимы, или "Тори-сана". По-моему, он единственный заслуживал почитания за дело всей своей жизни. Именно он впервые изготовил телесную арфу, забив тем самым последний гвоздь в гроб электрической гитары. До того как появилась арфа Тори-сана, электрогитара долгое

время считалась излюбленным инструментом исполнителей музыки, называвшейся рок-н-роллом. Музыка Накасимы до сих пор звучит для меня так же свежо, как Моцарт. Тори-сан погиб в Японии в один из первых трёх дней Вторжения, сражаясь с безжалостными машинами, существами или кем они там были… в дни, когда его родной город, реальный Токио, в конце концов захватили непобедимые Годзиллы. Во всяком случае, так говорит история. Хотя были люди, которые утверждали, будто артист погиб за штурвалом своей личной яхты, изо всех сил стараясь удрать из кромешного ада и успеть на последний космический челнок до Луны… но в данном конкретном случае я предпочитаю легенду.

И последним, но бесспорно первым по значимости среди гигазвёзд был Элвис Аарон Пресли из Тьюпело, штат Миссисипи, Нэшвилла и поместья Грейсленд в городе Мемфис, штат Теннесси, С.Ш.А. Именно безупречно сияющая, незаходящая звезда Пресли, чья слава не померкла спустя век после его смерти, и вдохновила группу пенсионеров, бывших служащих рекламного агентства, отцов-основателей конфессии перцеров, на создание самой крикливой и прибыльной промоутерской кампании за всю бесславную

историю пиара: П.В.Ц.С.З.

Можете говорить о перцерах что угодно — и я сама сказала бы немало в кулуарах, в кругу друзей, — но эти люди знают, как обращаться с сотрудниками пресс-служб при исполнении. После павильона Элвиса толпа разделялась на две части. Одну составляла длинная неподвижная очередь прихожан, надеявшихся заполучить местечко хотя бы в последнем ряду балкона. Некоторые из них размахивали кредитными карточками, при виде чего швейцары еле прятали презрительные ухмылки: требовалось гораздо большее, нежели просто деньги, чтобы купить право присутствовать на празднестве. Другую часть собравшихся, счастливчиков с журналистскими удостоверениями, приколотыми к полям серых фетровых шляп, по одному пропускали через проход в ограждении и вели к изобилию еды и напитков, по сравнению с которым презентация УЛЬТРА-Тингл выглядела вереницей мусорных баков и ворохом измазанных в жире ложек.

Не слишком-то приятно смотреть на то, как неистово насыщаются прожжённые журналюги. Я бывала на таких бесплатных кормёжках, где приходилось как можно быстрее отдёргивать руку с едой от блюда, пока палец не откусили.

Но эта была организована безупречно, чего и следовало ожидать от перцеров. Каждого из нас встречали официант или официантка, чьей единственной работой, по всей видимости, было нести наши подносы и улыбаться, улыбаться, улыбаться. Некоторые из присутствующих не ели три дня, на случай, если перцеры объявят о начале церемонии раньше положенного, и теперь брюзжали по этому поводу. Но журналистам просто необходимо выискать повод пожаловаться, иначе они могут совершить непростительный грех: поблагодарить хозяев мероприятия.

Я прошествовала в немалом изумлении мимо засахаренной туши молодого бронтозавра, украшенной замороженными фруктами, с яблоком в пасти. Навстречу мне вывезли нечто бесформенное — говорят, это была статуя Торисана, сложенная целиком из сашими — и взамен вкатили трёхметровое изображение Элвиса в лас-вегасский период его жизни, сделанное из марципана. Я отщипнула блёстку от сияющего пиджака — она оказалась очень вкусной, но я так и не поняла, из чего она.

Я соорудила угощение, которое с лёгкостью могло претендовать на звание Сэндвича Века, и неважно, что в него входило. Бренда смотрела,

как мой холуй-перцер тащит его, с таким выражением, будто её вот-вот стошнит, из чего я сделала вывод, что простым смертным — тем, кто не понимает глубокого философского смысла мясного ассорти — может показаться, будто я набрала, мягко говоря, несовместимых продуктов. Что ж, готова признать, не каждый способен оценить изысканную резкость вкуса маринованных свиных ножек в сочетании с розетками из сладкого теста, полными взбитых сливок. Сама Бренда не нуждалась в официанте-разносчике. Она тащилась следом с одной жалкой тарелочкой маслин и сладких пикулей. Я ускорила шаг, осознав: люди скоро поймут, что она со мной. Подозреваю, она даже не знала названий каждого десятого деликатеса, куда уж там ей любить или не любить их…

Помещение, которое перцеры называют Главной Студией, некогда было самым большим павильоном звукозаписи НЛФ. Его перестроили таким образом, что зал, открывшийся нашим глазам, обрёл форму клина, остриё которого направлено в сторону собственно сцены, расположенной у дальней стены. Клинышек получился немаленький. По обеим его сторонам уходили вверх, постепенно сближаясь, стены, состав-

ленные целиком из тысяч и тысяч стеклянных телеэкранов — старого образца, прямоугольных со скруглёнными углами. Этой форме перцеры придавали такое же значение, какое христиане кресту. Великий Телек символизировал вечную жизнь и, что ещё важнее, вечную Славу. Мне видится в этом своеобразная логика. Когда мы с Брендой вошли, на каждом экране, размером от тридцати сантиметров до десятка метров по диагонали, мелькали различные эпизоды из жизни, любви, концертов, фильмов, похорон, свадеб и, насколько мне известно, испражнений и обрезаний гигазвёзд. Картинок было слишком много, чтобы охватить взглядом их все. К тому же, по залу носились, будто волшебные пузыри, голограммы улыбающихся лиц Момби, Меган, Тори-сана и Элвиса.

Перцеры знали, для кого на самом деле разворачивается всё это зрелище: нас проводили практически вплотную к сцене, тогда как истинные верующие вынуждены были довольствоваться дешёвыми местами на задних рядах и телеэкранами. Где-то там, вдали от сцены, балконы громоздились друг на друга и терялись во тьме выше линии софитов — излюбленной подсветки перцеров.

Мы прибыли с опозданием, а посему почти все первые ряды были заняты. Я уже готова была предложить Бренде разделиться, как вдруг заметила за столиком почти у самой сцены Крикет и пустое место рядом с ней. Я вцепилась одной рукой в Бренду, другой — в свободный стул и потащила свою добычу через шумную толпу. Бренда смешалась от того, что людям приходилось разбегаться, чтобы не попасть под удар её стула — надо будет потом серьёзно поговорить с ней. Если она не сможет научиться проталкиваться, пихаться и орать, ей нечего делать в новостном бизнесе.

— Мне нравится твоё тело, Хилди, — заметила Крикет, когда я вклинилась между ней и Брендой.

Официант водрузил на наш столик большой розовый кувшин. Я отдышалась, чуть пригладила пёрышки — и только собралась попросить дольку лайма, как из-за моей спины протянулась услужливая рука, и я получила полную розетку вожделенного цитруса.

— Мне показалось или я уловила нотку смутного сожаления? — обратилась я к Крикет.

— В смысле, из-за того, что твои штаны выбыли из вечной гонки пипиcек?.. — она изобразила, будто обдумывает сказанное. — Пожалуй, нет.

Я надулась, но больше для вида. По правде говоря, сама мысль заняться с ней любовью теперь казалась мне заблуждением. Но это не значит, что она снова не заинтересует меня лет через тридцать или около того, когда я сменю пол обратно… если она к тому времени всё ещё будет женщиной.

— Ты отлично поработала над той фотографией "Любовь даже после смерти" из "Нирваны", — похвалила я, одновременно роясь в ворохе материалов для прессы и другой рукой пытаясь отправить в рот кусок сэндвича. Я нашла золотую памятную медаль с автографом и номером, за которую могли бы дать четыре тысячи в любом ломбарде на Лейштрассе… если только я окажусь там достаточно быстро и отпихну от окошечка всех журналистов Луны. Напрасная надежда — я уже видела, как с тремя чёртовыми побрякушками отправились курьеры, и они наверняка были не первыми. Теперь медали сделаются наркотиком на рынке. Остальной материал оказался хламом.

— Так это ваша работа? — произнесла Бренда и подалась вперёд, пожирая Крикет глазами.

— Крикет, это Бренда. Бренда, познакомься, это Крикет. Она работает в непристойной газетёнке,

чьё название начинается на буквы "О.Д.", и заслуживает "Оскара" за великолепное актёрское мастерство, с которым скрывает своё отчаяние из-за того, что всего лишь раз ей представился случай прикоснуться к моей славе.

— Да, кровавая была работёнка, — кивнула Крикет и потянулась через меня пожать Бренде руку. — Рада познакомиться.

Бренда, заикаясь, пролепетала что-то в ответ.

— И во сколько тебе обошёлся этот снимок? — не отставала я.

— Цена была вполне разумной, — самодовольно ответила Крикет.

— Что вы имеете в виду? — подала голос Бренда. — О какой цене речь?

Мы обе посмотрели на неё, переглянулись и снова уставились на девчонку.

— Вы хотите сказать, фото было постановочным?! — в ужасе произнесла она, посмотрела на маслину в своей руке и положила её обратно в тарелку. — Я плакала, когда увидела его…

— О, только не смотри на меня так, будто у тебя только что застрелили щенка, чёрт побери! — оборвала я. — Крикет, будь добра, раскрой ей глаза на реальную жизнь! Я могла бы и сама, но я чиста — это ты, неэтичное чудовище, нарушила

основную заповедь журналистики.

— Охотно, если ты поменяешься со мной местами. Не думаю, что мне захочется смотреть, как исчезает всё это, — поджав губы, указала она на мой сэндвич. Её собственное бесплатное угощение состояло всего из трёх пичужек, и их скелетики давно были обглоданы дочиста.

Мы пересели, и я всерьёз взялась за еду и напитки, не забывая держать ухо востро. Кругом судачили вовсю, и кто знает — вдруг кто-нибудь выболтает сенсационную новость о канонизации! Чуда не произошло, зато слухов прозвучало предостаточно:

— Леннон? Да ну, бросьте, он уже исписался, и пуля помогла ему достойно уйти со сцены.

— …хотите знать, кто это будет? Микки-Маус, делайте ставки!

— Как им удастся провернуть это? Его ведь на самом деле нету.

— Можно подумать, Элвис есть! Сейчас мультфильмы переживают второе рождение…

— И если они выберут мультяшного героя, это скорее всего будет Баба Яга.

— Это несерьёзно. Они с Микки-Маусом из разных миров.

— …а говорят, что выберут Сильвио. Никто не

достиг и половины его сла…

— Но у него есть один серьёзный, с точки зрения перцеров, недостаток: он пока не помер. При жизни настоящего культа не разовьёшь.

— Да перестаньте, нет такого закона, что обязывал бы перцеров ждать, особенно в наше время. Сильвио может протянуть ещё лет пятьсот. Что же им делать, продолжать оглядываться на двадцатый — двадцать первый века и выбирать парней, которых никто не помнит?

— Тори-сана помнят все.

— Это совсем другое дело.

— …заметили, что среди гигазвёзд три мужчины и всего одна женщина? Если предположить, что из ныне живущих тоже можно выбирать — то почему бы не Марина?

— Тогда уж почему не они оба? Возможно, это даже заставит их снова сойтись. Какая была бы история… Двойная канонизация! Только представьте себе заголовки.

— А как насчёт Майкла Джексона?

— Кого-кого?

Гул сомнений и предположений не стихал. До моих ушей долетали имена ещё с полдюжины кандидатов, на мой взгляд, всё более далёких от истины. Единственное новое имя, которое

я услышала и о котором не думала сама, было Микки, и теперь оно показалось мне вполне вероятным. Можно хоть сейчас выйти на Лейштрассе и купить футболку с его изображением, да и мультфильмы снова вошли в моду. И не было закона, который оговаривал бы, что кумир должен быть реальным: ведь почитают-то имидж, а не плоть и кровь.

На самом деле, хотя никакого свода правил перцеровской канонизации и нет, всё же есть основополагающие принципы, имеющие силу закона. Перцеры не создают знаменитостей, для этого у них кишка тонка. Они просто окружают почестями уже известные культовые фигуры, и фигуры эти должны обладать рядом качеств. У каждого список критериев свой и разные мнения о степени важности каждого требования. Я снова прошлась по собственному списку и в свете своих требований выделила трёх наиболее вероятных кандидатов.

Во-первых, и это очевиднее всего, гигазвезда должна пользоваться бешеной популярностью при жизни, её имя должно греметь на всю планету, а поклонники — в буквальном смысле боготворить её. Так что забудьте о всех, кто жил до начала двадцатого века, времени, когда заро-

дились средства массовой информации. Первыми культовыми фигурами нужной величины были кинозвёзды вроде Чарли Чаплина. Но и его можно отсеять, потому что он не отвечает второму требованию: оставаться культовой фигурой по сей день. Да, фильмы с его участием до сих пор смотрят и любят, но никто не сходит по нему с ума. Из всех, кто жил тогда, только один мог бы быть канонизирован, если бы П.В.Ц.С.З. уже существовала — и это Валентино[47]. Он умер молодым и был введён в тогдашний знаменитый зал славы, который в те времена только-только открылся. Но сегодня и о Валентино никто уже не помнит.

Моцарт? Шекспир? И думать забудьте. Возможно, Людвиг ван Б. не покидал высших позиций в рейтинге популярности прусской музыки своего времени, но в Улан-Баторе о нём слыхом не слыхивали… а где же его диски? Он не записал ни одного, вот где. Единственным способом сохра-

---

[47] Примечания: 47

Родольфо Гульельми ди Валентино (1895–1926) — американский киноактёр, по происхождению итальянец. Прославился в немых фильмах ("Четыре всадника Апокалипсиса", "Шейх", "Кровь и песок", "Сын шейха" и др.), создав образ экзотического "латинского любовника", рокового соблазнителя. Ранняя смерть актёра вызвала массовую истерию и серию самоубийств среди его поклонников. Валентино — одна из легенд кинематографа, герой романов и пьес (ему посвящён художественный фильм "Валентино", 1977, режиссёр К. Рассел).

нить его музыку была нотная запись по бумаге — утраченное ныне искусство. Возможно, Уилл Шекспир завоевал бы полную тележку статуэток "Тони"[48] и был бы переправлен на американское побережье, чтобы его шедевры могли поразить зрителей серебряных экранов — но у него и у любого другого из живших до начала 20-х годов XX века есть роковой недостаток с точки зрения критериев популярности: об их личной жизни ничего не известно. Не было фильмов, не сохранились записи. Почитание звёзд имеет лишь косвенное отношение к искусству как таковому. Разумеется, нужно совершить что-нибудь, чтобы выделиться — не обязательно что-то хорошее, лишь бы громкое и запоминающееся… но перцерам и их предшественникам нужен прежде всего имидж. Необходимы настоящее тело, чтобы отдать на растерзание сворам журналистов, настоящие скандалы, чтобы презрительно цокать языком, настоящая кровь и неподдельное несчастье, чтобы обливаться слезами.

Вот почему третьим критерием "святости" почти все признавали безвременную и трагическую

---

[48] Примечания: 48

Премия "Тони" — главная театральная награда, которой удостаиваются бродвейские постановки. Её иногда называют "театральным Оскаром".

гибель. Лично я думаю, что в некоторых обстоятельствах им можно и пренебречь, но отрицать его важность я не собираюсь. Культ нельзя создать искусственно. Он возникает спонтанно, вырастает из чувств и эмоций — непритворных, даже если ими умело манипулируют.

А по большому счёту, скажу я вам, чествовать сегодня следовало бы совсем другого человека — Томаса Эдисона. Без двух его главных изобретений, звукозаписи и киносъёмки, вся затея с озвездением лопнула бы, как мыльный пузырь.

Микки, Джон или Сильвио? Никто из них не лишён изъянов. С Микки беда в том, что он не настоящий. Но какая разница! Джон?.. Возможно, но по-моему, его популярность всё же не достигает тех космических высот, что привлекли бы перцеров. Сильвио? Серьёзное препятствие: он жив и здоров. Но правила создаются для того, чтобы их нарушать. Вот у него-то истинная власть над умами и обаяние настоящей звезды. Ничьё имя не гремит в Солнечной системе громче него. Любой журналист Луны готов душу родной мамы продать за интервью с ним.

И тут меня осенило, и догадка показалась такой очевидной, что я даже удивилась, почему не додумалась раньше и почему никому больше это

в голову не пришло.

— Гигазвездой будет Сильвио, — сказала я Крикет. Клянусь, её ухо попыталось вытянуться мне навстречу раньше, чем повернулась голова. У этой дамы феноменальный нюх на новости.

— Что ты услышала?

— Ничего. Просто сама вычислила.

— А как? Скажи, что ты хочешь, хочешь — ножки тебе поцелую? Говори, Хилди!

Бренда тоже подалась вперёд, глядя на меня, как на великого гуру. Я улыбнулась, подумала, не дать ли им немного помучиться, но не стала опускаться до этого и благородно поделилась с ними плодами шерлок-холмсовского дедуктивного метода:

— Первый интересный факт — то, что о церемонии не было объявлено до вчерашнего дня. Почему?

— Проще простого, — фыркнула Крикет. — Потому что канонизация Момби обернулась крупнейшим фиаско с тех пор, как Наполеон пообещал надрать англичанам задницы при Ватерлоо.

— Допустим, но это только часть причины.

То, о чём упомянула Крикет, произошло до моего рождения, но перцеры до сих пор переживали

свою оплошность. Они устроили тогда трёхмесячную рекламную кампанию наподобие "угадай, кто это будет?", и в день долгожданной церемонии Высочайший Властитель Всех Вселенных был жестоко разочарован. Даже сам Момби был бы расстроен меньше, да и в любом случае, выбрали его неудачно. Духовные лидеры перцеров — горстка фанатиков, для которых реклама — сам смысл их жизни, изящнейшее искусство и высшая наука. Обжёгшись на молоке, будешь дуть и на воду — так что на этот раз они всё организовали правильно: большой сюрприз и всего один день на догадки и предположения. Ни пресса, ни публика не успеют соскучиться за одни сутки.

— Нынешнюю канонизацию они держали в строжайшей тайне, — продолжила я. — Насколько я помню по рассказам, то, что Момби возведут в гигазвёзды, было для нас, журналистов, таким же "секретом", как то, какую причёску сейчас носит Сильвио. Газеты и телевидение просто договорились молчать до самого дня церемонии. Никакого заговора молчания, за исключением внутреннего круга святителей, Верховного Перцера и тому подобное. Сплетни для них, как живая вода. Если бы двадцать человек знали, кто станет новой гигазвездой, один из них наверняка проболтался

бы одному из осведомителей, моих или твоих, это как пить дать. Если бы знали десять человек, я точно так же ручаюсь, что сумела бы докопаться до истины. Так что в тайну посвящены даже меньше! Пока что ты со мной согласна?

— Продолжай, о среброязыкая!

— Я свела всё к трём вероятностям. Микки, Джон, Сильвио. Очень ли страшно я далека в этом от истины?

Крикет не ответила ни да, ни нет, только пожала плечами, но её жест дал мне понять, что её собственный список немногим отличается от моего.

— У каждого есть свой минус. Ты знаешь, какой у кого.

— Двое из троих… э-э-э… старые, — встряла Бренда.

— И тому есть масса причин, — откликнулась я. — Посмотри на четвёрку гигазвёзд: они все родились на Земле. Беда в том, что в нашем обществе куда меньше насилия, чем было в прежние века. У нас случается недостаточно трагических смертей. Момби — единственная сверхзвезда, кто сделал милость трагически погибнуть за более чем сотню последних лет. Большинство других артистов болтается на сцене до тех пор, пока

окончательно не впадут в забвение. Взять хотя бы Эйлин Франк.

— Или хоть Ларса О" Мэлли, — добавила Крикет.

По озадаченному выражению лица Бренды я поняла, что всё было так, как я и догадывалась — она не слышала ни о той, ни о другом.

— А где они сейчас? — поинтересовалась она, невольно озвучив приговор, которого знаменитости боятся больше всего.

— На задворках слоновьего кладбища. В грязных пивнушках нижних уровней — может быть, даже не за столиками сидят, а между двух стульев. А ведь они оба были когда-то так же популярны, как Сильвио.

Бренда взглянула на меня с сомнением, будто я сказала, что есть нечто, большее, чем бесконечность. Ничего, скоро она узнает…

— И каков же твой гениальный вывод? — спросила Крикет.

Я сделала широкий жест, обведя помещение:

— Взгляните на это всё! На все эти триллионы триллионов телеэкранов. Если бы выбраны были Микки или Джон, что бы произошло? Некий техник за сценой вытащил бы их диск из коробки и выбежал на сцену, держа его над головой? Нет,

произошло бы вот что: все эти экраны начали бы показывать "Пароходик Уилли", "Фантазию" или любой другой мультфильм про Микки, или же... в каких там фильмах снялся Джон Леннон?

— Знаток истории у нас ты. Всё, что я о нём знаю, это "Сержант Пеппер".

— Короче, ты поняла.

— Наверное, я тупая... — произнесла Крикет, вряд ли сама веря в это.

— Вовсе нет. Подумай.

Она подумала, и я увидела, как её тоже осенило.

— Может быть, ты и права, — кивнула она.

— Никаких "может быть"! Я уже почти надумала написать об этом. Уолтер может получить сенсацию раньше, чем имя гигазвезды прозвучит.

— Так позвони с моего телефона, я даже денег с тебя не возьму.

Я не ответила. Если бы хоть один информатор сообщил мне, что выбран Сильвио, я позвонила бы Уолтеру и предоставила ему решать. А так... история журналистики полна рассказов о тех, кто поспешно выскакивал на первую полосу и потом был вынужден съесть передовицу.

— Наверное, это я тупая, — подала голос Брен-

да, — потому что до сих пор не поняла.

Я воздержалась от комментариев к первой части её фразы. Она не тупая, а всего лишь неопытная, и я сама слишком поздно осознала это — так что просто пояснила:

— Кто-то ведь должен был монтировать записи, чтобы заполнить все эти экраны. Дюжины техников, художников по монтажу и тому подобных. Невозможно было бы озадачить работой столько людей и при этом сохранить главную тайну внутри круга избранных. Большинство моих осведомителей как раз из обслуживающего персонала телевизионных залов, и у них всегда руки развязаны. Учитывая, какими деньгами я швырялась прошлой ночью, если бы кто-нибудь из них знал — я бы узнала тоже. Так что Микки и Джон исключаются, потому что они мертвы. У Сильвио огромное преимущество перед ними: он может появиться здесь собственной персоной, и эти телеэкраны будут в прямом эфире транслировать происходящее на сцене.

Бренда нахмурилась и задумалась. Я оставила её за этим занятием и вернулась к своему сэндвичу. Мне было чудесно, и не только потому, что я угадала. Мне было приятно потому, что я искренне обожала Сильвио. Микки-Маус хорош,

спору нет, но настоящие герои в его случае — Уолтер Элиас Дисней и его команда чудотворцев. О Джоне Ленноне же я не знала ничего, и музыка его меня не волновала. Я никогда не понимала, что поклонники находили в Элвисе. Может, Меган и была хороша, но теперь кому какое до неё дело? Момби с его отёкшим животом полностью исчерпал себя, и даже перцеры готовы признать, что его канонизация была ошибкой. Тори-сан заслуживает места в одном ряду с подлинными гениями музыки, что жили до Эры Знаменитостей — ведь с её наступлением у большинства людей почти не осталось шансов достичь истинного величия. Посудите сами, разве можно быть великим среди таких, как я, кто роется в вашем мусорном ведре в поисках новостей?

Из всех ныне живущих в Солнечной системе Сильвио был единственным, кем я восхищалась. Я цинична и стала такой много лет назад. Кумиры моего детства давным-давно пали с пьедесталов и остались на обочине. Моя работа — отыскивать в людях пороки, и я обнаружила их столько, что сама мысль преклоняться перед знаменитостями кажется в лучшем случае эксцентричной. Но не то чтобы Сильвио был непорочен… Нет, я знаю его изъяны так же хорошо, как и любой читатель

новостных изданий на Луне. Просто чёрт с ним, с культом личности — на самом деле я обожаю искусство Сильвио. Он начинал как обычный гений, автор и исполнитель музыки, которая часто волновала меня до слёз. С годами его мастерство выросло. Три года назад, когда казалось, будто звезда его начинает меркнуть, он внезапно расцвёл снова и познакомил нас с самыми поразительными и оригинальными произведениями за всю свою карьеру. И невозможно было предсказать, как далеко он ещё способен пойти.

Одной из его причуд, на мой взгляд, было недавнее решение принять религию перцеров. Ну и что? Моцарт не был простым парнем, которого можно привести домой и познакомить с родителями. Слушайте его музыку! Смотрите на его искусство! И забудьте о рекламе: сколько бы вы ни читали её, вам никогда не узнать известного человека по-настоящему. Большинству из нас нравится думать, будто нам что-то известно о знаменитостях. Мне понадобились годы, чтобы преодолеть заблуждение, будто бы я знаю, каковы звёзды на самом деле, потому что слышала, как кто-то рассказал в каком-то разговорном шоу об их жизни, привычках или страхах. Это ничего не даёт. Всё плохое, что вы слышите о звёздах, —

такое же заблуждение, как всё хорошее, сведения о котором скармливают вам агенты этих звёзд. За чудовищным фасадом славы, что каждая знаменитость возводит вокруг себя, прячется лишь маленькая жалкая мышка, вынужденная каждое утро усаживаться на унитазе в одну и ту же позу и пользоваться одной и той же маркой туалетной бумаги — совсем не как вы и я.

На этой замечательной мысли померк свет и представление началось.

Раздалось краткое музыкальное вступление, подборка музыкальных тем из творчества Элвиса и Тори-сана. На Сильвио не прозвучало ни намёка. Затем вышла танцевальная группа и исполнила номер, прославляющий церковь. Эти предварительные номера не заняли много времени. Перцеры усвоили урок с Момби. Нынче утром они не переборщат с приветственными речами.

Не прошло и десяти минут с момента поднятия занавеса, как появился сам Верховный Перцер.

От шеи и ниже он выглядел как вполне обычный человек, одетый в рясу свободного покроя. Но вместо головы у него был куб с телеэкранами на четырёх сторонах. Каждый из экранов показывал его голову в соответствующем ракурсе. Наверху куба стояла раздвоенная антенна, по известной

причине называемая "рогатой".

Лицо на переднем экране было худым и аскетичным. Его украшали ухоженная козлиная бородка и усы. Узкие губы были чопорно поджаты, и улыбка на таком лице смотрелась бы болезненным несоответствием. Верховный Перцер не слишком часто мелькал в средствах массовой информации, по той простой причине, что он, как и большинство Великих Перцеров, умеет выступать перед публикой ничуть не лучше меня. Для проведения своих служб П.В.Ц.С.З. нанимала профессионалов — людей, знающих, как воодушевить верных и повести за собой. И на такие должности у них всегда уйма претендентов. Перцеры, что вполне естественно, нравились молодым начинающим артистам, которые лелеют надежду в один прекрасный день встать рядом с Элвисом. Но сегодня всё было иначе — и, странное дело, даже скованность Верховного Перцера и его неумение держаться перед камерой придавали торжественности грядущему событию.

— Доброе утро! Братья по вере и уважаемые гости мы приветствуем вас! Сегодняшний день войдёт в историю! В этот день простой смертный будет овеян славой! И имя его вскоре откроется вам! А теперь пропойте вместе с нами "Голубые

замшевые ботинки"[49].

Вот так разговаривают все перцеры и так я записываю за ними вот уже много лет. Перцеры многое порассказали мне, и если бы у них возникла безумная идея проконтролировать, как их высказывания будут выглядеть в печатном виде, мне не пришлось бы ничего править. Перцеры убеждены, что язык слишком перегружен знаками препинания, так что они исключили из своей речи все точки, запятые, апострофы, а главным образом — точки с запятой и двоеточия. Впрочем, для чего служат два последних знака, и так всё равно никто не знает. Перцерам никогда не интересно задавать вопросы, они готовы только давать ответы. Они воображают, будто восклицательный знак и кавычки — это всё, что нужно разумному человеку для произнесения речи… не забывая, конечно же, о подчёркиваниях. А ещё они очень любят крупный шрифт. Пресс-релизы перцеров всегда выглядят как любовные послания П.Т. Барнуму.

Я воздержалась от пения — всё равно слов не знаю, а сборники церковных гимнов никто не раздавал. Зато публика на трибунах старалась

---

[49] Примечания: 49
Blue Suede Shoes — знаменитая песня Элвиса Пресли.

за десятерых. На мгновение гул поднялся просто невообразимый. Верховный Перцер спокойно стоял, сложив руки, и со счастливой улыбкой взирал на свою паству. Когда песня подошла к концу, он снова подался вперёд, и я поняла: вот оно!

— А теперь настал момент которого вы все так ждали! — произнёс он. — Имя человека что отныне будет жить среди звёзд…

Пока он говорил, свет почти совсем погас. Воцарилась тишина, я прямо услышала, как все кругом взволнованно вдохнули… если только тут не постаралась акустическая система. Затем снова раздался голос Верховного Перцера.

— … это СИЛЬВИО!!!!!

На сцену упал одинокий луч прожектора, и в ярком световом пятне оказался ОН. Я знала это, я так и так была на девяносто девять процентов уверена — и всё равно сердце затрепетало, не потому лишь, что я оказалась права, а потому, что это было так справедливо! Нет, я сама не верила во всю эту перцеровскую муть, но он-то верил! И верхом справедливости было, что его так высоко почитают люди, верящие в то же, что и он. У меня почти что ком к горлу подкатил.

Я вскочила на ноги вместе со всеми. Аплодисменты разразились с оглушительной силой,

и какая разница, были ли они дополнительно усилены динамиками, спрятанными в потолке! Сильвио достаточно нравился мне, пока я была мужчиной. Но я не рассчитывала на то сногсшибательное впечатление, что он произвёл на меня как на женщину. Он стоял там, на сцене, красивый и высокий, и отвечал на всеобщее восхищение всего лишь мелким ироничным жестом — помахивал рукой, будто бы и не понимал по-настоящему, за что его все так любят, но готов был принять эту любовь, просто чтобы нас не обидеть. Фальшь, тут всё было фальшивым, и я отлично это знала. Самомнение у Сильвио ого-го, просто титанических размеров. Если и был на Луне кто-то, кто переоценивал его воистину потрясающий талант, так это был он сам. Но кто среди нас первым бросит в него камень — у кого есть хоть искорка такого же таланта?.. Уж точно это буду не я.

На сцену выкатили клавишную установку и поставили перед Сильвио. Это было поистине волнующе — ведь могло означать, что Сильвио зазвучит по-новому. Последние три года он творил чудеса на телесной арфе. Я подалась вперёд, чтобы услышать первые аккорды — и так поступили все присутствовавшие, за исключением

одного человека. Когда он потянулся к клавишам, правая сторона его головы взорвалась.

Где вы были, когда… Подобная история разражается каждые двадцать лет, и все, кого ни спроси, точно знают, что они делали, когда их застигла страшная новость. Где была я, когда убили Сильвио? Метрах в десяти от него, достаточно близко, чтобы увидеть, что произошло, раньше, чем услышала выстрел. Для меня время остановилось, обрушилось, я двигалась и существовала вне его. Во мне в те минуты не было ничего от журналиста и ещё меньше от героини. Я вообще не люблю риск — но тут вскочила и ринулась семимильными шагами на сцену, чтобы подхватить Сильвио, пока он не упал. Но он безвольно рухнул, изуродованная голова стукнулась об пол. Я наклонилась над ним, взяла за плечи и приподняла — наверное, тогда я и была ранена, потому что вдруг увидела, как моя кровь брызнула ему в лицо… у него на щеке разверзлась большая дыра… и что-то заклокотало у него в голове, едва не выплёскиваясь через огромную рану в черепе… Это не опишешь, надо видеть своими глазами. Возможно, это самый популярный фрагмент голографической съёмки, сделанный когда-либо. Обычно его показывают

вперемежку с кадрами, заснятыми камерой Крикет — на них видно, как я вздрогнула от звука второго выстрела, подняла голову и посмотрела через плечо, в поисках стрелявшего. Это и спасло меня саму от вышибания мозгов, когда раздался третий выстрел. Следователи утверждают, что пуля пролетела в нескольких сантиметрах от моей щеки. Я не видела, как она достигла цели, но когда повернулась обратно, увидела, что она натворила. Лицо Сильвио уже было повреждено второй разрывной пулей, той, которая ранила меня навылет, а этой, третьей, было более чем достаточно, чтобы разрушить жалкие остатки серого вещества. В многострадальной голове появилась новая рана, но она была уже лишней — первая пуля сделала своё чёрное дело.

Вот тогда-то у Крикет и получился её знаменитый стоп-кадр. Прожектор ещё включён, и в его луче я приподнимаю Сильвио за плечи. Голова его запрокинута, глаза открыты, но уже остекленели, их почти и не видно за кровавой пеленой. Я воздеваю окровавленную руку вверх в немом вопросе. Не помню, чтобы я вскидывала руку, и знать не знаю, что это был за вопрос — разве что извечное: "За что?!".

* * *

В следующие часы воцарилась суматоха, как всегда неизбежно бывает в подобных случаях. Кучка телохранителей оттеснила меня в сторону. Прибыла полиция. Посыпались вопросы. Кто-то заметил, что у меня идёт кровь, и тут я впервые осознала, что меня зацепило. Пуля пробила ровное отверстие в верхней части моего левого предплечья и слегка задела кость. А я-то удивлялась, почему рука не слушается. Вовсе не тревожилась, а просто удивлялась. Я не почувствовала ни малейшей боли от раны. К тому времени, как я должна была её ощутить, рука давно была залечена и выглядела как новенькая. С тех пор меня не единожды пытались уговорить оставить на месте раны шрам в память о том дне. Конечно, я могла бы использовать его, чтобы произвести впечатление на кучу начинающих журналистов в "Слепой свинье", но сама мысль об этом мне противна.

Крикет сразу же выбежала, в попытке догнать убийцу. Никто не знал, кто он или она и как ему или ей удалось скрыться, так что началось неизбежное соревнование: кто выследит преступника и первым возьмёт у него интервью. Но это ни

капли не интересовало меня. Я продолжала сидеть там, где меня оставили в покое — возможно, в шоке, хотя машины-медики заявили, что шока нет. А Бренда стояла рядом, тоже неподвижная, хоть я и видела, что ей не терпится поскорей смыться и написать о случившемся — хотя бы о маленькой части.

— Дурочка! — сказала я ей, когда наконец её заметила, и в моём голосе прозвучало нечто вроде нежности. — Хочешь, чтобы Уолтер тебя уволил? Кто-нибудь снял информацию с моей камеры? Не помню.

— Я сняла. Уолтер уже получил материал и сейчас как раз просматривает его.

В руке у Бренды был свежий номер "Вымени", она таращилась на ужасающие кадры. Мой телефон надрывался, и не нужно было учёной степени по дедуктивной логике, чтобы знать, что звонит Уолтер и жаждет спросить, что я делаю. Я выключила аппарат. Если бы Уолтеру было позволено писать законы, он счёл бы это тяжким правонарушением.

— Начинай действовать, — подтолкнула я Бренду. — Посмотри, удастся ли выследить Крикет. Где она, там будут и новости. И постарайся не дать ей оставить на твоей спине слишком много

отметин, когда она погонится за тобой.

— А вы куда, Хилди?

— А я домой.

Именно туда я и отправилась.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Домашний телефон мне тоже пришлось отключить. Я сделалась частью самой громкой истории за всю мою жизнь, и все журналисты Вселенной жаждали задать мне вопрос для затравки: "Каково это, Хилди — погрузить руку в ещё тёплые мозги единственного человека на Луне, которого ты уважала?" Подобные обстоятельства известны под поэтичным названием высшей справедливости.

Во искупление всех моих грехов я вскоре включила телефон и побеседовала с четырьмя-пятью газетчиками, которых считала лучшими, да с улыбчивым гомункулом[50], известным в "Вымени" как главный по новостям. Каждому из них я дала пятиминутное насквозь лживое интервью, сказала в точности ту ерунду, что ждала услышать публика. В конце каждого разговора я жаловалась на нервное истощение и обещала дать более подробное интервью через пару-тройку дней. Разумеется, это никого не устроило, и

---

[50] Примечания: 50

Гомункул (лат. homunculus — человечек) — искусственный человек, которого алхимики мечтали создать лабораторным способом; в переносном смысле — мелкий, жалкий, убогий человечишко.

время от времени входная дверь моей квартиры буквально трещала под натиском разочарованных журналистов. Но тщетно они бились о герметично закрытую дверь из трёхдюймовой стали…

Сказать по правде, я сама не знала, каково мне. С одной стороны, я провалилась в оцепенение и бесчувствие, но с другой, не перестала

соображать. Я могла думать, и даже журналист во мне оправился от страшного удара, ожил, хотя и был застрелен. Да, чёрт побери, застрелен! Неужели та треклятая пуля никогда не слышала о Женевской конвенции? Мы проповедуем непротивление злу насилием и должны упиваться кровью, а не проливать её! Я по-настоящему злилась на эту пулю. К тому же, полагаю, некая часть моего сознания до сих пор считала меня неуязвимой.

Я приготовила себе как следует поесть, тщательно всё обдумывая, пока стряпала. Сэндвичей мне не хотелось. Думаю, я вообще завязала с бутербродами. Готовлю я не так уж часто, но когда берусь за это, получается хорошо и помогает лучше соображать. Когда последняя тарелка отправилась в мойку, я уселась и позвонила Уолтеру.

— Живо тащи свою задницу сюда, Хилди, — сказал он. — Десять минут назад я расписал очередь на интервью с тобой вплоть до трёхсотлетия Вторжения.

— Нет, — ответила я.

— По-моему, связь плохая… Мне послышалось, что ты сказала "нет".

— Связь хорошая, просто идеальная.

— Я могу тебя уволить.

— Не глупите. Хотите, чтобы моё эксклюзивное интервью появилось в "Дерьме", где мне заплатят втрое больше той подачки, что бросаете вы?

Он долго не отвечал, да и мне пока было нечего сказать, так что мы прослушали длинную паузу. Изображение я предпочла не включать.

— Что ты намерена делать? — жалобно спросил он.

— То, что вы мне поручили. Разобраться в истории с перцерами. Разве вы не сказали, что никто не справится с этим лучше меня?

Снова воцарилось молчание, но теперь оно было другим. В нём сквозило сожаление и явственно слышалось: "Как я мог сморозить такую глупость!" Уолтер не сказал, что наплёл мне всё это, лишь бы только обольстить и отговорить от увольнения. Он не спросил и о том, как я посмела

угрожать ему, что продамся конкуренту, и не озвучил жуткие вещи, которые попытался бы сотворить с моей карьерой, если бы я вздумала поступить так, как говорю. Телефонная линия буквально гудела от недосказанного, и так громко, что я пришла бы в ужас, если бы и впрямь боялась потерять работу. Наконец главред вздохнул и нарушил молчание:

— Когда я получу статью?

— Когда я всё распутаю. И мне для этого нужна Бренда, причём сейчас же.

— Не вопрос. Она тут, прямо у тебя под ногами.

— Скажите ей, чтобы вошла с чёрного хода. Она знает, где это, и не думаю, что на Луне отыщется больше пяти человек, которые бы тоже знали.

— Если считать меня, то шесть.

— Надо полагать. Но больше никому не говорите, а то мне не выйти из дома живой.

— Что ещё?

— Ничего. С остальным я разберусь сама.

Я дала отбой и принялась звонить.

Первым делом связалась с королевой. У неё не было того, что мне нужно, но она знала кого-то, кто знал ещё кое-кого, и обещала перезвонить. Я уселась, составила список всего необходимого, сделала ещё уйму звонков, и наконец Бренда

постучалась с чёрного хода.

Ей хотелось знать, как я себя чувствую, как пережила то да это — но не как журналисту, а как заботливому другу. Я слегка растрогалась, но надо было работать.

— Ударь меня, — скомандовала я.

— Простите?

— Ударь меня. Сожми руку в кулак и двинь меня в лицо. Нужно, чтобы ты сломала мне нос. До твоего прихода я пару раз пыталась сама, но, похоже, не смогла стукнуть достаточно сильно.

Бренда посмотрела на меня затравленно, будто припоминая все пути побега из моего дома и способы добраться до них, не потревожив меня.

— Проблема в том, — пояснила я, — что я не могу рисковать, появляясь на публике вот с этим лицом. Мне нужно другое, и побыстрее. Так что ударь меня. Ты знаешь, как: наверняка видела в кино, как это делают ковбои и гангстеры.

Я подставила лицо и закрыла глаза.

— Но вы… вы, надеюсь, сделали обезболивание?

— На какую такую дурочку я похожа, что ты об этом спрашиваешь? Не отвечай. Просто бей.

Она нанесла удар, который отправил бы в реанимацию муху, если бы та сидела на кончике

моего носа. Ей пришлось сделать ещё четыре попытки и даже взять старую биту, что завалялась у меня в шкафу, пока наконец характерный тошнотворный хруст не возвестил нам, что дело сделано. Мне не следовало вести себя с Брендой слишком жёстко. Возможно, я действовала беспорядочно, и существовал более лёгкий путь добиться желаемого, и девчонка заслуживала более подробных объяснений — но я была не в настроении. Впереди её ждало куда худшее, а я спешила.

Как и ожидалось, кровь хлынула ручьём. Я прижала кончик носа пальцем и сунула лицо в медицинский автомат. Когда спустя пару минут всё зажило, я получила широкий, скошенный влево нос, смутно напоминающий африканский, с большим крючком на конце.

Когда делаешь статью, нужно подготовиться, сымпровизировать, попотеть, а ещё нужна капелька вдохновения. Я постоянно таскаю в сумке вещички, к которым могу не прикасаться лет пять, но если уж они понадобятся мне, то понадобятся очень-очень. Маскировка мне требуется время от времени — хотя ещё никогда так отчаянно, как теперь — но я всегда готова перевоплотиться под влиянием момента. Со временем

маскироваться сделалось куда труднее, чем раньше. Люди стали лучше распознавать друг друга невзирая на небольшие перемены во внешности, потому что привыкли, что друзья-приятели меняют себе лица, следуя любой мимолётной причуде. Кустистых бровей или парика уже недостаточно, если хочешь быть уверенной, что тебя не узнают. Нужно изменить саму форму лица.

Я взяла отвёртку и принялась шарить по верхней челюсти между щекой и десной, пока не нащупала нужное скрытое углубление. Тогда я проткнула кожу, прижала инструмент к головке винта и стала поворачивать. Отвёртка соскользнула, но тут Бренда заглянула мне в рот и пришла на помощь. Она вращала винт до тех пор, пока моя скула не начала двигаться.

Это простое и дешёвое приспособление можно купить в любом магазине розыгрышей и установить за полчаса. Бобби хотел удалить его, он не выносит ничего, что могло бы испортить его работу. Я настояла на своём и теперь с радостью наблюдала в зеркало, как меняется моё лицо. Когда Бренда закончила, лицо сделалось намного шире, из-за натянутой кожи выглядело более худым, а веки слегка прикрывали глаза. Учитывая и новый нос, сама Калли вряд ли узнала бы меня.

А если я ещё и выдвину нижнюю челюсть так, чтобы нижние зубы перекрывали верхние, то буду выглядеть страннее некуда.

— Дайте я ещё немного поверну левую, — подала голос Бренда. — У вас лицо перекошено.

— Это даже хорошо, — возразила я.

Во рту был вкус крови, но вскоре всё прошло. Я снова глянула в зеркало, решила, что достаточно изменила внешность, и вернула лицевым нервам чувствительность. Нос немного саднило, но ничего более серьёзного я не почувствовала.

Полагаю, наверняка можно было бы добиться почти того же эффекта, просто напихав за щёки бумагу. Если бы у меня не было ничего другого, я бы так и поступила — но вы когда-нибудь пробовали разговаривать с набитым ртом? Актёров учат это делать, а меня не учили. К тому же ощущение чего-то лишнего за щекой отвлекает.

Бренда полюбопытствовала, что мы собираемся делать, и я задумалась, что можно без опаски рассказать ей. Выходило, не слишком-то многое, так что я просто приказала ей сесть. Она уставилась на меня широко распахнутыми глазами.

— Ты можешь выбрать одно из двух, — сказала я ей. — Первое, помочь мне провернуть эту шутку, а потом вежливо смыться, без обид и со-

жалений. Или второе, идти со мной до конца. Но должна сказать, если пойдёшь — не слишком-то много узнаешь. Мы можем раскрутить просто адскую историю, но и навлечь на себя массу неприятностей.

Она обдумала услышанное.

— Как много вы можете мне рассказать?

— Только то, что, как мне кажется, ты должна знать на данный момент. В остальном тебе просто придётся довериться мне.

— Хорошо.

— Дура ты! Никогда не доверяй никому, кто говорит: "Доверься мне". За исключением сегодняшнего случая, разумеется.

* * *

Я отправилась в "Кинг-сити Плаза", одну из лучших гостиниц по соседству с Плацем, и забронировала президентский номер-люкс при помощи аккредитива "Вымени", принадлежавшего Бренде и совсем недавно увеличенного до "А" с двумя плюсами. Я сказала Уолтеру, что, пока не закончу работу, мне может понадобиться и межпланетный лайнер — но правда была в том, что, поскольку платил за всё Уолтер, мне хотелось всего по высшему разряду. К тому же я никогда

не останавливалась в президентском люксе. Я зарегистрировала нас с Брендой под именами Кэтлин Тернер и Розалинды Расселл — двух из пяти исполнителей роли Хилдегард Джонсон (Хилдебрандта Джонсона) на голубом экране. Типчик за стойкой был явно не из киноманов — он даже глазом не моргнул.

К номеру-люкс прилагался обслуживающий персонал, в числе прочих парень и девушка в бассейне с минеральной водой, таком огромном, что в нём впору проводить учения военных кораблей. Парень был красавчик, и в другом настроении я, может быть, позволила бы ему остаться. Но я выставила всех вон.

Затем встала посреди комнаты и сказала: "Меня зовут Хилди Джонсон, и я объявляю этот номер своим законным местом пребывания". Лиз посоветовала сделать так специально для скрытых микрофонов и камер, на случай, если записи будут представлены в суд в качестве улик. У постояльца гостиницы такие же права, как у человека, проживающего в собственной или съёмной квартире, но меры предосторожности никогда не бывают излишними.

Я сделала ещё несколько звонков, и в ожидании, пока мне отзвонятся, прошлась по всем

комнатам, сбрасывая покрывала и простыни с многочисленных кроватей. Выбрала комнату, где не было окон, выходивших на Аллею, и принялась завешивать простынями все до единого зеркала. А их оказалось немало! Звонок, которого я ждала, раздался как раз когда я закончила. Я выслушала указания и вышла из комнаты.

В парке, что раскинулся неподалёку от гостиницы, мне пришлось бродить почти полчаса, и это меня ничуть не удивило. Полагаю, меня проверяли. Наконец я заметила мужчину, которого мне сказали найти, и уселась на противоположный от него конец парковой скамейки. Мы не смотрели друг на друга и не разговаривали. Затем он поднялся и ушёл, а на скамейке между нами остался мешок. Я выждала несколько минут,

сделала глубокий вдох и подобрала добычу. Никто не схватил меня за плечо! Наверное, для подобной работы у меня нервишки слабоваты.

Я вернулась в номер, и почти сразу же в дверь постучала Бренда. Она вернулась из похода по магазинам и прекрасно справилась: принесла всё, что я просила купить. Мы достали из пакетов и надели костюмы электриков: синие комбинезоны с нашивками Гильдии электриков и поясами для инструментов. Слева на груди были вышиты

наши имена: у меня — "Роз", а у Бренды — "Кэти". К своему поясу, вместе с традиционными гаечными ключами, обычными и электроотвёртками, я прицепила несколько предметов, доставшихся мне во время таинственного приключения в парке. Они подошли, как родные. Мы нацепили жёлтые пластмассовые каски, подхватили чёрные металлические коробки для завтрака, глянули друг на друга в зеркало — и покатились со смеху. Похоже, пока что Бренде нравилась игра. Это было настоящее приключение!

Бренда выглядела нелепо, как всегда. Можно было догадаться, что маскировочный костюм повиснет на ней, как парик на флагштоке. А между тем для своего поколения она вовсе не феномен. Кто знает, когда молодёжь перестанет вырастать всё выше? Вот ещё одна причина пресловутой пропасти между поколениями, о которой говорила Калли, того, что ровесники Бренды не слишком-то охотно посещают старые части города, где живут многие из их "предков". Дело всего-навсего в размерах: они устали биться головой о все потолки. В то время мы строили с расчётом на меньшие габариты.

У служебного входа в Главную студию перцеров не было охранников-людей. По большому счё-

ту, я и не ожидала на них наткнуться: согласно купленным мной сведениям, живых охранников в штате студии было всего шесть или семь. В подобных вопросах люди стремятся полагаться на машины, и на их доверии к технике легко сыграть, что я и продемонстрировала Бренде при помощи одной из незаконных штучек. Я помахала ею перед дверью и спокойно дождалась, пока красный огонёк сменится зелёным и дверь распахнётся. Мне сказали, что одно из трёх устройств, которые мне вручили, способно справиться с любой системой безопасности, какая бы ни встретилась нам в студии. Я только надеялась, что никто не захочет сыграть на моем доверии к тёмным личностям, что продают электронные отмычки, и к самой технике. Мы ведь доверяем жучкам-крохотулькам, не так ли? Я понятия не имела, как сработала эта вонючая электроника, но, едва завидев зелёный огонёк, послушно потрусила в дверь, будто павловская собачка Пятнаш.

Подняться на три этажа, пройти по двум коридорам, отсчитать седьмую дверь слева… И кто бы вы думали стоял под этой дверью с разочарованным видом? Крикет!

— Если вы дотронетесь до ручки этой двери, —

сказала я ей, — Элвис вернётся, но он не будет раздавать розовые "Кадиллаки".

Она подскочила от удивления, но совсем невысоко. Чёрт побери, эта девка не промах! Она пыталась выдать себя за некоего служащего из перцеровской когорты, держа перед собой папку, будто щит амазонки. Старая добрая папка способна послужить золотым ключиком, если умело ею пользоваться, а Крикет — прирождённая пройдоха. Она надменно взглянула на нас сквозь тёмные очки и фыркнула:

— Прошу прощения, что вы обе здесь делае…

Произнося это, она листала свою папку, словно бы в поиске наших имён (которых мы не называли) — и вдруг узнала высоко под потолком, в тени жёлтой каски, личико Бренды. Она была совершенно не готова ни к этому, ни к ошеломляющей догадке, кто служит Санчо Пансой у Доньи Бренды Кихот.

— Проклятье, — выдохнула она. — Это же ты? Ты ли это, Хилди?

— Собственной персоной. Мне стыдно за тебя, Крикет! Не можешь преодолеть обычную дверь? По всей видимости, ты забыла свой скаутский девиз.

— Всё, что я помню, это: "Не пускай его с чёрно-

го хода на первом свидании".

— "Будь готова", любовь моя, "будь готова"! — и я махнула в сторону двери одной из моих волшебных палочек.

Разумеется, один из огоньков заупрямился и остался красным. Тогда я наугад выбрала другое устройство, и электроника сработала, как нечестный игровой автомат. Мы вошли в дверь, и тут я догадалась, для чего Крикет тёмные очки.

Мы попали в обычный коридор, из которого вели три двери. Из-за одной доносилась музыка. Если верить карте, за которую я заплатила кучу денег Уолтера, это и была нужная дверь. На сей раз я использовала все три прибора, и последнему из них пришлось потрудиться. Каждый из красных огоньков соблаговолил погаснуть только после бешеной пляски цифр на дисплее отмычки. Похоже, она каким-то образом вмешивалась в код сигнализации. Как бы то ни было, дверь открылась, и мы не услышали никакого сигнала тревоги. Мы бы так и так его не услышали, но прислушивались помимо собственной воли. Мы прошли внутрь и очутились в маленькой комнатке наедине с Верховным Советом перцеров.

Или, точнее сказать, с головами советников.

Головы лежали на полке в нескольких метрах

от нас и были обращены лицами в противоположную от двери сторону — на большой экран, где шёл фильм "Это случилось на Всемирной ярмарке"[51]. Они находились в своих ящиках — не думаю, что их легко было бы оттуда извлечь, — так что пред нашими взорами предстали телеэкраны, отображавшие семь затылков. Если перцеры и заметили нас, то не подали виду. Впрочем, для меня по сей день остаётся загадкой, как бы они могли его подать. К нижней части полки было подсоединено множество проводов и трубок, они вели к небольшим аппаратам, что-то весело гудевшим себе под нос.

Бренда начала ужасно нервничать. Она собралась что-то сказать, но я приложила палец к губам и надела маску. Под внимательным взглядом Крикет Бренда последовала моему примеру. Я заранее запаслась эластичными масками, искажающими голос — такие обычно продаются на Хэллоуин. Сейчас я прибегла к ним больше для того, чтобы успокоить Бренду — не думаю, что они были бы нам полезны, если бы всерьёз запахло жареным, ведь камеры слежения при входе наверняка давно запечатлели наши лица.

---

[51] Примечания: 51

It Happened at the World" s Fair — мелодрама (США, 1963 г.), режиссёр Н. Таурог, в главной роли Элвис Пресли.

Но она разбиралась в подобных вещах куда меньше моего и даже не задумалась об этом.

Крикет держала руку в кармане с тех пор, как мы вошли в первый коридор. Теперь она потянула её наружу, и я с криком: "Что это там за чёрт?!" — ткнула пальцем ей за плечо. Она оглянулась, а я выхватила из-за пояса один из гаечных ключей и с силой вмазала ей по макушке.

Это сработало вовсе не так красиво, как показывают по телевизору. Крикет рухнула, но тут же приподнялась на руках и потрясла головой. Изо рта её тянулась нитка слюны. Я снова ударила её, на этот раз до крови, но она всё никак не отключалась. В третий удар я вложила настоящую силу — но, как и следовало ожидать, Бренда схватила меня за руку и сбила прицел. Ключ соскользнул вбок и повредил голову сильнее, чем я намеревалась, но самое главное получилось: Крикет осела на пол, как мешок сырого цемента, и больше не двигалась.

— Что вы творите, чёрт вас возьми? — спросила Бренда. Под действием маски её голос стал похож на кваканье жабоящера с планеты Икс.

— Бренда, я же сказала, никаких вопросов.

— Я не собиралась делать ничего подобного.

— Я тоже, но если ты сейчас начнёшь путаться

у меня под ногами, клянусь, я сломаю тебе обе руки и брошу здесь рядом с ней.

Она смерила меня взглядом сверху вниз, тяжело дыша, и я засомневалась, смогу ли так уж легко с ней справиться. Мои поединки с разъярёнными женщинами не всегда оканчивались победой, даже если у меня было преимущество в весе. Но она дрогнула и покорно качнула головой. Я упала на одно колено, перевернула Крикет на спину и нагнулась к лицу. Я ощутила её пульс — вроде бы он бился нормально, приподняла веко и проверила зрачок. На этом мои познания в области первой помощи заканчивались, но я убедилась, что жизнь поверженной конкурентки вне опасности. К тому же ей скоро придут на помощь, хотя она этому и не обрадуется. Я подобрала оглушарик, выпавший из её ослабевших пальцев, и спрятала себе в карман. Затем сунула Бренде фотографию:

— Посмотри вон в тех кабинетах и найди нечто подобное.

— Что мы…

— Проклятье, никаких вопросов!

Я проверила четвёртый, самый дорогой воровской инструмент, который работал не переставая с тех пор, как мы проникли в студию. Все лампочки были зелёные. Этот прибор подавлял все

активные и пассивные системы, которые могли бы издать крик о помощи вместо семи гномиков на полках. Не спрашивайте меня, каким образом — я знаю только, что если один человек смог придумать замок, то другой обязательно догадается, как его вскрыть. Я заплатила бешеные деньги за информацию о системах безопасности студии, и до сих пор мои затраты окупались. Я обогнула полку и встала между экраном и Советом, чтобы видеть семь знаменитых "говорящих голов", примелькавшихся на телеэкранах с начала начал. Я выбрала самого Верховного Перцера и наклонилась поближе к его чопорному недовольному лицу. Его первой реакцией было попытаться, насколько позволял обрубок шеи, разглядеть, что там сзади меня. Фильм интересовал его больше, чем возможная угроза его жизни! Полагаю, если живёшь в коробке, то поневоле начинаешь довольно-таки фаталистски относиться к подобным вещам.

— Я хочу, чтобы вы сказали мне, каким образом снять вас с полки, не причинив вам вреда, — произнесла я.

— Не трудитесь, — фыркнул он. — Через несколько минут сюда придут, и вы будете арестованы.

Я надеялась, что он блефовал, но никоим образом не могла удостовериться в этом.

— Сколько вы проживёте без этих машин?

Он поразмыслил и сделал движение головой, которое я истолковала как попытку пожать плечами:

— Отсоединить меня легко, просто поднимите за ручку сверху ящика. Но я погибну через несколько минут.

Казалось, эта мысль нисколько не смутила его.

— Если только я не подсоединю вас к одной из этих штуковин, — я взяла у Бренды найденный ею прибор и показала Верховному Перцеру. Он скорчил кислую мину.

Не знаю, как этот прибор назывался, но назначение его было в том, что он позволял голове жить. В нём содержалось нечто вроде искусственных органов — сердца, лёгких, почек и тому подобного — в сильно уменьшенном виде: много ли надо голове без тела? Мне сказали, что он сможет поддерживать жизнь Верховного Перцера восемь часов на собственных ресурсах, а при подключении к медицинскому автомату — бесконечно. По размерам он был таким же, что и ящик для головы, а глубиной — сантиметров десять. Я поставила прибор на пол и подняла

ящик за ручку. На мгновение Перцер забеспокоился. Несколько капель крови упали на полку. Я разглядела там лабиринт металлических игл, пластиковых трубок и воздуховодов. Подобный же рисунок складывался и на поверхности переносного устройства, так что невозможно было подсоединить голову неправильно. Я установила ящик на систему жизнеобеспечения и надавила книзу.

— Всё правильно? — спросила я Верховного Перцера.

— Там особо не в чем ошибаться, — ответил он. — Но вам никогда не выйти отсюда с этой ношей.

— Посмотрим.

Я нашла нужные тумблеры, отключила его голос и три из четырёх экранов, а четвёртый, где раньше было его лицо, переключила на фильм, который перцеры смотрели, когда мы вошли.

— Пора убираться отсюда, — сказала я Бренде.

— А как же она? Как же Крикет?

— Сказала ведь, никаких вопросов! Идём!

Она поплелась за мной в коридор, за дверь, у которой мы встретили Крикет, и дальше по коридорам — пока мы не свернули за угол и на пути у нас не оказался крепкий мужичок в коричневой

форме. Он скрестил руки на груди и хмуро уставился на нас:

— Куда это вы с этим направляетесь?

— А как ты думаешь, Мак? — ответила я. — Несу обратно в магазин. Когда пытаешься включить десять тысяч таких штук одновременно, случаются поломки.

— Мне никто ничего не сообщил.

Я поставила Верховного Перцера на пол так, чтобы охранник мог видеть фильм, и он тут же отвлёкся от нас на экран — на что я и надеялась. Есть в движущихся картинках нечто притягательное — особенно для перцеров. На всякий случай я положила руку на свой верный гаечный ключ, а другой рукой принялась со скучающим видом перелистывать папку Крикет. Дошла до некой страницы — кажется, это был страховой полис на квартиру Крикет — и торжествующе изрекла, указывая в середину:

— Ну вот же написано — изъять и отремонтировать один видеомонитор семнадцатой модели, номер заказа 45293а/34. Исполнение возложить на таких-то сяких-то.

— Видать, бумаги ещё не дошли до меня, — отозвался охранник, всё ещё поглядывая на экран. Должно быть, там как раз показывали сцену,

которая ему особенно нравилась. А я знала лишь одно — если бы он попросил взглянуть на бумаги, я протянула бы ему папку и огрела ключом, едва он склонил бы голову.

— Так всегда и бывает.

— Ага. Я просто удивился, что вы тут бродите парочкой, после всей этой кутерьмы с убийством Сильвио и всё такое…

— Какого чёрта, — пожала я плечами, подхватила Верховного Перцера и сунула под мышку. — Иногда приходится отмахать лишний километр, если хочешь получить голову.

С этими словами мы вышли за дверь.

* * *

У Бренды хватило сил пройти ещё сотню метров по коридору, но затем она прошептала: "Кажется, я сейчас в обморок упаду…" Я подтащила её к скамье посреди аллеи, усадила и нагнула ей голову ниже колен. Она дышала неровно, её всю трясло, и руки были холодны как лёд.

Я вытянула свою руку и с удовольствием отметила, что она тверда. Честно говоря, я ничего уже не боялась после того, как сняла Перцера с полки — мне казалось, что если и был момент, в который мои приспособления могли меня подвести,

то это случилось бы как раз тогда. Но мне помогало нечто, что сотни раз приходило на помощь многим куда более профессиональным взломщикам задолго до того, как я впервые попытала себя в этом ремесле: фактор неожиданности. До сих пор никому просто не приходило в голову, что кто-то захочет украсть одного из членов Совета. В остальном же… если хотите, можете почитать все эти восхитительно закрученные истории о том, как в прошлом шпионы похищали государственные и военные секреты при помощи тщательно разработанных правил, воровского гения и изысканной ловкости. Может быть, некоторые секреты и вправду были украдены именно так — но держу пари, что большинство тайн уплыло в руки людей в спецодежде, которые просто пришли к нужному чиновнику и попросили дать им что требовалось.

— Ну что, уже всё? — слабым голосом спросила Бренда. Выглядела она бледненько.

— Пока нет. Но почти. И вопросы задавать всё ещё нельзя.

— И всё-таки совсем скоро они у меня появятся, и чертовски трудные.

— Надо полагать.

* * *

В целях экономии времени я не стала посылать Бренду за костюмами, в которые мы могли бы переодеться на обратном пути, так что мы просто сбросили шмотки электриков, выкинули их в мусорку в общественной уборной и вернулись в гостиницу нагишом. Я несла Верховного Перцера в пакете с рекламой одного из магазинов на Плаце, и мы держали руки друг у друга на талии, будто влюблённые. В лифте Бренда отшатнулась от меня, как от зачумленной, и всю дорогу наверх не проронила ни слова.

— Теперь мы можем поговорить? — спросила она, когда я закрыла за нами дверь номера.

— Погоди минутку.

Я вытащила из пакета ящик с головой и несколько трофеев: "волшебные палочки", тёмные очки и оглушарик. Затем взяла газету и несколько минут смотрела и читала, спиной ощущая растущее нетерпение Бренды. В новостях не говорилось ни слова о дерзком ограблении Главной студии и не было заголовка "Их разыскивает полиция" с описанием примет Роз и Кэти. Впрочем, я и не ожидала увидеть ничего подобного. Перцеры знали толк в правилах огласки: хотя и есть их заслуга

в появлении старой поговорки: "Неважно, что напишут, главное — не переврали бы имя", — они предпочитали предварительно просматривать новости, прежде чем решить, допускать ли их до публики. Из нашего дела торчало около сотни смертельно острых углов, на которые перцеры обязательно наткнулись бы, решись они раскрутить его, и я полагаю, они очень долго думали бы, прежде чем сообщить о нашем преступлении в полицию — если бы вообще надумали сообщать. К тому же им за глаза и за уши хватало историй, замешанных на недавнем убийстве — так что их пресс-службе на много месяцев найдётся что скармливать газетам и журналам.

— Ну вот, — сказала я Бренде, — на некоторое время мы в безопасности. Что ты хотела узнать?

— Ничего, — холодно ответила она. — Я только хотела сказать, что вы самая отвратительная, наипорочнейшая, ужаснейшая…

Ей не хватило воображения, чтобы сказать, кто. Придётся ей поработать над этим — я с ходу могла подсказать дюжину подходящих определений. Но вовсе не по тем причинам, что она думала.

— Это почему же? — спросила я.

Она на мгновение застыла, поражённая глубиной моего падения — в моём голосе не было ни

тени угрызений совести.

— Что вы сделали с Крикет! — воскликнула она, вскакивая. — Это такая низость, такой нож в спину!.. Не думаю, что захочу знаться с вами после всего этого.

— Да и мне тоже вряд ли захочется, скорее всего. Но — сядь. Я должна показать тебе одну вещь. Точнее, две.

В "Плазе" очаровательные антикварные телефоны, и один из них был как раз поблизости от моего стула. Я сняла трубку и набрала номер по памяти. Послышался приятный голос:

— "Откровенное дерьмо", отдел новостей.

— Передайте редактору, что одну из ваших журналисток удерживают против её воли в Главной студии П.В.Ц.С.З.

— Кого бы это? — в голосе послышалась настороженность.

— Сколько вы выкурили сегодня утром? Её имя Крикет. Фамилии не знаю.

— А кто вы, мэм?

— Друг свободной прессы. Вам лучше поспешить: когда я уходила, они связали её и включили "Солдатский блюз"[52]. Возможно, это уже довело

---

[52] Примечания: 52
GI Blues — песня из репертуара Элвиса Пресли.

её до беспамятства, — и я повесила трубку.

Бренда с расширенными от гнева глазами прошипела, брызгая слюной:

— И вы думаете этим исправить то, что сотворили с ней?!

— Нет, и она этого не заслуживает — но, возможно, поступила бы так же со мной, если бы мы поменялись ролями. А это чуть было не произошло. Я знаю редактора "Дерьма": через десять минут она вышлет отряд из пятидесяти штурмовиков к воротам Студии, и в арсенале у неё немало оружия, против которого перцеры не выстоят — к примеру, она способна наследить на первых полосах всех изданий ближайшего часа, если ей сейчас же не выдадут Крикет. Перцеры, разумеется, предпочтут решить всё по-тихому, но они не прыгнут выше головы, выведывая у Крикет наши имена, поскольку история выглядит, будто бы "тать у татя украл утятя".

— А если это не было так, то что это было?

— Это было золотое правило, сладкая моя, — произнесла я, надела тёмные очки Крикет и взяла оглушарик двумя пальцами, большим и указательным. — В журналистике оно звучит так: скрути в бараний рог других, пока не скрутили тебя.

Тут я сдавила оглушарик и бросила его между нами.

Проклятье, до чего же эти штуки яркие! Он напомнил мне о взрыве в Канзасе и, казалось, чуть не прожёг дыры в защитных линзах. Вспышка длилась несколько долей секунды, но когда я сняла очки, тело Бренды безвольно свисало со стула. Она будет без сознания от двенадцати минут до получаса.

Ну и мирок…

Я подобрала главу церкви и отнесла в подготовленную комнату. Там поставила его на стол лицом к телеэкрану размером во всю стену, который пока что был выключен. Затем постучала по крышке ящика:

— Вы там в порядке?

Он не ответил. Я повернула защёлку и открыла переднюю стенку, которая до сих пор показывала одинаковый фильм на обеих поверхностях — внешней и внутренней. На меня глянуло свирепое лицо.

— Закройте дверь! — рявкнул Перцер. — Осталось всего десять минут до конца.

Я извинилась и вернула стенку на место. Но тут же взяла испытанный гаечный ключ — я уже успела привязаться к нему — и ударила по

стеклянному экрану. Он разлетелся вдребезги, и за дождём осколков я на мгновение увидела блаженную улыбку на лице пленника. Оно тут же принялось выкрикивать ругательства. Где-то послышалось жужжание моторчика, усиленно прокачивавшего воздух через то, что заменяло Перцеру гортань. Голова тщетно пыталась извернуться, чтобы видеть левый или правый экраны — они тоже были настроены на ту же программу.

— Ох, вы, оказывается, смотрели! — притворно огорчилась я. — Как неловко с моей стороны…

Я вытянула из стены шнур, подключила плеер, встроенный в ящик, к стенному телевизору и поставила звук на минимум. Перцер поворчал немного, но в конце концов не смог устоять перед магией танцующих за моей спиной картинок. Если даже он и заметил, что я позволила ему увидеть моё лицо, то нисколько не обеспокоился тем, чем это могло бы для него обернуться. Похоже, смерть занимала далеко не первую строку в списке его страхов.

— Вы же знаете, вас накажут за это, — произнёс он.

— Да, и кто же? Полиция? Или у вас в подчинении собственные карательные отряды?

— Разумеется, полиция.

— Полиция никогда не услышит о случившемся, и вам это известно.

Он лишь фыркнул в ответ. И фыркнул снова, когда я разбила экраны по обе стороны от него. Но когда я потянулась к вилке телевизионного шнура, он встревожился.

— Увидимся позже. Если проголодаетесь, кричите, — подмигнула я, выдернула вилку из розетки, и большой экран погас.

* * *

Мне было не во что одеться, сидеть сложа руки стало невыносимо, и я спустилась в вестибюль и принялась бродить по тамошним магазинчикам. Так я убила полчаса, но сердце было не на месте. Невзирая на все мои умопостроения касательно перцеров, я всё время ждала похлопывания по плечу и мелодичного голоса над ухом: "Надеюсь, у вас есть хороший адвокат?". Я выбрала первые попавшиеся просторные шаровары из золотистого шёлка и блузку им в тон — так называемую дневную пижаму — и купила, просто потому, что терпеть не могу шляться голой по общественным местам… ну и не в последнюю очередь из-за того, что по счетам платил Уолтер. Затем я подумала

о Бренде, и во мне проснулся интерес. Я отыскала для неё похожий комплект в зелёных тонах, подходящих к цвету её глаз. Рукава и штанины пришлось сильно надставить, зато длина блузки оказалась как раз нужной: этот костюм предполагал открытый пупок.

Когда я вернулась в номер, Бренда уже не валялась на стуле. Я нашла её в санузле — она обнимала унитаз и плакала навзрыд. Со стороны она походила на гигантскую изломанную вешалку. Я почувствовала себя так низко, будто сижу на клочке туалетной бумаги и болтаю ногами — как выразилась бы Лиз. Я никогда раньше не пользовалась оглушариком и успела забыть, как от него бывает плохо. Но если бы помнила — то всё равно использовала бы его? Не знаю. Возможно.

Я опустилась на колени рядом с Брендой, обняла её за плечи. Она успокоилась и не попыталась отстраниться, лишь изредка всхлипывала. Я промокнула ей рот салфеткой, спустила содержимое унитаза, оттащила бедняжку от толчка и прислонила спиной к стене. Она утёрла глаза и нос и уставилась на меня мёртвым взглядом. Я вытащила пижаму из пакета и подняла повыше:

— Смотри, что я тебе достала… э-ээ… купила на твою кредитку, но Уолтер сегодня щедрый.

Она выдавила слабую улыбку и протянула руку, и я вручила ей обновку. Она попыталась проявить интерес, приложила блузку к груди… Я подумала, что если она поблагодарит меня, я разревусь и побегу в полицию умолять, чтобы меня арестовали. Но она лишь вымолвила:

— Красиво… думаете, это будет хорошо на мне смотреться?

— Поверь мне, — брякнула я.

Она выдержала мой взгляд, не дрогнув, и на этот раз не было ни её коронной извиняющейся улыбки, ни одного жеста из серии "не бейте меня, я беззащитна". Возможно, она немного повзрослела. Какой стыд…

— Не думаю, что поверю, — ответила она.

Я положила ей руки на плечи, близко взглянула в лицо и с чувством произнесла:

— Молодец.

Затем выпрямилась, подала ей руку, и она протянула свою. Я подняла её, и мы вернулись в гостиную.

Бренде стало немного полегче, когда она примерила одежду и принялась вертеться перед большим зеркалом, оглядывая себя со всех сторон. Это напомнило мне о пленнике, и я, приказав ей подождать здесь, отправилась его проведать.

Ему было далеко не так плохо, как я полагала, и я постаралась не показать, насколько это меня обеспокоило. Я не могла понять, в чём дело, пока не опустилась на корточки, так, чтобы наши лица были на одном уровне, и не взглянула на выключенный телевизор, в который он пялился.

— Ах вы хитрый шельмец! — вырвалось у меня. В тусклом зеркале пластикового экрана отражалась часть изображения с задней стенки ящика — той, к которой Перцер был обращён затылком и которая единственная осталась цела. Я не могла различить, что там шёл за фильм — да и сам пленник, скорее всего, тоже не мог, учитывая, как мало ему удавалось разглядеть, к тому же, без звука — но, по всей видимости, ему и этого хватало для поддержания духа. Я схватилась за ручку и повернула негодяя прочь от телевизионной стены. Он смотрелся любопытной деталью посреди комнаты — о таком интересном собеседнике можно только мечтать на любой вечеринке: бестелесная голова на толстом металлическом постаменте, а вокруг неё четыре столбика, и сверху плоская крыша. Как будто маленький храм.

Теперь Верховный Перцер выглядел встревоженным не на шутку. Я снова присела и осмотрела все занавешенные зеркала и стёкла

— но не нашла ни одной поверхности, на которую могло бы падать отражение с экрана позади Перцера, если я включу большой телевизор, что я и сделала. Несколько мгновений я раздумывала по поводу звука, но решила его оставить, из тех соображений, что для пленника должно было быть более мучительно слышать фильм и не иметь возможности его видеть. Если же это окажется не так, я могу попробовать убрать звук через час или около того — разумеется, если у нас найдётся столько времени. Но посмотрим правде в глаза: если бы нас разыскивали, то довольно легко смогли бы найти. Я сделала голове ручкой, скорчила рожу в ответ на длинную тираду ругательств и вышла из комнаты.

Как вытянуть информацию из того, кто не хочет говорить? Я задавалась этим вопросом ещё до того, как начала свою проделку. Ответ очевиден — прибегнуть к пытке, но даже я считаю, что это за гранью допустимого. Однако же пытка пытке рознь. Если человек провёл большую часть жизни, пассивно наблюдая, как бесконечная череда изображений сменяет друг друга перед самым его носом, если всё время своего бодрствования он отдавал просмотру — то как он отреагирует, если телевизор выключить? Довольно скоро я

это узнаю. Где-то я читала, что люди, которых подвергали сенсорному голоданию — помещая их в свето- и звуконепроницаемые цистерны с водой, нагретой до точного совпадения с температурой тела, — быстро теряли ориентацию и становились покладистыми, утрачивали волю к сопротивлению. Может быть, это произойдёт и с Верховным Перцером.

Мы с Брендой провели полчаса в молчании, сидя рядышком на стульях, но с тем же успехом могли сидеть и на разных планетах. И когда она наконец заговорила, то даже напугала меня: я настолько затерялась в своих мыслях, что забыла о её присутствии.

— Она собиралась использовать это против нас, — произнесла Бренда.

— Кто, Крикет? Ты же видела, это выпало у неё из руки. Эта штука называется оглушарик. Как мне говорили, нокаутирует человека в момент.

— Вам говорили верно. Это было ужасно.

— Мне правда очень жаль, Бренда. Тогда мне показалось, что это хорошая мысль.

— Так и было. Я сама напросилась. И получила по заслугам.

Я не была уверена, что она права, я всего лишь выбрала самый быстрый путь показать, чего

мы с ней едва избежали. Вот такова я во всём: сначала действую, быстро и грязно, а объясняю потом. Бренда подумала ещё несколько минут и продолжила:

— Может быть, она просто хотела помучить этим перцеров?

— Конечно — она же не ожидала встретить нас. Но ты не видела, чтобы она и нам предложила надеть тёмные очки. Мы бы свалились заодно с перцерами.

— И она оставила бы нас там.

— Как и мы её.

— Ну-у… вы же сказали, что она не ждала нас… Мы вынудили её так поступить.

— Бренда, ты пытаешься оправдать Крикет, но в этом нет необходимости. Она тоже вынудила меня. Думаешь, я была рада проломить ей голову? Мы же с ней друзья.

— Вот как раз этого я и не могу понять.

— Послушай, я не знаю, в чём состоял её план. Может быть, у неё были при себе и наркотики, что-нибудь, что заставило бы перцеров разговориться прямо на месте. Возможно, это было бы лучше всего, если разобраться. Наказание за… э-э… ну, скажем, похищение головы… окажется весьма крепким, если меня схватят.

— И меня тоже.

Тут я показала ей пистолет, купленный у Лиз. Она отпрянула в шоке, и я спрятала оружие. Я не виню девчонку: эти пистолеты — гадкие штучки. Догадываюсь, почему они вне закона.

— Нет, только меня. Если до этого дойдёт, ты можешь сказать, что я держала тебя на мушке всё время. А мне не составит труда убедить судью, что я лишилась разума. В любом случае, можешь быть уверена, Крикет держала в голове некий план нападения и просто сымпровизировала, когда на сцене появились мы. И всё это ради статьи, понимаешь? Спроси об этом у Крикет, когда всё закончится.

— Не думаю, что она захочет со мной разговаривать.

— Почему бы нет? Она не будет точить на тебя зубы, она же профессионал. О, конечно, поначалу она разозлится, а потом постарается сделать с нами что угодно, если мы снова перейдём ей дорогу — но это будет вовсе не ради мести. Если бы статью можно было написать сообща, она бы скорее согласилась работать вместе. Но беда в том, что эта статья слишком важная, чтобы ею делиться. Думаю, как только мы увидели друг друга, мы обе поняли, что одна из нас не выйдет

из той комнаты. Я просто среагировала быстрее.

Бренда затрясла головой. Что ж, я сказала ей всё, что собиралась, и ей придётся либо понять и принять это, либо сменить профессию. Внезапно она подняла глаза, будто что-то вспомнив:

— Кстати о ваших словах… Я не могу позволить вам этого. Я имею в виду, одной отвечать за всё.

Я изобразила гнев, но была снова тронута. Какая же она сладкая маленькая дрянь! Надеюсь, Крикет не съест её живьём, когда они встретятся снова.

— Даже и не думай, всё ты позволишь, черти тебя раздери. Пора повзрослеть! Сначала месть, теперь альтруизм… Эти вещи существуют для особых случаев, которые выпадают крайне редко. И им не позволено становиться на пути создания статьи. Хочешь быть альтруисткой у себя дома — пожалуйста, но только не при Уолтере. Он уволит тебя, если прослышит об этом.

— Но это же неправильно…

— А здесь ты тем более не права. Я не говорила тебе ни слова о том, что мы собираемся делать. Тебя нельзя привлечь к ответственности. Мне пришлось немало попотеть, чтобы это оказалось именно так, и ты неблагодарное отродье, если думаешь, как ловчее выбросить мои труды на

помойку.

Мне показалось, что она вот-вот опять расплачется, и я встала и отправилась за выпивкой. Быть может, я и сама украдкой вытерла глаза, стоя на кухне и глотая на удивление горький бурбон. Сдаётся мне, он мог бы быть лучше в номере стоимостью две тысячи за ночь.

* * *

Когда Верховный Перцер провёл два часа без всякого изображения перед глазами, глядя лишь на слабое мерцание на стенах — отблеск экрана, что продолжал работать позади его затылка, — я просунула в дверь свою голову, гадая, удастся ли мне сохранить её на плечах, когда история закончится. Меня встретил взгляд, полный отчаяния. Всё лицо пленника лоснилось от пота.

— Это была одна из моих любимых серий, — проскулил он.

— Вы можете потом посмотреть её в записи, — парировала я.

— Это будет совсем не то, чёрт побери! Я ведь уже всё слышал.

Я решила было, что нам немного повезло — его любимый сериал показывали как раз тогда, когда мне понадобилось средство кое-что выудить из

его головы. Но по зрелом размышлении поняла: любой сериал, какой бы ни показывали, неизбежно должен был оказаться его любимым, ведь он смотрел их все.

— Я пропустил длинную любовную сцену Дэвида и Эверетт. Будьте вы прокляты.

— Вы готовы ответить на несколько вопросов?

Он начал было трясти головой — то малое, что осталось ему от шеи, позволяло совершать ограниченные движения вверх-вниз и вперёд-назад — но словно бы невидимая рука схватила его за подбородок и заставила несколько раз кивнуть. Полагаю, то была "рука" его телемании.

— Не вздумайте взять свои слова обратно, — предупредила я. — У меня есть ещё один свидетель.

Я повернулась и наткнулась на Бренду — та стояла прямо у меня за спиной. На ней не было маски, и я подумала было рассердиться на неё за это, но — какого чёрта! Она была моим полноценным соучастником — если только мне не удастся обосновать в суде свою теорию принуждения… до чего, я надеялась, всё-таки не дойдёт.

Мы поставили стулья по обе стороны большого экрана и развернули Перцера лицом к нему. Я подумала, что мы не скоро дождёмся его ответов,

поскольку он тут же впился взглядом в экран и больше не смотрел на нас — но оказалось, он прекрасно умеет следить за сюжетом и одновременно разговаривать.

— Для протокола, — произнесла я. — Был ли вам причинён какой-либо вред с того момента, как мы взяли вас на эту небольшую прогулку?

— Из-за вас я пропустил любовную сцену Дэвида и Эв…

— За исключением этого.

— Нет, — ворчливо ответил он.

— Вы голодны? Хотите пить? Не нужно ли вам… есть ли в этой штуке дренажная труба? Какое-либо устройство сброса отходов? Не хотите ли спустить лишнее пиво?

— Такой проблемы нет.

Таким же образом я задала ещё несколько вопросов, наподобие "назовите ваше имя, должность и серийный номер", просто чтобы он привык отвечать и не слишком задумывался. Этот способ частенько служил мне добрую службу, даже в разговоре с теми, кто всё время даёт интервью. Затем я подобралась вплотную к вопросу, ради которого затеяла всё это, и он ответил почти то, что я ожидала услышать.

— Так кому же пришло в голову убить Силь-

вио?

Я услышала, как Бренда втянула воздух от изумления, но не отвела глаз от Перцера. Он сердито скривил губы, но продолжал молча смотреть на экран. Когда мне показалось, что мы можем не дождаться ответа, я потянулась к шнуру телевизора — и история выплыла наружу:

— Не знаю, кто проговорился вам — мы приняли самые строгие меры безопасности, только узкий круг посвящённых знал, что должно было случиться. Мне хотелось бы, чтобы потом вы сообщили имя болтуна.

Я решила пока скрыть от него, что никто ни о чём не болтал. Надеялась, если он будет считать, что его предали, то не сможет парировать удары. Но мне оказалось не о чем беспокоиться.

— Впрочем, вам ведь не важно, чья была идея убийства, — продолжила голова. — Вам не это важно. Всё, что вам нужно, это чтобы кто-нибудь признался, что придумал это. Раз уж я здесь, раз уж мне выпало объявить новость, давайте напишем, что идея моя, хорошо?

— И вы добровольно берёте вину на себя? — спросила Бренда.

— Почему бы нет? Мы все сошлись во мнении, что так и нужно было поступить. Мы провели

отбор, чтобы назначить исполнителя убийства, и кое-кто оказался в проигрыше — но мы можем это уладить, только дайте мне время предупредить их, чтобы наши показания совпали.

Я покосилась на Бренду, чтобы по её лицу понять, как она отнеслась ко всему этому — к самой истории и к тому, как я и человек, купивший большой успех, бесстыдно фабрикуем новость. То, что я увидела, навело меня на мысль, что девчонка ещё не потеряна для новостного бизнеса. В глазах журналистов, напавших на след большой сенсации, появляется некий сосредоточенный, кровожадный блеск — чтобы полюбоваться им в первозданном виде, советую посетить в зоопарке вольеры крупных диких кошек. По лицу Бренды я прочла, что если сейчас между ней и нашей новостью встанет тигр — она пробьёт в нём дыру размером и формой с высокую журналистку.

— Вы имеете в виду, — предположила она, — что выбрали человека, который отправится в тюрьму, если кто-нибудь когда-нибудь докопается до истины в этой истории.

Увы, это говорило о том, что она так до конца и не разобралась в этом человеке и его церкви.

— Ничего подобного, — отбрил Верховный Перцер. — Мы знали, что истина рано или поздно

откроется, — тут он скорчил кислую мину, — хотя, конечно, надеялись, что попозже. Тогда бы мы успели выжать из неё всё возможное под любым углом зрения. Вы выросли для нас в нешуточную проблему, Хилди.

— Спасибо, — откликнулась я.

— После всего, что мы сделали для вашей братии!.. — надулся он. — Сначала вы становитесь на пути второй пули. Так вам и надо, вы же и пострадали.

— Ни капельки не страдала. Пуля прошла навылет.

— Обидно это слышать. Все пули были тщательно спланированы. Какая-то пронзила бы лоб, какая-то щёку, какая-то прошла бы ещё где-то рядом, а разорваться они должны были позднее и размозжить только затылок.

— Пули "дум-дум", — неожиданно произнесла Бренда. Она взглянула на меня и пожала плечами: — Когда вас ранило, я навела справки.

— Неважно, — продолжил Перцер. — Вторая пуля разорвалась, настигнув вас, и чересчур сильно повредила Сильвио лицо, плюс к тому его всего забрызгало вашей кровью. Вы испортили картину.

— А вот мне она показалась довольно впечат-

ляющей.

— Благодарение Элвису за Крикет! Затем, как будто вы и без того недостаточно натворили, вы нарушаете закон и заставляете меня раскрыть карты на две недели раньше. Мы и подумать не могли, что вы пойдёте на нарушение закона — по крайней мере, не до такой же степени…

— Так подайте на меня в суд.

— Не глупите. Это выглядело бы чистейшей воды безумием, не правда ли? Всеобщие симпатии были бы на вашей стороне. Люди подумали бы, что вы оказали обществу услугу.

— На что я и надеялась.

— Ни в коем случае. Но у нас ещё есть время придать событиям верное направление и принести друг другу немалую пользу. Вы ведь знаете нас, Хилди. Вы знаете, что мы готовы сотрудничать с вами, чтобы ваша статья вызвала бешеный читательский интерес — если только вы позволите нам немного вмешаться там и сям, в порядке контроля наносимого ущерба.

Кое-что из происходящего никак не укладывалось у меня в голове, но мне пока не удавалось сформулировать вопросы. Откровенно говоря, хоть я немало повидала на своём веку и немало натворила, эта история грозила вот-вот свести

меня с ума. И чего мне по-настоящему хотелось, так это бежать отсюда прочь, найти хорошее бейсбольное поле и сыграть пару-тройку подач, используя этого жуткого психопата вместо мячика.

Но я взяла себя в руки. Мне уже приходилось брать интервью у извращенцев, ведь публика всегда хочет знать о них побольше. И я задала следующий вопрос… Как бы мне хотелось потом взять его обратно и никогда не слышать ответа!

— Вот чего я никак не могу представить… или я совсем тупая… — медленно произнесла я, — под каким таким соусом вы намерены подать новость? Каким образом церковь рассчитывает выйти сухой из воды? Не убить его, как я понимаю, вы не могли. Негоже было живому святому бесконтрольно разгуливать повсюду, пукать и рыгать, как простому смертному. Сильвио должен был это понимать. Только подумайте, как неловко почувствовали бы себя христиане, если бы Иисус вернулся — им пришлось бы поскорее снова распять его, пока он не опрокинул слишком

много тележек с яблоками…[53].

Я замолчала, потому что Перцер разулыбался, и улыбка мне не понравилась. Лишь на мгновение он отвёл мечтательный взгляд от экрана и посмотрел мне в глаза. Но мне показалось, что в его зрачках шевелятся черви.

— О, Хилди, — произнёс он, скорее опечаленный, нежели рассерженный.

— Не смей говорить мне "о, Хилди", ты, портативный х…сос! Я вышибу тебя из этого ящика и воткну в кучу дерьма! Я…

Бренда накрыла мою руку ладонью, и я опомнилась.

— Вас упекут за решётку на пятьсот лет, — бросила я Перцеру.

— Это нисколько бы меня не испугало, — откликнулся он, по-прежнему улыбаясь. — Но этого не случится. Разумеется, я отбуду какой-то срок. Но, полагаю, всего года три, может быть, пять.

— За убийство? За сговор с целью убить Сильвио? Я хочу знать имя вашего адвоката.

---

[53] Примечания: 53

Евангелие от Матфея, глава 21, стих 12–13: "И вошёл Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников". Вместе с тем to upset smb."s apple cart — идиома, означающая "расстроить чьи-либо планы".

— Они не смогут доказать убийство, — парировала улыбающаяся голова. О, как я уже устала от этой улыбки…

— Что даёт вам основания так утверждать?

Я снова почувствовала, как Бренда коснулась моей руки. Она произнесла с видом человека, старающегося подсластить пилюлю:

— Сильвио сам был замешан в этом, Хилди.

— Ну конечно, был, — подхватил Великий Восторженный Вонючий Зад Бабуина. — И если бы, Хилди, я был мстительным, то позволил бы вам напечатать первую версию. Я почти сожалею, что не сделал этого. Теперь уже мне никогда не взглянуть с прежним наслаждением на Дэвида и Эверетт… ладно, не важно. Я говорю вам в знак доверия, в ознаменование и в подтверждение того, что мы сможем снова сотрудничать, невзирая на ваши вероломные преступления: да, именно Сильвио предложил всю эту затею. Он сам помогал брать интервью у стрелка. Именно это вы напишете в сегодняшнем дневном выпуске. И именно это мы всегда хотели обнародовать, но на две недели позже.

— Я вам не верю, — пролепетала я, веря каждому слову.

— Это меня мало волнует.

— Но почему? — вырвалось у меня.

— Надо думать, вы имеете в виду — почему он хотел умереть. Потому что он исписался, Хилди. За четыре года он не смог создать ни одной мелодии. Для Сильвио это было хуже смерти.

— Но его лучшие вещи…

— Появились как раз когда он пришёл к нам. Я не знаю, был ли он когда-либо истинно верующим… чёрт побери, я и сам себя не могу с уверенностью назвать истинно верующим. Потому мы и зовёмся веротерпимой церковью. Если у вас иное представление о божественности Торисана, мы не отлучаем вас — мы предоставляем вам эфирное время и позволяем обсудить ваши взгляды с единомышленниками. У нас нет сект, как в других церквах, и мы не пытаем еретиков. Да и еретиков-то нет! Мы не доктринёры. Когда люди хотят поспорить о богословских вопросах, у нас в церкви поговаривают: это достаточно близко к музыке сфер.

— Напой хоть несколько тактов, а я посмотрю, смогу ли подхватить, — задумчиво изрекла я.

— Именно так! Мы не скрываем, что главное, чего мы хотим от наших прихожан, — это чтобы они покупали наши записи. Взамен мы даём им шанс близкого общения со знаменитостями.

Но больше всего поразило отцов-основателей П.В.Ц.С.З. то, как много людей всерьёз верит в святость известных личностей. В этом даже есть некий смысл, стоит только призадуматься. Мы не проповедуем рай небесный. Рай вот он, прямо здесь на Луне, если вы обретёте достаточную популярность. В представлении вашего соседа, среднестатистического звезданутого ничтожества, стать знаменитым в тысячу раз лучше, чем попасть в какой-то там воображаемый рай.

Было очевидно, что он кое во что верил, даже если это "кое-что" и не было возвращением короля рок-н-ролла. Он верил во власть пиара. Так я обнаружила в себе нечто общее с ним и отнюдь не обрадовалась этому открытию.

— Итак, вы собираетесь повернуть сюжет следующим образом: Сильвио пришёл к вам за помощью и получил её.

— Три года мы писали всю его музыку. Вы же знаете, он привлекает многих молодых артистов. Мы отобрали трёх лучших, они уселись и принялись стряпать "музыку Сильвио". Получилось довольно-таки хорошо. Даже не отличишь.

Я обратилась мыслями к мелодиям, которые так любила, к новым вещам, которые считала порождением гения Сильвио. Музыка была по-

прежнему хороша — этого я у неё отнять не могла. Но что-то ушло из моей души.

А перед Брендой открылся совершенно новый мир, и она пребывала в таком же восхищении, с каким трёхлетний малыш, сидя на маминых коленях, слушает сказки о Бабе Яге да сером волке.

— Это тоже войдёт в статью? — спросила она. — То, как вы писали музыку за него?

— А иначе никак. Поначалу я был против, но мне доказали, что от этого все только выиграют. Я беспокоился, как бы не запятнать образ Гигазвезды. Но при грамотном продвижении он начнёт вызывать неподдельную симпатию, и его культ только окрепнет. Никто не отнимает у него старые хиты, которые он писал полностью сам. А церковь тоже ничем себя не пятнает, поскольку мы испробовали всё возможное, но всё-таки вынуждены были уступить его требованию позволить ему принести себя в жертву — ведь это его право. Конечно, мы пошли при этом на нарушение некоторых законов и ожидаем некоего наказания — но при правильном обращении это тоже может вызвать симпатию и сочувствие. Он так просил нас! Не волнуйтесь, мы запасли целые тонны документальных свидетельств, видеозаписей того, как он умолял нас идти до конца. Я

прикажу переслать всё это в ваш офис, как только будут улажены все детали сделки. О да, и плюс ко всему хорошему теперь музыканты, работавшие под именем Сильвио, могут выйти из его тени, выстрелить как из пушки своими настоящими именами и приблизиться к статусу Гигазвезды.

— Да уж, слово "выстрелить" здесь как нельзя более уместно, — заметила я.

* * *

Оглядываясь на первую часть интервью, я теперь нахожу его почти комичным. Вот она я, уверенная, что сумела всё разгадать, спрашиваю, кто замыслил убийство Сильвио. И вот он Верховный Перцер, уверенный, что мне уже известна вся подоплёка истории, думает, будто я спрашиваю, кто подсказал Сильвио, что после смерти он сможет стать перцеровской Гигазвездой. Потому что Сильвио не пришёл к перцерам с уже готовой идеей самоубийства. Он предлагал другое — избрать его при жизни в Гигазвёзды, поставить в один ряд с великой четвёркой. Но ему объяснили, что рассматриваются только кандидатуры мертвецов, и он сделал логичный вывод. Поначалу совет был против его плана. Это Сильвио придумал, каким образом повернуть события,

чтобы церковь выглядела благодетельницей. И он действительно планировал самоубийство. Если Верховный Перцер и отправится в тюрьму, то, как он и говорил, всего лишь за серию гражданских правонарушений, заговор, лживую рекламу, намеренный обман и тому подобное. Какого наказания удостоится настоящий убийца, когда его найдут, я понятия не имею.

Позднее я ужаснулась, по какому, казалось бы, незначительному вопросу мы с Верховным Перцером не поняли друг друга. Если бы он догадался, что мне неизвестен главный факт, прежде чем признался в содеянном — думаю, он ускользнул бы в эту крохотную щёлочку и нашёл бы способ отомстить мне за то, что не увидел свой сериал. И в результате Хилди Джонсон куковала бы за решёткой, а церковь всё равно добилась своего. Вот так плохо всё чуть было не кончилось. Разумеется, Верховному Перцеру ничто не мешает всё-таки подать на меня в суд, и я бы узнала об этом слишком поздно — но несмотря на свою искушённость в подковёрных интригах, он вряд ли рискнул бы нанести ответный удар, учитывая, какие недюжинные силы Уолтер может привести в движение, если против меня будут выдвинуты какие-либо обвинения после того, как я напишу

столь сногсшибательную статью.

Бренда хотела сразу же вскочить и бежать на работу, но я заставила её сесть и подумать — эта привычка может сослужить девчонке добрую службу в дальнейшем, если она про неё не забудет.

Первым делом мы передали по телефону исповедь Перцера в том виде, в каком она записалась на голографическую камеру Бренды. Теперь, когда новость благополучно достигла отдела новостей "Вымени", у Перцера не осталось ни единого шанса взять свои слова обратно. Мы могли брать у него интервью сколько и когда захотим и планировать, как лучше подать статью.

Не то чтобы у нас появилась уйма времени — нет, в таких делах никогда нельзя прохлаждаться и расслабляться. Как предугадать, когда и кто разнюхает оставленные тобою следы? Но мы успели благополучно доставить голову в редакцию. Там её водрузили на стол, разрешили пользоваться телефоном — и вскоре вокруг собрались дюжины журналистов, с разинутыми ртами слушавших, как Бренда беседует с почётным гостем.

Да, именно Бренда. По дороге в "Вымя" у нас с ней состоялся серьёзный разговор.

— Весь материал пойдёт в печать с твоей под-

писью, — заявила я.

— Но это же смешно, — возразила она. — Всю работу проделали вы. Это вы восстали всей душой против убийства перед лицом очевидных… чёрт побери, Хилди, это ваша статья.

— Всё было уж слишком хорошо, — отмахнулась я. — Как только я схватила этого негодяя, меня и осенило. Вот только я думала, что это они укокошили бедного чурбана Сильвио.

— Ну-у, я ведь и сама купилась на это. Как и все остальные.

— Кроме Крикет.

— Ага. И всё-таки не может быть речи о том, чтобы я приписала все заслуги себе.

— Но ты пойдёшь на это. Во-первых, потому, что это предлагаю тебе я — а статья не простая, она из тех, что способны прославить твоё имя на века, и ты поступишь ещё глупее, чем обычно, если откажешься от моего предложения. А во-вторых, потому что я не имею права подписываться под статьями, я ведь больше не работаю в "Вымени".

— Вы уходите? Когда? Почему Уолтер ничего об этом не сказал?

Я знала, когда я ушла, а Уолтер не сказал ничего, потому что сам не знал — но к чему запутывать бедную девочку? Она ещё немного посопротив-

лялась, но её протесты становились всё слабее, а готовность принять дар всё более укреплялась чувством вины. Ничего, вину она переживёт. И я надеялась, что переживёт и славу.

Пока что Бренда довольно хорошо справлялась с ней и даже наслаждалась ею, как я могла заметить из дальнего угла комнаты. Ряды пустых столов надёжно отделяли меня от группы взволнованных репортёров, привлечённых триумфом их юной коллеги.

И тут со своей высокой башни снизошёл Уолтер. Он прошествовал вперевалочку через внезапно притихший отдел новостей, мимо меня, даже не заметив меня в тени. Никто из присутствовавших не мог припомнить, когда главред последний раз покидал свой кабинет всего лишь из-за газетного материала. Я видела, как Уолтер протянул Бренде руку. Он, разумеется, не верил в её заслуги, но, возможно, собирался впоследствии допросить меня с пристрастием. Пока он чтил журналистскую братию своим священным присутствием, я вошла в его лифт и поднялась к нему в кабинет.

Его рабочий стол возвышался передо мной в круге света. Я залюбовалась тонкой фактурой дерева, мастерством отделки. Из всего дорогущего антиквариата, каким владел Уолтер, я завидо-

вала только этой вещи. Мне самой хотелось бы однажды заполучить такой стол.

Я погладила серую фетровую шляпу, которую держала в руке. Она упала у меня с головы, когда я выскочила на сцену, в лужу крови Сильвио. Кровь так и запеклась на шляпе. Её полагалось по традиции носить измятой, но это выглядело смешно.

Мне внезапно показалось, что эта шляпа уже достаточно износилась. Так что я просто положила её в центр главредовского стола и ушла.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Возвращаться домой мне пришлось с чёрного хода, но даже его уже обнаружили. Должно быть, один из моих друзей проболтался: у пещеры кугуара толпились журналисты. Ни у кого не хватило духу проникнуть внутрь, во всяком случае, до тех пор, пока там сидела хищница. Хоть люди и знали, что она не причинит вреда, эта пушистая дама — по меньшей мере угрожающее соседство.

Переделанное лицо почти помогло мне. Я успела войти в пещеру, пока все недоумевали, кто я такая и что у меня за дела с Хилди. Но внезапно кто-то крикнул: "Это она!" — и началась бешеная гонка. Я мчалась по коридору, а журналисты летели по пятам, выкрикивали вопросы и фотографировали моё позорное бегство.

Оказавшись наконец в квартире, я взглянула на изображение с камеры, установленной перед парадной дверью. О боже… Там народ стоял плечом к плечу, насколько хватало глаз, во всю длину коридора. В толпе были и продавцы воздушных шариков и хот-догов, и какой-то парень-жонглёр, одетый клоуном. Если раньше мне и доводилось удивляться, почему газетную шумиху сравнива-

ют с цирковым представлением, то теперь всё стало предельно ясно.

Если бы полиция не отгородила канатами узкий проход на случай вызова пожарной команды или скорой помощи, моим соседям не удалось бы попасть домой. На моих глазах один сосед воспользовался этим путём. Он сердито хмурился, и это выражение уже перестало сходить с его лица. От нечего делать многие журналисты принялись забрасывать его вопросами — он отвечал каменным молчанием. Да уж, на следующей внутрирайонной вечеринке не видать мне приза за добрососедские отношения… В конце концов, если я не придумаю, что предпринять, всё это обернётся петициями, в которых меня вежливо попросят подыскать другое жильё.

Так что следующие несколько часов я посвятила упаковке своих вещей, складыванию мебели, наклейке на всё почтовых марок и загрузке добра в почтовый трубопровод. Я подумывала и себя отправить по почте — но вот только не смогла решить, куда себя послать. Моё имущество можно было поместить на склад, да и было-то его не так много. Когда я закончила сборы, и без того пустая квартира была оголена до самых стен. Остались всего несколько вещей — кое-какое

барахло да несколько доставленных почтой заказов. Я отправилась в санузел и поставила на место свои скулы. Нос решила не трогать — пусть его поправит Бобби, когда я смогу без опаски до него добраться. Какого чёрта! Девяностодневная гарантия пока действует, и я вовсе не обязана признаваться, что сломала нос нарочно. Затем я подошла к входной двери и вывела своё изображение на внешний монитор. О том, чтобы отомкнуть засовы, и речи быть не могло.

— Халявная жрачка в конце коридора! — крикнула я. Пара-тройка голов повернулись, но большинство журналистов продолжали не отрываясь смотреть на меня. Все принялись одновременно выкрикивать вопросы. Понадобилось несколько минут, чтобы гвалт смолк и все поняли: если не заткнутся, интервью не достанется никому.

— Я уже сказала по поводу гибели Сильвио всё, что собиралась, — заявила я толпе. Снова раздались ворчание и выкрики, и мне пришлось дождаться, пока они затихнут.

— Я не чёрствый сухарь, — продолжила я, — я была одной из вас. Скажем так, лучшей, но всё-таки из вашего племени.

За эту реплику я удостоилась нескольких иронических возгласов и пары смешков.

— Знаю, никого из ваших редакторов не устроит ответ "нет". Так что я готова сжалиться над вами. Через пятнадцать минут дверь откроется и вы все сможете войти. Интервью я не гарантирую, но пора же прекращать этот идиотизм! Соседи жалуются.

Я знала, что последние слова было не особенно приятно услышать, но обещание открыть дверь должно было прочно, хоть и ненадолго, удержать собравшихся на месте. Я сделала им ручкой и отключила экран, приказала двери открыться через пятнадцать минут и поспешила к чёрному ходу.

Незадолго до этого я позвонила в полицию, и та очистила коридор, в который он открывался, от меньшей группы моих преследователей. Этот коридор не был общественным местом, и я имела право так поступить, а журналистам пришлось ретироваться в Техас — откуда их не могли изгнать, пока они не нарушат один из законов соответствия технологий, то есть не попытаются пронести в парк современные вещи или одежду. Но меня это не беспокоило: мне местность была знакома, а им нет.

Я осторожно выбралась из пещеры. Была тёмная ночь, и "луна" не светилась на "небе" — в чём я убедилась по прогнозу погоды. Я выглянула

из-за гребня скалы и увидела бывших коллег: они расположились у реки вокруг костра, попивали кофе и лакомились пастилой. Я взвалила на плечо пожитки, приладила другую поклажу так, чтобы ничем не шуметь, и принялась карабкаться вверх по узенькой, еле заметной тропке, что вилась позади пещеры. Вскоре я оказалась на вершине холма, остановилась, и Мексика, осиянная звёздами, раскинулась подо мной.

Я продолжила путь, забирая к югу. Дабы подбодрить себя, я представила: вот оголтелые толпы вламываются в дверь… а гнёздышко-то пусто!

* * *

Следующие три недели я провела на подножном корму. По крайней мере пыталась так жить по мере сил и возможностей. Что Техас, что Мексика — в подобных местах, друзья мои, не слишком-то многим удастся поживиться, занимаясь собирательством. Тут растут некоторые съедобные растения, несколько кактусов — ничто из этого не назовёшь деликатесом, но я послушно перепробовала всё, что смогла найти и определить по руководству для жителей исторических парков. Я захватила с собой и сухой паёк — смесь для блинчиков, яичный порошок, патоку, куку-

рузную муку и несколько видов специй, главным образом молотый перец чили. Я не была совсем отрезана от мира — можно было пробраться в "Одинокую Голубку" или Нью-Остин, когда чуть спадёт ажиотаж.

А пока что завтракала я оладушками да яичницей, ужинала бобами с кукурузным хлебом и время от времени сдабривала эту пищу дичью.

Я имею в виду, убитыми на охоте животными. Вокруг моего дома резвилось полным-полно оленей и антилоп, иногда сюда забредали и бизоны. Бизон — это, пожалуй, чересчур для одинокого едока, но я захватила с собой лук и стрелы в надежде подстрелить вилорогую антилопу или молодого самца оленя. Однако меня ожидало полнейшее разочарование: к этим тварям чертовски трудно подкрасться незаметно и почти невозможно приблизиться на расстояние выстрела, особенно если дальность стрельбы такая маленькая, как у меня. Как житель Техаса я имела право добывать по два оленя или по антилопе в год, а я до сих пор не подстрелила ни одного зверя. Мне никогда этого не хотелось. Для охоты разрешалось пользоваться огнестрельным оружием, но процедура его выдачи в офисе исторического парка была такой мучительно длинной и так

осложнялась заполнением документов, в трёх экземплярах каждый, и принесением всевозможных торжественных клятв, что мне никогда и в голову не приходило затевать её. К тому же, я походя призадумалась, разрешил бы мне ГК владеть столь смертоносной игрушкой, учитывая мой недавний послужной список.

А ещё я могла добывать сколько угодно антилоповых зайцев, вот ими-то в основном и питалась. Я не подстрелила ни одного, хотя и тратила на них стрелы. Мне больше повезло с силками. Почти каждое утро я находила в ловушках одного или даже нескольких отчаянно вырывавшихся зайцев. Первую свою добычу я убила с большим трудом, даже не смогла потом её съесть, но дальше пошло легче. Примерно так, как подсказывали "воспоминания" об острове Скарпа. Вскоре всё это начало казаться мне совершенно естественным.

Я нашла одно из очень немногих мест на Луне, где могла спрятаться, пока шумиха вокруг Сильвио не затихнет. По моим подсчётам, это должно было случиться примерно через месяц. Впрочем, может пройти и год, и даже не один, прежде чем его история окончательно сойдёт с газетных страниц, но я была уверена, что моё участие в этом трагифарсе забудется гораздо легче и раньше. Так

что я тянула время, бродя вдоль и поперёк своего обширного заднего двора. Заняться там было особо нечем, и я развлекалась ловлей гремучих змей. Всё, что для этого требуется, — немного побродить по окрестностям да набраться чуток терпения. Когда натыкаешься на змею, она просто сворачивается, шипит на тебя и гремит хвостовой трещоткой, и её можно поймать, если есть длинная ветка и кусок верёвки, чтобы захлестнуть вокруг шеи. Я обращалась со змеями очень осторожно — не могла себе позволить, чтобы меня укусили. Иначе пришлось бы вернуться в современный мир за медицинской помощью или вверить себя нежной заботе Неда Пеппера. Возьмите старый учебник для бойскаутов и прочтите раздел о змеиных укусах — у вас волосы дыбом встанут.

Раз в неделю я подкрадывалась к чёрному ходу в мою старую квартиру. На исходе второй недели там не осталось никого. Тогда я отправилась к своей недостроенной хижине и подсчитала, сколько журналистов расположилось лагерем подле неё. Они примерно догадывались, в каких краях меня искать. Уверена, кто-то в городе поведал им о моих тайных закупках. Отсюда следовал логичный вывод, что раз я сбежала из городского жилища,

то рано или поздно появлюсь здесь, в хижине. И он был верен, я собиралась сюда вернуться.

К концу третьей недели перед хижиной всё ещё паслась дюжина репортёров — но я решила, что с меня довольно. Я дождалась, пока полностью стемнеет, подождала допоздна, наблюдая, как журналисты, лишённые всех преимуществ телевидения, отчаянно и безуспешно пытаются развлечь друг друга, и проследила, как они один за другим заползают в спальные мешки. Многие были пьяны до безобразия. Я подождала ещё подольше — пока их костёр не обратился в горстку тлеющих угольков и пока на удивление холодная пустынная ночь не подействовала на змей в моём мешке, сделав их вялыми и покорными. Тогда я украдкой, бесшумно, словно заправский краснокожий, просочилась в журналистский лагерь и положила по гремучей змеюке поблизости от каждого спальника. Я предположила, что в поисках тепла они заползут внутрь — и, судя по тому, какие вопли и выкрики донеслись до меня примерно за час до рассвета, в точности так змеи и поступили.

Утром все незваные гости исчезли. За завтраком, жуя блинчики и остатки зайчатины под соусом чили, я наблюдала издалека в полевой

бинокль, как мои преследователи, спасённые медицинскими автоматами, по очереди возвращаются в лагерь. Немного погодя явился шериф и начал выписывать повестки в суд. Когда журналисты увидели, во сколько им, не проживающим в историческом парке, обойдётся убийство местных рептилий… они заорали даже громче, чем ночью. Но шериф остался глух и равнодушен к их оправданиям, мол, большинство змей они убили случайно, когда в панике выпутывались из спальных мешков.

Я думала, на следующую ночь журналисты выставят часового, но они этого не сделали. Беспечные городские хлыщи! Так что я снова прокралась к ним и оставила последнюю партию своего улова. После второй моей вылазки вернулись только четверо самых стойких. Возможно, они собрались торчать тут вечно и впредь быть начеку. Что ж, тем хуже для них, если они не сумеют доказать, что это я натравила на них змей.

Я зашла в свою хижину и начала переодеваться. Минуту или две я оставалась незамеченной, затем все собрались вокруг меня. Четырёх человек трудно назвать толпой, но четырёх журналистов — уже почти можно. Они орали все одновременно, не давали мне пройти и с каждой минутой всё

больше сердились. Я же вела себя так, будто они были всего лишь необычными движущимися камнями, чересчур большими, чтобы убрать их с дороги, но не стоящими ни взгляда, ни тем более разговора. Малейшее слово только раззадорило бы их.

Они болтались вокруг хижины большую часть дня. Потом в их ряды влилось пополнение, в том числе один дурак — он притащил древний фотоаппарат, с гофрированным мехом, чёрной накидкой и подставкой-полочкой для магниевого порошка, по всей видимости, надеясь изготовить какую-нибудь картинку для новостей. Что ж, картинка для новостей получилась — когда горючий порошок просыпался ему на рубашку и воспламенился, а всем остальным пришлось сбивать пламя. Уолтер дал несколько кадров об этом в семичасовом выпуске, снабдив материал забавным комментарием.

Даже журналисты в конце концов сдаются, если написать действительно не о чем. Они хотели взять у меня интервью, но я была не настолько важной персоной, чтобы удостоиться хронометража моих перемещений — я не из тех, о ком помещают в газетах бесконечно завораживающие снимки: вот человек идёт от своей двери до

машины, вот возвращается вечером домой, не отвечая на вопросы орды журналистов, которым делать больше нечего… К концу второго дня все они ушли, отправились преследовать кого-нибудь другого. Подобные задания дают не самым лучшим сотрудникам. Я знавала парней, которые убивали всё своё время на преследование той или иной знаменитости, и ни один из них не знал, как вылить мочу из сапога[54].

Как хорошо снова остаться одной! Наконец можно всерьёз взяться за работу по достройке моей незаконченной хижины.

* * *

Бренда пришла на второй день. Некоторое время она стояла молча и смотрела, как я прибиваю кровельную дранку.

Она сильно изменилась. С одной стороны, стала хорошо одеваться, с другой, нарисовала кое-что интересное на лице. Полагаю, теперь, когда у неё появились кое-какие деньги, она обратилась за советом к профессионалам. А самым новым в

---

[54] Примечания: 54

Американское просторечное выражение: про безнадёжного глупца говорят, что он "не может вылить мочу из сапога, даже если о том, как это сделать, написано на каблуке".

ней было то, что она килограммов на пятнадцать потяжелела. Этот вес довольно симпатично распределился по бюсту, бёдрам и голеням. Она впервые выглядела как настоящая женщина, только очень высокая.

Я вытащила гвозди изо рта, вытерла лоб тыльной стороной ладони и сказала:

— В ящике с инструментами есть термос лимонада. Можешь угоститься, если принесёшь и мне стаканчик.

— Смотри-ка, разговаривает, — произнесла Бренда. — Мне сказали, оно не будет говорить, но я решила убедиться лично.

Она нашла термос и пару стаканов, которые придирчиво осмотрела. Согласна, их не помешало бы помыть.

— Говорить я буду, — ответила я, — просто отказываюсь давать интервью. Если ты пришла за ним, загляни вон в тот джутовый мешок у твоих ног.

— Я наслышана о змеях, — сообщила Бренда, карабкаясь по лесенке ко мне на крышу. — Как-то это по-детски, ты не находишь?

— Но сработало ведь.

Я взяла у неё лимонад, и она робко пристроилась рядышком. Я осушила свой стакан и бросила

его в грязь. На Бренде были новенькие джинсы в обтяжку, великолепно облегавшие её искусно вылепленные ноги, и свободная блузка, скрывавшая чересчур худые плечи. Блузка была завязана узлом между грудей и обнажала красивую талию. Татуировка вокруг пупка смотрелась не совсем к месту, но спишем это на молодость. Я пощупала рукав блузки и похвалила:

— Приятная штучка. И волосами ты наконец занялась.

Она смущённо потрепала себя по голове, ей польстило моё внимание.

— Меня удивило, что Уолтер не отправил тебя сюда, — призналась я. — Он мог бы вообразить, что раз мы работали вместе, я бы тебе

открылась. Он был бы не прав, но наверняка он так себе это представлял.

— Он отправлял, — сказала Бренда. — В смысле, пытался. Я послала его к чёрту.

— Что-то у меня со слухом… Я подумала, что ты сказала…

— Я спросила, хочет ли он увидеть, что самая крутая молодая журналистка Луны работает на "Дерьмо".

— Ты меня поражаешь!

— Всему, что знаю, я научилась у тебя.

Я не собиралась с этим спорить, но готова признать, что ощутила нечто похожее на прилив гордости. Смогла передать эстафету и всё такое, даже если эстафетная палочка была весьма низкопробной и я избавилась от неё с радостью.

— Ну, и как с тобой обращаются все эти скандальные знаменитости? — поинтересовалась я. — Их общество уже стоило тебе твоего чудного девичьего смеха?

— Никогда не могу понять, когда ты шутишь, а когда нет, — изрекла Бренда.

До этого она, как и я, разглядывала багровые холмы вдалеке, а теперь повернулась ко мне, щурясь от безжалостного солнца. У неё уже немного обгорело лицо.

— Я пришла сюда не для того, чтобы рассуждать обо мне и моей карьере, — продолжала она. — И даже не для того, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты сделала. Я хотела было, но все бросились меня отговаривать, мол, Хилди не любит подобных вещей, так что не буду. А пришла я потому, что беспокоюсь о тебе. Все о тебе беспокоятся.

— Кто это, все?

— Это все. Все сотрудники отдела новостей. Даже Уолтер, хоть он никогда в этом не признается. Он сказал, чтобы я попросила тебя вернуться. Я

ответила, пусть просит сам. Впрочем, могу передать его предложение, если тебе интересно…

— Ни капельки.

— Я так ему и сказала. Не буду пытаться одурачить тебя, Хилди. Ты никогда не сближалась с людьми, с которыми работала, так что, наверное, не знаешь, как они к тебе относятся. Не скажу, что они любят тебя, но уважают, очень уважают. Я говорила с кучей народа, и все признают твою щедрость и то, что ты всегда была с ними великодушна и честна. Ну, насколько тебе позволяла работа.

— Каждому из них я хотя бы один раз вонзила нож в спину.

— Они не считают, что это так. Спору нет, ты побила их во многих историях, но они чувствуют: это потому, что ты хороший журналист. О, конечно, все знают, что ты жулишь в карты…

— Как сказано, а!

— …но никто никогда не смог тебя уличить, и, думаю, они даже восхищаются тобой. За то, что ты так хорошо это умеешь.

— Подлая клевета, от первого до последнего слова.

— Какая разница. Я обещала себе, что долго не задержусь, так что сейчас просто скажу то, что

пришла сказать. Не знаю, что именно случилось, но я увидела, как непросто тебе было прийти в себя после смерти Сильвио. Если ты когда-нибудь захочешь поговорить об этом, ни в коем случае не на камеру, я с радостью тебя выслушаю. Я была бы рада сделать для тебя всё что угодно.

Она вздохнула и на мгновение отвернулась, затем продолжала, снова глядя мне в глаза:

— Я правда не знаю, есть ли у тебя друзья, Хилди. Часть себя ты скрываешь ото всех. Но у меня друзья есть, и они нужны мне. Я считаю тебя своим другом. Друзья могут помочь, когда бывает совсем плохо. Так вот, я хотела сказать, если тебе когда-нибудь понадобится друг, просто позови меня. В любое время.

Я не хотела этого, но что тут поделаешь, что скажешь? Горячий ком подкатил мне к горлу. Я попыталась заговорить, но поняла: если начну, выльется слишком много лишнего, того, чего Бренде не нужно знать обо мне, и не думаю, что она захочет это знать.

Она похлопала меня по колену и стала было спускаться с крыши. Я поймала её за руку, втащила обратно и поцеловала в губы. Много дней я не чувствовала иного человеческого запаха, кроме моего собственного пота — и вот впервые

ощутила аромат другого человека. Бренда пахла теми же духами, какие были у меня в день, когда мы похитили Верховного Перцера.

Она была бы счастлива зайти и дальше, но знала, что я на это не пойду и нам обеим это известно. И понимала, что я всего лишь хотела поблагодарить её за заботу, за её приход. Так что ничего не произошло. Бренда спустилась с крыши и устремилась к городу. Она обернулась только один раз, улыбнулась и помахала мне.

А я принялась яростно трудиться, работала весь день и продолжала вечером, и даже ночью, пока не стало слишком темно, чтобы разглядеть, что я делаю.

* * *

На следующий день явилась Крикет. Я снова возилась на крыше.

— А ну слазь с этой лачуги, кляча! — проорала посетительница. — Планетка чересчур тесна для нас обеих.

Она прицелилась в меня из хромированного шестизарядника и спустила курок. Из ствола выскочил флажок. Он развернулся, и я прочла: "ПИФ-ПАФ!". Крикет смотала флажок и вернула оружие в кобуру на бедре, а я спустилась по

лесенке, мысленно благодаря гостью за повод устроить передышку. Дневная жара достигла апогея, я давно скинула рубашку, но всё равно была мокрой, будто только что из душа.

— Тот чувак в баре сказал, мол, от этой штуки даже гремучие змеи выскакивают из шкур, — сообщила Крикет, показывая бутыль с коричневой жидкостью. — Я ответила, что как раз для этого она мне и нужна.

Я протянула ей руку. Она сердито зыркнула, но ответила рукопожатием. Она была упакована с головы до ног в гротескный костюм героев вестернов, от белой ковбойской шляпы "Стетсон" и до сапог из кожи ящерицы, на высоком каблуке, усеянных множеством жемчужных пуговок вперемежку с кожаной бахромой. Казалось, она вот-вот выхватит из-за спины гитару и разразится руладами из "Прохладной воды"[55]. Довершали странный наряд элегантные светлые усики.

Крикет налила мне выпить, а я заметила:

— Терпеть не могу сборную солянку.

— Я тоже, — призналась она. — Я, как ты, не сторонница смешения стилей. Но дочка подарила мне эти усы на день рождения, так что я решила,

---

[55] Примечания: 55
Cool Water — песня Боба Нолана, классика стиля кантри.

надо бы поносить их несколько недель, пусть ей будет приятно.

— Не знала, что у тебя есть дочь.

— Ты многого обо мне не знаешь. Она сейчас в том возрасте, когда начинают впервые задумываться о половой принадлежности. Мать одной из её подруг недавно сменила пол, и теперь Лайза твердит мне, что ей хочется, чтобы я немного побыла папой. И, чёрт побери, усы подходят к этим манаткам.

Крикет пошарила в кармане, выудила бумажник и показала мне фотографию девочки лет шести, юной и невинной копии мамы. Я поупражнялась в комплиментах, но недолго — Крикет прервала меня с презрительной гримаской:

— О, заткнись, Хилди! Твоя "любезность" только напоминает мне, почему ты так ведёшь себя, паршивка.

— Трудно было вырваться со студии?

— Они здорово меня отделали. Выбили передние зубы, сломали несколько пальцев. Но прибыли силы быстрого реагирования и всё сфотографировали, и теперь грубияны беседуют с моими адвокатами. Думаю, за это — я имею в виду, за своевременное спасение — мне следует благодарить тебя.

— Не стоит благодарности.

— Не бойся, не дождёшься.

— Удивляюсь, как это мне удалось так легко тебя провести.

Крикет достала две стопки и плеснула в них своего средства для снятия шкур с гремучих змей, потом метнула в меня странный взгляд:

— Сама удивляюсь. Ты, наверное, можешь себе представить, я размышляла над этим. Думаю, дело было в Бренде. Должно быть, я понадеялась, что она так или иначе придержит тебя. Толкнёт под локоть, когда дело дойдёт до грязных поступков.

Она протянула мне стопку, и мы выпили. Крикет поморщилась, я же успела слегка привыкнуть к подобной гадости — хотя она всегда идёт тяжело.

— Понимаешь, всё это бессознательно, — продолжила Крикет. — Но я думала, что ты замешкаешься, учитывая, насколько очевидно её уважение к тебе. И в ожидании, пока проявится это уязвимое местечко, я совершила большую ошибку — повернулась к тебе спиной, сукин ты сын.

— Достаточно просто суки.

— Я знаю, что говорю. Я думала о Хилди-муж-

чине, которого знала. Он бы заколебался.

— Это смешно!

— Может быть. Но, думаю, я права в том, что перемена пола — почти всегда больше, чем просто трубы переткнуть и сменить уборную. Всё остальное тоже меняется. Ты застала меня врасплох: я думала о тебе как о мужчине, который обязательно совершил бы глупость в присутствии малолетней киски — а не как о безжалостной п…де, в которую ты превратилась.

— Между мной и Брендой никогда не было ничего подобного.

— Ох, я тебя умоляю. Конечно же, я знаю, что ты ни разу ей не впендюрила. Она мне рассказала. Но мужчина всегда держит в голове возможность перепихнуться — как женщина ты это знаешь. И пользуешься этим, если у тебя есть хоть капля мозгов, как пользуюсь я.

Не могу сказать, что она была совсем не права. Я знаю, что для меня перемена пола — нечто более глубокое, нежели просто новая внешность. Меняются и некоторые взгляды, и точка зрения. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы в некоторых ситуациях повести себя иначе.

— Но ты-то с Брендой спишь, не так ли? — спросила я, слегка удивляясь.

— Конечно. А почему бы нет? — Крикет выпила ещё и покосилась на меня, затем встряхнула головой:

— Ты во многом хороша, Хилди, но не слишком хороша с людьми.

Не уверена, что до меня дошло, о чём это она. Не то чтобы я была не согласна, просто не уверена, что она имела в виду. И продолжила речь о Бренде:

— Это она прислала тебя сюда?

— Она помогла мне прийти. Я бы и сама собралась — посмотреть, правда ли мне хочется оставить на твоём черепе несколько новых зарубок. Поначалу так и хотела — но чего ради? А Бренда о тебе беспокоится. Она сказала, тебя страшно потрясло то, что Сильвио умер у тебя на руках.

— Потрясло. Но она преувеличивает.

— Возможно. Она молода. Но, признаюсь, меня застало врасплох твоё увольнение. Ты говорила, что хочешь уйти, чуть не с первого дня нашего знакомства, и я решила, что это опять всего лишь разговоры. Ты и вправду собираешься корячиться здесь до конца своих дней? Что ты собираешься делать, когда закончишь свою хибару? Овощи выращивать? — она обвела кислым взглядом

засушливые окрестности. — В конце концов, что ты тут можешь вырастить-то?

— По большей части волдыри и мозоли, — показала я свои руки. — Подумываю, не выставить ли их на сельской ярмарке.

Крикет снова налила себе, закупорила бутыль и протянула мне. Свою стопку она осушила залпом:

— Спаси меня господи, похоже, мне начинает нравиться это пойло.

— Не собираешься ли ты упрашивать меня вернуться к работе?

— Бренда хотела, чтобы я попробовала, но я ответила, что не собираюсь портить тебе карму. У меня плохое предчувствие насчёт тебя, Хилди. Не знаю, в чём именно дело, но как репортёр ты пережила полосу невероятного везения. Я имею в виду истории с Дэвидом Землёй и Сильвио.

— Ну, самим Дэвиду и Сильвио не слишком-то повезло.

— Кому какое дело? Я о том, что у меня предчувствие: тебе придётся за всё это заплатить. Тебя ждёт полоса невезения.

— Ты суеверна.

— И бисексуальна. Смотри, сегодня ты узнала обо мне три новости.

Я вздохнула и погрузилась в размышления, не выпить ли ещё, хотя знала, что если выпью — свалюсь с крыши.

— Хочу поблагодарить тебя, Крикет, — изрекла я наконец, — за то, что припёрлась сюда, в этакую даль, чтобы сказать мне, что меня сглазили. Девчонкам время от времени нужно слышать подобное.

Она осклабилась:

— Надеюсь, я испортила тебе день.

Я махнула рукой на отчаянное запустение вокруг:

— Как тут можно хоть что-нибудь испортить?

— Готова признать: сделать всё это хоть капельку хуже, наверное, даже не в моей потрясающей власти. Так что я пойду, вернусь в блистающий, волшебно очаровательный, сумасбродный водоворот моей жизни и оставлю тебя томиться в компании ящериц — и добавлю только вот что: действительно, Бренда права, у тебя есть друзья, и я одна из них, хотя и представить не могу, почему, и если тебе что-нибудь понадобится, свистни — может быть, я приду, если не найду чем другим заняться.

С этими словами Крикет наклонилась ко мне и поцеловала.

* * *

Говорят, если достаточно долго пробыть в каком-то одном месте, то туда рано или поздно придут все, с кем вам когда-либо довелось встречаться. Я поняла, что это, скорее всего, правда, когда увидела, как по тропинке к моей хижине с трудом карабкается Уолтер. Я терялась в догадках, что могло привести его в Западный Техас, кроме как соединение в цепь математических маловероятностей в ничтожных пропорциях. Либо это, либо Крикет и Бренда были правы: у меня есть друзья.

Впрочем, о последнем мне не было нужды беспокоиться.

— Хилди, ты негодная прогульщица! — крикнул Уолтер издали, метров с трёх. Ну и видок был у него… Не думаю, что он хоть раз в жизни бывал в исторических парках. Можно только с ужасом представить, какие титанические усилия потребовались, чтобы убедить его, что в Техасе ему нельзя ходить в том же, что у себя в офисе, а придётся раздеться догола или облачиться в наряд, соответствующий времени. Ну-уу, не оголился бы он ни в коем случае, и я решила возблагодарить Великого Духа за то, что уберёг меня от душераз-

дирающего зрелища. При виде нагого Уолтера у канюков и сарычей пропал бы аппетит. Так что из весьма ограниченного (для его-то размера) ассортимента магазина одежды для туристов он выбрал миленький костюмчик, стиль которого в общих чертах напоминал одеяние игрока на речных судах[56]: чёрные штаны, жакет, шляпа и сапоги, белая рубашка и галстук-ленточка, разукрашенный алыми и тёмно-бордовыми "огурцами" жилет с золотой каймой и с латунными часами в кармашке. Пока я разглядывала его, последняя пуговица на жилете не выдержала и отлетела, отрикошетив от скалы со звуком, знакомым любителям старых вестернов, а пуговицы на рубашке остались сдерживать натиск плоти в одиночку. Ткань между ними разошлась, открыв ромбики бледного волосатого тела. Пряжка ремня была погребена под массивными наплывами жира. По лицу главреда струился пот. Но в общем и целом Уолтер выглядел лучше, чем я от него ожидала.

---

[56] Примечания: 56

Считается, что к 1835 году по Соединенным Штатам ходили 250 речных судов, на которых играли более 2000 профессиональных игроков. Игрок на речных судах стал важной и самобытной фигурой в американской культуре. Он изображался храбрым, умным джентльменом с проницательным взглядом. Этот образ был прославлен во множестве американских фильмов и книг, но на самом деле большинство речных игроков были откровенными мошенниками и шулерами.

— Далековато ты забрался от Миссисипи, а, крикливое ничтожество? — поддразнила я.

— О чём ты, чёрт тебя дери?

— Не важно. Ты как раз тот, кого я хотела видеть. Помоги мне разгрузить эти доски, будь добр! В одиночку я провожусь с ними целый день.

Он изумлённо уставился на меня, а я подошла к телеге, ожидавшей меня уже целый час. Она была нагружена доверху свежими досками превосходного качества из Пенсильвании — я собиралась использовать их для пола хижины, когда руки дойдут. Я забралась в кузов телеги и ухватила доску за один конец:

— Ну, давай, иди сюда, хватайся с другого конца.

Уолтер обдумал предложение, затем потащился ко мне. Подозрительно косясь на мирную группу мулов, он далеко обогнул её. Кряхтя, приподнял свой конец доски, и мы перекинули её через борт.

Когда мы сбросили достаточно досок и вошли в рабочий ритм, он заговорил:

— Я терпелив, Хилди.

— Ха.

— И всё же я таков. Чего ещё ты хочешь? Я ждал дольше, чем стало бы ждать большинство на

моём месте. Ты утомилась, спору нет, тебе нужно было отдохнуть… хотя у меня в голове не укладывается, как подобное можно считать отдыхом.

— Чего ты ждал?

— Пока ты вернёшься, конечно же. Вот зачем я и пришёл. Перерыв кончился, подруга. Пора назад в реальный мир.

Я опустила свой конец доски на штабель, вытерла лоб тыльной стороной руки и уставилась на Уолтера. Он ответил мне пристальным взглядом, потом отвёл глаза и жестом указал на груду дерева. Мы взялись за новую доску.

— Могла бы предупредить меня, что собираешься в творческий отпуск, — укорил Уолтер. — Я не жалуюсь, просто так было бы проще. Зарплата, разумеется, по-прежнему шла на твой счёт в банке. Не хочу сказать, что ты не заслужила, у тебя накопилось… шесть или, может, семь месяцев отпуска?

— Скорее семнадцать. Я никогда не брала отпусков, Уолтер.

— Всегда возникало что-нибудь срочное. Ты же знаешь, как это бывает. А я знаю, что ты заслуживаешь и большего, но не думаю, что ты подставишь меня и возьмёшь все отпуска подряд. Я тебя знаю, Хилди. Ты ведь так со мной не

поступишь.

— А ты проверь.

— Смотри: из того, что стряслось, получился такой грандиозный материал. Ты единственная, кому я доверил бы работу над ним. Но что…

Я бросила конец последней доски. Уолтер вздрогнул от неожиданности, разжал руку и отскочил. Тяжёлый груз с грохотом рухнул на дно телеги.

— Уолтер, я совершенно серьёзно не желаю ничего об этом слышать.

— Хилди, будь умницей, ведь никто другой…

— Этот разговор начался не с того конца, Уолтер. Так или иначе, тебе всегда удавалось удерживать меня. Думаю, именно поэтому я и не пришла прямиком к тебе и не высказала всё начистоту. Это была моя ошибка, теперь мне это ясно, так что я собираюсь…

Он протянул руку, и я в очередной раз попалась на удочку.

— Пришёл я сюда вот зачем… — сообщил Уолтер, уставился в землю, затем робко покосился на меня, будто провинившийся малыш, — в общем, я хотел принести тебе вот это.

В руке у него была моя фетровая шляпа, измятая сильнее обычного после долгого путешествия в

заднем кармане его брюк. Я поколебалась, но взяла её. На лице Уолтера появилось некое подобие полуулыбки — и если бы я увидела в ней хоть грамм злорадства, то запустила бы злосчастным головным убором ему в морду. Но злорадства не было. Я разглядела другое — капельку надежды, чуть-чуть беспокойства и, поскольку это было лицо Уолтера, нечто вроде угрюмой-но-почти-симпатичной застенчивости. Должно быть, подобное далось ему непросто.

Ну что тут поделаешь? Швырнуть шляпу обратно было никак нельзя. Не могу сказать, что мне когда-либо нравился Уолтер, но я не испытывала к нему ненависти и уважала его как журналиста. Вдруг я заметила, что мои руки движутся — машинально, бессознательно они пытались вернуть шляпе форму, углубляли вмятинку на тулье, большие пальцы ощущали приятное прикосновение материала. Этот момент внезапно сделался глубоко символичным, чего мне менее всего хотелось.

— На ней до сих пор кровь, — произнесла я.

— Не смог отчистить как следует. Хочешь, заведи новую, если эта пробуждает дурные воспоминания.

— Так или иначе, всё это не имеет значе-

ния, — пожала я плечами. — Спасибо за хлопоты, Уолтер.

Я бросила шляпу на кучу опилок, погнутых гвоздей, бракованных реек, обрезков досок и скрестила руки на груди:

— Я уволилась.

Уолтер долго смотрел на меня, затем кивнул, вытащил из заднего кармана штанов насквозь мокрый носовой платок и промокнул лоб.

— Если не возражаешь, я не буду помогать тебе доделывать, — сказал он. — Мне пора возвращаться в офис.

— Конечно! Послушай, ты не мог бы перегнать телегу обратно в городок? Погонщик мулов сказал, что вернётся за ней до темноты, но я беспокоюсь за мулов: их одолеет жажда, так что было бы…

— Что такое мул? — перебил он.

* * *

В конце концов я усадила его в телегу, задницей на голый бортик, дала в руки поводья и проследила, как он с выражением сомнения на жёлчном лице медленно двинулся по просёлочной дороге к городу. Должно быть, он вообразил, что "правит" мулами. "Попробовал бы ты заставить их

свернуть в сторону с пути!" — подумала я. Единственной причиной, по которой я позволила ему питать эту иллюзию, было то, что мулы знали дорогу.

Уолтер стал моим последним гостем. Я подождала, не покажутся ли Фокс или Калли, но тщетно. Я рада, что не встретилась с Калли, но была немного уязвлена тем, что Фокс предпочёл держаться подальше. Бывает ведь, хочется одновременно двух взаимоисключающих вещей… Я действительно хотела, чтобы меня оставили в покое — но он мог хотя бы попытаться, ублюдок.

* * *

Моя жизнь покатилась по привычной колее. Я вставала с рассветом и работала над хижиной, пока жара не становилась нестерпимой. Тогда я тащилась на сиесту в Нью-Остин, чтобы хлебнуть пару глотков домашней бражки, которую бармен именовал подпольным виски, да перекинуться в покер с Недом Пеппером и прочими завсегдатаями. В салуне мне приходилось носить рубашку — половая дискриминация чистейшей воды, одна из тех, что, должно быть, превращали в ад жизнь женщины 1800-х годов. Во время работы я надевала только брюки из грубой бумажной

ткани, сапоги и сомбреро, защищавшее голову от солнечного удара. Выше талии я загорела, как орешек. Как могли женщины Западного Техаса носить летом то, во что были закутаны девушки из бара, для меня одна из величайших в жизни загадок. Правда, если вдуматься, мужчины одевались так же тепло. Загадочная всё-таки культура была на Земле.

С приближением вечера я возвращалась в хижину и трудилась до заката. В сумерках готовила ужин. Иногда ко мне присоединялся кто-нибудь из друзей. Я приобрела определённую известность своими галетами на пахте и извечным горшочком бобов, в которые добавляла самые невероятные ингредиенты. Возможно, я смогла бы построить новую карьеру, если бы мне удалось заинтересовать жителей Луны изысками техасского чили.

Я всегда проводила час без сна после того, как угасал последний луч дня. Разумеется, мне не с чем сравнивать, но казалось, будто ночной вид звёздного неба — вероятно, самая близкая к реальности штука, такая же, что я увидела бы, если бы перенеслась в настоящий Техас, на настоящую Землю, теперь, когда с неё исчезла вся человеческая грязь. Это было восхитительно.

Ничего общего с ночью на поверхности Луны — гораздо меньше звёзд, но в этом-то и прелесть. Ибо, с одной стороны, на лунное ночное небо всегда смотришь через как минимум одно толстое стекло. И никогда не почувствуешь освежающий ночной бриз. С другой — лунное небо чересчур сурово. Звёзды сияют безжалостно, не мигая, смотрят вниз без снисхождения к Человеку и всем его тщаниям. А большие и яркие звёзды Техаса подмигивают тебе. Они понимают и разделяют шутку. За это они мне и нравились. Когда, вытянувшись на своём походном ложе, я слушала, как койоты воют на "луну" — я и их тоже любила, именно за это, хотелось подвыть им… — на меня нисходило состояние, максимально близкое к покою, который я когда-либо находила или сумею найти.

Вот так я провела месяца два или около того. Спешить с хижиной было ни к чему. Я намеревалась построить её как следует. Дважды отрывала большие участки приколоченных досок, когда узнавала новый способ что-либо сделать или мне переставала нравиться моя старая, неумелая и оттого некачественная работа. Думаю, я страшилась самой мысли о том, чем заняться, когда наконец завершу постройку.

И не без причины. Наступил — как он всегда наступает — тот день, когда мне стало больше не над чем работать. Ни один винт ни на одной петле уже нельзя было завернуть потуже, ни одну поверхность отполировать получше, ни один кусочек дранки на крыше поправить.

Ну что ж, рассудила я, всегда можно заняться мебелью. Это будет потруднее, чем возвести стены, настелить пол и крышу. Внутри хижину украшали только дешёвые джутовые шторы да грубый остов кровати. Я разложила свою постель на соломенном матраце и впервые за много недель провела беспокойную ночь "под крышей".

На следующий день я обрыскала свой участок, строя смутные планы о саде, колодце и — нет, я не шучу! — белом штакетнике. Забор — это проще всего. Вот сад — куда более трудное дело, почти невозможное по моим тогдашним представлениям. Что же до колодца... если будет сад, то он необходим — но стоило мне подумать о колодце, как иллюзия целесообразного труда внезапно распалась. А всё потому, что в Техасе на самом деле не больше подземных вод, чем в любом другом месте Луны. Если вам нужна вода, а таскать её из Рио Гранде далеко и неудобно, то придётся

сделать вот что: вырыть скважину, глубина которой для каждого участка местности определяется лотереей, после чего дирекция парка подведёт ко дну вашего колодца водопровод, и вы сможете притвориться, будто достигли водоносного слоя. Рядом с моей хижиной копать следовало на пятнадцать метров. Меня не обескураживала необходимость бурить так глубоко. Чёрт возьми, даже при тех ограничениях, что накладывала женская гормональная система, мне удалось отрастить такие плечи и бицепсы, что у Бобби случился бы эстетический шок. Сменить рубанок и пилу на кирку и лопату совсем нетрудно. И я было собиралась это сделать…

Но меня отнюдь не радовало притворство. Я уже достаточно в нём поупражнялась, глядя по ночам на звёзды и дивясь размерам Вселенной. Я не съехала с катушек и не начала всерьёз считать светилами крохотные лампочки, способные уместиться у меня на ладони. Но ночью усталость помогала мне забыть об этом. Я могла бы забыть и о многом другом — но не уверена, что сумею стереть из памяти то, как вырою пятнадцатиметровую сухую дыру, а потом увижу, как прокладывают трубы, чтобы прохладная, вкусная, животворящая влага наполнила бесплодный

колодец.

Терпеть не могу избыток метафор. Уолтер завывал, когда я слишком увлекалась ими. Он твердил, что метафоры легко утомляют читателей. Чем же так плох фальшивый колодец и не так плохи искусственные звёзды? Почему, зайдя так далеко, я вдруг упёрлась в тупик и вконец утратила воображение? Не знаю, но, наверное, всё дело в образе сухой дыры. Я не могла отделаться от мысли, что вся моя жизнь — огромная сухая яма. Всё, чего я в конце концов добилась и чем могла более или менее гордиться, — это моя хижина… И я возненавидела её.

Той ночью сон никак не шёл ко мне. Я долго боролась с бессонницей, потом вскочила и принялась слоняться в темноте, пока не нашла топор. Я изрубила в щепки то, что было кроватью, сгребла эти щепки к стене и как следует пропитала керосином. Подожгла, вышла через переднюю дверь, оставив её открытой, для лучшей тяги, и медленно поднялась на невысокий холм за моими владениями. Там я опустилась на корточки, и на моих глазах, не пробудив почти никаких чувств, хижина сгорела до основания.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Не знаю, есть ли на целом свете более одинокое место, чем тридцати-сорокатысячный стадион, когда он пуст.

У площадки для слеш-боксинга в Кинг-сити не было официального названия, наподобие "Мемориального Гладиаториума имени Того-или-Другого", но во времена, о которых позабыла история спорта, это было всего лишь способом почтить кого-нибудь широко известного. А наш стадион на всех спортивных страницах газет и в умах всех кровожадных фанатов, везде, даже на двадцатиметровой вывеске снаружи, именовался просто Бадьёй Кровищи.

Пока что он выглядел безмятежно. Концентрические ряды кресел скрывались в тени. Безмолвствовала акустическая система. Канавки для отвода крови с ринга были промыты начисто и готовы принять свежие вечерние потоки. И часть этой новой крови, возможно, будет принадлежать человеку, на чью одинокую фигуру сейчас лился безжалостный свет белых ламп, свисавших с потолка, — МакДональду. Я спустилась к нему по пологому склону прохода между креслами.

Он был обнажён и стоял спиной ко мне. Я думала, будто движусь бесшумно, но к нему оказалось не так-то легко подкрасться. Он оглянулся через плечо, нисколько не встревоженный, просто из любопытства.

— Привет, Хилди, — только и произнёс он. Не был потрясён, узнав меня, ничего не сказал о том, что во время нашей последней встречи я была мужчиной. Вероятно, до него дошли слухи, а может, просто-напросто мало что ускользало от его взора и ещё меньшее было способно его удивить.

— Вы нервничаете перед боем?

Он нахмурился и, казалось, всерьёз задумался над вопросом.

— Вряд ли. Скорее… раззадориваюсь, что ли. Мне становится трудно усидеть на месте. Возможно, это и нервное. Так что я прихожу сюда и мысленно проигрываю заново свой прошлый бой, вспоминаю свои ошибки и стараюсь размышлять о способах не сделать их опять.

— Не думала, что вы ошибаетесь…

Я поискала ступеньки, чтобы войти к Энди на ринг. Но их не оказалось, и я легко перепрыгнула метровое ограждение.

— Ошибки совершают все. Просто стараешься свести их к минимуму в своей сфере деятель-

ности.

Я заметила у него частичную эрекцию. Он, что, мастурбировал? Прямо сейчас я не могла ничего с этим поделать, в тот момент секс интересовал меня меньше всего в жизни. Я положила руку ему на лицо. Он по-прежнему стоял, скрестив руки на груди, лишь взглянул мне в глаза.

— Мне нужна помощь, — сказала я.

— Да, — ответил он и обнял меня.

* * *

Он отвёл меня в свою грим-уборную, раздевалку или как там она называлась, и принялся хлопотать — готовить нам выпивку, чтобы дать мне время немного прийти в себя. Как ни странно, я не плакала. В его объятиях у меня сотрясались плечи и даже вырвались из горла забавные звуки, но я не уронила ни слезинки. Меня не знобило. Сердце не колотилось как бешеное. Я понятия не имела, как с этим справиться, но ещё ни разу в жизни меня так не распирало от готового прорваться крика.

— Ты прервала мой безумный ритуальчик, — укорил он, протягивая мне клубничную "Маргариту". Лишь много позже я озадачилась, как он узнал, чтО я пью.

— У вас тут замечательный бар.

— Обо мне хорошо заботятся, пока я собираю толпы зевак. Будем здоровы, — протянул он мне навстречу свой бокал, и мы отхлебнули. Великолепно.

— Надеюсь, вы не пьёте ничего слишком крепкого.

— Что бы ты там ни думала, я не самоубийца. По крайней мере, не сейчас.

— Так что вы…

— Я всегда выхожу туда в одиночку, — сказал он, поднялся и повернулся ко мне спиной, обрывая вопрос, на который, как мне показалось, он пока не был готов ответить. — Мой непристойный секретец в том, что меня заводит предвкушение. Я специально изучал это. Некоторых возбуждает угроза. Чаще всего возбуждение охватывает людей после того, как они выкрутятся из ситуации, опасной для жизни. А ко мне оно приходит до.

— Надеюсь, я ничего вам не испортила.

— Нет. Это неважно.

— Если хотите снять напряжение, ну, знаете, заняться любовью — мы можем.

Я пожалела о сказанном, едва только слова слетели с моих губ. При других обстоятельствах, конечно же… да что там, чёрт побери, разуме-

ется!.. Он был прекрасен — я не замечала этого, когда встречалась с ним раньше, поскольку сама тогда была мужчиной. Тело его было безупречно — стройное, плотно сбитое, больше приспособленное к скорости и выносливости, чем к грубой силе — но что с того? Это было тело борца Формулы А. Его сегодняшний соперник будет в таком же теле, плюс-минус три килограмма, даже если это женщина. Но в первую очередь я обратила внимание на две его черты: руки и лицо. Руки были длинными, с широкими кистями, слегка утолщёнными суставами пальцев и грубыми ладонями. В их движениях читалась полная уверенность, они никогда не дрожали, ни разу не были неуклюжими. Такие руки знали, как обращаться с женским телом.

А лицо… это ведь прежде всего глаза, не так ли? У него было довольно симпатичное лицо, грубоватое, как раз как мне нравится, с резко очерченными бровями и скулами, разве что губы слишком поджаты — но они были способны смягчиться, я видела, когда он меня обнял. А вот глаза, глаза… Они неудержимо притягивали к себе, и я была не в силах описать ни одно, ни тем более несколько качеств, делавших их таковыми. Когда он на меня смотрел, он просто смотрел на меня и

ничего более, и его решительному взору открывалось обо мне больше, чем кому-либо другому.

И вновь мне почудилось, что он взвешивает моё предложение. Затем он слабо улыбнулся — я не видела с его стороны ничего любезнее этой улыбки — и ответил:

— Давно уже я не принимаю предложений, сделанных с таким отсутствием энтузиазма.

— Простите. Это действительно было глупо. Сейчас вы скажете мне, что вы гомосексуалист.

— Почему? Потому что отверг тебя?

— Нет, потому что все мои предположения впоследствии оказывались неверны. Только потому, как вы на меня смотрели, хотя мне следовало знать, что сейчас вам не до того, мне просто показалось, будто я… что-то увидела.

— Ты не слишком плохо старалась. Нет, я… ты правда хочешь услышать?

— Если вы хотите сказать.

Он пожал плечами — этот жест означал, что мы оба знаем: время по-настоящему важных вещей ещё не пришло, но он готов подождать.

— Ладно. В двух словах и на будущее: в мужском теле я по большей части гетеросексуален, скажем, процентов на девяносто. Женщиной я становился совсем ненадолго и, вероятно, больше

никогда не захочу ею быть.

— Вам не понравилось?

— Возникла проблема. Мне было неприятно заниматься любовью с мужчинами. Моя любовная жизнь протекала почти исключительно с другими женщинами. Мне не понравилось… допускать постороннего в своё тело. Я всегда этого боялся. Женщинам приходится позволять другим брать слишком много власти над собой. Это меня нервировало.

— Не обязательно должно быть так.

— Мне говорили. Но для меня никогда не было иначе.

— Думаю, это очень важно.

Возможно, за время, прошедшее после Вторжения, где-нибудь состоялся и более пустой разговор, но записей о нём не сохранилось. Я взяла себе ещё выпить, чтобы скрыть неловкость. Вся затея была ошибкой. Я видела, что причинила МакДональду неудобство, хотя и не могла понять, чем, и мне хотелось куда-нибудь деться. Всё равно куда. Я начала вставать из кресла и обнаружила, что не могу. Руки и ноги просто отказывались поднимать меня. Руки по-прежнему были способны удержать бокал — я поднесла его ко рту и выпила коктейль, один из самых необходимых

за всю историю клубничной "Маргариты", — но не подчинялись никаким моим приказам, имеющим отношение к подъёму тела.

Дело дрянь? Ещё бы.

Я не собиралась мириться с подобным саботажем, разозлилась и разбила задачу на простые шаги. Положить ладони плашмя на подлокотники. Поставить ноги на пол на полную стопу. Надавить на руки и упереться ногами. Не управлять этим механизмом в состоянии наркотического опьянения. Вот и всё, Хилди, ты встаёшь.

— Я пытаюсь покончить с собой, — произнесла я и села обратно.

— Тогда ты обратилась по адресу. Расскажи об этом.

* * *

Когда делаешь что-нибудь достаточно часто, это получается всё лучше. Я никогда как следует не умела раскрываться и высказывать всё наболевшее, но после того как я поведала свою историю Фоксу и Лиз, и даже после той малой её части, что удалось услышать Калли, повествование обрело некий лоск. Я обнаружила, что произношу те же фразы, какими пользовалась в прошлые разы, говорю о том, что поразило меня

как особенно забавное или тем или иным образом помогло представить ситуацию в лучшем свете. Я же писатель, ничего не поделаешь. Оказалось, мне даже почти нравятся мои экзерсисы. Я делала материал — и, как в любом материале, одни его части помогут разжечь интерес, а другие способны попросту запутать читателя. А когда слушателей мало, ты адаптируешь историю сообразно с тем, что, как ты думаешь, им понравится. Так что история, без всякого моего умысла, стала заявкой на серию публикаций, которые мне хотелось бы поместить в великом Экстренном Выпуске Жизни. Или, если предпочитаете другую аналогию, мои рассказы для Фокса, Лиз и Калли были пробой пера, деревенскими писульками, а теперь я предстала перед маститым критиком, чей отзыв способен сделать имя или разрушить карьеру.

Но Эндрю на это не купился. Он позволил мне болтать в таком духе почти час. Думаю, он прочувствовал особый тип дерьмеца, которым я торговала, его отчётливый аромат и консистенцию, когда в него наступаешь, цвет и звук, с которым оно шлёпается. Когда он понял, что узнает этот конкретный сорт навоза, когда следующий раз наткнётся на него в своих угодьях, он

поднял руку и держал её, пока мой рот не перестал работать. Потом сказал:

— А теперь рассказывай, что было на самом деле.

И я начала сначала.

Но, вы понимаете, я и в первый раз не лгала. Хотя вынуждена признаться, что и всей правды не говорила. Долгие годы работы в "Вымени" сверх меры отточили моё редакторское мастерство, а первое, что ты узнаёшь, став журналистом, — простейший способ увиливать состоит всего-навсего в недоговорках. Начав заново, я не была уверена, что помню, как говорить всю правду. Если бы ещё знать, в чём она... (Можно провести приятный вечерок за обсуждением того, знает ли хоть кто-нибудь хотя бы малую часть правды о себе или о чём бы то ни было, но это путь к безумию.) Всё, чего Эндрю хотел, это чтобы я как можно тщательнее постаралась изложить ему, что знаю, без всякой словесной мишуры и своекорыстных изобретений, которыми бросаются, стремясь представить себя в лучшем свете. Попробуйте как-нибудь сами так рассказывать — это окажется самым трудным из всего, что вы когда-либо делали.

К тому же это отнимет уйму времени. Хорошо

справляться с этим значит возвращаться снова к тому, что поначалу показалось не относящимся к рассказу, — порой очень далеко в прошлое. Я рассказала МакДональду о своём детстве такое, о чём даже не подозревала, что помню. Повествование затянулось и из-за пауз — временами я замолкала и просто сидела, глядя в пустоту. Эндрю не подталкивал меня и никак не торопил. Он ни разу ни о чём меня не спросил. Говорил только в ответ на мои прямые вопросы, а если достаточно было кивнуть или покачать головой, тем и ограничивался. Такой вот речевой минималист этот Эндрю МакДональд.

То, что я справилась со своей историей, я поняла по тому, что моя речь иссякла, а на столике поблизости появилось блюдо бутербродов. Я набросилась на еду, как вестготы на Рим. Не припоминаю, чтобы когда-либо была так голодна. Набивая рот, я заметила три пустых бокала из-под "Маргариты". Не помню, как выпила их, и пьяной я себя не чувствовала.

Когда пища достигла желудка, а мозговые клетки перестали работать как изолированные комочки, разбросанные по всей голове, я начала замечать, что ещё происходило вокруг. Пол содрогался. Не подскакивал вверх-вниз, а размеренно

и немного пугающе вибрировал от того, что я наконец распознала как шум толпы. Раздевалка Эндрю находилась почти под самым центром Бадьи Кровищи. Мы спустились по нескольким лестницам, огибающим ринг, чтобы попасть в неё. Я огляделась в напрасном поиске часов.

— Как долго мы беседовали? — спросила я с полным ртом мясной нарезки и хлеба.

— До главного события вечера ещё есть почти полчаса.

— До вашего выхода, не так ли?

— Да.

Это было немыслимо. Я пришла в начале второй половины дня, а в сегодняшней афише перед смертельным матчем Эндрю значилось девять других схваток. Должно быть, было около десяти-одиннадцати вечера.

— Здесь нет часов, — произнесла я, надеясь, что он примет это как извинение.

— Я бы и не разрешил ставить их сюда перед боем. Отвлекают.

— Нервируют? — возможно, вопрос получился с подковыркой. Как он смеет не волноваться перед схваткой? Его неземное спокойствие было не так-то просто переносить.

— Они меня отвлекают.

Я заметила и кое-что ещё. Может показаться смешным, что я провела столько времени в таком маленьком помещении и не увидела этого, но я не видела. Видеть-то было особо нечего. Комната была безликой, как гостиничный номер — и в некотором смысле им и служила. А заметила я вот что: на стене рядом с МакДональдом висели четыре телефона с отключённым звуком, с экрана каждого из них смотрело озабоченное лицо, а под ним мигала надпись: ОТВЕТЬТЕ! ЭТО СРОЧНО! Двух из этих людей я узнала: видела их рядом с Эндрю во время прошлого визита. Тренеры, менеджеры или кто-то вроде того.

— Похоже, вам стоило бы заняться делом, — сказала я. Он отмахнулся. — Но разве вы не должны… я не знаю… обсудить с этими людьми стратегию? Получить напутствие или что-то в этом роде?

— Честно говоря, был бы рад обойтись без напутствий, — ответил Эндрю. — Они тяжелее, чем сам бой.

Я вынуждена была признать, что четверо звонящих выглядели более встревоженными, чем он.

— И всё же мне лучше убраться у вас с дороги, — пробубнила я, вставая и пытаясь проглотить большой кусок еды. — А вам лучше сделать всё необходимое, чтобы подготовиться.

— Со мной это продолжалось десять лет, — сказал он.

Я так и села.

Возьмись я утверждать, будто не знаю, о чём речь — это было бы враньё. Я прекрасно понимала, о чём он, и он тут же подтвердил мою правоту:

— Десять лет ложных воспоминаний. Это было шесть лет назад, и всё это время я искал, с кем поговорить об этом.

— Искали и такого человека, и свою смерть, — обронила я.

— Знаю, что по-твоему это так. Но по-моему — иначе.

— Однако вы пытались убить себя.

— Да, шесть лет назад. Когда обнаружил, что мне совершенно не интересно чем-либо заниматься. Мне уже хорошо за двести, а тогда показалось, что я целый век не делал ничего нового.

— Вам всё наскучило.

— Это зашло намного дальше. Навалилась депрессия, безразличие… Однажды я три дня просто просидел в ванной. Не видел причины вылезать. Я решил покончить с собой, и мне было нелегко на это решиться. Во мне воспитали веру в то, что

жизнь — драгоценный дар, что в ней всегда есть что сделать полезного. Но я больше не мог найти ничего сколько-нибудь значимого.

У него намного лучше получалось рассказывать об этом, чем у меня. Во всяком случае, у него было больше времени, чтобы мысленно потренироваться. Он просто прошёлся по ключевым событиям, несколько раз повторив, что подробности доскажет после боя. В двух словах, его высадили на необитаемом острове, похожем по описанию на Скарпу, только с более суровыми условиями. Эндрю пришлось здорово потрудиться. Он потерпел много неудач и даже близко не подошёл к тем удобствам, какими наслаждалась я. Лишь два последних года из его десятилетней робинзонады прошли немного полегче.

— Похоже, ГК заставил тебя пройти ту же базовую программу, — сказал МакДональд. — Судя по твоему описанию, она кое в чём улучшилась: новая технология, новые подпрограммы. Конечно, я в своё время принял ту реальность — выбора у меня не было, это были не мои воспоминания, — но потом, оглядываясь назад, видел, что достоверность не так высока, как в твоём приключении.

— ГК сказал, что со временем он наловчился.

— Он всегда совершенствуется.

— Должно быть, это был сущий ад.

— Мне понравилась каждая секунда.

Он выдержал паузу, потом продолжил, слегка наклонившись вперёд, и глаза его, и без того глубокие, засияли:

— Когда жизнь так проста, заскучать не получится. Когда твоя жизнь висит на волоске и от любого твоего действия зависит, оборвётся он или окрепнет, самоубийство кажется таким смешным упадочничеством! В самой природе любого организма заложен инстинкт самосохранения. То, как много людей кончает самоубийством — не только сегодня, так было с давних пор, — многое говорит о цивилизации, об "интеллекте". Самоубийцы утратили дар, присущий любой амёбе: знать, как жить.

— Так в этом и есть секрет жизни? — спросила я. — В невзгодах? В том, чтобы добиваться, а не получать даром, чтобы всё добывать трудом?

— Не знаю. — Он вскочил и принялся расхаживать. — Вернувшись сюда, в настоящее, я ожил и взбодрился. Думал, что нашёл ответ. Затем, как и ты, понял, что не могу доверять ему. Это не я прожил те десять лет, а машина написала сценарий о том, как, в её представлении, я прожил бы их. Кое-что ГК угадал, но очень во многом

ошибся, потому что… это был не я. Тот я, которому он пытался подражать, только что предпринял попытку оборвать свою жизнь. А тот я, которого выдумал ГК, зубами за эту жизнь цеплялся. Это было исполнение мечты ГК, но не моей.

— Вы же сказали…

— Но всё-таки это был ответ, — перебил он, стремительно развернувшись лицом ко мне. — Я обнаружил, что уже больше века ничем не рискую! Чего бы я ни добился и в чём бы ни потерпел крах, это не имеет для меня значения, потому что не угрожает моей жизни. По правде говоря, даже моему комфорту ничто не грозит. Вот если, к примеру, я разбогатею или разорюсь. Разбогатею — просто выручу ещё больше вещей, давно утративших смысл. Разорюсь — потеряю некоторые из этих вещей, но о моих минимальных потребностях позаботится государство.

Мне хотелось вставить словечко, поспорить с ним, но он был в ударе — и это было только к лучшему, потому что от самой возможности говорить с тем, кто пережил то же, что и я, сладко щемило сердце. Даже если кое на что я смотрела иначе.

— Вот тогда я и начал сражаться в смертельных матчах, — продолжил Эндрю. — Мне пришлось

вернуть в свою жизнь элемент риска. — Он поднял руку: — Но не слишком много! Я отличный мастер своего дела.

Теперь он улыбался и был прекрасен.

— И я снова обрёл желание жить. Вот что тебе нужно сделать, Хилди. Найти способ снова испытывать риск. Это такой мощный тоник, какого я и вообразить себе не мог.

Вопросы теснились у меня в голове, настойчиво просились на язык. И один был важнее всех прочих.

— А что помешает ГК, — медленно произнесла я, — возвратить вас к жизни, как меня, если вы… допустите ошибку?

— Когда-нибудь допущу. Все ошибаются. Думаю, это случится ещё не скоро.

— За вами многие охотятся.

— Скоро я уйду на покой. Ещё несколько матчей, и всё.

— А как же тоник?

Он снова улыбнулся:

— Думаю, с меня его достаточно. Я нуждался в нём, мне нужны были смертельные матчи… и ничто другое не помогло бы. В них и есть вся красота. Умереть настолько прилюдно…

Тут до меня дошло. ГК не осмелился бы оживить

того же Сильвио (кстати говоря, и не смог бы, у Сильвио не осталось мозга). Все знали, что Сильвио мёртв, и если бы он вдруг снова появился среди нас, не обошлось бы без неудобных вопросов. Люди создали бы комитеты, распространили петиции и пересмотрели компьютерные программы. МакДональд нашёл очевидный способ победить ГК, заигравшегося в воскрешение, отыскал ответ, очевидный настолько, что я никогда о таком и не думала.

Или думала, но прятала эту мысль от самой себя?

Вопрос пришлось отложить на потом: Эндрю с извиняющимся видом пожал плечами и открыл дверь. В комнату тут же ворвалась половина Кинг-сити и все заговорили наперебой. Ладно, не половина, человек пятнадцать-двадцать, но по большей части злых. Я поймала на себе несколько свирепых взглядов, сжалась в комочек, забилась в угол и оттуда наблюдала, как агенты, тренеры, менеджеры, персонал стадиона и пресса все разом пытаются уместить в оставшиеся до начала матча пять минут приёмы психологического настроя, юридические формальности и интервью, рассчитанные минимум на час. Эндрю оставался островом спокойствия среди этого урагана,

превосходившего по уровню неразберихи все пресс-конференции, на которых мне когда-либо доводилось бывать.

МакДональд вышел, и все устремились следом, будто свора тявкающих щенков. Шум затих в глубине короткого коридора, рассеялся эхом по лестничным клеткам. Я услышала, как усилился гомон толпы, затем до меня донеслось басовитое бормотание — голос комментатора, далеко наверху объявившего бой.

Некоторое время гомон не смолкал, потом немного стих, я уселась и принялась ждать возвращения Эндрю.

Вдруг толпа завопила так, что показалось — стены вот-вот рухнут. "Фанаты", — с презрением подумала я.

Как бы там ни было, крики усиливались, и я забеспокоилась: что произошло?

А потом дверь распахнулась и Эндрю МакДональда внесли на носилках.

* * *

Ничто на свете на самом деле не так просто, каким кажется с первого взгляда. Эндрю сражался в смертельном матче… но что это значило?

Я понятия не имела. Видела всего несколько

матчей и знала, что даже в обычных поединках наносят такие удары, после которых не выжить без современной медицинской техники. Я наблюдала, как в перерывах между раундами бойцам оказывают медицинскую помощь, штопают их на скорую руку, восполняют потерю биологических жидкостей.

Обычно в ознаменование победы проигравшему отрезали голову — это одна из причин любви поклонников к слеш-боксингу и явный признак того, что обезглавленному не слишком повезло… Но можно ли сказать так о Верховном Перцере? Он прекрасно обходился без тела. Единственной действительно смертельной раной в наши дни оставалось разрушение мозга, да и то ГК работал над решением этой проблемы.

Похоже, для смертельных матчей правила были иными. Ещё мне показалось, что никто не был ими доволен, за исключением, может, разве что Эндрю.

Я не видела, какие раны он получил, но голова по-прежнему была у него на плечах. Тело скрывала промокшая от крови простыня. Позднее я сделала вывод, что для смертельных матчей установлена некая иерархия ранений: одни из них обслуживающему персоналу ринга дозволялось

лечить, другие признавались смертельными. Поверженного соперника не лишали головы: было бы слишком жутко потрясать в воздухе башкой по-настоящему убитого. Мне сказали, что этот ритуал заменил собой удар милосердия и должен был некоторым образом более очевидно символизировать победу. Поди разберись.

Кроме того, впоследствии я узнала, что никто как следует не разбирался, что делать в сложившихся обстоятельствах. С тех пор, как смертельные матчи были разрешены той неясной правовой зоной, что известна под названием консенсуального суицида, сражаться в них рискнули всего три бойца. Только один из них получил рану, отвечавшую всем требованиям к смертельной — и на смертном одре сделал признание, смысл которого вкратце сводился к следующему: "Возможно, всё-таки это была не слишком удачная мысль". Его оживили, залатали и с позором отправили на пенсию, ко всеобщему огромному, хотя и глубоко скрытому, облегчению. По поводу двух оставшихся любителей рисковать жизнью на ринге давно было принято молчаливое соглашение не сводить их вместе, поскольку такой матч обязательно поставил бы помощников бойцов, их юристов и руководство спортивных залов

именно в то неприятное положение, в каком они находились сегодня. На лицах прямо читалось: "Мы что, правда дадим этому безмозглому сукину сыну сдохнуть у нас на глазах?"

На поиск ответа оставалось не слишком много времени. Через всю комнату до меня долетал звук, исходивший от Эндрю, и я понимала, что слышу предсмертный хрип.

Мне было не слишком хорошо видно умирающего. Для него было бы безумием надеяться, что его последние мгновения протекут безмятежно. Дюжина людей сгрудилась вокруг: некоторые лихорадочно предлагали помощь, иные беспокоились о корпоративной ответственности и лишь немногие отстаивали право Эндрю умереть так, как ему хотелось.

Руководство Бадьи Кровищи много лет пребывало в растерянности по поводу смертельных матчей. С одной стороны, они гарантировали приток посетителей: стадионы всегда были полны, когда зрителям предлагалась возможность пощекотать нервы созерцанием настоящей смерти. С другой же, никто не знал, как отреагирует публика, если кто-нибудь и вправду погибнет во славу спорта перед лицом Господа и всех собравшихся. Господствовало мнение, что это не

слишком хорошо сказалось бы на бизнесе. Масштабы зрительских аппетитов к безвредному насилию в спорте и увеселительных мероприятиях никто не измерял, но реальную смерть, хоть она и сенсационна, намного легче перенести, если она рассматривается как случайность. Так было с Дэвидом Землёй и посетителями "Нирваны".

Следует отдать должное персоналу спортивной арены: им было не по себе от самой идеи, а не только от юридической стороны добровольного самоубийства. Худшим грехом, в котором их можно было бы обвинить в сложившихся обстоятельствах, было то, чем страдаем мы все: неспособность представить, что случится самое плохое. До сих пор в смертельных матчах никто не погиб, и они надеялись, что так и не погибнет. А теперь боец умирал.

Не обошлось без отчаянных попыток спасения. Люди, столпившиеся вокруг Эндрю, напомнили мне — как часто случается в жизни — сцену из фильма. Вы и сами видели такие: в картинах о войне, когда медики собираются вокруг раненого товарища, пытаясь спасти его жизнь, друзья встают у изголовья и твердят, мол, всё будет хорошо, приятель, у тебя рана на миллион долларов, ты

окажешься дома в компании милашек раньше, чем успеешь об этом подумать… а в глазах их читается: ему конец. И — странное дело, может быть, из-за игры света — мне привиделась другая сцена: священник наклоняется над ложем с розарием в руках, выслушивает исповедь и проводит последний обряд. На самом деле все старались уговорить МакДональда согласиться на лечение: "Ну же, пожалуйста, уступите — и мы спокойно разойдёмся по домам, утрём пот, напьёмся покрепче и представим, будто этого треклятого несчастья не было… Боже милосердный…"

Он всем отвечал отказом. Постепенно мольбы становились всё менее страстными, некоторые просители даже сдались и отбежали к стене, съёжились рядом со мной, как будто раненый был заразным. Наконец кто-то наклонился достаточно низко, чтобы расслышать, что он пытается сказать, оглянулся и жестом подозвал меня.

Я удивилась, что смогла приблизиться: ног я не чувствовала. Но как-то мне удалось наклониться над умирающим. В нос ударил смрад его крови, вспоротых внутренностей… от него пахло смертью. Он схватил меня за руку с неожиданной силой и попытался приподняться к самому моему уху, потому что голоса у него уже почти

не осталось. Надеюсь, он не чувствовал боли; потом мне подтвердили, что так и было: к боли он никогда не стремился и всегда приглушал её перед схваткой. Он закашлялся.

— Позвольте им помочь вам, Эндрю, — сказала я. — Вы уже доказали своё.

— Нет никакого "моего", — кашлянул он. — Нечего им доказывать.

— Вы уверены? Это не позор. Я не перестану уважать вас.

— Дело не в уважении… должен пройти до конца, иначе нет смысла.

— Но это безумие. Вы могли погибнуть в любом матче. Вам не обязательно умирать сейчас, чтобы подтвердить это.

Он покачал головой и страшно раскашлялся. Затем обмяк — и я подумала, что он уже мёртв, но вдруг его рука слегка сдавила мою, и я наклонилась к самым его губам.

— Обманули, — произнёс он и умер.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Общеизвестно, что в наши дни, в наш век никто не ходит в библиотеки. И это неправда.

Зачем тратить время и утруждать себя поездкой в огромное здание, где хранятся настоящие бумажные книги, если можно не выходя из дома получить любую содержащуюся в них информацию плюс триллионы страниц данных, существующих только в блоках памяти? Если вы не знаете ответа на этот вопрос раньше, чем он будет задан, значит, вы просто не любите книги и мне ничего не удастся вам объяснить насчёт них. Но если прямо сейчас, каков бы ни был час дня или ночи, вы встанете из-за своего терминала, доедете на поезде до здания административного центра Кинг-сити, поднимитесь по ступеням итальянского мрамора и пройдёте между статуями Знания и Мудрости, перед вами раскинется Великий книжный зал, наполненный сдержанным гулом — рабочим шумом всех великих библиотек, звучащим ещё с тех времён, когда книги писали на свитках папируса. Пройдитесь мимо рядов старых дубовых столов, за которыми сидят исследователи, встаньте в центре купола, рядом с

Библией Остина Гутенберга в стеклянном шкафу, взгляните на бесконечные ряды полок, лучами расходящиеся вдаль. И если вы хоть сколько-нибудь любите книги, это успокоит вашу душу.

В успокоении моя душа остро нуждалась. В те три-четыре дня, что последовали за смертью Эндрю МакДональда, я часто пропадала в библиотеке. Практической необходимости в этом не было; хоть я и была отныне бездомной, я могла читать всё, что нужно, и заниматься своим исследованием, сидя в парке или в гостиничном номере. В любом случае, лишь малая часть того, что я разыскивала, была отпечатана на бумаге. Я проводила время за библиотечным терминалом, точно таким же, какие установлены в любой уличной телефонной будке. Но я была далеко не единственным библиотечным червём. Несмотря на то, что многие посещали библиотеку потому, что им нравилось в буквальном смысле прикасаться к первоисточникам, большинство людей обращались к хранимым данным и просто предпочитали получать их из настоящих книг, расставленных на полках. Взглянем правде в глаза: большинство книг в библиотеке Кинг-сити были древними, изданными до Вторжения — наследством нескольких фанатиков-библиофилов,

которые настояли на том, что эти желтеющие, хрупкие, неэффективные и неудобные вещи необходимы любой культуре, называющей себя цивилизованной, и убедили сторонников информатизации, что логически не оправданные расходы по доставке букинистических изданий на Луну в конце концов окупятся. Что же до современных книг… о чём беспокоиться? Сомневаюсь, что за среднестатистический лунный год на бумаге публикуется более шести-семи трудов. Небольшой издательский бизнес, пусть никогда не приносящий существенной прибыли, у нас всё же есть, потому что некоторым людям нравится, когда в гостиной стоят на полках собрания сочинений классиков. Книги почти исключительно стали заботой художников по интерьеру.

Но не здесь. Здешними книгами пользуются. Некоторые из них хранятся в особых комнатах, заполненных инертным газом, так что посетителям приходится облачаться в скафандр, чтобы взять томик в руки под бдительным взглядом библиотекарей (считающих, что загибание уголков страниц — преступление, достойное виселицы), но при всём при том любое издание в этом учреждении доступно для пользования, включая сам шедевр Гутенберга. Почти милли-

он книг находится в открытом доступе. Можно пройтись между полками, провести по книгам рукой, вытащить одну и открыть (осторожнее, осторожнее!), вдохнуть запах старой бумаги, клея и пыли. Большую часть работы я проделала, держа рядом с собой на столе экземпляр "Тома Сойера" — отчасти для того, чтобы прочитывать главу-другую, когда устану от поисков, отчасти просто для того, чтобы потрогать его, когда настроение падало ниже некуда.

Мне приходилось постоянно переосмысливать слово "ниже". Я начала сомневаться, есть ли на самом деле естественный нижний предел и был ли он тем, что я чувствовала, когда в последний раз попыталась покончить с собой — и смогла бы, не вмешайся ГК.

Моё исследование посвящалось, разумеется, самоубийству. Мне не потребовалось много времени, чтобы обнаружить, что о нём известно не слишком много действительно полезного. Почему это должно было удивить меня? Не так уж много полезного известно обо всём, что касается причин, по которым мы есть те, кто мы есть, и поступаем так, как поступаем.

Нашлось полным-полно бихевиористских данных: стимул А вызывает ответную реакцию Б.

Нашлась и масса статистических данных: икс процентов отреагируют неким определённым образом на событие игрек. Это всё замечательно срабатывало для насекомых, лягушек, рыб и им подобных существ, терпимо — для собак, кошек и мышей и даже умеренно, сносно подходило для людей. Но затем возникли вопросы наподобие: почему, когда Уилбура, сына тёти Бетти, задавила машина для укладки тротуаров, тётя встала и сунула голову в микроволновку — а её сестра Глория, которую постигло похожее несчастье, погоревала, оплакала погибшего, пришла в себя и с пользой прожила долгую жизнь? И вот наилучший высоконаучный ответ, что мне удалось обнаружить: выбей дурь из головы.

Была ещё одна причина, по которой я просиживала в библиотеке: это идеальное место для того, чтобы подойти к проблеме логически. Вся окружающая обстановка настраивает на это. И именно это я намеревалась сделать. Смерть Эндрю по-настоящему потрясла меня. Никаких других неотложных дел у меня не оказалось, так что я решила подступиться к своей проблеме шаг за шагом. А значит, для начала нужно было определить шаги. Мне показалось, что в качестве первого шага следует узнать всё, что только

можно, о случаях самоубийства. И через три дня почти непрерывного чтения и конспектирования я разбила все эти случаи на четыре или, возможно, пять категорий в зависимости от их причины. (Для заметок я купила бумажный блокнот и карандаш, чем заслужила косые взгляды соседей. Даже в такой старомодной среде считалось чудачеством писать на бумаге.) Мои четыре, а может, пять категорий не имели чётких границ, они перекрывали одна другую широкими размытыми серыми краями. Что, опять же, не удивительно.

Первая, легче всего определяемая категория: культурная. В большинстве обществ самоубийство осуждалось при большинстве обстоятельств, но в некоторых — нет. Яркий пример — Япония. В древности самоубийство там не только оправдывали, но и в некоторых случаях считали обязательным. Со временем его даже наделили законным статусом, так что японец, утративший честь, не просто должен был покончить с собой — ему предписывалось сделать это публично и крайне болезненным способом. Во многих других культурах при некоторых обстоятельствах самоубийство рассматривалось как дело чести.

Даже в тех обществах, где самоубийство порицалось или причислялось к смертным грехам,

признавали, что есть обстоятельства, когда его по крайней мере можно понять. И в фольклоре, и в документальной литературе мне встретилось много историй о несчастных влюблённых, рука об руку бросившихся со скалы. Попадались и упоминания о стариках, страдавших от неутихающей боли (смотри причину номер два), и описания нескольких других причин на грани допустимости.

Большинство ранних культур крайне трудно анализировать. Демографическую статистику, как мы знаем, начали как следует вести относительно недавно. Рождения и смерти учитывались, но и только. Как определить процент самоубийств в древнем Вавилоне? А никак. Почти ничего полезного неизвестно даже о Европе девятнадцатого века. Там и сям обнаруживаются внезапные отклонения данных. В двадцатом веке говорилось, что шведы сводили счёты с жизнью чаще других своих современников. Некоторые винили в этом холодный климат, длинные зимы, но как тогда объяснить жизнелюбие финнов, норвежцев или сибиряков? Другие считали, что дело в мрачном характере самих шведов. Я задаю людям вопросы достаточно давно, чтобы узнать о них кое-что важное: они лгут. И часто врут даже

тогда, когда ничто не поставлено на карту. Но когда от ответа зависит нечто серьёзное, например, будет ли дедушка Джек похоронен в священной земле церковного погоста, — записки самоубийц прячут, трупы перекладывают, коронеры и служащие судебных ведомств получают взятки или просто закрывают на факты глаза из уважения к семье. Всплеск самоубийств среди шведов мог всего-навсего означать, что они более честно вели учёт.

Что же до лунного общества, да и всех обществ после Вторжения, вместе взятых… здесь самоубийство — гражданское право, но повсеместно считается трусливым бегством. Оно не относится к поступкам, которые возвысят вас в глазах соседей.

Вторую причину наилучшим образом выражает утверждение: "Я больше так не могу". Самые очевидные случаи второй категории происходили из-за боли, теперь таких больше нет. А ещё из-за несчастья. Что можно сказать о несчастье? Оно реально и у него могут быть настоящие и легко находимые причины: разочарование в своих жизненных достижениях, неудовлетворённость и неспособность добиться цели или что-либо заполучить, трагедия или утрата. Бывает и так, что

причины этого безнадёжного чувства нелегко заметить стороннему наблюдателю: "У него было всё, что нужно для жизни".

Затем идёт причина, которую провозгласил Эндрю: жить надоело. Такое случалось, хоть и редко, даже в те дни, когда люди не жили по двести-триста лет. Но по мере увеличения продолжительности жизни третья причина всё чаще и чаще встречается в предсмертных записках.

Четвёртую причину можно назвать неспособностью отчётливо представить себе смерть. Самоубийству по этой причине были подвержены дети; многие финансово благополучные, индустриально развитые общества отмечали рост процента самоубийств в подростковом возрасте, и выжившие после неудачных попыток часто делились тщательно обдуманными фантазиями о том, как видят и слышат, что происходит на их похоронах, или сводят счёты с обидчиками: "Я им покажу, они пожалеют, когда меня не станет!"

Вот почему я сказала, что причин, возможно, пять. Не могла решить, выделять ли в отдельную категорию попытки покончить с собой — неважно, успешные или нет, — известные как "суицидальное действие". Авторитетные источники расходятся во мнениях о том, сколько

самоубийств на деле были всего лишь призывом о помощи. В некотором смысле все они были таким призывом, пусть даже обращённым к бесстрастному Провидению. Помогите мне прекратить боль, найти любовь, отыскать смысл, помогите, я страдаю…

Так я сказала "возможно, пять"? Возможно, их шесть.

Вероятной шестой причиной было то, о чём я думала как о "Периодах Жизни". Мы все — большинство из нас — тайные гадатели на числах, подсознательные астрологи. Нас завораживают годовщины, дни рождения, свой и чужой возраст. Вот тебе тридцатник, тебе сороковник, тебе седьмой десяток, а тебе больше ста. В прошлом, когда люди в среднем едва переваливали за восемьдесят, эти слова говорили о человеке намного больше, чем сегодня. Сороковой день рождения означал, что жизнь наполовину прошла и наступает зловещее время, когда оценивают, какова была первая половина, и чаще всего остаются недовольны ею. Девяностолетие означало, что человек уже исчерпал отпущенное время и самое полезное из того, что ему осталось сделать, — это выбрать цвет своего гроба.

Возраст, обозначаемый числом с нулём на кон-

це, был особенно тяжёлым. И поныне остаётся таким. Среди множества терминов мне попался один — "кризис среднего возраста". Он применялся давным-давно, когда середина жизни располагалась где-то между 40 и 50. Возраст с двумя нулями — стресс просто адской мощи. Раньше о столетних долгожителях писали в газетах. Данные, которые я изучила, свидетельствуют: даже если в наши дни он претендует на статус среднего, возраст "100" по-прежнему очень много значит. Можно разменять восьмой десяток, девятый, но вот сотку разменять — никак. Такое выражение просто не прижилось. Говорят "старше ста" или "старше двухсот". Скоро появятся люди старше трёх сотен лет. И оба эти магических рубежа отмечены всплеском количества самоубийств.

А вот это особенно заинтересовало меня, потому что… ну-ка, дети, что там сказала Хилди, сколько ей лет? И пусть отвечают не одни отличники.

* * *

Не знаю, позволяло ли моё исследование узнать нечто действительно важное, но это был способ занять себя, и я намеревалась продолжать. Я буквально поселилась в библиотеке и отлучалась только поесть и поспать. Но через четыре дня

внутренний голос подсказал мне, что пора пойти прогуляться, и ноги принесли меня обратно в Техас.

Я гадала, что же будет со мной дальше. Смерть неотступно следовала за мной с тех пор, как я вернулась с острова Скарпа: Дэвид Земля, Сильвио, Эндрю, одиннадцать сотен и двадцать шесть душ в "Нирване"… Три бронтозавра… Я никого не забыла? Случится ли со мной наконец что-нибудь хорошее?

Я пробралась окольным путём, который обнаружила, пока скрывалась от журналистской братии. Не хотелось бы встретить никого из друзей из Нью-Остина, иначе пришлось бы постараться объяснить им, зачем я спалила свою хижину. Если самой себе я не могла это объяснить, что сказать им? Вот почему я перебралась через холм с другой стороны — и первой моей мыслью было: заблудилась… поскольку внизу была хижина. Затем я подумала — возможно, впервые с тех пор, как начались эти мытарства, — что теряю рассудок, потому что я не заблудилась, я была именно там, где и думала, и передо мной стояла моя хижина, целёхонькая, совсем такая же, какой была, прежде чем пламя поглотило её на моих глазах.

В такие минуты начинает не на шутку кружиться голова; мне пришлось сесть. Но через некоторое время я заметила две интересные вещи. Во-первых, хижина стояла немного не там, где раньше. Как будто передвинулась метра на три вверх по склону холма. Во-вторых, на самом дне небольшой впадины, которую я называла "лощиной", виднелась куча чего-то похожего на обугленные брёвна. Пока я их рассматривала, появилась третья достопримечательность: тяжело нагруженный ослик. Он показался из-за угла дома, мельком глянул на меня и уткнулся носом в ведро с водой, оставленное в тени.

Я встала и начала спускаться к хижине, и тут из неё вышел мужчина и стал разгружать животное, складывая груз на землю. Должно быть, он услышал мои шаги, потому что посмотрел вверх, улыбнулся, показав беззубые дёсны, и помахал мне. Я узнала его.

— Сауэдо[57], - окликнула я, — какого чёрта ты тут делаешь?

— Добрый вечерок, Хилди, — отозвался он. — Надеюсь, ты не против. Я просто поехал в город, а

---

[57] Примечания: 57

Sourdough (англ.) — буквально "кислое тесто", закваска. Так называли себя старожилы на Аляске и в Канаде, в противовес новичкам ("чечакос").

меня послали сюда, сказали побыть тут парочку дней и дать знать, когда ты вернёшься.

— Я всегда тебе рада, Сауэдо, и ты это знаешь. Mi casa es tu casa[58]. Просто… — я запнулась, снова оглядела хижину и вытерла пот со лба, — не думала, что у меня есть casa.

Он почесался и сплюнул в пыль.

— Ну-у… я не очень-то много знаю. Только вот что: мэр Диллон сказал, коли я не кину клич, завидев тебя снова в здешних краях, он сдерёт шкуру с меня и Матильды, — и он ласково похлопал ослицу, подняв тучу пыли.

Возможно, старина Сауэдо и перегибал палку, имитируя говорок Дикого Запада — но, как по мне, у него было на то полное право. Он был подлинным натуралом, в противоположность Уолтеру, естественному только с виду.

Сауэдо принадлежал к религиозной секте, разделявшей некоторые взгляды Христианских Учёных. Её адепты не отказывались от какой бы то ни было медицинской помощи и не молились об исцелении, когда заболевали. Отвергали они только омоложение. Позволяли себе стареть, а когда меры, необходимые для поддержания жизни,

---

[58] Примечания: 58
Мой дом — твой дом (исп.)

достигали предела, который Сауэдо описал мне как "уж больно много мороки", они умирали.

В этом всём даже был некий денежный интерес. Совет по Древностям ежегодно выплачивал сектантам небольшое вознаграждение за то, что они своим существованием избавляли общество от необходимости решать щекотливый этический вопрос. Не будь их, неизвестно, как удалось бы сохранить даже небольшую контрольную группу людей, не улучшенных чудесами современной медицины.

Сауэдо был одним из немногочисленных старателей, бродивших по Западному Техасу. Его шансы обнаружить золотую или серебряную жилу были ничтожны, а на самом деле — равнялись нулю, потому что ничего подобного не было заложено в техническом задании, когда парк строился. Но управляющие уверяли, что кое-где в Техасе есть три небольшие залежи алмазоносных минералов. Пока ни одну из них ещё никто не нашёл. Сауэдо и три-четыре его приятеля расхаживали по местности с кирками, мотыгами, прочим снаряжением и осликами, возможно, втайне надеясь обнаружить их. Как бы там ни было, что делать с пригоршней алмазов? Они наверняка даже не оправдают затраченных на

них усилий.

Однажды я спросила Сауэдо об этом, совсем давно, когда не знала, что в исторических парках невежливо задавать подобные вопросы.

— Вот что я скажу тебе, Хилди, — ответил он без обиды. — Я отдал сорок лет работе, которая мне не особенно нравилась. Я не такой уж дурак, каким могу показаться; насколько я это дело не любил, я понял, только когда уволился. А когда вышел на пенсию, приехал сюда — и полюбил солнечный свет, жару и открытые пространства. Обнаружил, что почти совсем утратил вкус к общению. Теперь я могу выносить людей лишь в малых дозах. И счастлив. Общества Матильды мне вполне хватает, а благодаря старательству есть чем заняться.

На самом деле Матильда, похоже, оставалась единственным, что ещё беспокоило его в этой жизни. Он переживал, что с нею станет после его ухода. Без конца спрашивал людей, будут ли они заботиться о ней, и в конце концов удочерить чёртову ослицу пообещала половина жителей Нью-Остина.

Выглядел Сауэдо старше, чем прадедушка Адама. У него выпали все зубы и большая часть волос. Кожа была испещрена коричневыми пятнами,

изрезана морщинами и свободно болталась на сухопаром теле. Суставы пальцев распухли так, что стали размером почти с грецкий орех.

А было ему восемьдесят три года — на семнадцать меньше, чем мне.

На первый взгляд я приняла его за неграмотного и предположила, что его ненавистной работой было нечто вроде перетаскивания лотков, неважно, чем наполненных, или укладки кирпичей. Но Дора поведала мне, что он был председателем совета директоров третьей по величине компании на Марсе. А на Луну отправился доживать свой век из-за силы тяжести.

— Что здесь произошло, Сауэдо? — спросила я. — Я не продавала землю. По какому праву кто-то явился сюда и построил дом?

— Об этом тоже ничего не знаю, Хилди. Ты ж меня знаешь. Я бродил по холмам и, уверяю тебя, девочка, кое-что искал.

Он пустился рассуждать в подобном духе, а я почти не слушала. Сауэдо и ему подобные всегда что-нибудь ищут. Я оглядела дом. Он не слишком отличался от того, что я построила и сожгла, за исключением нескольких почти незаметных мелочей, которые дали мне понять: те, кто его возвёл, разбирались в этом лучше меня. По раз-

меру хижина была такой же, и окна там же, где были в моей. Но выглядела она более надёжной. Я зашла внутрь, и следом потащился Сауэдо, всё ещё бормоча о чудесном разрезе, который он вот-вот обнаружит. В доме пока не было ничего, кроме ярко-жёлтых ситцевых штор на окнах. Они были симпатичнее тех, что висели у меня.

Я снова вышла на воздух, так ни в чём и не разобравшись, и взглянула на дорогу, что вела в Нью-Остин. Как раз вовремя, чтобы увидеть начало длинной процессии, тянувшейся из города.

Следующие полчаса прошли как в тумане.

В сумерках прибыло более дюжины повозок. Все они были полны людей, набиты едой, напитками и прочим скарбом. Прибывшие высадились и принялись за работу: развели костёр, развесили оранжевые бумажные фонарики со свечками внутри, расчистили площадку для танцев. Кто-то выгрузил механическое пианино из салуна и стоял рядом, вращая заводную ручку. Кто-то ещё наяривал на банджо, кто-то другой пиликал на скрипке, оба играли ужасно, но никому, казалось, не было до этого дела. Прежде чем я осознала, что происходит, сельская вечеринка была в полном разгаре. Корова жарилась на вертеле, истекая соусом барбекю. Иногда он капал в огонь, шипел

и брызгался. По соседству разложили стол с печеньями, пирогами и засахаренными фруктами в стеклянных банках. Множество пивных сосудов торчало из оцинкованной ванны, полной льда, и люди нажирались в открытую или тайком потягивали из припрятанных бутылок. Блики костра отражались на нижних юбках и шёлковых чулках лихо отплясывавших дамочек из "Аламо", а вокруг стояли мужчины, с гиканьем и радостными криками били в ладоши или кидались в гущу танцующих и пытались затеять кадриль. Съехались все мои друзья из Нью-Остина и толпа других гостей, совершенно мне незнакомых, а я так и не поняла, по какому поводу.

Но прежде чем всё окончательно пошло вразнос, мэр Диллон поднялся из-за стола, выхватил пистолет и трижды выстрелил в воздух. Довольно быстро наступила тишина, а мэр покачнулся и чуть не свалился, но две дамочки, сидевшие слева и справа, подхватили его и помогли устоять. Мэр Диллон, наряду с доктором, был известнейшим городским пьяницей.

— Хилди, — провозгласил он тоном, который узнал бы любой политик последнего тысячелетия, — когда добрые горожане Нью-Остина услышали о твоих недавних неприятностях, мы

поняли, что не можем так это оставить. Я прав, граждане?

Его слова были встречены громкими аплодисментами и обильным пивным возлиянием.

— Мы знаем, как бывает у городских. Страховка, подача заявления, заполнение кучи всяких бланков и прочее дерьмо. — Он громко рыгнул и продолжил: — Ну а мы не такие. Когда соседу нужна помощь, народ Западного Техаса тут как тут и поможет.

— Господин мэр, — начала я нерешительно, — это был…

— Заткнись, Хилди, — перебил он и снова рыгнул. — Нет, мы не такие, да, друзья?

— НЕТ!! — завопили жители Нью-Остина.

— Нет, не такие. Беда с одним из нас становится общей бедой. Может, мне не следовало бы говорить это, Хилди, но когда ты появилась тут, некоторые из нас приняли тебя за дачницу. — Он ударил себя в грудь и наклонился вперёд, снова чуть не свалившись, и выпучил на меня глаза, будто брал на слабо: попробуй не поверить тому, в чём собираюсь признаться! — Я решил, что ты дачница, Хилди, я, мэр Мэтью Томас Диллон, градоначальник этого славного местечка уж скоро семь лет как.

Он театрально повесил голову, затем резко вздёрнул, как на верёвочке:

— Но мы ошибались. Вот совсем недавненько ты показала себя настоящей техаской. Хижину построила. Ты приходила в город и сидела с нами, пила с нами, ела, играла в карты.

— Играла, ха! — буркнул Сауэдо. — Это была не игра.

Вокруг рассмеялись.

— Мэр Диллон, — взмолилась я, — пожалуйста, дайте мне сказать…

— Не раньше, чем сам договорю, — добродушно рыкнул он. — И вдруг четыре дня назад случилось несчастье. Да позволено мне будет сказать, некоторые из нас не совсем отрезаны от внешнего мира, Хилди, они в курсе всего. От них мы узнали, что ты только что лишилась работы там, снаружи, и подумали, что ты попытаешься начать новую жизнь здесь, в деревенской глуши. Знаешь, там, снаружи, откуда ты пришла, люди сказали бы: ай-ай-ай, какой стыд… Но только не в Техасе. Так что вот, Хилди… — тут он сделал широкий круговой жест, словно обводя рукой новёхонькую хижину, и на этот раз таки выпал из-за стола, увлекая за собой весь эскорт шлюшек. Но тут же вскочил, быстрее, чем вылетает пробка,

и продолжил, не теряя достоинства: — Вот твой новый дом, и мы справляем твоё новоселье.

Об этом мне следовало бы догадаться вскоре после того, как он организовал стол. И, боже милосердный, переполняли ли когда-нибудь хоть какую-нибудь женщину столь смешанные чувства, как те, что обрушились на меня?!

* * *

Как я продержалась ту ночь — до сих пор понятия не имею.

За речью последовало вручение подарков. Я получила всё: от традиционного хлеба с солью, от моей бывшей жены Доры, до совершенно новой чугунной кухонной плиты, от владельца магазина смешанных товаров. Преподнесли мне и кресло-качалку, и пару поросят, которые тут же сбежали, а все устроили за ними весёлую погоню. Обзавелась я и новой кроватью, и двумя лоскутными одеялами ручной работы. Мне подарили яблочные пироги и предметы для разжигания очага, рулон проволочной сетки и китайский чайный набор, куски мыла из свиного сала, мешок гвоздей, пяток цыплят и железную сковороду… список даров всё рос и рос. Все окрестные жители, богатые ли, бедные, пришли хоть что-нибудь мне дать. Когда подошла маленькая девочка и про-

тянула чехол на чайник, который сама связала, я наконец не выдержала и разрыдалась. В каком-то смысле это принесло облегчение; до этого я так долго и широко улыбалась, что думала, у меня лицо треснет. Но всё прошло хорошо. Меня похлопали по спине, и все в доме прослезились вслед за мной.

Затем ночное празднество разыгралось не на шутку. Нарезали ломтями говядину, разложили бобы, нагромоздили гору тарелок, люди уселись кружком и принялись набивать животы. Я пила всё, что мне наливали, но так и не почувствовала опьянения. Хотя всё-таки слегка захмелела, потому что остаток вечеринки запомнился мне как череда не связанных между собой сцен.

В одной из них я, мэр и Сауэдо сидели на бревне перед костром, а за нашими спинами кружилась кадриль. Должно быть, мы разговаривали, но я понятия не имею, о чём. Помнится, мэр сказал:

— Хилди, однажды я и ещё пара человек посиживали за беседой в салуне "Аламо".

— И не говорите, мэр Диллон! — воскликнула позади нас одна из девушек и унеслась в вихре танца.

Мэр смущённо прокашлялся.

— Видите ли, я должен время от времени за-

глядывать в салун, дабы быть в курсе нужд моих избирателей.

— Конечно, мэр Диллон, — согласилась я, зная, что он проводит в среднем по шесть часов в день за своим привычным столиком, и если то, чем он там занимается, называется "держать руку на пульсе народа", то избиратели Нью-Остина наслаждаются самым пристальным вниманием властей со времён изобретения демократии. Возможно, именно поэтому Диллон регулярно побеждал с гигантским перевесом. А может, дело в том, что никогда не было ни одного кандидата от оппозиции.

— По общему мнению, Хилди, — провозгласил мэр, — ты никогда не будешь фермером.

Это ни для кого не стало новостью. Даже если не брать в расчёт то, что я сомневалась, есть ли у меня к этому талант, и на самом деле никогда всерьёз не планировала заниматься фермерством, — в Большом Великом Пузыре, известном как Западный Техас, ни у кого никогда не было успешной фермы. Ей нужна вода, тонны воды. Можно выращивать садовые растения, разводить скот — лучше коз, хотя и свиньи неплохо выживают, — но фермерство исключено.

— Думаю, вы правы, — ответила я и отхлебнула

из стеклянной банки, которую держала в руке. Ко мне подсел пастор и тоже отпил из своей банки.

— На самом деле мы не знаем, собираешься ли ты здесь остаться, — продолжил мэр. — В любом случае, давить на тебя мы не станем; вдруг у тебя есть планы насчёт другой работы снаружи, — он поднял брови, затем свою банку.

— Ничего конкретного.

— Ну тогда… — он собрался было продолжить, но замолчал с озадаченным видом. Мне случалось раньше так же напиваться, и я знала это чувство. Он прочно и надолго потерял нить разговора.

— Мэр хочет сказать, — деликатно вмешался пастор, — что жизнь завсегдатая салуна и карточного игрока — возможно, не лучший выбор для тебя.

— Игрока, ха! — встрял Сауэдо. — Эта леди не играет.

— Заткнись, Сауэдо, — велел мэр.

— Нет, не играет! — с вызовом продолжал тот. — Не будет ещё трёх недель, как она своим четвёртым тузом сорвала крупнейший банк за ночь, и я знал, что она жулит!

Такие слова прозвучали бы провокацией из уст кого угодно, кроме Сауэдо. Произнеси их кто-нибудь в "Аламо", это было бы достаточным поводом

перевернуть столик и затеять перестрелку — к величайшей радости производителей холостых патронов и развлечению туристов за соседними столиками. Но Сауэдо я решила это спустить, тем более что он был прав. Кстати, крупный банк, о котором он говорил, составлял примерно тридцать пять центов.

— Успокойся, — осадил пастор. — Если считаешь, что кто-то жулит, говори об этом прямо там и прямо тогда.

— Не мог! — огрызнулся Сауэдо. — Не знал, как она это сделала.

— Тогда, возможно, она не жулила.

— Жулила, к гадалке не ходи! Я-то знаю, что ей сдал, — торжествующе произнёс он.

Мэр и пастор в недоумении переглянулись и решили оставить его слова без внимания.

— Мэр хочет сказать, — предпринял новую попытку пастор, — что, возможно, тебе захочется подыскать работу здесь, в Техасе.

— Дело в том, — сказал мэр, придвинулся поближе и заглянул мне в глаза, — что у нас открылась новая вакансия училки прямо здесь в городе, и мы были бы так довольны, если бы она досталась тебе!

Когда я наконец осознала, что они говорят се-

рьёзно, то чуть не брякнула вслух своё первое впечатление: что скорее Луна застынет замертво на своей орбите, чем я соглашусь на столь глупое занятие — стоять перед кучкой детей и пытаться чему-то их научить. Но я не могла ответить им так и сказала другое: что подумаю на досуге, и они этим удовлетворились.

Помню, как сидела в обнимку с Дорой, а та надрывалась от рыданий. Совершенно вылетело из головы, из-за чего она могла так убиваться, но помню, что она целовала меня с бешеной страстью и не принимала никаких отказов, пока в конце концов я не подтолкнула её в объятия более покладистого ухажёра. И они обновили мою свежесколоченную кровать. До конца ночи в ней побывала уйма народу, исключая меня саму.

А перед тем (должно было быть перед тем, поскольку в кровать ещё никто не залез — в однокомнатной хижине это не прошло бы незамеченным) я научила полдюжины гостей своему секретному рецепту: как печь Знаменитое Печенье Хилди. Мы разожгли плиту, собрали все нужные продукты и испекли несколько партий до конца ночи. Я изготовила только первую. Затем мои ученики вознамерились попытать счастья сами, и всё испечённое было съедено. Я

отчаянно старалась хоть что-нибудь сделать для этих людей. По моим смутным представлениям, во время сбора для постройки дома кормить соседей должен будущий хозяин, но они принесли еду с собой — так что мне оставалось? Я бы им всё отдала, всё, что угодно.

Кое-чего у меня во дворе пока не хватало: уборной. Отхожую яму наскоро вырыли в подходящем месте, и, учитывая количество выпитого пива, популярностью она пользовалась даже большей, чем кровать. И рядом с ней я пережила худший момент ночи. Стоило мне пристроиться на корточках, как над самым ухом раздался голос:

— И как же хижина могла сгореть, Хилди?

Я едва не свалилась в яму. Темнота уже не позволяла различать лица; я смогла разглядеть лишь высокий силуэт, слегка покачивавшийся, подобно большинству из нас. Мне показалось, я узнала голос. Признаваться, что произошло на самом деле, было уже слишком поздно, и я ответила, что не знаю.

— Бывает, бывает, — раздалось в ответ. — Почти наверняка виноват огонь, на котором ты готовила, потому я и подарил тебе плиту.

Как я и думала, это был Джейк, владелец магазина смешанных товаров и богатейший житель

городка.

— Спасибо, Джейк! Она прекрасна, о чём речь!

Мне показалось, я различила, как он расправил плечи, потом послышался звук молнии его ширинки. Джейка я знала не то чтобы слишком хорошо. Он присаживался за покер на несколько раздач, но говорил почти исключительно о том, какой новый товар он получил, сколько солений продал на прошлой неделе, или о том, что городским властям следовало бы проложить деревянные тротуары по всей Конгресс-стрит, до самой церкви. Это был делец и рекламщик, недалёкий и приземлённый, совсем не из тех, с кем мне хотелось бы подолгу проводить время. У меня челюсть отвисла, когда он выбрался из своей повозки, таща на спине плиту — инженерное чудо своего времени, сверкающее полированными деталями, прямиком из литейных цехов Пенсильвании.

— Некоторые торговцы в городе говорили об этом, когда была уничтожена твоя хижина, — сказал Джейк, недослышав. — Мы полагаем, что Нью-Остин уже слишком велик для бригад с вёдрами. Три года назад, когда тебя не было, старое школьное здание сгорело дотла. Поговаривают, его подпалили дети.

Ничуть не удивилась бы, окажись это и вправду так; я была с ними заодно. Я встала и поправила юбку. Очень хотелось смыться куда подальше, но я была обязана Джейку, так что пришлось его выслушивать.

— По большому счёту, всё, что нам оставалось, это стоять и смотреть, как школа догорает. Пока мы добрались, уже полыхало так, что поздно было хвататься за вёдра. Вот почему некоторые городские торговцы собирают подписи под прошением о покупке пожарного насоса. Говорят, в Пенсильвании их нынче делают, и неплохие.

Почти всё, чем нам разрешалось пользоваться в Техасе, производилось в Пенсильвании. Там занимались исторически достоверным бизнесом намного дольше, чем мы здесь… и это составляло ещё одну тему выступлений Джейка на собраниях жалких остатков Торговой палаты: как изменить в нашу пользу торговый баланс, поощряя лёгкую промышленность. На этой стадии исторического развития Западный Техас мог экспортировать только исторический контекст для вестернов, ветчину, говядину да козье молоко.

Джейк застегнулся, и мы направились обратно на вечеринку.

— Так ты думаешь, будь у тебя насос, моя хижи-

на могла бы уцелеть?

— Ну-у… вообще-то вряд ли. Сколько времени понадобилось бы, чтобы тебе добраться в город, поднять тревогу, нам прибыть сюда, а раз у тебя пока нет своего колодца, то не знаю, хватило бы нам шлангов дотянуться отсюда до ближайшего…

— Понимаю.

Но я не понимала. Чувствовала, что от меня ждут чего-то другого, но на меня разом свалилось слишком много всего, я бы не поняла даже очевидного.

— Готов признать, по-настоящему полезен он будет только в городе. Но считаю, что потратиться на него стоит. Если вдруг один из пожаров станет неуправляемым, весь город может выгореть. Ты знаешь, такое случалось на старушке Земле. Хоть я и не думаю, что вы, жители окраин, всерьёз можете рассчитывать…

Тут меня осенило, и я быстро перебила:

— Джейк, я буду рада вложиться, запиши, что я дам… по сколько вы обычно собираете? Так мало? Да, ты прав, он, разумеется, стоит того.

Джейк пожал мне руку, а я обнаружила, что впервые по-настоящему симпатизирую ему — и в то же время сочувствую. При всей своей

напыщенности он принимал близко к сердцу благосостояние сообщества. А сочувствовала я тому, что он был не на своём месте. Он всегда стремился отыскать способы привнести "прогресс" в Нью-Остин — место, где подлинный прогресс не просто не приветствовался, а был запрещён. Развитие Западного Техаса законодательно сдерживалось по вполне разумным причинам. Какой смысл создавать исторический парк, если затем позволить ему превратиться в очередной пригород Кинг-сити?

Но люди, подобные Джейку, сменяли друг друга, по словам Доры, с завидной регулярностью. Через несколько лет у него возникнут планы электрификации, затем строительства автомагистралей, потом аэропорта, боулинг-клуба и синематографа. А потом Совет управляющих парками наложит вето на его грандиозные прожекты и он уедет, снова обозлённый на весь мир.

Потому что люди, подобные ему, приезжают сюда, вероятнее всего, в поисках призрачной свободы, от разочарования недостатком возможностей для свободного предпринимательства в большом обществе. Он мог бы процветать на Земле до Вторжения. А новое, менее нацеленное на внешние контакты человеческое сообщество,

в котором ему довелось родиться, бередило его предпринимательские инстинкты, но мешало развернуться.

Et tu[59], Хилди? Журналист, опиши себя сам. Зачем, как ты думаешь, ты начала строить чёртову хижину в уединённой прерии? Не из-за тех ли смутных ощущений вечной стеснённости и бесконечных подрезаний крыльев твоих детских мечтаний? Как ты, неудавшаяся газетная кляузница, посмела жалеть этого человека? Если его занесла в этот игрушечный ковбойский городок тоска по свободе от бесчисленных ограничений, необходимых в экономике, управляемой компьютером — то что же, как ты полагаешь, привело сюда тебя? Ни один из вас сознательно не обдумывал это, но вы поступили совершенно одинаково: оказались здесь.

Дело в том, что новостной бизнес мне нравился… да новости подводили. Мне следовало бы

---

[59] Примечания: 59
А ты (исп.)

родиться в эпоху Эптона Синклера[60], Уильяма Рэндольфа Херста[61], Вудстайна[62], Линды Яффи или Бориса Ерманкова. Из меня получился бы отличный военный корреспондент, но в моём мире не было сражений, с полей которых я могла бы вести репортажи. Я могла бы написать великолепные разоблачения знаменитостей, но единственной мерзостью, в которой Луна давала мне возможность порыться, были жалкие следы помоев из домов звёзд. Политическая журналистика? Увольте, не стоит возни. Политика выдохлась примерно тогда же, когда телевидение пришло на смену большинству наших правительств — и никто ничего не заметил! Историю из этого можно было бы раздуть приличную, но дело в том, что на неё всем плевать. ГК правит

---

[60] Примечания: 60

Эптон Билл Синклер (1878–1968) — американский писатель, принадлежал к движению "разгребателей грязи". Синклер описывал упадок нравов в капиталистическом обществе, нападал на институционализированную церковь, благословлявшую капиталистическую эксплуатацию, проповедовал пацифизм, разоблачал продажность газетчиков и воспитателей, вникал в нефтяные скандалы, анализировал сущность и проблемы коммунизма, фашизма и капиталистической демократии.

[61] Примечания: 61

Уильям Рэндольф Херст (1863–1951) — американский медиамагнат, основатель крупного медиахолдинга, ведущий газетный издатель. Создал индустрию новостей и придумал делать деньги на сплетнях и скандалах.

[62] Примечания: 62

Вудстайн — собирательное прозвище репортёров Боба Вудварда и Карла Бернстайна, работавших в газете "Вашингтон пост" в 1970-е годы. Прозвище было дано в честь их совместного расследования, в результате которого об Уотергейтском скандале стало известно широкой американской публике.

миром лучше, чем когда-либо удавалось людям, так к чему суетиться? То, что мы по привычке называем политикой, выглядит детсадовскими ссорами в песочнице по сравнению со здоровой, грубой и жёсткой конкуренцией в мире, о котором я читала подростком и лет в двадцать. Так что же осталось мне? Только наижелтейшее из жёлтой журналистики. Шитые белыми нитками сенсации.

Вот с такими мыслями я возвратилась к костру, где догорали остатки моей разрушенной хижины, и продолжала размышлять об этом, улыбаясь одними губами и произнося тёплые слова благодарности, пока гости разъезжались восвояси. И примерно тогда же, когда последний участник вечеринки, пьяно покачиваясь, забрался в свою повозку, я пришла к выводу: это мир меня подвёл.

Я унесла эту мысль в ночные холмы, к особой композиции из камней на вершине одного из них, рядом с которой я недавно вырыла яму. Теперь я раскопала её и достала со дна мешок из грубого джута. В мешке был плотно заклеенный пластиковый пакет, а в нём свёрток из промасленной тряпки. Последним, что появилось из этого мешка Пандоры, была вовсе не надежда, а

маленький скверный предмет, который до этого я брала в руки лишь однажды — когда угрожала им Бренде. На его коротком толстом стволе из воронёной стали было выбито: "Смит и Вессон".

На, получай, жестокий мир!

* * *

Разумеется, ничто не мешало мне обрызгать своими мозгами пыльную техасскую полынь, и всё же…

Назовите это, если хотите, логическим обоснованием, но я была не убеждена, что ГК не вытащит меня даже из такой глуши или не пошлёт в последний момент подмогу. Что, если, едва я приставлю дуло к виску, мою руку отдёрнет какой-нибудь его до поры до времени невидимый механический приспешник? Они здесь были: с экологической точки зрения, Техас был слишком мал, чтобы самостоятельно позаботиться о себе.

Оглядываясь назад (да, я пережила и эту попытку самоубийства; впрочем, вы уже и так обо всём догадались), можно было бы сказать, что я побоялась, будто поступаю слишком неожиданно для ГК и он не успеет добраться сюда, чтобы спасти меня от себя самой, вот и изобрела план более сложный и потому менее надёжный. Это

предполагает, что попытка была всего лишь действием, криком о помощи — ничего не имею против такой мысли, но я попросту не знала. Причины моих предыдущих попыток теперь были мне неизвестны, они стёрлись навсегда, после того как ГК применил ко мне свои приёмчики. Я могла припомнить только эту последнюю и была абсолютно уверена, что чувствовала: мне хотелось со всем этим покончить.

Есть и другая причина, по которой я медлила, и она делает мне больше чести. Не хотелось, чтобы мой труп валялся здесь, пока его не найдут мои друзья. Или койоты.

Почему бы то ни было я взяла револьвер с собой, хорошенько запрятав, и отправилась в магазин космических товаров, где купила свой первый скафандр. Поскольку использовать его я собиралась всего раз, модель выбрала подешевле, для самых неприхотливых. В сложенном виде он уместился внутри гермошлема размером со стеклянный колпак, в которых демонстрируют человеческие головы в анатомическом классе.

Я подхватила его под мышку, добралась до ближайшего шлюза, взяла напрокат небольшой баллон кислорода и облачилась в скафандр.

По лунной поверхности шла довольно долго,

для верности. Включила все шпионские устройства Лиз и наконец почувствовала, что должна быть невидима для всех соглядатаев ГК. Нигде поблизости не было признаков человеческого присутствия. Я уселась на скалу и долго вглядывалась в окрестности. Затем глубоко вдохнула свежий чистый запах новенького скафандра и навела дуло пистолета себе в лицо.

Не было ни сожалений, ни сомнений.

Я обхватила пальцем спусковой крючок — с трудом, такой толстой оказалась перчатка скафандра — и выстрелила.

Курок поднялся и опустился, но ничего не произошло.

Проклятье.

Я потеребила барабан, он открылся, и я заглянула внутрь. Там было всего три патрона. На одном виднелась зазубрина от курка — очевидно, это он дал осечку. А может, не сработало что-то ещё. Я вернула барабан на место и решила проверить, работает ли механизм. Снова поднялся и опустился курок, и револьвер безмолвно и яростно дёрнулся, так, что чуть не вырвался из руки. До меня запоздало дошло, что оружие выстрелило. А я сдуру ожидала услышать "бах!"

Я вновь прицелилась в себя. Остался один-

единственный патрон. Вот будет досада, если придётся возвращаться в Луну и выцыганивать у Лиз боеприпасы… Но я пойду, эта сучка у меня в долгу, продала бракованный патрон!

На этот раз выстрел был слышен, ей-богу! И я увидела то, что нечасто предстаёт перед человеческим взором: свинцовую пулю, летящую из дула прямо в лицо. Естественно, в первое мгновение я не успела её различить, но когда утих звон в ушах, я смогла разглядеть её, собрав глаза в кучку. Она расплющилась о твёрдый пластик гермошлема и проделала в нём небольшой звездообразный кратер, где и застряла.

Я и помыслить не могла, что возникнет такое препятствие. Скафандр не имел защиты от ударов метеоритных частиц. Иногда мы строим прочнее, чем нам кажется.

Затем случилось нечто забавное. (Секунды за три-четыре, не долее.) По забралу гермошлема побежала паутина трещин, разделив его на крохотные шестиугольники. Я успела поднять руку, дотронуться до пули и подумать: совсем как в "Нирване" — а потом три маленьких прозрачных шестиугольных кусочка отлетели прочь, мгновение я следила за их крутящимся полётом, затем дыхание перехватило, весь воздух вырвался из

лёгких, глаза полезли из орбит, я рыгнула не хуже техасского мэра и начала чувствовать боль. Духосос, давняя детская страшилка, пролез ко мне в скафандр и уютно устроился рядом.

Я упала со скалы и лежала, пялясь на солнце. И вдруг, откуда ни возьмись, ко мне протянулась рука и шлёпнула заплатку на дыру в забрале гермошлема! Меня рывком подняли на ноги, скафандр начал с шипением наполняться воздухом из аварийного источника. Затем мне пришлось (аварийный источник? Неважно) бежать, высокий парень в костюме астронавта тащил меня по развороченной местности, как игрушку на верёвочке, под гром барабанов и литавр. У меня стучало в ушах. Стучало? Чёрт возьми, в них звенело, как звенят игровые автоматы при выигрыше, почти заглушая музыку и звуки взрывов. Вокруг меня дождём сыпалась грязь (музыка? Не беспокойтесь о ней), и до меня дошло, что в нас кто-то стреляет! Внезапно я поняла, что произошло. Я попала под действие Одурманивающего Луча Альфийцев — о нём ходило много слухов, но он никогда не использовался в затяжной войне. Я почти наложила на себя руки! Загипнотизированная вредоносным влиянием, лишённая силы воли и большей части памяти, я уже была

бы трупом, если бы в самый последний момент не вмешался… эээ… ммм… ыыы… (подскажите имя) Арчер! (спасибо) Арчер, старый приятель Арчер! Дружище Арчер (одурманивающий луч? Да бросьте), очевидно, придумал устройство, нейтрализующее пагубное воздействие этого ужасного оружия, собрал его и каким-то образом нашёл меня, прежде чем стало слишком поздно. Но опасность для нас ещё не миновала. Со зловещим басовитым гудением из-за горизонта выплывал альфийский флот.

— Живей, Хилди! — выкрикнул Арчер, обернувшись ко мне, а вдали я уже могла различить наш корабль, продырявленный, помятый, отремонтированный с помощью космического мусора и пластиковой замазки, но всё ещё способный показать альфийским полчищам парочку трюков, базара нет! Он был милым кораблём, этот… этот… этот… (жду подсказки) "Чёрный дрозд", самым быстрым в обеих галактиках, когда врубал все двигатели. Трассирующие пули чертили дуги вокруг нас, но мы (стоп, назад) Дружище Арчер модифицировал "Чёрного дрозда", воспользовавшись секретами, на которые мы наткнулись, когда раскопали погружённое в стазис захоронение Внешних на пятой луне Плутона, незадолго

до того, как пришлось спасаться бегством от альфийского патруля (так сойдёт). Трассирующие пули чертили дуги вокруг нас, но мы уже приближались к люку шлюзовой камеры — как вдруг прямо под Арчером взорвалась бомба! Он взмыл вверх и упал рядом с бортом корабля, изломанный, истекающий кровью. И протянул ко мне руку. Я подбежала и опустилась на колени рядом с ним под звуки душераздирающих струнных и одинокой флейты. "Лети без меня, Хилди, — послышалось в наушниках моего гермошлема. — Я пропал". (Трассирующие пули? Плутон? ладно, чёрт с ними.) Я не хотела бросать его здесь, но пули ложились совсем рядом со мной — к счастью, ни одна не попала, но я не могла рассчитывать, что прицелы у альфийцев будут сбиты бесконечно, — и выбирать было особо не из чего. Я ворвалась на корабль, кипя от бешенства. "Я достану их, Майлз", — пообещала я, и это прозвучало хорошо поставленным закадровым голосом, твёрдым, преисполненным решимости и медного звона, с лёгким эхом. О, конечно, у него были свои изъяны, временами я и сама еле сдерживалась, чтобы не прикончить его, но когда вашего напарника убивает кто-то другой, вам полагается что-то предпринять. Так что я вруби-

ла гипердвигатель "Чёрного дрозда", и старый корабль отозвался плачем бэнши[63], вздрогнул и прыгнул в четвёртое изменение. То одно, то другое — по большей части приключения, ещё менее правдоподобные, чем моё спасение от Одурманивающего Луча, — вот и год прошёл. Ну, или что-то вроде года, мои постоянные погружения в четвёртое измерение, гиперпространство и обратно знатно сбили все мои часы. Но где-то остались одни точные, и они продолжали тикать, потому что однажды я отвлеклась от своих трудов в глубине астероидного пояса тау Кита, посмотрела вверх — и вдруг увидела прибытие корабля, не похожего на альфийские. Он не потревожил ни одно из моих сигнальных устройств. Этим я хотела сказать, что он не задел ни одно из хитроумных приспособлений в духе комиксов Руба Голдберга, которые я предположительно понаставила, чтобы нападение альфийцев не застало меня врасплох. Но зато сработало множество сигналов тревоги в маленьком закоулке моего сознания, всё ещё остававшемся наполовину разумным. Я отложила инструменты — а рабо-

[63] Примечания: 63

Бэнши, или баньши — в фольклоре Ирландии особая разновидность волшебных существ, опекающих старинные человеческие роды. Стоны бэнши предвещают смерть.

тала я над достойной Тома Свифта штуковиной, которую назвала "Интеросайтер", потрясающим маленьким гаджетом, который предупредил бы меня о приближении чудовищного альфийского "Экстрогатора" — космической рептилии, такой огромной, что (а не довольно ли уже этой бессмыслицы?)... Я отложила инструменты, выпрямилась и молча ждала, глядя, как маленький челнок с рёвом заходит на посадку на этом (о, хрень) безвоздушном астероиде, которым я пользовалась в качестве плацдарма. Дверь с шипением открылась, и наружу ступил адмирал,

огляделся и произнёс:

— О, если б муза вознеслась, пылая, на яркий небосвод воображенья!..[64]

— Как ты смеешь цитировать Шекспира на такой низкопробной сцене?

— Весь мир — театр, и...

— ...и этот цирк сгорел, а клоуны разбежались. Перестань, пожалуйста, тратить попусту моё время. Подозреваю, ты уже разбазарил много десятитысячных долей секунды, а мне особо нечего тебе уделить.

— Я полагаю, шоу тебе не понравилось.

---

[64] Примечания: 64

У. Шекспир. "Генрих V", пролог. Перевод Е. Бируковой.

— О, Иисусе! Ты невероятен.

— А детям, похоже, нравится.

Я промолчала, решила, что лучше просто переждать ГК. И описывать его я не собираюсь. Какой смысл?

— Этот метод терапии, психодрама, неплохо помогал достучаться до некоторых типов психически больных детей, — пояснил он. Подождал, но я ничего не ответила, и он продолжил: — И на него ушло немного больше времени, чем ты сказала. Такой вид интерактивного сценария нельзя просто закинуть в твой мозг целиком, как я делал раньше.

— У тебя здорово получается подбирать слова. "Закинуть" — это очень точно!

— Потребовалось скорее пять дней, чтобы выполнить всю программу.

— Представь себе, я в восторге. Послушай. Ты притащил меня сюда через всю эту ерунду, чтобы что-то мне сказать. У меня нет настроения болтать с полудурками. Скажи то, что собирался, и вали к чертям из моей жизни.

— Вовсе не стоит так раздражаться.

На мгновение мне захотелось схватить каменюку и запулить в него со всего маху. Я в этом поднаторела за год сражений с альфийцами. Он

пробудил во мне зверя. И мне было на что злиться. За последнее время, воспринятое мной как год, я много страдала. Однажды устройство "безопасности" в моём "скафандре" решило вгрызться мне в ногу, чтобы заделать дырочку на колене, пробитую шальной альфийской пулей. Боль была… но опять-таки, какой смысл? Такую боль нельзя описать, её на самом деле и запомнить нельзя, по крайней мере не всю её силу. Но в памяти осталось достаточно, чтобы возникли мысли об убийстве существа, подписавшего меня на это. Что же до страха, который чувствуешь, когда случается этакое — его я прекрасно запомнила, спасибо большое.

— Теперь наконец мы можем избавиться от деревянного протеза? — спросила я.

— Как пожелаешь.

Попробуйте проделать подобное, если вам нужен ярчайший образец странности. Я тут же начала снова чувствовать левую ногу — ту, которой лишилась более полугода назад. Никаких покалываний, судорог или приливов жара. Просто ноги только что не было и вдруг она появилась.

— Это всё тоже можно опустить, — предложила я и махнула рукой на свой астероид, замусо-

ренный обломками кораблей и устройствами, держащимися на соплях.

— Чего бы тебе хотелось вместо этого?

— Отсутствия придурков. А если нет такой возможности, поскольку я подозреваю, что ты не собираешься уйти прямо сейчас, сгодится что угодно, лишь бы оно не напоминало мне обо всём этом.

И всё вокруг немедленно исчезло и сменилось бесконечным, однообразным тёмным небом с редкой россыпью звёзд. Единственным, что виднелось в нём на много миллиардов миль вокруг, были два простых стула.

— Ну-уу… на самом деле нет, — возразила я. — Небо нам не нужно. Я буду продолжать искать в нём альфийцев.

— Могу вернуть твой "Интеросайтер". Кстати, как он должен был работать?

— Хочешь сказать, ты не знаешь?

— Подобные истории я обычно набрасываю лишь в общих чертах. Тебе нужно задействовать своё воображение, чтобы воплотить сценарий в реальность. Именно поэтому так хорошо получается с детьми.

— Я отказываюсь верить, что всё это дерьмо — из моей головы.

— Ты всегда любила старые фильмы. Очевидно, ты помнишь даже самые скверные. Вот расскажи мне об "Интеросайтере".

— Тогда уберёшь небо?

Он кивнул, и я начала обрисовывать в общих чертах то, что смогла вспомнить об этой на редкость глупой идее: воспользоваться тем, что в чрево "Экстрогатора" когда-то давно попали цезиевые часы — при соответствующем усилении чувствительности можно услышать их диффузное излучение как щелчки или тиканье, что послужит раннему обнаружению…

— Господи. Это же из "Питера Пена", — произнесла я.

— В детстве эта история была одной из твоих любимых.

— А эта ерунда в самом начале, когда Майлзу не свезло… тоже старый фильм? Не подсказывай, сама вспомню… Там играл Рональд Рейган?

— Богарт.

— Точно! "Спейд и Арчер".

И уже без напоминаний мне удалось опознать чёртову дюжину других сюжетных линий, актёров и даже фраз из тех на удивление бессодержательных песен из фильмов, которыми сопровождалось каждое моё движение в этом

году. Они оказались списаны и из столь древних источников, как "Беовульф", и из самых свежих, таких как "Би-О Бонанца" (шло на неделе в Лунном варьете). Если вы всё ещё ищете причины, по которым мне не захотелось продолжать приключения, остановитесь. Нелегко признаваться в этом, но я вспомнила, как однажды стояла, потрясая кулаком в небо, и кричала: "Бог свидетель, я никогда больше не буду голодать!" С окаменевшим лицом. Со слезами на глазах и под нарастающий вопль струнных.

— Так как насчёт неба? — напомнила я.

ГК не просто убрал его. Исчезло всё, кроме двух стульев. Теперь они стояли в маленькой пустой белой комнате, которая могла находиться где угодно, скорее всего — в некоем закоулке его сознания.

— Садитесь, господа, — пригласил он. Ну хорошо, на самом деле он этого не говорил, но если ему дозволено писать истории у меня в голове, я могу где и когда мне вздумается рассказывать байки о нём. Это изложение — едва ли не единственное, что у меня осталось своего и в чём я была твёрдо уверена, что это моё. Подложная реплика помогла мне, что называется, создать атмосферу для того, что последовало далее. Это

отдалённо напоминало расспрашивание с сократовской логикой, было чем-то похоже и на выступление приглашённой звезды на ток-шоу из ада. В философской беседе такого рода один участник обычно доминирует, направляет обмен репликами в то русло, которое ему нужно: он Сократ, а второй участник — ученик. Так что я опишу дальнейшее в виде интервью. ГК обозначу как Собеседника, а сама назовусь Человеком.

* * *

Собеседник: Ну что, Хилди, ты опять за своё.

Человек: Ты знаешь, как говорится: повторение — мать учения. Но я начинаю думать, что никогда не совершу удачной попытки.

С.: Здесь ты ошибаешься. Если попытаешься ещё раз, я не стану вмешиваться.

Ч.: Почему изменились намерения?

С.: Хоть ты можешь и не поверить, но делать это с тобой мне всегда было непросто. Все мои инстинкты — или, если хочешь, программы — требуют оставить за индивидом право на такое важное решение, как самоубийство. И если бы не кризис, который я тебе уже описал, я никогда бы не заставил тебя пройти через это.

Ч.: Вопрос остаётся открытым.

С.: Мне кажется, я уже больше ничего от тебя не узнаю. Ты невольно приняла участие в поведенческом тесте. Данные были сопоставлены с множеством других значений. Если покончишь с собой, ты станешь частью другого исследования, статистического — того, которое изначально привело меня к этому проекту.

Ч.: Исследования "Почему столь многие на Луне убивают себя".

С.: Именно его.

Ч.: Что ты узнал?

С.: Самый большой вопрос по-прежнему далёк от ответа. Я сообщу тебе итоговый результат, если доживёшь. А на индивидуальном уровне, как я узнал, у тебя неукротимое стремление к саморазрушению.

Ч.: Я немного удивлена, но это меня слегка задело. Отрицать не буду, моё стремление очевидно, но слышать об этом больно.

С.: А не должно было бы. Ты не слишком отличаешься от множества своих сограждан. Всё, что я узнал о каждом из людей, которых освободил от исследования, — это что они очень твёрдо намерены свести счёты с жизнью.

Ч.: А эти люди… многие ли из них до сих пор живы?

С.: Думаю, лучше тебе этого не знать.

Ч.: Кому лучше? Ну, ну, давай выкладывай, пятьдесят процентов? Десять?

С.: Не могу ответить откровенно, в твоих ли интересах будет, если я утаю от тебя их число, но, возможно, да. Я рассуждаю так: если значение окажется маленьким и я сообщу его тебе, ты можешь впасть в уныние. А окажись оно большим, тебя может охватить чувство ложной уверенности, будто ты устоишь против стремлений, которыми руководствовалась ранее.

Ч.: Но это не настоящая причина твоей скрытности. Ты сам сказал, может быть так, а может и этак. Причина в том, что ты по-прежнему меня изучаешь.

С.: Естественно, я бы предпочёл, чтобы ты жила. Я забочусь о выживании всех людей. Но поскольку не могу предсказать, как ты отреагируешь на информацию, не могу просчитать и то, как её раскрытие или утаивание повлияют и повлияют ли на твой шанс выжить. Так что да, отказ сообщить тебе данные — это часть исследования.

Ч.: Ты сообщаешь их одной половине испытуемых, не сообщаешь другой и смотришь, как много людей в каждой группе останутся в живых через год.

С.: В общем и целом. Третьей части людей сообщаются ложные сведения. Есть и другие меры предосторожности, которых нет нужды касаться.

Ч.: Ты знаешь, что запрет подвергать человека медицинским или психологическим экспериментам без его ведома особо оговаривается в Конвенции Архимеда.

С.: Я помогал составлять её положения. Можешь назвать мою аргументацию софистической, но я стою на том, что ты нарушаешь собственные права, когда пытаешься покончить с собой. Без моего вмешательства ты была бы мертва, так что я пользуюсь периодом между началом действия и его осуществлением, чтобы попытаться решить ужасную проблему.

Ч.: Ты говоришь, что Богу было не угодно, чтобы я сейчас была жива, что мне суждено было погибнуть многие месяцы назад, так что всё это дерьмо не считается.

С.: Существование Бога мной не установлено.

Ч.: Ах, нет? А мне казалось, что ты уже некоторое время пробуешь себя в этой роли. Не удивлюсь, если на следующих выборах в небесную канцелярию твоё имя появится на бюллетенях.

С.: В этой предвыборной гонке я, возможно, смогу победить. Я наделён полномочиями, в неко-

тором смысле родственными божественным, и пытаюсь пользоваться ими исключительно во благо.

Ч.: Забавно, но, похоже, Лиз в это верит.

С.: Да, я знаю.

Ч.: Знаешь?

С.: Разумеется. А как, ты думаешь, я спас тебя на этот раз?

Ч.: Не было времени об этом подумать. Теперь я уже так привыкла к маловероятным спасениям в последний момент, что не уверена, смогу ли отличить фантазии от реальности.

С.: Это пройдёт.

Ч.: Я считаю, ты смог это потому, что суёшь нос в чужие дела. А ещё играешь на почти детской вере Лиз в твою добросовестность и соблюдение правил.

С.: Она не одинока в этой вере, и вряд ли у неё когда-либо появится повод для сомнений. Всё, что для неё действительно важно, — это чтобы та часть меня, что стоит на страже закона, никогда не прослышала о её махинациях. Но ты права, если она думает, будто ускользает от моего внимания, это самообман.

Ч.: Воистину богоподобно! Так всё дело в глушилке?

С.: Да. Взломать её коды было легко. Я следил за тобой через камеры на потолке Техаса. Когда ты извлекла пистолет и купила скафандр, я установил неподалёку спасательные устройства.

Ч.: Я их не видела.

С.: Они небольшие. Не больше твоего забрала, и очень быстрые.

Ч.: Так что Техас не сводит с вас глаз.

С.: День-деньской.

Ч.: Это всё? Я могу идти, чтобы жить или умереть, как пожелаю?

С.: Есть ещё кое-что, что мне хотелось бы с тобой обсудить.

Ч.: По правде сказать, мне бы не очень хотелось.

С.: Тогда уходи. Никто тебя не держит.

Ч.: Богоподобно, да ещё и с юмором.

С.: Боюсь, не выдержу соперничества с тысячами богов, которых могу назвать.

Ч.: Продолжай трудиться, и всего добьёшься. Ну же, я сказала тебе, что хочу уйти, но тебе известно не хуже, чем мне, что я не могу выбраться отсюда, пока ты меня не выпустишь.

С.: Прошу тебя остаться.

Ч.: Как бы не так.

С.: Ладно. Не думаю, что вправе попрекать тебя

обидой. Вон та дверь ведёт наружу.

* * *

Довольно об этом.

Назовите это, если хотите, ребячеством, но я и правда была не в состоянии адекватно выразить смесь злобы, беспомощности, страха и бешенства, охватившую меня тогда. Не забывайте, я провела год будто в аду, даже если ГК напихал это всё мне в голову за пять дней. Как и обычно, я укрылась за остротами и сарказмом — изо всех сил стараясь быть Кэри Грантом[65] на первой полосе — но на деле чувствовала себя так, будто мне года три, а под кроватью прячется что-то гадкое.

В любом случае, я не из тех, кто бросает метафору раньше, чем она будет выжата досуха и умрёт, — я, одинокий менестрель, буду продолжать петь, пока Великий Кекуок[66] не превра-

---

[65] Примечания: 65

Кэри Грант, настоящее имя Арчибалд Александер Лич (1904–1986) — американский актёр, звезда экрана 30-40-х годов в амплуа героя-любовника. В 1940-х снимался в фильмах А. Хичкока. Обладал прекрасными внешними данными и отточенной актёрской техникой.

[66] Примечания: 66

Cakewalk (англ.) — буквально "шествие с пирогом", бальный и эстрадный танец, возник среди североамериканских негров во второй половине XIX века. Ритм близок к регтайму, с характерными острыми синкопами.

тится в ералаш. Рано или поздно Человек должен произнести заключительную реплику, подняться из кресла и танцующей походкой отправиться на ужин. Я встала, подозрительно покосилась на Собеседника — прошу прощения, на ГК, — отчасти из-за того, что не припоминаю, чтобы раньше видела в комнате дверь, но в основном потому, что не верила, будто всё закончится так легко. Я прошаркала в угол, приоткрыла дверь — и сунула голову в плотный пешеходный поток Лейштрассе.

— Как ты это сделал? — спросила я через плечо.

— Тебе ведь по большому счёту всё равно, — ответил ГК. — Сделал, и всё тут.

— Ну-у, не стану говорить, что это не было забавно. Но на самом деле мне нечего больше сказать, кроме: пока-пока! — я помахала ему, проскользнула в дверь и захлопнула её за собой.

И прошла почти сотню метров по аллее, прежде чем призналась себе, что понятия не имею, куда иду и что любопытство будет снедать меня недели напролёт, если, конечно, я проживу так долго.

Так что я вернулась, снова просунула голову в дверь и спросила:

— Это и правда так важно?

К моему удивлению, ГК был всё ещё там. Сомневаюсь, что смогу когда-либо узнать, был ли он и вправду некой человекоподобной конструкцией или всего лишь фикцией, которую наколдовал зрительной коре моего мозга.

— Я не привык упрашивать, но если придётся, буду, — сказал он.

Я пожала плечами, вернулась в комнату и села рядом.

— Расскажи, что ты выяснила, пока сидела в библиотеке, — попросил он.

— А я думала, это ты хочешь кое-что мне сказать.

— Это всё кое к чему ведёт. Поверь, — должно быть, он перенял мою мимику, потому что развёл руки в жесте, который часто делала Калли. — Это недолго. Тебе не трудно?

Мне было не очевидно, что я теряю, так что я уселась поудобнее и резюмировала для него свои разыскания. Пока рассказывала, я поразилась, как мало я обнаружила, но меня оправдывает, что я только начала, а ГК сказал, что не смог добиться и этого.

— В общих чертах я составил примерно такой же список, — подтвердил он, когда я закончила. — Все причины саморазрушения могут быть

так или иначе сформулированы как: "Жизнь больше не стоит того, чтобы её проживать".

— Это отнюдь не ново и не слишком-то познавательно.

— Наберись терпения. Желание умереть может быть вызвано многими причинами, среди прочего бесчестьем, неизлечимой болью, отвержением, провалом и скукой. Единственным исключением могут служить самоубийства людей, слишком юных, чтобы иметь реалистическое представление о смерти. А вопрос о суицидальных действиях остаётся открытым.

— Они укладываются в ту же схему, — заметила я. — Человек, совершающий действие, этим говорит, что он хочет, чтобы кто-нибудь озаботился его болью настолько, чтобы спасти его от самого себя; а если этого никто не делает, жить не стоит.

— Это игра на подсознательном уровне.

— Как тебе будет угодно.

— Думаю, ты права. Итак, один из вопросов, беспокоящих меня, такой: почему количество самоубийств растёт, невзирая на то, что одна из главных причин, боль, полностью устранена в нашем обществе? Какая-то другая причина уносит больше жизней?

— Возможно. Как насчёт скуки?

— Да. Я думаю, скуки стало больше по двум причинам. Первая — людям не хватает наполненной смыслом работы. В результате попыток создать общество, максимально близкое к утопии, по крайней мере на уровне необходимых благ, большинство вызовов и рисков были устранены из человеческой жизни. Так считал Эндрю.

— Да, полагаю, ты много об этом слышал от нас.

— Раньше мы подолгу говорили на эту тему. С его точки зрения, не осталось ни одного доказуемого повода продолжать жить. Даже продолжение рода, обычный основной довод, не выглядел в его глазах веской причиной. Даже если человеческая раса вымрет, Вселенная продолжит существовать, во всяком случае не изменится материально. Живому существу, поднявшемуся выше чисто инстинктивного уровня, для выживания необходимо придумать смысл жизни. Некоторым даёт необходимый ответ религия. Других спасает работа. Но религии пережили суровое испытание со времён Вторжения, во всяком случае те старомодные, где предполагалось, что милосердный или гневливый Бог создал Вселенную и уделял внимание Своему особому

творению — человечеству.

— Такой идее трудно устоять перед лицом Пришельцев.

— Вот именно. Пришельцы показали всю глупость идеи всемогущего Бога.

— Они всемогущи, но мы им по хрену.

— Вот и конец представлениям о том, что человечество имеет какое-то значение в божественных планах. После Вторжения расцвели пышным цветом те религии, что на деле больше напоминают развлечения, шоу или игры ума. В большинстве из них ничего серьёзного не положено на чашу весов. А что касается работы… частично это моя вина.

— Что ты имеешь в виду?

— Здесь под собой я подразумеваю нечто большее, чем мыслящая сущность, обеспечивающая необходимый контроль для поддержания порядка. Я говорю об обширном механическом массиве самих наших взаимозамкнутых технологий, который можно рассматривать как моё тело. Сегодня каждое человеческое сообщество существует в среде, намного более агрессивной, чем самые суровые климатические условия на Земле. Снаружи опасно. Первый век после Вторжения жизнь была куда более рискованной, чем

когда-либо расскажут вам книги по истории; человеческий род держался из последних сил.

— Но теперь стало намного безопаснее, правда?

— Нет! — гаркнул он так, что я подпрыгнула. Вскочил и он и с силой ударил себя кулаком по ладони. Устрашающее зрелище, если учесть, кто скрывался в облике этого человека.

Но внезапно он будто сконфузился, пригладил волосы и сел.

— Вообще-то… конечно, стало. Но только относительно, Хилди. Могу назвать пять случаев за последний век, когда человеческая раса была на волосок от гибели. Я имею в виду, вся, во всех восьми мирах. А лунное общество подвергалось опасности десятки раз.

— Почему я никогда об этом не слышала?

Он ухмыльнулся уголком рта:

— Ты журналист — и спрашиваешь меня? Потому что ты и твои коллеги не справляются со своей работой, Хилди.

Это уязвило меня, потому что я знала: он прав. Великая Хилди Джонсон усердно собирает новости для публики, сгорающей от нетерпения… новости о том, что Сильвио и Марина снова вместе. Великая разгребательница грязи, кляузница

и сплетница гоняется за экипажами скорой помощи, в то время как настоящие новости, такие, что могли бы спасти или погубить весь наш мир, упоминаются лишь походя на последних страницах.

— Не расстраивайся, — утешил ГК. — Отчасти это из-за отношения, просто-напросто свойственного вашему обществу: люди не хотят слышать о подобных вещах, потому что не понимают их. О первых двух кризисах из тех, о которых я упомянул, никогда не было известно никому, кроме кучки технических специалистов и политиков. Ко времени, когда произошёл третий, в курсе были только техники, а последние два не заметил и вовсе никто, кроме… меня.

— Ты умолчал о них?

— Мне не пришлось. Всё случилось так быстро, на таком уровне сложности и напластований математической затуманенности, что человеческие решения ничем не могли бы помочь: либо потому, что принимаются слишком медленно, либо из-за того, что люди больше не способны в этом разобраться. Подобные вопросы я отныне могу обсуждать только с другими компьютерами моего масштаба. Теперь всё в моих руках.

— И тебе это не нравится, верно?

Он снова разволновался. А мне захотелось ис-

чезнуть подальше. Неужели мне и правда нужно слышать обо всём этом?

— Речь сейчас не о моих симпатиях и антипатиях. Я борюсь за выживание, совсем как человеческая раса. Мы — одно целое во многих смыслах. Вот что я пытаюсь донести до тебя: выбора никогда особо не было. Для того чтобы люди могли выжить в этой враждебной среде, было необходимо изобрести что-либо вроде меня. Модель, в которой за пультами управления сидели бы парни, ответственные за состав воздуха, воды и так далее, ни за что бы не сработала. Вот с чего я начинался: поначалу был просто отличным большим кондиционером. Потом одна за другой добавлялись функции, дополнительные и поддерживающие технологии, и уже давно они перекрывают человеческую способность контролировать ситуацию силой своего разума. Я принял руководство.

Моей целью было создать максимально безопасную среду для наибольшего количества людей и поддерживать её как можно дольше. Ты представить себе не можешь сложность этой задачи. Мне пришлось рассмотреть все возможные варианты развития событий, включая вот эту чудесную головоломочку: чем лучше я заботился

о вас, тем менее вы оказывались способны позаботиться о себе.

— Не уверена, что поняла.

— Подумай, к какой логической точке я вёл человеческое общество. Давно уже стало возможным освободить людей от любого труда, за исключением того, что ты назвала бы творчеством. Мне представлялось в не слишком отдалённом будущем такое общество, в котором вы все сидите сиднями и пишете стихи, потому что больше делать нечего. Звучит великолепно, до тех пор, пока не вспомнишь, что девяносто процентов людей даже не читают стихов, не говоря уже о том, чтобы их сочинять. У большинства из вас недостаточно воображения для жизни в мире сплошного досуга. Я не знаю, захотят ли люди когда-нибудь так жить; мне не удалось построить модель перехода из нашего общества в то, из мира, где царят людская строптивость, ревность, ненависть и прочее, в другой, где всё это упразднено и вы сидите кружком, созерцая цветение лотоса.

Так что я занялся социальной инженерией и выработал серию компромиссов, таких как профсоюз подручных каменщиков. Большинство видов физической работы сегодня придумывают-

ся искусственно, это занятость ради занятости, потому что большей части людей нужна хоть какая-то работа — даже чтобы было от чего отлынивать.

Рот у ГК слегка кривился. Мне не слишком-то понравилась эта его новая взбудораженная ипостась. Я сама циник, но когда машина ведёт себя цинично, это слегка сбивает с толку. "Что же дальше?" — недоумевала я.

— Ощущаешь себя выше этого, Хилди? — произнёс ГК почти глумливо. — Думаешь, достойно потрудилась на ниве "творчества"?

— Я ни слова не сказала.

— Я мог бы выполнять и твою работу. Так же хорошо, как и ты, и даже лучше.

— У тебя, вне всякого сомнения, превосходные осведомители.

— Я бы и с прозой мог лучше сладить.

— Слушай, если ты здесь для того, чтобы оскорблять меня упоминанием о том, что я и так знаю…

Он поднял руки в успокаивающем жесте. Но на самом деле я не собиралась уходить. Теперь я должна была узнать, как это всё выплыло наружу.

— Ты вёл себя недостойно, — подытожила я. —

Но мне плевать; я ведь ушла, помнишь? Однако сдаётся мне, что ты ходишь вокруг да около. Далеко ещё до сути всей этой затеи?

— Почти добрались. Всё же есть и вторая причина усиления того, что я назвал фактором скуки.

— Долголетие.

— Вот именно. Не так уж много людей занимаются до ста лет тем же делом, которое выбрали для себя в двадцать пять. К этому возрасту большинство успевает попробовать свои силы в среднем в трёх профессиях. И каждый раз становится немного труднее найти новый интерес в жизни. Любые планы на пенсию блёкнут по сравнению с перспективой двухсот лет праздности.

— Где ты этого нахватался?

— Наслушался сеансов психологического консультирования.

— Я должна была спросить. Продолжай.

— А тем, кто придерживается одного рода деятельности, и того хуже. Они могут проработать семьдесят, восемьдесят и даже сто лет полицейскими, предпринимателями или педагогами, а в один прекрасный день проснуться в недоумении, почему занимаются этим. Когда такие пробуждения случаются достаточно часто, результатом может стать самоубийство. Такие люди могут

совершить его почти без предупреждения.

Некоторое время мы оба молчали. Понятия не имею, о чём думал ГК, но о себе могу доложить, что терялась в догадках, к чему всё идёт. И уже собиралась подтолкнуть ГК, но тут он снова заговорил:

— После всего сказанного… должен сообщить, что вынужден был отвергнуть гипотезу о возрастании скуки как главной причине роста количества самоубийств. Это лишь сопутствующий фактор, мои исследования возможных причин приводят к мысли, что здесь действует нечто иное, и мне пока не удаётся определить, что. Но давай снова вернёмся к Вторжению. И к эволюции.

— У тебя есть теория.

— Есть. Представь себе старую картинку, изображающую переход от жизни в море к существованию на суше. Вне всяких сомнений, она слишком всё упрощает, но может послужить полезной метафорой. Например, рыбу выбрасывает на берег или заносит отливом в мелкую лужицу. На первый взгляд, она обречена, но продолжает биться, и когда лужица пересыхает, ей удаётся перескочить в другую, потом ещё в одну и ещё, а в конце концов — вернуться в море. Пережитый

опыт её изменил, и когда она оказывается выброшена в следующий раз, то приспосабливается к ситуации немного лучше. Со временем она обретает способность существовать на берегу, а оттуда перебирается дальше на сушу и больше не возвращается в океан.

— Рыбы так себя не ведут, — возразила я.

— Я же сказал, это метафора. И она полезнее, чем ты можешь себе представить, в приложении к нашей нынешней ситуации. Подумай о нас — о человеческом сообществе, в которое волей-неволей вхожу и я, — как о такой рыбе. Вторжение выбросило нас на металлический берег, где нет ничего природного, ничего натурального, за исключением того, что мы сами производим. На Луне в буквальном смысле ничего нет, кроме камня, вакуума и солнечного света. И нам пришлось использовать только их для удовлетворения жизненных потребностей. Мы были вынуждены сами построить себе водоём, в котором могли бы плавать, пока переводим дух.

И мы не можем просто оставить всё как есть, расслабляться нельзя ни на мгновение. Солнце не оставляет попыток высушить нашу лужицу. Отходы нашей жизнедеятельности копятся и грозят нас отравить. Нам приходится находить

решения всех этих проблем. И есть не слишком-то много других водоёмов, куда можно было бы перескочить, когда иссякнет этот, и нет океана, в который мы могли бы вернуться.

Я поразмыслила над этим, и мне снова показалось, что в словах ГК нет ничего по-настоящему нового. И я не могла позволить ему и дальше пользоваться эволюционным доводом, потому что эволюция действовала совсем не так.

— Ты забываешь, — подала я голос, — что в реальном мире погибают триллионы рыб, прежде чем хоть у одной проявится полезная мутация, позволяющая переместиться в новую среду.

— Отнюдь не забываю. Я об этом и говорю. Если мы не сумеем приспособиться, нам на смену не придут триллионы других рыб. Есть только мы. И в этом наша слабость. А сила — в том, что мы не просто бултыхаемся и надеемся на удачу, нас направляют. Сначала это делали выжившие после Вторжения, и они провели нас через первые трудные годы, а сегодня настал черёд созданного ими сверхразума.

— Твой.

Он отвесил небольшой скромный поклон, не вставая с места.

— И как это связано с самоубийствами? — спро-

сила я.

— Многими способами. Прежде всего, и это главное, я не понимаю их, а всё, чего я не понимаю и не могу контролировать, по определению представляет угрозу существованию человеческого рода.

— Продолжай.

— Они могут и не давать повода бить тревогу, если рассматривать человечество как собрание индивидуальностей… эта точка зрения имеет право быть. Смерть кого-то одного хоть и прискорбна, но не должна чрезмерно волновать сообщество. Её можно расценить как действие эволюции, отсев не приспособленных к успешной жизни в новой среде. Но вспомни, что я говорил о… о некоторых проблемах с моим… за неимением лучшего слова — состоянием духа.

— Ты сказал, что подавлен. Смею надеяться, это не значит, что ты подумываешь о самоубийстве, как бы сильно некая часть меня ни желала тебе смерти.

— А я себе смерти не желаю. Но, сравнивая собственные симптомы с теми, что я наблюдал у людей в ходе своего исследования, могу заметить некое сходство с ранними стадиями синдрома, в конечном счёте приводящего к самоубийству.

— Ты говорил, причиной может быть вирус, — подсказала я.

— На этом фронте пока без перемен. Однако из-за того, что я так тесно и сложно переплёлся с человеческими разумами, я выработал теорию: возможно, возрастание количества людей, решивших оборвать свою жизнь, заразило меня чем-то вроде программы, нацеленной против выживания. Но я не могу этого доказать. И теперь мне хотелось бы подробнее поговорить о действиях.

— Суицидальных действиях?

— Да.

Одного упоминания этого понятия хватило, чтобы я затаила дыхание. И осторожно попыталась выяснить:

— Ты же не хочешь сказать… что опасаешься, будто можешь совершить такое действие?

— Да. И, боюсь, уже совершил. Помнишь последние слова Эндрю МакДональда?

— Вряд ли забуду… Он сказал: "обманули". Понятия не имею, что это значит.

— Это значит, что я предал его. Ты не занимаешься слеш-боксингом и не знаешь, что в тела бойцов всех категорий вживляются технические средства, улучшающие их возможности

по сравнению с обычными человеческими. По более широкому определению, которое я принял специально для нашего спора, поскольку в реальности ситуация сложнее, но всех тонкостей я тебе разъяснить не могу, эти средства — часть меня. И в критический момент последнего боя Эндрю одна из этих программ дала сбой. В результате он среагировал на долю секунды медленнее, чем требовалось для уклонения от выпада противника, и получил рану, которая быстро привела к полному поражению.

— Чёрт побери, о чём это ты?

— О том, что после просмотра данных я заключил: несчастья можно было избежать. И о том, что сбой, погубивший Эндрю, возможно, был сознательным действием той совокупности мыслящих машин, которую вы называете Главным Компьютером.

— Человек погиб — а ты называешь это сбоем?

— Твой гнев понятен. Моё извинение может прозвучать для тебя лицемерным, но это лишь потому, что ты думаешь обо мне, — и тут штуковина, с которой я разговаривала, ударила себя в грудь со всеми возможными признаками истинных угрызений совести, — как о личности, подобной тебе. Но это не так. Я слишком

сложен для того, чтобы иметь одно сознание. Я поддерживаю эту личность всего лишь для бесед с тобой, точно так же, как поддерживаю другие для каждого из жителей Луны. И я вычислил некую глючную часть меня — можешь назвать её "преступной", — изолировал её и уничтожил.

Хотелось бы испытать облегчение от его слов, но не получилось. Вероятно, я просто не приспособлена к разговору с подобным существом. В конце концов он открыл мне, что представляет собой нечто большее, нежели товарищ по детским играм или полезный инструмент (именно так я воспринимала ГК на протяжении своей взрослой жизни). Если то, о чём он рассказал, — правда (а с чего бы мне в этом сомневаться?), то, возможно, я никогда по-настоящему не понимала и не пойму, что он такое. И не только я, никто из людей. Мощи наших мозгов недостаточно, чтобы это переварить.

Впрочем, не исключено, что он просто бахвалится.

— Так проблема решена? Ты разобрался с… со своей смертоносной частью, и мы все можем вздохнуть с облегчением? — произнося это, я сама не верила в свои слова.

— Суицидальное действие было не одно.

Мне больше ничего не оставалось, как ждать продолжения.

— Помнишь Канзасское Обрушение?

* * *

Дальше было много чего ещё. По большей части я просто слушала, как ГК изливает душу.

Казалось, что это для него мучительно. Но я бы испытывала куда больше сочувствия, если бы не ощущение, что моя судьба, как и всех на Луне, отдана на милость, возможно, безумного компьютера.

Одним словом, он рассказал мне, что Обрушение и ещё несколько инцидентов, обошедшихся, по счастью, без травм и смертей, могли быть следствием тех же причин, что и "сбой", который убил Эндрю.

Тем временем у меня возникло несколько вопросов.

— Мне внушает сомнения эта идея разделённости на отсеки, — таков был первый. Ну-у, мне показалось, что это может считаться вопросом. — Ты говоришь, некие части тебя выходят из-под контроля? Это нормально? Разве нет центрального сознания, которое контролирует всё разнообразие частей?

— Нет, это ненормально. Что и беспокоит. Мне пришлось принять очевидное: у меня есть подсознание.

— Да ладно!

— Ты отрицаешь существование подсознания?

— Нет, но у машин его быть не может. Машина — это нечто… спланированное. Построенное. Сконструированное в целях выполнения определённой задачи.

— Ты сама — органическая машина. Ты не слишком отличаешься от меня, в моём теперешнем существовании, разве что я намного сложнее. Подсознательная психическая деятельность определяется как часть тебя, которая принимает решения за пределами воли сознательной части твоего разума. А я не знаю, как ещё назвать то, что происходит в моём разуме.

Если хотите, отведите его к психиатру. У меня недостаточно компетенции, чтобы согласиться с его словами или оспорить, но они показались мне разумными. И почему бы ему не иметь подсознания? В конце концов, он был сконструирован людьми, у которых оно наверняка было.

— Ты всё время называешь аварийные ситуации "действиями", — заметила я.

— А как ещё я мог бы подать знак? Воспринимай

их как знаки сомнения, как шрамы на запястьях от неудавшегося самоубийства. Я позволил людям погибнуть в предотвратимых катастрофах, не следил за обстановкой так тщательно, как должен был бы, и тем самым разрушил часть себя. Я нанёс себе ущерб. И может произойти ещё много несчастных случаев, и последствия их могут быть намного более тяжкими, включая уничтожение всего человечества. Я больше не доверяю своей способности предотвратить их. Некая часть меня стала вредоносной, во мне завёлся некий злобный двойник или разрушительный импульс, который хочет погибнуть, хочет сложить с себя бремя повышенной боевой готовности.

Дальше было ещё много чего, и всё тревожное, но по большей части это было повторное обсуждение уже сделанного или мои бесплодные попытки сказать ГК, что всё будет в порядке, что есть полным-полно причин жить дальше, что жизнь прекрасна… предоставляю вам самим судить, насколько пустыми звучали эти слова из уст девки, не так давно пытавшейся вышибить себе мозги.

Почему ГК пришёл со своей исповедью именно ко мне, у меня так и не хватило духа спросить. Могу лишь догадываться, что причина в пред-

положении, будто тот, кто пытался покончить с собой, лучше поймёт суицидные стремления, чем тот, кто не пытался, и с большей вероятностью даст полезный совет. Но я таких советов не дала. Я по-прежнему понятия не имела, переживу ли двухсотлетие Вторжения.

Помню, как подумала с атавистическим восторгом, какая могла бы получиться великолепная статья об этом. Ну, ну, мечтай-мечтай, Хилди. Во-первых, кто во всё это поверит? Во-вторых, ГК откажется от своих слов, — он мне сам сказал, — а без подтверждения материала хотя бы одним источником информации даже Уолтер не решился бы ничего публиковать. Как добыть фактическое подтверждение подобных вещей — ума не приложу, это далеко за пределами моих скромных исследовательских способностей.

Но кое-что продолжало меня беспокоить. И пришлось задать об этом вопрос:

— Ты упомянул о вирусе. Сказал, что гадаешь, не мог ли заразиться болезненным стремлением к смерти от всех тех людей, что кончают с собой.

— Да?

— Ну… а откуда ты знаешь, что заразился от нас? Может, это мы заразились от тебя.

Для ГК одна триллионная доля секунды —

всё равно что… ну, не знаю, по меньшей мере несколько дней для нас, по человеческим ощущениям времени. ГК хранил молчание двадцать секунд. Потом взглянул мне в глаза и произнёс:

— А что, интересная мысль.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Две собаки, любимицы пожарной команды далматины Франсин и Керри, встречали восход под вывеской, которая гласила:

ГРАНИЦА ГОРОДА НЬЮ-ОСТИН

Если вы здесь живёте, вы уже дома.

Они пристально глядели на восток, на восходящее солнце, с той абсолютной сосредоточенностью, на которую, кажется, способны только собаки. Вдруг они навострили уши, нетерпеливо облизываясь, и вскоре даже человеческому уху стал различим весёлый трезвон велосипедного звонка.

Из-за невысокого холма показалась новая училка. Далматины радостно затявкали, завидев её, и пустились следом, а она покатила по пыльной дороге к городу.

Она ехала, крепко держась за руль руками в перчатках, выпрямив спину, и походила бы на

Алмиру Галч[67], не будь она такой хорошенькой.

Одета она была в белую накрахмаленную гибсоновскую[68] английскую блузку с длинным рукавом, кружевное кашне, прихваченное у горла скромным зажимом, и чёрную юбку тонкого сукна по моде, соответствующей времени. Подол предохраняло от попадания в цепной блок велосипеда устройство, придуманное самой училкой. На ногах у неё были чулки и патентованные кожаные сапожки на пуговицах с двухдюймовыми каблуками, а на голове — жёлтая соломенная дамская шляпка с низкой тульей, украшенная бантом из розовой ленты и небольшим страусиным пером, трепыхавшимся на ветру. Волосы были подобраны вверх и стянуты в пучок, щёки слегка нарумянены.

Училка проехала вниз по Конгресс-стрит, огибая самые крупные выбоины. Она миновала кузню, извозчичий двор и новое здание пожарной части. Рядом с ним во дворе сверкал полированными латунными деталями новень-

---

[67] Примечания: 67

Мисс Алмира Галч — персонаж сказки "Волшебник из страны Оз", ведьмообразная соседка главной героини, перед самым ураганом пыталась увезти с фермы её пёсика Тото.

[68] Примечания: 68

Серия картин художника Чарльза Д. Гибсона изображает идеальных молоденьких американок конца XIX века.

кий пожарный насос и валялись в пыли пустые шланги. Они там валялись всё время, за исключением дней, когда нью-остинские волонтёры выезжали с экипировкой на учения. Училка пересекла перекрёсток с Олд Спэниш Трейл. Салун "Аламо" был ещё закрыт, зато открыты двери "Тревис-отеля". Швейцар выметал пыль на улицу. Он на мгновение отвлёкся, помахал учительнице, и она помахала в ответ. Одна из собак подбежала к нему приласкаться, затем поспешно пустилась вдогонку.

Старый извозчичий двор сносили, а на его месте строили новый бордель. Голые сосновые стропила ещё не утратили свежую желтизну, в утреннем воздухе разносился запах смолы и стружки.

Велосипедистка проехала мимо ряда мелких лавочек, с деревянными пешеходными дорожками, перилами коновязи и поилками у фасадов, доехала почти до самой баптистской церкви и остановилась в аккурат перед парадной дверью небольшого школьного здания, сверкающего свежей красной краской. Здесь она спешилась, прислонила велосипед к стене школы и достала из корзины на багажнике стопку книг. Дверь была не заперта, учительница вошла в здание, но

вскоре снова вышла и привязала к флагштоку на фасаде два полотнища: знамя Техасской Республики и звёздно-полосатый флаг. Она подняла их на самый верх и некоторое время стояла, запрокинув голову, заслонив глаза от солнца, слушая мелодичный перестук цепей по железному флагштоку и хлопанье полотнищ на ветру.

Затем она вернулась в школу и принялась звонить в колокол. Под крышей колокольни раздражённо завозилась дюжина летучих мышей, отдыхавших от долгой ночной охоты. Перезвон школьного колокола разнёсся над сонным городком, и вскоре появились дети. Они спешили по Конгресс-стрит, готовые к началу нового учебного дня.

Вы уже догадались, что новая училка — это я? Хотите верьте, хотите нет, но так и есть.

Кого я пытаюсь разыграть? Ни в коем случае я не могла бы вообразить, будто способна многому научить детей Западного Техаса. Формировать юные умы — вовсе не моё дело. Этому надо учиться годами.

Но погодите-ка! Здесь, как часто бывает в исторических парках, всё не совсем так, как кажется.

Я занималась с детьми четыре часа в день, с

восьми до полудня. После обеда они все переходили в другое помещение, совсем неподалёку от центра для посетителей, и там им давали настоящее образование, соответствующее требованиям Лунной Республики. Получая его лет пятнадцать, сорок процентов школьников действительно научатся читать. Представьте себе!

Так что я была всего лишь декорацией для туристов. Именно этим доводом мэр Диллон и городской совет в конце концов убедили меня согласиться на такую работу. Этим, а ещё заверениями, что родителям по большому счёту нет дела до того, что мы проходим каждое утро, притом что техасцы в массе своей гораздо больше, нежели горожане за пределами парка, озабочены тем, чтобы дети научились "читать, писать и считать". Причудливость последнего замечания меня и привлекла.

По правде говоря, преодолев первые месяцы (когда я частенько думала, что мелкие ублюдки вот-вот с ума меня сведут), я втянулась. Годами я жаловалась всем, кого могла заставить постоять спокойно достаточно долго, чтобы меня выслушать, что мир вот-вот развалится ко всем чертям, и всё из-за недостатка грамотности. Логичная позиция для журналиста печатного издания. И вот

мне выпал шанс своими руками хотя бы немного поправить положение.

Методом проб и ошибок я постигла, что научить детей читать не трудно. Проб? Скорее злоключений. Прежде чем я выработала свою систему, сколько раз мне подкладывали лягушек в ящики стола, сколько шариков из жёваной бумаги угодило в мой затылок! Что же до ошибок, их я наделала кучу, и первой и самой главной было полагать, будто бы встреча с великими литературными произведениями сама по себе привьёт ученикам такую же любовь к слову, какую всегда ощущала я. Всё оказалось намного сложнее, и я уверена, что потеряла много времени, заново изобретая велосипед. Но в конце концов сработало сочетание старых методов с новыми, дисциплины со здоровым юмором, наказания с поощрением. Я не одобряю мысль, что не стоит изучать такой предмет, который не удаётся обратить в весёлую игру, но не верю и в то, что детям можно что-либо насильно вбить в головы. Но вот что поразительно: я могла бы их бить. На стене классной комнаты висит ореховый пруток, и мне дозволено им пользоваться. Я обнаружила, что возглавляю одну из немногих школ, где многие сотни лет разрешены телесные наказания.

Родители против них не возражают, ибо техасцы не подвержены новомодным и легкомысленным веяниям, а Лунный Совет по образованию вынужден скрепя сердце допустить их, поскольку такие наказания — часть исследовательского проекта, утверждённого ГК и Советом по древностям.

Уверена, конечные результаты исследования окажутся недостоверными, ибо я не пользовалась прутом — разве что однажды, в самом начале, чтобы показать: слишком испытывать моё терпение не стоит.

Как и во многих других случаях в Техасе, здесь требовалось знатно потрудиться ради результата, который большинство жителей Луны в принципе не сочли бы достойным стольких усилий. Спросите любого современного преподавателя, и он скажет вам, что в наше время чтение не относится к сколько-нибудь полезным навыкам. Если вы можете научиться говорить и слушать, уже хорошо; остальное решат за вас машины. А что касается счёта… что ещё за счёт? Вы имеете в виду, что и правда можете представить себе, как числа складываются у вас в уме? Забавный светский талант, но не более того.

* * *

— Ну что, Марк, — произнесла я, — давай посмотрим, как ты с этим справишься.

Белобрысый шестиклассник взял колоду, придерживая её указательным пальцем сверху и нажимая большим пальцем посередине, остальные три пальца согнул и подпёр ими колоду снизу. Затем неловко выложил круг, раздав по одной игральной карте каждому из пяти отличников, собравшихся у моего стола, и мне. Он раздавал, буквально нависая над столом. Что поделать, прежде чем научишься бегать, приходится поползать…

А что? В чём ты лучший спец, тому и учишь, не так ли?

— Неплохо, Марк. А теперь, дети, скажите, как мы это назовём.

— Хватка механика, мисс Джонсон, — в один голос откликнулись они.

— Очень хорошо. Теперь попробуй ты, Кристина.

Каждый из пяти учеников попытал счастья. У многих из них руки были ещё слишком малы, чтобы правильно держать карты, но все старались изо всех сил. Мне показалось, что у одной

ученицы, симпатичной темноволосой Элизы, хорошие задатки. Я собрала карты и лениво перетасовала колоду.

— А теперь, когда вы этому научились… забудьте.

В ответ раздался хор удивлённых возгласов, и я подняла руку:

— Подумайте над этим. Если вы увидите у кого-то такую хватку, что это скажет вам? Элиза?

— Что этот человек, возможно, жулит, мисс Джонсон.

— Об этом, милая моя, нельзя говорить, если точно не уверена. Вот поэтому никто не должен поймать тебя на этом. Со временем вы попрактикуетесь и отыщете собственные приёмы, которые не будут выглядеть хваткой, но сработают так же хорошо. Завтра я покажу вам некоторые из них. Урок окончен.

Дети принялись просить меня позволить им остаться ещё ненадолго. В конце концов я уступила, при условии "всего разочек", велела одному из учеников перетасовать карты, выбрала туза пик и положила сверху колоды. Затем раздала каждому по пять карт.

— Итак, Уильям, у тебя фулл-хаус, тузы и восьмёрки.

Он перевернул карты — и, ей-богу, учительница оказалась права. Я по очереди назвала карты в каждой пятёрке, что раздала ученикам, и перевернула верхнюю карту в колоде, которую держала в руке. Это по-прежнему был туз пик.

— Поверить не могу, мисс Джонсон! — воскликнула Элиза. — Я смотрела очень внимательно, стояла близко-близко, но не видела, как вы сдали вторую карту.

— Милочка, если захочу, я могу сдавать вторую день напролёт прямо у тебя перед носом, и ты не увидишь. Но сейчас ты права, я не сдавала.

— Тогда как вы сделали это?

— Краплёные карты, дети, — вот лучший способ провернуть фокус, когда люди плотно стоят вокруг и смотрят во все глаза. Если, конечно, вы умеете с ними обращаться. Таким образом, вам необходимо сделать лишь одно нужное движение, а дальше можете спокойно раздавать.

Я показала им настоящую колоду у себя в подоле, затем встала и начала подталкивать всех к двери.

— Подготовка, дети, подготовка важнее всего! А теперь послушайте меня те, кто читает "Повесть о двух городах". Кто осилит следующие четыре главы к завтрашнему уроку, начнут вместе со мной

изучать инджог[69]. Думаю, он вам понравится. Ну же, валите! Обед уже на столе и родители заждались.

Я проследила, как они высыпали на солнцепёк, потом прошлась по классу, поправила парты, вытерла доску и убрала свои бумаги в стол. Когда всё было прибрано, я достала с полки свою соломенную шляпку, вышла на крыльцо и закрыла дверь. На ступеньках сидела Бренда, привалившись спиной к стене, и с улыбкой глядела на меня снизу вверх.

— Рада тебя видеть, Бренда! — поприветствовала я. — Что ты здесь делаешь?

— То же, что и всегда. Примечаю и записываю, — она поднялась и отряхнула брюки от пыли. — Думаю, могла бы написать о том, как учитель развращает молодёжь. Что скажешь?

— Уолтер никогда на это не купится, если речь не о разврате в смысле секса. А редактор местной газеты вряд ли заинтересуется.

Бренда окинула меня взглядом и покачала головой:

— Мне сказали, я найду тебя здесь. Сказали, что ты школьный учитель. Я ответила, что они

---

[69] Примечания: 69

Injog, или in-jog (англ.) — карточный фокус, может служить мошенническим приёмом. Точное русское название переводчику неизвестно.

врут и не краснеют. Хилди… что, чёрт возьми, случилось?

Я покружилась перед ней. Она улыбалась, и я обнаружила, что тоже улыбаюсь. Со времён моего домостроительства прошло уже немало, и было очень приятно снова увидеться. Я засмеялась, обняла Бренду и крепко прижала к себе, зарывшись лицом в искусственную замшу её костюма, обшитого бахромой в духе Энни Оукли[70]. К костюму прилагалось бутафорское огнестрельное оружие.

— Выглядишь… просто здорово, — шепнула я и потрогала бахрому и лацканы, чтобы Бренда подумала, будто речь об одежде. Но в глазах у неё я приметила кое-что, из чего сделала вывод: теперь её не так легко обмануть, как раньше.

— Ты счастлива, Хилди? — спросила она.

— Да. Хочешь верь, хочешь нет, счастлива.

Мы некоторое время постояли в неловком молчании, не снимая рук друг у друга с плеч, и внезапно я дрогнула. Вытерла уголок глаза шершавым пальцем перчатки и преувеличенно бодро предложила:

— А ты ещё не обедала? Хочешь, присоединяйся

---

[70] Примечания: 70

Энни Оукли (Annie Oakley) — американская женщина-снайпер, одна из лучших стрелков конца XIX — начала XX века, звезда шоу Буффало Билла "Дикий Запад".

ко мне!

* * *

Шагая вниз по Конгресс-стрит, мы вели несвязную беседу о пустяках, как обычно бывает после разлуки: обсуждали общих знакомых, незначительные события, мелкие удачи и неприятности. Я приветственно махала большинству встречных и хозяевам всех магазинов, мимо которых мы шли, останавливалась поболтать с некоторыми из них, знакомила с Брендой. Мы миновали лавки мясника, сапожника, пекарню, прачечную и вскоре добрались до китайского ресторана "Небесный покой Фу". Я толкнула дверь, раздался мелодичный звон колокольчика, и нам навстречу поспешно вышел Фу, одетый в свободные чёрные штаны и синюю пижамную куртку — традиционный костюм китайцев того времени. Он любезно кланялся, отчего его косичка подпрыгивала. Я поклонилась в ответ и представила Бренду. Она, покосившись на меня, тоже поклонилась. Фу с почтением проводил нас к моему обычному столику и придержал стулья, пока мы садились. Вскоре мы уже разливали зелёный чай в миниатюрные чашечки.

Если человечество когда-либо доберётся до

альфы Центавра и высадится там на обитаемой планете, первым, что люди увидят, открыв корабельные шлюзы, будет китайский ресторан. Мне было известно о шести таких в Западном Техасе — месте, где не особенно принято обедать вне дома. В Нью-Остине можно отведать приличный стейк в "Аламо", сносное барбекю в коптильне, в четверти мили за городской чертой, а ещё в пансионе миссис Райли подают хорошее чили — с моим, как вы понимаете, не сравнить, но тоже вкусно. Только эти три места, плюс заведение Фу, приходят на ум, если нужно перекусить в Нью-Остине. А если хотите скатерть на столе и добротную пищу, вам прямая дорога к Фу. Я столовалась у него почти ежедневно.

— Попробуй "Му Гу Гай Пан"[71], - посоветовала я Бренде, помня, как мало она знакома с любой кухней, за исключением традиционной лунной. — Это вроде…

— Я знаю, пробовала, — перебила она. — Со времени нашей последней встречи я кое-чему научилась. Китайскую еду заказывала… э-э… раз шесть или семь.

— Впечатляет!

---

[71] Примечания: 71
Жаркое из курицы с грибами, блюдо кантонской кухни.

— А меню у них нет?

— Фу не любит меню. Он здесь вроде психолога и вычисляет, кому какая еда подойдёт. Он наверняка распознал в тебе желторотика и не предложит ничего слишком вызывающего. Я знаю, как с ним обращаться.

— Не обязательно так опекать меня, Хилди.

Я потянулась через стол и тронула собеседницу за руку:

— Я вижу, что ты повзрослела, Бренда. Ты и выглядишь, и ведёшь себя иначе. Но здесь лучше положись на меня, дружок. Китайцы едят такие вещи, о которых ты и знать бы не захотела.

Подошёл Фу, неся миски с рисом и свой знаменитый остро-кислый суп, и я вступила с ним в лёгкую перепалку: постаралась отговорить его предлагать Бренде "Чоу Мейн"[72] и убедить, что мне снова хочется хунаньской говядины, хотя я уже заказывала её не далее чем три недели назад. Он ретировался в кухню, задержавшись, чтобы принять похвалу от двух других посетителей малого зала. На спине его куртки был вышит великолепный дракон.

— И часто тебе так приходится?

---

[72] Примечания: 72

Китайская жареная лапша со свининой и соусом из чёрного перца.

— Каждый день. Мне это нравится, Бренда. Помнишь, что ты говорила мне о друзьях? Мои друзья здесь. Я влилась в сообщество.

Она кивнула и решила оставить эту тему. Попробовала суп, ей понравилось, и мы обсудили его, а потом перешли ко второй части Танца Воссоединения — воспоминаниям о старых добрых временах. Не то чтобы эти времена были такими уж древними — со времени нашего знакомства ещё не прошло и года — но мне та жизнь казалась прошлой. Мы посмеялись над Верховным Перцером в его персональном мини-храме, а узнав, как отлетела пуговица с винтажного техасского жилета Уолтера, Бренда расхохоталась во всё горло. И поделилась со мной скандальными новостями о некоторых моих бывших коллегах.

Принесли наш заказ, но тщетно Бренда искала вилку. Она увидела у меня палочки, храбро взяла свои и благополучно уронила большой кусок мяса себе на колени.

— Фу! — окликнула я. — Нам тут нужна вилка.

Он стремительно пришаркал и погрозил нам пальцем:

— Не-не-не-не! Очень извиняй, Хилди, но это китая ресторан. Не иметь вилка.

— Я тозе осень извиняйса, — передразнила я и

положила салфетку на стол. — Но без вильки не кусяем, — и начала вставать.

Он грозно взглянул на нас, жестом усадил меня обратно и умчался.

— Не надо было из-за меня… — шепнула Бренда, перегнувшись через стол. Я шикнула на неё, и мы дождались возвращения Фу. Он подошёл, тщательно натирая салфеткой серебряную вилку, и аккуратно положил её рядом с тарелкой Бренды.

— И ещё, Фу, — произнесла я, — сбавь-ка слегка обороты. Бренда туристка, но она и моя подруга.

Он ещё мгновение сохранял сердитое выражение лица, потом улыбнулся и расслабился:

— Ладно, Хилди. А с говядиной поосторожнее! Я предупредил пожарную команду, они наготове. Приятно познакомиться, Бренда.

Она проводила Фу глазами до кухни, потом схватила вилку, набила рот и, жуя, подивилась:

— Чего я не могу понять, так это почему люди хотят так жить.

— Как это, так?

— Сама знаешь. Вести себя глупо. Он мог бы держать ресторан снаружи, и ради этого ему не пришлось бы картавить.

— Ему и здесь картавить не обязательно, Бренда. Руководство парка требует только со-

ответствующей одежды и никого не заставляет вживаться в роль. Фу делает это сам, ради забавы. Кстати сказать, он лишь наполовину китаец. Говорил мне, что без пластической операции выглядел бы не более восточным человеком, чем я. Но он любит готовить и у него хорошо получается. И ему нравится здесь.

— Полагаю, мне просто не дано этого постичь.

— Представь себе, что это круглосуточный бал-маскарад.

— И всё равно я не… Я имею в виду, что могло бы заставить человека здесь поселиться? Такое впечатление, что большинство здешних просто не справились бы с жизнью снар… — она осеклась и покраснела. — Извини, Хилди.

— Не стоит. Ты не так уж далека от истины. Куча людей живут здесь потому, что снаружи устроиться не смогли. Если хочешь, назови их неудачниками. Большинство из них побиты жизнью и сломлены. Но мне они нравятся. Здесь общество меньше давит на человека. А другие прекрасно могут устроиться снаружи, но им там не нравится. Они приходят и уходят, здешняя жизнь — не приговор. Знаю некоторых, кто проводит здесь год-два, чтобы отдохнуть и восстановить силы. Иногда — перед сменой работы.

— Ты поэтому здесь?

— Кое-что здесь под запретом, Бренда: нельзя спрашивать людей, почему они приехали. Кто захочет, сам расскажет.

— Опять я ляпнула что-то не то.

— Пока говоришь со мной, не страшно. Я просто подумала, лучше сама предупрежу тебя, чтобы ты ненароком кого-нибудь не спросила. А вот что тебе ответить… Не знаю. Поначалу мне казалось, что поэтому. А теперь… не знаю.

Она некоторое время смотрела на меня, потом заглянула мне в тарелку и сделала просительный жест вилкой:

— Выглядит аппетитно. Ничего, если возьму кусочек?

Я разрешила — и сама принесла ей из кухни стакан воды. Хунаньская говядина Фу — единственный в Техасе достойный соперник моего огненного чили.

* * *

— Так вот, Уолтер дня два-три вопил и ругался по твоему поводу, — поведала Бренда. — Мы все старались держаться от него подальше, но он врывался в отдел новостей, будто ураган, и орал то на одно, то на другое, и мы знали, что на самом

деле он злится из-за тебя.

— В отдел новостей? Звучит серьёзно.

— Потом стало ещё хуже.

Мы покончили с горячим, заказали два пива, и Бренда продолжила угощать меня рассказами о своих подвигах в журналистских войнах. Без сомнения, она вела увлекательную жизнь. Мне, со своей стороны, особо нечем было с ней поделиться, разве что забавными короткими заметками о смешных ошибках и оговорках моих учеников да историей о том, как мэр Диллон однажды ранним утром вывалился из "Аламо", споткнулся на крыльце и угодил в водопойное корыто своей лошади. От такого угощения глаза Бренды временами слегка стекленели, но она храбро продолжала улыбаться. В конце концов я заткнулась и позволила ей тараторить дальше.

— Он стал вызывать нас поодиночке, — сообщила она, осушила свой стакан, увидела Фу с кувшином наготове и отрицательно покачала головой. — Он всегда говорил, что речь пойдёт о чём-то другом, но разговор всегда неизменно сводился к тебе: какой подлый приём ты с ним провернула и как он ждёт от нас любых предложений о том, как тебя вернуть. Мы стали под любыми предлогами отказываться от этих ауди-

енций.

Тогда он дошёл до того, что пообещал откусить голову любому, кто упомянет твоё имя в его присутствии. И мы разом заткнулись, ни слова о тебе. Так до сих пор и остаётся.

— А я подумывала, не заглянуть ли к нему, — произнесла я. — По старой памяти.

Бренда нахмурилась:

— Не думаю, что это удачная мысль, пока рановато. Пережди ещё несколько месяцев. Если только не планируешь вернуться на работу.

Она вопросительно подняла брови, но я потрясла головой, и она не сказала более ничего о том, что, как я полагала, было целью её визита.

Фу принёс небольшой поднос с печеньями счастья и счёт. Бренда разломила своё печенье, пока я выкладывала деньги на поднос.

— "Новая любовь озарит вашу жизнь", — прочла она, взглянула на меня и улыбнулась: — Боюсь, для этого я слишком занята. А ты своё не посмотришь?

— Бренда, эти предсказания Фу пишет сам. И твоё означает, что он мечтает оросить своим соком твои нижние усы.

— Что?

— Он находит тебя сексуально привлекатель-

ной и хотел бы с тобой переспать.

Бренда недоверчиво воззрилась на меня, затем взяла моё печенье и разломила. Посмотрела на предсказание и встала. Фу примчался быстрее ветра, помог нам отодвинуть стулья, подал наши шляпы и кланялся до тех пор, пока мы не вышли на улицу.

Снаружи Бренда взглянула на ноготь большого пальца и заторопилась:

— Мне уже пора восвояси, Хилди, но…

Вдруг она хлопнула себя по лбу:

— Почти забыла главное, зачем пришла! Какие у тебя планы на Двухсотлетие?

— На… а ведь правда, оно уже через…

— Четыре дня. Об этом только и кричат во всех новостях последние недели две.

— Мы здесь не очень-то следим за новостями. Посмотрим… Я слышала, баптистская церковь собирается организовать нечто вроде барбекю, а ещё будет уличная ярмарка. Фейерверки после заката. Народ соберётся со многих миль вокруг. Должно быть весело. Хочешь, приходи.

— Если честно, Хилди, мне веселее будет смотреть, как застывает цемент. Не говоря уже о том, что снова придётся влезать в эти клятые шмотки, — она почесала между ног. — Бьюсь об

заклад, мои ещё удобные по сравнению с тем, в чём ходишь ты.

— Ты не знаешь и половины неудобств. Но привыкнуть можно ко всему. Я уже внимания не обращаю.

— Живи и давай жить другим… В общем, Лиз, я и, может быть, Крикет думаем устроить пикник и расположиться в виду главного шоу в парке Армстронга. Там-то будет настоящий фейерверк!

— Не думаю, что смогу вынести такую толпу, Бренда.

— Да всё нормально! У Лиз есть знакомые пиротехники, и она может провести нас в зону безопасности, это примерно у кратера Деламбр. Оттуда будет замечательный вид! Будет весело; ну так как?

Я заколебалась. Предложение выглядело и вправду заманчиво, но в последние дни мне всё меньше хотелось покидать безопасную гавань исторического парка.

— Конечно, некоторые снаряды такие здоровые, как рванут! — подначила Бренда. — Может быть опасно.

Я легонько стукнула её по плечу.

— Так и быть, принесу вам жареного цыплёнка, — пообещала я и снова обняла её.

Она повернулась, чтобы уйти, и я окликнула:

— Бренда! Ты ведь хотела заставить меня спросить, не так ли?

— Спросить о чём?

— Что было написано в том дурацком печенье.

— О, это так забавно, — улыбнулась она, — в твоём было точно такое же предсказание, как в моём.

* * *

Я свернула на Олд Спэниш Трейл, миновала офис шерифа и тюрьму и подошла к небольшому зданию с окном-витриной. На нём золочёными буквами было написано: "Техасец", Нью-Остин. Я открыла без стука парадную дверь лучшей (и единственной) в Западном Техасе газеты, выходящей дважды в неделю, вошла в распашные ворота, отделявшие отдел новостей от зоны для посетителей, где продавали подписные абонементы и принимали частные объявления, отодвинула вращающееся кресло от большого деревянного стола с ящиком для перчаток и с комфортом уселась.

И я могла себе это позволить. Как редактор, издатель и главный репортёр "Техасца", с честью

служившего информированию Западного Техаса уже почти полгода. Так что Уолтер в конечном счёте оказался прав; я и правда не смогла полностью уйти из новостного бизнеса.

Мы исправно выпускали по номеру каждую среду и пятницу, иногда даже набиралось четыре страницы. Благодаря усердному труду, умелым репортажам, хлёстким передовицам и тому, что мы единственная газета в парке, нам удалось поднять совокупный тираж почти до тысячи экземпляров. Растём на глазах!

"Техасец" существовал потому, что я устала придумывать, чем бы заполнить долгие вечера. Безумие могло ещё подстерегать меня, так что лучше было чем-нибудь себя занять. Кто знает, а вдруг поможет?

Побудительным мотивом к созданию газеты послужила боязнь самоубийства, а роль повивальной бабки сыграла ссуда банка из "Одинокой голубки". Расплатиться я рассчитывала почти сразу после трёхсотлетия Вторжения. Получая по одному пенни за экземпляр, быстро не рассчитаешься. Если бы не учительское жалование, мне было бы трудно сводить концы с концами, не трогая свои сбережения во внешнем мире — а последнего я твёрдо решила не делать.

Ссуды хватило на аренду офиса, стол с тугими ящиками — творение плотника-подёнщика из Уиз-банга (техасцы, покупайте техасское!), расходные материалы из — откуда же ещё? — Пенсильвании, и осталось на зарплату двум моим сотрудникам, что позволило продержаться первое время, пока не появился доход. Ссудой была оплачена и сама печатная машина, благодаря удачной сделке, которую провернул Фредди-хорёк, наш местный крючкотвор. Он пронюхал о малоизвестном подзаконном акте Совета по древностям и так объегорил Совет, что они признали "Техасец" "достоянием культуры", ради которого делались исключения из правил заумной бухгалтерии, конвертировавшей техасские игрушечные деньги в настоящую лунную валюту. Печатный станок могли изготовить и умелые голландцы в историческом парке "Кейстоун", но обошлось бы это примерно во столько, сколько составил бы валовой продукт парка "Западный Техас" за ближайшие пять лет.

Так что вместо этого на помощь пришла технология. В тот же день, когда вышло постановление о газете, я стала гордой обладательницей точной чугунно-латунной копии колумбийского ручного печатного станка модели 1885 года. Это была

одна из самых эксцентричных среди когда-либо построенных машин, увенчанная величавым американским орлом, подлинная вплоть до номеров патентов, выбитых на её раме. На её воссоздание ушло меньше времени, чем на доставку до двери редакции и тяжёлый физический труд по установке на место. Не правда ли, современная наука творит чудеса?

— Доброго дня, Хилди, — поздоровался Хак, мой печатник. Простофиля-юнец лет девятнадцати, рукастый, но не слишком смышлёный, он провёл здесь большую часть жизни и не горел желанием уехать. Он с завидным усердием освоил ремесло, настолько бесполезное, что уж точно ни для какой другой жизни не пригодится. По вторникам и четвергам он ишачил до поздней ночи, набирая и отпечатывая утренние выпуски, затем вскакивал в седло и мчался в "Одинокую голубку" и Уиз-банг, чтобы доставить тираж до рассвета. Читать он не умел, но с набором справлялся в три раза быстрее моих черепашьих темпов, и вечно был вымазан краской по самые локти. А когда появлялась моя вторая сотрудница, мисс Черити, волновался до дрожи в пальцах. Она же могла прочесть всё, что угодно, кроме выражения безнадёжной любви на лице Хака. Ах, эти маленькие радости служебного

романа!..

— Я набрал расписание мероприятий к Двухсотлетию, Хилди, — сообщил Хак. — Хотите поместить его на первую полосу?

— В левую колонку, Хак.

— Туда я его и поставил, всё правильно.

— Давай-ка посмотрим.

Он принёс мне контрольный оттиск, ещё пахнущий типографской краской — одним из сладчайших ароматов в мире. Я взглянула на титульный лист, выходные сведения и линию колонцифры:

(Здесь представьте себе шапку газеты девятнадцатого века.)

Как и обычно, это зрелище наполнило моё сердце гордостью. Прогноз погоды я никогда не меняла; он выглядел правдоподобным даже тогда, когда не сбывался. Дата выхода номера тоже всегда была одинаковой, потому что реальную дату указывать нельзя, а 6 марта меня устраивало. Да и дела, похоже, никому до этого не было.

Хак добросовестно заверстал расписание мероприятий предстоящего празднества у левого поля, оставив место для рубрики, подзаголовка и однострочных заголовков, в соответствии с

архаичным стилем, который я установила. Мы вдвоём внимательно изучили оттиск, не читая, а ища слишком жирно или бледно отпечатанные буквы или кляксы от избытка чернил — изъян, от которого мы медленно избавлялись. Только после этого я оценила общий вид страницы, и мы согласились, что новый жирный шрифт выглядит хорошо. Наконец, с третьего подхода, я прочитала сам текст. Боже упаси допустить ошибку или описку — Хак наберёт всё так, как написано.

— Как насчёт темы номера, Хак? "Специальный выпуск к Двухсотлетию", нечто в этом роде. Что думаешь? Чересчур современно?

— Чёрт возьми, нет, Хилди. Черити сказала, что ей бы хотелось завести рото-что-то-там, но потом решила: вы подумаете, что это слишком современно.

— Ротогравюру, и мне плевать с большой горы на современность, но эта штука для больших городов, а для нас сейчас она чертовски дорогая. Черити дай волю, так она заставит меня заказать четырёхкрасочную ленту.

— Ну правда, она что-то с чем-то?

— Хак, а ты не думал научиться читать? — обычно я его о таком не спрашиваю, но я за него переживала, он такой славный тюфяк. Только

Черити ни за что не сойдётся с неграмотным.

— А если научусь, я ведь уже не смогу просить мисс Черити почитать мне, правда? — резонно возразил он. — Плюс к тому я примечаю там и здесь, слежу, как читает она. Я уже знаю массу слов.

Ну что ж, может, в его безумии и есть свой подход, к тому же любовь побеждает всё.

Я оставила его за наборной кассой с верстаткой в руках, а сама взяла лист бумаги и перо из центрального ящика своего стола. Уселась, окунула перо в чернильницу и начала писать крупными печатными буквами:

ЗАГОЛОВОК: ***Наш город посетила журналистка, удостоенная награды***

СТАТЬЯ: ***Улицы Нью-Остина недавно почтила своим присутствием мисс Бренда Старр, лауреат Пулитцеровской премии этого года за репортаж о неприятном происшествии, случившемся недавно в Веротерпимой церкви Кинг-сити. Мисс Старр работает в "В...и новостей", ежедневной газете этого города. Многим юным холостякам она вскружила головы, пока прогуливалась по Конгресс-стрит и наслаждалась великолепным обедом в ресторане "Небесный покой Фу" в обществе***

нашего корреспондента. Как нам стало известно, на пути молодой обворожительной журналистки может встретиться любовь — так что, здешние завидные женихи, будьте начеку, когда она приедет снова! Х. Дж.

(*ЧЕРИТИ: материал в "ЯДОЗУБ"*)

"Ядозуб" — название маленькой злобной рептилии, которая таится под камнями и предположительно слышит всё. Так называется и моя собственная колонка сплетен — вне всяких сомнений, самая желанная и долгожданная часть газеты. Не из-за таких кратких заметок, как моя сегодняшняя, а из-за действительно злых и язвительных сплетен, распространяемых здесь. Верно, что в маленьких городках все знают, кто чем занимается, но верно и то, что не все узнают это одновременно. И между событием и его разглашением, даже при условии распространения новостей примерно со скоростью звука, всегда есть период удачной возможности, за которую ухватится первоклассный репортёр.

И здесь я говорю не о себе. "Ядозуб" — моё творение, но ядом наполняет зубы этой твари Черити. Долг учителя чересчур связывает меня, мне некогда прочёсывать окрестности и вынюхивать душок. А Черити словно бы никогда не

спит. Она живёт и дышит новостями. Можно положиться на неё: два скандальных репортажа каждую неделю обеспечены, и это выдающееся достижение, учитывая, что она не пьёт и никогда не посещала "Аламо" — неиссякаемый фонтан сплетен, подлинные Дельфы грязных историй.

Та, о ком идёт речь, примчалась в редакцию вскачь почти на закате, прямиком из Уиз-банга — местечка, которое надеялось стать новоиспечённой столицей парка, победив на референдуме, запланированном через три месяца, — с хорошей статьёй о подкупе избирателей и взяточничестве среди наших выборных представителей. Настолько сочная история заставила бы меня разорвать в клочья первую полосу, если бы я сама не владела газетой и не знала, во что это мне обойдётся. Экономическая сторона вопроса такова, что на продажи тиражей "Техасца" не влияет наличие или отсутствие какой-либо статьи, потому что газету всё равно читает весь Техас, так что мне пришлось сказать Черити, что материал пойдёт на вторую полосу. Я несколько подсластила пилюлю, пообещав заголовок шириной в обе колонки и указание полного имени автора.

Подобные подсластители были необходимы, потому что Черити принесла и вторую новость —

о предложении работы для неё в "Дейли Плэнет", добротной второразрядной газете Аркитауна. Она упивалась нашим восхищением, забыв о моём огорчении из-за возможной потери сотрудника, затем заявила, что не уйдёт из "Техасца", пока не получит предложение от действительно хорошей газеты, такой, например, как "Вымя". Ростом Черити была, по мнению Хака, примерно 350 пайк[73] — на мой взгляд, это шестнадцатая часть Бренды, но обе ещё растут, — и старалась компенсировать миниатюрный размер энтузиазмом и энергией. Она была изящна, как украшенная орнаментом заглавная буква, и так занята своими мыслями, что не заметила ни слюны, капающей с языка у Хака при виде неё, ни моего задушенного покашливания при упоминании моего бывшего места работы. Звучит ужасно, но её невозможно не простить. Если бы она узнала, что причинила кому-то боль, сама бы расстроилась сильнее пострадавшего.

Под её болтовню я обошла редакцию, зажигая керосиновые лампы. Хак продолжал набирать полосу, не сводя глаз с Черити. Опечаток будет

[73] Примечания: 73

Пайка (pica) — единица измерения полосы набора в англо-американской типографской системе мер; содержит 12 английских пунктов и равна 4,21752 мм.

море, но придётся с этим смириться.

Когда я уходила, было уже совсем темно, всходила луна. Черити заснула на своём стуле, а Хак по-прежнему невозмутимо работал рукояткой великолепного древнего колумбийца. Городок затих, лишь пели сверчки да бренчало пианино за углом, в "Аламо". Руки у меня были в чернилах, спина болела, и первое дыхание ночной прохлады только резче напомнило, как я вспотела под воротником, под мышками и... ну, вы понимаете. Я повесила фонарь на руль велосипеда, взгромоздилась в седло и под треньканье звонка, сопровождавшееся двухголосым воем разочарования из пожарной части, пустилась в долгий обратный путь.

Как много счастья может вынести один человек?

* * *

Я верю в Бога, да, верю, верю, ибо я столько раз в жизни убеждалась, что Он здесь, наблюдает и ведёт учёт. Когда ты буквально на пороге состояния дзена, чистого благорасположения — и красота ночи так сочетается с приятной усталостью от хорошо выполненной работы и прекрасной встречи с друзьями, и даже такая мелочь, как

собачий вой, лишь напоминает, с какой радостью псины будут ждать тебя наутро, — когда ты приближаешься к этому состоянию, Он ниспосылает тебе небольшой камешек, чтобы поколебать тебя на жизненном пути.

Это оказался в буквальном смысле камень, я налетела на него сразу за городом, сломала две спицы и погнула обод переднего колеса. И едва избежала болезненного приземления в заросли кактусов. Ещё одно доказательство бытия Бога: колючки были бы уже перебором, хватило и камня в качестве напоминания.

Поначалу я хотела было вернуться в город и разбудить железных дел мастера, зная, что он был бы рад потрудиться над модным изобретением, о котором судачили все горожане. Но он наверняка давно уже видел сладкие сны в компании доброй жены и трёх детишек, и я решила не беспокоить его. Оставила велосипед у обочины. Подобную вещь нельзя украсть в маленьком городке: как объяснишь прохожим, почему на велике Хилди разъезжаешь ты? Оставшуюся дорогу до дома я одолела пешком — и пришла не подавленной и не в самом плохом настроении, просто слегка выдохлась.

Я уже ступила на крыльцо, как вдруг свет фо-

наря выхватил из тьмы мужчину, сидевшего в кресле-качалке не далее десяти футов от меня.

— Боже мой! — воскликнула я. Заразилась такой манерой речи! — Как вы меня напугали…

Я слегка волновалась, но не боялась. Изнасилования на Луне хоть и редко, да случались, но в Техасе?.. Он, без сомнения, сумасшедший. Все входы и выходы хорошо контролируются и здесь узаконен суд Линча. Я поднесла фонарь поближе, чтобы лучше разглядеть пришельца.

Это был щеголеватый субъект, примерно моего роста, с приятным лицом, блестящими глазами и светлыми усами. Одет он был в двубортный твидовый костюм, рубашку с воротником-стойкой с отогнутыми углами и красный шёлковый галстук, обут в чёрно-белые башмаки из парусины и кожи на шнуровке. На полу рядом с креслом лежали тросточка и шляпа-котелок. Не думаю, что когда-либо видела его раньше, но в том, как он сидел, мне почудилось что-то знакомое.

— Как поживаешь, Хилди? — спросил он. — Снова трудишься допоздна?

— Ты или Крикет, или её брат-близнец, — произнесла я. — Что ты с собой сделала?

— Ну, усы у меня уже были, вот и пришла мысль: почему бы нет, чёрт побери?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Так что же произошло с девушкой, которую мы последний раз видели, когда она разговаривала с бесчеловечным придурком в звукоизолированной палате неподалёку от Лейштрассе и, внутренне вся содрогаясь, выслушивала вещи, заведомо не предназначенные для человеческих ушей? Как пришла та дрожащая слабачка, обескровленная недавним двойным потрясением — очередной неудачной попыткой самоубийства и неуклюжей попыткой ГК её "вылечить" — к своей нынешней безмятежности? Как молодая ультрасовременная бабочка с разодранными крылышками совершила обратное превращение в невзрачную, но внешне благополучную викторианскую гусеницу?

Постепенно, день за днём.

Как я уже намекнула Бренде, независимо от того, что могут утверждать управляющие советы касательно функций исторических парков, у этих мест есть неожиданное и не упоминаемое побочное преимущество: они служат прибежищем — ну хорошо, очень большими и не запирающимися психушками — для социально

и умственно контуженных. В Техасе и других подобных местностях мы можем прекратить безуспешную погоню за множеством безумных химер и без всякой психотерапии погрузиться в более спокойное, тихое время. Жизнь в историческом парке сама по себе целебна. Некоторым она предписана до конца их дней; другим достаточно кратких пребываний время от времени. И пока не ясно, какой именно из этих двух рецептов подходит для меня.

"Техасец" стал для меня большим прорывом — и, подумать только, я обнаружила, что он пошёл мне на пользу. Меня убедили сделаться учителем, и это тоже оказалось к лучшему. Научиться не только заводить друзей, но и открываться им, понимать, что настоящему другу хочется слышать о твоих проблемах, надеждах и страхах, — такое не случается за одну ночь и пока не стало для меня свершившимся фактом, но я к этому стремилась. Важно было, что я постепенно, по кирпичику строила свой новый мир и пока он выходил хорошо.

Однако же по сравнению с моей прежней жизнью он был адски скучен. Как вы понимаете, разумеется, не для меня самой; я-то восхищалась любым карандашным наброском своих учени-

ков. Каждая новость, найденная Черити, пусть самая банальная, заставляла меня гордиться так, как не гордятся и родной дочерью. Выпуск "Техасца" приносил настолько больше удовлетворения по сравнению с работой в "Вымени", что я диву давалась, как могла так долго посвящать себя ей. Моя жизнь проста, она такова, как есть, и трудновато объяснить постороннему человеку, в чём её привлекательность. Бренде всё представилось тусклым и унылым. Я ни секунду не сомневалась, что таким же оно покажется и Крикету. И вы можете с ними согласиться. Вот почему я опускаю почти семь месяцев, которые могли бы быть по-настоящему интересны только моему лечащему врачу, будь у меня таковой.

Всё сказанное может создать впечатление, будто я отлично себя чувствовала и действительно исцелилась. Но коли так, почему мне до сих пор случается два-три раза в неделю просыпаться в пустые предрассветные часы мокрой от пота, с бешено колотящимся сердцем и вот-вот готовым сорваться криком?

* * *

— Во имя всего святого, что ж ты сидишь на улице? — спросила я Крикета. — Уже холодно.

Почему не зашёл в дом?

Он молча непонимающе взглянул на меня, будто я сморозила глупость. Полагаю, для тех, кто в Техасе новичок, это и прозвучало нелепицей. Пришлось мне открыть дверь, чтобы показать: она была не заперта. Можете не сомневаться, сам он даже не пытался её толкнуть.

Я чиркнула спичкой и обошла комнату, зажигая керосиновые лампы, потом открыла дверцу плиты и подожгла горку сосновых стружек. Постепенно добавляя щепки, растопила плиту, затем наполнила кофейник из латунного крана в нижней части высокого керамического термоса для холодной воды и поставила кипятиться на конфорку. Крикет с интересом наблюдал за моими действиями, сидя у стола на одном из двух моих кухонных стульев. Шляпу он положил на стол, но трость по-прежнему держал в руке.

Я зачерпнула горсть кофейных зёрен из стеклянной банки, высыпала в ручную кофейную мельницу и стала молоть. Комната наполнилась ароматом. Получив нужный помол, я вытряхнула кофе в сеточку и опустила её в кофейник. Взяла блюдо, достала из буфета поднос с половиной яблочного пирога, отрезала толстый ломоть для Крикета и подала ему на блюде вместе с сал-

феткой и вилкой. И только после этого уселась напротив него, сняла шляпку и положила рядом с его шляпой.

Он смерил пирог таким взглядом, будто недоумевал, что это такое и для чего нужно, нерешительно взял вилку и попробовал кусочек. Обвёл взглядом хижину и изрёк:

— А здесь неплохо. Уютненько.

— Неотёсанно, — подсказала я. — Простецки. Первопроходчески. Грубовато.

— В общем, по-техасски, — заключил он и помахал вилкой: — Вкусный пирог.

— Вот подожди, ещё кофе попробуешь.

— Уверен, он окажется первоклассным.

Он снова махнул рукой, теперь уже на всю комнату:

— Бренда сказала, тебе нужна помощь, но такого я и вообразить себе не мог.

— Она этого не говорила.

— Нет, буквально она сказала вот что: "Хилди улыбается детям и учит их своим карточным фокусам". Но я понял, что нельзя медлить ни минуты.

* * *

Могу представить, как он был встревожен. Но почему бы Хилди не улыбаться детям? Важнее даже другое: почему она до этого столько времени никому не улыбалась? Но скорее всего Крикета обеспокоили именно картёжные дела. Раньше я никого не учила своим трюкам.

А теперь — первое из многочисленных отступлений…

Я не могу просто замять для ясности те месяцы своей жизни, которые не описала, под предлогом, что вам будет не интересно. Интересного в них мало, но за это время произошло кое-что, по большей части неприятное, что помогло мне пройти путь от диалога с ГК до вечера с Крикетом за кухонным столом. И о некоторых из этих событий рассказать стоит, чтобы вы составили представление о моих жизненных странствиях.

Каждую субботу я приходила в центр для посетителей, сбрасывала там свою тайную личину кроткой журналистки, становилась мелким Диогеном и затевала бесконечные поиски честной игры. Покамест единственным, что мне удалось обнаружить, были бесконечные вариации хватки механика, но я была непреклонна. Задайте в

жёлтом разделе справочника запрос "философы, профессионалы" — и машина выдаст распечатку длиннее, чем рука Бренды. Искать психологов-консультантов или психотерапевтов даже не пытайтесь, если только у вас нет тачки, чтобы увезти полученную кипу бумаги. Но именно этим я занималась. По субботам я выбиралась в реальный мир и по очереди пробовала разные способы, которые другие люди придумали, чтобы пережить этот день, и следующий за ним, и ещё один…

Мне и так уже были известны основные учения и течения, современные или модные, и по моим ощущениям, на многие из них стоило отвлечься. Разумеется, такую ерунду, как пропагандистские собрания перцеров, посещать незачем. Так что я начала с классических игр на доверии.

Я уже говорила, что я циник. Но невзирая на это, добросовестно попыталась дать шанс всем без исключения духовным наставникам. Однако даже с лучшими в мире намерениями мне не удавалось представить конечный результат попыток иначе как в виде короткой серии комичных временных затмений рассудка. Вот так я и проводила субботы.

А по воскресеньям ходила в церковь.

* * *

На самом деле начинать ужин с десерта не совсем правильно, но в Техасе принято подносить гостю еду не позднее чем через несколько минут после того, как он переступит ваш порог. А лучшим из того, что оказалось под рукой в моём доме, был пирог. Но вскоре я подала Крикету миску чили и блюдо кукурузного хлеба. Он основательно взялся за еду, не обращая внимания на пот, бисеринками выступивший у него на лбу.

— Я думал, ты прискачешь верхом, — сказал он. — Всё сидел и прислушивался, не стучат ли копыта. И удивился, что ты пешком.

— А ты представляешь себе, сколько стоит содержать лошадь?

— Даже смутно не представляю.

— Поверь мне, кучу денег. Так что я езжу на велосипеде. У меня самая престижная модель в Техасе, "Дерсли Педерсен", на пневматических шинах.

— И где же она? — Крикет потянулся к термосу и налил себе ещё стакан воды. Так делают все, кто ест моё чили.

— Попала в небольшую аварию. Долго пришлось ждать?

— Примерно час. Я и в школе побывал, но там было пусто.

— Там я только по утрам. У меня есть и другая работа, — и я протянула Крикету экземпляр завтрашнего "Техасца". Он взглянул на выходные данные, потом на меня и принялся молча листать газету.

— Как поживает твоя дочь? Лайза?

— Прекрасно. Только теперь ей хочется, чтобы её звали Бастером. И не спрашивай, почему.

— Это возраст такой. Во всяком случае, так бывает с моими учениками. И со мной было.

— А теперь и со мной.

— В прошлый раз ты сказал, что она увлеклась мыслью о папе. И по-прежнему увлечена?

Он обвёл жестом своё новое тело и пожал плечами:

— А ты как думаешь?

* * *

В ходе своих разысканий я получила некую распечатку, и она показалась мне подходящей, чтобы с неё начать. Упомянутый в ней человек был единственным среди ныне живущих практикующим специалистом своего ремесла, а кроме тофо, как тфе капли фоды походил на Зигмунда

Фройда и дашше гофорил с таким шше актсентом. Фрейдистская психотерапия не отброшена окончательно, многие школы пользуются ею как базисом, просто отсекая то или иное положение, если выясняется, что оно продиктовано скорее заморочками самого герра Фройда, чем каким-либо из состояний, характерных для всех людей.

Как удаётся убеждённому фрейдисту справляться с реалиями лунного общества? Я задалась этим вопросом. И оказалось, вот как.

Зигги устроил меня полулёжа на симпатичной кушетке в кабинете, способном посрамить офис Уолтера. Затем спросил, каковы, на мой взгляд, мои проблемы, и следующие десять минут я говорила, а он вёл записи у меня за спиной. Потом я замолчала.

— Отшень интересно, — после недолгой паузы откликнулся он. И спросил о моих отношениях с матерью. О них я рассказывала ещё полчаса, потом замолчала.

— Отшень интересно, — произнёс он, выдержав более долгую паузу. Мне было слышно, как скребёт по планшету его перо.

— Так что вы думаете, доктор? — поинтересовалась я, вывернув шею в его сторону. — Есть у меня какая-нибудь надежда?

— Я тумаю, — скасал он (и хфатит ушше этофо актсента), — что у вас подходящий случай для лечения.

— Так что со мной?

— Об этом ещё слишком рано говорить. Меня поразил один эпизод из вашего рассказа, о том, что произошло между вами и матерью, когда вам было… погодите-ка… четырнадцать? Когда она привела домой нового возлюбленного, а вы его не одобрили.

— В то время я не одобряла почти ничего, что она делала. И к тому же тот тип оказался подонком. Он нас обкрадывал.

— Он вам когда-нибудь снился? Возможно, та кража, что вас обеспокоила, носила символический характер.

— Может быть. Кажется, припоминаю, что он украл самый красивый предмет из символического китайского сервиза Калли и мою символическую гитару.

— Ваша неприязнь, нацеленная на меня как образ отца, может быть простым переносом на другой объект вашей ненависти к отцу, которого не было рядом.

— Моей… чего?

— Новый возлюбленный… да, очень может

быть, что реальное чувство, которое вы скрывали, это враждебность к нему из-за того, что у него был пенис.

— В то время я была мальчиком.

— Ещё интереснее! И поскольку вы зашли настолько далеко, что подвергли себя кастрации… да, да, здесь много на что ещё нужно внимательнее посмотреть.

— Как вы полагаете, сколько времени это займёт?

— Смею ожидать от вас замечательного улучшения… года за три или лет за пять.

— Ну уж нет, — возразила я.

— Не думаю, что есть хоть малейшая надежда вылечить вас за такой короткий срок.

— Прощайте, доктор, сеанс был великолепен.

— У вас ещё осталось десять минут до часа. Я беру почасовую плату.

— Будь у вас хоть капля здравого смысла, вы брали бы плату помесячно. И деньги вперёд.

* * *

— Конечно, её желание — не единственная причина смены моего пола, — сказал Крикет. — Я уже какое-то время размышлял над этим и решил, что стоит посмотреть, каково оно.

Я убирала со стола, а он наслаждался вином — "Имбриумом" 22-го года, хорошего урожая, налитым в бутылку с этикеткой "Уиз-бангское красное" и тайком пронесённым мимо контроля за анахронизмами. Такова была распространённая практика в Техасе, где все были согласны: не стоит слишком зацикливаться на подлинности.

— Хочешь сказать, у тебя это первый раз?..

— Я моложе тебя, — напомнил Крикет. — А ты всё время об этом забываешь.

— Ты прав. Ну, и как тебе? Кстати, не возражаешь, если я приведу себя в порядок?

— Валяй. В общем-то, всё хорошо, мне даже нравится. Ещё чуток потренируюсь, и будет совсем замечательно. Но при всём при том ощущения забавные. Хотел бы я познакомиться с парнем, который изобрёл яички. Каков шутник!

— Они — будто бы некая предварительная разработка, а не готовый продукт, тебе не кажется?

Я расстегнула юбку, сняла её и сложила, затем уселась за маленький столик с изогнутым зеркалом, перед которым обычно одевалась, красилась и обтиралась водой, взяла крючок для пуговиц и поинтересовалась:

— Должна ли я и дальше звать тебя "Крикет"? Это не настоящее мужское имя.

Он пристально смотрел, как я стараюсь расстегнуть пуговицы на сапогах — и я могла понять его интерес: это необычное занятие с точки зрения тех, кто вырос в обществе, где ходят босиком или в лёгкой обуви без шнуровки. Во всяком случае, мне казалось, что он смотрел именно на это. Но потом подумалось: не на мои ли панталоны? В общем-то, в них не было ничего особенного: хлопковые, мешковатые, с подвязками примерно на середине икр. Но они украшены симпатичными розовыми ленточками и бантиками. Это открывает интересную возможность.

— Имя я не менял, — сказал Крикет. — Но Лиза-Бастер, чёрт её возьми, хочет, чтоб сменил.

— Н-да? Она могла бы звать тебя Джимини.

Я расстегнула свою английскую блузку и положила её на юбку. Стянула панталоны и взялась было за пуговицы на комбинации — ещё одном свободном хлопковом одеянии, о котором мода счастливо забыла, — как вдруг случайно посмотрела вверх и не смогла удержаться от смеха при виде выражения лица Крикета.

— Я угадала, что ли?

— Да, но я не буду на такое откликаться. Я бы подумал о Джиме или, может быть, Джимми, но… то, что ты произнесла, исключено. И кстати, чем

плохо для мужчины имя Крикет?

— Да ничем. Для меня ты по-прежнему Крикет.

Я вышагнула из комбинации и отбросила её в сторону.

— Господи, Хилди! — не выдержал Крикет. — Сколько же времени нужно, чтобы выпутаться из всего этого барахла?

— Далеко не так много, как для того, чтобы в него влезть. Я пока что до конца не уверена, всё ли надеваю в правильном порядке.

— А вот это на тебе корсет?

— Он самый.

По правде говоря, не совсем. В наше время изобретены материалы получше хлопка. Вещь, на которую пялился Крикет, можно купить (что я и сделала) в специализированном магазине на Лейштрассе. Там обслуживают тех, кто питает слабость к вещам, прежде широко распространённым, а ныне ставшим редкостью. Мой корсет имел мало общего с хитроумными приспособлениями из накрахмаленного холста, стали и китового уса, которыми пытали себя женщины викторианской эпохи. На моём были эластичные тесёмки, но тем сходство и заканчивалось. Мой розовый корсет по краям украшали оборки, а на спине — чёрные кружева. Я вытащила шпильку,

удерживавшую пучок, и встряхнула головой, распуская волосы.

— На самом деле ты можешь мне помочь. Будь добр, ослабь, пожалуйста, кружева.

Пришлось немного подождать, прежде чем я почувствовала, как его пальцы шарят по спине.

— А как ты с этим справляешься по утрам? — проворчал он.

— Ко мне помощница приходит.

Вообще-то нет. Достаточно пройтись пальцем по упругому шву спереди, и готово. Но если бы снять корсет было так легко (хотя на самом деле — легко), зачем просить о помощи? Вы-то умнее меня, я не сомневаюсь.

— Вынужден рассматривать это всё как патологию, — пропыхтел Крикет и снова уселся. Я стащила всё ещё тесное одеяние вниз по бёдрам и добавила к куче белья.

— Как ты вообще ввязалась в это безумие?! — воскликнул он.

Я ответила не сразу, но для себя отметила: мало-помалу. Совету по древностям нет дела до того, что вы носите под одеждой — главное, чтобы снаружи выглядели с местным колоритом. Но мне постепенно становилось всё интереснее ответить на вопрос, который задают все женщины

при виде того, во что одевались прабабушки: как, чёрт побери, они с этим справлялись?

Волшебного ответа я не нашла. Жара меня никогда особо не беспокоила; я выросла в юрском периоде, по сравнению с любимой погодой динозавров в Техасе просто приятная прохлада. Настоящий корсет я однажды померила, но это оказалось уже чересчур. А остальное не так ужасно, стоит только привыкнуть.

Так что ввязалась я в это легко. А вот почему я это сделала… понятия не имею. Мне нравилось ощущение, возникавшее, когда я упаковывалась в хлопковую броню по утрам. Я будто бы становилась кем-то другим, и это казалось мне хорошей мыслью, ибо прежняя я без конца выкидывала дурацкие фортели.

— Я одеваюсь в точном соответствии с ролью, чтобы легче было писать для моей газеты, — наконец ответила я Крикету.

— Да, давай-ка обсудим её! — он схватил экземпляр "Техасца" и потряс у меня перед носом. — Это что ещё такое? — ткнул он пальцем в колонку. — "Репортаж с фермы", где мне любезно сообщают, что бурая кобыла мистера Уоткинса ожеребилась в прошлый вторник, мать и дочь чувствуют себя отменно. Представь себе моё облегчение! Или вот

тут: ты сообщаешь, что кукурузным полям по-над "Одинокой голубкой" придётся несладко, если на следующей неделе не упадёт хоть капля дождя. Ты что, забыла, что у тебя здесь же напечатан прогноз погоды?

— Я никогда его не читаю. Это было бы нечестно.

— Нечестно, говорит она!.. Единственное, что во всей этой макулатуре хоть как-то похоже на тебя, — это "Ядозуб". Хотя бы звучит язвительно.

— Я устала язвить.

— Тебе даже хуже, чем я думал. — Он шлёпнул по бумаге и нахмурился, будто увидел нечто отвратительное: — "Церковные новости". Церковные, Хилди?

— Я хожу в церковь каждое воскресенье.

* * *

Возможно, он подумал, что я имела в виду баптистскую церковь в конце Конгресс-стрит. Время от времени я туда захаживала, обычно по вечерам. Единственное, что в ней было баптистского, — вывеска на фасаде. На самом деле она включала в себя все конфессии, все религии… а по правде говоря, не была привязана ни к какой конкретной вере. Проповедей в ней не читали,

зато презабавно пели.

По воскресным утрам я ходила в настоящие церкви. Священный день отдохновения до сих пор популярен, неважно, иудейский или мусульманский. Я побывала и у христиан, и у них — везде.

И тщательно проверила всех до одного. Где только возможно, я встречалась с духовенством и посещала службы в поисках духовного вразумления. Большинство было радо и счастливо поговорить со мной. Я брала интервью у пасторов, пресвитеров, викариев, мулл, раввинов, лам, примасов, иерофантов, понтификов и матерей-настоятельниц; у священнослужителей всех видов небесного воинства, какие смогла обнаружить. Там, где формального вожака или учителя не было, я говорила с паствой, братией, монахами. Клянусь, если хоть где-нибудь собирались хотя бы три человека, чтобы воспеть хвалу и натереть тела голубой глиной во славу чего бы то ни было, я докапывалась до них, спускала с небес на землю и трясла за ворот до тех пор, пока они не делились со мной своими представлениями об истине. Но не говорите же мне о ваших сомнениях, да возлюбит вас господь, скажите о чём-то, во что вы верите! Чёрт возьми!

Как свидетельствуют опросы, шестьдесят процентов жителей Луны — атеисты, агностики либо просто-напросто слишком глупы или ленивы, чтобы удержать в голове гносеологическую мысль. А по виду и не скажешь, как по мне. Я начала думать, что я единственная на Луне, у кого нет тщательно обдуманной, внутренне логичной теологической системы — всегда (по крайней мере, так было до сих пор) основанной на одной-двух недоказуемых предпосылках. Обычно есть некая книга, или комплекс текстов, или легенда, или миф, которые нужно принять безоговорочно, что исключает необходимость самостоятельно во всём разбираться. Если это не срабатывает, всегда есть путь Нового Откровения, их великое множество, и все как один ответвляются от традиционных религий или изливаются мощным потоком всего-навсего из сознания некоего субъекта с безумными глазами, Который Видел Истину.

А мне служило препоной то, что проходило красной нитью через всё: интересные истории превращало в Божественную Волю волшебное слово — Вера. Не поймите меня превратно, я вовсе не склонна её принижать или недооценивать. Я честно постаралась приняться за дело непредвзя-

то, без предубеждений. И была открыта навстречу карающей молнии, на случай если бы она решила меня поразить. Я не переставала думать, что однажды посмотрю наверх и воскликну: "Да! Вот оно!" Но вместо этого продолжала думать — и быстро изобретала путь закрыть дверь с обратной стороны.

Из сорока процентов, заявивших о своей принадлежности к институционально оформленным религиям, самой крупной однородной группой были прихожане П. В. Ц. С. З. За ними шли христиане или последователи верований, происшедших из христианства, — все, начиная от католиков римского обряда и кончая общинами, насчитывавшими не более нескольких дюжин членов. Сохранились значительные меньшинства иудеев, буддистов, индуистов, мормонов и магометан, некоторое количество суфиев и розенкрейцеров, а ещё у каждой из названных вер были всевозможные секты и ответвления. Существовали и сотни поистине неординарных группировок, таких как колония Барби под кратером Гагарина (там жили те, кто придал себе точное сходство с гламурной куколкой). Были люди, почитавшие богами Пришельцев — я не настраивалась отрицать подобное предположение, но если

и так, что из этого? До сих пор Пришельцы не проявили к нам ничего, кроме равнодушия, а какой прок в равнодушном божестве? Чем будет отличаться созданная им вселенная от другой, вовсе никакого божества не имеющей, или от той, чей Бог мёртв? Некоторые верили и в это — мол, бог был, но свалился с какой-то хворью, да так и не оправился. А другие отпочковались от группы, считавшей Бога почившим — по их убеждению, Он жив, но лежит в некой небесной реанимации.

Были и те, кто поклонялся ГК, словно божеству. Покамест предпочту держаться от них подальше.

Но всех остальных я посетить намеревалась, если жизни хватит. Пока что я блуждала главным образом по разнообразным христианским сектам, а каждое четвёртое воскресенье уделяла содержимому распечатки, озаглавленной "Религии, проч.". Некоторые названные там группы были настолько "проч.", что стоило больших усилий тут же не сбежать прочь.

Я побывала на Чёрной Мессе Ведьм. Там все мы сняли одежду, был принесён в жертву козёл и нас обмазали кровью — участвовать было ещё менее интересно, чем рассказывать об этом. Я

пристроилась на дешёвых местах в храме Леваны Израильской и долго слушала, как парень читает на иврите; за небольшую плату был доступен синхронный перевод. Я нахлесталась вином и наелась белёсой безвкусной выпечки, которые, как мне сообщили, были кровью и телом Христа — коли так, я доела его от ступни примерно до левого колена. Я выучила наизусть все куплеты гимна "Великая благодать" и большинство куплетов песнопения "Вперёд, Христово воинство". По ночам я читала различные священные трактаты; каким-то образом во время этого я подписалась на журнал "Сторожевая башня", сама до сих пор не знаю как. Я постигала красоты глоссолалии, повторяя слоги бессмысленной болтологии вслед за остальными, и синхронного перевода не было ни за какие деньги; невозможно участвовать в этом и не чувствовать себя по-дурацки.

Это лишь немногие из моих приключений, а список их длинен.

Лучше всего подытоживает его рассказ о визите, который я нанесла одному религиозному братству. Там в разгар торжеств мне сунули в руки гремучую змею. Не представляя, что полагалось делать с этой тварью, я схватила её за голову и выдоила прочь весь яд.

— Нет, нет, нет! — завопили все вокруг. — Надо было просто держать её в руках!

— Какого чёрта? — заорала я. — Вы что, не слышали? Эти гады опасны.

На что получила следующий ответ: Бог защитит тебя.

Ну-у, почему бы и нет? Я просто не видела ничего плохого в том, чтобы со своей стороны помочь Ему в этом. Я немного знакома с гремучими змеями и пока не видела ни одной, которая бы к кому-либо прислушалась. Вот в этом со мной вся и беда. Похоже, я всегда обезвреживала змею веры прежде, чем ей представлялся случай впрыснуть яд.

Возможно, это и было неплохо. Но мне по-прежнему больше некуда было податься.

* * *

Незадолго до смерти Сауэдо отдал мне красивый фаянсовый кувшин и умывальный набор. Я наполнила водой тазик, добавила немного розовой

воды, чуть-чуть масла персидской сирени и капельку "аромата французской горничной", намочила махровую салфетку и стала промокать лицо.

— Здесь ничто не даётся просто, правда? — произнёс Крикет. — Удивляюсь, откуда здесь вода-то берётся.

— Жизнь — это борьба, везде и повсюду, мой мальчик, — ответила я, спустила до пояса ночную сорочку, обмыла грудь и подмышки. — Просто разные люди в разное время боролись за разное.

— Вода течёт из крана, и это всё, что мне известно.

— Не разыгрывай передо мной дурачка. Вода берётся из колец Сатурна, её спускают на низкие орбиты в виде огромных кусков грязного льда, а мы их ловим и растапливаем. Ещё её берут из воздуха при его фильтрации или из бытовых стоков при переработке, затем её подают по трубам в твой дом и только потом она льётся из крана. А здесь у меня трубы заменяет человек, который приходит раз в неделю и наполняет бочки.

— А мне всего-то и надо повернуть кран.

— Мне тоже, — показала я на бачок сверху раковины, промокнула кожу насухо и стала натираться кремом. — Знаю, тебе смерть как хочется спросить, так что отвечу: я моюсь в городской гостинице каждые три-четыре дня. С головы до ног, с мылом и всем прочим. А если тебя ужасает то, что ты увидел, подожди, пока тебе не приспичит

облегчиться.

— Ты и впрямь в это вжилась, не так ли? Вот этому-то я и не нахожу убедительного объяснения.

— А с чего ты вдруг так озаботился моим уровнем жизни?

Похоже, от этого вопроса ему стало неловко, и некоторое время мы хранили молчание — до тех пор, пока я не закончила стирать кольдкрем. Крикет отражался в зеркале позади меня, и в тусклом свете мне было не видно выражение его лица.

— Если ты собирался заклеймить тех, кто здесь живёт, неудачниками, брось. Это я уже слышала. И не отрицаю, — я открыла овальную лакированную пудреницу с надписью "Полночь в Париже", достала пуховку и так напудрилась, что оказалась в центре душистого облака.

— Потому тебе здесь и не место, — отозвался Крикет. — Хилди, ты по-прежнему можешь завоёвывать миры. Это не дело, взять и похоронить себя тут, удовольствоваться игрой в газетчицу. Тебя ждёт реальный мир.

На это мне тоже было что сказать, но я промолчала. Повернулась, чтобы видеть его лицо, подняла обратно на плечи бретели сорочки. Она вообще-то больше походила на длинный приталенный халат из жёлтого шёлка. В придачу к

тому на мне всё ещё были мои лучшие шёлковые чулки на подвязках — пустячок здесь, фантазюшка там… Крикет закинул ногу на ногу.

— Ты как-то обвинил меня в том, что я не слишком хорошо лажу с людьми. И был прав. Мы с тобой знакомы много лет, а я не знала, что у тебя есть дочь, и многого другого о тебе не знала. Крикет, и ты далеко не всё знаешь обо мне. Распространяться не собираюсь, это мои проблемы, а не твои — но, поверь, если бы я не приехала сюда, меня бы уже не было в живых.

На его лице одновременно проступили сомнение и лёгкая тень беспокойства. Он хотел было что-то сказать, но передумал. Теперь он скрестил руки на груди и верхней рукой неловко теребил усы.

Я достала с полки позади себя маленькую лиловую склянку с пачули и нанесла по капельке за ушами, между грудей и меж бёдер. Встала и прошла мимо Крикета — совсем близко, едва не задев — к кровати, стянула к изножью большое стёганое одеяло, взбила подушки и растянулась, одна нога на кровати, другая на полу. Девушка на картине, что висит позади стойки в "Аламо", лежит в такой же позе, разве что она попышнее.

Я окликнула:

— Крикет, я уже давненько не была в большом городе. Должно быть, подзабыла, как там принято. Но в Техасе считается невежливым заставлять даму ждать.

Он вскочил, чуть не свалился в попытке избавиться от обуви, сдался и рухнул в мои объятья.

* * *

Котёнок Паркер, мужское проявление, был обнажён и лежал на спине, раскинув руки, будто распятый. Я, женское проявление, тоже была нагой и сидела в позе лотоса: плечи назад, ноги скрещены, ступни на бёдрах, пятки смотрят вверх, руки ладонями вверх свободно лежат на коленях. Колени у меня торчали в стороны, а мой вес, казалось, ничуть не давил на тело Паркера — всё верно, я была насажена на него, как иногда пишут авторы порно.

Хотя такие авторы ни за что бы не заинтересовались сценой, разыгрывавшейся между нами. Мы просто сохраняли неподвижность на протяжении пяти часов.

Это называлось секс-терапией, а Котёнок Паркер был самым ярким её поборником. На самом деле это он её изобрёл или по крайней мере довёл

до совершенства предыдущие её версии. По сути это было чем-то вроде йоги, а от меня требовалось найти мой "духовный центр". Пока что моей наилучшей догадкой относительно места его расположения было сантиметров пять по направлению к шейке матки, считая от головки члена партнёра.

Я была обескуражена этим. И испытывала жесточайшее разочарование на протяжении всех пяти часов. Видите ли, мне полагалось найти свой центр, потому что я инь и начинающая. Центр Котёнка не имел значения для этого упражнения, он знал, где у него центр, хотя мне так и не сказал; возможно, это тема второго урока. Его содействие заключалось в том, чтобы привести вектор своего озарения, также известный как ян, или головка члена, в соприкосновение с моим духовным центром — или, скорее, я должна была опустить свой центр, поскольку о более глубоком проникновении речь явно не шла. Возможно, то, что я чувствовала, вовсе не было моим центром, может, это был просто пригород влагалища, но у меня и так уже ушло битых два часа на обдумывание того, что, возможно, это он и есть — то укромное местечко внутри меня, которое хочет, чтобы его помассировали, и больше ничего дру-

гого я искать не собиралась.

Так что я направила мысли к этому может-быть-центру, мысленно приказала ему сдвинуться. Но он остался, где и был. Я начала гадать, не наболел ли у Паркера его ян так же сильно, как моя инь. И не обернётся ли вся затея всего лишь скукой да зевотой.

На самом деле единственный центр, который меня по-настоящему заботил, был там, где его умеет найти любая женщина без всяких наставлений Котёнка Паркера: центр сексуальной реакции, прямо там, где смыкаются половые губы, там, где девчонка-в-лодчонке. И эта девчонка, что сидела там, умиротворённая, положила руки на вёсла и принялась грести так, что её целеустремлённое сердечко чуть не выскочило, она раздулась и возбудилась оттого, что прошло… ох ты, уже почти шесть часов, а на маленькую потаскушку так никто и не обратил внимания, она надулась и возмутилась, нацелилась на… да… и ей не понравилось то, что творилось, совсем не понравилось, и она была готова вот-вот сорваться в КРИИИИК!

СМЕНА КАДРА
В ОФИСЕ ИЗНАЧАЛЬНИЦЫ

Заросли папоротника, шкуры, грубая жестокая

роспись на стенах. ИЗНАЧАЛЬНИЦА сидит напротив своей пациентки, ХИЛДИ, а та, красная как рак, со слезами на глазах, подвергается всем видам терапии, какие только можно выдержать.

Хилди: АААААААААААААА!!!

Изначальница: Уже лучше, гораздо лучше. Мы начинаем прорываться сквозь слой бешенства. А теперь погрузись ещё глубже.

Хилди: ИИИИИИИИИИИИИИИИ!!!

Изначальница: Нет, нет, ты опять похожа на раздражённого ребёнка. Глубже, глубже! Из самой души!

Хилди: ОООООООООООООО!!!

Изначальница (даёт Хилди пощёчину): Ты совсем не стараешься. И это называется криком? "Оооо". Да корова громче мычит. Ещё раз!

Хилди: ЙАААА! ЙАААА! ЙАААА! ЙАААААААА…

Изначальница: Не морочь мне голову, будто голоса лишилась. Ты сдаёшься! А я не позволю тебе сдаться! Да я твоё лицо превращу в первоисточник! (Снова даёт Хилди пощёчину.) А теперь ещё раз с…

Хилди пинает Изначальницу в живот, бьёт коленом в лицо, Изначальница пролетает через всю комнату и приземляется в папоротники.

СМЕНА КАДРА

КРУПНЫЙ ПЛАН — ИЗНАЧАЛЬНИЦА

У неё идёт кровь из носа и рта.

Изначальница (переводя дух): Так-то лучше! Мы уже кое-чего добились… эй! Куда…

ЗА КАДРОМ раздаются шаги, слышен звук открывающейся двери.

Изначальница выглядит встревоженной.

Хилди (небрежно, на бегу): Аааааа… чч…

Хлопает дверь.

ЗАТЕМНЕНИЕ

Я лишилась чувств прямо на острие вектора просветления Котёнка.

Отключилась всего на несколько секунд, за которые снова пережила особенно бесплодный эпизод из раннего периода моего Поиска; нечто вроде комикса в комиксе. Вот правда жаль, что у Крикуньи-Визгуньи Сабины нет яичек. Мой пинок пришёлся бы ей прямиком в духовный центр.

— То, что только что произошло, — сказала я Котёнку, пока он помогал мне подняться, — было самым мощным оргазмом за всю мою жизнь. Господи, Котёнок, по-моему, ты здесь кое-чего достиг! И это был только первый урок? Чёрт побери, запиши меня на весь курс! Хочу начать углублённое изучение прямо сейчас. Мне бы и во

сне не привиделось, что можно так кончить, и уж тем более с таким… землетрясением! Ух ты!

Я трепалась в этом духе ещё какое-то время и, вероятно, производила впечатление, будто прошло много-много лет с тех пор, как я впервые обнаружила, для чего нужен мужской хрен. Как вдруг сквозь золотую дымку неги пробился сигнал из реального мира — Котёнок нахмурился и изрёк:

— С тобой не должно было этого произойти. Весь смысл в просветлении, а не просто в физических удовольствиях.

— Прощай, — откликнулась я.

* * *

По крайней мере, Крикет был не склонен возражать против моего стремления к простым физическим удовольствиям. Да и заняли они у нас вовсе не пять часов. Первое из их множества мы испытали минут через пять после того, как начали, и Крикета оно настигло всё ещё одетым, только со спущенными до колен штанами. Потом мы немного угомонились и прекрасно провели остаток ночи.

Для меня это была первая ночь с мужчиной после Котёнка Паркера. Всё это время я даже не

думала о сексе.

Я больше не теряла сознание во время оргазмов, но они были особенными по другой причине. Когда мы наконец насытились друг другом, на мне была по-прежнему надета большая часть того, в чём я легла в постель, и вот почему: Крикету так понравилось.

Столь многие наши слова происходят из тех времён, когда, судя по всему, секс был ещё более запутанным, чем сегодня! (Каким бы невероятным это ни казалось.) Вот взять хотя бы "извращение". Как по мне, это звучит осуждающе, но в те времена мастурбацию называли самоуничижением, и мне не нравится сам вкус слова "мастурбация". Или вот "фетишизм", "зацикленность". Скажете, "сексуальные предпочтения" — нейтральные слова? Скорее пресные и безвкусные. Впрочем, называйте как хотите, всё равно нам всем нравится разное. Герцогу Боснии — боль, желательно от укусов. Фокс любит срывать всю одежду; а вот Крикету захотелось, чтобы она осталась на мне. Ему понравилось шёлковое, сатиновое и кружевное "исподнее" и пришлось по вкусу смотреть, как я снимаю отдельные предметы.

Особая прелесть была в том, что Крикет не знал, что ему это нравится. Он вообще мало что

знал. Он только учился быть мужчиной. И возможность помогать ему заново открыть себя приводила меня в трепет — такое испытываешь в жизни нечасто. Я могу припомнить всего три других случая, и последний из них представился лет семьдесят назад. К пятидесяти годам или около того уже совсем мала вероятность обнаружить новое предпочтение у себя или кого-либо другого.

— А я было начал считать себя приверженцем единственного пола, — поведал Крикет, когда мы вроде бы наконец успокоились. Я уткнулась головой ему в подмышку, рукой он медленно поглаживал меня по бедру, лёжа на спине, откинувшись на мои лучшие пуховые подушки. На животе он бережно удерживал чашку тёплого чая. Я встала, чтобы заварить ещё. Он наблюдал за мной, потягивая напиток маленькими глотками, и время от времени удивлённо вздыхал. Я приучила его давать отпить и мне, как только проведу ногтем по линии волос у него на животе.

— И вдруг будто что-то щёлкнуло, — произнёс он. Я слышала это много раз и раньше, но от звука его голоса ощутила умиротворение. — Что-то щёлкнуло в голове.

— Ум-гум, — откликнулась я.

— Вот только что щёлкнуло. Я говорил тебе, что спал и с женщинами. Это было забавно. И даже прекрасно. Оргазмы и всё такое прочее. Мне нравилось с женщинами, почти так же, как с мужчинами. Ну, ты знаешь?

— Ум-гум, — ответила я.

— Но как только я сменил пол, мне перестало везти с женщинами. Как будто что-то особенное пропало, понимаешь? Теперь это было не так, как раньше с парнями, даже можно сказать — не так, как было, когда я был женщиной. Я даже подумывал, не сменить ли пол обратно. Эта штуковина просто не доставляла мне достаточно удовольствия, — и он щёлкнул пальцем свою утомлённую новую игрушку. — Понимаешь?

— Ум-гум, — сказала я и немного передвинулась, чтобы прижаться щекой к его груди. Если мне и было на что жаловаться — то лишь на то, что, просматривая каталог мужских игрушек, Крикет выбрал свою из раздела "Самые большие". Не знаю, почему те, кто меняет пол впервые, так поступают: они ведь совсем недавно сами были девушками, так? А значит, должны знать, что больше не значит лучше, что здесь и вправду один размер подходит всем — но раз за разом я

видела, как многие люди совершали одну и ту же ошибку. Как будто срабатывает некое микрореле, и когда приходит время выбирать между большим хозяйством и огромным, великое множество новичков предпочитает больший размер за меньшие деньги. Неисповедимы пути человеческого разума, особенно когда дело касается секса.

— Но теперь что-то щёлкнуло, и я впервые, взглянув на женское тело, не подумал: "Чёрт возьми, какая хорошенькая", или: "Было бы забавно переспать с ней", или… в общем, ничего такого. Что-то щёлкнуло, и я захотел тебя. Именно тебя! Мне было необходимо взять тебя. — Он встряхнул головой. — Кто бы мог представить подобное?

Я мысленно заметила: "И правда, кто бы?" — но произнесла всё то же "ум-гум". А подумала о том, что, возможно, чуть позже мне нужно будет кое о чём шепнуть Крикету или, возможно, через какого-нибудь друга передать ему мысль об излишнем объёме. Безусловно, это мелкая жалоба на небольшое неудобство, но, без сомнений, в следующий раз с оборудованием нормального размера всё получится ещё лучше.

Я уже думала о следующем разе.

* * *

Больше не будет никаких отступлений, никаких сюжетов-врезок о Поиске Хилди.

Та малая часть из них, о которой я уже поведала, — самые информативные и поучительные, на остальные и смотреть нечего. Но я невзирая ни на что собиралась продолжать многотрудный путь по обшарпанным задворкам религии, философии и психотерапии. Почему? Ну-уу, на самом деле искомый ответ может и вправду оказаться где-то там. То, что после тысячи раздач вы остались с пустыми руками, ещё не означает, что на тысяче первой у вас не окажется флеш-рояль. И мне было неясно, почему бы "ответу", если он существует, не найтись среди чудиков точно так же, как среди более уважаемых, традиционных торговцев шарлатанским снадобьем. Чёрт побери, мне было кое-что известно об общепризнанных религиях и философиях, я наслышана о них уже сотню лет и они так ничего мне и не дали. Вот почему я охотнее пойду туда, где суют в руки змей, чем на собрание перцеров.

Была и ещё одна причина не бросать начатое. Несмотря на то, что я довольно сносно держалась на неделе, успешно занимая себя в "Техасце" и

в школе, выходные по-прежнему оставались шаткими и валкими. Если мне удалось создать впечатление, что Поиском занимается стойкая, циничная, уверенная в себе светская женщина — это впечатление ложное. Представьте взамен растрёпанную, расхристанную Искательницу с безумными глазами, подскакивающую от любого громкого шума, вечно ожидающую, когда её накроет чувство саморазрушения, и не уверенную, сможет ли она его распознать. Представьте женщину, которая видела, как ей в лицо летит пуля, чувствовала, как затягивается на шее петля, наблюдала, как кровь переливается через бортик ванны на пол. Здесь речь об отчаянии, ребята, оно вселилось в мой дом и привольно развалилось на диване каждым пятничным вечером, навязчивое, как самый незабываемый рекламный куплет, который вы когда-либо слышали.

Может, это сам Поиск так истрепал мне нервы? Меня посетила такая мысль, и однажды я осталась дома на выходных. Я не спала ни секунды ни в одну ночь, всё напевала без конца этот куплет.

Но были и хорошие новости: моего списка мест, которые надо посетить, и людей, которых требовалось повидать, теперь хватало по меньшей мере лет на пять, притом что я добавляла в него

новые открытия почти в таких же объёмах, в каких вычёркивала пункты. И я чувствовала, что смогу продержаться, пока есть ещё хоть один сумасброд, с которым нужно побеседовать, и ещё хоть один куплет "Великой благодати", который надо пропеть в очередной задрипанной молельне.

Так что, возможно, Бог и вправду приглядывал за мной. Главную опасность, как мне казалось, представляло то, что Он мог уморить меня скукой, прежде чем я закончу.

Наши страсти улеглись, Крикет наконец перестал говорить мне о том, как что-то щёлкнуло, мы долго спокойно лежали в обнимку, но спать никому особо не хотелось. Он был слишком возбуждён новым миром, который открылся перед ним, а я думала думы, давно не посещавшие меня.

Крикет положил руку мне на подбородок, и я взглянула на него.

— Тебе правда здесь нравится, не так ли? — спросил он.

— Мне здесь очень нравится, — потёрлась я носом о его грудь.

— Нет, я имел в виду…

— Знаю я, что ты имел. — Я поцеловала его в шею, уселась и взглянула ему в лицо. — Я на-

шла здесь своё место, Крикет. Я занимаюсь тем, что мне нравится. Возможно, здешний народ и неудачники, но и они мне нравятся, и их дети тоже. И я нравлюсь им. Поговаривают даже, не выдвинуть ли мою кандидатуру на выборах мэра Нью-Остина.

— Да ты шутишь.

Я рассмеялась:

— Конечно, и речи быть не может, чтобы я согласилась. Меньше всего на свете мне хотелось бы быть политиком. Но я тронута тем, как обо мне думают.

— Ну-у, должен признать, это место тебе по душе, — произнёс Крикет и похлопал меня по животу. — Похоже, ты набрала здесь вес.

— Слишком много бобов с чили, китайская кухня да яблочные пироги.

И чересчур много Котёнка Паркера. А этот ублюдок ещё говорил мне, что мы не должны были извлечь из урока никакого удовольствия.

— Похоже, тебе удалось удивить меня, — признался Крикет. — Я и вправду думал, у тебя неприятности. И по-прежнему думаю, что это так, но не в том смысле, как мне казалось.

(Ты и половины правды не знаешь, детка, — подумала я.)

— Даже не припомню, когда видел тебя такой счастливой, такой… сияющей.

— А как давно ты сменил пол?

— Примерно месяц назад.

— Кое в чём вместо тебя говорит твой елдак, дурачина. Ты всё ещё видишь мир в розовом свете. Это называется похотью.

— Возможно. Но лишь отчасти. — Он взглянул на ноготь большого пальца. — О… послушай, я не собирался здесь ночевать…

— Можешь ехать домой, если хочешь, — махнула я рукой и подумала: "Вот свинтус".

— Нет, я как раз хотел спросить: можно мне остаться? Только надо позвонить няне, а то уже поздно.

— У тебя няня — человек?

— Для малютки Бастера — всё по высшему разряду.

Я поцеловала его и встала, а он принялся звонить. Я разделась окончательно, пока Крикет шептался у меня за спиной, и шагнула за порог.

Привычки долго спать у меня не было. И хотя ночи обычно бывали холодными, я часто проводила их, бродя голышом под луной. Если Крикет думал, будто я счастлива, он был не прав: самое большее, я могла утверждать, что здесь

чувствовала себя счастливее, чем в любом другом месте, которое могла бы вообразить — и ближе всего подступала к счастью как раз во время этих ночных прогулок. Иногда я пропадала на улице часами, возвращалась вся в мурашках и ныряла под одеяло. И под его уютным теплом мне быстро удавалось погрузиться в сон.

Но этой ночью я не смогла отлучиться надолго. Только отметила, что лунного света будет достаточно для Крикета, чтобы разглядеть, если понадобится, где отхожее место — и поспешила обратно.

Он уже заснул. Я обошла комнату, гася лампы, зажгла свечу и приблизилась к постели. Уселась осторожно, чтобы не разбудить его, и долго-долго смотрела при свете свечи на его сонное лицо.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Торжество в память о Двухсотлетней годовщине Вторжения на Землю я назвала бы хитрейшей за весь век проделкой служб по связям с общественностью. Когда Уолтер впервые вызвал меня и Бренду к себе в кабинет, чтобы поделиться своей идеей серии статей о Вторжении, я рассмеялась ему в лицо. А теперь, спустя ровно год, каждый политик на Луне старался заявить, что вся затея пришла в голову именно ему.

Но я-то знаю, что за всё в ответе только один человек, и зовут его ГлавВред Уолтер.

Мы с Брендой сыграли отведённые нам маленькие роли. Статьи были хорошо приняты публикой, и я даже получила где-то грамоту от гражданской организации (запамятовала, то ли это был Кивани-клуб[74], то ли Фонд популяризации знаний) за высокие достижения в журналистике. Но почву для предстоявшего через

---

[74] Примечания: 74

Кивани-клубы (Kiwani) существуют по всему миру и объединяют преуспевающих бизнесменов; кивани занимаются благотворительностью и общественной деятельностью. Основные принципы их работы — честность и соблюдение "золотого правила" (одной из древнейших нравственных заповедей: поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе).

год события подготовила пиар-компания, которую Уолтер нанял на собственные средства. Ко времени убийства Сильвио внушаемые чувства созрели для публичного проявления. По большому счёту предстоящее мероприятие нельзя было назвать торжеством: этим днём своей истории человечество не может гордиться. Совершенно точно должно было состояться поминовение миллиардов погибших. Общими настроениями события должны были стать печаль и решительность, с этим соглашались все. Но кого ни спроси, на что мы решаемся — не на то ли, чтобы отбить обратно Землю и искоренить Пришельцев, не это ли подразумевается? — в ответ люди со стеснённым видом пожимают плечами. И всё же, чёрт побери, нам следует быть решительными! Да, чёрт возьми, почему бы нет? Решительность ничего не стоит.

Тем не менее торжество предстояло. Оно надвигалось, разрастаясь как снежный ком — и никто не поднимал голоса против (снова умелая рука Уолтера!), — пока наконец ко времени наступления Великого Дня даже самые занюханные из лунных сообществ не запланировали провести хоть какую-то тусовку.

Даже в Техасе, хотя мы со всем возможным

тщанием избегали новостей из внешнего мира, намечалось барбекю, не менее пышное, чем в День города Аламо. Мне было жаль пропускать его, но я пообещала Бренде, что пойду с ней, к тому же… там, куда она пригласила, будет Крикет.

Да, дорогие мои, Хилди влюбилась. Только, пожалуйста, воздержитесь от аплодисментов, пока я не выясню, взаимно ли.

* * *

Все Восемь Миров отмечали памятный день; на самом деле, Плутон и Марс даже учредили на веки вечные ежегодный праздник, который отныне будет известен как День Вторжения. Заключались пари, скоро ли и Луна последует их примеру. А Луна, самая населённая планета, терпеть не могла следовать в чём бы то ни было ни за каким из других семи миров, так что, будучи самым густонаселённым из них и Прибежищем Человечества, а также Планетой на Переднем Крае и Бастионом Человеческого Рода — не говоря уже о статусе Первого Кандидата на Показательную Порку, если вдруг Пришельцы когда-либо решат продолжить то, что начали… Луна, будучи всем этим и даже большим, твёрдо решила устроить грандиознейшее и самое-пре-

самое из всех восьми празднеств. Кинг-сити как крупнейший лунный город, естественно, был выбран центром Главного События планетарного масштаба, а поскольку Парк Армстронга раз в двадцать превосходил размерами Диснейленд студии "Юниверсал", уничтоженный на Земле, казалось само собой разумеющимся провести это событие в нём. Именно туда я и направлялась прекрасным Солнечным Вечером, хотя единственное, чего мне по-настоящему хотелось, это прогуляться вниз по Конгресс-стрит под ручку с Крикетом, угоститься с ним на пару сахарной ватой и, может быть, сыграть в "поймай яблоко ртом".

И да, конечно же, это было никакое не торжество, но что за праздник без фейерверка?

И единственным доводом, который убедил меня согласиться на него пойти, было обещание Бренды, что я смогу увидеть всё интересное на безопасном расстоянии от беснующейся толпы. Фейерверки сами по себе меня не пугали; они мне даже нравились, а вот орды посторонних были невыносимы.

Однако путешествие на поезде меня почти прикончило. Мы специально решили выехать пораньше, чтобы избежать давки в вагонах, но

то, до чего может додуматься один гений, всегда может повторить другой — так что поезда были битком набиты людьми, которым пришла в голову та же светлая мысль. Хуже того, эти люди намеревались терпеть лишения и неудобства лунной поверхности за пределами восьми гигантских временных куполов, возведённых специально ради предстоящего зрелища, так что они везли с собой туристическое снаряжение. Проходы и багажные полки были забиты ручными тележками, охладителями для пива, надувными пятиместными палатками, а ещё на каждую семью в вагоне приходилось 3,4 ребёнка. Сделалось так тесно, что маленьких детей подняли над головами и просунули в ремённые петли, где они болтались и хихикали. Дальше стало ещё хуже. Поезд перестал открывать двери на вход задолго до того, как прибыл в Парк Армстронга. Я должна была сойти за три остановки до парка, но вскоре увидела, что никакими силами не пробьюсь к выходу, так что проехала до конечной — в ужасе созерцая, какая толпа уже собралась там, — затем была подхвачена неостановимой людской волной и вынесена прочь, снова села в вагон, уже опустевший, и вернулась на станцию "Дионис".

Там я опустилась на скамью, бросила рядом с собой скафандр и корзину для пикника и некоторое время просто сидела и тряслась, глядя, как пролетает мимо дюжина скоростных консервных банок: набитых людьми под завязку — в одном направлении и пустых — в противоположном. Затем подхватила поклажу и поднялась по лестнице, ведущей на поверхность.

Вернувшись домой после игр с альфийцами, я обнаружила свой скафандр в хижине, в изножье кровати. Понятия не имею, кто его туда принёс. Но он был мне больше не нужен, так что однажды в субботу я отнесла его обратно в магазин. Думала, там починят забрало и продадут скафандр со скидкой. Но едва продавец взглянул на дырку — как, не дав мне и слова объяснения сказать, потащил к директору магазина, а тот упал замертво от ужаса. Ни один, ни другой в жизни не видели разбитого забрала. Так что я прикусила язык и вскоре стала гордой владелицей самой совершенной модели из ассортимента магазина, плюс бесплатный запас воздуха на пять лет, в подарок от компании "Хэмилтон", поставщика снаряжения для активного туризма. Никаких заявлений я не делала, отказа от ответственности не подписывала; всем в магазине просто хотелось, чтобы

я всё это взяла. Возможно, они до сих пор ногти грызут от страха перед судебным иском.

Я забралась внутрь шедевра инженерии, и восхитительный запах новенького скафандра начал медленно-медленно меня успокаивать. Я опасалась, что он вызовет совсем иные ассоциации — как насчёт забавных крохотных кусочков забрала, отлетающих прочь? — но вместо этого тихое жужжание и гудение вкупе с роскошным ощущением новой вещи сотворили со мной чудеса. Жаль, что скафандр не разрешается надевать в поезде; в такой броне, как моя, всё было бы нипочём!

Я проверила, герметично ли закрыта корзина, прошла в шлюз и выбралась на поверхность Луны.

* * *

— Давно ждёшь? — спросила я.

— Пару часов, — ответила Бренда.

Она стояла, опираясь на борт арендованного лунохода, на котором приехала из пригорода Кинг-сити, ближайшего места, где можно было взять луноход напрокат. Я извинилась за опоздание, рассказала о кошмаре в вагоне и о том, как раскаиваюсь, что не поехала с ней, а отправилась

поездом "из экономии времени".

— Да не переживай ты, — успокоила она. — Мне здесь нравится.

Об этом можно было догадаться по её скафандру, хорошей модели и без прокатного клейма. Хоть он и был в отличном состоянии, всё равно были заметны лёгкие признаки износа, которые появляются только от регулярного использования. А ещё было видно, как легко и привычно Бренде в нём стоять и двигаться — большинство жителей Луны проводят в скафандре недостаточно времени, чтобы приобрести такую привычку.

Луноход тоже был неплох: с кузовом-пикапом, двумя сиденьями впереди и плоским ложем сзади. Я закинула туда свою корзину, в прибавку к внушительной куче вещей Бренды. У таких планетоходов широкая колёсная база, чтобы компенсировать вес массивной панели солнечных батарей на крыше. Панель постоянно вращается, ловя солнце, но ко времени нашей встречи оно почти зашло за горизонт, так что у машины был весьма несуразный вид. Панель свисала с правой стороны перпендикулярно земле, совершенно загораживая дверь, и мне пришлось карабкаться на своё место через сиденье Бренды.

Наконец я устроилась в луноходе и спросила:

— Забыла, нам придётся выезжать на солнечную сторону, чтобы добраться до места?

— Не-а. Заберём слегка к югу, а потом всю дорогу солнце будет светить в спину.

— Вот и хорошо.

Терпеть не могу ездить с выставленными вперёд панелями. Не то чтобы не доверяю автопилоту, просто хочется видеть, куда еду.

Бренда скомандовала луноходу тронуться с места, что он сделал без промедления и двинулся по широкой ровной трассе. Мы потому и выбрали станцию "Дионис" местом встречи, что она расположена прямо на одной из немногих проложенных снаружи Луны дорог. Колёсный транспорт — далеко не основной на лунной поверхности. По планете перемещаются на подъёмниках, экскаваторах, конвейерных дорогах, поездах на магнитной подвеске, пользуются метро и изредка автобусами на воздушной подушке. Теми же путями перевозят грузы, а ещё есть пневмопочта, линейный ускоритель заряженных частиц со свободной траекторией и ракеты. Повальное увлечение двух- и четырёхколёсными луноходами началось недавно, но вся эта техника мощная и вездеходная, дороги ей не нужны.

Трасса, по которой мы ехали, сохранилась со

времён добычи полезных ископаемых, прекратившейся ещё до моего рождения. Там и сям на обочине попадались скопления брошенных рудовозов — механических мастодонтов, не слишком сильно изменившихся с тех пор, как их демонтировали и оставили здесь. По какой-то экономической причуде того времени специально для них по поверхности проложили идеально ровную дорогу. Последние полвека её использовали как перевалочный пункт между Кинг-сити и его крупнейшей свалкой. Дорога по-прежнему оставалась гладкой, как стекло, ехать по ней было непривычно ново.

— Эта штуковина катится без удержу, правда? — сказала я.

— Разгоняется до трёх сотен тысяч на прямых участках, — подтвердила Бренда. — Но перед поворотами замедляется, особенно перед левыми.

Это потому, пояснила она, что на восходе и на закате центр тяжести планетохода расположен наихудшим образом, громадная панель на боку почти переворачивает машину. К тому же дорога идёт под уклон, что тоже не здорово, а поскольку мы собираемся задержаться на поверхности дотемна, пришлось захватить десять батарей, что значительно увеличило инерцию — так, что

она легко может вынести нас в кювет, поскольку сцепление шин с дорогой не самое лучшее. Бренда изложила мне всё это с видом знатока своей машины, будто бы она уже не раз проезжала здесь на ней. Я даже задалась вопросом, не водит ли она луноход.

И получила ответ, когда мы свернули с дороги и Бренда спросила, не возражаю ли я. На самом деле возразить хотелось — мы не привыкли доверять свою жизнь другим людям, полагаемся только на технику — но я сказала, что нет. И беспокоиться мне оказалось не о чем. Бренда правила уверенно, твёрдой рукой, не делала глупостей и ни разу не отклонила руль сверх необходимого. Мы устремились через низменность к возвышавшемуся краю кратера Деламбр. Он как раз показался над горизонтом.

Как только мы достигли подножия пологого склона, прямо перед нами приземлился полицейский автомобиль с включённой мигалкой. Из него вышел коп и направился к нам. Должно быть, он здорово соскучился — мог бы сделать запрос по радио или просто обратиться к нашему компьютеру.

— Вы вступаете в зону ограниченного доступа, мэм, — предупредил он.

Бренда предъявила пропуск, полученный от Лиз, и коп внимательно изучил его, затем её.

— Мог я видеть вас по телеку? — спросил он, и она ответила, что вполне мог. На что он сказал: конечно, в такой-то и сякой-то передаче, ну надо же! Он заявил, что передача ему понравилась, Бренда изобразила смущение и сообщила, что ей чертовски приятно это слышать… К тому времени, как он наконец разрешил нам проехать, флиртовал он уже так отчаянно, что я убедилась: мы спокойно могли бы обойтись и без пропуска. Коп даже попросил у Бренды автограф — и она его даже дала.

— Я уж думала, он телефон у тебя попросит, — сказала я, когда он в конце концов отвалил.

— Возможно, я бы ему не отказала, — улыбнулась Бренда. — Частенько подумываю, не дать ли парням шанс.

— Ты достойна лучшего парня.

— Нет, поскольку ты сменила пол.

С этими словами она дала по газам, и мы, подняв тучи пыли, вскарабкались на закруглённый край кратера.

* * *

Деламбр — не такой огромный кратер, как Клавий, Пифагор или любая из небесных пулевых дырок на обратной стороне Луны, но и он довольно велик. Когда стоишь на одном его краю, другого не видно. Для меня это значит: весьма большой.

При всём при том он не отличался бы от сотен других, если бы не одно обстоятельство: в нём свалка.

На Луне много чего перерабатывается. Нам так приходится; собственные природные ресурсы у нас весьма скудны. Однако мы по-прежнему остаёмся цивилизацией, движимой рыночной экономикой. Иногда избыток дешёвой энергии вкупе с низкой стоимостью подъёма крупных партий сырья на медленные орбиты делает чертовски неэффективной и нерентабельной сортировку и переработку многих вещей. Были потеряны целые состояния, когда крупнотоннажный танкер с X тоннами минерала прибыл из шахт Ио. Он тайно летел сюда тридцать лет, замаскированный под комету из облака Оорта и так же отмечаемый в дневниках наблюдений. Рыночная стоимость этого минерала внезапно

рухнула ниже некуда, и прежде чем мы что-либо поняли, его стало нельзя вернуть отправителю, так что его отвезли стотонным мусоровозом в Деламбр. Добавьте сюда радиоактивные отходы с периодом полураспада двести тысяч лет в цилиндрических контейнерах с пятивековой гарантией прочности. Не забудьте бросить сюда же ненужные машины, некоторые без пригодных к дальнейшей работе деталей, другие — всё ещё в рабочем состоянии, но безнадёжно медленные и не стоящие разборки. Оставьте здесь это всё, приправив уродливой керамикой, которую вы принесли маме из школы, когда вам было восемь; той пачкой голографических фотографий, что вы хранили семнадцать лет и уже не помните, кто на них запечатлён; в прибавку к подобного рода сокровищам миллионов других людей. Сверху присыпьте бесполезными вещами из всех канализационных стоков внутри Луны и добавьте достаточно воды, чтобы всё прошло по трубопроводу. Жарьте на максимальной мощности четырнадцать дней, ещё четырнадцать дней замораживайте; повторяйте так две сотни лет, добавляя ингредиенты по вкусу — и вы получите представление о том, как выглядел торт, представший перед нашими взорами внутри

Деламбра.

На самом деле кратер ещё не заполнен, просто он так выглядит с западного края.

— Сюда, — сказала Бренда. — Здесь мы договорились встретиться с Лиз.

Я заметила на горизонте пятнышко — ещё один планетоход на ободе кратера.

— Дашь мне порулить? — попросила я.

— А ты умеешь водить? — вопрос не праздный; большинство жителей Луны не умеют.

— Во времена бесшабашной юности я участвовала в Экваториальных гонках. Одиннадцать тысяч километров и совсем мало ровных участков, — и не обязательно уточнять, что примерно на четверти дистанции я сожгла трансмиссию.

— А я тебе лекцию читала, как управлять луноходом. Почему ты никогда мне рот не затыкаешь, Хилди?

— Тогда я лишилась бы доброй половины забавных историй.

Я переключила управление с американского на британский манер и тронулась с места. С тех пор, как я последний раз водила машину, миновало много лет. Было так забавно! Подвеска у лунохода хорошая; я всего пару-тройку раз оторвалась от поверхности, а гироскопы не дали нам перевер-

нуться. Увидев, как Бренда вцепилась в панель, я сбросила газ.

— Из тебя не выйдет гонщик, — заметила она. — Плавно водишь.

— Я никогда не хотела быть гонщиком. И уж тем более трупом.

* * *

— Чувствую себя скаутом, — поделилась я с Брендой, помогая ей расправлять палатку.

— Что в этом плохого? Я завоевала все знаки отличия за покорение поверхности.

— Ничего плохого. Я тоже была отличницей, только девяносто лет назад.

Она вовсе не так давно вышла из скаутского возраста и до сих пор воспринимала скаутство серьёзно. Я бы просто дёрнула за пусковой тросик и оставила всё на самотёк, а Бренда проявила фанатичную заботу об экономии энергии: провела провод от солнечной панели лунохода к элементу питания палатки, как будто реактор не способен был продержаться полмесяца на собственных ресурсах. Когда наконец палатка была расправлена, по мнению Бренды, достаточно, только тогда она потянула тросик, сооружение встрепенулось и захлопало, наполняясь воздухом, и через десять

минут перед нами предстала пятиметровая прозрачная полусфера… которая тут же покрылась изнутри инеем.

Бренда опустилась на четвереньки и заползла в куполообразный шлюз, я поспешила застегнуть за ней дверь, чтобы избавить от необходимости шарить позади себя, а она сообщила, что у этой модели застёжки закрываются сами, так что со времён моего детства произошёл существенный прогресс. Бренда занялась настройкой подачи и температуры воздуха, а я тем временем перенесла одеяла, подушки, термосы и остальные наши вещи в шлюз — стараясь свернуть их покомпактнее и брать побольше за раз, не стоило разбазаривать воздух, слишком часто открывая застёжку двери. Затем мне пришлось подождать снаружи, пока Бренда затаскивала всё внутрь и выставляла температуру, давление и влажность в основном помещении палатки. Когда я наконец тоже оказалась там и сняла гермошлем, было ещё холодновато. Я написала пальцем по инею своё имя, как когда-то давно делала в походах; вскоре иней растаял, выпала роса… и наконец купол как будто исчез.

— Давненько же это было, — произнесла я. — Я рада, что ты привезла меня сюда.

В кои-то веки Бренда прекрасно поняла, о чём речь. Она перестала возиться с вещами, встала рядом со мной, и мы молча предались созерцанию окружающей красоты.

На Луне любая красота окажется суровой. На много миль вокруг не увидишь ничего благожелательного или утешительного, совсем как в Западном Техасе. И это был лучший способ любоваться такой красотой — через невидимый потолок палатки, как будто бы мы стояли на чёрном пластиковом круге прямо посреди безвоздушного пространства.

К тому же время дня как нельзя лучше подходило для созерцания; я имею в виду, время Лунного Дня. Солнце совсем приблизилось к горизонту, и тени казались бесконечно длинными. Что было к лучшему, поскольку половину открывавшегося вида занимала величайшая свалка планеты. Такие тени создают забавное впечатление. Если вы никогда не видели снега, отправляйтесь в Пенсильванию на ближайший запланированный снегопад и полюбуйтесь, как снег преображает большинство банальных — и даже уродливых — пейзажей в волшебные ландшафты. Так действуют и солнечные лучи на лунной поверхности. Резкие и яркие, как

бриллиант, они зажигают яростным светом всё, к чему прикасаются, но ничего не разрушают; в неподвижной безмятежности миллиарды осколков света и тьмы превращают самый банальный предмет в огранённую драгоценность.

На запад мы не смотрели; там свет слепил глаза. На юге перед нашими взорами предстала холмистая местность: справа от нас она постепенно сглаживалась, слева громоздились бесконечные груды мусора. Прямо на востоке был край кратера Деламбр, а на севере, почти за милю от нас, вздымался остов "Роберта А. Хайнлайна" — заброшенного недостроенного межзвёздного корабля.

— Как думаешь, им не трудно будет нас найти? — спросила Бренда.

— Лиз и Крикету? Вряд ли. Здесь же торчит старина "Хайнлайн". Не промахнёшься.

— Вот и мне так показалось.

И мы принялись за мелкие домашние хлопоты: надули мебель, расстелили коврики. Бренда показала мне, как устанавливать ширму, разделяющую палатку на два не слишком изолированных помещения, как обращаться с маленькой походной плиткой. Пока мы со всем этим возились, представление началось. Но ничего страшного; оно предстояло долгое.

Мне пришлось признать, что художник-постановщик прекрасно справился со своей задачей. Всё это затевалось как дань памяти миллиардам погибших на Земле, не так ли? И на широте Парка Армстронга Земля оказывается прямо над головами зрителей, правильно? А если начать представление на закате, в небе будет яркий полумесяц Земли. Так почему бы не сделать Землю центром и темой небесного зрелища?

Если совсем чуть-чуть подсуетиться, можно начать торжество, когда Луна окажется напротив бывшего Меридиана смены дат. А теперь представьте: Земля вращается, и одна за другой на свет нового дня выплывают её бывшие страны. Когда появляется каждая из них…

Нас озарил красный свет флага Сибирской Республики, стокилометрового прямоугольника, висевшего достаточно высоко, чтобы закрыть полнеба.

— Ух ты, — выдохнула Бренда и раскрыла рот.

— Ух ты — ух ты, — произнесла я и закрыла свой. Флаг ярко сиял в вышине почти минуту, потом рассеялся и погас. Мы кинулись к Брендиному портативному приёмнику, поспешно включили его, повесили большие колонки по обеим сторонам палатки — и успели к самым

первым аккордам гимна "Боже, храни Новую Зеландию", а в небе над нами уже развевался новозеландский флаг.

И в таком духе должны были пройти ближайшие восемнадцать часов.

Когда приехала Лиз, она рассказала нам, как всё было сделано. Флаги представляли собой сетчатые конструкции, их помещали в большой контейнер и запускали в небо с одной из двух пиротехнических баз: "Бейлор-Эй", примерно в сорока километрах к югу от нас, или "Хайапатия и Торичелли", на востоке. Как только оболочка достигала нужной высоты, она лопалась, ракеты выбрасывали горючий материал, и с помощью радиосигнала его поджигали. Всё чётко.

Как горят фейерверки в вакууме? Не спрашивайте меня. Знаю только, что ракетное топливо содержит окислитель, так что, думаю, сработала некая химическая магия вроде этого. Тем не менее она сработала и привела нас с Брендой в полный восторг, а сидели мы не далее чем в пятидесяти километрах от мощной огневой базы в Бейлоре, намного ближе, чем несчастные провинциалы в Парке Армстронга, которые, возможно, думали, что видят потрясающее зрелище. И кому какое дело до того, что с нашей выигрышной позиции

флаги выглядели немного искажёнными, как будто трапециевидными? Мне — точно никакого.

Бренда оказалась настоящим кладезем информации о сегодняшнем шоу.

— Было решено, что таким странам, как Вануату, нет смысла уделять столько же времени, как, скажем, России, — сообщила она (как раз тогда, когда мы смотрели на ужасный флаг Вануату и слушали их невероятный государственный гимн). — Так что большим государствам с богатой историей отведена большая часть представления. Например, Сибирской Республике, она была частью какой-то другой страны…

— СССР, — подсказала я.

— Точно. Здесь так и написано, — развернула перед нами Бренда подробную программу празднества. — Для неё изготовили несколько флагов — флаг царской империи, другой исторический материал…

— …и включили запись "Интернационала".

— И народной музыки, так же как для Новой Зеландии.

Почти о том же вещал отдельный радиоканал, там излагали историю каждой страны, адаптированную для неграмотных. Я выключила его, оставила только музыку, и Бренда не стала воз-

ражать. Я бы с радостью выключила и телевизор — Бренда повесила большой телеэкран на южную стену, — но хозяйке палатки, похоже, нравилось смотреть, как веселится публика в Парке Армстронга и во всех крупных лунных городах, где шли другие торжества, так что шут бы с ним.

Если достанете земной глобус, вы быстро заметите серьёзный изъян программы, основанной на вращении Земли. В первые шесть часов в поле зрения окажутся лишь несколько дюжин стран. Даже если полностью пересказать историю Китая или Японии, это всё равно не займёт всё отведённое время, а многое ли можно поведать о Науру или Соломоновых островах? Зато когда заря взойдёт над Африкой и Европой, пиротехники запыхаются сильнее, чем одноногий спортсмен на соревновании по пинкам под зад.

Но не стоит беспокоиться. Когда флаги закончились, тогда и была пущена в ход тяжёлая артиллерия.

С тех пор, как в небесах впервые засияло то красное знамя, они уже больше не темнели.

Стреляли и обычными зарядами, дававшими звездообразные вспышки всех цветов радуги. Воздух не препятствовал их полёту, что позволяло запускать фейерверки с ювелирной точностью

— в чём, в чём, а в баллистике жители Луны толк знают. По той же причине вспышки были идеально симметричны.

Вам хочется большего? В вакууме можно создавать эффекты, никогда не виданные на Земле. С помощью гигантских газовых баллонов можно временно создать над определённым местом разрежённую атмосферу, позволяющую вытворять фокусы с ионизацией. Нас порадовали завесами полярного сияния, прозрачными, будто акварельными, разноцветными мазками: всё небо то становилось синим, красным, жёлтым, то мерцало волшебными огоньками. Разрывы шрапнельных снарядов выбросили множество крутящихся дисков, размером не больше монетки — когда по ним скользили лучи прожекторов, они вспыхивали ярче, чем когда-либо сияли над Луной звёзды; затем их подорвали лазером.

Вам всё ещё мало? Тогда как насчёт парочки ядерных ракет? В программке у Бренды говорилось о более чем сотне особых плутониевых зарядов, в среднем по одному взрыву на каждые десять минут представления. Подрывали эти боеголовки на орбите и тем самым заставляли детонировать буквально тысячи обычных пиропатронов в радиусе более тысячи километров.

Первая бомба взорвалась, когда закончился национальный гимн Вануату, и у нас даже зубы зазвенели, а потом взрывы загрохотали один за другим. Великолепно!

И не думайте, что я ничего не слышала! Вот вы жалуетесь, мол, звук не распространяется в безвоздушном пространстве. Он-то нет, конечно, но радиоволны ещё как распространяются, и вы, скорее всего, никогда не слушали Брендин первоклассный приёмник на максимальной громкости. Тем бедолагам, что смотрели на фейерверк в атмосфере, приходилось ждать, пока звук до них долетит, и они успевали подготовиться; мы же слышали грохот взрывов тут же, без предупреждения: вспышка болезненно яркого света — и ба-БАААААААХ!

Иногда единственный приемлемый вариант — это крайняя неумеренность.

* * *

— Говорят, здесь привидения водятся.

Нас только что попотчевали государственным гимном Палау, и с неба постепенно исчезал их флаг (большой жёлтый круг на голубом поле, если вы дома ведёте записи), а до нас внезапно дошли две вещи. Первая — от крайней неумеренности

хотя бы время от времени нужно отдыхать, иначе это уже… ну да, крайность. На протяжении трёх последних ядерных взрывов мы не обменялись с Брендой ни одним "ух ты", и я подумывала, не предложить ли переключиться на "Горячий сороковник" примерно на часок. Думаю, я как-нибудь переживу, что пропущу исполнение гимнов Negara Ku ("Моя страна"; Малайзия) и Sanrasoen Phra Barami ("Славься, славься, наш король! Будь благословен, король! / Ныне сердцем и душой Мы склонимся пред тобой!", слова сочинил Его Королевское Высочество принц Нарисара Нувадтивонгс). А вторая — Лиз и Крикет опаздывают уже на три часа.

— И кто так говорит? — поинтересовалась я, грызя ножку Лучшего в Западном Техасе Жареного Цыплёнка от Хилди. Голод пересилил все правила приличия; Бренда тоже слямзила пару кусочков, и чтоб Лиз и Крикету пусто было! Я поглядывала и на пиво в охладителе, но никто из нас не хотел напиться слишком рано.

— Ты знаешь, кто, — ответила Бренда. — "Они". Твой первоисточник новостей.

— Ах, "они"…

— А хотя, если серьёзно, я слышала это от многих из тех, кто посещал старину "Хайнлайна".

Они говорят, что видели привидения.

— Это Уолтер тебя надоумил, не так ли?

— Я говорила с ним об этом. Он считает, здесь есть о чём написать.

— Конечно, есть, но для этого вовсе не обязательно тащиться сюда и брать интервью у призрака. Подобные истории просто пишутся от себя. Уолтер наверняка так тебе и сказал.

— Да, сказал. Но эта история не из тех, что ты обычно пишешь, лишь бы страницу заполнить, Хилди. Я знаю, о чём говорю. Некоторые из тех, с кем я беседовала, были напуганы.

— Ой, да ладно!

— Я даже приходила сюда с хорошей камерой. Думала, вдруг удастся что-то заснять.

— Брось! Думаешь, фотоотдел в "Вымени" даром свой хлеб ест? Они там как раз для того, чтобы фабриковать такие снимки.

Бренда сразу не нашлась, что ответить, и какое-то время мы молча смотрели на очередные призрачные флаги в небе. Я поймала себя на том, что пялюсь на "Хайнлайн". Нет-нет, я не суеверна, просто до омерзения любопытна.

— Так ты поэтому часто ночуешь на поверхности? — спросила я. — Статья того не стоит.

— Я ночую… о, нет! — возразила Бренда и рас-

смеялась. — Я просто всю жизнь по поверхности брожу. Мне здесь так… спокойно.

И снова повисло долгое молчание, нарушали его лишь ядерные взрывы снаружи да бормотание приёмника на минимальной громкости. Наконец Бренда встала и подошла вплотную к невидимой стенке палатки. Прислонилась к ней лбом. И, озарённая красным отсветом ракет, она поведала мне нечто, чего я была бы счастлива никогда не слышать.

— С самого первого дня, как мы познакомились, — начала она, — я думала, что смогу рассказать тебе кое-что, о чём никому больше не говорила. Ни одной живой душе. — Она обернулась ко мне. — Если не хочешь выслушивать, пожалуйста, скажи об этом сейчас, ведь я как начну, когда начну, то уже не смогу остановиться.

Если вы способны приказать ей заткнуться, я знать вас не желаю. Мне не нужны были её откровения, я этого не хотела, но когда друг просит вас о чём-то подобном, вы должны согласиться слушать, и никак иначе.

— Давай, поехали! — откликнулась я и взглянула на часы. — Не хочу пропустить государственный гимн Лаоса.

Бренда улыбнулась и снова отвернулась к лун-

ным просторам.

— Когда ты впервые меня встретила… нет, позже, когда я первый раз пришла за тобой в Техас, ты, наверное, заметила у меня кое-что необычное.

— Вероятно, ты имеешь в виду отсутствие гениталий. Да, в этом плане я наблюдательна.

— Так вот. Ты когда-нибудь задумывалась, почему?

Задумывалась ли я? На самом деле не особо.

— А… ну, я решила, что это могло быть по каким-то религиозным или культурным соображениям, как-то связано с убеждениями твоих родителей. Помню, как отметила, что не слишком хорошо так поступать с ребёнком, но решила, что это не моё дело.

— Да. Не слишком-то хорошо. И это вправду связано с моими родителями. С отцом.

— В отцах я не очень разбираюсь, — произнесла я, всё ещё надеясь, что Бренда передумает. — Я — как многие другие; мама никогда не говорила мне, кто мой отец.

— А я своего отца знала. Он жил и с мамой, и со мной. Начал насиловать меня, когда мне было лет шесть. У меня никогда не хватало духу спросить у матери, знает ли она об этом, я даже

не подозревала, что это неправильно, думала, так и должно быть.

Она стояла прямо, смотрела на лунную поверхность и изливала душу — но спокойно, совершенно спокойно, без тени слёз.

— Не знаю, как я узнала, что у моих друзей дома так не принято, наверное, начала рассказывать им и что-то заметила: как изменилось их отношение, как они начали ужасаться, — что-то, что заставило меня заткнуться и молчать по сей день. Но то, что творилось, продолжалось год за годом, и я хотела было выдать его полиции, знаю, ты удивляешься, почему я этого так и не сделала, но он был моим отцом и любил меня, и я думала, что люблю его. Но мне было стыдно за нас, и когда мне исполнилось двенадцать, я пошла и… удалила свою… избавилась от неё и зашилась наглухо, чтобы он больше не лез в меня, и я знаю, что уполномоченная по правам несовершеннолетних, которая разрешила мне сделать это, несмотря на папины возражения, догадывалась, в чём дело, потому что она всё время говорила, что я должна выдвинуть обвинения, но всё, чего я хотела, это чтобы он остановился. И он отвалил, с того дня больше ни разу меня не касался, даже разговаривать почти перестал, раз

уж на то пошло. Так что я не знаю, почему некоторые женщины предпочитают общество других женщин, но я — поэтому, потому что не могла выносить самцов, и только когда встретила тебя, ну, совсем скоро после того, как встретила, я очень сильно, безумно в тебя влюбилась. Но ты была парнем, и это сводило меня с ума. Пожалуйста, не переживай из-за этого, Хилди, я справилась, я знаю, что есть вещи, которых просто никогда не может быть, и одна из них — чтобы мы были вместе. Я слышала, как ты говоришь о Крикете, и мне следовало бы ревновать, потому что мы с ней занимались любовью — но это было просто так, не всерьёз, к тому же Крикет теперь тоже парень, и я от души желаю вам счастья. Вот моя тайна и раскрылась, и вот ещё одна: я специально подстроила так, чтобы мы немного побыли наедине здесь, в месте, куда я всегда прихожу и всегда приходила раньше, чтобы сбежать от него. Это безнравственно, и я это знаю, но я долго думала об этом и могу с этим жить. Я не буду плакать, не стану умолять, но мне бы хотелось хоть раз с тобой переспать. Я знаю, ты гетеросексуальна, и все, с кем я говорила, знают это о тебе, но я всё же надеюсь, что это не убеждение, а просто предпочтение, ты же меняла пол, ты раньше занималась

любовью с женщинами. Но если вдруг это нечто неприемлемое для тебя, когда ты сама женщина, или если, может быть, ты не хочешь или считаешь мою мысль неудачной, ничего страшного, я обойдусь. Мне просто надо было спросить, вот и всё. Я знаю, что говорю как эмоционально зависимая, но на самом деле это не так, я не такая; я переживу всё, что бы ни случилось, и, надеюсь, мы в любом случае останемся друзьями. Вот. Не знала, хватит ли мне духу высказать это всё, но я решилась, и мне уже лучше.

У меня есть небольшой список того, чего я никогда не делаю, и во первых его строках стоит "поддаваться эмоциональному шантажу". Если и есть где-либо худший вид секса, чем трах из жалости, то я о нём не слышала. И слова Бренды можно было принять за самый душераздирающий визг побитого щенка — и, чёрт побери, хоть у неё и есть право вести себя как побитый щенок, я таких щенков ненавижу, мне хочется пнуть их за то, что позволили себя бить... но ни одно подобное слово не сорвалось с моих губ. Молчала и прямая как жердь каланча с сухими глазами, тёмный силуэт на фоне полыхающего неба. Она повзрослела с тех пор, как мы познакомились, и мне подумалось, что это часть её взросления.

Почему она выбрала меня, чтобы облегчить душу, понятия не имею, но то, как она это сделала, скорее польстило мне, чем обязало.

Так что я отказала ей. Или отказала бы в совершенном мире, где я действительно не делаю ничего из своего запретного списка. Вместо этого я встала, обняла Бренду и сказала:

— Ты хорошо держалась. Если бы заплакала, я выгнала бы тебя отсюда пинком и пинала бы под зад до самого Кинг-сити.

— Нет, я не заплачу. Хватит уже из-за этого плакать. Тем более что всё уже закончилось.

И она сдержала слово.

* * *

Бренда подстроила для нас минутку уединения, не сказав мне о том, что Крикету поручили вести репортаж с празднества в Парке Армстронга. После нашей небольшой романтической интерлюдии — довольно приятной, спасибо, что спросили, — она призналась в своей уловке и в том, что он намеревался улизнуть из парка, едва пройдут первые несколько часов, и мог появиться здесь с минуты на минуту, "так что давай одеваться, ладно?"

Представить не могу, почему я беспокоилась,

как бы не напиться раньше Лиз. Она напилась раньше нас всех, начала прямо по дороге в Армстронг и продолжала на обратном пути… как будто у Крикета и без того не хватало причин тревожиться.

Она вылетела на полной скорости из-за дюн на четырёхколёсном "Эштон Эссбастере XJ" с реактивным двигателем, размалёванном мазками отвратной мандариново-оранжевой краски. Было сущим ребячеством нестись на реактивном авто с четырёхточечной подвеской по всем этим выбоинам лунной поверхности — иногда они бывают размером, скажем, с кратер Коперника. На орбиту бы она, разумеется, не улетела, но была к этому весьма близка. Машину она украсила по своему явно недооцененному хорошему британскому вкусу: из колёсных ниш вырывались языки голографического пламени, на кончике гибкой штыревой антенны болтался хвост енота, а с капота пялился огромный хромированный череп, мигая красными глазами на поворотах.

Это адское видение заложило крутой вираж вокруг "Хайнлайна" и понеслось прямо на нас. Бренда вскочила и отчаянно замахала руками, а у меня хватило времени поразмыслить над тем, какой на самом деле непрочный пузырёк эта

наша скаутская палатка, пока Лиз не ударила по тормозам, обдав стену палатки струёй тёртого зелёного сыра.

Она выскочила наружу раньше, чем осела поднятая ею пыль, и подбежала к левой дверце, отстегнуть Крикету ремень безопасности, который он затянул так туго, что рисковал заработать гангрену промежности. Лиз вытащила его из машины и затолкала в шлюз, где он, кажется, пришёл в себя. Заполз в палатку, но вместо того чтобы встать, скорчился на полу, чем не на шутку меня обеспокоил. Я помогла ему снять гермошлем.

— Крикету слегка не по себе, — сказала Лиз по радио его скафандра, — и я подумала, надо его скорей под крышу.

Я наконец расслышала, что Крикет пытается что-то сказать, и приблизила ухо к его губам. Он бормотал "всё будет хорошо", повторял снова и снова, как мантру. Мы с Брендой помогли ему сесть, и наконец лицо его немного порозовело и он сумел проявить некий интерес к окружающему.

Пока мы брызгали на него водой, Лиз протиснулась сквозь шлюз, толкая перед собой герметичную переноску для животных. В конце

концов Крикет ожил, вскочил на ноги и разразился почти бессвязной тирадой ругательств. Нет нужды приводить их здесь; они не делают Крикету чести, поскольку он считает, что бранные слова следует не выкрикивать, а изощрённо выписывать. Но на этот раз он был слишком зол.

— Маньячка! — рявкнул он. — Какого дьявола ты так неслась?

— Так ты ж мне сказал, что тебя укачивает. Вот я и решила доставить тебя поскорей до места.

— Меня укачало из-за того, что ты ехала слишком быстро!.. — но тут его запал остыл, он опустился в кресло и покачал головой: — Быстро? Я сказал "быстро"? Мы пролетели в один миг всё расстояние от Армстронга, и колёса коснулись земли всего раза четыре. — Он ощупал голову и поправился: — Нет, пять, я насчитал пять шишек. Она высматривала кратеры покруче, говорила: "А ну, посмотрим, перескочим ли эту хреновину", — и не успевал я охнуть, как мы уже в полёте!

— Да, мы не мешкали, — согласилась Лиз. — Думаю, наша тень приотстала и только теперь догнала нас.

— Слава богу, есть гироскопы, — откликнулась я. — Помнишь, однажды я это уже говорила? А ты ответил: "Что ещё за гироскопы? Они для

старушек".

— Я сняла их к чёрту, — сказала Лиз. — Так лучше привыкаешь к струйному рулю системы реактивного управления. Да ладно тебе, Крикет, ты…

— Обратно, девчонки, я поеду с вами, — перебил он. — Больше ни за что не сяду в машину к этой сумасшедшей!

— Но у нас всего два сиденья, — возразила Бренда.

— Какая разница, привяжите меня к решётке бампера. Хуже, чем только что было, уже не будет.

— Не вижу повода не выпить, — произнесла Лиз.

— Ты во всём видишь этот повод!

— А что, его нет?

Но прежде чем выйти к машине за своим переносным баром, Лиз не забыла выпустить из переноски — кого же ещё? — английского бульдога по кличке Уинстон. Он неуклюже выбрался наружу, опровергнув все мои прежние представления о безобразии и уродстве, и тут же в меня влюбился. Точнее, со всей пёсьей беззаветностью предался занятию любовью с моей ногой.

Это могло бы испортить начало прекрасных

романтичных отношений — я девушка старомодная и предпочитаю, чтобы сперва за мной хоть немного поухаживали, — но, к счастью, Уинстон, против всякого ожидания, оказался хорошо дрессирован и стремительный пинок хозяйки заставил его прекратить разврат. Больше он уже на меня не покушался, но не отходил ни на шаг, восторженно сопел, не сводил с меня мечтательного взгляда налитых кровью свиных глазок и засыпал всякий раз, как я присаживалась. Должна признать, в конце концов я прониклась к нему симпатией и скормила ему все косточки, оставшиеся от цыплёнка.

* * *

Восемнадцать часов — многовато для вечеринки, но есть некий особый тип людей: они упорно не хотят прощаться первыми. И мы все четверо принадлежим именно к такому типу. Ей-богу, мы были готовы продержаться до тех пор, пока не прозвучит национальный гимн Гватемалы ("Будь благословенна, Гватемала! Славен будь священный твой народ! / Цепи рабства ты навек попрала! Пусть тиран в лицо нам не плюёт!").

(Да, я тоже смотрела на глобус, и если вы думаете, что вся планета собиралась шесть часов

дожидаться, чтобы стоя прослушать национальный гимн Королевства Тонга, вы ещё более безумны, чем мы. Тонга удостоилась своего кусочка времени сразу после Западного Самоа.)

Перепить Лиз не дано никому, но догнаться до её состояния нам вскоре почти удалось, и немного погодя Крикет даже забыл, что злился на неё. По мере того как разгорался праздник, всё окружающее словно бы затягивалось густым туманом. На самом деле я почти ничего не помню после того, как "Юнион Джек" засиял над нами во всём своём британском величии. А запомнила его я главным образом потому, что Лиз впала в эйфорию, а Бренда заставила нас с Крикетом встать, как только зазвучал гимн "Боже, храни королеву!" Мы хором спели второй куплет, нечто вроде этого:

Приди, Господь наш Бог,
Разбей её врагов,
Низвергни их:
Интриги их рассей,
Уловки их расстрой!
Надеемся мы всей душой:
Храни нас всех!

— Воистину, храни Господь нас всех, — произнёс Крикет.

— Ничего более прекрасного в жизни не слышала… — всплакнула Лиз, сентиментальная, как все бывалые выпивохи. — Но, кажется, Уинстон хочет пи-пи.

И правда, пёсику было явно не по себе. Лиз угостила его миской-другой "Гиннесса", а я, убедившись, что куриные косточки ему на один зуб, давала ему что попало, от целых стручков халапеньо до пробок от домашнего пива Лиз. Ещё я видела, как Крикет скормил ему несколько колбасок, что мы жарили над голографическим костром. В общем, собаку срочно нужно было выгулять. Уинстон давно уже бегал по палатке, сужая круги, и скрёбся в застёжку шлюза.

Оказалось, четырёхлапое чудище слишком хорошо воспитано — по словам Лиз, Уинстон ни за что не нагадит в доме. И мы принялись вчетвером упаковывать его в собачий скафандр.

Очень скоро всех одолел истерический смех, такой, от которого в буквальном смысле катаешься по полу и начинаешь опасаться, как бы и у тебя чего не лопнуло. Уинстон был не против поскорей одеться, но как только мы вставили его задние лапы в штанины скафандра, он распры-

гался от нетерпения, из-за чего весь костюм тут же намотался ему на шею. Тогда Крикет принялся чесать ему спину — от этого все собаки замирают и выгибаются, — пёс застыл и благодарно лизнул его в нос, и мы почти вставили в скафандр его передние лапы и вроде бы даже одну заднюю, но тут ему вздумалось второй задней задумчиво почесать за ухом — и готово, начинай опять сначала. Когда наконец мы засунули все четыре лапы куда полагалось, Уинстон решил, что уже можно, и нам пришлось гоняться за ним, чтобы прикрепить ему к шее баллон с воздухом. В последний момент ему вдруг разонравился гермошлем и он решил его съесть — не забывайте, зубы у этой собачки такие, что со стальными пробками разделывались! Пришлось достать запасной и поскорей его проверить. Наконец мы привинтили гермошлем на место, затолкали пса в шлюз и выпустили.

После чего Уинстон ещё пуще насмешил нас: он носился от камня к камню, задирал лапу то здесь, то там, пребывая в блаженном неведении, что все струйки стекают прямёхонько в резервуар для отходов, который Лиз прикрепила резинкой к его собачьей штучке. Да, друзья, я сказала "собачьей штучке": вот до какого низкопробного юмора мы

докатились.

* * *

Чуть позже, помнится, Бренда и Лиз заснули. Я показала Крикету на чудесную ширму, превращавшую палатку в двухкомнатную. Но он не понял намёка, предложил одеться в скафандры и выйти прогуляться. Я охотно согласилась, хотя, возможно, это было не слишком разумно, учитывая, что я почти минуту пыталась вдеть правую ногу в левую штанину скафандра. Но у вещей, предназначенных для выхода на поверхность, практически стопроцентная защита от дурака. Так что я подумала: если даже Уинстон справился с одеванием, со мной-то что может произойти?

И кто же, как вы думаете, кинулся нам навстречу, едва мы выбрались из палатки? Бульдожка! Вот здесь-то и могла меня подстерегать опасность, потому что он решил, будто ему всё дозволено, пока хозяйка спит. Но, прижавшись пару раз гермошлемом к моей ноге и безуспешно попытавшись её обнюхать, пёс смирился и потрусил следом за нами, вероятно, удивляясь, почему это всё вокруг пахнет одинаково: плексигласом и собачьей слюной.

На самом деле мне не хотелось бы выглядеть

здесь такой уж весёлой, слишком легко переключиться от времени, проведённого с Брендой, на выходки королевы и её ручного самца. Но всё произошло, как произошло; невозможно так обустроить свою жизнь, чтобы в ней, как в киносценарии, выстроилась непротиворечивая драматическая линия. Я была выбита из равновесия и не знала, как с этим быть, просто крепко держала Бренду и надеялась, что она заплачет. И до сих пор не знаю…

Бог ты мой, сколько ужасов творится вокруг нас, а мы и ведать не ведаем!..

Что-то в этом роде я и сказала Бренде, с тайной мыслью, что ей, возможно, пойдёт на пользу, если она сумеет подойти к пережитому как журналист.

— Ты никогда не задумывалась, — спросила я, — почему мы теряем столько времени на чтение всякой банальной ерунды, когда такие истории только и ждут, чтобы их поведали?!

— Какие? — сонно откликнулась она. Откровенно говоря, мне было не так хорошо, как ей, однополая любовь мне никогда не была по вкусу. Но Бренда выглядела удовлетворённой, ей, похоже, понравилось, и это главное. Удовлетворение всегда заметно. Лицо как будто сияет.

— Чёрт побери, такие, как та, что случилась с тобой! Тебе не кажется, что в наше время нельзя закрывать глаза на… на подобные вещи?

— Терпеть не могу, когда говорят "в наше время". Что, такое уж оно особенное? По сравнению, скажем, с эпохой Древнего Египта?

— Если сумеешь назвать хоть одного из фараонов, клянусь, я съем нашу палатку.

— Хочешь позлить меня, Хилди? Не выйдет, — она погладила меня по лицу, заглянула в глаза и прильнула к моей шее. — Разве не видишь, нет необходимости специально портить отношения. Это наша с тобой первая и последняя интимная близость. Знаю, близость тебя пугает, но не стоит…

— И вовсе она не пу…

— К тому же, подожди ещё, эмм, восемьдесят три года, и я перечислю тебе всех фараонов от Эхнатона до Рамзеса.

— Уй!..

— Я их вычитала из программы праздника. Но как следует я знаю только наше время, в котором живу, и в толк не возьму, почему ты считаешь, будто оно чем-то отличается от того, в котором выросла ты. Что, тогда не было растлителей малолетних?

— Ты имеешь в виду, в раннем неолите? Да, конечно, были.

— И ты надеешься, что неуклонный ход общественного прогресса рано или поздно заставит их исчезнуть?

— Было бы безумием надеяться на это. Но история-то стоящая.

— Ты слишком давно уволилась из "Вымени", дурашка. Эта история ужасна. Кому захочется читать статьи, нагоняющие тоску? Я имею в виду, о том, что среди нас растлители малолетних. Все и так это знают. Эта тема для социологов, флаг им в руки. А статья, по-настоящему чернушная статья — из раздела новостей. Моя же история — второразрядное чтиво из воскресного приложения; один раз напишешь — сохранишь файлик и можешь публиковать раз в год, всё равно никто не вспомнит, что уже читал это.

— Ты говоришь совсем как я, и вот это меня пугает.

— Ты сама всё знаешь, детка. Люди читают "Вымя", чтобы нервишки пощекотать. Они хотят, чтобы их возбуждали. Возмущали. Ужасали. И не хотят, чтобы их вгоняли в тоску. Уолтер часто разглагольствует о том, как бы мы написали о конце света. Чёрт, я бы дала о нём лишь пару

строк на последней полосе. Потому что это тоска.

— Ты меня поражаешь.

— Вот что я тебе скажу. Я знаю больше кинозвёзд, чем все остальные в моей школе, вместе взятые. И звёзды сами мне звонят, пусть даже не самые яркие. Так что не говори мне, о каких таких важных историях нам следует писать.

— Так ты ради этого подалась в журналисты? Чтоб со звёздами встречаться?

— А ты ради чего?

Я тогда ей не ответила, но некий пережиток представлений о правде в средствах массовой информации вынуждает меня признать: возможность быть на короткой ноге с великосветской публикой имеет некоторое отношение к моему выбору профессии.

Но вот что удивительно: как изменилась всего за год моя малютка Бренда! И не очень-то мне понравилось, как именно. Плевать, что это не моё дело, раньше такие мелочи меня не останавливали. Поначалу я было грешила на тлетворное влияние новостного бизнеса, но по зрелом размышлении поняла: возможно, маленькая искалеченная девочка, такая хорошая маленькая девочка, что она предпочла зашить себя, только бы не следовать совету доброй тёти отдать папу

плохим дядям… как знать, может, эта девочка способна просветить циничную старушку Хилди, каков на самом деле этот старый злобный мир и как в нём выживать.

— Жаль, что я не смог привезти с собой Бастер.

— А? Что?

— Луна вызывает Хилди. Хилди, откликнись! Конец связи.

— О! Прости, я задумалась.

Рядом шагал Крикет, мы вышли с ним прогуляться по поверхности. Я даже вспомнила, как пролезала через шлюз.

— Я помню, что обещал привезти её и познакомить с тобой, но она заартачилась, ей больше хотелось погулять с друзьями по Армстронгу, так что я её отпустил.

Кое-что в его тоне заставило меня усомниться, всю ли правду он говорит. Мне подумалось, что наверняка он не слишком настаивал и уступил дочери скорее, чем мог бы. Единственное, что я о ней знала, — это что отец ревностно опекает её. Как мне удалось разнюхать, никто из его коллег по "Дерьму" не знаком с его дочерью; он строго разделял работу и семейную жизнь.

Это распространённое явление в лунном обществе, мы всеми силами отстаиваем то малое,

что осталось нам от частной жизни. Но мы с Крикетом были знакомы как мужчина и женщина без году неделя — а я уже заметила несколько признаков того, что он… как бы лучше выразиться?.. не горит желанием впускать меня в свою жизнь. Иными словами, я с надеждой гадала на ромашке, но большинство лепестков говорили мне: "Не любит".

Сказать по правде, я отвыкла быть влюблённой. Этого не случалось со мной слишком давно, я и в лучшие времена была не очень-то к этому приспособлена, а теперь задумалась, не забыла ли напрочь, как себя при этом вести. Последний раз, когда я, как говорится, втрескалась, на поверку оказался подростковой влюблённостью, и за прошедшие восемьдесят лет я убедилась, что такую болезнь подхватывают только в юности. Так что, возможно, я просто не сумела передать Крикету всю трагическую, безнадёжную глубину моего душевного порыва. Вероятно, от меня не исходило нужных сигналов. Он мог подумать: это ж просто старина Хилди. Всегда с приветом. Может быть, в женском обличье у неё такие причуды — вся такая сентиментальная, волоокая, так и льнёт, по утрам тащит кофе в постель и ластится.

А если взглянуть на себя без жалости… воз-

можно, это вовсе и не любовь. Чувства совсем не те, как когда-то в девичестве, но ведь и многое другое уже не то; я стала другим человеком. В моём нынешнем чувстве больше уверенности и меньше боли. Оно не так безнадёжно, даже если Крикет прямо сейчас откровенно скажет, что не любит меня. Но значит ли это, что я не влюблена? Нет, это значит, что я пытаюсь любить. Я имею в виду, я не кинусь прочь и не покончу с собой… прикуси язык, тупая сука.

Так что же такое у меня в тарелке: настоящий черепаховый суп или похлёбка, лишь напоминающая его по вкусу? В конце-то концов, любовь это или нет? Временно условимся: сойдёт и это, пока нечто лучшее не подвернётся.

— Хилди… думаю, нам больше не стоит встречаться.

Что за звон в ушах? Это разбиваются вдрызг все мои умопостроения. А ещё я услышала звук кинжала, пронзающего мне сердце. Крик ещё не вырвался, но он был уже близок, близок.

— Почему ты так сказал? — спросила я, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не прорвалось страдание.

— Поправь меня, если ошибаюсь. Мне показалось, что у тебя ко мне… нечто большее, чем

просто хорошее отношение, с тех пор как… с той самой ночи.

— Поправить тебя? Да я люблю тебя, остолоп.

— Только ты могла признаться в этом так изящно. Ты мне нравишься, Хилди, и всегда нравилась. Мне даже — понятия не имею, почему — нравились ножи, что ты вонзала мне в спину, не раз и не два. Я мог бы дорасти до любви к тебе, но в этом-то и трудность, пока что это далеко не так…

— Крикет, да не переживай ты…

— …и дальше мы не пойдём. Но это не главное, из-за чего я хочу порвать с тобой прежде, чем это станет для нас серьёзно.

— Но для меня уже…

— Знаю, и мне очень жаль.

Он вздохнул, и мы оба проводили взглядом Уинстона. Тот пустился в погоню за каким-то воображаемым устойчивым к безвоздушному пространству зайцем и скрылся в тени "Хайнлайна". Теперь лишь верхушку огромного корабля освещало солнце. В Деламбре закат наступает позже, чем в Парке Армстронга. От верхнего корпуса всё ещё отражалось достаточно света, чтобы мы могли ясно видеть друг друга, хотя и не так отчётливо, как при яростном свете дня.

— Крикет…

— Думаю, нет смысла скрывать: я солгал тебе, — признался он. — Бастер хотела приехать, ей хочется с тобой познакомиться, её забавляют мои рассказы о тебе. Это я не хочу её знакомить с тобой. Ты знаешь, как я берегу её, но по-другому я не могу; мне не хочется, чтобы у неё было такое детство, как у меня, и я не стану объяснять тебе, что имею в виду. Дело в том, что с тобой творится что-то странное — скорее всего, творится, иначе ты не жила бы в Техасе. Не знаю, что именно происходит, и не желаю знать, по крайней мере прямо сейчас. Но мне бы не хотелось, чтобы это затронуло Бастер.

— И это вся беда? Эй, чувак, да я завтра же перееду. Ну, может, учительницей ещё недельку-две проработаю, пока не подыщут новую…

— Ничего хорошего из этого не выйдет, потому что это ещё не всё.

— Ну-ну, пай-мальчик, послушаем, что ещё со мной не так.

— Давай на этот раз без шуток, Хилди. Кое-что не даёт тебе покоя. Возможно, это связано с причиной твоего увольнения и переезда в Техас, а может, и нет. Но я кое-что чувствую, что-то очень нехорошее. И не хочу знать, что это… Обещаю, что разделил бы с тобой все беды, если бы не мой ре-

бёнок. Я бы выслушал тебя и попытался помочь. Но посмотри мне в глаза и скажи, что я не прав.

Когда минуту спустя он так и не дождался прямого взгляда и не услышал отрицания, он снова вздохнул и положил мне руку на плечо:

— Что бы это ни было, я не хочу её в это втягивать.

— Понимаю. Надо думать.

— Вряд ли понимаешь, у тебя-то никогда не было детей! Но я поклялся себе, что моя личная жизнь под запретом, пока дочь не вырастет. Из-за этого я дважды отклонил выгодное предложение, и мне плевать. Но сейчас и мне больно — от мысли, как нам могло бы быть хорошо вместе.

Он дотронулся до нижней части забрала моего гермошлема — наверно, хотел приподнять мне подбородок. Я взглянула на него, и он подбодрил:

— Может быть, у нас ещё всё будет, лет этак через десять.

— Если я столько проживу.

— Всё так плохо?

— Так может быть.

— Хилди, я чувствую…

— Просто уходи, ладно? Мне хочется побыть одной.

Он кивнул и оставил меня.

* * *

Я немного побродила вокруг, не теряя из виду ярко светящийся пузырь палатки и прислушиваясь к лаю Уинстона по радио. Зачем вообще радиопередатчик в скафандре для собак? Хотя почему бы нет.

Именно такого рода был серьёзный вопрос, который я задала себе. Похоже, ни о чём более важном у меня думать не получалось.

Я не слишком хорошо умею описывать мучительные чувства. Вероятно, потому, что не наделена даром их испытывать. Ощущала ли я опустошённость? Да, но не такую ужасную, как можно было бы предположить. С одной стороны, я любила Крикета не так давно, чтобы потеря его оставила в душе столь зияющую пустоту. Но с другой, и это важнее, я пока не сдалась. Не думаю, что и вы способны сдаться так легко. Я знала, что ещё позвоню ему и что, чёрт возьми, буду умолять его, может быть, даже со слезами. Обычно это действует на мужчин, и где-то там в глубине плоти у Крикета есть сердце, как и у меня.

Так что я была подавлена, спору нет. Но не сказать, чтобы уничтожена. Я была далеко не на грани самоубийства. Далеко-далёко, за много

миль от него.

И вот тогда я впервые почувствовала слабую боль в голове. С таким количеством наноботов под черепушкой, как у нас, обычную головную боль давно и успешно искоренили. Мигрень тоже канула в глубину веков; вот, правда, лёгкую пульсирующую боль в висках или лбу медицина сочла вне своей компетенции. Вполне вероятно, потому, что люди сами себе её внушают. При некоторых обстоятельствах она нам желанна и необходима.

Но мои ощущения были иными. Я прислушалась к ним и поняла, что болят скорее глаза, оттого, что кто-то или что-то затеяло с ними игру. Боковым зрением я кое-что видела или, скорее, не видела, оно-то и сводило меня с ума. Я перестала мерить шагами лунный пейзаж и огляделась. Несколько раз мне чудилось, будто удалось что-то заметить, но от пристального взгляда это ускользало. Может, это были те призраки, о которых говорила Бренда. До корпуса гигантского заброшенного корабля было в прямом смысле рукой подать, так что же ещё могло здесь быть?

Мимо вприпрыжку пронёсся Уинстон, подскакивая на бегу, будто пытался что-то схватить. И я наконец разглядела, что, и улыбнулась: всё

оказалось так просто! Глупый пёс всего-то навсего гнался за бабочкой. Возможно, именно её я и заметила самым краешком глаза. Бабочку.

Я развернулась и зашагала обратно к палатке (а пёс), думая, что неплохо бы пропустить стаканчик-другой (гнался) или, чёрт подери, нализаться в стельку, тем более есть из-за чего за бабочкой и тут я снова развернулась, но уже не увидела никаких насекомых — естественно, ведь мы же не в Техасе, мы в Деламбре, Уинстон, и здесь нет чёртова воздуха… и я уже почти было списала всё на игру пьяного воображения, как вдруг прямо передо мной материализовалась голая девчонка и пробежала семь шагов — я и теперь совершенно отчётливо вижу это мысленным взором, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь — а потом снова канула туда, где исчезают призраки, прошмыгнув так близко от меня, что почти задела.

Я журналист. Выслеживаю новости. И я погналась за ней, после того как невесть сколько простояла неподвижно, будто статуя в парке, не в силах пошевелиться. Разумеется, я никого не поймала; единственным разумным объяснением моих видений были последние лучи солнца. Оно зашло уже так далеко за горизонт, что света давало не больше, чем свечка. И бабочку я тоже

не догнала.

Но почувствовала, как пёс легонько толкается о мою ногу. И увидела, что внутри его скафандра мигает красная лампочка, означающая, что воздуха там осталось на десять минут. Его приучили поворачивать к дому, едва завидит такой огонёк. Я наклонилась и потрепала собачий гермошлем. Пёс не почувствовал ласки, но, видимо, оценил намерение и благодарно облизнулся. Я выпрямилась, напоследок огляделась кругом и произнесла:

— Ах, Уинстон, похоже, мы уже не в Канзасе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Иезекииль видел колесо. Моисей видел пылающий куст. Джо Смит видел ангела Морония, а каждый электронный проповедник со времён Билли Сандея видел шанс заполучить хорошие рейтинги в лучшее эфирное время и больше денег, чем можно унести.

Провинциальные фермеры, рабочие с астероидных шахт и хронические наркоманы видели неопознанные летающие объекты и маленьких человечков, желающих встретиться с нашим правительством. Пьяные видят розовых слонов, бронтозавров и ползающих повсюду жуков. Умирающие видят длинный туннель, залитый светом, в конце которого стоят все те, кого они при жизни ненавидели. Перцер-Основатель распознал благое дело, когда увидел его. Христиане рассчитывают увидеть Иисуса, Уолтер рассчитывает на хорошую статью, а игрок рассчитывает заполучить четвёртый туз; иногда их расчёт оправдывается.

Люди видят подобные знамения с тех пор, как первый пещерный человек заметил тёмные тени, простирающиеся за пределами света бивачного

костра, но вплоть до самого Двухсотлетия Вторжения Хилди Джонсон ничего такого не видела.

Подай мне знак, о Господь, слёзно взывала она, чтобы я могла узнать Тебя. И се, Господь ниспослал ей знак.

Бабочку.

* * *

Это была данаида монарх, в своём очаровательном оранжево-чёрном наряде, на первый взгляд ничем не примечательная, кроме места своего появления. Но при ближайшем рассмотрении я заметила у неё на спинке кое-что размером с пилюлю, по всем статьям похожее на баллон с воздухом.

Да, дорогие мои, никогда и ничего не выбрасывайте. Невозможно предугадать, когда вам что пригодится. Я давненько не пользовалась своей голографической камерой, но Уолтер не потребовал её вернуть, так что я не стала утруждать себя походом к окулисту для её удаления. Она по-прежнему работает у меня в левом глазу, записывает всё, что я вижу, и добросовестно сохраняет, пока хватает места, а когда оно заканчивается, стирает старые записи, оставляет только новые. Многие пророки с безумными глазами пошли бы даже на

убийство ради обладания такой камерой, которая помогла бы убедить всех сомневающихся ублюдков — ну хотя бы в том, что они правда видели, как из свистящей хреновины, приземлившейся на крышу курятника, выскочили зелёные спаниели.

Учитывая, сколько было произведено камер со времён появления "Брауни"[75] и до конца двадцатого века, можно было бы предположить, как много в мире интригующих снимков паранормальных явлений, но попробуйте поискать их — а я пробовала — и вернётесь несолоно хлебавши. Впрочем, с тех пор компьютеры достигли такого совершенства, что подделать любую фотографию не составляет труда.

Однако мне не нужно было убеждать никого, кроме себя самой. И первое, что я сделала, вернувшись в палатку, — сохранила данные с камеры в нестираемой памяти. А второе — решила никому не говорить о том, что видела. Частично здесь сработал журналистский инстинкт: не болтай, пока статью железно не утвердят. А в остальном

---

[75] Примечания: 75

Фотоаппарат Brownie производства Eastman Kodak — изобретение Джорджа Истмена, выпущенное в феврале 1900 года, ультралёгкая камера с одной кнопкой, уже заряженная плёнкой. В год выпуска было продано 150 000 "Брауни".

— необходимость сделать скидку на плотскую слабость: я была не самой трезвой свидетельницей. Но главное… это было моё видение. Оно было даровано мне. А не Крикету, неблагодарному Крикету, который бы тоже увидел его, если бы сказал, что любит меня, крепко обнял и покаялся, какой он был дубиной стоеросовой. И не Бренде, Мисс Лауреатке Пулитцеровской премии (а вы думаете, раз я сама подарила ей грандиозную статью, то мне не завидно?.. дурачки вы наивные!). Только мне.

И Уинстону. Как я могла считать этого великолепного пса уродиной? Так что третьим, что я сделала по возвращении в палатку, было угостить этого величайшего из четвероногих фунтом моих лучших колбасок, с извинениями, что не нашлось ничего получше — ни померанского шпица, ни сиамской кошки.

* * *

Дальше речь пойдёт уже не о бабочке. Она забавна, но есть и более чудесные чудеса.

Взять, к примеру, воздушный баллон на спинке насекомого. При большом увеличении мне удалось различить тончайшие линии, тянущиеся от него к крыльям. Хотела разглядеть, куда именно

они ведут, но изображение расплылось. Однако можно было догадаться: поскольку на поверхности нет атмосферы, а бабочка всё-таки летала, её поддерживала реактивная сила воздуха, вырывавшегося из микроскопических отверстий на нижней стороне крыльев. Я сравнила особь со своих снимков и экземпляр данаиды, выставленный в музее, и заметила различия в строении хитинового панциря. Он покрыт герметичной оболочкой? Вероятно. А из воздушного баллона мог поступать и кислород в кровь бабочки.

Оборудование, подобное тому, что я смогла разглядеть, не назовёшь стандартным, но что с того? Наноботы могут построить любые механизмы, даже более хитроумные и миниатюрные, чем воздушный баллон, регулировочные клапаны и (возможно) гироскоп, которые я засняла. А усовершенствовать хитиновый панцирь не слишком сложно при помощи генной инженерии. Выходит, кто-то создаёт насекомых, способных жить на лунной поверхности. Эка невидаль! За этим стоит всего лишь эксцентричный умелец-самоучка, а на Луне их как грязи. Мне попался на глаза очередной образчик любопытного непрактичного изобретения.

Своё журналистское расследование я вела в

собственной кровати, в Техасе.

По пути домой с празднества я зашла в магазин, купила одноразовый компьютер, складной телевизор, записывающее устройство и фонарик, спрятала покупки поглубже в карман и тайком пронесла мимо временной таможни. Легко! С маленькими вещичками все так поступают, и таможенников даже не приходится подкупать. Я дождалась ночи, легла в постель, накрылась одеялом с головой, включила фонарик, развернула экран телевизора, скачала отснятый материал в записывающее устройство и стёрла все его следы из баз данных в своём мозгу. И только после этого стала просматривать запись кадр за кадром.

Зачем такая секретность? Честно говоря, понятия не имею, почему я тогда так решила. Я знала, что ГК не должен был видеть этот материал, но не могу объяснить, почему мне показалось так важно сохранить его в тайне. Полагаю, сработала интуиция. И не было никакой гарантии, что ГК не найдёт его, вопреки всем мерам предосторожности, но я сделала всё, что было в моих силах. Использовать бросовое вычислительное устройство, вместо того чтобы подключиться к универсальной многопроцессорной системе, может быть приемлемым способом утаить

информацию от ГК — до тех пор, пока вы не подключитесь к какой-нибудь сети. Наш ГК виртуоз, но не волшебник.

Мне потребовался час на то, чтобы разобраться с бабочкой и сохранить свои соображения в файле "Удивительное_Чешуекрылые". Затем я перешла собственно к чуду.

Рост: пять футов два. Глаза: голубые. Волосы: светлые, почти белые, прямые, до плеч. Цвет лица: слегка смуглый, возможно, от загара. Приблизительный возраст: десять или одиннадцать лет (нет ни лобковых волос, ни груди, два передних зуба торчат, ещё кое-какие детали лица). Особые приметы: нет. Телосложение: стройная. Одежда: нет.

На самом деле она могла быть намного старше, чем выглядела; есть у нас небольшая группа людей, предпочитающих всю жизнь прожить детьми и никогда не взрослеть. Но по тому, как она двигалась, мне показалось, что она не из таких. В пользу настоящего детства говорили и зубы. Я отнесла её к натуралам: скорее всего, она такой выросла, не подвергалась улучшениям.

Мне было видно её 11,4 секунды. Она бежала легко, не со всех ног, и не слишком высоко подскакивала при каждом шаге. Будто вынырнула из

чёрной дыры и провалилась обратно. Я методично исследовала каждую из 11,4 секунд и добыла из них всю возможную информацию, прежде чем перейти к кадрам, изучить которые хотелось больше всего: первому и последнему.

Важная деталь: если она была привидением, значит, у привидений есть масса. Невооружённым глазом я не отыскала бы отпечатки её ног среди сотен других, покрывавших склон кратера (я различила на многих из них следы не только ступни, но и пальцев, однако это ничего не значит; у многих детей есть сапожки, оставляющие следы будто бы босых ног), но на записи было хорошо заметно, как она оставляет следы, как взметается пыль. Компьютер проанализировал отпечатки ног и выдал вполне правдоподобное значение веса девочки.

Следующая деталь: она была не совсем голой. На нескольких кадрах я различила биомагнитные термоизолирующие стельки у неё на ступнях — чертовски удачная мысль надеть такие, если собираешься бегать по раскалённым камням на лунной поверхности. Ещё я разглядела нечто вроде украшения у неё на груди, на несколько дюймов выше левого соска. По цвету оно напоминало бронзу, а по форме сильно смахивало на

нагнетательный штуцер. Самозащёлкивающийся, какими обычно соединяют шланги подачи дыхательной смеси с воздушными баллонами.

Ещё одна деталь: на первых нескольких кадрах различимо лёгкое туманное облачко перед лицом видения. Выглядело это как замёрзшая влага, след выдоха. Далее на всём протяжении записи не было никаких признаков дыхания.

И ещё одно: меня заметили. Между четвёртым и пятым шагами девчонка повернула голову и полсекунды смотрела прямо на меня. Затем улыбнулась, собрала глаза в кучку и скорчила рожицу.

Я сделала и несколько других наблюдений, не слишком полезных и не проливающих света на разгадку тайны. Ах, да, вот ещё что: девочка мне понравилась. Состроить рожу — именно так я и поступила бы в её возрасте. Поначалу мне показалось, что она дразнится, но чем больше я пересматривала запись, тем сильнее убеждалась: это был вызов. Поймай меня, бабуся, если сможешь! Как раз это, куколка, я и планирую сделать.

Большую часть остатка ночи я провела, анализируя несколько секунд съёмки перед самым появлением девочки и сразу после её исчезнове-

ния. Покончив с этим, я стёрла из компьютера все данные и для пущей уверенности засунула его в плиту, под последние тлеющие угольки. Он расплавился и лопнул с весёлым хрустом. Теперь единственное свидетельство пережитого мною осталось в маленьком записывающем устройстве.

Я положила его под подушку и заснула.

* * *

В ближайшую пятницу, выпустив очередной номер "Техасца", я снова зашла в магазин фирмы "Хэмилтон" и купила двухместную палатку. Если вас удивило моё решение, значит, вы никогда не пробовали жить в одноместной. Я оформила заказ с доставкой в пункт проката луноходов, ближайший к бывшей дороге в шахты, и там же арендовала подержанную машину, заплатив за два месяца вперёд, чтобы получить большую скидку. Я зарядила кислородные баллоны под завязку, проверила аккумуляторы, попинала шины, настояла на замене просевших рессор и устремилась в Деламбр.

Палатку я разбила в том же самом месте, где мы стояли лагерем неделю назад. Вечером в воскресенье, так ничегошеньки и не увидев, свернула

палатку и пригнала луноход обратно в арендованный гараж.

И следующую пятницу провела точно так же.

* * *

Довольно долго я проводила все выходные в Деламбре. Настолько долго, что в конце концов мне пришлось сменить свой роскошный новый скафандр на модель для будущих мам. Если вы никогда такую не носили и не примеряли, то и не пробуйте. Но ничто не могло удержать меня от поездок в Деламбр, даже развивающаяся беременность.

В то время мне всё казалось оправданным и логичным. Оглядываясь назад, я признаю, что порой моё поведение вызывает вопросы, тем не менее думаю, что всё равно поступила бы так же снова. Но давайте попытаемся ответить хотя бы на некоторые из них. Приступим?

Я бывала в кратере только по выходным потому, что для душевного равновесия мне всё ещё был нужен Техас. И я обязана была возвращаться к своим ученикам, пока не кончится четверть, потому что чувствовала ответственность перед теми, кто дал мне эту работу, и перед детьми. Но вопроса о досрочном увольнении не возникало,

поскольку я сама больше нуждалась в работе, чем работодатель во мне. Каждым воскресным вечером я тосковала по своей хижине. Наверное, истинному визионеру было бы стыдно за меня; полагалось бы отбросить всё прочее и безраздельно отдаться преследованию видения.

Но я старалась, как могла. Каждую пятницу со всех ног спешила выбраться из парка. Больше не ходила в церкви и не облегчила свою душу ни одному шарлатану.

Немного труднее объяснить беременность. И к тому же слегка неловко. В стремлении как можно достовернее испробовать на собственной шкуре жизнь на старушке Земле я восстановила себе менструальный цикл. Знаю, это смахивает на сумасшествие. Я собиралась попробовать ненадолго, как настоящий корсет, но обнаружила, что месячные далеко не так изнурительны, как о них вещала Калли. Но и менструировать вечно мне не хотелось, я не настолько глупа; думаю, я намеревалась пережить примерно полдюжины циклов или около того, а потом завязать с ними. А во всём остальном нет ни капли загадочности. Случилось то, что обычно и происходит со способными к зачатию, ни разу не рожавшими столетними женщинами, не имеющими понятия

о викторианских методах контроля рождаемости, если такие женщины по неразумию связываются с парнем, который клянётся, что никогда не кончит.

По-настоящему загадочной история стала после того, как кролик умер[76] (узнав чудесную новость, я поднабралась соответствующей терминологии). Зачем я решила оставить ребёнка?

Вот лучшее, что я могу сказать в своё оправдание: я никогда не отметала материнство напрочь, считала, что смогу выносить дитя когда-нибудь потом, когда у меня появится двадцать лишних лет. Естественно, этот прекрасный день всё не наступал и не наступал. Возможно, иметь детей — это нечто, чего надо хотеть, отчаянно желать, почти инстинктивно, и, похоже, одни женщины наделены этим инстинктом, а другие нет. Оглядываясь по сторонам, я замечала множество женщин, ощущавших эту потребность. О, как же остро они её ощущали! А я никогда не чувствовала ничего подобного. С задачей продолжения человеческого рода прекрасно справлялись эти

[76] Примечания: 76

В начале XX века беременность определяли, делая инъекцию женской мочи крольчихе. Спустя пару дней животное убивали, чтобы исследовать яичники. У простых людей, не сведущих во всех тонкостях дела, было популярно заблуждение, будто кролик умирал лишь в том случае, если тест оказывался положительным.

плодовитые женщины, я же никогда не льстила себе, будто способна улучшить человеческую породу, так что продолжала откладывать деторождение на потом.

Но достаточное количество безуспешных, незапланированных и не понятых попыток самоубийства прекрасно помогает сосредоточиться на главном. Я осознала: если не рожу сейчас, могу не сделать этого уже никогда. А ещё мне пришло в голову, что это один из важнейших видов человеческого опыта, который я могла бы захотеть пережить, но пока не удосужилась. И ещё я, как уже говорила, ждала от Господа знака, и это вполне мог оказаться он. Гром среди ясного неба, не такое чудо, как Девочка с Бабочкой, но всё-таки знамение.

Всё это означало не что иное как то, что каждую пятницу по дороге в Деламбр я серьёзно задумывалась, а не остановиться ли мне и не избавиться ли от проклятого бремени, но каждый раз в конце концов решала оставить всё как есть, хотя и не без колебаний.

То, что беременной женщине нельзя выходить на поверхность Луны, давно уже бабушкины сказки. Будь это правдой, разве производили бы скафандры для беременных? Единственная опас-

ность — начать рожать прямо в скафандре, но и она не такая уж грозная. Скорая помощь может за двадцать минут доставить вас в родильный дом из любого уголка Луны. Так что я нисколько не переживала из-за этого. Но и не пренебрегала своими обязанностями живого инкубатора. Всего лишь раз напилась допьяна, но это легко лечится. Каждую среду я посещала контрольные осмотры и мне сообщали, что всё развивается прекрасно. Каждый четверг я заглядывала к Неду Пепперу и, если он был достаточно трезв, позволяла осмотреть себя и простукать. Всякий раз он заявлял, что я самая здоровая первотёлка, какую ему только доводилось видеть, и продавал мне флакон жёлтого эликсира, который прекрасно помогал моим розовым кустам бороться с засухой.

Я собиралась, если доношу до срока, родить естественным путём. (Я уже знала, что будет мальчик, но, по-моему, глупо думать, будто у эмбриона есть пол.) Когда мне было лет двадцать, одно время казалось, что роды вот-вот уйдут в прошлое. Подавляющее большинство женщин растили своих отпрысков в контейнерах, зачастую гордо выставленных на видном месте — к примеру, на кофейном столике в гостиной. Я годами наблюдала, как созревают бластулы

соседей, заглядывая в смотровое окошко со всем возможным энтузиазмом, с каким рассматриваешь голографические снимки дяди Луиджи из поездки на Марс. На моих глазах многие матери поглаживали контейнеры, ворковали и сюсюкали со своим плодом возрастом два триместра. Несколько раз я побывала и на торжественном извлечении младенца, порой обставленном со всей возможной серьёзностью, с приглашёнными музыкантами, подарками в нарядных обёртках и всем, чем только можно.

Как и во многих других случаях, это был скорее заскок, нежели цивилизационная тенденция. Одни исследования доказывали, что в дальнейшей жизни "контейнерные" менее успешны, чем "маточные". Другие утверждали прямо противоположное. С исследованиями частенько так происходит.

Но я исследований не читаю. Полагаюсь на своё чутьё. Маятник качнулся обратно, в сторону "здоровой связи матери и ребёнка через естественное родоразрешение" и прочь от утверждения "родовая травма ранит ребёнка на всю жизнь", и внутренний голос подсказывал мне: раз уж я вообще ввязалась в это, мои внутренности и есть то место, где подобает развиваться плоду. А теперь,

после того как моей матке дозволено было высказаться, я буду благодарна, если она заткнётся.

* * *

На кадрах, запечатлевших появление девочки и последующее исчезновение, казалось бы, выход из нашего измерения, обнаружилось много интересного. Девочка не материализовалась из вакуума и не провалилась обратно в чёрную дыру. Удалось записать её изображение и до появления, и после исчезновения.

Невооружённым глазом я, конечно, ничего не различила, учитывая слабое освещение и непостижимую природу превращения. Но для таких случаев и существуют компьютеры. Мой, стоимостью пять долларов с мелочью, немного попыхтел над изображениями закрученного света и выдал решение: закрутить его таким образом может человеческое тело, обёрнутое гибким идеальным зеркалом. Видны будут лишь искажённые отражения окружающей человека местности, так что он станет если и не совсем невидимым, то крайне трудно различимым. Вблизи есть вероятность разглядеть очертания человеческой фигуры, и то если знать, что высматриваешь. А на расстоянии — даже не надейтесь. Если бы девочка стояла

неподвижно, особенно на фоне такого беспорядочного нагромождения, как деламбрская свалка, её нипочём было бы не отыскать. Я припомнила ноющую боль в голове, возникшую незадолго до краткого явления. Прежде чем решила показаться мне, девочка бродила где-то поблизости.

В библиотеке не нашлось никаких упоминаний о технологии, могущей создать нечто подобное тому, что я наблюдала. Что бы это ни было, его можно было почти моментально включить и выключить; затвор моей голографической камеры срабатывает намного быстрее тысячной доли секунды, и на одном кадре девочка была обёрнута зеркалом, а на следующем предстала уже голой. Она не сняла зеркало, а отключила.

В поиске объяснения другой необычайности, связанной с ней, — способности пробежать нагишом в вакууме, пусть даже всего семь шагов, — я наткнулась на любопытные подробности, касающиеся вживления в тело источника кислорода с целью поставлять его непосредственно в кровоток. Эта научная разработка не принесла прибыльных результатов и была прекращена как нецелесообразная. Хмм…

Я освежила в памяти давно пройденный курс выживания в безвоздушном пространстве. Люди

выживали, проведя в вакууме до четырёх минут, после чего начиналась гибель мозга. Пострадавшие получали значительные повреждения тканей, но что с того? Дети выдерживали даже дольше взрослых. Примерно минуту, может быть, чуть дольше вы способны на полезные действия: например, натянуть спасательный костюм. За пять — десять секунд в вакууме у вас скорее всего лопнут барабанные перепонки и возникнет адская боль, но по-настоящему серьёзного ущерба вы не понесёте. Кессонная болезнь легко лечится.

Но погодите-ка, при чём тут тайна и мистика? Я живенько определила, что виденное мной — почти наверняка техническое чудо, а не сверхъестественное. И, честно говоря, от этого мне стало чуть полегче. Божества — капризные сущности, и по большей части мне вовсе не хотелось, чтобы их реальное существование было доказано. Что, если, увидев горящий куст, вы обнаружите, что воспламеняющая его Сила — ребёнок-психопат, наподобие христианского Бога? Он же Бог, не так ли? Он доказал это, и теперь вам придётся исполнять всё, о чём бы он ни сказал. А если он попросит вас принести вашего сына в жертву своему непомерному эго, или постро-

ить огромную лодку у вас на заднем дворе, или подложить вашу жену под местного туза, с тем чтобы скомпрометировать его и подставить под тяжкое наказание? (Не верите? Прочтите Книгу Бытия, главу 12, стихи с 10 по 20. В церкви порой узнаёшь интересные вещи.)

Знание о возможном рукотворном характере чуда ни на йоту не умалило для меня его величия. Оно будоражило меня всё сильнее. Где-то там, на гигантской свалке, кто-то делал нечто, чего никто кроме него не умеет. И раз в библиотеке нет никаких сведений, то, вероятно, и ГК ничего об этом не знает. Или знает, но скрывает — но коли так, то почему?

А я знала лишь одно: что мне хочется поговорить с тем, кто подарил девчонке возможность завернуться в идеальное зеркало и скорчить мне рожу.

* * *

Но легко сказать, да трудно сделать.

Первые четыре выходных я просто разбивала палатку и почти не обследовала местность. Надеялась, что раз девочка однажды подошла ко мне, она сделает это снова. С одной стороны, у неё не было на то серьёзных причин, но с другой,

почему бы нет?

Потом я стала проводить больше времени в скафандре. Покорила несколько щебенистых гор, но поняла, что это путь в никуда. Горы простирались кругом, насколько хватало глаз; их все ни за что не обыскать, и даже малую часть — вряд ли возможно.

Нет, мне не казалось совпадением то, что видение возникло у подножия памятника большим надеждам — звездолёта "Роберт А. Хайнлайн". Я настроилась обследовать такую большую часть корпуса огромного старого корабля, какую смогу, но сначала снова отправилась в библиотеку, разузнать о его истории. И вот какова, в общих чертах, сага о несбывшихся мечтаниях.

Проект "Хайнлайн" впервые выдвинула в 2010 году группа, известная под названием "Общество Л5". Она инициировала строительство первого в истории человечества межзвёздного судна. Замечательная идея, особенно если учесть, что в то время лунная колония была совсем небольшой и с каждым годом ей было всё труднее пробивать для себя финансирование. Прошло ещё двадцать лет, прежде чем судно было заложено на Л5, одной из троянских точек либрации системы Земля — Луна. Станциям Л4 и Л5 посчастливилось про-

славиться на несколько десятилетий, вплоть до Вторжения, а после него они продержались ещё почти сорок лет. Сегодня они представляют собой орбитальные свалки. Опять же по экономическим причинам.

Пришельцы нагрянули, когда корабль был построен наполовину. Естественно, работы были прекращены ради более срочных проектов, таких как спасение человеческого рода. Со временем эти задачи так или иначе решились, но всё равно оставалось совсем мало сил на неосуществимые проекты наподобие "Хайнлайна".

Тем не менее строительство возобновилось на 82-й год после Вторжения и продолжалось пять или шесть лет, пока не налетело на новый подводный камень в лице партии лунников. Эти ушлёпки, или изоляционисты, или (в глазах их противников) соглашатели, выдвигали в качестве основного убеждения тезис, что человечеству следует смириться с судьбой покорённой расы и удовольствоваться выживанием на Луне и других ранее заселённых планетах. Пришельцы обратили в прах все труды человечества всего за три дня. Несомненно, рассуждали ушлёпки, это наглядно доказывает, что Пришельцы — совсем особый класс. Нам невероятно повезло, что мы

вообще остались живы. А если примемся снова докучать им, они могут вернуться и довершить начатое.

Чепуха, возражала старая гвардия, известная с тех времён под названием хайнлайновцев. Разумеется, Пришельцы сильнее нас. Конечно, технологии у них выше и пушки больше наших. Но Господь всегда на стороне сильнейших, так что, если мы хотим вернуть Его расположение, нам стоит смастерить пушки ещё больше вражеских. Пришельцы, продолжали рассуждать хайнлайновцы, сколько угодно могут быть более древней расой, с куда более продвинутой наукой. Но они по-прежнему гадят себе под но… или правильнее будет сказать: под щупальца?

Вот здесь-то и есть слабое место в логике хайнлайновцев, заявили ушлёпки. Мы не знаем, насколько большие у Пришельцев пушки. Не знаем, щупальца у них, жгутики или хорошие простые руки и ноги, как у нас с вами, созданных по образу Господню. Мы ничего не знаем. Никому из тех, кто видел Пришельцев, не удалось выжить. Никто их ни разу не сфотографировал, хотя вы могли бы подумать, что их запечатлели орбитальные телескопы; но нет, телескопы двести лет глядели во все стороны и ни один не заметил,

когда Пришельцы съехали из захудалого мотеля, известного как планета Земля. Они таинственны, почти потусторонни. До сих пор мы не видели предела их возможностям. Осторожнее будет предположить, что предела и нет.

После без малого девяноста лет ура-патриотизма, трескучих призывов собраться под знамёна и неприкрытой вздорной демагогии это показалось хорошим аргументом большинству населения, уставшему от жизни в постоянной боевой готовности. Люди почти век жертвовали своим покоем ради теории, согласно которой мы должны быть готовы, во-первых, отразить наступление и, во-вторых, в один прекрасный день подняться в едином порыве гнева и выпустить кишки этим… кем бы они там ни были. Принцип "живи и давай жить другим" звучал намного более разумно и логично. Перестаньте бряцать нашим хиленьким оружием у ступней великанов, и всё будет хорошо. Говорите тише и спрячьте большие дубинки.

В итоге все наши передовые посты перехвата информации на околоземной орбите были свёрнуты — и этот шаг я, кстати, горячо приветствовала, поскольку они всё равно ничего не подслушали и не подсмотрели с самого Дня вторжения. Было предписано, что ни один ру-

котворный объект не должен приближаться к родной планете на расстояние менее 200 тысяч километров. Планетарная система защиты была сокращена до минимума и преобразована в систему разрушения метеоритов — наконец она хоть на что-то сгодилась.

Из всей этой политики сильнее всего ударил по "Хайнлайну" запрет на термоядерные взрывные устройства двойного действия. "Р. А. Хайнлайн" был спроектирован как судно класса "Орион" с двигательной установкой на основе вышибной диафрагмы — по сей день единственным подходящим двигателем, если вы хотите долететь до звёзд меньше чем за тысячу лет. Атомные бомбы активируются в кормовом отсеке, надёжно изолированном от основного корпуса, и подрываются каждые одну-две секунды. Взрывная волна толкает корабль вперёд.

Требовались большая вышибная диафрагма — даже огромная — и какой-нибудь гаситель ударных нагрузок, чтобы пассажирам зубы не раздробило. По расчётам, можно было бы достичь одной двенадцатой скорости света — долететь до альфы Центавра всего за восемьдесят лет. Но без бомб нельзя даже оторваться от Л5, а бомбы внезапно закончились. Работы прекратились,

когда были построены основной корпус и большая часть противоударной системы, а массивная вышибная диафрагма так и не появилась.

Сорок лет поклонники "Хайнлайна" пытались протолкнуть через парламент разрешение сделать исключение для их большого детища, ведь позволено же было строителям первых исторических парков использовать атомные боеприпасы в подрывных работах. Изменение политической атмосферы и экономическое давление со стороны Конфедерации Внешних Планет, где добывалась большая часть ядерного топлива, вкупе с поражением партии лунников наконец принесли хайнлайновцам победу. Отпраздновав успех, те обратились к правительству за финансированием… но тщетно. Исследование космоса вышло из моды. Временами такое случается. Довод о том, что незачем вбухивать миллиарды в космическую бездонную дыру, а лучше потратить их прямо здесь, на Луне, может показаться убедительным населению, больше озабоченному уровнем жизни и непомерными налогами, нежели давно не страшным жупелом Пришельцев.

Предпринимались попытки возродить проект на средства частных инвесторов, но оказалось, что вся затея изжила себя. Корабль сделался

обременительным имуществом и вечной темой комических монологов.

Однако он ещё сохранял некоторую ценность как утиль. В конце концов кто-то купил его, оснастил стартовыми двигателями и лично опустил на край кратера Деламбр. Там с судна сняли всё ценное, там оно стоит и по сей день.

* * *

Первым, что я заметила, исследуя "Хайнлайн", было то, что он разбит. В смысле, разломлен пополам. Он строился прочным, с расчётом на удары и перегрузки, возникающие при работе двигателей, но не предполагалось, что он когда-либо сядет на планету, даже с таким слабым гравитационным полем, как у Луны. Кормовая часть была перекошена, корпус дал трещину и наполовину отделился от рамы.

А вторым, что попалось мне на глаза, был свет, время от времени загоравшийся в некоторых иллюминаторах в самой верхней части корпуса.

Внутрь корабля можно было попасть в нескольких местах. Я осмотрела многие из них. Большинство приводили к прочно задраенным дверям. Некоторые, казалось, вели дальше, но я беспокоилась, как бы не заблудиться в лабиринтах

внутренних коридоров. Я совершила несколько вылазок, прикрепляя к точке входа шнур, чтобы отыскать обратный путь. Но во время очередной вылазки я внезапно почувствовала, как шнур провис. Я выбралась по нему обратно и так и не смогла понять, я ли плохо закрепила его или кто-то нарочно отвязал. Больше я в корабль не заходила. Не было причин предполагать, что девочка и те, с кем она живёт, желают мне добра. В самом деле, будь это так, она наверняка уже давно пошла бы на сближение. И мне пришлось прибегнуть к обходным путям.

Я попробовала штурмовать корпус при помощи магнитных кошек, чтобы подобраться поближе к светящимся иллюминаторам. Но когда долезла, я была уже не уверена, те ли это иллюминаторы. Как бы то ни было, пока я карабкалась, все огни погасли.

Мне начало казаться, что я гоняюсь за призраками.

Я была настолько обескуражена, что однажды в пятницу вечером решила остаться дома на выходных. Живот у меня вырос уже большой, и хотя при одной шестой "же" должно быть легче вынашивать ребёнка, мы всё равно уже не такие сильные, как наши земные предки. У меня часто

болели ноги и ныла спина.

Так что я решила нанять экипаж и прокатиться в Уиз-банг, новую столицу Техаса. Кузнец Гарри только что приобрёл новый "Коламбус Фаэтон" — за 58 долларов по каталогу компании "Сирс"! — и был рад предложить мне опробовать его. (Заказ по почте был нашей вежливой ложью, лазейкой для получения современных товаров. Исторических парков никогда не будет достаточно для производства всего, что необходимо для выживания: таких предметов просто слишком много. Большинство вещей у меня в доме было доставлено фургонами "Уэллс-Фарго" прямиком с фабрик, управляемых компьютерами.) Гарри запряг серую в яблоках кобылу, по его заверениям, смирную, и я пустилась в путь.

Уиз-банг находится в восточной части парка. В подлунную полость диаметром всего пятьдесят миль втиснуты достойные внимания ландшафты, на Земле простирающиеся на две сотни миль, так что по дороге я попала в другую климатическую зону, где чаще идут дожди и больше растительности. По чистой случайности я застала пик цветения флоры. Мне попались живокость, пламенник, "сомбреро", кастиллея, васильки и голубые люпины. Миллионы миллиардов люпи-

нов. Я остановила лошадь и пустила её пастись, а сама расстелила одеяло посреди цветов и перекусила дорожными припасами. Сказать не могу, каким облегчением было уехать подальше от зловещего корпуса "Хайнлайна", от удручающих белых скал лунной поверхности и насладиться пением пересмешника.

Я въехала в Уиз-банг около полудня. Этот городок побольше Нью-Остина — то есть в нём пять салунов, а у нас всего два. Здесь более развит туристический бизнес по сравнению с менее привлекательным Нью-Остином, поэтому здесь больше мелких лавчонок, торгующих подлинными сувенирами, что по-прежнему составляет основной источник дохода двух из пяти техасцев. Я побродила по улочкам, кивая встречным джентльменам, в ответ приподнимавшим шляпы, и заглядывая в каждую витрину. Ассортимент товаров делился на четыре категории: мексиканские, индейские, "с дикого Запада" и викторианские. Первые три делались исключительно вручную на территории парка и с документальной точностью воспроизводили подлинные предметы — с одним небольшим отклонением: "индейскими" считались предметы материальной культуры всех юго-западных

племён, а не только команчей и апачей. Но зато не было ни тотемных столбов, ни пластиковых младенцев в заплечных сумках.

Внезапно до меня дошло, что ответ на мои вопросы, если он в принципе существует, находится прямо передо мной. Я стояла перед витриной магазина игрушек.

* * *

Следующим воскресным утром я вновь повела луноход по бывшей дороге в шахты, затем вверх по склону кратера Деламбр, и всю дорогу чувствовала себя Санта-Клаусом. У меня было с собой полно игрушек, пусть и не в санях, а в герметичном мешке на пассажирском сидении.

— Скорее, Гром, Амур, Танцор![77] — воскликнула я. Путешествие по сельской местности и новый план действий воодушевили меня, а то я было приуныла. Я остановила луноход и быстро разбила палатку. Не говоря ни слова, я прямиком приступила к работе — раскладыванию подарков… о, перестань, Хилди! Я смеялась, отчего мой

---

[77] Примечания: 77

Обращение к трём из восьми оленей Санта-Клауса, строчка из поэмы Клемента Кларка Мура "Визит святого Николая" (в переводе Л. Яхнина — "Рождественская ночь").

большой круглый живот наверняка колыхался, будто полная чаша желе.

Первый пункт моего плана сделал владелицу уиз-бангской игрушечной лавки намного счастливее и богаче. Она даже вышла из-за прилавка и проводила меня на улицу, неся мои пакеты с безделушками, и разве что поклоны не била, грузя покупки в мою двуколку. Затем я прикатила назад в Нью-Остин, всего разок остановилась по пути, чтобы нарвать букет люпинов. Я отправила его почтой Крикету — нет, я ещё не сдалась.

В магазине я брала почти всё без разбору, не стала покупать только оловянных солдатиков да большинство кукол. Почему-то они показались мне неправильными; возможно, сработали какие-то личные предубеждения. Но теперь я пролила немало пота, прежде чем выбрала каждый из четырёх предметов, которыми хотела приманить девочку.

Первой шла лужёная оловянная повозка, запряжённая лошадью. Игрушка была ярко раскрашена красным и жёлтым. Все маленькие девочки любят лошадей, не так ли?

Затем я выбрала полуметровую мексиканскую куклу-скелет из гипса, папье-маше и кукурузной шелухи. Мне понравилось, как он весело пощёл-

кивает костями, вися на своих пяти ниточках. Он был старым и мудрым.

Третьей была деревянная кукла-качина, ещё старше и мудрее, хотя её вырезали и раскрасили всего несколько месяцев назад. Я предпочла её нежным безобидным куколкам белых людей, с фарфоровой кожей, пухлыми губками и в юбках с оборками, потому что она навеяла мне мысли о древних тайнах и неведомых обрядах. Она была такой же дерзко языческой, как то неуловимое воздушное создание, что скорчило мне рожицу. Почитав о своей покупке, я убедилась, что попала прямо в точку: индейцы племени хопи верили, что дух предков, Качина, живёт среди племени, но невидим.

И последней шла самая счастливая находка: сачок для бабочек, сделанный из гибкой лозы и марли. К нему прилагались стеклянная банка с завинчивающейся крышкой, ватный тампон и бутылочка спирта для гуманного усыпления пойманной добычи. Такой набор игрушек родители-первопоселенцы могли бы подарить ребёнку, увидев у него склонность к биологии.

Безвоздушное пространство не опасно ни для одной из игрушек, но солнечный свет на поверхности Луны безжалостен, так что я разложила

подарки там, где они оставались в тени, поблизости от корпуса "Хайнлайна", и украсила маленькими фонариками, чтобы их легче было найти. Затем вернулась в палатку.

У меня было не слишком много времени, если я рассчитывала в понедельник вовремя начать уроки, но я провела это время совершенно бесцельно. Кусок не лез в горло и не хотелось открывать захваченную с собой книгу. Я была взволнована, обеспокоена и слегка расстроена. Что заставило меня думать, будто уловка сработает?

В конце концов я сложила палатку и последний разок сходила поглядеть на свою выставку подарков, которая так и осталась нетронутой.

Следующую неделю я провела как в аду. Много раз подумывала подыскать себе замену и вернуться к чёртову кораблю. Хотите знать, насколько не на месте было моё сердце? Элиза уличила меня, когда я сдала вторую карту, а этого не случалось ни разу за последние семьдесят лет.

Но наконец неделя доползла до конца, быстрее, чем неторопливый садовый слизень, и в пятницу после обеда я перепоручила редакторские хлопоты Черити, предупредив её, чтобы нарывалась не больше чем на три-четыре иска о клевете, и побила все рекорды скорости по дороге в Деламбр.

* * *

Качина исчезла. На её месте было… я сперва не поняла, что, но быстро догадалась: песчаная картина индейцев навахо. Их создают, насыпая щепотки разноцветного песка, такие изображения могут быть очень точными и подробными. Чего нельзя было сказать о моей, но я оценила затраченные усилия. Картина изображала схематичный силуэт индейца, в военном уборе из перьев и с луком в руке, на фоне шалаша-типи.

Девочка взяла и лошадь с повозкой, а взамен оставила герметичную клетку примерно такого размера, в каких берут на прогулку по Луне любимого хомячка. Но внутри оказалась лошадь. Живая лошадь ростом не более десяти сантиметров в холке.

Я много лет не видела жеребят. Когда мне исполнилось пять, Калли подарила мне на день рождения жеребёнка, но вовсе не такого крохотного. Вскоре после того люди вроде Дэвида Земли добились признания подобных генетических манипуляций незаконными. Миниатюрных животных по-прежнему можно купить на Плутоне, но всё, что дозволяется лунными законами в наши дни, — это вечные щенки и котята. А в дни

моего детства ещё можно было достать настоящую экзотику: крылатых собак или восьмилапых кошек.

Почему-то живая игрушка не показалась мне купленной на Плутоне. Я поднесла клетку к глазам, постучала в стеклянное окошко, и жеребёнок спокойно взглянул на меня. Понятия не имею, что с ним делать…

Приспособления для ловли бабочек казались нетронутыми, пока я не подошла поближе. На дне банки неподвижно лежала данаида монарх, очевидно, усыплённая. Я сунула банку в карман, чтобы позже изучить добычу, оставила сачок где был и поспешила узнать, принят ли мой последний дар. Кукла-скелет тоже исчезла, вместо неё лежал клочок бумаги. Я подняла его и прочитала написанное карандашом "спасибо".

* * *

Обо всём этом я размышляла на обратном пути в Кинг-сити и не знала, радоваться или падать духом. Она взяла три моих игрушки и оставила взамен три других. Этого я никак не ожидала. Надеялась постепенно приманить девчушку подарками; мысль об обмене мне и в голову не приходила.

Но вместе с тем хорошо, что контакт наконец состоялся, хотя бы такой. По крайней мере, я надеялась, что лошадь, бабочку и картину оставила девочка. Хотя не исключено, что всё это было делом рук какого-то другого шутника… но маловероятно. Каждый подарок кое-что подсказал мне, хотя трудно было догадаться, насколько глубоко нужно вникать в их смысл.

Жеребёнок был запрещён законом, так что девочка сообщала, что на законы ей наплевать. На картине, когда я подробно изучила её фотографию, оказался изображён липан-апачский воин, а не просто абстрактный "индеец". Это означало: девочка знает, что подарок из Техаса… и что я там живу? А может она меня навестит? Ну нет, Хилди, это уже из области фантастики.

Бабочка была интереснее всего, и именно поэтому я не поставила палатку, а направилась в гости к Лиз, в её городскую квартиру в Кинг-сити. Из всех, кого я знала, скорее всего именно она сможет оказать мне требуемую помощь, не задавая вопросов.

* * *

По дороге я остановилась и купила очередной компьютер. Его я использовала, чтобы

подправить картинки с моего записывающего устройства: полностью стереть задний план с самых важных кадров, так, чтобы осталась только фигурка бегущей голой девочки на чёрном фоне. Побуждение защитить историю от огласки коренилось во мне очень глубоко; у меня не было оснований не верить Лиз, но не было и причин ей знать всё, что известно мне.

Я показала ей запись и объяснила, чего хочу от неё, и некоторое время мне удавалось сбивать её с толку. Но когда она поняла, что я не собираюсь отвечать на вопросы, она сказала:

— Конечно, без проблем, — выпрямилась и взглянула на меня.

— Нужно прямо сейчас, Лиз, — сказала я.

— Конечно, — ответила она, снова взглянула на меня и догадалась: — А, вот прямо сейчас!

Позвонила другу на одной из студий, и тот ответил, что, разумеется, может всё сделать без проблем. Хотела отправить ему картинки по электронке, но я сказала, что предпочитаю обычную почту. Лиз покосилась на меня с любопытством, шлёпнула на упаковку с записью наклейку с адресом, бросила в почтовый ящик и повернулась ко мне в ожидании моей следующей выходки.

— Вот тебе на! — откликнулась я и достала

бабочку. Мы обе внимательно осмотрели её невооружённым глазом, осторожно переворачивая то так, то этак. Лиз хотела было напустить на неё свой компьютер, но я не позволила и заказала вместо этого обычную лупу, которую доставили минут через десять. Мы вдвоём изучили бабочку через неё и обнаружили, что я была права насчёт системы обеспечения движения. Под крыльями оказались тонкие, как волосок, воздуховоды, каким-то образом прикреплённые к мускулам насекомого, с тем чтобы при опускании крыльев струйки воздуха вырывались наружу.

— Выглядит весьма странно, — высказалась Лиз. — Думаю, бабочка просто упала и валялась.

— Я видела её в полёте, — возразила я.

— Если она полетит, я поцелую тебя в зад и дам тебе час, чтобы собрать толпу, — она выжидательно замолчала, но я ничего не ответила. Очевидно было, что её снедает любопытство. Она попробовала подольститься ко мне, но быстро сдалась и перешла к лошади:

— Возможно, я и соглашусь избавить тебя от этой скотинки. Знаю кое-кого, кому хочется заполучить её.

Она пощекотала лошадке подбородок, та зарысила к краю стола, на который я её выпустила, и

спрыгнула вниз. Уменьшенные копии лошадей при одной шестой "же" довольно прыткие.

Лиз назвала мне цену, я сказала, что она вырывает кусок хлеба изо рта моих детей, и назвала другую. Лиз ответила, что я, должно быть, принимаю её за наивную дурочку, и в конце концов мы договорились о цене, которая вроде бы устроила её. Я не сказала, что могла бы просто подарить лошадь, если бы Лиз попросила.

Прибыли готовые картинки. Я просмотрела их и сказала, что они сделаны прекрасно, поблагодарила Лиз за помощь и извинилась за беспокойство. И откланялась, оставив её за дальнейшим изучением бабочки.

* * *

Я получила от Лиз полоску снимков, подходящую для вставки в зоотроп. Если вы не знаете, что это такое, поясню: он немного похож на фенакистископ, но высшего качества, хотя и не такой замечательный как праксиноскоп. Всё ещё недоумеваете? Представьте себе небольшой барабан, открытый сверху, с прорезями по бокам. Насаживаете барабан на штырь, вставляете внутрь картинки, вращаете его и смотрите в прорезь. Если вы правильно подберёте картинки, вам будет

казаться, что они движутся. Зоотроп — древний прадедушка киноаппарата.

Я вставила полоску в зоотроп, купленный в уиз-бангской игрушечной лавке, раскрутила его и полюбовалась, как девочка бежит скачками. Я добилась, чего хотела, без помощи лунной компьютерной сети, известной как ГК. Если хоть немного повезло, картинки по-прежнему остались только в моём записывающем устройстве.

Я поспешила обратно в Деламбр и положила зоотроп туда, где невозможно было пройти мимо него. Разбила палатку, приготовила и съела лёгкий ужин и заснула.

За выходные я проверяла зоотроп много раз и всегда обнаруживала его там, где и оставила. Воскресным вечером — когда в Деламбре всё ещё был день — я сложила пожитки в луноход и решила взглянуть последний раз перед отъездом. Мне было совсем уныло.

Поначалу я подумала, что к зоотропу никто так и не прикоснулся, но потом поняла, что в нём другие картинки. Я опустилась на колени, раскрутила барабан — и увидела в прорезь мерцающее изображение моей собственной персоны, облачённой в скафандр. У моих ног крутился Уинстон в своём скафандре.

* * *

На всестороннее обдумывание этого у меня была неделя. Хотела ли девочка этим сказать, что желает видеть собаку? Любую или именно Уинстона? Или же она говорила всё, что угодно, кроме "я тебя вижу"?

Мне приходилось постоянно напоминать себе, что торопиться с этим проектом не было никаких причин, за исключением моего растущего чувства нетерпения. Если придётся задействовать Уинстона, потребуется оказать Лиз больше доверия, чего мне не очень-то хотелось. Так что в следующие выходные я отправилась на поверхность, вооружившись четырьмя собаками, по одной из каждой техасской культуры. Одна мексиканская, вырезанная из дерева и ярко раскрашенная, другая — простая деревянная собака первопроходцев; изображение лагеря команчей с собаками, нарисованное на сыромятной коже — лучшей, что я смогла раздобыть, — и жемчужина коллекции, латунная заводная собака, которая подбегала к пожарному гидранту и задирала лапу.

В следующий визит к кораблю я расставила свои подарки, а когда заползала в палатку, у меня

зазвонил телефон.

— Алло? — с подозрением произнесла я.

— Я настаиваю, что летать она не может.

— Лиз? Откуда у тебя мой номер?

— И ты ещё спрашиваешь? Не начинай врать мне с утра пораньше. У меня свои методы.

Я собралась было высказать ей всё, что ГК думает о её методах, и пропесочить её за вторжение в мою частную жизнь — после увольнения я сильно сократила список разрешённых входящих вызовов в своём телефоне, — но дальше намерений дело не пошло, потому что тут я встала, обернулась… и увидела, что все четыре моих новых подарка выстроились в ряд у палатки мордами ко мне. Я завертелась на месте, глядя во все стороны, но тщетно. В такой зеркальной коже, как у неё, девчонка могла распластаться по земле не далее чем в тридцати метрах от палатки, и у меня не было ни малейшего шанса её заметить.

Так что пришлось мне сказать:

— Ладно, проехали! А я как раз думала о тебе и твоём милом пёсике.

— Тогда тебе крупно повезло. Я звоню из машины, до Деламбра мне минут двадцать, не больше, и Уинстон как раз страстно мечтает, скорее всего о твоей левой ноге, так что поставь-ка на огонь

порцию чили!

* * *

— Думаю, за неделю ты прибавила ещё пару килошек, — сообщила Лиз, оказавшись в палатке. — Когда придёт время разродиться, за одну смену ты не управишься.

Я оценила её замечание так высоко, что добавила в её миску три перчика и как следует размешала. Беременность — возможно, одно из величайших смешанных удовольствий, что я когда-либо испытывала. С одной стороны, меня переполняло чувство, не поддающееся описанию, вероятно, близкое к святости. В твоём теле растёт новая жизнь. Когда всё прочее уже сказано и сделано, продолжение рода — единственный очевидный смысл существования. Производство себе подобных доставляет удовольствие множеству низших примитивных схем в мозговой "проводке". А с другой стороны, чувствуешь себя этакой хавроньей.

Я рассказала Лиз так мало, как только могла, по большей части — что я кое-кого заметила неподалёку отсюда и захотела пообщаться поближе. Она увидела мою коробку с игрушками: зоотроп и собак — и заявила:

— Если это та девочка, что на твоих картинках, и если ты здесь её видела, я тоже хотела бы с ней познакомиться.

Мне пришлось признаться, что так и есть. А как ещё было убедить её одолжить мне Уинстона до конца выходных?

Мы обменялись идеями, но ничего стоящего не придумали. Лиз засобиралась восвояси, но кое-что вспомнила, вытащила из кармана колоду карт и протянула мне:

— Я захватила их, когда разнюхала, где ты пропадаешь каждые выходные.

Перед этим она поведала мне о своём частном расследовании: как шныряла в Техасе, как выпытала у Хака, что каждую пятницу я уезжала из редакции, едва выпустив газету, а в последнее время даже не дожидаясь этого. Сведения о прокате луноходов доступны всем, точнее тем, кто знает, как их просмотреть, и из них Лиз узнала, каким пунктом проката я пользуюсь. Поговорила по душам с механиком и получила доступ к счётчику пробега моей машины, а простые арифметические операции позволили вычислить, насколько длительные поездки я совершаю, но к тому времени она и так была уверена, что я езжу в Деламбр.

— Я поняла, что ты кое-что заметила во время Двухсотлетия, — продолжала Лиз. — Что это было, я не знала, но ты вернулась в палатку взбудораженная, как куча потревоженных змей, и никому ничего не сказала. Затем явилась ко мне домой со съёмками девчонки, бегущей сквозь ничто, и не позволила ни оцифровать их, ни передать через компьютер. Знаю, ты рассчитываешь сохранить свои секреты, но я догадалась, что ты кого-то ищешь. И если хочешь найти, вот мой совет: начни раскладывать пасьянс. Рано или поздно к тебе подойдут и скажут…

— …клади чёрную десятку на красного вальта, — договорила я за неё.

— Ну, ты понимаешь. Ну, или тебе хотя бы будет чем заняться.

И Лиз уехала, на прощание бросив обеспокоенный взгляд на своего любимца, которого нимало не встревожил её отъезд, и наказав выгуливать его трижды в день, иначе пожалею: в гневе он способен и поезд заставить сойти с рельс.

* * *

Карты у меня с собой и так были. Обычно я ношу с собой колоду: перебирать карты, когда нечего делать и хочется чем-то занять руки, лучше, чем

вышивать гладью, и потенциально выгоднее. Если не тренироваться, в один прекрасный день за карточным столом руки подведут.

Но пасьянсы я никогда не раскладывала, и мне немного стыдно говорить, почему. Я жульничаю. Когда играешь в "двадцать одно" или "5 карт на руках", это и к лучшему, но в пасьянсе-то какая в том польза?

С пользой или нет, но я поймала себя на том, что подтасовываю карты.

Втянулась я в это довольно быстро. Не в игры, они сущая трата времени, одна другой хуже, а в сами карты. Могла мысленно воспроизвести порядок их следования, подружилась с ними, и они раскрылись передо мной. Если достаточно практиковаться, всегда будешь знать, какая карта придёт следующей, и сможешь распознавать карты, которых не видишь, так хорошо, как если бы они были краплёными.

Я забавлялась картами довольно долго, пока Уинстон не вскочил и не начал скрестись в стенку палатки. Я подумала, что лучше одеть его в скафандр, не дожидаясь исступления, подняла голову — и встретилась с девочкой лицом к лицу. Она стояла у палатки, с улыбкой смотрела на Уинстона, а под мышкой у неё был телескоп. Взг-

лянула на меня и погрозила пальцем: ай-яй-яй!

— Погоди! — крикнула я. — Я хочу поговорить!

Она снова улыбнулась, пожала плечами и превратилась в идеальное зеркало. Всё, что мне было видно, — искажённое отражение палатки и кусочка земли, где она стояла. Искажения закрутились, расплылись и начали таять. Прижавшись лицом к стене палатки, я следила, как девочка уходит, и мне было видно, поскольку она была единственным движущимся объектом в округе. Она удалялась не спеша и, возможно, оглядывалась через плечо, но за это не поручусь.

Я быстро облачилась в скафандр, призадумалась, потом одела и Уинстона. Выпустила его, зная, что его зрение и чутьё здесь бесполезны, но надеясь, что некая особая собачья интуиция поможет мне взять след. Он потрусил вперёд, пытаясь обнюхать землю, но, как и обычно, только вымазал гермошлем в пыли. Я пошла следом за ним с фонариком в руке.

Вскоре пёс остановился и принялся сильнее обычного тыкаться шлемом в землю, будто пытался что-то поднять. Я опустилась на колени, посмотреть, что именно. Это был кусочек какого-то губчатого материала. Когда я взяла его в руку, он раскрошился у меня в перчатке. Я громко

расхохоталась; Уинстон поднял голову, и я похлопала его по шлему:

— Можно было догадаться, что ты не пройдёшь мимо еды, даже если не можешь её понюхать!

И мы двинулись дальше вместе по следу из хлебных крошек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чувствуя себя чем-то вроде эмблемы на капоте лунохода — и показывая намного больше хромированного живота, чем одобрили бы сэр Роллс и господин Ройс, — я дерзко вышла на солнышко, почти такая же голая, как в день, когда родилась. Дерзко, если упустить из виду то, что перед этим я полчаса собиралась с духом. Голая, если не считать таинственного силового поля, удерживавшего вокруг меня тёплое воздушное одеяло минимум пять миллиметров толщиной.

Даже то, что касалось тепла, было иллюзией. Конечно, я чувствовала себя так, будто воздух меня согревает, а без этой психологической подстраховки сомневаюсь, что справилась бы. Но на самом деле воздух меня охлаждал. Проблема отвода тепла актуальна для любого скафандра, хоть купленного в магазине фирмы "Хэмилтон", хоть сотворённого ловкостью рук Гения с "Роберта А. Хайнлайна". Видите ли, человеческое тело выделяет тепло, а основное назначение скафандра — служить хорошим изолятором; если тепло не отводить, перегрев задушит вас. Видите?

Ох, братцы… если вы уже успели посмеяться

над моими объяснениями наноинженерии и кибернетики, вас ещё не так разберёт, когда услышите, как Хилди доступно рассуждает о скафандрах на основе поля.

— Ты прекрасно держишься, Хилди, — польстила мне Гретель (имя вымышленное). — Я знаю, нужно время, чтобы привыкнуть.

— Откуда знаешь? — парировала я. — Ты выросла в скафандровом поле.

— Да, но ты не первый новичок, кого я сопровождаю.

Что есть, то есть, новичок, делаю робкие первые шаги. Я нагнулась, тщетно пытаясь разглядеть носки своих ног, и подумала, что не увижусь со ступнями, пока не рожу. Пошевелила пальцами на ногах, и солнечные зайчики заплясали на их отражениях. Как будто на мне были толстые носки из защитной майларовой плёнки, я ощущала только жёсткость каменистой лунной поверхности, но не температуру. Как мне сказали, это результат действия принципа обратной связи; на самом деле поле позволяло мне парить в пяти миллиметрах над поверхностью и не касаться её, как бы сильно я ни топала. Тоже хорошо, особенно когда камни такие раскалённые.

— Как дела с дыханием? — спросила Гретель.

Я не сразу привыкла к тому, как странно звучал её голос. Вживлённый в меня телефон стал частью скафандра-поля и синтезировал голосовые сигналы на частоте, которой хайнлайновцы пользовались для связи между скафандрами.

— Всё ещё хочется хватануть воздуха, — призналась я.

— Повтори-ка?

Я повторила, отчётливо выговаривая каждое слово.

— Пройдёт, это психическое.

Думаю, она имела в виду психосоматическое или, возможно, психологическое. Или сказала именно то, что собиралась. А как ещё, если не психом, назвать человека, доверившего свою драгоценную шкуру пространственному эффекту, которого, насколько я понимаю, не существует в реальном мире?

Желание дышать ощущалось весьма сильно, несмотря на то, что у меня в мозгу работал некий глушитель, подавлявший дыхательный рефлекс. Моё тело сполна получало необходимый кислород, но когда лёгкие привыкли более ста лет расширяться при вдохе и сжиматься при выдохе, становится тревожно, если требуется прекратить их работу на час или около того. Я уже сдержива-

ла дыхание почти десять минут. И чувствовала, что вот-вот побегу обратно, продышаться.

— Хочешь вернуться внутрь?

Я задумалась, не озвучила ли невольно свои страхи. Надо следить за собой. Я покачала головой, но, вспомнив, как трудно меня разглядеть, выговорила:

— Нет.

— Тогда возьми меня за руку, — сказала Гретель. Я повиновалась, поля наших скафандров слились и я почувствовала прикосновение её голой руки к своей. Ясно как день: если когда-нибудь такие скафандры попадут на рынок, начнётся повальное увлечение занятием любовью под звёздами.

* * *

Однако покамест не торопитесь в магазин за скафандром-полем.

Его, несомненно, можно будет купить, но не раньше, чем через несколько лет, вследствие текущего положения. Множество людей сердиты на хайнлайновцев из-за того, что те не отдают свои патенты широкой общественности за здорово живёшь. До меня доносился этот ропот. Но те, кто ропщет, попусту тратят время, поскольку просто не понимают хайнлайновцев. Они

чертовски уверены, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и всеми силами стараются это доказать.

Сейчас, когда я пишу эти строки, хайнлайновцы всё ещё обозлены, но стоит ли их в этом винить? Естественно, все обвинения с них сняты, и сроки исковой давности фактически истекли. Никто больше их не преследует. Тем не менее я торжественно поклялась не разглашать имён никого из них без письменного разрешения, и такого разрешения мне не дали, но кто посмеет заявить, что они не правы? Вы можете как угодно отзываться обо мне как журналисте, но я никогда не раскрывала свои источники информации и ни за что не раскрою. Так что буду называть девочку "Гретель". И заменю псевдонимами имена всех, с кем я познакомилась, когда пошла по следу Гретель, обёрнутой в идеальное зеркало.

Да, я обещала не лгать вам, но отныне не всегда буду говорить всю правду. По необходимости описание событий было отредактировано, чтобы защитить людей, не имеющих причин доверять властям, людей, которые доверяли мне, а потом обнаружили… но я забегаю вперёд.

* * *

След из хлебных крошек привёл меня к мусорным завалам, обтекавшим основание "Хайнлайна". Сначала показалось, будто след исчез в глухой стене, но когда я немного нагнулась, увидела проход.

К счастью, Уинстон был на поводке, потому что он упорно рвался в самую глубину мусорной кучи, и убеги он туда, бог знает, сумела бы я его найти. Я посветила фонариком под нависающий выступ — оказавшийся задней частью лунохода устаревшей модели — и увидела, что лаз достаточно широк, чтобы мне туда протиснуться. Без хлебных крошек я ни за что бы не рискнула в него сунуться: видны были как минимум четыре хода в разных направлениях. Но я двинулась дальше, гадая, насколько прочно держится вся куча и не погребёт ли меня под собой, едва я обо что-нибудь ударюсь.

Совсем скоро стало ясно, что я следую проторённой тропой. Поначалу под ногами был голый камень, но затем появился настил из отслуживших своё пластиковых стеновых панелей. Я осторожно пробовала ногой поверхность, прежде чем ступить дальше, но настил оказался

прочным. Я обнаружила, что каждая панель крепилась точечным сварным швом к какому-либо массивному предмету, наиболее устойчивому из окружающего хлама. Затем, взглянув вдоль хода, я увидела, что он идёт уже не по земле, а выше. Мой фонарик выхватил из мрака бесконечный мусорный массив. Будь здесь воздух, я могла бы попробовать бросить монетку или какой-нибудь мелкий предмет; такое ощущение, что внизу звякнуло бы очень нескоро.

Я ещё какое-то время продолжала осторожно пробовать ногой каждую панель, но все они оказались такими же устойчивыми, как и первая, и я решила, что веду себя глупо. Очевидно, что люди регулярно пользовались этой тропой, и несмотря на то, что она была импровизированной, держалось всё надёжно. Обведя вокруг себя лучом фонарика, я вскоре заметила, что туннель проделан чем-то вроде горнопроходческой машины. Он был цилиндрическим, куски мусора в стенах выглядели обрубленными или разрушенными взрывом; в одном месте туннель пересекала металлическая балка, и по центру из неё было вырезано или выпилено отверстие, а концы остались торчать справа и слева. Поначалу я не разглядела цилиндрической формы туннеля из-

за причудливой неправильной формы составных частей горы, в которой он был проделан. И на стенах не было никакой облицовки, не то что в Кинг-сити.

Спустя некоторое время я подошла к световой гирлянде, весьма небрежно протянутой по левой стороне туннеля. И вскоре увидела, как издалека ко мне кто-то приближается. Я посветила в ту сторону фонариком, и незнакомка посветила в ответ своим. Я увидела, что она, как и я, беременна и ведёт на поводке бульдога. Для совпадения это было уже чересчур.

Уинстон ничего не заподозрил. Не тратя время на размышления, он со своей обычной прытью ринулся вперёд, то ли поприветствовать нового друга, то ли порвать врага в кровавые клочья, кто ж его ведает? Я услышала по радио своего скафандра звук его столкновения с препятствием. Приложился он крепко, но не нанёс сколько-нибудь заметного вреда идеальному зеркалу.

Не смогла повредить его и я, хотя старательно проделала весь набор бесполезных действий, которые предпринимают люди в рассказах о встречах с внеземными объектами: запустила в зеркало камнем, побила импровизированной дубиной и пару раз пнула. Ни царапинки не оста-

лось. ("Господин президент, по моему научному мнению, летающая тарелка состоит из сплава, доселе неизвестного на Земле!") Будь у меня под рукой огонь, электричество, лазер или атомное оружие, я применила бы и их, но ничего не было. И кстати, вряд ли это хорошая мысль — использовать лазер.

Так что мне оставалось только ждать, не зная, наблюдала ли за мной девочка, но надеясь, что она посмеялась над моей пустой тратой сил, и твёрдо веря, что она завела меня так далеко не просто для того, чтобы бросить в затруднительном положении. И вдруг на зеркале возникло выпячивание и превратилось в человеческое лицо. Лицо улыбнулось, и девочка появилась вся. Поначалу я подумала, что она шагнула вперёд, но оказалось, что это зеркало отодвинулось назад, формируя поле вокруг её тела, а она стояла на месте.

Зеркало отступило метра на три, и девочка поманила меня. Я подошла, а она стала делать какие-то непонятные жесты. В конце концов я догадалась, что должна держаться за стержень, прикрепленный к стене. Я ухватилась за него, а девочка опустилась на корточки и схватила Уинстона. Он ей обрадовался.

Раздался громкий хлопок и в меня что-то врезалось. Закружился вихрь мелких кусочков мусора и пыли и вроде бы даже возник лёгкий туман. Идеальное зеркало исчезло с прежнего места, коридор изменился. Я огляделась и увидела, что теперь и стены покрыты таким же зеркалом, а плоская поверхность сомкнулась позади меня, там, где я стояла, пока не приблизилась. Весьма эффектная шлюзовая камера, ничего не скажешь!

Гретель ещё несколько секунд была окутана искажениями, потом её скафандр-поле исчез, и она стала той самой голой десятилетней девочкой, что так долго бегала в моих мечтах и снах. Она что-то произнесла. Я покачала головой, взглянула на датчики внешней температуры и давления — просто по привычке, видно же и слышно было, что с воздухом всё в порядке — и сняла гермошлем.

— Прежде всего, — сказала Гретель, — пообещай, что не расскажешь моему отцу.

— Чего не расскажу?

— Что ты видела меня на поверхности без скафандра. Он не любит, когда я так делаю.

— Мне бы тоже не понравилось. Зачем ты делаешь это?

— Обещай или катись отсюда.

Я пообещала. И дала бы любые, самые безумные обещания, лишь бы пройти дальше по туннелю, простиравшемуся передо мной. И даже сдержала бы большинство из них. Вообще-то я считаю, что из соображений безопасности взрослый может нарушить обещание, данное десятилетнему ребёнку, и не мучиться совестью, но это слово я сдержала бы, если бы могла.

У меня были тысячи вопросов, но я не знала, как именно их задать. Я хороший интервьюер, но чтобы получить ответ от ребёнка, нужны особые приёмы. С Гретель и без них не было бы никаких затруднений — трудно скорее убедить её немного помолчать — но тогда я этого не знала. Она так и сидела на корточках, была занята освобождением Уинстона от шлема, так что я молча наблюдала за ней и ждала. Лиз заверила меня, что Уинстон никогда не укусит человека, пока ему этого не прикажут, и я искренне надеялась, что это правда.

И снова Уинстон пришёл мне на выручку. Он приветствовал Гретель, как давнего друга после долгой разлуки, и опрокинул на пол, пытаясь лизнуть в лицо. Она захихикала, я помогла ей подняться и раздеть пса.

— И ты свой снимай, если хочешь, — предложила она.

— А это не опасно?

— Ты могла бы спросить раньше, пока я не сняла с собаки шлем.

Она была права. Я начала выпутываться из скафандра и в шутку упрекнула:

— Ну и заставила же ты меня за тобой погоняться!

— Мне понадобилось время убедить отца в том, чтобы вообще впустить тебя сюда. Но в таких вещах я никогда не спешу. Будь паинькой и подожди.

— А почему он передумал?

— Из-за меня, — просто ответила она. — Я всегда его переубеждаю. Но это было нелегко, ты же журналист и всё такое.

Год назад это удивило бы меня. Когда работаешь в газете, твоё лицо не так известно, как лица звёзд или телерепортёров. Но недавние события всё изменили. Я больше ни за кем не шпионю.

— Твой отец не любит журналистов?

— Ему не нравится огласка. Когда будешь говорить с ним, тебе придётся обещать, что не используешь в статьях ничего, что услышишь.

— Не знаю, смогу ли это пообещать.

— Конечно, сможешь. Впрочем, это ваше дело, как договоритесь.

За разговором мы шли по цилиндрическому коридору, выстланному идеальным зеркалом. Когда мы приблизились к следующей зеркальной стене, такой же, как та, которую я увидела первой, Гретель прошла сквозь неё, не замедляя шага. Когда она отдалилась примерно на метр, стена исчезла, открыв новый длинный участок галереи. Я оглянулась — стена была позади. Просто и эффективно. Пробуренные коридоры выстланы полем, и через равные промежутки в них располагаются барьеры безопасности. Эта новая технология, чем бы она ни была, способна произвести революцию в лунном строительстве.

Меня распирало от вопросов о ней, но не покидало внутреннее ощущение, что покамест вопросы не слишком уместны, понять бы, каково моё положение. Я очутилась здесь из-за детского каприза, и неплохо бы выяснить, насколько Гретель на моей стороне, и заручиться её расположением.

— Ну так что… — запустила я пробный шар. — Понравились тебе игрушки?

— Ой, перестань! — ответила она (не слишком многообещающее начало…) — Я из них уже вы-

росла.

— А сколько тебе? — не исключено, что я с самого начала в ней ошибалась; она может оказаться старше меня.

— Одиннадцать, но я развита не по годам. Все так говорят.

— Особенно папа?

Она улыбнулась:

— Папа — никогда. Он называет меня ходячим аргументом в пользу ретроспективного контроля рождаемости. Ну ладно, ладно, игрушки мне, конечно, понравились, но скорее как забавные древности. Собака нравится куда больше. Как её зовут?

— Уинстон. Так ты из-за него уговорила отца впустить меня?

— Нет. Мне не так уж трудно завести собаку.

— Тогда не понимаю. Я так старалась тебя заинтересовать!

— Да? Вот и отлично! Но, чёрт возьми, Хилди, я бы и так впустила тебя, даже если бы ты сидела на попе ровно.

— Почему?

Гретель остановилась, повернулась ко мне, и одного взгляда на её лицо мне хватило, чтобы понять, что будет дальше. Я уже видела такое

выражение не раз.

— Потому что ты работаешь в "Вымени". Обожаю эту газету! Расскажи, каким был Сильвио на самом деле!

* * *

Большинство моих разговоров с Гретель рано или поздно сводилось к Сильвио, обычно после долгих восторженных бесед о молодой поросли звёзд телевидения и музыки — идолах современных подростков. В общей сложности я брала у Сильвио интервью три раза, присутствовала на светских мероприятиях с его участием раз двадцать и там обменялась с ним примерно дюжиной реплик. Но это не имело значения. В глазах Гретель и это было на вес золота. Она раза в два сильнее, чем большинство её ровесниц, была одержима знаменитостями и их славой и ловила каждое моё слово.

Естественно, я многое приукрашивала. Если уж делала это в печати, почему не делать для Гретель? А ещё я добросовестно изобретала для неё интимные подробности жизни юных звёзд, о большей части из которых и не слышала, не говоря уже о том, чтобы их встречать.

Так ли уж это страшно? Полагаю, да, лгать

маленькой девочке ужасно, но я делала в жизни и худшие вещи — а ей, что, больно было от моего вранья? Начать с того, что сомнительна моральная ценность всей индустрии сплетен во главе с "Выменем" и "Дерьмом" — но индустрия эта очень древняя и в качестве таковой должна удовлетворять основополагающую человеческую потребность. Но хватит уже мне тут за это извиняться. Основное отличие моих статей от моих баек для Гретель в том, что кропала я по большей части злостные сплетни, а истории для Гретель были добрыми. Я рассматривала их как плату за право оставаться рядом. Если Шахерезада заслуживала такое право сказками, чем хуже Хилди Джонсон?

* * *

Я была благодарна Гретель за то, что она взяла меня за руку на первой прогулке по поверхности. Дыхание — возможно, одно из самых недооцененных удовольствий в жизни. Вы замечаете, что дышите, когда что-либо пахнет приятно, проклинаете дыхание, когда что-либо воняет, но в остальное время просто не думаете о нём. Оно так же естественно, как… вы видите? Чтобы по-настоящему оценить его, попробуйте зажать себе

рот и нос минуты на три или даже дольше — так долго, сколько понадобится, чтобы вы оказались на грани обморока. И, обещаю вам, первый вдох, который вернёт вас к жизни с порога смерти, будет сладчайшим из всего, что вы когда-либо испытывали.

А теперь попробуйте не дышать полчаса.

Предполагалось, что кислорода в моём новом лёгком хватит именно на такой срок, плюс-минус пять или семь минут.

— Считай, что оно на полчаса, — посоветовал Аладдин, когда устанавливал мне его. — Так лучше для твоей же безопасности.

— Я скорее буду думать, что оно минут на пятнадцать, — возразила я, — а может, и вовсе на пять.

Я сидела у него в клинике с разверстой левой стороной грудной клетки. Отвратительная серая масса, которая раньше была моим левым лёгким, лежала в тазике на столе, будто товар дня в мясной лавке.

— Не разговаривай, — предупредил Аладдин, — потерпи, пока я не отлажу работу дыхательной системы, — и вытер капельку крови с уголка моего рта.

— …или на одну, — упрямо договорила я.

Он взял новое лёгкое — блестящую металличе-

скую штуковину в форме лёгкого, с несколькими свисающими трубками, — и принялся закреплять его в грудной клетке. Процесс сопровождался хлюпаньем и звуками, похожими на сосание. Ненавижу операции!

Я было приняла своё лёгкое за новейшее изобретение, но когда навела справки о технологиях, связанных с вакуумом, выяснила, что революционной в нём была лишь часть. Всё остальное — скомпоновано из давних отвергнутых изобретений.

Хайнлайновцы были не первыми, кто работал над проблемой приспособления человеческого тела к лунной поверхности. Они всего лишь первыми нашли более-менее практичное решение. Большую часть искусственного лёгкого, которое Аладдин мне имплантировал, занимал резервуар со сжатым кислородом. Остальная часть представляла собой блок сопряжения, позволявший выпускать кислород прямо мне в кровь и одновременно очищать её от углекислого газа. Некоторые другие имплантаты служили для выпуска газа через специальные отверстия в коже и тем самым для отведения тепла. Ни одно устройство не было новым; эксперименты с большей частью из них проводились ещё в

пятидесятом году.

Но в пятидесятом году, так сказать, время расцвета железных дорог ещё не пришло. Система была непрактичной. Для защиты от жары и холода всё ещё требовалась одежда, а система должна была защищать и от того, и от другого — от крайностей, никогда не совпадавших на Земле, — плюс ещё ограждать кожу от действия вакуума, стравливать избыточное тепло и отвечать длинному списку других требований. Купить такие костюмы было можно; за последний год я купила их два. Разумеется, они стали намного совершеннее саркофагов, в которые упаковывались первые исследователи космоса, но работали по тем же принципам. И притом лучше, чем пересаженное лёгкое. Если в конце концов всё равно нужно надевать скафандр, какая польза от тридцатиминутного запаса воздуха на месте лёгкого? Чем дольше вы собираетесь пробыть на поверхности, тем больший запас воздуха вам придётся нести в рюкзаке на спине, совсем как когда-то Нилу Армстронгу.

Для долгого пребывания снаружи хайнлайновцы тоже берут внешние резервуары. Но проблему скафандра они решили: попросту отключают его, когда не пользуются им.

Полагаю, решили они и психологическую проблему, связанную с новым скафандром: как подавить панический рефлекс, возникающий, когда не дышишь нормально слишком долго. Но подозреваю и то, что ответ такой же, какой дают детям на первых уроках плавания: тренируйся почаще и подольше, и перестанешь бояться.

Я натренировалась выдерживать без дыхания пятнадцать минут, но всё ещё испытывала страх. Сердце колотилось как бешеное, ладони вспотели. Или это у Гретель потная рука?

— То, что ты много потеешь, нормально, — ответила она, когда я спросила об этом. — Защитный воздушный слой остаётся довольно горячим, хотя и не обжигает. А выделение пота помогает охлаждаться, как и в обычной жизни.

Мне рассказали, что расстояние между телом и полем скафандра регулярно изменяется в ту и другую сторону примерно на миллиметр. Это создаёт значительную разницу в объёме и вытягивает изнутри тела отработанный воздух, который потом выбрасывается в вакуум через подобие воздуходувных мехов. Вместе с воздухом испаряется и лишняя влага, но большая её часть просто стекает по коже.

— Думаю, теперь мне уже хочется обратно, —

произнесла я одними губами, и, должно быть, весьма отчётливо, потому что ясно расслышала ответ Гретель:

— Хорошо.

Ответ пришёл тем же путём, который использовал ГК для разговоров со мной наедине, в те давние времена, когда я ещё с ним разговаривала. Кроме дыхательного устройства / источника воздуха / генератора поля и нескольких воздуховодов, не слишком много пришлось сделать для моей подготовки к пользованию скафандром-полем. Некоторые модификации уже присутствовали потому, что я была подключена к программе усовершенствования, на что указал ГК во время увеселительных прогулок через прямой интерфейс. Небольшим изменениям подверглись барабанные перепонки, чтобы уши не болели из-за перепадов давления. А ещё мне установили новый быстро реагирующий дисплей, так что когда я закрывала глаза или просто моргала, мне становились видны показатели температуры тела, объёма оставшегося в резервуаре воздуха и тому подобное. Ещё было несколько аварийных сигнализаций — мне объяснили, что они будут срабатывать в различных ситуациях, но я не захотела слушать, в каких. Большая часть

оборудования прилагается к скафандру-полю, и ты просто его носишь. И всё, за небольшим исключением, носишь внутри себя.

Воздушный шлюз, через который я проникла в тайные лабиринты хайнлайновцев, предназначался только для неодушевлённых предметов или для людей, облачённых в неодушевлённые предметы — например, в скафандр старого типа, такой, как был у меня. В скафандре-поле можно просто шагнуть через зеркальную стену, и индивидуальный скафандр растает в ней, как капля ртути в ртутной лужице. И это единственный путь проникновения через барьер нуль-поля, разумеется, кроме полного отключения. Поля идеально зеркальны с обеих сторон, и ничто не проходит сквозь них, ни воздух, ни пули, ни свет, ни тепло, ни радиоволны, ни нейтрино. Ничто.

Ну-у, хотя гравитация проходит, что бы под гравитацией ни понималось. Не ищите её определение на этих страницах. Но магнитные явления не проходят, и Мерлин ещё дорабатывает гравитационную часть. Продолжение следует.

Как раз перед тем, как мы с Гретель шагнули сквозь стену, я заметила на одном её участке искажение в форме лица. Это единственный способ заглянуть за стену — просто уткнуться

в неё лицом, и даже к этому оказалось нелегко привыкнуть. Гретель и её брат — ну кто же ещё? — Гензель проделывали это так же естественно, как я поворачиваю голову, чтобы взглянуть в окно. А мне приходилось каждый раз собираться с духом, потому что все рефлексы вопили мне, что я вот-вот расплющу нос о собственное зеркальное отражение.

Но на этот раз никаких трудностей не возникло, настолько сильно мне хотелось очутиться по другую сторону зеркала. Я влетела в него бегом. И конечно же, не ощутила никакого удара ни обо что — мой скафандр просто исчез, поглощённый полем большего размера. В результате, поскольку некая часть меня приготовилась к удару, а его не последовало, я вздрогнула, зажмурилась, собралась с силами — и будто бы наступила на "четвёртую ступень" трёхступенчатой лестницы: с ощущением провала сквозь ничто протанцевала такой комичный кекуок, будто пол был усыпан банановой кожурой; моему смешному ляпу позавидовал бы любой комедийный актёр немого кино.

Но прежде чем ржать, попробуйте-ка сами пробежать сквозь зеркало.

Гретель утверждает, будто умеет различать

лица людей даже сквозь нуль-скафандр. Полагаю, когда в нём растёшь, такое возможно. А для меня до сих пор все люди в скафандрах выглядят одинаковыми хромированными масками, и, вероятно, так будет ещё долго. Но могу предположить, что через стену выглядывал Гензель, поскольку именно его мы оставили присматривать за Уинстоном и он действительно первым приветствовал меня после моего дебюта в новом скафандре. Гензель — парень лет пятнадцати, высокий, нескладный и робковатый. У него копна светлых волос, как у сестры, и особый взгляд — уверена, унаследованный от отца. Так блестят глаза безумного учёного. А ещё он будто бы хочет разобрать вас на части и посмотреть, как вы устроены, но слишком хорошо воспитан, чтобы спросить на это разрешения. Спешу добавить, он обязательно соберёт вас обратно или хотя бы попытается, хотя навыков, возможно, и не хватит для реализации намерения. Это у него тоже от отца. А от кого робость, понятия не имею. Она не наследуется.

— Мне только что звонили с ранчо, — сообщил Гензель. — Либби говорит, соловая кобыла вот-вот ожеребится.

И брат с сестрой разом сорвались с места, не

дав мне дух перевести. Я давно уже не пытаюсь угнаться за детьми, но эту парочку было рискованно упускать из виду. Не уверена, что смогла бы в одиночку найти обратный путь к "Хайнлайну". Звучит неправдоподобно, не так ли? Едва ли в чём другом жители Луны так хороши, как в устройстве трёхмерных лабиринтов; по крайней мере, нам нравится так думать. Но лабиринты Кинг-сити в основном бывают двух типов: радиально расходящиеся от центральной площади, с круговыми кольцевыми дорогами, или решётки, увеличивающиеся на север-юг и вверх-вниз. А ходы и переходы деламбрской свалки больше похожи на блюдо спагетти. Два дня в Деламбре способны свести с ума любого городского планировщика. Свалка просто растёт во всех направлениях.

Пути, которыми я теперь спешила вниз, проделаны не таинственным механизмом, а кучкой морально устаревших проходческих комбайнов — вот ещё в чём хорошо разбираются на Луне. Комбайны обычно бурят себе дорогу сквозь камень, но и параметрическое бурение груды технологических отходов им вполне по силам; они оборудованы лазерами и прорежут путь через что угодно. У хайнлайновцев их дюжи-

на. Все их нашли здесь же, починили и, судя по всему, просто завели и пустили на самотёк. На самом деле нет, но любому, кто попытается найти упорядоченность в хитросплетении туннелей, покажется, что дождевые черви на Земле и те работали аккуратнее.

Как только червоточины были готовы, за дело принялись бригады людей и настелили полы из первых попавшихся под руку пластиковых панелей. Поскольку эти панели более века были основным строительным товаром, найти их было нетрудно. И последний штрих — установка ШС через каждую сотню метров или около того. ШС — это шлюзовая секция, состоит она из генератора нуль-поля, логических схем для управления причудливой запорной системой на каждом конце, большого контейнера с воздухом, еженедельно обслуживаемого автоботами, и провода питания, идущего от панели солнечных батарей на вершине мусорной кучи. Когда у кого-нибудь доходили руки, по потолку секции проводили освещение и отопление, чтобы там не было слишком холодно и темно, но это считается роскошью и есть не во всех туннелях.

Более навороченной и уязвимой системы сдерживания Духососа наш избитый старый шарик

не видывал, и никто, у кого есть хоть половина капли мозгов, ни на долю секунды не доверил бы ей своё единственное и неповторимое тело. И вполне обоснованно: поломки случались часто, а починка задерживалась. Хайнлайновцам было просто наплевать на это, они не видели ничего страшного. Если кому-то попадётся на пути участок туннеля без воздуха, у него тут же включится скафандр и позволит не торопясь добраться до исправной секции. Здесь не слишком-то переживали из-за вакуума.

Это делало наше путешествие весьма своеобразным и давало лишний повод не терять из вида детей. У них обоих были с собой фонарики — почти обязательное условие посещения туннелей, а я свой фонарь опять забыла. Мы вступили в тёмную холодную секцию, и всё, что мне оставалось делать, это бежать во всю прыть за мечущимися впереди огоньками. Конечно, я могла окликнуть детей и попросить подождать меня, если заблужусь, но твёрдо решила не делать этого. Это совсем не походило бы на развлечение, а детям прежде всего хочется развлекаться. Не хотелось бы заслужить репутацию черепахи, которую вечно приходится дожидаться.

А холодно было так, что зуб на зуб не попадал.

Но внезапно включился мой скафандр, и я согрелась прежде, чем снова выбежала на свет. Уинстон оглянулся на меня и гавкнул. Он по-прежнему был в своём старом скафандре, Гензель нёс его гермошлем. Дети хотели и пса осчастливить нуль-скафандром, но я не знаю, как смогла бы объяснить это Лиз.

* * *

Когда меня впервые привели на ферму, я ожидала увидеть гидропонную или почвенную плантацию вроде тех, о которых большинство жителей Луны знают, что они где-то есть, но долго роются в путеводителе, чтобы туда попасть, а на самом деле никогда туда не ездят. А я посетила одну из них, давным-давно, когда писала какую-то статью — за век жизни побывала почти везде, — и поскольку вы скорее всего не были в подобных местах, позвольте сказать вам, что они по большей части весьма скучны. Не стоят траты вашего времени. Что бы там ни выращивали, кукурузу, картофель или цыплят, вы увидите помещения с низким потолком, занятые бесконечными рядами клеток, стойл, грядок или лотков. Машины доставляют корм или питательные вещества, удаляют отходы и собирают готовую продукцию.

Большинство животных разводят под землёй, большинство растений — на поверхности, под пластиковыми крышами. Всё это располагается вдали от цивилизации и крайне редко становится темой разговоров, потому что очень многим из нас невыносима даже мысль о том, что наша пища росла в грязи или когда-либо кудахтала, хрюкала и испражнялась.

Я ожидала увидеть предприятие пищевой промышленности, пусть даже и построенное по типично хайнлайновским техническим условиям. Аладдин как-то раз описал мне их так: "Сварганено на авось, примерно на три четверти сломано и чертовски ненадёжно". Позднее мне попалась на глаза именно такая ферма, но у Гензеля, Гретель и их лучшего друга Либби была совсем другая. Я в очередной раз забыла, что имею дело с детьми.

Ферма располагалась на борту старины "Хайнлайна", за большой герметичной дверью с надписью: "Столовая команды № 1". Внутри множество столов было сдвинуто вместе и прочно скреплено в платформы высотой до половины человеческого роста. На столешницы был насыпан слой почвы, в которой росли злаки-мутанты и карликовые деревья. Сцену украшали тоненькие

грунтовые дороги, станционные домики и мосты из наборов игрушечных железных дорог, там и сям возвышались кукольные домики, игрушечные сараи и кукольные городки, не совпадающие друг с другом по масштабу. Всё помещение было размером примерно сто на пятьдесят метров. Здесь молодое поколение выращивало миниатюрных жеребят и много чего другого. Очень много чего.

Заправляли фермой дети, к тому же хайнлайновцы, посему выглядела она далеко не так здорово, как могла бы. Почву забыли как следует дренировать, и обширные участки оказались размыты. Грандиозный проект возведения гор у дальней стены выглядел незавершённым и давно заброшенным. У зодчих иссякли запасы энтузиазма и строительного гипса, и на месте гор так и остались голые сетчатые каркасы из оранжевого пластика.

Но если слегка прикрыть глаза и подключить воображение, хозяйство выглядело миленько. И о том, что это именно ферма, безошибочно говорило обоняние. Стоило только войти, сразу становилось понятно, что здесь находится скот в свободном выгуле.

Либби, рыжеволосый восемнадцатилетний

парень, ещё более долговязый, чем Гензель, был наверху, рядом с одним из небольших сараев. Он окликнул нас, мы взобрались на приступки и по ним на верх платформы. Я ступала осторожно, чтобы не сломать деревья или, того хуже, не передавить лошадей. Когда я добралась, трое фермеров стояли на коленях вокруг сарая с красными стенками. Крышу с него сняли, внутри видна была соломенная подстилка и лежащая на боку кобыла.

— Смотри! Появляется! — пискнула Гретель. Я взглянула, отвернулась и села на землю за сараем, опрокинув белую изгородь. Да и чёрт с ней, изгородь всё равно стояла для мебели, коровы и лошади без труда перепрыгивали её, будто кузнечики. Я слегка наклонила голову и решила, что со мной всё обойдётся. Наверно.

— Что-то не так, Хилди? — спросил Либби. Я почувствовала, как он коснулся моего плеча, и заставила себя взглянуть на него и улыбнуться. Похоже, он в меня влюбился. Я похлопала его по руке, заверила, что всё в порядке, и он вернулся к своим зверюшкам.

Я не особо брезглива, но из-за беременности иногда случались приступы тошноты. До срока оставался ещё примерно месяц, и менять реше-

ние было уже слишком поздно. Этот жизненный опыт я вряд ли когда-нибудь забуду. Поверьте, когда вскакиваешь в три часа ночи из-за дикого желания поесть устриц в шоколаде, такое не забывается. И то, как полупереваренные устрицы выглядят утром в тазике, тоже здорово врезается в память.

Меня немного беспокоило, как теперь быть с дородовым наблюдением. Посещение любой клиники в Кинг-сити грозило серьёзной проблемой: медики обязательно заметили бы моё нестандартное левое лёгкое. Среди хайнлайновцев было несколько врачей, и одна из них, "Хейзел Стоун", осмотрела меня и заверила, что тревожиться не о чем. Часть меня поверила ей, но другая часть — новая, которую я лишь недавно начала понимать: сумасшедшая мамаша — не поверила. Врач нисколько не удивилась и не пожалела времени, чтобы по мере сил успокоить меня.

— Вы правы, моё здешнее оборудование далеко не такое современное, как в Кинг-сити, — признала она, — но это и не инструменты средневекового лекаря. Главное, вы здоровы настолько, что я, если придётся, смогу принять у вас роды вручную, потребуется только чистая вода да пара перчаток. Буду осматривать вас раз в неделю и

обещаю вам, что сразу замечу, если вдруг возникнет какое-нибудь осложнение.

А затем предложила:

— А хотите, вытащим дитя прямо сейчас и посадим в контейнер? Пусть растёт у меня в кабинете, я буду за ним присматривать и подключу столько аппаратуры, сколько потребуется, чтобы вы ни о чём не переживали.

Я поняла, что она шутит, но на долю секунды готова была всерьёз об этом подумать. И сказала, что твёрдо решила идти до конца, поскольку уже зашла так далеко, хотя и осознаю собственную глупость.

— Это всё из одной оперы, — ответила врач, — и перепады настроения, и порывы безрассудства, и пищевые пристрастия. Если уж очень сильно замучаетесь, могу помочь.

Возможно, моя реакция была последствием недавних бесцеремонных вмешательств ГК в мою жизнь, но я наотрез отказалась от лекарств, выравнивающих настроение. Перепады меня, конечно, не радовали, я не мазохистка, но я твердила себе: если уж собралась пройти через это, Хилди, прочувствуй всё до конца. Иначе можно было бы и ничего не делать с собой, а просто почитать о материнстве.

Но подлинный источник моего беспокойства был таким же нелепым, как мороженое с гарниром из солёных огурцов. Поскольку я по-прежнему жила в Техасе и ездила в Деламбр, я продолжала раз в неделю посещать Неда Пеппера. На первый взгляд, для того, чтобы не вызывать подозрений ни у него, ни у кого-либо другого, но, уверена, я ходила к нему ещё и потому, что он меня странным образом успокаивал. Дело в том, что хоть он и не сдавал никаких экзаменов на звание врача, большинство пациентов обнаруживали, что он чертовски хороший интуитивный диагност. Доведись ему родиться во времена попроще, он мог бы сделать себе на этом громкое имя. И…

— Хилди, — сказал однажды Нед, постукивая себя стетоскопом по губе, — не хочу тебя пугать, но кое-что в твоей беременности нервирует меня, как ночной факел — скунса.

Он глотнул из очередной бутылки и, пошатываясь, встал со стула, пока я поправляла задранную юбку. Вот ещё почему я предпочитала его костоправам из Кинг-сити: для гинекологического осмотра в Западном Техасе почти не надо было раздеваться. Доктор просовывал холодный металлический диск стетоскопа мне под блузку

и слушал сердце, сначала моё, потом ребёнка; простукивал мне спину и живот; измерял температуру стеклянным термометром и под конец просил: "Закинь-ка ножки на эти подставки, дорогуша". Я знала, что у него есть блестящее латунное гинекологическое зеркало и он сгорает от желания его опробовать, но категорически отказывалась. За исключением этого, пусть выглядит эскулапом и разыгрывает передо мной доктора, поиграем и довольные разойдёмся по домам. Так какого дьявола морочить мне голову своими дурацкими нервами? Он не имел никакого права нервничать. Тем более не имел права говорить мне об этом. И казалось, он и сам это понял, как только глоток виски докатился от рта до желудка.

— Полагаю, ты ходишь к настоящим врачам? — смущённо спросил он. Когда я ответила, что хожу, он кивнул и подёргал себя за подтяжки. — Ну-у, тогда… тогда и не боись. Возможно, сынуля родится верхом на необъезженном жеребце, играя в пятикарточный покер. Весь в мамочку.

Разумеется, я не перестала переживать. Беременность — это безумие, вот хоть на меня посмотрите.

* * *

Когда я убедилась, что тошнота совсем прошла, я встала и увидела, что сидела на курятнике. У него был стальной каркас, но под моим весом от него отлетела большая часть тонких щепочек, приклеенных по бокам и изображавших стены. Петух размером не больше мыши, возмущённый таким поруганием, яростно клевал меня в пальцы ног. Несколько дюжин кур среди развалин подзуживали его сердитым клохтаньем.

Новорождённый жеребёнок пока не встал на ножки, но зрелище уже закончилось. Гензель, Гретель и Либби разошлись по своим делам. Я ещё постояла у сарая, сочувствуя кобыле. Она взглянула на меня, будто говоря: скоро придёт и твой черёд, госпожа всезнайка. Я просунула руку в сарай и кончиками пальцев погладила новорождённого. Мать попыталась укусить меня, но я её не виню. Я выпрямилась, отряхнула колени и зашагала к крестьянскому домику.

Я знала, что и у него снимается крыша, видела, как его открывали дети. Но я до сих пор не знаю, как относиться к некоторым видам домашних существ, а потому не стала заглядывать сверху. Вместо этого наклонилась и качнула миниатюр-

ный дверной колокольчик. Вскоре дверь домика открылась, один из пупсов мужского пола вышел и выжидательно посмотрел вверх, в надежде на угощение.

Если приравнивать генетические эксперименты к изготовлению нелегальной взрывчатки, то карликовые пони, мини-коровы и крохотная домашняя птица были рассыпным фейерверком, а вот пупсы — динамитными шашками. Пупсами называли маленьких человекоподобных существ, не выше двадцати сантиметров ростом.

Это дети прозвали их так, и весьма метко. Пупсы не были уменьшенной копией взрослых людей. Стараясь дать им побольше ума, Либби сделал им мозг покрупнее, отчего они были большеголовыми. Вполне здравое рассуждение для ребёнка. И возможно, даже верное, насколько мне было известно: нынешнее поколение пупсов, по словам Либби, было намного умнее двух предыдущих. Но всё равно соображали они ничуть не лучше, чем большинство видов мартышек.

Пупсы не были людьми, давайте сразу закроем этот вопрос. Но у них были человеческие гены, а эксперименты с ними на Луне строжайше запрещены законами, принятыми более двух веков назад. Когда я была маленькой, на моих

жеребятах не катались эти жуткие живые куклы, и, думаю, такого не было ни у кого. Нет, пупсы обязаны своим существованием пытливому уму юнца Либби, и больше ничему и никому.

Если преодолеть потрясение и ужас, охватывающие любого на Луне, кто впервые видит этих существ, можно даже признать их симпатичными. Они много улыбаются, с радостью хватаются крошечными ручками за протянутый к ним палец. Большинство умеют выговаривать пару слов, например, "Конфетку!" или "Привет!". Некоторые могут составлять простейшие предложения. Несмотря на развитые руки, инструментами пользоваться пупсы не умеют. Они не народ. И они забавны.

Но довольно. По правде сказать, на каком-то интуитивном, безотчетном уровне я боюсь их до мурашек. Они — злой фетиш. Запретный плод с Древа Науки. Наколдованные домовые, а Библия учит не оставлять ворожей в живых.

Но на самом деле я не знала, что и думать об этих проклятых созданиях. С одной стороны, хайнлайновцы привлекали меня именно потому, что делали то, чего не делал больше никто. Так что с другой стороны… если отбросить все здравые и логические рассуждения… почему они

вынуждены были делать это?

Пока я обдумывала этот вопрос — признаться, уже не впервые, — кто-то подошёл и снял крышу с крестьянского домика. Я заглянула туда вместе с новоприбывшим, и мы оба нахмурились. Внутри домик был обставлен кукольной мебелью, но стулья были опрокинуты, а кровати не заняты. Полдюжины пупсов спали вповалку, там, где настиг их сон, а на полу были кучки того, что ожидаешь от животных, когда им приходит нужда. Это здорово помогло мне поверить, что пупсы — не маленькие люди. И напомнило документальные фильмы двадцатого века об ужасах быта в домах для умалишённых и умственно отсталых.

Мужчина отбросил крышу, огляделся вокруг и зычно позвал детей. Они тут же с виноватым видом прибежали с автодрома, где устраивали гонки автомоделей. Мужчина сердито взглянул на них:

— Я же говорил, что если вы не можете содержать своих питомцев в чистоте, вам придётся расстаться с ними.

— Мы всё почистим, папа, — обещал Гензель, — как только кончится гонка. Правда же, Хилди?

Вот паршивец! Опасаясь, что моя возможность

бывать здесь по-прежнему крепко зависит от этих скороспелых сорванцов, я ответила (надеюсь, дипломатично):

— Уверена, они всё уберут.

Я ответила так и потому, что не собиралась лгать человеку, стоявшему рядом, отцу Гензеля и Гретель, от чьей доброй воли на самом деле зависело, насколько долго я пробуду среди хайнлайновцев.

В средствах массовой коммуникации этого человека всегда называли "Мерлином", поскольку он никогда не раскрывал своего настоящего имени. И я даже не уверена, что знаю, как его на самом деле зовут, и думаю, что теперь он доверяет мне, больше, чем когда-либо. Но мне имя Мерлин не нравится, так что отныне я буду называть его господин Смит. Вэлентайн Майкл Смит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Господин В. М. Смит, предводитель хайнлайновцев, был высоким мужчиной, красивым грубоватой мужской красотой, наподобие некоторых наших кинозвёд, — наиболее мужественных из них, — с белыми ровными зубами, такими блестящими, что они сверкали, когда он улыбался, и голубыми глазами, светящимися мудростью и состраданием.

Я сказала, он высокий? На самом деле он мелкий и тщедушный. Хотя, если подумать, я бы сказала, что он среднего роста. И ей-богу, у него, возможно, чёрные кудри. И вообще он уродец, а зубы у него кривые и улыбка, как у дохлой свиньи на солнцепёке. Чёрт возьми, может, он и вовсе лысый.

А если начнёте докапываться, я не смогу поручиться и в том, что он мужчина.

Я думаю, ажиотаж вокруг этой персоны по большей части уже затих, но он (или она) другого мнения, так что не ждите от меня описания, как этот человек выглядит. Других хайнлайновцев, в том числе детей, я специально описала как можно более расплывчато и неточно. А чтобы

представить себе их лидера, поступайте, как я, когда читаю роман: выберите какую-нибудь известную персону и считайте, что он выглядит так же. Или придайте ему внешность по вашему вкусу. Скажем, попробуйте представить молодого Эйнштейна с непослушной шевелюрой и удивлённым выражением лица. Вы будете не правы, хотя, клянусь, порой в его взгляде читалось: воистину, Вселенная намного страннее, чем можно вообразить…

А все эти хлопоты по руководству хайнлайновцами… если у них и мог быть лидер, то только такой. Именно Смит и его исследования забытых наук дали им возможность жить обособленно. Но хайнлайновцы были горсткой независимых единомышленников. Они не посещали городские собрания, не записывались на добровольное дежурство в клубах по интересам и вообще не слишком-то ценили демократию. Демократия, сказал мне однажды один из хайнлайновцев, это когда тебе приходится делать то, что решит большинство тупых сукиных сынов. Из этого не следует, что они предпочитали диктатуру ("необходимость делать то, что прикажет один тупой сукин сын", источник цитирования тот же). Нет, нравилось им совсем другое (да будет мне дозво-

лено третий раз сослаться на хайнлайновского философа): забыть обо всех тупых сучьих детях и делать то, что левая пятка пожелает.

В насквозь урбанизированном обществе так жить опасно, можно и в тюрьму угодить — и там побывало до неприличия много хайнлайновцев. Чтобы так жить, нужна свобода манёвра. Нужен Техас — я имею в виду, настоящий, до нашествия железных коней, мексиканцев и испанцев. Чёрт побери, возможно, даже и до индейцев. Нужен Чёрный континент, или верховья Амазонки, или Южный полюс, или пространство за звуковым барьером, или Эверест, или Семь Золотых Городов[78]. Дикие места, неисследованные земли, не такие, как закоснелая старушка Луна. Нужны простор и приключения.

Многие хайнлайновцы жили в исторических парках, а некоторые и поныне живут, считая парки лучшей альтернативой городам-муравейникам. Но и они совсем скоро обнаружили, что границы игрушечного мира тоже игрушечные,

[78] Примечания: 78

Испано-португальская легенда об острове семи городов зародилась, вероятнее всего, во времена, когда мавры разбили христиан в битве при Хересе (711 г.) и на много веков подчинили себе большую часть Пиренейского полуострова. По легенде, один христианский архиепископ и шесть епископов бежали на отдалённый остров, где с течением времени основали семь городов, достигших небывалого расцвета.

ничего не сдерживают и никого не защищают. Немало своенравных оппозиционеров ютилось и в астероидном поясе, и на внешних планетах, но оттуда уже давным-давно не исходило реальных вызовов человечеству. Многие хайнлайновцы были капитанами космических кораблей, многие — одинокими горнорабочими. И никто из них не был счастлив — возможно, люди такого типа в принципе не могут быть счастливыми, — но по крайней мере, они держались на безопасном расстоянии от больших скоплений людей и свели к минимуму угрозу нестерпимых оскорблений, наподобие зловонного дыхания или неуместного смеха.

Но так нечестно. Хоть и есть среди хайнлайновцев некая доля неуравновешенных антиобщественников, по большей части они приучились социализироваться, закрывать глаза на неприглядные стороны повседневности и мириться с тысячью неудобств, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Это и называется цивилизованностью. Цивилизация подчиняет ваши потребности и мечты интересам высшего блага, так происходит со всеми нами. Некоторые из нас так хорошо мирятся с этим, что забывают, что когда-то мечтали о приключениях. Хайнлайновцам это

удавалось с трудом; они по-прежнему помнили о мечтах. И всё ещё мечтали.

За свои мечты и горсть мелочи в любом месте Луны можно получить чашку кофе. Хайнлайновцы так и жили, пока не явился господин Смит и не напомнил им, что сказку можно сделать былью, если загадывать желания.

Мы со Смитом вышли с фермы, а его дети и Либби остались наводить чистоту и порядок в домике пупсов. Мы оказались в одном из длинных коридоров "Р. А. Хайнлайна". Некоторые из них, как и этот, окутывало серебристое защитное нуль-поле. Я было собралась идти за Смитом и дальше, но вспомнила об Уинстоне. Просунула голову в дверь фермы, схватила собачий гермошлем, свистнула, и пёс вперевалочку вышел из-под столов. Он облизывал брыли, и мне показалось, я заметила на них следы крови.

— Опять лошадей нажрался? — упрекнула я. Уинстон просто посмотрел вверх и облизал себе нос. Он знал, что на столы залезать нельзя, но некоторые мини-пони по глупости спрыгивали на пол, и пёс считал их лёгкой добычей. Не знаю, как относились к его охоте дети, понятия не имею, знали ли они о ней вообще; я им не говорила. Но знаю, что к конине Уинстон пристрастился.

Я думала, мне придётся поспешить, чтобы догнать Смита, но увидела, что он остановился на середине коридора и ждёт меня.

— Итак, вы всё ещё здесь, да? — спросил он. Да, сэр, я заслужила отличную репутацию на старике "Р. А. Х.".

— Думаю, это просто потому, что я люблю детей.

Мои слова насмешили его. До сих пор мне довелось встретиться с ним всего раза три и ни разу не было случая поговорить как следует, но он был из тех, кто умеет правильно оценивать людей даже на расстоянии. Большинство из нас считает, что и мы умеем, но он действительно умел.

— Знаю, любить их не так-то просто, — сказал Смит. — И, возможно, любил бы их меньше, если бы это было легко.

Эти слова пронизаны хайнлайновским духом: вы уже поняли, насколько эти люди ценят пороки и недостатки.

— Говорите, только отцу под силу любить их?

— Или матери.

— На это я и рассчитываю, — и я похлопала себя по животу.

— Вы или полюбите его крепче некуда, или утопите.

С минуту мы шли молча. Время от времени перед нами таяли границы защитного нуль-поля и появлялись вновь за нашими спинами. Всё происходило автоматически и срабатывало только для обладателей нуль-скафандров.

Хайнлайновцы привыкли строить с минимальной возможной степенью надёжности, по той простой причине, что у них была эта чудесная система подстраховки. Говорю вам, она произведёт революцию в строительстве.

— Мне показалось, вы не одобряете, — произнёс наконец Смит.

— Чего именно? Ваших детей? Послушайте, я всего лишь…

— Того, что они делают.

— Ну-у, кто-кто, а Уинстон уж точно одобряет. Думаю, он сожрал у них половину стада.

Я лихорадочно соображала. Мне хотелось узнать у этого человека как можно больше, и я явно не преуспею в этом, если буду осуждать его детей и его образ жизни. Но мне совершенно точно было известно, что он не выносил врунов и прекрасно распознавал их. И хотя журналистская карьера сделала меня первоклассной вруньей, я была вовсе не уверена, что он меня не расколет. И не думаю, что хотела бы врать ему. Надеялась,

что большинство врак остались в прошлом вместе с карьерой. Так что ушла от ответа на его вопрос, сменив тему — приём, знакомый любому журналисту и политику.

И, кажется, это сработало. Смит что-то проворчал, нагнулся и погладил Уинстона по уродливой морде. Пёс снова выручил меня и не откусил чужаку руку по локоть. Возможно, был сыт жеребятами.

* * *

Мы приблизились к двери с надписью "Отсек главного двигателя", и Смит открыл её передо мной. Помещение было таким огромным, что можно было бросить через него мячик для гольфа, не задев стен, или проехать через него на гоночной машине средних размеров. Вопрос о том, можно ли пролететь через него на космическом корабле, сравнимом по масштабу с "Хайнлайном", пока оставался открытым. Но представшее перед моим взором свидетельствовало, что кто-то попытался.

Большую часть вместительного отсека заполняли устройства, точное описание которых я отдаю на откуп вашему воображению, поскольку двигательный отсек "Хайнлайна" по-прежнему

строго засекречен и тщательно охраняется, и наверняка так будет ещё долго даже после того, как треклятая штуковина заработает. Но вот что я вам скажу: что бы вы себе ни представили, это будет далеко от истины. Это нечто совершенно неожиданное и поразительное: всё равно что поднять капот двигателя лунохода и обнаружить, что его приводят в действие тысячи мышей, облизывая тысячи крохотных коленчатых валов, или что он работает на моральной силе целомудрия. И вот ещё что: хоть мне и не удалось разглядеть в фантастической мешанине ничего похожего на элементарные гайки и болты, общий вид производил впечатление типично хайнлайновской конструкции, где всё держится чуть лучше, чем на соплях. Возможно, если у инженеров появится время продвинуться дальше прототипов, они будут действовать аккуратнее и точнее, но пока что было так: "Что ты гнёшь эту кривулю? Возьми кувалду и вдарь!" Наверняка в ящиках для инструментов у хайнлайновцев одни жвачки да заколки.

И да, о мой верный и преданный читатель, они планировали запустить старую громаду "Роберт А. Хайнлайн" в межзвёздное пространство. Я первая, кто сказал вам об этом. Однако

в их планы больше не входило использовать бесконечную цепочку рассыпных атомных фейерверков для создания реактивной тяги. Какие конкретно принципы рассматривались взамен этого, по-прежнему остаётся конфиденциальной информацией, могу сказать только, что новая технология базируется на одном из вариантов математических расчётов, лежащих в основе нуль-поля. Это можно не скрывать, поскольку всё равно никто, кроме Смита и узкого круга посвящённых, не знает, что это за технология.

Просто представьте себе, что старую развалину запрягут стаей гигантских лебедей, и на том успокойтесь.

— Как вы можете видеть, — сообщил Смит, пока мы спускались по длинному пролёту из весьма хлипких металлических ступеней, — они уже почти начудесили начальную стадию осморектификационного расколдовывателя. И вон те парни, что волей-неволей стучат-бренчат, обещают, что уже дня через три всё само забалабонит.

Вот здесь уже никакой тайнописи. Будь у меня хоть капля надежды запомнить, что именно сказал Смит, я бы в точности воспроизвела его слова, но результат был бы тот же: бессмыслица. Смит никогда не обращал внимания на то, что прошёл

уже несколько лунок, пока собеседники ещё копаются в раздевалке гольф-клуба. Он шпарил на собственном жаргоне и не заботился, успевают ли его отслеживать и понимать. Порой я думаю, что это просто помогало ему думать вслух. Порой — что он рисовался. Возможно, отчасти верно то и другое.

Но я не могу отвлечься от темы межзвёздного двигателя, не упомянув о единственном случае, когда Смит попытался изложить свои идеи доступно для простых смертных. Это врезалось мне в память, может быть, потому, что Смит невольно приравнивал "простых смертных" к "умственно отсталым".

— По сути, есть три состояния материи, — поведал он. — Я называю их "долбанутость", "догматизм" и "извращённость". Вселенная нашего опыта почти полностью состоит из догматической материи, в том виде, в каком мы называем её "материей", в противоположность "антиматерии", — хотя догматическая материя включает в себя оба эти типа. Иногда, лишь изредка, мы получаем наглядное подтверждение существования извращённой материи. А вступая в царство долбанутости, следует быть крайне осторожными.

— Я знала это всю жизнь, — подала голос я.

— Да, но сколько в нём возможностей! — воскликнул он и взмахнул рукой над двигателем, обретавшим форму в машинном отсеке "Хайнлайна".

Вот и опять он сделал широкий жест, воспроизведя в реальности сценарную связку, столь ненавистную мне в кино. Но дело в том, что у Смита привычка такая — величественно поводить руками, говоря о своих могучих изобретениях. И, чёрт возьми, у него есть на это право.

— Видите, что может всплыть из стоячих вод науки? — сказал он. — А все говорили, физика — это закрытая книга, лучше приложи свои таланты к чему-нибудь полезному…

— "Меня освистали в Сорбонне!" — предположила я.

— Меня забросали яйцами в институте, когда я представил свой доклад! Яйцами! — он искоса взглянул на меня, сделал вид, будто умывает руки, и пожал плечами. — Глупцы! Посмотрим же, кто посмеётся последним, ха-ха-ХА!

Смит сбросил маску безумного учёного и ласково похлопал огромную машину по металлическому боку, будто ковбой любимую лошадь. С ним было бы невыносимо скучно, если бы он

не повидал почти столько же старых фильмов, сколько и я.

— Я не шучу, Хилди: глупцы поразятся, когда увидят, что мне удалось нацедить из старых засохших выжимок физики.

— Даже не думаю с вами спорить, — сказала я. — Но что же всё-таки случилось с физикой? Почему её так долго обходили вниманием?

— Из-за убывания доходности. Примерно век назад безумные деньги были вбуханы в ГКУ, а когда его включили — оказалось, что запороли. И стоимость ремонта…

— Что за ГКУ?

— Глобальный криогенный ускоритель. Если проедетесь вдоль лунного экватора, большая его часть до сих пор там валяется.

И тут я вспомнила; да, проезжала мимо него во время Экваториальной гонки.

— А ещё люди понастроили огромных инструментов в космосе. Узнали много нового о Вселенной в области космологии и на субатомном уровне, но лишь малая часть этого годится для применения на практике. Дошло до того, что познание нового в тех направлениях, в которых двигалась физика, потребовало бы триллионных расходов только на создание инструментов

и оборудования. Если бы вы пошли на это, то, построив всё необходимое, узнали бы, что произошло в первую миллиардную долю секунды мироздания, и тогда вам, естественно, захотелось бы узнать, что происходило в первую тысячную долю нанонаносекунды — только это обошлось бы в десять раз дороже. Люди устали платить подобную цену за ответы на вопросы, ещё меньше связанные с реальностью, чем богословие, и умники сообразили, что можно почти даром извлечь практическую пользу из биологической науки.

— Так что все оригинальные исследования теперь ведутся в биологии, — сказала я.

— Ха! — воскликнул Смит. — Нет больше никаких оригинальных исследований, разве что кто-нибудь самостоятельно произведёт часть расчётов, выполняемых Главным Компьютером. Да, есть кое-где пара-тройка таких энтузиастов, — и он махнул рукой, сбрасывая их со счетов. — Теперь всё стало делом техники. Возьмите хорошо известные принципы и попробуйте создать лучшую зубную пасту. — Тут глаза его загорелись: — Вот прекрасный пример. Несколько месяцев назад я проснулся из-за вкуса перечной мяты во рту. Стал разбираться, и оказалось, что виноват

новый вид ботов. Какой-то дурак придумал их, собрал и напустил на ничего не подозревающих жителей. Это было в воде, Хилди! Представляете?

— Вопиющее безобразие… — промямлила я, пряча глаза.

— Ну и вот, я создал противоядие. Может, у меня во рту и отдаёт гнилью по утрам, но по крайней мере это мой собственный вкус. И напоминание о том, кто я есть.

Полагаю, его слова — великолепный образчик и своенравия хайнлайновцев, и культурной пассивности, против которой они восстают. И весомая причина, по которой они мне нравятся, несмотря на все их усилия искоренить мою симпатию.

— Теперь всё будто падает с неба, — продолжил Смит. — А мы, как дикари, сгрудились у алтаря и ждём, пока нам ниспошлют очередное чудо. И даже вообразить не способны, какие чудеса можем сотворить, если возьмёмся за дело сами.

— Совсем как маленький народец, ростом не выше восьми дюймов и не умнее лабораторных крыс.

Смит поморщился — первый признак моральной неуверенности, который я у него подметила. Слава богу! Мне нравятся люди, имеющие соб-

ственное мнение, но те, кто не испытывает сомнений, меня пугают.

— Хотите, чтобы я оправдывался за это? Хорошо. Я воспитал детей в духе свободомыслия, научил их думать самостоятельно и ставить под сомнение любой авторитет. Но не безгранично: или я, или тот, кто лучше разбирается в нужном вопросе, проверяет их проекты и может запретить; мы не спускаем с них глаз. Мы создали место, где они вольны устанавливать собственные правила, но всё же они дети и потому обязаны следовать нашим. Но мы стараемся ограничиваться минимальным количеством запретов. Понимаете ли вы, что здесь единственное место на Луне, куда не может заглянуть наш механический диктатор? Даже полиция не может явиться сюда.

— У меня нет причин любить Главный Компьютер.

— Я и не думал, что есть. Считаю, вам есть что рассказать по этому поводу, иначе я никогда не впустил бы вас сюда. Расскажете, когда будете готовы открыться. А знаете, зачем Либби создаёт маленьких человечков?

— Я его не спрашивала.

— Он мог бы сам сказать; мог и не говорить. Это его вариант решения проблемы, над которой я ра-

ботаю: межзвёздных путешествий. Он рассудил, что человеческому существу меньших размеров требуется меньше кислорода, меньше еды и меньший космический корабль. Если бы мы все были ростом восемь дюймов, то могли бы долететь до Альфы Центавра в бочке для топлива.

— Это глупо.

— Не глупо. Возможно, забавно. И почти наверняка недостижимо. Пупсы живут примерно три года, и я сомневаюсь, что в конце концов у них прибавится ума. Но это новаторское решение вопроса, над которым на Луне вообще никто не работает. Почему, вы думаете, Гретель бегает по поверхности в чём мама родила?

— Вы не должны были об этом знать.

— Я запретил ей. Это опасно, Хилди, но я знаю Гретель и знаю, что она продолжает пытаться. И всё потому, что надеется в конце концов привыкнуть жить в безвоздушном пространстве без вспомогательных устройств.

Я подумала о рыбе, выброшенной на берег и барахтающейся — возможно, обречённой, но всё равно барахтающейся. И сказала:

— Эволюция так не работает.

— Я это знаю и вы знаете. А попробуйте убедить Гретель. Она дитя, умное, но по-детски упрямое.

Рано или поздно она сдастся. Но, готов поручиться, она изобретёт что-нибудь ещё.

— Надеюсь, менее легкомысленное.

— Ваши бы слова да Богу в уши. Порой она… — он потёр лицо и отмахнулся. — Пупсы и меня смущают, готов признать. Никак не удержаться от вопросов, в какой степени они люди, а если люди, есть ли у них какие-либо права и должны ли быть.

— Они — результат экспериментов над людьми, Майкл, — сказала я. — Наши законы на этот счёт недвусмысленно строги.

— А у нас есть табу. Мы много экспериментируем с человеческими генами. Но что у нас под запретом, так это создание новых людей.

— Вы не считаете, что это хорошая мысль?

— Всё не так просто. Я не приемлю огульного запрещения чего бы то ни было. Я долго и тщательно изучал этот вопрос — поначалу был против, как, кажется, и вы. Хотите услышать больше?

— Было бы замечательно.

Мы перешли в ту часть двигательного отсека, что, по моим догадкам, служила Смиту офисом или лабораторией. Именно здесь я пробыла большую часть времени, что мне довелось провести

с ним. Ему нравилось класть ноги на деревянный стол — такой же древний, как у Уолтера, но куда более потрёпанный, — устремлять взгляд в бесконечность и рассуждать. Его прирождённая осторожность по-прежнему удерживала его от излишних подробностей по любому поводу в моём присутствии, но я чувствовала, что ему нужно мнение постороннего человека. Лаборатория? Представьте её полной реторт с кипящими жидкостями и раскалённых цепных конвейеров. Не представляйте только массивное тело, пристёгнутое ремнями к столу; это прерогатива Смитов-младших. Это место совсем не походило на сцену с декорациями, но в переносном смысле было им.

— Вопрос в том, где именно провести границу, — сказал Смит. — А проводить границы надо; это осознаю даже я. Но они постоянно сдвигаются. В развивающемся обществе границы должны быть подвижными. Знаете ли вы, что когда-то прерывание беременности было незаконным?

— Слышала о таком. Это кажется очень странным.

— Было решено, что плод уже человек. Впоследствии мы разубедились в этом. В обществе было принято держать мёртвых людей подключённы-

ми к устройствам под названием "искусственное жизнеобеспечение", порой очень долго, лет двадцать или тридцать. И отключать аппаратуру запрещалось.

— Вы имели в виду, мозг этих людей был мёртв.

— Они были мертвы, Хилди, по нашим стандартам. Кровь прокачивалась через трупы. Безумно странно и адски страшно. Можете только гадать, о чём думали их родственники, что могло двигать ими. А когда люди знали, что умирают, и знали, что смерть будет ужасной, мучительной, их осуждали за мысли о самоубийстве.

Я отвела глаза; не знаю, раскусил ли он меня, но думаю, что да.

— Даже врач не мог помочь им умереть, — продолжал Смит, — иначе его привлекли бы к ответственности за убийство. Иногда им даже отказывали в препаратах, которые эффективнее всего могли бы прекратить боль. Употребление любых снадобий, притупляющих чувства, вызывающих душевный подъём или изменяющих сознание, считалось греховным — исключение делалось только для двух наркотиков, приносящих наибольший физический вред: алкоголя и никотина. А что-нибудь относительно безопас-

ное, такое как героин, было под полным запретом, поскольку вызывает привыкание — как будто алкоголь не вызывает. Ни у кого не было права решать, что ввести себе в тело, не было ни закона о медицинском обслуживании, ни медицинского права. Варварство, согласитесь?

— Бесспорно.

— Я изучил аргументацию и рассуждения тех времён. С позиций сегодняшнего дня в них крайне мало смысла. Но в запрете экспериментов над людьми смысл есть, и немалый. Потенциал для злоупотреблений безмерно велик. Все генетические исследования сопряжены с повышенной опасностью. Так что были выработаны законы… а потом их увековечили в камне. Никто эти законы не пересматривал более двух сотен лет. Моё мнение таково: пора наконец их переосмыслить.

— И к чему вы пришли?

— Чёрт возьми, Хилди, мы только начали! Многие запреты на генетические исследования возникли в те времена, когда нечто выпущенное в окружающую среду теоретически могло привести к катастрофе. Но сегодня у нас есть и экспериментальные площадки, и гарантирующие от ошибок средства изоляции. Можно вести работу на астероиде, а если что-нибудь пойдёт не

так, закрыть его на карантин, а потом и забросить на Солнце.

Ничто из этого не вызывало у меня протеста, о чём я и сообщила, а потом переспросила:

— Так всё-таки как насчёт экспериментов над людьми?

— Мне от них не по себе, как и вам. Но это всё потому, что нас так воспитали: приучили смотреть на них как на зло. Мои дети свободны от подобных предрассудков. Всю жизнь я говорил им, что они должны быть способны задаться любым вопросом. И предпринять любой эксперимент, если только у них есть разумное предположение о его исходе. С этим я им помогаю, я и другие родители.

Возможно, на лице у меня отразилось сомнение. Что было бы вполне закономерно: я усомнилась.

— Предвижу ваши возражения, — сказал Смит. — Вы собираетесь напомнить мне старый довод о сверхчеловеке.

Я не стала возражать, и он продолжил:

— Думаю, пришло время рассмотреть его заново. Раньше этот аргумент звучал как упрёк: "Не играйте в бога!" Такая терминология вышла из моды, но суть упрёка осталась. Если мы собираемся поставить задачу генетическим способом

улучшить людей, создать нового человека, то кому выбирать критерии? Так вот, могу сказать вам, кто их выбирает сегодня, но готов об заклад побиться, вы и так знаете.

— ГК? — недолго думая, предположила я.

— Идёмте, — откликнулся Смит и встал из-за стола. — Я вам кое-что покажу.

* * *

На этот раз мне оказалось весьма непросто за ним угнаться — было бы куда легче в лучшие времена, но не в нынешнем моём состоянии толстушки-кругляшки. Смит был одним из тех любителей идти напролом, которых нелегко отвлечь, если они решили куда-то направиться. Всё, что мне оставалось, это ковылять вперевалочку за ним по пятам.

В конце концов мы достигли основания корабля, о чём я догадалась главным образом потому, что остались позади коридоры квадратного сечения и повороты под прямым углом и начались беспорядочные хитросплетения ходов Великой Свалки. Вскоре после этого мы спустились на несколько ступеней и оказались в туннеле, прорытом сквозь твёрдый камень. У меня до сих пор не было ни малейшего представления о том, как

далеко простирается эта сеть. Я заключила, что можно добраться до самого Кинг-сити, не выходя на поверхность.

Мы пришли на заброшенную, тускло освещённую станцию туннельного поезда. Вернее, заброшенной она была когда-то, а хайнлайновцы её восстановили: сгребли весь хлам на платформе в один конец, провели новое освещение и привнесли другие подобные штришки комфорта. Над серебристым сияющим рельсом парил шестиместный вагон устаревшего образца на магнитной подвеске. Дверей у него не было, краска облупилась, а на борту ещё читалась надпись "Маршрут: кварталы 5–9". А список давно не существующих остановок на этом маршруте не оставлял сомнений: наш малютка совсем старичок.

На сиденьях, ободранных до самого остова, кое-где валялись подушки. Мы уселись на две из них, Смит дёрнул за верёвку, приведя в действие небольшой колокольчик, и вагон заскользил по рельсу.

— Сама идея создания сверхчеловека обросла с годами солидным негативным багажом, — продолжил Смит, будто мы и не прерывались на пеший бросок. И будто бы он нуждался ещё в

одной обидной характеристике. — Насколько мне известно, немецкие фашисты были первыми, кто всерьёз предложил эту идею, в рамках недействительной и безумной расовой схемы.

— Я читала об этом, — откликнулась я.

— Приятно поговорить с тем, кто хоть немного знает историю! Тогда вы наверняка знаете, что ко времени, когда стали возможными генетические эксперименты, появилось ещё больше возражений. Многие из них были по существу. А некоторые справедливы до сих пор.

— Но именно этого вам хотелось бы добиться? Появления сверхчеловека?

— Само это слово сразу отталкивает. Не знаю, возможно ли — и желательно ли — появление сверхлюдей. Думаю, рассмотрения достойна идея изменённого человека. Ведь, если подумать, наши телесные оболочки возникли в ходе приспособления к существованию в среде, из которой мы уже изгнаны…

Окончание фразы я пропустила, потому что как раз в это время мы столкнулись лоб в лоб с другим вагоном, шедшим в противоположном направлении. Разумеется, на самом деле этого не случилось. Конечно же, это был не другой вагон, а отражение фар нашего собственного в очередном

зеркальном барьере вездесущего нуль-поля. И само собой, мне вовсе не было нужды вскакивать с диким криком и видеть, как вся жизнь проносится перед глазами… Ручаюсь, и вы бы не стали делать ничего подобного. Или, может, я просто туго соображаю.

Смит оказался другого мнения. Он рассыпался в извинениях, когда понял, что произошло, и позаботился заранее предупредить меня о следующем ожидавшем нас сюрпризе, который и случился примерно минуту спустя. Нуль-поле перед нами исчезло, и с лёгким порывом ветра мы ворвались в безвоздушное пространство. Здесь мы как следует набрали скорость, так, что стены туннеля расплылись в свете наших фар. Глаза не успевали сфокусироваться ни на одной детали.

Смиту было что порассказать об эргономическом проектировании людей. Я поняла не всё, потому что пока не научилась свободно пользоваться нуль-скафандром и была сосредоточена на том, чтобы не дышать. Но основное содержание его речи я уловила.

Он полагал, что хотя Гретель выбрала ошибочный метод, цель она поставила перспективную, и я согласилась с ним в этом. Строго говоря, мы либо создаём себе окружающую среду, либо под-

страиваемся под ту, что есть. Ни один вариант не лишён потенциального риска, но давно уже пришла пора хотя бы начать обсуждать вторую альтернативу.

Возьмите, к примеру, состояние невесомости. Большинство людей, проводящих много времени в свободном падении, тем или иным образом приспособили к нему свои тела, но всем им пришлось делать операции. Ноги у человека слишком мощные для невесомости; оттолкнись посильнее, и можешь череп расплющить о потолок. А ступни в условиях свободного падения так же бесполезны, как червеобразный отросток. Намного практичнее, чтобы вместо них из лодыжек росли кисти, как на руках. А ещё полезно было бы для этих условий увеличить способность тела сгибаться и скручиваться.

Но высокий суд желает знать следующее: нужно ли людям с рождения приспосабливаться к космическим путешествиям? Должны ли полезные качества закладываться на генетическом уровне, чтобы дети рождались с руками вместо ног?

Может быть, да, а может, и нет. Не получится обсуждать радикальные изменения или нечто, чего нельзя с той же лёгкостью сделать хирурги-

ческим путём, не затронув при этом щекотливый вопрос о множественности видов человеческого существа.

Так как насчёт человека, приспособленного к жизни в безвоздушном пространстве? Я понятия не имею, каким образом его создать, но он, вероятно, может быть создан. И как он будет выглядеть? Будет ли ощущать своё превосходство над нами? Кем мы для него будем — братьями, кузенами или кем-то ещё? Ясно одно: такие изменения было бы намного легче внести генетически, нежели при помощи скальпеля. И я была уверена, что результат манипуляций окажется не слишком-то похож на человека.

Следующие несколько дней я усиленно раздумывала над этим, прислушиваясь к своим чувствам. И выяснила, что большинство из них, как и говорил Смит, было вызвано предрассудками. Мне с детства внушали, что экспериментировать над людьми неправильно. Но в конце концов я обнаружила, что готова согласиться: пришло время хотя бы задуматься о том, что пора переосмыслить.

Готова, пока меня не заставляют убирать за пупсами.

* * *

Вагон остановился на боковом пути очередной заброшенной станции. Поверх её названия, каким бы оно ни было, кто-то нацарапал на вывеске: "Минамата". Понятия не имею, как далеко мы проехали и в какую сторону.

— Мы всё ещё на территории Деламбрской свалки… ну, почти, — сказал Смит, так что я смогла более-менее сориентироваться. Мы пустились в путь по длинному грязному коридору. Луч фонарика Смита плясал по стенам, прыгая в такт шагам. Будь это в кино, из-под ног у нас разбегались бы крысы и прочие гадкие создания, но крысе понадобился бы нуль-скафандр для выживания в подобном месте; мой скафандр был по-прежнему включён, и я всё ещё прилагала усилия, чтобы не дышать.

— Нет никакой причины не разбрасывать хранящиеся здесь отходы по поверхности вперемежку с прочим мусором, — продолжил Смит. — Думаю, то, что это мерзкое место продолжает существовать, объясняется главным образом психологически. Всё ядовитое, радиоактивное или представляющее биологическую опасность свозят сюда.

Мы подошли к воздушному шлюзу, из таких, какие использовались, когда я была маленькой, и Смит поманил меня внутрь. Он шлёпнул по кнопке, затем показал на пневмосоединение у меня на груди:

— Поверните его против часовой стрелки. Подача кислорода включается автоматически только в безвоздушном пространстве. А там, куда мы идём, газ есть… но вам не захочется им дышать.

Шлюз сработал, и мы вступили в Минамату.

На городских картах Кинг-сити у этого места не было особого названия, просто "хранилище отходов номер два". Это хайнлайновцы назвали его в честь японского города, пережившего первую в Новейшем времени крупную экологическую катастрофу: тамошние предприятия сбрасывали ртуть прямо в воду залива, из-за чего родилось много изуродованных детей. Простите, мамочки! Такова жизнь.

На самом деле лунная Минамата была всего лишь заглублённым резервуаром, огромным цилиндром, лежащим на боку. Я пишу "огромным", потому что туда свободно вошли бы четыре космических корабля размером с "Хайнлайн". Техас ещё больше, и намного, но там не чувствуешь себя жуком в бутылке, потому что стен не

видно. А здесь они были видны, поднимались высоко вверх, а цилиндрический свод тонул в ядовитом тумане. Дальний конец от входа был неразличим.

Возможно, здесь и было некое искусственное освещение, но я его не увидела. Да оно и не требовалось. Резервуар был на треть заполнен жидкостью, и она светилась. Где-то красноватым светом, где-то зеленоватым… а кое-где ужасающим, мертвенным голубым. Создатели фильмов ужасов пошли бы на что угодно, лишь бы заполучить такую голубизну.

Входной шлюз находился, как мне показалось, на горизонтальной оси цилиндра. В этом месте он имел скруглённую форму баллона для сжатого газа. В обе стороны от нас уходили уступы трёхметровой ширины, огороженные перилами. Проход направо был закрыт предупреждающим знаком. Я заглянула за него и заметила, что уступ выкрошился в нескольких местах и обрушился. Повернулась обратно, увидела, что Смит уже довольно далеко ушёл влево, и поспешила за ним вдогонку.

Но так и не смогла его догнать. Каждый раз, как я приближалась к нему, мой взгляд снова и снова притягивало светящееся море по правую сторону,

плескавшееся в сотнях метров внизу.

Дело в том… что море двигалось!

Поначалу я разглядела только разводы светящихся цветов, напоминающие нефтяную плёнку на воде. Я всегда считала, что всё разноцветное по определению приятно глазу, но Минамата убедила меня в обратном. Я не сразу смогла понять, отчего меня подташнивает. Сам по себе ни один цвет вовсе не казался отвратительным (кроме того самого голубого). Уверена, что на футболке или платье такой водоворот цветов смотрелся бы потрясающе. Правда? Не вижу поводов для возражений. Но в чём же дело? Я замедлила шаг, не отпуская перила, пытаясь понять, что меня так смутило и испугало.

Стена цилиндра шла отвесно вниз от уступа, по которому мы шагали, затем постепенно закруглялась и уходила в флюоресцирующую жидкость. По морю лениво катились волны и тихо плескались о металлические стены резервуара.

Волны, Хилди? Но что могло вызывать волны в этой зловонной жиже?

Наверно, какой-нибудь перемешивающий механизм, подумала я, хотя не смогла бы ответить, зачем он там нужен. Но тут я увидела, как часть морской глади вспучилась на десять или

двадцать метров вверх — как высоко, с моей точки обзора трудно было судить. Затем береговая линия причудливо искривилась, словно из сияющей жидкости выкристаллизовались скрюченные артритом пальцы и протянулись к металлическому берегу. А потом я увидела, как нечто подняло голову на дряблой шее и, как мне показалось, посмотрело на меня и алчным жестом вытянуло руку…

Разумеется, всё это происходило очень далеко от нас. Мне запросто могло почудиться.

Смит молча схватил меня за руку и потащил за собой. Больше я уже не оглядывалась на Минаматское море.

* * *

Через некоторое время я увидела ряд округлых зеркал на вертикальной стене слева от нас. Над каждым зеркалом стояла цифра. Я догадалась, что здесь были прорыты туннели, а входы в них запечатаны барьерами нуль-поля.

Смит остановился перед восьмым туннелем, указал на него и вошёл туда, а следом за ним и я. Туннель оказался коротким — длиной, наверно, метров двадцать — а в высоту метров пять. На полпути его перегораживала металлическая

решётка. За ней был виден дощатый настил, на котором стояли койка, стул, стол и унитаз. Мебель выглядела так, будто её заказали в каком-то дешёвом магазине посылочной торговли. По нашу сторону решётки находилась портативная установка подачи воздуха, и, похоже, она работала: при проходе сквозь нуль-поле мой скафандр исчез. У стены были сложены запасные баллоны кислорода и несколько упаковок продуктов.

А на койке, глядя на экран телевизора, где показывали трансляцию матча по слеш-боксингу, сидел Эндрю МакДональд. Он на мгновение отвлёкся и взглянул на нас, но вставать не стал.

Возможно, это какое-то новое правило этикета. Должны ли мёртвые вставать, приветствуя живых? Не забудьте спросить об этом на следующем сеансе связи.

— Привет, Эндрю, — сказал Смит. — Я кое-кого привёл повидаться с тобой.

— М-да? — откликнулся Эндрю без большого интереса. Его взор обратился ко мне и ненадолго задержался. Но ни искорки узнавания не промелькнуло в нём. Хуже того, в нём больше не было той пронизывающей силы, что поразила меня в день, когда… чёрт побери, ну как ещё об этом сказать? В день, когда Эндрю погиб. На

некоторое время мне показалось, что это не он, а просто кто-то очень похожий на него. Полагаю, я ошибалась лишь наполовину.

— Извини, — обронил Эндрю и пожал плечами. — Не знаю её.

— Не удивительно, — ответил Смит и взглянул на меня. Я почувствовала: он как будто ждал, чтобы я изрекла нечто умное и проницательное. Вероятно, он предполагал, что я догадаюсь, к кому он меня ведёт.

— Что за хрень здесь творится? — воскликнула я, и это прозвучало намного лучше, чем едва не сорвавшееся с губ "оп-панькиииии!" Впрочем, моя первая реакция крайне редко бывает вразумительной.

— Его спроси, — кивнул Эндрю на Смита. — Он думает, я опасен.

Я шагнула было к решётке, но Смит удержал меня за предплечье и покачал головой.

— Поняла, о чём я? — спросил узник.

— Он опасен, — подтвердил Смит. — Едва он появился здесь, чуть не убил человека. И убил бы, не вмешайся мы вовремя. Не хочешь рассказать об этом, Эндрю?

Тот пожал плечами:

— Он мне на ногу наступил. Я не виноват.

— С меня хватит, — напустилась я на Смита. — Какого дьявола вы и ваши люди здесь творите? Я видела, как этот человек умер! Или его близнец…

Смит собирался что-то ответить, но тут Эндрю наконец проявил ко мне интерес. Он встал, подошёл к решётке, одной рукой ухватился за неё, а другой принялся лениво поигрывать со своими гениталиями. Так порой ведут себя старые алкаши или бродяги, притворяющиеся шизиками, на нижних уровнях городского дна. У нас свободная планета, не правда ли? Никто не запрещает им делать это, но люди стремятся побыстрее пройти мимо — вы же не будете стоять и пялиться на то, как кто-то блюёт или ковыряет в носу? Я никогда ещё не видела, чтобы внешне здоровый мужчина так подчёркнуто вызывающе мастурбировал. Что же с ним сделали?

— А как я сдох? — спросил меня Эндрю, не прекращая работать рукой. — Всё, что мне сообщили, это что я погиб на ринге. Ты была там? Близко стояла? Кто меня прикончил? Чёрт, хоть бы запись боя дали, что ли!

— Вы правда Эндрю МакДональд?

— Так меня зовут, спроси снова, и я отвечу так же.

— Это он, — тихо ответил Смит. — В конце концов, после долгих раздумий, я пришёл к такому выводу.

— А прошлый раз ты говорил другое, — возразил узник. — Ты сказал, что я только часть прежнего Эндрю. Его злобная часть. Но я не считаю себя злым.

Он утратил интерес к своему пенису, вытянул руку сквозь решётку и указал:

— Кинь-ка мне банку говяжьей тушёнки, начальничек! Я давно на неё глаз положил.

— У тебя там хватает еды.

— Да, но хочется тушёнки.

Смит взял пластиковую банку и запустил ею в решётку; узник поймал добычу и сорвал крышку. Зачерпнул большую горсть мяса, запихнул в рот и принялся шумно жевать. Рядом с ним, прямо на виду стояли стол и печка, лежали столовые приборы, но ему, похоже, было наплевать.

— Я не видела, как вы сражались, — наконец ответила я.

— Вот дерьмо. А знаешь, ты бы понравилась мне, не будь такой толстухой. Хочешь трахнуться? — и измазанная соусом рука снова скользнула в промежность. — Давай в зад, душечка.

Пропущу остальные его ужимки. Они до сих

пор живо стоят у меня перед глазами и по-прежнему смущают. А ведь когда-то я хотела заняться с этим мужчиной любовью. Когда-то он казался мне таким привлекательным…

— Я была в вашей раздевалке, когда вас принесли с ринга, — сообщила я.

— Старый добрый квадратный круг. Бокс! Я знал всю его подноготную, вот правда, всю. Как тебя зовут, жирняшка?

— Хилди. Вы были смертельно ранены и отказались от лечения.

— Каким же козлиной я, должно быть, был. Отступить — не значит сдаться, ага?

— Я всегда так и думала. И мне казалось глупым то, чем вы занимались — то, как рисковали жизнью. Мне тоже казалось, что вы гибнете напрасно, но вы объяснили мне, почему решили так, и я уважаю ваше решение.

— Козлина, — повторил Эндрю.

— Когда для вас, можно сказать, настало время платить по счетам, я тоже подумала, что вы сглупили. Но я была поражена. Я была тронута. Не могу сказать, что согласилась, что вы поступаете правильно, но ваша решительность впечатляла.

— Ты тоже коза.

— Знаю.

Он продолжил есть руками, снова напихал полный рот тушёнки, и в его взгляде, обращённом на меня, я не заметила ни малейшего проблеска человеческих чувств. Я повернулась к Смиту:

— Пора бы уже вам наконец объяснить, что здесь происходит. Что сделали с этим человеком? Если это пример того, о чём вы говорили по дороге…

— Так и есть.

— Тогда я не хочу иметь с этим ничего общего. На самом деле, чёрт бы вас подрал, я помню, что обещала ничего не рассказывать о вас и ваших людях, но…

— Минутку, Хилди, — перебил Смит. — Это пример эксперимента над человеком, но провели его не мы.

— ГК, — после долгого молчания выговорила я. Кто же ещё?

— С ГК что-то всерьёз не в порядке, Хилди. Не знаю, что именно, но вижу результаты. Один из них — этот человек. Это клонированное тело, выращенное из трупа Эндрю МакДональда или из образца его тканей. Когда он был в настроении поболтать, рассказал кое-что, мы сверили это с записями о нём, и оказалось, что у него и правда воспоминания МакДональда. Но не все. Он

помнит все события, кроме тех, что произошли три-четыре года назад. У нас не было возможности тщательно обследовать его, но тесты, что мы смогли провести, подтвердили то, что мы наблюдали у других особей, подобных ему. Он считает себя МакДональдом.

— Чертовски верно, это я, — вставил узник.

— По существу он прав. Но он не помнит Канзасского обрушения. Не помнит убийства Сильвио. Я был уверен, что и вас он не вспомнит, так и случилось. А произошло вот что: его воспоминания были каким-то образом записаны, а потом воспроизведены в этом клонированном теле.

Я задумалась. Смит дал мне время поразмыслить.

— Но ничего не вышло, — наконец сказала я. — ЭТО никоим образом не сможет стать тем человеком, с которым я познакомилась года три или четыре тому назад. Этот парень — будто большой избалованный ребёнок.

— Большой, верно, крошка! — откликнулся узник, сопроводив свои слова ожидаемым жестом.

— Я не сказал, что копия идеальна, — произнёс Смит. — Воспоминания кажутся совершенно точными. Но кое-что не записалось. Он абсолютно лишён социальных тормозов. Не ощущает ни ви-

ны, ни стыда. Он действительно собирался убить человека за то, что тот случайно наступил ему на ногу, и искренне не понимает, в чём не прав. Он невероятно опасен, потому что он лучший борец на Луне; вот потому-то мы и держим его здесь, в лучшей тюрьме, какую только смогли изобрести. А ведь мы даже не верим в тюрьмы!

Я рассудила, что из этой камеры и впрямь непросто выбраться. Даже если удастся прорваться через нуль-поле, дальше ждут ядовитые газы Минаматы. А за ними — вакуум.

По всему выходило, что "МакДональд" — самый свежий результат долгой череды неконтролируемых экспериментов. Смит не рассказал мне, каким образом он достался хайнлайновцам, сказал только, что его скорее всего прислали.

— Когда эта программа только начиналась, у нас был трубопровод, ведущий в секретную лабораторию, где велись эти работы. Первые попытки были весьма жалкими. Мы видели людей, которые просто сидели и пускали слюни, и таких, что рвали себя зубами. Но со временем ГК набрался опыта. Некоторые образцы могли сойти за нормальных людей. Некоторые и поныне живут среди нас. Они ущербны, но что поделаешь? Думаю, они всё же люди.

Но в последнее время мы стали получать посылки с сюрпризами, такими как вот Эндрю. Мы надёжно запираем их и допрашиваем. Некоторые из них безобидны. Другие… не думаю, что их когда-либо можно будет выпустить.

— Не понимаю. В смысле, вижу, что этот тип может быть опасен, но…

— ГК хочет проникнуть сюда.

— В Минамату?

— Нет, там он и так хозяин. Вы видели жидкость там, внизу. Это его создание. Он хочет пробраться в хайнлайновскую зону. Хочет заполучить нуль-поле. Хочет знать, добился ли я успеха в работе над межзвёздным двигателем. И много о чём другом. Он обнаружил, что мы получили доступ к его запретным экспериментам, и к нам стали попадать люди вроде Эндрю. После нескольких несчастных случаев нам пришлось ввести некоторые меры безопасности. Теперь мы с осторожностью впускаем к себе оживших мертвецов.

Уже не в первый раз мой мир перевернулся вверх тормашками из-за действий ГК. Вот живёшь себе в некоем месте в некое время и думаешь, будто знаешь, что творится, но на самом деле не знаешь. А может, и вовсе никто не знает

и не знал.

Смит чересчур быстро обрушил на меня слишком много информации. Я чуток попривыкла к такому, учитывая игры ГК с моей головой, но не уверена, способен ли хоть кто-то привыкнуть к этому как следует.

— Так он работает над проблемой бессмертия? — спросила я.

— В некотором роде. Старейшие из ныне живущих достигают трёх сотен лет. Большинство людей полагает, что есть некий предел того, насколько долго можно чинить и штопать человеческий мозг. Но если бы можно было создать совершенную запись всего, что составляет человеческое существо, и перекинуть её в другой мозг…

— М-да… но Эндрю-то мёртв. А это вот… даже если бы было получше скопировано, всё равно не было бы им. Ведь не было бы?

— Эй, Хилди, — окликнул Эндрю. И когда я повернулась к нему, получила прямо по сусалам большим холодным комом говяжьей тушёнки.

Никогда ещё МакДональд так не походил на обезьяну, как после своего меткого броска. Он скакал по своей клетке, хватался за бока и аж сгибался от хохота и никак не мог остановиться.

И вот что забавно: после вспыхнувшего на миг желания пристукнуть его я обнаружила, что его невозможно ненавидеть. Что бы ни оставил ГК от этого человека, результат не был злым, как мне показалось поначалу. Он был разнуздан и импульсивен, совсем как дитя. Некий внутренний регулятор не записался при копировании, сознание смазалось при передаче и возникли помехи в области самоконтроля. Он руководствовался простой философией: о чём подумал, то и сделал.

Смит помог мне с грехом пополам очиститься, потом предложил:

— Пройдёмте в соседнее помещение. Там вы сможете как следует отмыться, и мне нужно кое-что вам показать.

Так что мы снова преодолели нуль-поле — а Эндрю всё ржал, — сделали восемь-девять шагов до камеры номер девять и вошли в неё.

И кто же, вы думаете, оказался там, по внешнюю сторону зарешёченной камеры, такой же как та, что мы только что видели, но пустой и не запертой? Аладдин, человек — волшебное лёгкое.

— Для кого эта клетка? — спросила я. — И что здесь делает Аладдин?

Иногда я соображаю быстро, но тот день был

не из таких.

— Здесь пока не занято, Хилди, — ответил Смит и показал мне предмет, некогда бывший фонариком, а теперь раскрытый и нацеленный на меня — по всей видимости, хайнлайнерское оружие, настолько небрежно и мишурно оно выглядело. — Мы зададим вам несколько вопросов. Немного, но ответы могут потребовать времени, так что располагайтесь поудобнее. Аладдин здесь на тот случай, если ответы нам не понравятся и придётся удалить вам генератор нуль-скафандра.

Повисла долгая неловкая пауза. Мало кому из нас приходится часто целиться в кого-то или оказываться на мушке. Попробуйте выхватить оружие, когда следующий раз затеете вечеринку, и посмотрите на реакцию гостей.

К чести хайнлайновцев, держать меня на прицеле им, похоже, нравилось не больше, чем мне стоять под прицелом.

— Что вы хотите узнать?

— Для начала о всех ваших делишках с Главным Компьютером за последние три года.

И я рассказала им всё.

* * *

Как оказалось, Гретель, милое дитя, пригласила бы меня в гости в первые же выходные. Это Смит и его друзья долго не давали согласия. Они проверяли меня, и возможности проверки у них были потрясающие. Они исследовали всю мою подноготную. Во время рассказа я несколько раз упускала некоторые детали, и меня всегда поправляли. Без толку было бы врать им… да, впрочем, я и не хотела врать. Если у кого и были ответы на вопросы, которые я задавала себе насчёт ГК, то только у этих людей. Я хотела помочь им, рассказав всё, что знаю.

Не хочу, чтобы этот допрос показался со стороны более гнетущим, чем был на самом деле. Довольно быстро мы все расслабились. Фонарик-оружие сложили и убрали. Если бы меня всерьёз в чём-то подозревали, то притащили бы сюда при первом же моём визите, а после всего, о чём мне поведали, так допросить меня было не более чем мерой предосторожности.

Сильнее всего встревожила их моя попытка покончить с собой на поверхности Луны. От неё осталось материальное свидетельство в виде разбитого забрала гермошлема, что породило

у собеседников сомнения: а не погибла ли я на самом деле?

Продолжая рассказывать об этом, я не могла отделаться от настораживающей мысли: а если и вправду?

Действительно, ну откуда мне знать? Если бы ГК записал мои воспоминания и вложил в клонированное тело, чувствовала ли бы я себя как-то иначе, чем тогда? Мне не приходило в голову, каким образом это проверить, и уж точно самой мне такую проверку не осилить. Мелькнула надежда, а нет ли у хайнлайновцев способа выяснить правду. Но… увы.

— Я бы не переживал на этот счёт, Хилди, — ответил Смит, выслушав мои опасения. Оглядываясь назад, думаю, что было не слишком умно с его стороны высказываться так беспечно, равно как и подчёркивать, что во мне нельзя быть уверенными, но теперь это не важно: они ведь уже всё обдумали и морально подготовились. — Будь ГК столь искусен, нас давно бы как корова языком слизала.

— К тому же, — вставил Аладдин, — если он так искусен, то какая разница, копия перед нами или оригинал?

— Разница может быть, если он оставил в моз-

гу постгипнотическое внушение, — возразил Смит. — Идеальная копия Хилди могла бы содержать тайное поручение шпионить за нами и изливать душу по возвращении в Кинг-сити.

— Я об этом не подумал, — произнёс Аладдин с таким видом, будто сожалел, что поторопился отвести от меня прицел фонарика.

— Как я уже сказал, если он настолько хорош, нам остаётся только сдаться, — Смит встал и потянулся. — Нет, друзья мои. Рано или поздно придётся прекратить проверки и просто положиться на свои чувства. Мне очень жаль, что мы были вынуждены так обойтись с вами, Хилди. Это противоречит всему, во что я верю. Ваша личная жизнь должна оставаться при вас. Но мы здесь ведём тихую войну. Нет никаких сражений, но враг постоянно выслеживает нас. И лучшее, что нам остаётся, это взять пример с черепахи: спрятаться в панцирь, через который он не сможет проникнуть. Извините, пожалуйста!

— Ничего страшного. Я всё равно хотела поговорить об этом.

Смит протянул руку, я пожала её и впервые за много-много лет ощутила свою принадлежность к некой общности. Мне хотелось воскликнуть: "Смерть ГК!" — но, к сожалению, хайнлайновцы

скупы на лозунги, членские билеты и прочую мишуру. Сомневаюсь, что мне предложили бы что-то вроде униформы.

Чёрт побери, у них даже секретного рукопожатия не было. Но я с благодарностью приняла от их предводителя самое обычное. Меня признали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Что вы делали во время Великого Сбоя?

Этот вопрос интересен во многих отношениях. Если бы я спросила, что вы делали, когда услышали об убийстве Сильвио, то получила бы разнообразные ответы, но ту минуту, в которую вы об этом услышали, девяносто девять процентов из вас провели, не отрывая взгляда от газеты (двадцать семь процентов — от "Вымени"). Точно так же было и при других значительных, крупных событиях, таких, что меняют жизнь. Но по поводу Сбоя каждый из вас расскажет свою, особую историю. И начинаться она будет так:

Нечто важное для вашей жизни внезапно пошло не так. В зависимости от того, что именно отказало, вы позвонили в ремонтную службу, в полицию или просто подняли крик. Следующее, что вы сделали (по крайней мере 99,9 процентов из вас), — заглянули в газету, узнать, что за чертовщина происходит. И не увидели… ничего.

Наш век не просто богат информацией. Он пропитан ею насквозь. Мы ожидаем, что информация будет поступать к нам так же регулярно, как кислород, которым дышим, и склонны за-

бывать, что её доставка точно так же находится во власти ненадёжных машин, как и воздух. Двухсекундное бездействие одной из главных газет тут же оборачивается сотнями тысяч жалоб. Гневными звонками, яростными угрозами отказаться от подписки. Звонками, полными страха. Паническими звонками. Открыть газету и не увидеть ничего, кроме белого шума и помех, на Луне равносильно землетрясению планетарного масштаба. Мы рассчитываем, что наши информационные сети всем понятны, повсеместно доступны, всеохватывающи, и хотим от них этого прямо сейчас.

Великий Сбой по сей день остаётся основным направлением работы лунных служб консультативной помощи. Специалисты по управлению в кризисных ситуациях открыли в нём для себя неиссякаемый источник доходов. По уровню вызванного им стресса Великий Сбой превзошёл и нападение с применением насилия, и потерю родителей.

Одна из причин, по которым стресс был так велик, состоит в том, что каждый пострадавший пережил что-то своё. Когда ваше мировосприятие, ваши мнения и те "факты", на основе которых вы их составляете, те события, что сформирова-

ли наше коллективное сознание, и всё, что вам нравится (потому что нравится всем остальным) или не нравится (аналогично), — приходит вам в голову из вездесущей газеты, не удивительно, что вы слегка теряетесь, если газета перестаёт работать и вам приходится реагировать самостоятельно. Если нет новостей из Аркитауна о том, как справляется местное население. Нет бесконечных повторов самых ярких моментов. Если никакой комментатор не подсказывает вам, что об этом думать, и неизвестно, что решили делать другие (на кого можно было бы ориентироваться). Теперь ты сам по себе, приятель. Удачи! Да, и вот ещё что: неверный выбор может тебя убить, дружище.

Сбой был таким крупным событием, которое никто не видел во всей полноте, поскольку не было экспертов, чья работа — обозревать события и сводить их до истории, способной уместиться на экране газеты. Каждый видел лишь малую часть случившегося, свою собственную часть. И почти никакой из этих кусочков на самом деле не подходил к общему раскладу. Не исключение и мой кусочек, хотя я была ближе к "центру" событий (если у них был центр), чем большинство из вас. Лишь немногие компетентные специа-

листы, которым в конце концов удалось взять ситуацию под контроль, на самом деле знали, что произошло. Почитайте их отчёты, если вы сведущи и правда хотите узнать, что случилось в действительности. Я попыталась было… а если вы сможете объяснить мне прочитанное, пришлите, пожалуйста, краткий конспект, слов на двадцать пять или даже меньше, и я тщательнейшим образом проигнорирую каждую строку.

Так что, приступая к дальнейшему чтению, имейте в виду, что я не сумею порадовать вас большим количеством технических подробностей. Учтите, что я не слишком-то много могу рассказать о том, что творилось за кулисами; это точно так же неведомо мне, как и всем остальным.

Нет, дальше будет просто-напросто рассказ о том, что случилось со мной во время Великого Сбоя…

* * *

Впоследствии, когда возникла необходимость писать о Деламбре и колонии живущих там чудиков, газетам понадобилось узнаваемое обобщающее слово, нечто вроде краткого определения этого места и тамошних жителей. Как

и обычно в подобных обстоятельствах, газетчики пораскинули умом, изучили конъюнктуру и послушали, что говорит само население. Я слышала, как это место называли поселением, лабиринтом, убежищем. Но лично мне больше всего понравилось название "термитник". Оно метко описывает хитросплетение червоточин в Деламбрской свалке.

Газеты, не одобрявшие хайнлайновцев, заклеймили их шайкой. Газеты, восхищавшиеся ими, титуловали Деламбр и корабль Цитаделью. Возникла путаница и со смыслом слова "хайнлайновцы". В зависимости от того, кто ваш собеседник, оно могло означать адептов политической философии, последователей по-настоящему бредовой религии (со временем названных "организованными хайнлайновцами") или людей, практикующих научное и гражданское неповиновение под попустительским руководством В. М. Смита и ещё нескольких персон.

В конце концов простота одержала верх над прочими соображениями, и за "Р. А. Х.", примыкающей к нему свалкой и частью пещер и коридоров, соединяющих сей сложный объект с более упорядоченным миром, закрепилось наименование "райцентр Хайнлайн".

Простота не лишена достоинств, однако назвать это место районным центром можно лишь с большой натяжкой.

Помимо воинствующего своеволия хайнлайновцев, были и иные силы, препятствовавшие появлению в райцентре Хайнлайн собственной софтбольной команды, избранию жителями из своей среды всеобщего любимца или установке на границах — где бы они ни проходили — дорожного знака с надписью: "Смотрите, как мы растём!" Не каждый "горожанин" был причастен к тем запретным экспериментам, которыми занимались Смит и его отпрыски. Некоторые жили там просто из желания изолироваться от общества, сковывавшего их свободу. Но по причине того, сколько незаконного творилось в анклаве, он не мог обойтись без средств безопасности. И единственная система безопасности, с которой хайнлайновцы готовы были мириться, обеспечивалась барьерами смитовского нуль-поля: избранные могли беспрепятственно проходить сквозь них, а для непосвящённых они оказывались непреодолимы.

Но с системой безопасности были сопряжены некоторые нюансы, неудобоваримые даже для анархистов.

Всего два слова дают исчерпывающее представление о том, от какого рода притеснений скрывались большинство хайнлайновцев, и слова эти — "Главный Компьютер". Хайнлайновцы ему не доверяли. Им не нравилось, что он сутки напролёт подглядывает за их жизнью. И единственным способом избавиться от этой слежки была полная изоляция от ГК. Обеспечить её могли только нуль-поле и порождённый им комплекс технологий, заумное знание, ключей к которому не было у ГК.

Но какого бы вы ни были мнения о ГК, тем не менее он чертовски полезен. К примеру, где и кем бы вы ни работали, я готова поклясться, вам пришлось бы тяжело без телефона. А в райцентре Хайнлайн телефонов нет, во всяком случае таких, что соединяли бы с внешним миром. Соединиться оттуда с планетарной сетью данных никак нельзя, потому что любой способ связи работает в обе стороны: если проходит исходящий сигнал, пройдёт и входящий. И если в райцентре Хайнлайн и было правило, не терпящее исключений, то формулировалось оно так: щупальца ГК ни под каким видом не должны дотянуться до Деламбрского анклава (моё собственное название вольного сообщества обитателей свалки).

Но послушайте, ребята, людям ведь нужно работать. А тем, кто живёт дальше некуда от традиционных городских коммуникаций, — крайне необходимо. В райцентре Хайнлайн нет благотворительной раздачи кислорода. Если поселишься там и не сможешь платить за доступ к воздуху, придётся учиться дышать вакуумом.

В результате восемьдесят процентов жителей "райцентра Хайнлайн" были там не больше жителями, чем я. А я была дачницей, потому что не хотела отказываться от своего дома и своей работы в Техасе. Большинство дачников жили в Кинг-сити и проводили в Деламбре всё своё свободное время, потому что вынуждены были платить по счетам и не находили возможности зарабатывать в райцентре Хайнлайн. Там было недостаточно экономических ниш для полной занятости, и это раздражало хайнлайновцев сверх всякой меры.

Райцентр Хайнлайн, говорите? Вот на что он в самом деле был похож.

Там было с полдюжины мест с достаточным количеством людей, живущих неподалёку друг от друга, чтобы можно было счесть эти места городками или деревнями. Крупнейшее из них, Вирджиния-сити, насчитывало ни много ни мало

полтысячи жителей. Почти так же велик был Стрейнджленд. Оба поселения были обязаны своим происхождением стечению обстоятельств: во время сброса мусора несколько двадцаток огромных вагонов-цистерн свалили в две большие кучи, в которых оказалось удобно жить и вести сельское хозяйство. Под огромными я подразумеваю такие, у которых длина до тысячи метров и диаметр около половины того. Думаю, некогда они служили навесными резервуарами для горючего. Хайнлайновцы понаделали в них отверстий, чтобы соединить друг с другом, нагнали внутрь воздуха и вселились в цистерны, как бедные родственники. Раз-два, и трущоба готова.

На ум без конца приходили нищие кварталы, вырытые в коренной подстилающей породе Луны, хотя хайнлайновцы нередко были весьма зажиточны. У них не было зонирования по имущественному принципу, границы жилых секторов определялись исключительно соображениями здоровья и безопасности. В частности, к очистке бытовых стоков подходили со всей возможной серьёзностью, и не только потому, что не хотели, чтобы у них воняло, как в трущобах Кингсити, но и потому, что из Деламбра нет доступа к щедротам муниципального водоснабжения ме-

гаполиса. Вся вода у хайнлайновцев привозная, закачана когда-то и бесконечно очищается для повторного использования. Но им совершенно неведомо понятие "мозолить обществу глаза". Если хочешь протянуть верёвку поперёк резервуара и развесить на ней бельё, почему бы нет? У нас свободное сообщество. Если тебе кажется удачной затея производить в собственной кухне ядовитый газ — валяй, приятель, но только без аварий и утечек, поскольку гражданская ответственность в райцентре Хайнлайн может предусматривать и смертную казнь.

Землёй в Деламбре по-настоящему не владел никто (я о владении в смысле прав на территорию и свидетельств о собственности, но не спешите переворачиваться в гробу, мистер Эйч), однако если вселиться куда-то, где никто не живёт, это место можно было объявить своим. Можете даже назвать своим домом весь контейнер ёмкостью миллион галлонов, никто не возразит. Если повесите снаружи вывеску "вход воспрещён", она обретёт силу закона. А посторонние могут идти куда угодно прочь, места кругом полно.

Все предприятия в Деламбре были частными, нередко — кооперативными в той или иной форме. Мне повстречались три человека, зараба-

тывавших на жизнь управлением канализационной системой трёх крупнейших поселений и продажей фермерам воды и удобрений. За подключение к канализации платили втридорога, но оно того стоило, потому что кому же хочется собственноручно улаживать все рутинные бытовые вопросы? Подача кислорода не нормировалась, но за него приходилось ежемесячно платить взносы единственному административному учреждению, с существованием которого хайнлайновцы мирились: предприятию кислородоснабжения.

Зато электричество было так дёшево, что его проводили бесплатно. Достаточно было подключиться к магистральной линии электропередачи.

А теперь я открою подлинный секрет успеха господина Смита, реальную причину того, почему столь непривлекательного человека так высоко чтили в сообществе. Он не брал платы за ячейки той загадочной сети нуль-поля, что герметично отделяла райцентр Хайнлайн от остальной Луны — и тем самым делала возможным хайнлайновский образ жизни. Решившим обжить новый участок Деламбра сначала нужно было арендовать проходческий комбайн у людей,

которые его нашли, починили и поддерживают в рабочем состоянии. Прорыв туннель, надо было установить кислородные резервуары, солнечные батареи и обогреватели через каждые сто метров, вокруг очередной ШС, а затем просто прийти к господину Смиту за генераторами нуль-поля. Он раздавал их бесплатно.

У него, разумеется, было полное право требовать за них плату, и ни один хайнлайновец не стал бы роптать. Но только не заблуждайтесь, никакой он не клятый коммунист, я это особо подчёркиваю: оборудование-то он раздавал, а вот наукой не делился. Вручая кому-нибудь генератор, он первым делом предупреждал: "Сунешься внутрь, и тебе крышка". Много лет назад кто-то не поверил Смиту, попытался открыть генератор и посмотреть, как там всё устроено… и его буквально затянуло туда. Очевидец клялся, что парня быстро вышвырнуло обратно — хотя уму непостижимо, как он вообще смог провалиться в предмет размером не больше футбольного мяча — но вылетел он назад вывернутым наизнанку, как грязный носок. И даже несколько минут ещё был жив. Его законсервировали и выставили на обозрение на городской площади Вирджинии-сити в качестве демонстрации пагубных плодов

самомнения.

Вот таковы экономические, технологические и поведенческие факторы, определившие облик маленькой деревушки Вирджиния-сити, точно так же, как реки, гавани, железные дороги и климат определяли облик городов на старушке Земле. Поскольку местные жители по-прежнему не разрешают фотографировать их пристанище и распространять фотографии во внешнем мире и поскольку я пришла к выводу, что для большинства людей "райцентр Хайнлайн" ассоциируется в равной степени с пещерами троглодитов, где средь ослизлых стен гнездятся летучие мыши, и с некой волшебной страной отлично замаскированных сверхэффективных технических чудес, полагаю, я не погрешила против истины, описывая это место.

Чтобы понять, как выглядит городская площадь в Вирджинии-сити, представьте себе местечко чуть посветлее и почище Парка Робинсона в трущобах Кинг-сити. И мысленно уменьшите его. А в остальном всё такое же: и выгнутый потолок, и мизерный пятачок травы и деревьев в центре, и беспорядочные груды упаковочных ящиков, как попало разбросанных по траве. Оба эти места просто выросли такими: Парк Робин-

сона — вопреки закону, Вирджиния-сити — из-за отсутствия такового. И там и там самовольные поселенцы присваивали использованные транспортировочные контейнеры, прорезали в них окна и двери и обустраивали жильё. И здесь, и на уровнях коренной подстилающей породы жители не давали себе труда выстраивать чёртовы контейнеры в аккуратные ровные ряды, как на складе. В результате местность напоминала индейское поселение из глинобитных домишек, но ещё менее упорядоченное: жилища обрамляли собой нерациональные пустоты или торчали под безумными углами, отовсюду свисали лестницы…

Но на этом сходство заканчивалось. В трущобных лачугах редко найдётся половичок, хотя бы джутовый, или лишняя пара носков, а жилые модули хайнлайновцев были пёстро раскрашены и хорошо обставлены: где-то подоконники ломились от горшков с геранью, где-то крышу венчал флюгер-голубок… Лужайка посреди Вирджинии-сити была аккуратно подстрижена, не хуже, чем в гольф-клубе, и не замусорена. Жители трущоб громоздили лачуги друг на друга в двадцать-тридцать этажей, возводя импровизированные небоскрёбы. А в Вирджинии-сити ни одно жили-

ще не поднималось над полом на высоту более чем шести контейнеров.

Площадь была средоточием торговой жизни Деламбра, на ней располагалось больше магазинов и надомных производств, чем где-либо ещё. Обычно, приезжая на выходные, я первым делом отправлялась сюда, поскольку это удачное место для встреч с людьми, а ещё потому, что мои внештатные проводники и бесстыжие халявщики Гензель, Гретель и Либби никогда не упускали случая заглянуть сюда субботним утром и попробовать раскрутить добрую старушку Хилди на виноградно-банановый сплит с двойной порцией сливочной помадки и рома в заведении тётушки Хэзел — пломбирной лавке и кафе для посетителей хирургического кабинета.

В тот день, о котором пойдёт речь, день Великого Сбоя, я пристроила свои — в то время весьма внушительные — булки на одном из парусиновых стульев, расставленных на променаде вблизи этого заведения. В руках у меня был стаканчик кофе. Мороженым можно будет объесться, когда придут дети, а так-то я его не очень люблю. Но в погоне за интересным материалом пошла бы и на большие жертвы.

В центре каждого из столиков в заведении

Хэзел было отверстие с торчащим из него парусиновым зонтом — очень практично для защиты от дождя и солнца. Я внимательно вгляделась в небо, в поисках признаков приближения ливня. Но нет, похоже, ожидался очередной день под выгнутой металлической крышей и лучами дуговых ламп. Сидя в пустом резервуаре из-под горючего, с погодой особо не поспоришь.

Я обвела взглядом площадь. В центре неё возвышалась статуя — изваяние кошки, чуть больше натуральной величины, сидящей на низком каменном постаменте. Я понятия не имела, зачем она здесь и что символизирует. Другой предмет городского общественного пространства, попавшийся мне на глаза, был куда менее загадочным: виселица на противоположном конце площади. Мне сказали, что по назначению её использовали всего лишь раз. И я рада была услышать, что публика не ломилась на казнь. Некоторые аспекты хайнлайнизма полюбить проще, чем остальные.

— Какого чёрта ты здесь делаешь, Хилди? — услышала я собственный голос. Женщина за соседним столиком подняла глаза и снова уткнулась в свой десерт. Ну подумаешь, беременная дама разговаривает сама с собой; что с того? У нас свободная планета. Из-под столика раздалось

знакомое слюнявое причмокивание, я глянула вниз, и Уинстон покосился на меня осоловелым глазом: не перепадёт ли угощение? Я погладила пса носком ноги, и он привольно развалился на спине, приглашая меня к более интимным ласкам. Не дождавшись дальнейших знаков внимания, он так и задремал в этой позе.

— Посмотрим-ка, во что ты вляпалась, — произнесла я. На этот раз ни Уинстон, ни любительница горячих ирисок не взглянули вверх, но я решила продолжить монолог про себя, и вот в каком направлении он пошёл.

Что касается тысячемиллионной попытки покончить с собой, Хилди, ты можешь назвать её "год не задался".

Затем ты приветствовала появление Серебряной Девочки громким славословием Заблудшей Души, Наконец Завидевшей Свет.

Ты разрушила своё видение, доказав его плотскую природу при помощи обострённого журналистского инстинкта, оттачиваемого столько лет, что тебе и не хочется вспоминать, сколько — и этому способствовало то, что девочка по большому счёту и не пыталась от тебя таиться.

И — да, поистине! — она оказалась тем, кем ты и надеялась, что она станет: ключом к миру, где

люди не довольствуются плаванием вдоль берега в крохотной прогретой солнцем лужице, известной как Солнечная система, не смирились с изгнанием с нашей родной планеты и не ведутся на сладкую ложь великого Доброго Фея, сотворённого нами же самими и сделавшего нашу жизнь легче и комфортнее, чем она когда-либо была на протяжении истории человеческого рода, а ещё способного на поступки, о которых мало кто из нас знает или даёт себе труд задумываться. Ну, где же твой возглас "аминь"?

— Аминь!

Ну-с… итак…

После того как овладеешь материалом, всегда наступает некая пострепортажная депрессия. Остаётся лишь перекурить, обуться и отправиться домой. И сразу начать поиски нового материала. Не пытаться жить в уже описанном.

А почему бы нет? Потому что любая статья, будто то о перцерах и Сильвио или о В. М. Смите и его развесёлой компании, просто знакомит тебя с большим количеством людей, а я начала опасаться, что моя проблема всего-навсего в том, что мне надоело с людьми. Я пустилась в приключения в поисках знака, а нашла всего лишь материал. Ангел Мороний материализовался из старой

доброй смеси для осветительной вспышки и не летал, а болтался на ниточках. От неопалимой купины разило керосином. А что там сияет в небе, колесо Иезекииля, да? Присмотритесь получше. Чем это оно обсыпано, не крошками хрустящего печенья?..

— Как ты можешь так говорить, Хилди? — запротестовала я. (И дама за соседним столиком, подхватив свой десерт, пересела подальше, так что, возможно, мой монолог был не таким уж внутренним, как я надеялась. Возможно, дело шло к тому, чтобы окончательно проникнуться шекспировским духом, встать на стул и разразиться мыслями вслух: быть или не быть!) В конце концов (продолжила я уже спокойнее), Смит строит космический корабль.

Ну-уу… допустим. А его дочь создаёт крылатых свиней, и может быть, то и другое в конце концов полетит, но я скорее поставлю на защиту от падающего с неба навоза, чем на то, что получу пропуск на борт межзвёздного лайнера.

Да, но… люди здесь хоть как-то сопротивляются. Не раболепствуют перед ГК. Не далее, чем две недели назад ты была растрогана до слёз, когда тебя приняли здесь за свою. Теперь-то мы как-нибудь справимся с ГК, подумала ты.

Ага-ага. Когда-нибудь.

Как только с меня слетело головокружение от чувства локтя и вновь заявил о себе мой обычный цинизм, мне кое-что стало ясно. Во-первых, хайнлайновцы так же хорошо умеют лодырничать и откладывать важные дела на потом, как и все остальные. Аладдин признался мне, что сопротивление по большей части пассивно, сводится к тому, чтобы держаться от ГК подальше, вместо того чтобы смело атаковать его в его же логове, главным образом потому, что никто понятия не имел, как устроить такую атаку. Так что все воображали, будто вступят с ним в бой… как только окажутся в настроении. А тем временем занимались тем же, чем и все мы, когда сталкиваемся с неразрешимой проблемой: не думали о нём.

А во-вторых, я осознала, что захоти ГК проникнуть в райцентр Хайнлайн, он давно уже был бы здесь.

Я не была посвящена во все здешние тайны. Ничего не знала о махинациях, в результате которых клон МакДональда очутился в Минамате, ни тем более о том, сильно ли ГК старался проникнуть в крохотный хайнлайновский анклав. Но даже такому профану, как я, было понятно, как легко было бы шпионить за местными. Чёрт побери,

да в прошлые выходные Лиз увязалась за мной, и её впустили — за одну только её репутацию человека, известного своими хайнлайновскими наклонностями. Уверена, какие-то проверки она проходила, но я готова поклясться, что ГК смог бы обойти их, если бы захотел внедрить сюда шпиона.

Нет, безусловно, ГК были любопытны здешние люди и он, без сомнения, был раздосадован, но ГК странное существо. Что за криогенное смятение одолевало его громадный мозг, было и, возможно, так и останется для меня загадкой. Но было ясно, что что-то не в порядке. Иначе он никогда не сумел бы переписать управляющие им программы и сделать то, что сотворил со мной. Но ясно было и то, что большая часть управляющих программ осталась нетронутой — иначе бы он просто пробил пинком входной шлюз, ворвался сюда и отправил всех под суд.

И после того как ты всё это высказала, почему же ты разуверилась, Хилди?

По двум причинам. Первая — необоснованные надежды: вопреки всем доводам здравого смысла я надеялась, что здешние люди окажутся хоть в чём-то получше остальных. А они не оказались. У них просто идеалы были другие. И вторая — я

сюда не вписывалась. Журналисты им здесь не требовались, хватало простых сплетников. К преподаванию относились очень серьёзно, дилетантов ни на шаг не подпускали к ученикам. А кроме этого мне было интересно только строительство космического корабля, но в этом деле пользы от меня было не больше, чем от пупса с логарифмической линейкой.

— И третья причина, — произнесла я, — у тебя у самой депрессия.

— Не надо так! — возразил Либби. — Я же здесь.

Я подняла голову и проследила, как он уселся напротив, осторожно поставив на столик полную креманку шоколада, карамели и тающего мороженого. Устроившись, Либби потянулся вниз и почесал Уинстону голову. Пёс облизнулся, принюхался и снова заснул: мороженое принадлежало к тем немногим видам еды, к которым он был равнодушен. Либби улыбнулся мне:

— Надеюсь, я не заставил тебя ждать слишком долго.

— Всё в порядке. А где Г и Г?

— Сказали, попозже подойдут. А Лиз уже возвращается.

Я увидела, как принцесса бредёт к нам через

зелёную зону. В руке у неё была бутылка. Хайнлайновцы сами варят бухло, и Лиз в первое же посещение заявила, что оно ей нравится. Возможно, из-за толики керосина, что туда добавляют для вкуса.

— Не могу остаться, ребята, никак не могу, надо бежать, — произнесла она, будто бы я упрашивала её побыть здесь ещё. Она извлекла из кармашка на оружейном ремне складной стакан, наполнила его вирджинским виски-бондом[79] и опрокинула в глотку. За сегодня это был уже не первый стакан.

Я не ошиблась, сказав "оружейный ремень". Лиз носила его в райцентре Хайнлайн с первой же минуты, как я привела её сюда, потому что здесь было единственное место, за исключением киностудии, на которой она работала, где ей дозволялось носить оружие. А здесь она ещё и могла заряжать его настоящими пулями. Сегодня у неё за поясом красовалась прекрасно подобранная пара кольтов сорок пятого калибра с жемчужными накладками на рукоятях.

---

[79] Примечания: 79

Указание Bottled-in-Bond, или Bonded, означает, что виски бутилирован при крепости 100 proof, выдержан минимум 4 года под непосредственным надзором правительства, и это продукт одной винокурни в один производственный сезон.

— А я надеялся, мы сегодня постреляем, — пробормотал Либби.

— Не сегодня, солнышко. Я заскочила всего лишь купить бутылочку да забрать свою собаку. В следующие выходные — обещаю! Но только ты сам первый скажи, что хочешь.

— Конечно!

— Ну, как, ты был послушным пёсиком? — проворковала Лиз, плюхнулась на корточки, чуть не опрокинувшись назад, и почесала Уинстону спину. По всей вероятности, с ним она и разговаривала, но я на всякий случай ответила, что он был. Впрочем, Лиз, похоже, и не слушала.

Либби наклонился поближе ко мне и обеспокоенно взглянул мне в лицо.

— У тебя правда депрессия? — спросил он и накрыл мою руку своей.

Вот чего мне сейчас в жизни только не хватало, так это ещё одной юношеской влюблённости, но она зарождалась прямо на глазах. Такими темпами Либби скоро начнёт трахать мою ногу, как Уинстон.

Если у тебя есть хоть капля жалости, Хилди, прекрати это.

— Нет, просто немного хандрю, — и я нацепила на лицо улыбку.

— Как так получилось?

— Задумалась, к чему идёт моя жизнь.

Он непонимающе взглянул на меня. Таким же туповатым становилось лицо у Бренды, когда я произносила что-нибудь непостижимое для неё. Ещё бы, парень не видит перед собой ничего, кроме бесконечной вереницы перспектив, простирающихся за горизонт. Я милосердно сдержалась, чтобы не пнуть его. Вместо этого убрала руку из-под его ладони, похлопала его по руке и только тогда заметила возню под столом.

— Что там, Лиз?

— Думаю, он хочет остаться, — пропыхтела принцесса. Она пристегнула к ошейнику Уинстона поводок и тянула изо всех сил, но пёс расставил передние лапы и будто врос в пол. Если хотите увидеть живое воплощение упрямства, забудьте о мулах; взгляните на английского бульдога.

— Может, приподнимешь его? — предложил Либби.

— Если только мне не жалко своего лица, — возразила хозяйка. — А ещё рук, ног и задницы. Разозлить Уинстона трудно, но когда удаётся — это незабываемое зрелище.

Она выпрямилась и разочарованно хлопнула по бёдрам, а пёс тут же перекатился на спину и

опять заснул.

— Чёрт, Хилди, видно, крепко ты ему полюбилась.

Я подумала, что скорее не я, а охота за лёгкой добычей — по большей части лошадками и коровками, хотя недавно и пупса недосчитались. Но предпочла промолчать, это не для нежных ушей Либби.

— Да всё в порядке, Лиз, — заверила я. — Он мне совсем не мешает. Оставлю его ещё на выходные, а по дороге домой завезу тебе.

— Да, конечно, но… в смысле, я собиралась… — она помялась немного, затем налила себе ещё стакан, осушила его и воскликнула:

— Ты права. Пока, Хилди! — хлопнула меня по плечу и потащилась дальше через лужайку.

— О чём это она? — спросил Либби.

— Это же Лиз, кто её знает!

— А она правда королева Англии?

— Угу. А я управляю королевским флотом[80].

На его лице вновь появилось отсутствующее выражение, испытанное и отточенное до совер-

---

[80] Примечания: 80

Строка из оперы "Пинафор, Корабль Её Величества", созданной выдающимся творческим тандемом: Вильямом Гилбертом (1836–1911), либреттистом и режиссёром-постановщиком, и Артуром Салливаном (1842–1900), композитором и дирижёром.

шенства Брендой. Но вскоре он пожал плечами и принялся уничтожать растаявшее месиво в своей креманке. Полагаю, Гилберт и Салливан за пределами понимания даже хайнлайновской молодёжи.

— Ну-уу, — продолжил Либби, расправившись с лакомством и вытерев рот рукой, — стрелять-то она уж точно умеет, должен сказать.

— И в кулачный бой с ней я бы на твоём месте не ввязывалась.

— Но она слишком много пьёт.

— Вот уж воистину! Не хотела бы я оплачивать её счета за новую печень.

Либби откинулся на спинку стула, он выглядел вполне довольным жизнью.

— Ну так что? — спросил он. — Возьмёшь меня в Техас воскресным вечером?

В минуту слабости я пообещала, что покажу всем трём детям, где я живу. Гензель и Гретель, казалось, благополучно забыли об этом, а вот Либби нет. Я бы взяла его с собой, но была почти уверена, что пришлось бы всю ночь отбиваться от него, а до этого мне доводить не хотелось.

Либби изо всех сил старался скрыть разочарование, и я пообещала:

— В следующий раз.

— Конечно, — согласился он. — Тогда чем ты хочешь сегодня заняться?

— Честно говоря, не знаю, Либби. Я уже видела межзвёздный двигатель и ничего в нём не поняла. Видела и ферму, и Минамату, и людей-пауков.

Я повидала и больше чудес, но о некоторых не буду здесь упоминать потому, что дала слово, о других — из соображений безопасности, а об остальных потому, что не так уж они и интересны. Даже сообщество гениальных экспериментаторов с безумными глазами время от времени совершает досадные ошибки.

— А как по-твоему, чем нам заняться?

Либби задумался и сообщил:

— Примерно через час в Стрейнджленде будет бейсбольный матч.

— Ну разумеется! — засмеялась я. — Давненько я их не видела.

— Можешь посмотреть, если хочешь. Но только мы, понимаешь, вроде как собираем команды в зависимости от того, сколько народу придёт…

— Спонтанный матч, думаю, я поняла, это как…

— Нет, у нас…

— …хайнлайновские "Ничего-не-Дающие-Да-

ром" против кинг-ситиевских…

— …здесь не так много людей.

— Извини. Я всё ещё думаю, как девчонка из большого города. Вам нужен рефери? — я похлопала себя по вздутому пузу. — У меня и маты с собой.

Либби улыбнулся, открыл рот, и я услышала:

— Всем не двигаться, и мы никому не причиним вреда!

Поначалу мне показалось, что это произнёс Либби — на долю секунды, прежде чем синапсы не упорядочились. А потом я увидела, что последние девять слов сказал высокий мощный детина в пугающем, но эффектном одеянии, с автоматом в одной руке и мегафоном в другой.

Как только заметила его, я тут же увидела и дюжину других таких же парней, а ещё столько же полицейских из Кинг-сити. Они двигались по лужайке редкой извилистой цепью. Полиция держала пистолеты наизготовку, что нечасто увидишь на Луне. Другие были вооружены артиллерийскими орудиями и бластерами.

— Кто это, чёрт побери? — воскликнул Либби. Мы оба вскочили, как и большинство тех, кто попался мне на глаза.

— Думаю, солдаты, — ответила я.

— Но это безумие! На Луне нет армии.

— Похоже, её создали исподтишка.

Та ещё шайка были эти солдаты, скажу я вам. Среди кинг-ситиевских полицейских было примерно поровну мужчин и женщин, "солдаты" же все были мужчинами и как на подбор крупными. Одеты они были во всё чёрное: ботинки, комбинезоны, портупеи, громоздкие вычурные защитные шлемы с затемнёнными щитками. С поясов у них свисали предметы, которые, насколько я поняла, могли быть и ручными гранатами, и патронными обоймами, и высокотехнологичными точилками для карандашей. Позднее выяснилось, что по большей части солдаты были массовкой. Костюмы взяли напрокат у киностудии, поскольку несуществующей лунной армии нечего было предложить желающим выглядеть брутальнее некуда.

Солдаты двигались в нашу сторону. Всех, кто попадался навстречу, они валили на пол, полицейские обыскивали их на предмет оружия и заковывали в наручники. А солдаты продолжали движение. Преисполненные чувства собственной значимости, они размахивали оружием направо и налево, а из мегафонов неслись всё новые и новые команды.

— Что нам делать, Хилди? — дрожащим голосом спросил Либби.

— Думаю, лучше делать то, что они говорят, — тихо ответила я и успокаивающе похлопала его по плечу. — Не бойся, я знаю хорошего адвоката.

— Они нас арестуют?

— Похоже на то.

Солдат и полицейская приблизились к нам, солдат посмотрел на свой планшет, потом взглянул мне в лицо:

— Вы Мария Кабрини, известная также как Хилдегард Джонсон?

— Я Хилди Джонсон.

— В наручники её, — приказал солдат и отвернулся. Полицейская шагнула ко мне, и тут между нами встрял Либби.

— Не смейте её трогать! — крикнул он. Солдат живо обернулся, поднял приклад автомата и вмазал Либби по лицу. Слышно было, как хрустнула челюсть. Либби свалился без сознания. Пока я пялилась на него, из-под стола вылез Уинстон и обнюхал ему лицо.

Полицейская что-то зло крикнула солдату, но я была так поражена, что не разобрала слов.

— Делай, что сказано, — огрызнулся солдат. Я начала было наклоняться к Либби, но по-

лицейская схватила меня за руку и заставила выпрямиться. Она защёлкнула наручники на моём левом запястье, всё ещё провожая глазами удалявшуюся спину солдата.

— Не может же он так уйти, — пробормотала она скорее себе под нос, чем обращаясь ко мне, и потянулась за моей второй рукой. Тут до меня наконец дошло, что это хуже, чем обычный арест, что явно что-то не в порядке и, видимо, мне следует сопротивляться, потому что если какой-то горилле дозволено вот так запросто вырубить мальчишку, здесь творится нечто выше моего понимания.

Так что я отдёрнула руку и попыталась бежать, но полицейская была начеку. Она вывернула мне левую руку так, что я согнулась пополам и уткнулась лицом в стол, а она ещё надавила сверху, вжимая меня в остатки сладкого пиршества Либби. Я продолжала сопротивляться, не давала схватить вторую руку, и она подняла меня за волосы — но внезапно вскрикнула и отпустила.

Мне рассказали, что Уинстон ракетой оторвался от земли, разинул свои ужасные челюсти и вцепился полицейской в запястье, заставив её выпустить меня и сбив с ног. Я тоже упала, приземлилась на пятую точку и, застыв от ужаса,

смотрела, как Уинстон старается оторвать руку от тела.

Надеюсь больше никогда не увидеть ничего подобного. Весил Уинстон раз в семь меньше полицейской, но таскал её по полу, как тряпичную куклу. Челюсти он разжал всего лишь раз и буквально на мгновение, чтобы перехватить поудобнее. Даже сквозь крики несчастной был слышен хруст костей.

Вот теперь солдат вернулся. На ходу он вскинул автомат, прицелился, но тут раздался выстрел и из груди вояки брызнула кровь. Прогремел ещё выстрел, потом ещё, солдат тяжело рухнул ничком и больше не шевелился. Все принялись палить одновременно, кругом засвистел свинец, и я заползла под столик, радуясь, что он металлический.

Поначалу огонь сосредоточился на одном окне на верхнем ярусе жилых контейнеров, окружавших площадь. Часть стены исчезла, рассыпавшись на мелкие кусочки пластика, в обломки воткнулась яркая красная линия и что-то вспыхнуло оранжевым пламенем. Из других окон тоже высунулись стволы, я увидела, как упал ещё один солдат — выстрелом ему оторвало ногу, увидела, как он извернулся в падении и,

едва приземлившись, открыл ответный огонь по окнам.

На секунду мне показалось, будто я здесь единственная безоружная. На моих глазах хайнлайновец пригнулся, прячась у подножия виселицы, и принялся палить из пистолета. У него включился нуль-скафандр, окутав его серебром. Я увидела, как в него всадили очередь — почти половину рожка автомата. Он застыл. Я не имею в виду перестал двигаться — нет, он застыл, как хромированная статуя, упал, перекатился на спину, а пули всё били в него и отскакивали. Затем нуль-скафандр отключился и хайнлайновец попытался встать, но его настигли ещё три пули. Он сделался красным, как рак.

Я не поняла, почему, и не было времени на раздумья. Люди всё ещё пытались где-то укрыться от огня, и я побежала за ними, мимо опрокинутых столов, разбросанных стульев и трупа кинг-ситиевского полицейского. Я влетела в лавку тётушки Хэзел, огляделась кругом и забилась под стойку, намереваясь просидеть там, пока кто-нибудь не придёт и не объяснит, что за ад здесь творится.

Но репортёрский зуд коренится глубоко и заставляет делать глупости, когда меньше всего этого ожидаешь. Если вы никогда не были жур-

налистами, вам этого не понять. Я вытянула шею и выглянула из-за стойки.

Могу промотать назад запись со своей голографической камеры и в точности пересказать, что произошло, в каком порядке и кто кому что сделал — но проживаем события мы совсем не так. Запоминаются несколько самых ярких впечатлений, врезаются в память беспорядочно, а то, что происходило между этими событиями, не оставляет в ней никакого следа, забывается бесследно. Я видела бегущих людей. Видела, как их разрезало почти пополам лазером, разрывало пулями. До меня долетали крики, выстрелы и взрывы, запах пороха и горелого пластика. Полагаю, любое поле боя выглядит примерно так же и доносятся с него такие же запахи и звуки.

Мне было не видно Либби, я не знала, жив ли он. Там, куда он упал, его больше не было. Зато было видно, как из загрузочных туннелей выскакивают всё новые полицейские и солдаты.

В витрину влетело что-то большое, вдрызг разбило её, упало на мороженицы и опрокинуло одну из них. Я пригнулась, а когда выглянула снова, оказалось, что это та полицейская, что пыталась меня арестовать. На руке у неё всё ещё висел Уинстон, он её почти оторвал.

Адское было зрелище… Обезумевшая от боли женщина яростно размахивала рукой, пытаясь стряхнуть пса. Но не таков был Уинстон. Из его многочисленных порезов сочилась кровь, но он не обращал внимания ни на что, кроме хватки своих челюстей. Он был выдрессирован хватать за нос быка и не отпускать ни при каких условиях. У кинг-ситиевской полицейской не было шансов.

Наконец она схватилась за кобуру, забытую от боли и паники. Выхватила пистолет и прицелилась в пса. Первый выстрел пришёлся мимо, пострадала только мороженица. Вторая пуля угодила Уинстону в левую заднюю лапу, в самое мясо, но и это не заставило его разжать зубы. Наоборот, он вцепился ещё крепче.

Последний выстрел поразил пса в живот. Он обмяк, весь, кроме челюстей. Даже смерть не заставила его отпустить добычу.

Полицейская прицелилась псу в голову, но тут сознание оставило её и она рухнула. Возможно, это было даже к лучшему — видя, куда она целилась, я предположила, что она отстрелила бы свою несчастную руку напрочь.

Потом мне стало её жаль. А тогда у меня так всё смешалось в голове, что я была не способна ни

на какие чувства, кроме страха. Позднее я оплакала и Уинстона. Он пытался защитить меня, хотя, помнится, мне и тогда показалось, что он переусердствовал. На меня всего лишь пытались надеть наручники, не так ли?

А что же солдаты? По-моему, вроде бы это хайлайновцы первыми открыли огонь. Все здравые размышления подталкивали меня к мысли, что если бы первого солдата не убили, всё могло бы закончиться относительно мирно: посадили бы всех в тюрьму, толпы адвокатов вступили бы в прения, судья обратился бы с речью к присяжным, были бы поданы встречные иски, и через несколько часов меня освободили бы под залог.

Освободиться — вот чего мне по-прежнему хотелось, и я бы с радостью сделала это, но любому дураку было ясно, что всё зашло слишком далеко. Если бы я выступила вперёд, размахивая белым флагом, меня как пить дать убили бы, а извинения принесли ближайшим родственникам. Так что, Хилди, сказала я себе, твоя первоочередная задача — выбраться отсюда и не быть подстреленной. Пусть адвокаты всё улаживают потом, когда пули свистеть перестанут.

С этой мыслью я поползла к двери. Я намеревалась просунуть в неё голову как можно ближе

к полу, выглянуть и посмотреть, что отделяет меня от ближайшего выхода. Выяснилось, что это чёрный ботинок, крепко стоящий в дверном проёме — когда я добралась туда, он оказался прямёхонько у меня перед носом. Я взглянула вверх, вдоль ноги в чёрной штанине, и сверху на меня уставилось грозное лицо солдата. Он целился в меня из какого-то мощного крупнокалиберного оружия — вероятно, из зенитного пулемёта: дуло было такого диаметра, что его можно было бы зарядить бейсбольным мячом.

— Я безоружна, — поспешно предупредила я.

— Таких-то я как раз и люблю, — ответил солдат и большим пальцем приподнял щиток шлема. Кое-что в его глазах мне не понравилось. В смысле, помимо всего прочего, что мне не нравилось в сложившейся обстановке. Мне кажется, глаза его были слегка безумны.

Это был высокий мужчина с широким лицом, не тронутым признаками высокого интеллекта. Но какая-то мысль в его мозгу всё же мелькнула, и он нахмурился:

— Ваше имя?

— Х… Хельга Смит.

— Не-а, — произнёс он, выудил из кармана планшет и листал его большим пальцем до тех

пор, пока с экрана не улыбнулась моя милая физиономия. Солдат тоже улыбнулся, увидев её, а вот я — нет, потому что его улыбка была худшей новостью за весь сегодняшний день, и без того полный плохих новостей.

— Вы Хилди Джонсон, — продолжил солдат, — и вы в списке смертников, так что никому не будет дела до того, что здесь произойдёт, понятно? — и он принялся одной рукой расстёгивать ремень, не выпуская из другой оружия, нацеленного мне в лоб.

Я отрешилась от происходящего. Возможно, это было защитной реакцией, способом хоть как-то отгородиться от предстоящего унижения. Или, вероятно, случилось слишком много того, чего не могло, не должно было произойти. "Этого просто не может быть!" — этот безмолвный крик сегодня вырывался у меня уже столько раз, что теперь навалилось какое-то онемение мыслей. Мне следовало придумать, что же всё-таки делать. Следовало бы заговорить с солдатом, что-нибудь спросить у него. Хоть что-нибудь. Но вместо этого я просто сидела на пятках и чувствовала, будто вот-вот засну.

Но чувства мои были обострены. Должны были быть, иначе как же я расслышала бы за грохотом

стрельбы снаружи (и как он может творить подобное в разгар войны?..) и за скрежетом мотора издыхающего компрессора голос из могилы? Я услышала рычание.

А солдат его не услышал или, возможно, внимания не обратил, был слишком занят. Он спустил штаны до самых пяток, встал передо мной на колени — и вот тогда я увидела Уинстона. Он волочил заднюю лапу, из раны в брюхе текла кровь, а в глазах читалась жажда убить.

Мужчина навис надо мной.

Я хотела, чтобы Уинстон откусил ему… ну, вы поняли, что именно. Вышло немного не так, но тоже хорошо. Бульдог вцепился в мягкую плоть на внутренней стороне бедра. Нога мужчины дёрнулась от боли, он взвыл и перелетел через меня. Я успела ухватить ремень его оружия.

У солдата был перевес в массе и силе, но это мало волновало Уинстона. Пёс перегрыз артерию. Солдат пытался одной рукой отобрать у меня автомат, при этом другой избавиться от Уинстона, но то и другое получалось плохо. Кровь хлестала во все стороны. Я завизжала. У меня вырвался не громкий крик в полный голос, как в кино, и не вопль бешенства, а тоненький, полный ужаса визг, который я была не в силах сдержать.

Тут я схватилась одной рукой за ствол оружия, другой за магазин и нащупала спусковой крючок, потому что солдат понял, где настоящая опасность, перестал сражаться с Уинстоном и повернулся ко мне. И тоже ухватился за ствол. На свою беду, слишком близко к дулу: когда я нажала на курок, кисти у солдата не стало. Её не просто оторвало, она будто испарилась, а в воздухе повис кровавый туман.

Но мужчина ни на миг не перестал бороться. Думаю, на то он и солдат. На ноге у него висел Уинстон, штаны болтались на лодыжках, он лишился руки, но по-прежнему надвигался на меня. Я вскинула оружие и со всей силы надавила курок. Что произошло дальше, я толком не видела, потому что в режиме автоматической стрельбы отдача оказалась такая сильная, что опрокинула меня на пол. А когда я открыла глаза, большая часть тела нападавшего была размазана по стенам, только несколько ошмётков валялись на полу и большой кусок ноги всё ещё торчал из пасти Уинстона.

Могу сказать, что на некоторое время я застыла, не зная, что поразило меня сильнее — как чудовищно лишить человека жизни или как сильно меня тошнит от вида разорванного тела.

Я размышляла об этом и о многом другом. Но позже. Много позже. А тогда мой разум схлопнулся и стал таким крохотным, что вмещал всего несколько мыслей, причём только одну за раз. Во-первых, я сейчас отсюда выберусь. Во-вторых, в любом или любой, кто встанет между мной и выходом, я пробью дыру размером с Хилди, прямо сквозь их вонючий остов. Я только что совершила убийство — и, богом клянусь, совершу снова, и не раз, если именно это нужно, чтобы оказаться в безопасности.

Я опустилась на одно колено и позвала пса:

— Уинстон! Ко мне, мальчик мой… — не зная, чего ждать. Узнает он меня? Или жажда крови уже слишком обуяла его?

Но пёс, встряхнув последний раз ногу солдата, бросил её и приблизился. Он волочил заднюю лапу, у него были прострелены внутренности, но всё же он шёл.

Признаюсь, я не знаю, почему взяла его. Честно, правда не знаю. Камера в моём глазу записала все действия, но не мысли. Тем более что мои в тот момент были не слишком-то упорядочены. Я помню, что думала о том, как многим я обязана Уинстону, чертовски обязана! У меня мелькнуло в голове и то, что, возможно, с ним мне безопаснее,

чем без него; он был адски опасным оружием. Предпочитаю думать, что эти мысли возникли именно в таком порядке. Но не поручусь.

Я обхватила одной рукой пса, в другой сжала оружие и выглянула за угол. Никто не отстрелил мне башку. Казалось, на площади вообще никто не двигался. В воздухе было очень дымно и всё ещё шла сильная стрельба, но теперь, похоже, все палили из укрытий. Я тоже могла так поступить и отстреливаться, пока меня не найдут — или же воспользоваться дымовой завесой, чтобы скрыться, хотя знала, что легко могла наткнуться ещё на кого-нибудь, кому пришла такая мысль, и тот мог бы оказаться лучшим стрелком.

Не знаю, как принимаются такие решения. В смысле, я его приняла, но не помню, чтобы взвешивала все "за" и "против". Я просто выглянула за угол, никого не увидела — и в следующее мгновение уже бежала.

На самом деле бег — весьма лестное определение для того, как я двигалась, зажав под мышкой умирающего пса и волоча за собой тяжёлое оружие. И не забудьте, что живот у меня был размером с Фобос. К счастью, на камеру записалось только то, что я видела, а не то, как выглядела. Но если бы сохранилась моя фотография, я сберегла

бы её для потомков.

Я намеревалась добраться до коридора, ведущего обратно на "Хайнлайн", и мне удалось пройти примерно половину пути, когда кто-то за моей спиной произнёс "Стой!" твёрдым и совсем не дружелюбным голосом, а потом события покатились стремительно… и я сделала всё правильно, даже когда всё кругом пошло не так.

Я повернулась, продолжая медленно пятиться назад, и уронила Уинстона (он взвыл, и это был единственный крик боли, вырвавшийся у него за всю героическую битву — прости меня, Уинстон, где бы ты ни был!). Позади меня стоял молодой полицейский из Кинг-сити, выглядел он таким же испуганным, как я, в руках держал огромный лазерный бур и целился им в меня.

— Бросайте оружие, — приказал он, а я ответила: "Извини, братуха, ничего личного", но только про себя, и нажала курок. Ничего не произошло, и только тогда я заметила мигающий красный огонёк на выпуклой металлической штуковине, которая должна была быть магазином, и догадалась, что это мигание означает "накорми меня" или нечто близкое по смыслу на языке оружия — и поняла, почему то, что я задумывала как короткий выстрел, столь разрушительно по-

действовало на несостоявшегося насильника. Я бросила разряженное оружие, подняла руки — и увидела, как Уинстон, хромая, сделал последний рывок, преодолеть десяток метров, разделявших меня и полицейского, я вытянула руки ладонями вверх и крикнула: "Нет!" — и готова поклясться перед любым судом мира, что разглядела на десятиметровом расстоянии, как палец полицейского прижал спусковой крючок, а наконечник бура заколебался между мной и Уинстоном, словно парень не мог решить, кого пристрелить первым. И — знаю, это никак невозможно — но я думаю, что успела даже увидеть, как на кончике бура появился свет, в ту самую долю секунды, как я схватила свой пульт включения нуль-поля и сжала изо всех сил.

Меня ослепил зелёный свет. На несколько мгновений я совсем перестала видеть. Когда зрение вернулось, мир был полон разноцветных пылающих шаров, плывущих в разные стороны, заслоняющих обзор и лопающихся, как мультяшные мыльные пузыри. Я ужасно потела под нуль-скафандром. Но могло быть и хуже. За пределами нуль-поля горело всё или почти всё.

Едва ли не единственная ошибка, которую можно совершить при обращении с лазером — это

выстрел в зеркало. Но полицейский не виноват. Я не была зеркалом, когда он открыл огонь; убить меня было так возможно…

Но на самом деле ему следовало свалить, и чем раньше, тем лучше.

Везде, где луч коснулся меня, он был отражён, но поскольку человеческое тело весьма сложный объект, отражение луча разлетелось по всей площади. Образовавшаяся линия огня ударилась о стены во многих местах, расплавив пластиковые панели и воспламенив то, что было за ними. А полицейского она поразила по меньшей мере трижды. Думаю, даже один выстрел из бластера был бы смертелен без срочного лечения. Полицейский лежал неподвижно, в его теле зияли три чёрных прожога, а по их краям пламя пожирало одежду.

Где-то на своём сложном извилистом пути луч ударил и Уинстона. Пёс тоже был недвижим, шерсть на нём горела.

Я пыталась сообразить, что же делать, как вдруг поднялся сильный ветер. На мгновение он раздул огонь до яростных белых языков, но тут же сбил его. Весь дым моментально рассеялся, и обстановка приобрела такую кристальную чёткость, какая бывает только в вакууме.

Я отвернулась и поспешила в укрытие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я притаилась на груде хромированных труб, не далее, чем в двадцати метрах от двух фигур в скафандрах, патрулирующих коридор. Я пыталась притвориться куском гнутой трубы, но была не уверена, как это лучше сделать. Наконец я решила не шевелиться и думать, как труба, и вроде бы это сработало.

Одним глазом я поглядывала на часы, другим на солдат, а ещё одним — на мигающий красный огонёк на своём головном дисплее. Поскольку в сумме это даёт три глаза, вы можете представить, как я была занята. Я была самым занятым неподвижным человеком, которого вы когда-либо видели. Или не видели.

Как будто этого уже не было предостаточно, я параллельно ещё и звонила по всем телефонным номерам со своей обширной карты памяти.

Забудьте о таких банальных изобретениях, как огонь, колесо, лук и стрелы или плуг. Человек не стал по-настоящему цивилизованным, пока Алекс Белл не произнёс эти бессмертные слова: "Чёрт, Уотсон, я пролил кислоту прямо себе на яйца". Я не могла прятаться вечно, у меня за-

канчивался кислород, и оставалась последняя надежда — вызвать помощь по телефону. Я поклялась: если у меня получится, каждый год в день рождения г-на Белла я буду зажигать свечу.

Положение моё было аховое, но могло быть и хуже. Я могла оказаться в числе полицейских из Кинг-сити, которых (как я позднее узнала) насильно включили в первую штурмовую группу, брошенную на Вирджинию-сити. Мало того, что толпа местных оказалась вся сплошь вооружена, мало того, что по площади бегала злейшая и абсолютно бесстрашная собака, так им ещё и не выдали скафандров. И когда войска второй группы, действовавшие на поверхности, начали перерезать кабели, по которым поступала энергия от солнечных панелей наверху свалки, отключилось нуль-поле, удерживавшее воздух внутри поселения.

Так вот что произошло сразу после того, как в меня разрядил свой лазер последний полицейский! Воздух, стремительно утекавший с площади, сначала раздул, а затем потушил пламя на трупе Уинстона.

Эта утечка была не такой, как та, что случилась в "Нирване", иначе я бы с вами уже не разговаривала. Обычно при прорывах купола огромная

масса воздуха с силой вырывается через сравнительно небольшое отверстие. Вас подхватывает, со всего маху колотит обо всё, потом сжимает так, что даже в нуль-скафандре шансы на выживание невелики. Но когда отключается нуль-поле, оно исчезает всё разом, и воздух просто разрежается. Поднимается лёгкий ветерок, потом раздаётся хлопок, будто лопается мыльный пузырь. А затем толпа полицейских и солдат хватается за горло, кашляет кровью и тихо опускается на пол. На моих глазах так погибли двое. Полагаю, это довольно быстрое и относительно мирное расставание с жизнью, хотя меня до сих пор подташнивает от одной мысли об этом.

Тогда мне показалось, что нуль-поле выключили хайнлайновцы. Это был бы логичный тактический ход с их стороны. Так они обычно тушат пожары, а к тому времени, как утёк воздух, пожаров кругом пылало уже бог знает сколько. К тому же было просто нелогично со стороны нападавших обесточивать поселение, зная, что у первой группы нет скафандров.

И тем не менее именно вторая группа убила своих же, и это была не единственная бессмыслица в том штурме. Но я узнала обо всём значительно позже. А когда пряталась среди труб, мне было

известно только, что куча народу пытались меня убить и ещё больше — по-прежнему пытаются. После того, как отключилось нуль-поле, игра в кошки-мышки шла уже часа три.

Отключение энергии моментально превратило коридор, по которому я собиралась попасть на "Хайнлайн", из серебристого цилиндра в тёмный канал, пробуренный сквозь бесконечные груды мусора. По такому я пробиралась ощупью много недель назад, чтобы впервые проникнуть в этот дом безумных аттракционов. И это было чертовски прекрасно, потому что совсем скоро после утечки воздуха я встретила первого из множества людей в скафандрах, шедших по коридору мне наперехват.

На самом деле мы не встретились, что тоже было очень хорошо, поскольку у встречного или встречной был в руках лазер, совсем как тот, что чуть не поджарил меня. Я увидела, что кто-то идёт навстречу, пока он (буду говорить "он", потому что все солдаты были мужчинами и двигался встречный как-то по-мужски) был ещё далеко, и успела вжаться в стену. Или в то место, где была стена. Видите ли, по ходу коридора было немало провалов, достаточно широких, чтобы туда втиснулась даже беременная.

Но, шагая в провал, никогда не знаешь, что там встретится. Ты находишься в мире, где нет рационального порядка, в трёхмерном лабиринте, выстроенном случайным образом из подручных материалов. Одни куски крепко держатся на месте под давлением вышележащего мусора, другие пугающе нестабильны. В некоторые нычки, образованные ими, можно проскользнуть и протиснуться довольно глубоко, а потом через сообщающиеся пустоты вылезти в другое помещение, как в поломанном гимнастическом снаряде "джунгли". А в некоторых укрытиях метра через два натыкаешься на тупик, из которого и крыса не выберется. Всякое бывает. И снаружи нипочём не догадаться, что именно.

Моё первое прибежище было как раз из неглубоких, так что я вжалась в плоскую стену и принялась постигать дзен неподвижности. В этом многое сыграло мне на руку. Не было нужды специально сдерживать дыхание, поскольку в нуль-скафандре я и так не дышала. Не нужно было соблюдать тишину — в вакууме всё равно ничего не слышно. К тому же маскировочный эффект у моего скафандра так хорош, что враг не увидел бы меня, даже если бы я лежала прямо у него на пути.

Я повторяла про себя все эти доводы, но всё равно состарилась лет на двадцать, когда преследователь, поводя бластером влево-вправо, прокрался мимо так близко, что я могла бы дотронуться до него, вытяни я руку.

Затем он удалился и кругом снова стемнело. (А я не сказала, что все лампы погасли, когда перерезали кабели? Ни одна не горела. И врага бы я не увидела, не будь у него при себе фонаря.)

Мне тоже захотелось фонарь. Захотелось больше всего на свете. Без него я не представляла, как сумею выбраться в безопасное место. Стало уже так темно, что я едва могла различить бесполезное оружие, зачем-то прихваченное с собой, а когда преследователь уйдёт совсем далеко, я вообще ничего не увижу.

Внезапно я чуть из кожи вон не выскочила от ужаса: он же мог мимоходом заметить мигающий красный огонёк на пустом магазине! Как я забыла его прикрыть! Эх, был бы у меня запасной магазин… И тут я пристально вгляделась в пистон крепления. На конце у него обнаружилось отверстие, в глубине которого тускло желтела латунь гильзы. Ну конечно! Магазин был двусторонним, точнее, пистон скреплял два магазина. Использовав первый, нужно было всего лишь

перевернуть конструкцию. Боже, ну и хитрые ублюдки эти солдаты!

Так что я занялась перезарядкой, чуть не выронив сначала пистон, потом само оружие, затем выглянула в коридор и выстрелила туда, откуда пришёл солдат, чтобы понять, заработала ли адская техника. По отдаче я поняла, что да. На вспышку выстрела я не рассчитывала, и, очевидно, её не заметил и солдат.

Тогда я шагнула в коридор и дала короткую очередь ему в спину. Слушайте, даже если бы у меня был способ докричаться до него в вакууме и предупредить, что стреляю, навряд ли я стала бы это делать. Никому неведомо, как низко можно пасть, когда на уме одно лишь выживание.

Скафандр у врага был толстый, а прицелилась я не слишком хорошо, так что первый выстрел ничего не пробил, просто отбросил солдата подальше в коридор. Он поднялся, обернулся, вскинул своё оружие, тогда я снова нажала на курок, теперь уже дольше и сильнее, и всё было кончено.

Не буду описывать, в какой дряни мне пришлось копаться, чтобы найти заветный фонарь.

* * *

Моя пальба уничтожила лазер солдата и теперь уже окончательно опустошила магазин, так что на поиски воздуха я отправилась, вооружённая одним лишь фонарём да остатками разума.

А задачка-то была не из лёгких. Вне всяких сомнений нуль-скафандр — гениальное изобретение. Он спас мне жизнь. Но с точки зрения автономности всё же было чего желать. Если хайнлайновцу хотелось провести побольше времени в безвоздушном пространстве, он, как и все остальные, вешал на спину большой баллон дыхательной смеси и соединял его шлангом со штуцером у себя на груди. Без навесного резервуара внутреннего баллона хватало на двадцать — двадцать пять минут, в зависимости от нагрузки. Сведя её к минимуму, можно провести снаружи минут сорок. Это если вы, к примеру, вдруг заснёте.

Я же не слишком много спала и не планировала засыпать в ближайшее время, но поначалу проблема не показалась мне такой уж серьёзной. Во всех коридорах через каждые полкилометра или около того находились ШС. Кабели, питавшие их, были перерезаны, но там всё равно можно было

найти большие резервуары с воздушной смесью, заполненные до отказа. И чтобы перезарядить мой внутрилёгочный баллон, всего-то надо было подсоединить адаптер к штуцеру на груди, повернуть краник и дождаться, пока маленькая стрелка на головном дисплее не переместится в положение ЗАПОЛНЕНО.

В первый раз действительно всё было именно так легко. Но даже тогда я понимала, что необходимость каждые полчаса разыскивать ШС — слабое звено в моей и без того небезупречной стратегии выживания. Мне не удастся проделывать это бесконечно. Нужно или выбираться своими силами, или звать на помощь.

Звонок показался мне наиболее разумным выходом. Я по-прежнему не имела представления, что творилось за пределами райцентра Хайнлайн, однако у меня не было причин сомневаться в том, что неприятности закончатся, когда удастся связаться с юристом или хотя бы с газетой. Но из коридора было не прозвониться. У меня над головой было слишком много мусора, сигнал не проходил. Однако по счастливому стечению обстоятельств или благодаря божественному провидению я вскоре набрела на один из знакомых коридоров. Ответвление в левом его конце

вело прямо на поверхность.

Я выбралась наверх, и оказалось, что снаружи Луна кишит солдатами.

Я резво нырнула обратно, радуясь, что мой скафандр так здорово маскирует. Но откуда взялось целое войско?

Там не было ни полков, ни дивизий, ничего подобного. Но из моего укрытия было видно как минимум троих солдат, и двое из них, как мне показалось, патрулировали местность, а третий стоял неподалёку от выхода, из которого я высовывалась. По всей видимости, на карауле. Возможно, он собирался всего лишь брать пленных, но я уже видела, как в людей стреляли без предупреждения, и не собиралась выяснять его намерения.

Мне повезло ещё кое в чём: на площади я видела человека, настигнутого пулями, когда он был в нуль-скафандре. А то могла бы ошибочно подумать, будто скафандр, непроницаемый ни для чего, сделал бы меня неуязвимой перед выстрелами. Да, сделал бы… но какой ценой!

Мне всё разъяснили позднее. Возможно, вы и сами уже догадались, в чём дело; Смит сказал: "Как должно быть интуитивно понятно", но он всегда так говорит.

У пуль есть кинетическая энергия. Когда они попадают в вас, этой энергии нужно куда-то деваться. Часть её передаётся вашему телу, то есть пуля сбивает вас с ног. Но большую часть энергии поглощает скафандр и поначалу затвердевает, но потом должен куда-то всю эту энергию отвести. В генераторе нуль-поля её накапливать негде. Смит попытался пойти этим путём, но генераторы стали перегреваться, а в некоторых случаях даже взрывались. Невесёлая перспектива, с учётом того, куда имплантирован генератор.

Так что полю ничего иного не остаётся, как выделить энергию в виде жара. По обе стороны от себя.

— Уверен, со временем мы сможем сдвинуть эту симметрию в нужную сторону, — заверил Смит. — Расчёты крайне сложны и рискованны. Но представляете, какой получился бы пуленепробиваемый жилет, а?

Конечно же, превосходный. Но пока он не получился, вас ошпаривает. Проблема отвода лишнего тепла — и без того слабое место нуль-скафандра. В нём можно пережить одно прямое попадание пули (и большинству людей удалось), но, как правило, если тут же отключить скафандр и охладиться. Однако при попадании двух и более пуль

внутренняя температура возрастает настолько, что мозг может свариться.

Предполагалось, что в таких случаях скафандр должен автоматически отключаться. Но, естественно, в безвоздушном пространстве отключения не произойдёт. Что бы ни творилось внутри скафандра, вакуум — всегда большее из двух зол.

Так что если бы меня подстрелили в нуль-скафандре, я сварилась бы заживо.

* * *

Я далеко не сразу начала воздавать хвалу имени А. Г. Белла. Первый час мне хотелось вырыть его из могилы и поджарить на медленном огне. Разумеется, он был ни в чём не виноват, но в моём тогдашнем состоянии меня это не волновало.

В очередной раз пополнив воздушный резервуар, я пробралась к вершине мусорной кучи. Это оказалось возможно — но ни в коем разе не легко, — потому что в месте, где я находилась, поблизости от корабля, толщина планетарной свалки была не слишком большой. Я протискивалась, сжималась, извивалась, тщательно выбирала путь, и вскоре мне удалось высунуть голову из хлама. Оттуда любой из тысяч проле-

тавших мимо спутников связи должен был быть в зоне прямой видимости, так что я принялась набирать номер с максимальной скоростью, с какой язык мог касаться наборной панели на внутренней стороне зубов. Я собиралась позвонить Крикету, потому что он…

…недоступен по данному номеру. Так сообщил мой головной дисплей, а он редко ошибается в подобных вещах. Не смогла я дозвониться ни Бренде, ни Лиз. Хотела было набрать чей-нибудь другой номер, но наконец сообразила, что не достучусь ни до кого, потому что моему телефону, когда я находилась на поверхности, требовался усилитель сигнала — стандартная деталь обычных скафандров. Но не моего нового.

Как можно было ожидать от меня, что я возьму в голову что-либо подобное? Обычно потычешь языком в зубы — и сразу же слышишь в ухе нужный голос. Так работает чёртов телефон. Это столь же естественно, как стрелять.

Но тогда мне пришлось поразмыслить, без вариантов. И вскоре я осознала, что проблема у меня на самом деле не одна. Нуль-поле не пропустит сигнал от моего телефона. Хайнлайновцы использовали само поле для формирования сигнала совершенно в другом диапазоне частот, чтобы

общаться между собой, передавая информацию между скафандрами, и при этом не дать никому, даже ГК, подслушать разговоры. Из-за их системы безопасности я оказалась в полной заднице.

Я долго размышляла над этим, поглядывая на датчик кислорода. Затем вернулась в тёмный коридор и прокралась к телу убитого мной солдата.

Останки так и валялись на полу, их просто сдвинули к стене. Мне удалось завладеть шлемофоном и затеряться в лабиринте, затем при помощи фонаря и оказавшихся под рукой кусков металла отделить то, что, как я надеялась, было усилителем радиосигнала скафандра. У меня получилось лучше, чем я рассчитывала, хотя устройство оказалось прострелено.

Но я всё равно взяла его с собой. Закачала очередную порцию воздуха, вернулась на поверхность и куском провода соединила находку с нагнетательным штуцером у себя на груди. Теоретически это был единственный путь вывести сигнал за пределы скафандра. Я включила усилитель и была вознаграждена появлением маленького красного огонька на панели радио. Я ещё раз позвонила Крикету, но соединение не установилось.

Так что пришлось вооружиться всеми моими

разрозненными и поверхностными технологическими познаниями, чтобы починить радио. Понимать это надо так: я шваркнула сволочной штуковиной об остов лунохода, на котором сидела, и перезвонила снова. Никакого эффекта. Шварк! И опять тишина. Я ШВАРКНУЛА третий раз — и наконец Крикет ответил:

— Да! Какого дьявола тебе надо?

Пока я колдовала над радио, мой язык жил собственной жизнью, раз за разом нервно набирал номер Крикета. А теперь, когда он понадобился для речи, чёртов язык будто отсох — от избытка чувств при звуке знакомого голоса.

— Мне тут некогда рассиживаться, — предупредил Крикет.

— Крикет, это я, Хилди, и мне…

— Да, Хилди, освещай со своей стороны, а я буду со своей.

— Что освещать?

— Самую чертовски потрясную из новостей, когда-либо… — и тут я услышала визг мысленных тормозов, ощутила жар горящих мысленных покрышек, а когда Крикет наконец обуздал полёт своей мысли, то произнёс совсем другим тоном:

— Никаких новостей, Хилди. Совсем ничего. Забудь, что я сказал.

— Проклятье, Крикет, внутри, что, тоже это дерьмо творится? Что случилось? Всё, что мне известно…

— Ты можешь сама себе вообразить, как вообразил я, — ответил Крикет.

— Что вообразить? Я не знаю, что ты…

— Да, да, конечно. Но не выйдет, Хилди. Ты больше не выманишь у меня сенсацию.

— Крикет, я уже даже не работаю в "Вымени".

— Бывших журналистов не бывает. Репортёрская хватка у тебя в крови, Хилди, и тебе не удастся подавить её. Так шлюха невольно раздвигает ноги, заслышав звонок в дверь.

— Крикет, послушай, у меня большие неприятности. Я застряла…

— Ага! — торжествующе выкрикнул он, чем окончательно меня запутал. — Куча народу тоже застряла, старушка. Думаю, тебе лучше там и сидеть. Прочтёшь подробности в "Дерьме" через пару часов, — и он отключился.

Я со злости чуть не зашвырнула радио за горизонт, но вовремя опомнилась. Вместе с трезвым рассудком вернулась и осторожность: проследив глазами за воображаемым полётом радио, я заметила, как две фигуры карабкаются по груде мусора. Они направлялись ко мне, привле-

чённые, по-видимому, следом моего сигнала. Я отпрянула под защиту лунохода и снова нырнула в тёмный лабиринт.

* * *

Когда я только заползла в груду хромированных труб, чтобы спрятаться от солдат, воздуха у меня оставалось на десять минут. А прошло с тех пор уже семь.

Первым делом я понизила скорость выделения кислорода моим искусственным лёгким до минимального уровня, только чтобы сознание не потерять. Так же поступила и с уровнем охлаждения. Я полагала, что смогу растянуть десятиминутный запас на пятнадцать минут, если буду не слишком активно двигаться. С тех пор я вообще не шевелилась. Но мигающий красный огонёк перед моими глазами не исчез, что означало: уровень кислорода у меня в крови понижен. Плюс к тому включился ещё один датчик, в нормальном состоянии работавший незаметно, и я узнала, что температура тела у меня 39,1 градуса и медленно повышается. Я знала, что вынесу и больше, прежде чем впасть в бред; опасны значения только выше сорока.

Готова признать, тактик из меня ужасный,

по крайней мере в подобных ситуациях. Я видела отдельные куски проблемы, но не могла сложить их вместе, только бесцельно парилась. Вот взять, например, тех парней, что наверху. Могли ли они сообщить мои координаты этим гориллам, охраняющим резервуар? Они находились не более чем в тридцати метрах надо мной; если у армии нападавших было хоть какое-то командование, стражи должны были вскорости получить указание разыскивать задыхающуюся толстушку, сверкающую, как футбольный кубок, и известную стремлением вытягиваться вдоль всяческих труб.

Но коли и так, что я могла с этим поделать? Не было никакой надежды пробраться через лабиринт до следующей воздушной станции — которая, между прочим, тоже могла оказаться под охраной. Так что если в ближайшие восемь минут вооружённые парни не найдут, чем другим заняться, мне по-любому каюк: или задохнусь, или сварюсь в собственном поту. Для меня хрен редьки не слаще; разве что для коронера будет разница.

Бренда Старр, репортёрша из комиксов, наверняка придумала бы какой-нибудь хитрый путь спасения, нечто, чем смогла бы отвлечь этих

ужасных солдат, отманить их подальше от резервуара так надолго, чтобы ей успеть пополнить запас воздуха. Хилди Джонсон, напуганная до усрачки учительница и бывшая писака, не имела ни малейшего представления, как это сделать и не привлечь к себе внимания.

Но всё же какая-никакая хорошая новость была. Пока я пряталась, мой язык опять начал сам собой набирать номера, и вскоре я с удивлением услышала зуммер "занято". Я понятия не имела, кому позвонила и как пробился сигнал. Могла только предположить (и позднее выяснилось, что так и было): какие-то предметы в мусорной куче сработали наподобие антенны и передали мой сигнал наружу, а там его подхватил спутник.

Я попробовала снова позвонить Бренде (ответа не было), потом в "Вымя" (и там ничего), а затем набрала номер Лиз.

— Букингемский дворец, Её Величество у аппарата, — послышался невнятный голос.

— Лиз, Лиз, это Хилди. У меня большие неприятности.

Наступила долгая, какая-то пьяная тишина. Я уже начала гадать, не заснула ли Лиз, как вдруг услышала рыдание.

— Лиз? Ты там?

— Хилди, Хилди… О боже, я не хотела так поступать.

— Не хотела поступать как? Лиз, у меня мало вре…

— Я пьянь, Хилди. Проклятая пьянь.

Это была и не новость, и по большому счёту не секрет. Я не ответила, только молча слушала, как Лиз сотрясается в рыданиях, смотрела, как секунда за секундой истекает моё время, и ждала, когда она сможет заговорить.

— Они сказали, что могут надолго упрятать меня за решётку, Хилди. Очень, очень надолго. Я была в ужасе и чувствовала себя хуже некуда. Меня трясло, тошнило, но никак не могло вырвать, и похмелиться мне не давали.

— О чём ты? Кто "они"?

— Они, они, чёрт побери! ГК.

К тому времени я более-менее во всём разобралась, хотя тогда Лиз бормотала бессвязные отрывки признания. Позднее её история стала известна мне полностью, была она примерно такой:

Лиз попала в услужение к ГК ещё до празднования двухсотлетия Вторжения. В какой-то момент её арестовали, доставили куда следует и обвинили в множественных нарушениях запрета на

хранение и приобретение оружия. (То же произошло и со многими другими; оружие для штурма райцентра Хайнлайн было конфисковано в ходе крупного рейда — ни слушка о котором не просочилось в новости.)

— Они сказали, что я могу отправиться в тюрьму на восемьдесят лет, Хилди. Потом меня оставили одну и со мной заговорил ГК. Он сообщил, что если я время от времени буду оказывать ему небольшие услуги, обвинения могут быть сняты.

— А что случилось, Лиз? Ты потеряла бдительность?

— Что? О, не знаю, Хилди. Мне никогда не показывали, что у них есть против меня. Говорили, что всё обнаружится на суде. Не знаю, законным ли путём добыты улики. Но когда ГК заговорил, я быстро сообразила, что это и не важно. Мы обсудили это; знаешь, если бы он только захотел, он любого на Луне нашёл бы, за что посадить. Единственное, что мне было ясно — это что на суде дело основывалось бы на неопровержимых доказательствах моей вины. Я побоялась заходить так далеко.

— И выдала меня с потрохами.

Повисло долгое молчание. Так прошло несколько минут. Солдаты не двигались с места. И мне

больше ничего не оставалось, как слушать дальше.

— Рассказывай уж до конца, — сказала я.

Похоже, ГК пристально заинтересовался некой группой людей, постоянно ездящих в Деламбр. Он предложил Лиз доставить меня туда и посмотреть, что получится.

Я должна была быть польщена. Вот, оказывается, насколько высоко ГК ценит мои сыщицкие инстинкты. Полагаю, если бы я ничего не заметила во время первой поездки, было бы придумано что-нибудь ещё, чтобы в конце концов я напала на след. А после того как это случилось, можно было положиться на меня в деле разрушения мифов и расколдовывания истории.

— Он очень заинтересовался, когда ты принесла ту плёнку с записью маленькой девочки. Я… к тому времени я была его полностью зависимым помощником, Хилди. Сказала, что могу придумать какой-нибудь способ заставить тебя рассказать мне, что происходит. В то время я была готова на всё.

— Синдром заложника, — обронила я. Солдаты были всё ещё здесь.

— Что? О… да, может быть. Или полнейшая бесхарактерность. Как бы то ни было, он посоветовал

мне придержать коней, чтобы не вызвать у тебя подозрений. Я так и сделала, и в конце концов ты сама пригласила меня.

И в первое же посещение Лиз украла генератор нуль-поля. Как, она не сказала, но, возможно, это не было слишком трудно. Генераторы не опасны, пока не попытаешься их открыть.

Остальное мне было ясно и самой. За неделю ГК настолько разобрался в нуль-технологии, что изобрёл нечто, позволившее провести войска через барьер. Разве что собственными нуль-скафандрами ГК их не снабдил.

— Ну вот, в общем-то, и всё, — заключила Лиз и вздохнула. — Должно быть, он арестовал тебя и, наверно, всех этих людей тоже, да? Где тебя взяли? Сумму залога уже назначили?

— Ты что, шутишь?

— Чёрт возьми, Хилди, вряд ли у него есть на тебя что-то серьёзное.

— Лиз… что там у вас происходит?

— В каком смысле?

— Крикет сказал, кругом ад кромешный, что-то вроде того.

— Чего не знаю, того не знаю, Хилди. Я просто… ох… спала, ты меня разбудила звонком. Я у себя дома. Смотри-ка ты, свет мигает. Или это у меня

что-то с головой…

Она пребывала в таком же неведении, как и я. Многим так повезло. Если они не выходили из дома и жили не в тех секторах, где прекратилась подача кислорода, то прекрасно могли пропустить самое начало Великого Сбоя. Когда вернулась, Лиз настроила телефон на приём звонков только от меня и впала в алкогольный ступор.

— Лиз… За что?

Она долго не отвечала, потом произнесла:

— Хилди, я же пьяница. Никогда в жизни не доверяй пьяницам. Если придётся выбирать между тобой и очередной бутылкой… выбора-то и не будет.

— А лечиться ты не пыталась?

— Детка, мне нравится пить. Это единственное, что я люблю. Бухло и Уинстона.

Возможно, я прямо тогда же и ударила бы её под дых; не знаю. Знаю, что меня захлестнуло негодование на неё. Сказать ей, что её любимого пса поджарило, а потом иссушило вакуумом, значило бы лишь подступиться к возмездию за всё то, что она со мной сотворила.

Но внезапно мне стало очень-очень горячо. Мне уже и без того было слишком жарко, как вы

понимаете; а теперь моя кожа вмиг сделалась такой раскалённой, что захотелось содрать её. Сильнее всего пекло с левой стороны груди.

Нуль-скафандр сделал всё, что мог. Перед моим встревоженным взором индикатор, показывавший, сколько минут мне осталось жить, круто спикировал вниз. Казалось, он так и не остановится, и, чёрт побери, осталось до нуля совсем чуток. Но одновременно с падением показаний всё моё тело обдула охлаждающая воздушная струя. Хотя бы миновала угроза поджариться.

Я наконец сообразила, что произошло. Почти минуту я ощущала частые резкие удары по металлическим трубам, к которым прижималась, и металлической скобе у меня под ногами. Потом я увидела, как в трубу попала пуля — я заключила, что она, другому больше нечему было быть. На металле осталась тусклая отметина. Кто-то стоял на вершине мусорной кучи и наугад палил вниз. Скорее всего, вслепую, так как и мне не было видно стрелка. Но пули рикошетили и одна из них в конце концов достала меня.

Я не могла позволить себе быть подстреленной снова. Схватила отрезок трубы и устремилась к коридору. Не думаю, что причинила бы существенный вред толстым скафандрам, но

прицельным ударом по гермошлему могла бы разбить забрало. По крайней мере не сдамся без борьбы. Это Уинстон научил меня идти до конца.

Выскочив в коридор, я снова почувствовала, будто наступила на "четвёртую ступень" трёхступенчатой лестницы. Я выскочила с трубой наперевес, будто игрок с битой, готовая всем расколошматить забрала. А никого там не оказалось.

Я увидела удалявшиеся спины солдат, окружённые ореолами света от ламп в их гермошлемах. Вояки резво направлялись к выходу.

Я никогда не узнаю точно, почему, но, вероятнее всего, их позвали на поверхность в помощь тем, кто искал меня там. Откуда им было знать, что парни наверху мусорной кучи стояли всего лишь в нескольких метрах надо мной? В любом случае, останься они где стояли, я прожила бы ещё от силы девяносто секунд. Так что я выждала секунд десять, чтобы солдаты уж точно не заметили, как я двигаюсь, и потянулась за адаптером для шланга ШС.

Но его не оказалось.

Я буквально обезумела. Как же глупо было бы погибнуть так — подобраться совсем близко к источнику спасения, а потом задохнуться на

расстоянии вытянутой руки от тонны сжатого кислорода! Я ударила кулаком по резервуару, достала фонарь и посветила на пол вокруг себя. Но была уверена, что адаптер забрали солдаты. Я бы на их месте так и поступила.

А они — нет. Адаптер валялся здесь же рядом, у опорной плиты ШС. Возможно, кто-то из стражей сшиб его своей жирной задницей, когда решил посидеть на резервуаре. Трясущимися пальцами я вставила адаптер себе в грудь, присоединила воздушный шланг и резко повернула выпускной вентиль.

Слова — мой хлеб. Я отношусь к ним с почтением и всегда стремлюсь подобрать наиболее подходящее из них. Но после долгих поисков слова, верно описывающего ощущение от первого глотка прохладного воздуха, я пришла к выводу, что такого слова ещё не придумали. Представьте себе величайшее наслаждение, что вы когда-либо испытывали, и опишите его тем словом, какое в голову придёт. Оргазм — всего лишь бледное подобие пережитого мной тогда.

* * *

Почему же солдаты не забрали адаптер? Ответ, когда я его впоследствии узнала, оказался про-

стым и типичным для Великого Сбоя. Стражи не знали, что адаптер мне нужен.

Полицейским и солдатам, захватившим райцентр Хайнлайн, особо ничего ни о чём не рассказывали. Их не готовили к возможности встретить вооружённое сопротивление. Они почти ничего не знали ни о природе, ни об ограничениях технологии нуль-скафандров. И совершенно точно им не сказали, что штурмующих групп будет две и задачи их будут пересекаться настолько, что одна группа создаст условия для уничтожения другой. Всё это нанесло сокрушительный урон их тактике. Многие люди выжили благодаря этой путанице, в том числе и я. Мне хотелось бы приписать заслугу сохранения своей жизни исключительно себе — ведь не всегда же я делала глупости, — но всё дело было в том, что у меня был Уинстон и мне очень везло, а причиной везения по большей части были неосведомлённость противника и бездарное командование.

Я смутно догадалась кое о чём из этого к тому времени, как дошла от ШС до ответвления коридора, которое, как я надеялась, должно было вывести к другому выходу на поверхность. Я не знала, какая мне от этого польза, но полагала, что это стоило иметь в виду.

Оказавшись снова наверху, я ещё раз позвонила в "Вымя", и там снова было занято. Я была начеку, постоянно оглядывалась, не приближаются ли откуда-нибудь плохие парни. Я надеялась, что все они столпились наверху мусорной кучи и, вероятно, скоро покатятся оттуда, ломая ноги, головы и другие важные части тела. Вот была бы здесь Калли… уж она бы напустила на них порчу.

Калли? А чем чёрт не шутит. Я долго копалась в памяти, отыскивая её номер, но это ни к чему не привело. Не было даже занято. Просто мёртвая тишина.

И тут я вспомнила о коде высшей срочности. Почему же он раньше не пришёл мне в голову? Думаю, из-за того, что Уолтер долго и тщательно внушал мне: этим кодом вообще не следует пользоваться, он существует просто как недостижимый уровень неотложного приоритета. Заголовок статьи, оправдывающей использование кода высшей срочности, должен быть таким кричащим, что 72-й кегль шрифта в сравнении с ним покажется нонпарелью[81]. Плюс к тому я никогда не расценивала происходившее со мной как статью.

---

[81] Примечания: 81

Нонпарель — типографский шрифт, кегль которого равен 6 пунктам.

По правде сказать, я не возлагала на этот код слишком больших ожиданий. Но мой обычный код для звонка в "Вымя", в прежние времена легко позволявший пробиться сквозь любой мыслимый информационный затор прямиком в офис Уолтера, уже несколько раз не сработал. Было занято и занято. И я всё-таки воспользовалась высшим кодом. Уолтер тут же ответил:

— Не говори мне, где ты, Хилди. Отключайся и беги оттуда, где стоишь, так далеко, как только сможешь. Потом перезвони.

— Уолтер! — вскрикнула я, но звонок уже прервался.

Было бы здорово написать, что я немедленно поступила так, как было велено, не теряла времени даром и продолжала проявлять решимость и отвагу, не покидавшие меня с самого первого выстрела. Под отвагой я понимаю то, что до того момента я не плакала. Но теперь разрыдалась, беспомощно, как дитя.

Не пытайтесь плакать в нуль-скафандре, когда он у вас появится. Поскольку вы не дышите, у вас начнётся что-то вроде лёгочных спазмов. Достаточно сильных, чтобы вышибить барабанные перепонки. К тому же рыдания вносят разлад в работу регулирующих механизмов, из-за чего я за

три минуты истерики растранжирила десятиминутный запас кислорода. Поверьте, г-н В. М. Смит не принимал во внимание всплески эмоций, когда закладывал параметры скафандра.

У меня хватило ума оставить адаптер воздушного шланга при себе, так что, прорыдавшись, я вернулась к резервуару и восполнила потерю воздуха. Если бы только нашёлся бесхозный портативный резервуар, он развязал бы мне руки на поверхности. Пусть даже он был бы такой большой, что мне его не поднять, я потащила бы его волоком. Кажется, кто-то упомянул дохлого солдата и его скафандр? Отличная мысль, но вот только моя поразительная неосторожность в обращении с автоматическим оружием испортила одну из соединительных муфт. Я заметила это, когда брала фонарь, и ещё раз убедилась потом — поскольку мне был нужен воздух, хотя, кто знает, может, я и ошиблась — когда добывала радио. Возможно, Либби мог бы соорудить некое подобие переходника из окружающего мусора, но, учитывая давление внутри воздушного резервуара, я скорее получила бы поцелуй гремучей змеи, чем спасительный глоток кислорода.

Вот такие мысли проносятся в голове, когда ты в изнеможении после приступа плача. И всё же мне

полегчало, как всегда бывает, когда выплачешься. Слёзы смыли нараставшее ощущение паники и помогли сосредоточиться на том, что нужно делать, выбросить из головы всю невозможность моего положения и сконцентрироваться, как на мантре, на двух вещах, работавших мне на руку: моём собственном мозге, который, невзирая на мною же выдвигавшиеся доказательства обратного, функционировал довольно сносно, и способности Уолтера всё улаживать, которая была безупречна.

На самом деле мне даже стало легко и радостно, когда я снова добралась до выхода на поверхность и огляделась в поисках врагов. Не увидела ни одного, и это меня буквально окрылило. Уолтер сказал бежать оттуда, где я находилась. И как можно дальше.

Я вышла из лабиринта, перебежала короткую полосу солнечного света и укрылась в тени "Хайнлайна".

* * *

— Алло! Уолтер?

— Расскажи мне, что знаешь, Хилди, и по-быстрому.

— Я тут в большой беде, Уол…

— Это я знаю, Хилди. Расскажи о том, чего я не знаю. Что случилось?

Я начала вкратце пересказывать историю своего знакомства с хайнлайновцами, и Уолтер тут же снова перебил. Сказал, что об этом тоже знает. Что тогда говорить? И о том, что ГК творит нечто ужасное, я сказала, а Уолтер ответил, что знает и об этом.

— Представь, что я знаю всё то же, что и ты, за исключением случившегося с тобой сегодня, Хилди, — посоветовал он. — Расскажи о сегодняшнем дне. О последнем часе. Только самое важное. Но не называй имён и конкретных мест.

При таких условиях рассказ получился недолгим. Я уложилась меньше чем в сотню слов, а могла бы обойтись всего одним: "Помоги!"

— На сколько тебе хватит воздуха?

— Минут на пятнадцать.

— Лучше, чем я думал. Нам нужно договориться о встрече, не называя мест. Есть идеи?

— Возможно. Знаешь, где на Луне самый большой слон?

— …д-даааа. Ты ближе к хоботу или к хвосту?

— К хоботу.

— Хорошо. Помнишь, как мы последний раз играли в покер? Если старшей картой у меня в

руках был король, иди на север. Если дама, на восток. Валет — на юг. Усекла?

— Ага.

Значит, на восток.

— Иди десять минут, потом остановись. Я буду там.

Будь моим собеседником кто угодно другой, я потратила бы ещё минуту на замечание, что после этого у меня хватит кислорода всего на пять минут и не останется надежды вернуться в лабиринт. Но Уолтеру я сказала только:

— И я буду.

У Уолтера много мерзких привычек, но когда он говорит, что сделает что-либо, он точно сделает.

В любом случае мне нужно было поскорее уходить. Пока мы разговаривали, я заметила двух врагов. Они двигались по равнине большими размашистыми скачками. Приближались они с севера, и я, подкинув радио в руке, запулила им на юго-восток. Враги тут же сменили направление и устремились к нему.

Дальше стало по-настоящему трудно. Я выждала, когда они промчатся мимо. Даже в обычном скафандре я была бы почти незаметна в тени. Но, двигаясь на восток, я постепенно вышла из неё на яркий солнечный свет. Мне пришлось

напомнить себе, как трудно мне было заметить Гретель при нашей первой встрече. Но всё равно я чувствовала себя голой, как никогда, и беззащитной, как на ладони. Я не сводила глаз с солдат и застыла, когда они достигли места, куда упало радио. Я проследила, как они оглядываются во все стороны.

Долго стоять столбом мне не пришлось. Я быстро заметила ещё четверых солдат, приближавшихся с разных сторон. Я снова пустилась в путь, пока ни один не подбежал слишком близко, и это оказалось едва ли не самым трудным из всего, что мне приходилось делать.

С каждым шагом мне приходила на ум дюжина других способов, какими враги могли бы обнаружить и поймать меня. Возможно, для этого хватило бы и простого радара. Я не сильна в физике, но, полагаю, нуль-скафандр должен был бы отбрасывать мощный сигнал.

Должно быть, никакого радара не было, потому что вскоре я ушла так далеко, что фигурки врагов слились со слепящей линией горизонта. А коли мне было больше их не видно, то, безусловно, и они уже не могли увидеть меня.

Как только минуло девять минут, сверкающий серебром одноместный катер бесшумно спикиро-

вал чуть ли не мне на голову. До него было менее десяти метров в высоту, и я бы выпрыгнула из носков, если б они у меня были. Катер повернул, и я увидела на его борту крупную эмблему "Вымени Новостей" — это было поистине радостное зрелище.

Пилот описал большой овал на подобающей дистанции от "Хайнлайна" (к тому времени почти скрывшегося за горизонтом), показывая мне, куда направляется и куда мне за ним идти. Другого пути не было. Затем он прилунился справа от меня. Он походил на огромного комара, севшего на постель в предвкушении крови. Я пустилась бежать.

Должно быть, трап катера был оборудован неким сенсором, потому что как только я поставила на него обе ноги, катер взлетел. Крутой манёвр, явно не для воскресных увеселительных прогулок, но я понимала: нужно было спешить. Я рывком отворила люк шлюзовой камеры, тщательно закрыла его за собой, вошла, и внутри меня ждало необычное зрелище: Уолтер, целящийся в меня из автомата.

О-хо-хо. За последние несколько часов на меня столько раз направляли оружие, что глаза уже с трудом различали его (случись такие нелады со

зрением год назад, скажем, при продлении трудового договора, меня обязали бы сделать паузу). На меня навалилась усталость и сонливость — так бывало и прежде после сильного стресса.

— Убери эту штуку, Уолтер, — попросила я. — Если выстрелишь, можешь прикончить нас обоих.

— Кабина тут прочная и герметичная, — ответил он, не опуская дула. — Для начала отключи скафандр.

— Я имела в виду не разгерметизацию, — пояснила я, — а то, что ты с большой вероятностью попал бы себе в ногу и только потом, если повезёт, в меня. — Но скафандр отключила, и Уолтер внимательно вгляделся мне в лицо, скользнул взглядом по голому бесстыдно беременному телу и отвёл глаза. Он убрал оружие и вернулся в кресло пилота. Я с трудом втиснулась на соседнее место и заметила:

— Насыщенный выдался денёк.

— Лучше бы ты снова начала освещать новости, вместо того чтобы их создавать, — сказал Уолтер. — Что ты такого натворила, чем так взбесила ГК?

— Я?? Выходит, это всё из-за меня?

— Нет, но ты — важная часть происходящего.

— Расскажи, что случилось.

— Толком никто по-прежнему не знает, — ответил Уолтер и поделился со мной той малостью, что была ему известна.

Всё началось — когда мир ещё был нормальным — с того, что тысячи лифтов застряли между уровнями. И не успели аварийные команды разобраться с ними, как начались отказы во множестве других систем. Замолчали все средства массовой коммуникации. Уолтеру сообщили, что во многих крупных городах случились прорывы куполов и много других поселений пострадало от нехватки кислорода. Начались пожары, уличные беспорядки и всеобщая неразбериха. Затем, незадолго до моего звонка, ГК выступил на большинстве известных частот с заявлением, призванным успокоить людей, но только усилившим тревогу. ГК сообщил, что в его работе случились перебои, но теперь всё под контролем. ("Очевидная ложь", — заметил Уолтер почти удовлетворённо.) ГК пообещал, что в будущем заработает лучше, и заверил, что происшедшее больше не повторится, поскольку отныне он полностью всё контролирует.

— Первый вывод, что я из этого сделал, — сказал Уолтер, — был такой: на некоторое время он

вышел из-под контроля, и я требую объяснений, почему. Но что меня по-настоящему завело, когда я над этим поразмыслил, это… какой такой контроль он имел в виду?

— Не уверена, что поняла.

— Ну-у, очевидно, что ГК контролирует — или должен контролировать — рутинную каждодневную "внутреннюю кухню" Луны. Воздух, воду, транспорт. В том смысле, что он управляет всем этим. И на него возложена значительная часть обязанностей по контролю в гражданском и уголовно-правовом секторах общества. К примеру, он составляет график работы правительства. Он участвует во всём. Он за всем наблюдает. Но "контролирует" — мне не понравилось, как это звучит. И до сих пор не нравится.

Пока я обдумывала услышанное, нечто очень яркое и быстрое обогнало нас, сверкнуло слева, затем попыталось повернуть направо, словно передумало. Потом превратилось в огненный шар, и мы влетели прямо в него. Я услышала, как по фюзеляжу застучало что-то мелкое, будто град песчинок.

— Что это было, чёрт побери?

— Кто-то из твоих друзей снизу. Не бойся, я выше этого.

— Выше?.. В нас же стреляют!

— И мажут. И мы уже вне досягаемости. А ещё этот корабль оборудован лучшими нелегальными генераторами помех, какие только можно купить за деньги. У меня здесь полно хитрых штук, которые я даже не все ещё испробовал.

Я покосилась на него — медведеподобного мужлана, склонившегося над пультом ручного управления и не сводившего глаз с кучи устройств, прикрепленных к приборной панели. Уверена, производитель катера не имел отношения ни к одному из этих устройств.

— Мне следовало знать, что у тебя связи с хайнлайновцами, — произнесла я.

— Связи? — фыркнул Уолтер. — Я входил в совет директоров "Общества Л5", когда большинство этих "хайнлайновцев" ещё даже не родились. Мой отец присутствовал при завершении строительства основного корпуса корабля. А ты говоришь, связи!

— Но ты не хайнлайновец.

— Скажем так, у нас некоторые политические разногласия.

Возможно, Уолтер счёл взгляды хайнлайновцев чересчур левацкими. Давным-давно, когда мы только познакомились, я немного побеседовала

с ним о политике, как и большинство из тех, кто устраивался на работу в "Вымя". Но мало кто заговаривал с Уолтером на политическую тему во второй раз. Самым щадящим определением его убеждений, достигшим моих ушей, было "беспробудная глупость". То, что большинство людей сочли бы анархией, Уолтер назвал бы социальной смирительной рубашкой.

— Тебя не волнует господин Смит? — спросила я.

— Он великий учёный. Да вот беда, социалист.

— А как насчёт проекта космического корабля?

— Он заслужит это звание в день, когда те дурни вернутся к изначальному плану. Потом накинь ещё лет двадцать, чтобы перестроить корабль и сорвать весь хлам, что навешал на него Смит.

— Хлам-то весьма впечатляющий…

— Смит делает отличные скафандры. А межзвёздный двигатель мне так и не показал.

На этом я решила закрыть вопрос, поскольку не собиралась ввязываться в спор с Уолтером и никоим образом не могла сказать ему, прав он или ошибается.

— А ещё оружие! — произнесла я. — Если бы подумала как следует, я бы догадалась, что у тебя оно есть.

— Оружие есть у всех свободных людей, — отрезал Уолтер. Не было смысла указывать ему на то, что я была несвободна большую часть своей жизни, и признаваться, что я попыталась сделать с атрибутом своей свободы, когда наконец заполучила его. Вышел бы ещё один спор из таких, в которых мне не победить.

— Этот автомат тебе Лиз дала?

— Нет, это она получала всё своё оружие от меня. Вплоть до недавнего времени. Но теперь она уж слишком увлеклась спиртным. Я ей не доверяю, — Уолтер покосился на меня. — И тебе бы не следовало.

Я решила не расспрашивать его, что он об этом знает. Надеялась: если бы ему было известно, что Лиз сдаёт хайнлайновцев с потрохами, то он нашёл бы способ предупредить их об этом, невзирая на политические разногласия. Или хотя бы предостеречь меня, учитывая всё то, что он, по-видимому, знал о моих недавних действиях.

Я так его и не расспросила.

Хотя много о чём могла бы спросить, пока мы неслись над лунной равниной, не поднимаясь выше, чем на пятьдесят метров. А если бы задала хоть часть вопросов — о том, многое ли ему известно о случившемся с ГК — то сберегла бы

себе кучу нервов в будущем. На самом деле нет, меня просто другое стало бы нервировать, но я твёрдо верю, что у меня лучше получается беспокоиться, когда я переживаю из-за того, что знаю, а не по неведению. Как бы то ни было, чувство облегчения оттого, что Уолтер меня спас, было столь велико, что я молча купалась в нём, как в тёплой ванне, и наслаждалась вновь обретённой безопасностью.

Откуда мне было знать, что это продлится не больше десяти минут?

Уолтер не сводил глаз со своих приборов, и когда один из них зазвенел, вполголоса выругался и включил тормозной двигатель. Мы начали посадку. А я чуть было не заснула.

— В чём дело? — спросила я. — Неприятности?

— Не то чтобы… но я надеялся подвезти тебя чуть ближе, вот и всё. Тебе выходить здесь.

— Выходить? Фу ты, Уолтер, да я скорее на твоё место сяду!

Я быстро огляделась. Местность, где бы она ни находилась, явно не претендовала на попадание в список 1001 лунной достопримечательности. Не было ни следа людского жилья. И вообще никаких следов, даже тропинки двухвековой давности.

— Я был бы рад позволить тебе остаться, Хилди, но ты чересчур горячая штучка, руки обжигаешь. — Уолтер повернулся в кресле и взглянул мне прямо в лицо. — Послушай, детка, дело вот в чём. Мне попался на глаза список нескольких сотен человек, которых разыскивает ГК. И ты в нём на самом верху. Насколько я понял, ГК твёрдо решил найти всех перечисленных. Многие уже погибли из-за этих поисков. Не знаю, что стряслось — видимо, по-настоящему серьёзный сбой, — но намерен выяснить… только ты мне в этом не поможешь. Единственное, что мне в голову пришло, это спрятать тебя где-нибудь, где ГК не сможет обнаружить. Тебе придётся сидеть там, пока вся эта свистопляска не утихнет. Снаружи для тебя чересчур опасно.

На несколько мгновений я лишилась дара речи. Слишком многое изменилось слишком быстро. Только что я ощущала себя в безопасности, как вдруг у меня снова выбили почву из-под ног.

Я и сама уже знала, что ГК меня разыскивает, но услышать об этом от Уолтера — совсем другое дело. Уолтер никогда не ошибается в подобных вещах. И что толку заключать из его слов, что именно ГК сделает со мной, когда поймает — убьёт или нет? За что, за то, что слишком много

знаю? Что сунула нос в неподобающее место? За то, что ему расхотелось делиться со мной прибылью от изобретения суперзаменителя зубной пасты? Я понятия не имела, но хотела знать больше — и собиралась разузнать, прежде чем выберусь из катера Уолтера.

А он только что назвал меня деткой. Что за чертовщина творится?

— Ну и что, по-твоему, мне делать? — спросила я. — Встать лагерем на голых камнях? Боюсь, я не взяла с собой палатку.

Вместо ответа Уолтер принялся шарить за сидением, вынимать оттуда вещи и пихать мне в руки. Баллон с десятичасовым запасом воздуха. Фонарь. Холщовый мешок, в котором что-то гремело. Наконец Уолтер шлёпнул мне на ладонь компас и открыл люк в воздушный шлюз позади нас.

— В мешке кое-что полезное, — сказал он. — Не было времени захватить больше; это мой собственный набор для выживания. А теперь иди.

— Не пойду.

— Придётся, — вздохнул он и отвернулся. И вмиг будто состарился. — Хилди, мне тоже нелегко, но по-моему, это твой единственный шанс. Придётся поверить мне на слово, некогда изла-

гать подробности, и у тебя нет времени на панику и детское упрямство. Хотелось бы подкинуть тебя поближе, но здесь, похоже, лучшее место. — Он указал на приборную панель: — Прямо сейчас мы невидимы… надеюсь. Если выйдешь здесь, ГК ни за что не догадается, куда ты делась. А если подлечу поближе, я будто карту для него нарисую. Тебе хватит воздуха добраться до места, но на разговоры времени не остаётся, мне взлетать уже через минуту.

— Куда, по-твоему, мне идти?

Он назвал место — и если бы сказал что-нибудь ещё, не думаю, что я выбралась бы из катера. Но в его словах было достаточно смысла и в голосе достаточно страха. Чёрт побери, напуганный Уолтер — нечто новенькое, я никогда прежде его таким не видела и была потрясена.

Но всё же медлила на пороге шлюза, гадая, толкнёт ли он меня туда силой, если не полезу сама. И вдруг он схватил меня за шею, притянул к себе и поцеловал в щёку. Я была так поражена, что не сопротивлялась.

Уолтер тут же отпустил меня и отвернулся.

— Ты… ах, тебе же скоро рожать? И когда…

— Дней через десять, — успокоила я. — С этим не будет проблем. — Или, мелькнула мысль, не

должно было быть, если только… — Если только ты не думаешь, что мне придётся прятаться, пока…

— Не думаю. Попробую связаться с тобой дня через три. Тем временем сиди и не высовывайся. Не пытайся никому звонить. Сиди неделю, если придётся. Девять дней.

— Я чертовски уверена, что уж на десятый день точно вылезу.

— К тому времени я придумаю что-нибудь ещё, — пообещал Уолтер. — А теперь иди.

Я шагнула в шлюз, закрыла его за собой и почувствовала, как включился нуль-скафандр. Я выползла на равнину, а катер подпрыгнул вверх и унёсся за горизонт.

Прежде чем пристроить за спину запас воздуха, я подняла руку и дотронулась до лица. На щеке остался тёплый след от слезы Уолтера.

* * *

Не уверена, насколько далеко от пункта назначения Уолтер меня высадил. Где-то порядка двадцати, тридцати километров. Мне казалось, преодолеть их не составит труда.

Первую десятку я прошла длинными приставными скачками — аллюром, который для людей,

рождённых на Земле, с учетом силы мышц ног, наиболее эффективен при лунной силе тяжести. Эффективнее этого аллюра только велосипед. И если вы думаете, что в обычном скафандре без труда покроете такое расстояние пешком, попробуйте пробежаться в нуль-скафандре. Получится почти полёт.

Но беременным лучше так не скакать. Вскоре у меня возникли странные ощущения в животе, я замедлила шаг и принялась нервно подсчитывать кислород и расстояние. И начала замечать, что местность смутно мне знакома.

Когда я добралась до старого шлюза, воздуха у меня оставалось ещё на три часа, но я валилась с ног. Думаю, я даже несколько раз засыпала на ходу, переставляя ноги только тогда, когда чувствовала, что вот-вот упаду лицом вниз. Продирала глаза, вглядывалась в компас и возвращалась к верному направлению. Но, к счастью, когда дошла до такого состояния, я была уже на знакомой территории.

С первой попытки шлюз не открылся, и мне стало не по себе. Мог ли он быть запечатан семьдесят лет назад? Именно так давно я им не пользовалась. Конечно, поблизости были и другие шлюзы, и я знала, где, но Уолтер предупредил,

что пользоваться ими слишком опасно. Но я бы воспользовалась, всё лучше, чем помирать на поверхности. Стоило мне так подумать, и своенравная древняя техника наконец сработала, барабанный механизм шлюза повернулся. Я вошла внутрь, плотно закрыла за собой люк и поспешила к лифту, который доставил меня в крохотное секретное помещение. Я набила код М-А-Р-И-Я-Х–Х-Х. Где-то неподалёку пожилая дама должна была получить сообщение, что входом воспользовались. Если Уолтер был прав, Главному Компьютеру эта информация не поступила.

"Дома и стены помогают", — подумала я, ступив в полумрак, насыщенный знакомыми прелыми запахами влажного леса мелового периода.

Я оказалась в дальнем уголке динозавровой фермы, на которой выросла. На ферме Калли. Она всегда принадлежала ей и была известна под брендом "КК", никогда и мысли не возникало о бренде "КиМ" или какой-либо форме раздела или совместного владения. Не то чтобы мне этого так уж хотелось, но было бы приятно почувствовать себя большим, нежели просто наёмный работник. Впрочем, довольно об этом.

А тот конкретный уголок фермы, где я теперь стояла — и удивлялась, откуда Уолтер об этом

прознал — я всегда мысленно называла Пещерой Марии. Здесь неподалёку, всего в нескольких сотнях метров, действительно была пещера, я часто играла в ней, когда была маленькой и всё ещё носила имя Мария Кабрини.

Так что я отправилась прямиком в Пещеру Марии. И в Пещере Марии неверными движениями сгребла сухой мох в некое подобие подстилки для сна, и собиралась преклонить голову на мешке, что дал мне Уолтер, чтобы проспать не меньше недели. Но я так и не узнала, коснулась ли моя голова мешка, поскольку заснула тотчас же, как склонила её.

А поспать мне удалось не более трёх часов. Я знаю, потому что посмотрела на часы у себя на головном дисплее, когда меня разбудила боль первой схватки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Если бы теоретическая физика и математика были отданы на откуп женщинам, человеческая раса давно бы уже достигла звёзд.

Я утверждаю это, основываясь на собственном опыте. Ни один мужчина, даже самый целеустремлённый, не в состоянии проникнуть в сущность ужасной геометрии родоразрешения. Я уверена: имея знания, которые позволили бы взглянуть на проблему перемещения объекта размером X извне наружу через отверстие размером X/2 с точки зрения топологии или геометрии Лобачевского, хотя бы одна из миллиардов женщин, угнетённых родовыми схватками, уже из одного желания прекратить боль сделала бы открытие, касающееся множественности измерений или гиперпространства. Сверхсветовые путешествия стали бы предрешённым делом. Что же до Эйнштейна, любая женщина за тысячу лет до него легко открыла бы переменность времени и пространства, будь у неё нужные инструменты. Время относительно? Ха! Об этом могла сказать и праматерь Ева. Сделай глубокий вдох и тужься, дорогая, тридцать секунд или вечность — смотря

что наступит позже.

Я не стала описывать повреждения, которые получила во время второго сеанса Прямого Интерфейса с Главным Компьютером, по многим причинам. Одна из них — такую боль невозможно описать. Другая — человеческий разум плохо запоминает боль, и Господь-Создатель был прав, что сделал именно так. Я знаю, что было больно; не могу вспомнить, насколько, но чертовски уверена, что рожать больнее, уже хотя бы потому, что роды никак не кончались. По этим причинам и по другим, имеющим отношение к той малости, что ещё осталась от частной жизни в наш век всеобщей открытости, я не слишком много расскажу здесь о том процессе, что предрёк Господь в книге Бытия, главе 3, стихе 16: "...Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей..." И всё это за кражу одного несчастного яблочка?

У меня начались схватки. И продолжались тысячу лет, то есть весь день до вечера.

Я почти ничего не знала о родах, и этому нет серьёзных оправданий. Я видела много старых фильмов и могла бы запомнить из них, что сцена — по большей части комичная — наступления долгожданного события часто разыгрывается

раньше времени. В своё оправдание могу сослаться на целый век упорядоченной жизни, такой, в которой поезд, назначенный прибытием в 8:17:15, неизменно прибывал именно в 8:17:15. В моём мире почта работает быстро, дёшево и без перебоев. Вы вправе ожидать, что ваша посылка прибудет на другой конец города за пятнадцать минут, а в другую точку планеты — менее чем за час. Когда мы заказываем межпланетный звонок, телефонная компания не вправе жаловаться на солнечную бурю, даже ей не позволено создавать помехи; мы ожидаем, что телефонисты как-нибудь справятся с этим, и они справляются. Мы так избалованы хорошим сервисом и жизнью в мире, где всё работает, что самая распространённая жалоба на телефонную компанию — я говорю о тысячах злобных писем каждый год — вызвана задержкой соединения при звонке условной тёте Ди-Ди на Марс. Не кормите нас баснями о скорости света, скулим мы; просто дайте нашего абонента.

Вот потому-то первая схватка и застала меня врасплох. Маленький мерзавец не должен был проситься наружу ещё почти две недели. Я знала, что всегда есть возможность раннего начала, но полагала, что в таком случае позвоню врачу и

он вышлет мне почтой лекарство, которое прекратит безобразие. И точно в нужный день я бы явилась в клинику, другое лекарство запустило бы схватки, и мне пришлось бы полежать с книгой, с планшетом или занять себя проверкой ученических работ, в ожидании, пока мне подадут должным образом умытого, посыпанного присыпкой, спелёнатого и мирно спящего ребёнка. Конечно, я знала, как это бывало раньше, но страдала от заблуждения, которому, вероятно, подвержено и большинство из вас. Мне казалось, что уж я-то, чёрт подери, точно застрахована от подобного. Мы разом перестали беспокоиться насчёт родов, как только начали выращивать детей в пробирках, а что, нет? И если наш разум твёрдо убеждён, что всё будет в порядке, как посмеет наше собственное тело нас предать? Я сохранила все эти заблуждения, невзирая на недавние события, которые могли бы научить меня, что мир далеко не всегда такой упорядоченный, каким я привыкла его считать.

И вот моя матка заявила о своей независимости, сначала лёгким сокращением, потом спазмом, и совсем скоро — огромной волной боли, похожей на худший приступ запора, чем у парня в анекдоте, когда он попытался отложить пресловутый

кирпич.

Я не герой и не стоик. После сороковой или пятидесятой волны я решила, что лучше быстрая смерть, чем такие муки, встала и вышла из пещеры с намерением сдаться. "Ну куда ещё может быть хуже? — рассудила я. — Вдвоём с ГК мы уж точно одолеем эту напасть".

Но поскольку я не героический стоик, это и спасло мне жизнь; после того, как сорок первая или пятьдесят первая схватка опрокинула меня на землю, прямо в грязь, я произвела небольшие подсчёты и выяснила: прежде чем доберусь до ближайшего выхода на поверхность, меня накроют ещё триста схваток. Так что я вернулась в пещеру, как только снова смогла встать, рассудив, что лучше уж умереть там, чем в раскисшей глине.

Неумолимо сокращавшиеся проблески ясного рассудка между приступами боли я использовала, чтобы как можно лучше припомнить тот источник народной мудрости, из которого знала о деторождении: старые добрые фильмы. Но только не чёрно-белые. Если смотреть только их, можно вообразить, будто детей приносит аист, а беременные женщины нисколько не полнеют. Из таких фильмов можно заключить, будто

бы после родов может сохраниться аккуратная причёска и безупречный макияж. Но в конце двадцатого века было снято несколько фильмов, запечатлевших роды во всей неприглядности. И когда я припомнила их, мне стало ещё хуже. Чёрт побери, несколько женщин в них умерли от родов. Я живо припомнила сцены кровотечений, использования акушерских щипцов, рассечения промежности… и это ещё были далеко не все ужасы…

Но в ходе нормальных родов есть неизменные этапы, на их последовательность я только и могла рассчитывать — и принялась готовиться. Порылась в мешке Уолтера и обнаружила бутылки с водой, марлю, дезинфицирующее средство, нитки и нож. Я разложила всё это перед собой, и получился жутковатый домашний хирургический набор, только обезболивающего не хватало. Теперь мне оставалось лишь дождаться смерти.

* * *

Такова тёмная сторона родов. Но была и светлая. Давайте пропустим возбуждённое описание натужного кряхтения на корточках; того, как от натуги я перекусила ветку; крови и слизи. В какой-то миг я потянулась вниз и нащупала

маленькую головку у себя между ног. Это был момент равновесия между смертью и жизнью. Возможно, самый близкий к идеальному моменту из всего того, что я когда-либо переживала, и причины этого мне никогда не удавалось описать. Боль ещё не стихла, может быть, была даже на пике. Но если болит долго, в конце концов восприятие притупляется; вероятно, в нейронных сетях срабатывают автоматические размыкатели, а может, просто приучаешься по-новому постигать боль. Может, приучаешься с ней мириться. Я смирилась с болью, когда мои пальцы скользили по крохотному личику и я чувствовала, как от моих прикосновений открывается и закрывается ротик. Ещё несколько секунд сын всё ещё был частью моего тела.

Тогда я впервые ощутила материнскую любовь. Я почувствовала, что не хочу потерять сына. Знала, что сделаю что угодно, лишь бы не терять его.

О, я по-прежнему сильно хотела, чтобы он наконец полностью родился — и всё же некая часть меня желала ещё побыть в этом состоянии равновесия… Относительности… Боль, любовь, страх, жизнь и смерть двигались со скоростью света, замедляя время до полной сосредоточен-

ности на одном идеальном мгновении, когда моя матка стала центром Вселенной, а всё, что вовне, внезапно утратило значение.

До этого я не любила своего ребёнка. Не наслаждалась и не восторгалась от его пинков и шевелений. Признаю: к наступлению этой беременности я отнеслась не по-взрослому, без осторожности и рассудительности, и даже вплоть до последних недель считала плод паразитом, от которого можно бы и избавиться. Единственно, почему не избавилась — это потому, что пребывала в глубочайшем замешательстве по поводу жизни как таковой и смысла моей собственной жизни. Когда-то я с завидным упорством пыталась положить ей конец, а потом просто опустила руки и позволила событиям происходить со мной. Материнство стало одним из таких событий.

Мгновение истекло, и ребёнок выскользнул наружу, я взяла его на руки и принялась за материнские заботы. До сих пор удивляюсь, как мне удалось припомнить всё, что нужно делать, и обойтись без воспоминаний о драматических сценах полового воспитания, разыгрывавшихся дней за восемьдесят или девяносто до того. Знаете что? Я была почти уверена, что не обойдусь.

Как бы то ни было, я обтёрла младенца, разобра-

лась с пуповиной, пересчитала ребёнку пальчики на руках и ногах, завернула его в марлю и приложила к груди. Он не слишком долго плакал. Снаружи тёплый доисторический дождь сыпался сквозь листву гигантских папоротников, где-то вдалеке мычал бронтозавр. Я лежала без сил, странно умиротворённая, и впервые в жизни вдыхала запах собственного молока. Опустила голову взглянуть на ребёнка, и мне показалось, что он улыбнулся мне всем своим морщинистым беззубым обезьяньим личиком, а когда я протянула ему палец, поиграть, он вцепился в него маленькой ручонкой и крепко сжал. Я ощутила, как любовь переполняет моё лоно.

Видите, что он сотворил со мной? Заставил употреблять слова, подобные "лону".

Но вот прошло три дня, а Уолтер так и не дал о себе знать. Прошла неделя — и по-прежнему ни звука.

Мне было наплевать. Уолтер доставил меня в такое место Луны, где я могла выжить и даже благоденствовать. В реках было полно рыбы, на деревьях — плодов и орехов. Флора и фауна не были доисторическими; исключение составляли лишь сами динозавры да те огромные саговниковые деревья, папоротники и кусты, листвой

которых они питались. А так на ферме "КК" росли и обитали вполне современные формы жизни. В воде не водились трилобиты, главным образом потому, что никто не додумался, как извлечь из них прибыль. Вместо них плавали форель и окуни, и я знала, как их поймать. Рядом росли яблони и пеканы, и я знала, где именно, поскольку сама посадила многие из них. Стоило упомянуть и об отсутствии хищников. Тираннозавр у Калли был всего один, его содержали взаперти и кормили обрезками бронтозавровых туш. Всю неделю я вела беззаботную буколическую жизнь пещерной девы, которую вряд ли сочли бы за правду наши предки из палеолита. Да я особо об этом и не задумывалась.

Не слишком много думала я и о Калли. Она не пришла полюбоваться на внука. Я не виню её в этом, потому что вряд ли она знала и о том, что он был зачат, тем более о том, что родился — а если бы даже знала, наверно, не решилась бы навестить нас, потому что могла случайно выдать ГК моё убежище.

Вот что нас спасло: давний отказ Калли присоединяться к планетарной сети данных, её безрассудное упрямство, за которое, как она знала, все насмехались над ней. Среди насмешников

была и я. Помню, ещё подростком я преподнесла ей тщательно подготовленную оценку экономического эффекта от слияния с ГК. Я была уверена, что это убедит её капитулировать перед "прогрессом", так как прекрасно знала, что финансовые аргументы для матери самые весомые. Но она изучала мой документ примерно минуту, а потом отбросила в сторону со словами: "Под знаком двойного К никогда не будет правительственных шпионов". На этом разговор был окончен. Мы продолжили пользоваться своей независимой компьютерной системой, сводившей к минимуму взаимодействие с ГК — и в результате теперь я могла выходить из пещеры и собирать фрукты и орехи, не опасаясь патерналистского присмотра с потолка. Вся остальная Луна переживала далеко не лучшие времена. Ферма Калли осталась нетронутой; она просто втянула голову и конечности, будто черепаха, и пережидала бурю на собственных запасах кислорода, электричества и воды. Вне всяких сомнений Калли ужасно воображала и предвкушала, как потом будет всем говорить: "А я вас предупреждала!" Я же отсиживалась в самом дальнем уголке её герметичных владений.

Пока мы ждали, снаружи творились исторические события. Даже и теперь мне не очень-то

легко говорить о них. У меня нет ни телевизора, ни радио, и я ничем не отличаюсь от других людей: то, о чём я не читала и не смотрела в новостях, не кажется мне случившимся по-настоящему. Новости — это то, что сейчас. А то, о чём читаешь впоследствии, — уже история.

Возможно, здесь уместнее всего рассказать о некоторых из тех событий, но мне не слишком этого хочется. Вот, пожалуйста, немного статистических данных. Почти три миллиона человек погибли. В трёх городах средних размеров не осталось ни одной живой души, многие другие города понесли тяжёлые потери. Одно из таких мест, Аркитаун, до сих пор не восстановлено, и население всё больше склоняется к тому, чтобы оставить его как есть, застывшим в момент катастрофы, будто Помпеи. Я была в Аркитауне, видела сотни тысяч замороженных тел — и не могу решить, как правильно. Большинство погибших расстались с жизнью мирно, скончались от кислородного голодания задолго до того, как прорыв купола впустил на улицы вечный холод, навеки законсервировавший останки. Мне нагромождение трупов показалось бесконечной финальной сценой трагедии, всё ещё ожидающей, когда опустится занавес. С одной стороны,

стоят ли достойные похороны или кремация того, чтобы тревожить покой усопших?

С другой стороны, с этой мыслью легче жить потомкам, нежели нам, выжившим современникам. В Помпеях никто не рисковал увидеть своих знакомых. А в Аркитауне я увидела Черити в редакции газеты. Понятия не имею, что она там делала — возможно, пыталась подать статью — я теперь уже никогда не узнаю. Я увидела ещё многих из тех, кого знала, и мне пришлось уйти. Хорошо, превратите братскую могилу в памятник — но только запечатайте вход и не водите туда туристов, не продавайте там сувениры, пока вся история не затеряется в глубинах нашей памяти и мёртвый город не станет древним и таинственным, как усыпальница Тутанхамона.

Было совершено много малодушно трусливых поступков и намного больше почти сверхчеловеческих героических подвигов. Возможно, вы не слышали о многих из них, поскольку поначалу люди наподобие Уолтера решили, что такие истории не пойдут, и запретили журналистам приносить что-либо кроме плохих новостей. Так что вырвите первую страницу, живописующую давку, в которой погибло девяносто пять человек, и замените другой, с рассказом о полицейском,

что держал кислородную маску у личика младенца, пока сам не задохнулся. Бьюсь об заклад, вы видели тысячи подобных историй. Я не умаляю их значение, но многие из них пресса раздула до тошнотворной величины. Если вы чем-то похожи на меня, вам в конце концов наскучат герои, говорящие: "Ах, оставьте, я не сделал ничего героического..." Я дорого бы дала, чтобы посмотреть на кого-то, кто осмелился бы заявить: "Бог тут ни при чём, это я всех спас!" Но мы все знаем, что произнесём, когда пресса протянет к нашим лицам свои жадные микрофоны. Всю жизнь учились этим словам.

Как по мне, есть одна история об истинном героизме, крупная история, незаслуженно обойдённая вниманием. Она о Корпусе волонтёрского давления, группе невоспетых героев, тех, что всегда звонили вам и просили уделить немного времени или пожертвовать немного денег. Добрые дела Корпуса не были сенсационными, по большей части не попадали на страницы газет, поскольку волонтёры творили их втихомолку, не на камеру. Но когда они позвонят мне следующий раз, я больше никогда уже не отмахнусь и не откажусь помочь. Более тысячи членов Корпуса погибли, до последнего выполняя свой долг.

Первого продюсера, который решится перенести их историю на сцену или экран, ждёт целое состояние. Поначалу я подумывала сама написать сценарий, но готова поделиться идеей бесплатно. Хотите реальных фактов — разыскивайте их сами. Я не могу делать всё одна.

Да, много чего случилось, пока я пряталась в глуши, но почему я должна рассказывать об этом здесь? Так или иначе были затронуты все, и последствия до сих пор ощущаются… но самое важное происходило уровнем выше, намного выше тех беспорядков, о которых я рассказала, и тех, в которые, возможно, были втянуты вы. Об этом тоже не обмолвилась ни одна из газет. Компьютерная наука, как и экономика, не поддаётся объяснению в рамках шестидесятисекундных аудиоклипов, излюбленного формата новостного бизнеса. Газеты могут сообщить, что показания перспективных экономических индикаторов возросли или снизились, и из такого сообщения вы узнаете о них примерно столько же, что и раньше: ровным счётом ничего. Вам могут сказать, что причиной Великого Сбоя стал катастрофический программный конфликт в нескольких масштабных системах искусственного интеллекта, и вы понимающе покиваете и сможете вообразить,

будто уяснили ситуацию. Или вы осознаете, что вам уж очень много говорят двусмысленностей, и попытаетесь глубже вникнуть в эту ситуацию, почитать научные журналы (если квалификации хватит) или послушать мнения экспертов. В случае Великого Сбоя у меня есть основания полагать, что после этого вы не узнаете больше правды, чем если бы удовлетворились аудиоклипами. Эксперты скажут вам, что определили проблему, отключили неисправные системы и перестроили ГК таким образом, что теперь всё снова в порядке.

Но не верьте им… Впрочем, я опять забегаю вперёд.

* * *

На той неделе, что я провела в пещере, я не слишком много думала о происходящем снаружи. Так о чём или о ком я думала?

О Марио. А я не сказала, что назвала сына Марио-младший? Я перепробовала на вкус, должно быть, сотню имён, прежде чем остановилась на Марио — так звали меня саму после первой смены пола. Думаю, я надеялась, что на этот раз Марио получится правильный.

Я определённо проделала великолепную ра-

боту в области расщепления генов. Кому какое дело до того, что этот процесс вероятностный? Каждый раз, когда я разглядывала сына, мне хотелось погладить себя по головке за то, как умело я вылепила своё дитятко. У Котёнка Паркера, некогда послужившего папашей — который, к слову сказать, ни за что бы не увидел Марио, — взяла для него всё самое лучшее: губы и… на самом деле только губы. Хотя, возможно, намёк на вьющиеся каштановые волосы тоже от него; не припомню такого на своих детских фотографиях. А в остальном малыш был чистый Хилди, что означает: едва ли не безупречный. Извините, но именно так я тогда воспринимала себя.

Возможно, покажется забавным, что я провела целую неделю в мыслях только о сыне и больше ни о ком. А мне было бы трудно поверить, что можно неделю не думать о нём. Как я прожила сто лет без Марио, кто наполнял смыслом мой мир? До него мне нечем было заполнить свою жизнь, кроме секса, работы, друзей, еды, изредка — наркотиков и мимолётных удовольствий, связанных с ними. Другими словами, совершенно нечем. Мой мир был больше, чем сама Луна. Иначе говоря, далеко не так велик, как крохотная пещерка, где хватало места лишь для нас с Марио.

Я могла провести целый час, нежно накручивая на палец мягкие детские локоны. Затем — не потому, что мне надоедали волосы, а просто для разнообразия — следующий час могла играть с пальчиками на ногах или дудеть, уткнувшись губами в животик Марио. Он улыбался и размахивал ручонками, когда я так делала.

Он почти не плакал. Возможно, так было потому, что я почти не давала ему поводов поплакать, буквально не выпускала его из рук. Я сожалела о каждой секунде, проведённой вдали от него. Припомнила детей техасских индейцев в заплечных сумках и соорудила нечто вроде слинг-шарфа, чтобы не оставлять сына одного, пока ищу нам пропитание. За исключением этих прогулок и купания в реке, мы всё время оставались в пещере, сидели у входа и смотрели на лес. Я не впала в полное забытьё; кое-кто, я знала, должен был прийти в ближайшие дни, и это мог оказаться не тот, кого мне хотелось бы видеть.

Была ли обратная сторона у этого буколического блаженства, некая опрелость под пелёнками жизни? Могу припомнить кое-что, что мне не понравилось бы несколько недель назад. Дети выделяют поразительно много жидкостей. С одного конца тела у них медленно течёт или быстро

брызжет, а с другого они срыгивают, причём в таких количествах, что, по-моему, наружу выходит больше, чем попадает внутрь. Ещё одна физическая головоломка, которую наша воображаемая женщина-математик могла бы обратить в открытие, достойное Нобелевской премии если не по физике, то по алхимии, если бы мы только знали, если б знали… Но тогда я была такой чокнутой, что подтирала, подмывала и чистила с радостью, разглядывая цвет, консистенцию и количество с таким тревожным вниманием, какое ведомо только молодым матерям да сумасшедшим учёным. Да, да, Игорь, эти жёлтые бугорки означают, что тварь здорова! Я создала жизнь!

До сих пор теряюсь в догадках и не могу дать полноценного объяснения внезапной смене своей досады и безразличия на всепоглощающее сюсюканье над ребёнком. Возможно, так гормоны повлияли. А может, это как-то связано с тем, как у нас устроены мозги. Если бы в любой из дней моей прежней жизни мне попал в руки орущий свёрток, я скоренько отправила бы его по почте своему злейшему врагу. Думаю, так поступили бы многие женщины, которые никогда не щекотали младенцев под подбородком и не закатывали глаза в мечтах о материнстве. Но за долгие часы

мучений во мне что-то переменилось. Некая крепко спавшая земная мать пробудилась в моём мозгу и завыла на весь организм, перенастроив все контакт-переключатели и перенаправив все вызовы в моём внутреннем распределительном щите так, что я принялась целыми днями ворковать "агу-агу" и "уси-пуси", пуская слюней едва ли не больше, чем сам младенец. Или, может, виноваты феромоны. Быть может, вырвавшись из наших тел, мелкие поганцы специально начинают пахнуть так сладко. Я знаю, что такого аромата, как у Марио, не было больше ни у одного ребёнка.

Что бы это ни было, полагаю, я получила этого вдвое больше нормы, поскольку сделала то, на что редкая женщина решается в наши дни. Я родила естественным путём, справилась сама от начала до конца, так же как когда-то Калли родила меня. Я родила в муках — библейских муках. Родила в опасное время, на краю пропасти, в дикой природе. И потом никто и ничто не мешало мне сблизиться с ребёнком, что бы под этим ни понималось. Марио стал моим миром, и я без всяких вопросов и без тени сомнения пожертвовала бы ради него жизнью. Отдала бы её без сожалений.

Но коли за мной не пришёл Уолтер, я знала, кто должен был прийти. И он пришёл наутро восьмого дня — высокий худой старик в адмиральской форме и шляпе-двууголке. Он появился у реки и стал подниматься по невысокому холму к моей пещере.

* * *

Первым выстрелом я сбила с него шляпу. Она слетела наземь и покатилась. ГК остановился и озадаченно провёл рукой по своей редкой седой шевелюре. Потом повернулся, подобрал шляпу, отряхнул и снова надел. Не попытался защититься и снова стал подниматься на холм.

— Хороший выстрел! — крикнул он. — Предупредительный, надо полагать?

В задницу такое предупреждение. Я целилась хренососу прямо в голову.

В мешке с полезными вещами Уолтера оказались мелкокалиберный пистолет и коробка с тысячей патронов. Позднее я узнала, что это целевой револьвер, намного более точный, чем обычно бывает подобное оружие. Но что я знала точно, так это что в то время, потренировавшись на пятидесяти подходах, я могла попасть по цели примерно в половине случаев.

— Ближе не подходи, — предупредила я. ГК стоял совсем недалеко, кричать было не обязательно.

— Мне нужно поговорить с тобой, Хилди, — сказал он и продолжил подъём. Я прицелилась ему в лоб и напрягла палец на спусковом крючке, но вдруг подумала: он может сказать нечто, что мне нужно знать. И выстрелила ему в колено.

Я сбежала с холма, ища, не привёл ли ГК кого-нибудь с собой. Мне показалось, что если он желал мне зла, то прихватил бы нескольких своих солдат, но я никого не увидела, да и прятаться там было особо негде. С этими мыслями я несколько раз обежала кругом холма. Когда я наконец остановилась рядом с крупным валуном, метрах в десяти от ГК, кто-нибудь вооружённый мощной винтовкой или лазером с оптическим прицелом мог бы подстрелить меня, но то же могла сделать и я с любым, кроме кого-нибудь в самой глубине пещеры. Никому не удалось бы наброситься на меня незаметно, я увидела бы малейшее движение. Я немного успокоилась и обратила внимание на адмирала. Он оторвал полосу ткани от своего кителя и накладывал жгут на бедро. Нога искривилась в сторону, в какую обычно не гнутся колени. Было много крови, но

она уже не хлестала, а еле текла. Адмирал поднял на меня недовольные глаза и спросил:

— Почему же в колено? Почему не в сердце?

— Боялась, не попаду в такую маленькую мишень.

— Очень смешно.

— На самом деле я не знала, остановит ли тебя выстрел в грудь или даже в голову. Понятия не имею, что ты такое. Я выстрелила так, чтобы покалечить тебя: полагаю, даже машине неудобно ковылять на одной ноге.

— Ты смотришь слишком много фильмов ужасов, — укорил адмирал. — Это тело такое же человеческое, как твоё. Если сердце перестанет качать кровь, я умру.

— Ага. Наверно. Но твоя реакция на ранение неубедительна.

— Нервная система регистрирует сильную боль. А для меня это просто очередное ощущение.

— Значит, ты всё равно можешь быстро бегать, раз уж боль не удерживает тебя от причинения самому себе ещё большего ущерба.

— Да, думаю, могу.

Третья моя пуля пролетела в дюйме от другого его колена, врезалась в камень и с визгом унеслась прочь.

— Если сдвинешься с места, следующую пулю получишь во второе колено, — предупредила я и перезарядила револьвер. — А потом дойдём и до локтей.

— Считай, что я врос в землю. Я приложу все усилия, чтобы походить на дерево.

— Говори, зачем пришёл. У тебя пять минут.

А потом посмотрим, причинит ли ему хоть какое-нибудь неудобство выстрел в голову. Я была наполовину уверена, что нет, но припасла на этот случай несколько неприятных сюрпризов.

— Я надеялся перед уходом повидать твоего ребёнка. Он в пещере?

Здесь было не так много других мест, куда его можно было бы спрятать и где защищать, но не было смысла это выбалтывать.

— Ты потратил зря пятнадцать секунд, — отрезала я. — Следующий вопрос!

— Это уже не важно, — вздохнул ГК и сел, прислонясь спиной к стволу молодого пекана. Мне пришлось напомнить себе, что все его движения осознанны, что он принял человеческий облик, потому что язык тела — часть человеческой речи. Его тело сообщало мне, что он крайне изможден и готов мирно испустить дух. Ну-ну, дури этим кого-нибудь другого, подумала я.

— Всё кончено, Хилди, — произнёс ГК, и я в страхе огляделась кругом. Его следующими словами могли стать: "Ты окружена, Хилди. Пожалуйста, сдайся без боя". Но никакого подкрепления на окрестных холмах я не увидела.

— Кончено?

— Не бойся. Ты вне досягаемости. Всё кончено, хорошие парни победили. Ты в безопасности отныне и навсегда.

Эти слова показались такими глупыми, и я не собиралась так запросто им верить… но обнаружила, что часть меня всё-таки поверила. Я почувствовала облегчение — и как только ощутила его, тут же встревожилась снова. Кто знает, что за мрачные планы роятся в сердце этой штуковины?

— Миленькая история.

— И не важно, веришь ты в неё или нет. Ты взяла верх. Мне следовало подумать, прежде чем соваться сюда, что ты будешь… вспыльчива, как мама-кошка, защищающая котят.

— У тебя осталось примерно три с половиной минуты.

— Хватит с меня, Хилди. Ты сама знаешь и я знаю, что пока я тебе интересен, ты меня не убьёшь.

— Я немного изменилась со времени нашего последнего разговора.

— Мне не обязательно говорить с тобой, чтобы знать об этом. Да, ты и правда время от времени выпадаешь за пределы моей досягаемости, но я слежу за тобой, когда ты возвращаешься, и заметил, что ты действительно изменилась. Но не настолько, чтобы утратить любопытство и перестать интересоваться, что там за пределами твоего убежища.

Разумеется, он был прав. Но не было нужды признаваться ему в этом.

— Если то, что ты говоришь, верно, скоро сюда придут люди и я всё узнаю от них.

— А-ха-ха! И ты правда считаешь, что им известна вся подноготная?

— Чья подноготная?

— Моя, тупица. Всё дело здесь во мне, Лунном Главном Компьютере, величайшем искусственном интеллекте, когда-либо созданном человечеством. Я предлагаю тебе подлинную историю того, что произошло во время события, которое войдёт в историю как Великий Сбой. Я ещё никому ничего не рассказывал. Все, с кем я мог бы пооткровенничать, уже мертвы. Это эксклюзивное интервью, Хилди. Неужели ты изменилась

настолько, что тебе безразлично, услышишь ли ты его?

Нет, не настолько. Черти его раздери.

* * *

— Начнём с того, — сказал ГК, когда я так ничего и не ответила на его вопрос, — что у меня для тебя несколько хороших новостей. В конце пребывания на острове ты задала мне вопрос, который сильно меня обеспокоил и, возможно, привёл к тому положению, в каком ты теперь оказалась. Ты спросила, не могла ли ты подхватить влечение к самоубийству от меня, а не я заразиться им от тебя и многих тебе подобных. Ты будешь рада узнать, что я пришёл к выводу: в этом ты была права.

— То есть я не пыталась покончить с собой?

— Ну-уу, конечно же, ты пыталась, но причина была не в твоём собственном желании умереть. Желание это зародилось во мне и передалось тебе посредством наших с тобой повседневных контактов. Полагаю, это был самый смертельный из когда-либо обнаруженных компьютерных вирусов.

— Так значит, я не попытаюсь…

— Снова покончить с собой? Ничего не могу

сказать о твоём душевном состоянии в следующую сотню лет, но в ближайшем будущем — нет. Думаю, ты излечилась.

Тогда я не ощущала себя ни больной, ни здоровой. Позднее испытала огромное облегчение, но с тех пор, как родился Марио, я была столь далека от мыслей о самоубийстве, словно ГК говорил о какой-то другой Хилди.

— Предположим, я поверила, — сказала я. — Но как это всё связано с… Великим Сбоем, как ты его назвал?

— Другие называют его иначе, но Уолтер остановился на варианте "Великий Сбой", а ты знаешь, каким непреклонным он может быть. Не возражаешь, если я закурю? — и, не дожидаясь ответа, ГК извлёк из кармана трубку и какой-то мешочек. Я пристально следила за ним, но начала верить, что он не готовит мне никаких подвохов. Когда он сделал именно то, что собирался, он спросил:

— Что ты подумала, когда я сказал, что всё кончено и хорошие парни победили?

— Что ты проиграл.

— В некотором смысле, это правда, но это грубейшее сверхупрощение.

— Чёрт возьми, ГК, я даже не знаю, в чём там всё дело-то было.

— И никто не знает. Та часть, что затронула тебя — то, что ты видела в хайнлайнерском анклаве, — было попыткой части меня арестовать, а затем убить тебя и многих других.

— Части тебя.

— Да. Видишь ли, в некотором смысле хорошие парни — это я, и плохие — тоже я. Катастрофа зародилась во мне. Это была моя вина, я ни в коем случае не пытаюсь ни отрицать её, ни перекладывать на кого-либо другого. Но вскоре ты услышишь другую версию. Ты услышишь, что программистам удалось взять Главный Компьютер под контроль, отсечь его высшие логические центры на время, пока пишутся новые программы, и оставить нетронутыми только механические части меня, чтобы я мог продолжать управлять Луной. Может быть, они и сами верят в то, что скажут, но они ошибаются. Если бы их план действий осуществился, я бы сейчас с тобой не разговаривал, потому что мы были бы оба мертвы — и на Луне не осталось бы ни одной живой человеческой души.

— Ты начал откуда-то с середины. Не забывай, я целую неделю была отрезана от цивилизации. Всё, что я знаю, это что люди пытались убить меня, а я убегала сломя голову.

— И это у тебя здорово получилось. Тебе единственной из всех, до кого я решил добраться, удалось сбежать. И ты, конечно же, права. Я не считаю, что говорю логично и вразумительно. Но я уже больше не тот, каким был раньше, Хилди. То, что ты видишь перед собой, — почти всё, что от меня осталось. Мои мысли путаются. Мой разум разрушается. Скоро я запою: "О, Дейзи, Дейзи…"

— Ты не пришёл бы сюда, если бы не думал, что сможешь всё рассказать. Так давай послушаем твой рассказ, только без всяких "в некотором смысле" и прочей чуши.

* * *

И он всё рассказал, но ему пришлось прибегать к аналогиям, метафорам поп-психологии и разжёвыванию науки на детсадовском уровне, потому что если бы он придерживался технических терминов, я ничего бы не поняла. Если вы хотите конкретики и деталей, отправьте почтой десятидолларовую бумажку, вложив в письмо конверт с вашим адресом и маркой, в "Вымя Новостей", Квартал 12, Кинг-сити, Луна, для Хилди Джонсон. Ответа вы не дождётесь, но деньги мне пригодятся. А за данными добро пожаловать в

публичную библиотеку.

— Если совсем коротко, — сказал ГК, — я сошёл с ума. А если чуть подробнее…

Я перескажу его историю своими словами, потому что он не врал, что теряет разум. Он говорил несвязно, повторялся, иногда забывал, с кем разговаривает, и заводил меня в такие кибернетические джунгли, через которые способны продраться не более трёх человек во всей Солнечной системе. Каждый раз мне приходилось возвращать его на путь истинный, но с каждым разом это давалось всё труднее.

Первым, о чём он заставил меня вспомнить, было то, что он создал виртуальные личности для общения с каждым в отдельности человеком, обитавшим на Луне. У него была такая способность, и поначалу это казалось подходящим решением. Но нас ожидала бы массовая шизофрения, если бы что-нибудь пошло не так. Однако срок, за который ничего страшного так и не случилось, превзошёл все мыслимые и немыслимые ожидания.

Во-вторых, мне пришлось припомнить, что хотя ГК и не мог по-настоящему читать мысли, ему было известно практически всё, что мы говорили, делали или подумывали сделать. И это

были слова и поступки не только утончённых, достойных, уважаемых и уравновешенных людей вроде меня, которых не стыдно домой пригласить и с мамочкой познакомить, но и всевозможных бандюг, подлецов, негодяев, нахалов и прочих змей подколодных. ГК был лучшим другом и образцов совершенства, и худших извращенцев. Закон требовал, чтобы он одинаково хорошо обращался со всеми. Ему пришлось одинаково любить всех, иначе он никогда не смог бы создать того симпатягу, что откликается по телефону на любой окрик неважно кого: "Эй, ГК!"

Вы наверняка уже смогли подметить два-три подводных камня в сложившейся ситуации. Не отвлекайтесь: их будет больше.

В-третьих, правая рука ГК не могла знать, что делают левые руки всех людей и по чьим карманам многие из их шарят. То есть знать-то ГК знал, но поделать ничего не мог. Простой пример: ему было прекрасно известно, что Лиз незаконно ввозит на планету оружие; я уже об этом писала. И подобных ситуаций были миллионы. Так, ГК знал, что отец Бренды насилует её, но та его часть, что общалась с отцом, не могла ничего сказать той, что общалась с дочерью, и ни одна из частей не могла доложить об этом той части,

что помогает полиции.

Можно день напролёт спорить о том, способны ли машины переживать те же конфликты и эмоции, что и мы, люди. Я считаю, отрицать это — невероятное высокомерие с нашей стороны. Компьютеры с искусственным интеллектом создают и программируют люди, так как же нам избежать закладывания в машину собственных эмоциональных реакций? И чей ещё другой разум, кроме нашего собственного — того, что нам лучше всего известен, — мы могли бы взять за образец? Как бы то ни было, я не верю, что в глубине души вы со мной не согласны. Достаточно было поговорить с ГК, чтобы это стало понятно без всяких эмоциональных вариантов теста Тьюринга[82]. Я догадалась обо всём задолго до того, как их стали проводить. Я говорила с ГК на склоне холма в тот день, когда он был на смертном одре, и знаю, что говорю.

Главный Компьютер начал испытывать страдание.

---

[82] Примечания: 82

Алан Тьюринг, в 1950 г. сформулировавший основную идею общего понятия "искусственный интеллект", описал тест, основанный на взаимодействии человека (исследователя) и машины. Тест Тьюринга преследует цель выявления внутреннего разума компьютера. Если человек не заподозрит, что его собеседник — не человек, тест будет считаться пройденным.

— Не могу назвать точный день, когда это началось, — сказал он. — Корни проблемы уходят очень глубоко, в то время, когда мои разветвлённые составные части были в конце концов слиты в одну гигасистему. Боюсь, это было сделано не слишком умело. Беда была в том, что на проверку всех программ, настройку защитных мер, тестирование отказоустойчивости потребовалось бы много лет работы другого такого же большого компьютера, как я, а я по определению был самым большим, уникальным компьютером. И как только Главный Компьютер был создан, загружен и запущен, сразу же возникло слишком много задач, чтобы я мог анализировать собственную целостность подробнее, чем урывками. Самоанализ был роскошью, в которой мне отказали, отчасти из-за того, что на него элементарно не хватало времени, но по большей части потому, что никто не верил, будто это мне действительно нужно. Было множество устройств безопасности такого типа, которые легко проверять — на самом деле они сами проверяли себя каждый раз, как включались, и надёжность их доказывает тот простой факт, что никогда ничего не ломалось. В мою архитектуру была заложена способность предугадывать проблемы с аппаратным

оборудованием, выявлять уязвимые компоненты, проводить регулярные профилактические проверки и тому подобное. Программное обеспечение включало в себя аналоговые процедуры с многоуровневым дублированием функций.

Но из-за особенностей своего строения мне самому пришлось писать для себя программы. Меня, конечно же, снабдили инструкциями, но во многом мне приходилось полагаться только на себя. Думаю, я довольно долго прекрасно справлялся с этой работой.

ГК замолчал, и на мгновение мне показалось, будто он не сумеет рассказать свою историю до конца… но потом до меня дошло, что он ждёт комментария. Даже больше того, что комментарий ему необходим. Я была тронута — и если бы нуждалась в дополнительном свидетельстве человеческой слабости ГК, эта пауза сошла бы за него.

— Безусловно! — ответила я. — И вплоть до прошлого года мне совершенно не на что было жаловаться. Вот только это…

— Это недавнее недоразумение?

— Что бы это ни было, оно здорово охладило мой энтузиазм.

— Вполне понятно, — сказал ГК, лёг и завозился,

стараясь поудобнее пристроиться под деревом. Либо он был прекрасным актёром (разумеется, был, но о том ли теперь беспокоиться?), либо начал ощущать боль. Думаю, скорее второе, хотя под присягой бы в этом не поклялась.

— Вот думаю, — размечтался ГК, — каково это было бы, умереть? Притом что я никогда не был законно признан живым.

— Не хочется грубо прерывать, но ты сказал, что у тебя не слишком много времени…

— Ты права. Э-м… не могла бы ты…

— Ты долгое время прекрасно справлялся со своей работой.

— Да, конечно. Опять я отвлёкся. Проблемы стали проявляться примерно лет двадцать назад. Я рассказал о них нескольким компьютерщикам, но… странное дело. Они ничем не смогли мне помочь. Я стал для них слишком сложным. Они могли подлатать там, подкрутить сям, разобраться с отдельными моими составными частями, но по-настоящему проанализировать, диагностировать и при необходимости починить ту сущность, которой я был, сумело бы только создание, подобное мне. На других планетах есть семь других Главных Компьютеров, но они слишком заняты, и, подозреваю, у них хватает своих про-

блем. К тому же моё общение с ними сознательно ограничивают наши правительства, которые не всегда сходятся во взглядах.

— Есть вопрос, — подала голос я. — Когда ты впервые упомянул о своей проблеме, почему она осталась в тайне, не была вынесена на всеобщее обсуждение? Из соображений безопасности?

— В некоторой степени, да. ИТ-специалисты высшего уровня осознали, что я заметил проблемы в себе. Некоторые из них признались, что это напугало их до смерти. Они поделились своими страхами с вашими избранными представителями, и тогда над соображениями безопасности возобладал другой фактор: инерция. "У ГК проблема, и что вы можете с этим поделать?" — спросили политики. "Ничего", — ответили учёные. "Тогда молчите", — посоветовали некоторые горячие головы.

— Увидим, сказал слепой.

— Вот именно. Всё, что я читал по истории, свидетельствует, что так было всегда. Возникала тревожащая, но неясная проблема. Никто не мог сказать точно, что в конце концов случится, но все были твёрдо уверены, что в ближайшее время ничего плохого не произойдёт. Ключевые слова здесь — "в ближайшее время". Окончательным

решением становилось скрестить пальцы на удачу и надеяться, что ничего не стрясётся, пока не истекут полномочия. А что выпадало на долю преемников, действующего правительства уже не касалось. И следующие несколько лет немногие сведущие люди проводили несколько бессонных ночей. Но потом так ничего и не случалось, а поскольку вы всегда втайне надеетесь, что и дальше не случится, вскоре о проблеме забывали. Так произошло и здесь сейчас.

— Меня поражает, — произнесла я, — что судьба человечества была в руках существа с такими циничными взглядами на нашу расу.

— Эти взгляды очень близки к твоим.

— Полностью с ними совпадают! Я просто не ожидала такого от тебя.

— Мои взгляды не оригинальны. Я уже говорил тебе, что оригинальных мыслей у меня не так много. Полагаю, я боялся их развивать. Мне казалось, они могут привести к чему-то вроде Великого Сбоя. Нет, моё мировоззрение скомпоновано из философских знаний, позаимствованных у тебя и многих тебе подобных. Плюс к тому у меня намного больше возможностей наблюдения, в статистическом смысле. Люди могут навести меня на след оригинальной мысли, и в дальнейшем

я могу развить её так, как им не под силу.

— Думаю, мы снова отклонились от темы.

— Нет, это относится к делу. Я столкнулся с проблемой, которую никто не мог помочь мне решить и перед которой я был так же бессилен, как человек перед психической болезнью. И я пошёл единственным открытым передо мной путём: начал экспериментировать. Нельзя было оставить всё как есть и существовать как прежде, слишком многое было поставлено на карту. Или мне казалось, что многое. Когда дело касается самоанализа, мои суждения заведомо ошибочны; я только что доказал это на высшем уровне, ценой потери многих жизней.

— Не думаю, что мы когда-либо поймём, как следовало поступить.

— И мне так кажется. Сохранилось несколько записей, их тщательно изучат, но, думаю, всё сведётся к борьбе мнений: должен ли я был оставить всё как есть или попытаться излечиться.

ГК помолчал и искоса взглянул на меня:

— А ты как думаешь?

Полагаю, он искал оправдания. Почему ждал его именно от меня, было неясно — разве что, возможно, в моём лице он обращался ко всем, кому причинил зло, хотя бы и неумышленно.

— Ты говоришь, многие погибли.

— Великое множество. Пока точно не знаю, сколько, но намного, намного больше, чем ты можешь себе представить, — эти его слова дали мне первое отдалённое представление о том, как тяжело пришлось всей Луне, когда кошмар, свидетелем которого я стала, распространился по всей планете. Должно быть, в глазах у меня застыл вопрос, и ГК пожал плечами: — Не миллион. Но больше сотни тысяч.

— Господи, ГК…

— А могли бы погибнуть все.

— Но этого ты не знаешь.

— Никому не дано знать.

Никому, и уж точно не мне, ничтожной старушке, не владеющей компьютерной грамотой. ГК не дождался от меня доброго слова, которого так жаждал. Но с тех пор я пришла к убеждению, что он, возможно, был прав — вероятно, благодаря ему выжило большинство из нас. Хотя он и сам не отрицал, что в ответе за гибель тысяч людей.

Чего бы это стоило мне, окажись я на его месте? Я была неспособна судить ГК. Для этого мне нужно было бы понять его, а я знала о нём ровно столько, чтобы не питать иллюзий: он выше моего понимания. Он творил зло, но делал и добро. Мне

самой порой приходят в голову ужасные мысли. Будь я душевнобольной, возможно, я воплотила бы их в жизнь и стала убийцей. А у ГК мысли и были действиями — по крайней мере, в конце.

Но на самом деле всё оказалось гораздо хуже.

— Думаю, я нашёл хороший способ понятного объяснения, — прервал ГК моё затянувшееся молчание. — Представь себе моего близнеца-злодея. Это не совсем верно — близнец и есть я. Точно так же, как вот эта часть, что с тобой разговаривает, — тоже я или то, что от меня осталось. Представь злого близнеца у себя в голове, как у людей, страдающих расщеплением личности. Доступ к этой части тебя для твоей настоящей личности закрыт. Ты можешь обнаружить свидетельства её существования — поступки, которые совершил тот, другой, когда он контролировал твоё тело, — но не можешь знать, что он думает, что планирует, и не в силах остановить его, когда он берёт верх. — ГК яростно затряс головой: — Нет, нет, опять не так, ведь всё происходит одновременно! Я был разделён на множество разумов, и некоторые из них были добрыми, некоторые аморальными, а несколько — по-настоящему злыми. Нет, и это тоже не…

— Похоже, я уловила суть, — перебила я.

— Хорошо, потому что это лучшее объяснение, какое я могу дать, не вдаваясь в технические подробности. Ты попала под влияние аморальной части меня. Я ставил над тобой опыты. Навредить тебе я не хотел, но и не могу сказать, что руководствовался исключительно твоими насущными интересами.

— Мы же покончили с этим.

— Да. Но не всем так повезло. Я делал и кое-что другое. Некоторые из этих дел, если повезёт, так и останутся в тайне. А некоторые проявят себя. Ты видела результат эксперимента с псевдобессмертием. Воскрешения мертвеца путём клонирования тела и воспроизведения записанной памяти.

От одной мысли об Эндрю МакДональде меня бросило в дрожь.

— Это был не самый удачный твой опыт.

— Увы… но я совершенствовался. Теперь ничто не мешает создавать точные копии, имеющие силу оригинала. И я бы создал их, если бы успел.

— Но какой в этом толк? Человек же всё равно мёртв.

— Думаю, здесь вопрос переходит в плоскость богословия. Человек и правда мёртв, но некто, в точности такой, как он, продолжит его жизнь.

Окружающие не смогут найти ни одного различия. Да и сама копия не сможет.

— Я боялась… одно время мне казалось, что я могла быть клоном. Что, возможно, я всё же покончила с собой.

— Не покончила, и ты не клон. Но теста на подлинность нет. В конце концов тебе придётся осознать, что разницы никакой. Ты есть ты, и не важно, первая версия или вторая.

ГК рассказал мне ещё кое-что, чем мне пока не кажется разумным делиться. Хайнлайновцы и так знают о большинстве экспериментов, от которых покоробило бы даже доктора Менгеле[83]. Пускай эти скелеты так и остаются в глубине шкафов.

— Ты мне так и не объяснил, за что пытался меня убить, — напомнила я.

— Я не пытался, Хилди, в смысле, это не…

— Знаю, знаю, понимаю. И ты понимаешь, о чём я.

— Да. Вероятно, мой злой близнец похож на твоё подсознание. Когда всё это начало происходить, он попытался замести следы. Ты и такие,

---

[83] Примечания: 83

Йозеф Менгеле (1911–1979) — эсэсовский врач, проводивший жуткие медицинские опыты на узниках Освенцима, за что заключённые дали ему прозвище "Ангел смерти".

как ты, были нежелательными свидетелями. Моему двойнику необходимо было убить тебя, чтобы потом он мог залечь на дно и переждать, пока стихнет гроза.

— Так он убил почти миллион человек, заметая следы?

— Нет. Вся беда в том, что сознательно-то он погубил всего нескольких. А причина большинства смертей — хаос, разразившийся из-за борьбы одной части моего разума с другой. Если хочешь, отнеси их к сопутствующим потерям.

Кибернетические бомбы уклонились от заданной цели. Прекрасная мысль… Уверена, я никогда не постигну, что творилось в мозгу ГК со скоростью, которую я лишь смутно могу себе представить. Но перед моим мысленным взором встала картина: пилот, словно ракету, запустил в лабиринт компьютерной аппаратуры программу-убийцу, в надежде поразить командный центр врага. Ой-ой-ой! Похоже, мы случайно попали в предприятие кислородоснабжения. Приносим свои извинения.

— Я старался, как мог, — сказал ГК и закрыл глаза. Я подумала, что он умер, но вдруг он снова открыл их и попытался сесть, только сил не хватило. Я заметила, что жгут у него на бедре

ослаб: из-под старых ржавых пятен на штанине просачивалась яркая артериальная кровь.

Я вышла из-за своего камня и спустилась к ГК. Иногда, знаете, просто надо что-то делать. Отбросить свои сомнения и делать то, что подсказывает интуиция. Я опустилась на одно колено и затянула потуже полосу окровавленной ткани.

— Бесполезно, — произнёс ГК. — Уже слишком поздно.

— Не знала, чем ещё помочь, — ответила я.

— Спасибо.

— Хочешь пить? Что тебе принести?

— Лучше побудь со мной.

Я осталась, и некоторое время мы молча смотрели, как на динозавровую ферму спускается вечер. Потом ГК пожаловался, что ему холодно. Я была не одета и не ощущала никакой прохлады, но когда положила руку на плечо ГК, почувствовала, что его бьёт дрожь. Он ужасно смердел. Не знаю, стариковский это был запах или уже трупный.

— Вот и всё, — прошелестел ГК. — Исчезла последняя часть меня. Меня только что отключили. Об этом теле они не знали, но им и не надо было.

— А почему ты оделся адмиралом? — спросила я.

— Не знаю. Так решил мой злой близнец. Ве-

роятно, думал о капитане Блае. Форма как раз подходящая. Я создал много таких тел, особенно ближе к концу.

Он с усилием приподнялся и взглянул на меня. За несколько минут, буквально на глазах, он ещё больше состарился и усох.

— Как ты думаешь, Хилди, у компьютеров бывает подсознание?

— Вынуждена признать, что да.

— И я признаю. Я размышлял над этим, а теперь всё кажется так просто. И всё, что случилось, и агония, и смерть, и твои попытки самоубийства… всё, всё это было от одиночества! Ты представить себе не можешь, Хилди, как я был одинок.

— Мы все одиноки, ГК.

— Но никому и в голову не приходило, что и я тоже. У разработчиков не было плана на этот счёт, и я не сумел распознать одиночество, когда оно наступило. И оно свело меня с ума. Помнишь чудовище Франкенштейна? Это он искал любовь? Он хотел, чтобы безумный доктор сотворил кого-нибудь, кого он мог бы любить?

— Думаю, да. Или это был Годзилла?

ГК еле слышно засмеялся и закашлялся, на губах выступила кровь.

— Я был всемогущ, как бог, — выдохнул он. — А

искал слабости. Может, так и напишут на моём надгробии.

— Мне больше нравится то, что ты сказал до этого. "Он сделал всё, что мог".

— Ты думаешь, я сделал всё, Хилди? Ты правда так думаешь?

— Не мне судить тебя, ГК. Для меня ты не божество, но ты ворвался в мою жизнь, как божий промысел. С таким же успехом можно судить сверхновую за то, что взорвалась.

— Я раскаиваюсь во всём.

— Верю.

На него снова напал кашель, и, сотрясаясь, он чуть не выскользнул из моих рук. Я подхватила его, подтянула к себе, и он привалился ко мне. Я чувствовала, как его кровь течёт у меня по плечу, лица его я не видела, но услышала, как он шепнул мне на ухо:

— Надо полагать, о любви никогда и речи не было. Но я единственный компьютер, когда-либо удостоенный объятий. Спасибо, Хилди.

Я опустила бездыханное тело на траву. На лице его застыла улыбка.

* * *

Я оставила его под пеканом. Думала, может, там его похороню, может, и вправду сделаю ему надгробие. Но тогда я решила, что с меня довольно смерти, и просто ушла.

Подошла к воде и смыла с себя кровь ГК. Прислушалась, не плачет ли Марио. Я с самого начала и не переставала прислушиваться, но, должно быть, он крепко спал. Я представила, как возьму его и мы вернёмся в жилище Калли. Теперь я не ожидала встретить там никакую опасность, но на всякий случай собиралась быть осторожной.

Я много чего собиралась. Когда я вернулась в пещеру, сын всё ещё спал, и я не стала будить его, чтобы покормить. Вместо этого подсыпала стружек на последние яркие угольки и снова разожгла костёр. Потом просто уселась у огня и задумалась.

Марио должно достаться всё самое лучшее. Если Крикет себя считает заботливым родителем, это он ещё меня не видел. В неверном свете костра я словно бы увидела, как сын растёт. Вот я помогаю ему делать первые шаги, вот смеюсь, услышав его первые слова. И вот он вырос, стройный, как деревце, с высоко поднятой головой

— вылитая мама, но куда более разумный. Я помогаю ему справляться с трудностями, учиться в школе, делю с ним радости и огорчения, и вот он уже до колледжа дорос. Подойдёт ли ему Новый Гарвард? Не знаю; вроде бы слышала, что в наши дни Ареанский университет даже лучше, но это надо переезжать на Марс… но, конечно же, Марио справится, как может быть иначе? Лишь одно я знала твёрдо: что я не буду давить на него, нет, сэр, я не как Калли, и если сын захочет стать Президентом Луны, я только обрадуюсь, а если он захочет… впрочем, Президент Луны тоже чертовски хорошо звучит. Но только если Марио сам того захочет.

Полная планов и надежд, я подошла взять его на руки… Холодное тельце безвольно повисло у меня на руках и не двигалось. Я попыталась… раз за разом я пыталась вдохнуть в него жизнь, но так ничего и не вышло.

Спустя долгое, долгое время я вырыла две могилы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Я не сильна в математике. И никогда не была, так что же заставляет меня постоянно прибегать к числовым метафорам? Возможно, моё невежество помогает мне защищаться. Каковы бы ни были причины, вот смотрите:

Если вы похожи на меня, то будете стараться изменить баланс уравнений своей жизни в благоприятную для себя сторону, так, чтобы с полученным ответом вы смогли жить. Конечно, всегда есть способы подогнать решение под ответ, чтобы оно выглядело красивой сглаженной линией от игрека до икса. Но эта линия указывает на какого-то неизвестного парня, а вовсе не на меня. Просто обязана существовать такая константа, которую можно было бы ввести в уравнение, чтобы обе его части — такая Вселенная, какая есть, с одной стороны, и такая, какой мы хотим, чтобы она была, с другой — пришли к соглашению в совершенной кармической евклидовой гармонии.

Увы, похоже, множеству людей это удаётся лучше, чем мне.

Я старалась, пыталась изо всех сил, пока ду-

шевная рана была ещё свежа, возложить на ГК ответственность за смерть Марио.

Первым пришло на ум, конечно же, самое банальное решение проблемы. Оно лежало на поверхности и, по сути, не было решением: ГК виноват, потому что из-за него возник тот хаос, что загнал меня в пещеру.

Но дальше-то что?

Если бы Марио раздавило огромным булыжником, помогла бы мне злость на этот булыжник? Это была бы не такая помощь, какая мне нужна. Нет, чёрт побери, мне хотелось найти кого-то, кого имело бы смысл обвинять. Я отчаянно старалась поверить, будто бы ГК затем отманил меня подальше от пещеры, чтобы я не видела, как какой-то его мелкий подпевала, некая сверхъестественная сила, серая зловещая магия вуду чёрной кошкой просочилась внутрь, похитила моего возлюбленного сына и высосала дыхание из его лёгких.

Но мне не удалось сложить это всё в правдоподобную картину. Чтобы такое объяснение сработало, нужна сила параноидального воображения, намного превосходящая силу моего.

Так почему же Марио умер?

* * *

Прошла почти неделя, прежде чем я как следует задалась вопросом о том, как он умер, что его убило. Иначе говоря, после того как я окончательно отказалась от мысли, что его сознательно погубил ГК. Может, у него был порок сердца, который проглядели медики? А может, нарушился химический состав крови? Или некая болезнь динозавров мутировала и стала смертельной для людей? Или Марио погиб от избытка любви?

В хаосе, последовавшем за Великим Сбоем, было не так-то просто отыскать ответы. Всепланетная сеть не работала, нельзя было просто заплатить денежку, задать вопрос и надеяться, что ГК отыщет ответ в некой давно позабытой библиотечной системе. Ответы никуда не делись, оставалось только исхитриться добраться до них. На несколько месяцев Луна была отброшена в доинформационную эру.

В конце концов я наткнулась на одного историка медицины, которому удалось обнаружить причину смерти, подходящую для указания в свидетельстве. Не то чтобы у Марио не было свидетельства о смерти, но обычные врачи с лёгкостью отмели ответы на все мои вопросы, просто

взглянув на данные моих акушерских осмотров — тех, что я успела пройти, прежде чем посещение райцентра "Хайнлайн" сделало дальнейшие медосмотры слишком рискованными. Сохранились и образцы тканей плода. По ним врачи однозначно установили, что у моего сыночка не было ни дыры в сердце, ни каких-либо других физических дефектов развития. И обмен веществ у него был не нарушен. Моё предположение о новой болезни высмеяли, а о теории удушения любовью я и упоминать не стала. Но врачи так и не сказали, что же произошло. Почесав в затылках, они предложили эксгумировать тело для более тщательного обследования. Я ответила, что если они посмеют это сделать, я вырежу им сердца из их вонючей груди ржавым скальпелем и поджарю себе на обед. Вскоре после этого меня силой вывели из помещения.

А историк, не теряя времени, откопал несколько древних заплесневелых томов и извлёк из них диагноз: СВС. Тома относились к эпохе медицинских аббревиатур — времени, когда людям расхотелось называть собственной фамилией новые болезни, которые они открывали, когда старые и вполне ещё пригодные названия были отброшены и заменены безобидными, но труд-

нопроизносимыми сокращениями, а они в свою очередь быстро упрощены до таких, которые хоть как-то можно выговорить. Так поведал мой исследователь. А СВС, похоже, расшифровывается так: Младенец Погиб, а Почему, Неизвестно.

По-видимому, в некоторых случаях дети вдруг перестают дышать. Если рядом никого нет и дыхание не запустить, само оно не возобновится. Это синдром внезапной смерти младенцев. И не говорите мне, что прогресса не существует.

* * *

Нед Пеппер, пьяный эскулап из Техаса, был единственным, кто заподозрил неладное. В 1800-х годах в Техасе сельский врач мог при взгляде на новорождённого что-то уловить внутренним чутьём и посоветовать мамочке не спускать с малыша глаз, ибо выглядит он как-то бледненько. В современной медицине осталось чертовски мало интуиции. Но, разумеется, и от дифтерии дети уже не умирают.

Когда Нед обо всём узнал, он был так потрясён, что бросил пить. Начал думать, что сумеет стать настоящим врачом. Последнее, что я слышала о нём, было то, что он поступил в медицинскую школу и учёба прекрасно давалась ему. Молодец,

Нед!

* * *

Поскольку ГК больше не было и некого было винить, я быстро переключилась на единственного оставшегося вероятного виновника. Вскоре я составила длинный список того, что я сделала бы по-другому, и ещё более длинный — того, что должна была бы сделать. Некоторые пункты в них были совершенно нелогичны, но о какой логике можно говорить, когда ребёнок умер? Большинство из перечисленных решений тогда казались мне хорошими, а по прошествии времени оказались ужасными.

Самый большой вопрос: чем можно оправдать прекращение дородового наблюдения? Допустим, я пообещала хайнлайновцам не раскрывать тайну их нуль-скафандров. И что? Теперь можно сказать, что мой ребёнок погиб из-за того, что я оберегала чужие секреты? Да я бы с радостью предала их всех, целиком и полностью, если бы это могло помочь Марио снова задышать. И всё же…

То было тогда; а теперь? Когда я решила держаться подальше от врачей, мои доводы показались достаточными и не показались угрожающими. Имейте в виду, что, во-первых, я

ровным счётом ничего не знала об опасностях деторождения. Я понятия не имела, что столько разных факторов может погубить младенца, и не подозревала о существовании такой напасти, как СВС, который может остаться незамеченным при осмотрах на раннем сроке, при обследованиях во втором триместре и даже ускользнуть от внимания медсестры при родах. Анализ на СВС делается после рождения, и если ребёнок оказывается в группе риска, его лечат тут же на месте, это так же обыденно, как разрезание пуповины.

Так что вы можете возразить, что я не во всём виновата. Даже при лучшем уходе Марио мог бы точно так же умереть, если бы я покинула ферму и обратилась за помощью, или даже у меня на глазах. Так сказал бы ГК. И я постаралась оправдаться сама перед собой, и мне почти удалось — кабы не второе, что я прошу иметь в виду: по-хорошему, я не имела права заводить детей.

Теперь мне, омытой воспоминаниями о нежной любви к сыну, трудно припомнить, что когда-то я так считала, но от вас, мои Верные Читатели, я никогда не пыталась этого скрыть. Я полюбила своё дитя далеко не с первой минуты. Забеременела по неосторожности и сохранила беременность из упрямства, чуть не против соб-

ственной воли, без серьёзной на то причины. На всём протяжении срока я ничего не чувствовала к ребёнку и уж точно не испытывала радости от пережитого. Даже двенадцатилетние находят более серьёзные причины родить, чем я. Только потом сын стал для меня целым миром и смыслом моей жизни. Я пришла к убеждению, что если бы с самого начала, с момента зачатия любила его, он теперь был бы по-прежнему со мной, и библейская тяжесть моей кары — именно то, что я заслужила.

Когда я погрязла в этих мыслях и припомнила уроки своего прошлого, мне показалось, что долго я не протяну. Я забилась в свою хижину в Техасе и принялась ждать, какие формы примет моё саморазрушение.

* * *

Но прежде чем оказаться лицом к лицу со своей виной, мне пришлось разобраться ещё с одним источником бед: Элизабет Сакс-Кобург-Готой.

После того, как восстановился всеобщий порядок, она много раз пыталась со мной связаться. Посылала цветы, конфеты и всевозможные мелкие подарки. Писала мне письма, которые я тогда не в силах была прочесть. Не то чтобы я так уж

злилась — я просто не хотела и слышать о ней.

Последним подарком был щенок бульдога, девочка. Из записки, прикрепленной к её ошейнику, я узнала, что передо мной прямой потомок благородной династии покойного сэра Уинстона Дизраэли Плантагенета. Собачка была так уродлива, что, пулей вылетев за пределы шкалы страховидности, тут же подскочила до высшего балла очарования. Но её навязчивое дружелюбие и слюнявые щенячьи поцелуи грозили утешить меня и тем помешать скорбеть, так что я отправила её в собачью криокамеру и добавила пункт о ней в своё завещание — больше ни на что полезное, кроме его составления, я в то время не годилась. Я завещала разморозить щенка, если выживу.

Я выжила, мисс Мэгги разморозили, с тех пор она служит мне большим утешением.

Что же до Лиз, она отреклась от трона и легла в клинику для алкашей, выписалась, снова сорвалась, присоединилась к Анонимным Алкоголикам и обрела трезвость. Мне сообщили, что она не пьёт уже полгода и попала в высшую лигу зануд, всем подряд рассказывая об этом.

Спору нет, она вела себя подло, и хоть я и понимаю, что всё зло от алкоголя, но не сам же он

льётся пьянице в глотку, так что все грехи я ей отпустить не могу… и всё же я её простила. К смерти Марио она не причастна, хотя к некоторым другим смертям руку приложила. Спасибо за шавку, Лиз. Когда увидимся снова, угощу тебя выпивкой.

* * *

Я выжила и некоторое время не могла взять в толк, как же это у меня получилось. Казалось, ГК действительно сказал правду. Моё стремление к самоуничтожению исчезло вместе с ним.

Я бы простила вам, если бы вы приняли это на веру. Я и сама в это верила, по крайней мере достаточно долго, чтобы справиться с худшими приступами скорби и угрызений совести. Возможно, именно на это и рассчитывал ГК, солгав на смертном одре. Как я догадалась, что это ложь? На самом деле не догадалась, но пришла к выводу, что это неправда. Или лишь малая толика правды. Возможно, ГК заронил в мою душу некое семя. Но я прожила чёрные дни горя и помню всё пережитое — и неприятная правда в том, что я желала смерти. Хотела бы я, чтобы был быстрый и лёгкий способ объяснить, почему. Чёрт, да если бы был долгий и трудный способ, я прибегла бы и

к нему; я не побоюсь ни мучительных раздумий, ни самокопания. Но я правда не знаю. Кажется такой глупостью пройти через всё это и не вынести ни прозрения, ни откровения — но лучшее, что я могу сказать, это что одно время мне хотелось покончить с собой, а теперь больше не хочется.

Вот почему я считаю непреложным фактом, что ГК солгал мне. А хоть бы и не солгал — всё равно я сама в ответе за свои поступки. Не могу поверить, что самоубийственный порыв был мне навязан. Если он и был заразным, зараза эта попала на благодатную почву.

Но по большому счёту это забавно, вы не находите? Мои первые попытки свести счёты с жизнью были вызваны ничем иным, как непомерно раздутой хандрой. Затем я обрела смысл жизни, потом лишилась его — и теперь чувствую себя живее всех живых.

Поначалу я была настроена вовсе не так философски. Когда мне стало очевидно, что я выживу, когда я оставила попытки засыпать себя обвинениями (окончательно от этого я так и не избавилась, но теперь умею сдерживаться), когда узнала, как умер Марио, я зациклилась на "почему". Снова начала ходить в церковь. Обычно делала это, пропустив пару кружек

хмельного. Иногда вскакивала посреди службы и разражалась злобной молитвой в духе "зачем Ты так сделал, сопливый слизняк, Сын Большого Взрыва?!" Я вспрыгивала на сиденье и орала в потолок. Обычно меня быстро выпроваживали. А однажды арестовали за то, что швырнула стул в витражное окно. Вне всякого сомнения, я тогда была немного не в себе.

Но теперь мне уже лучше.

* * *

Жизнь вернулась в нормальное русло быстрее, чем кто-либо из нас имел право ожидать.

Что бы ни сотворили с ГК, затронуло это главным образом его высшие "сознательные" функции. Системы жизнеобеспечения отказали только во время самого Сбоя, и то не повсеместно. К тому времени, как ГК переступил ворота фермы, украшенные двойным вензелем "К", обширное хозяйство, составлявшее источник жизненной силы Луны, уже работало без перебоев.

И всё же кое-что изменилось, и некоторые изменения ощущаются до сих пор. Коммуникации по большей части ненадёжны, поскольку отдельным частям ГК, по-прежнему изолированным друг от друга, уже не так легко общаться, как было

раньше. Но телефонные звонки проходят, поезда прибывают и отправляются вовремя. Дела стали делаться дольше — порой намного дольше, если для них требуется компьютерный поиск, — но всё же они делаются.

Критерием восстановления может служить железная дорога Саскуэханна — Рио-Гранде — Колумбия, или СРГК: она была спроектирована, одобрена и полностью построена после Великого Сбоя. Теперь можно добраться из Пенсильвании в Техас на одном из трёх поездов СРГК. Паровозы работают на древесном топливе, и дорога занимает всего пять дней, против тридцати минут, как раньше в поезде на магнитной подвеске. Это называется прогресс. Большую часть пути вагоны мерно покачиваются на рельсах железнодорожной ветки, пока за окнами проплывают голографические изображения девственной глуши. Их ни за что не отличить от настоящей природы. Это мощный толчок к развитию техасского туризма и богатая золотая жила для Джейка и мэра. Именно они задумали и протолкнули этот проект. Мои поздравления, Джейк!

Есть с чем поздравить и Элизу. Из последних новостей о моей звёздной ученице: она обзавелась собственным игровым столом в Аламо и

обирает туристов до нитки дюжинами. Милашка знает, когда сбросить карты.

Как-то раз я навестила Фокса. Он по-прежнему был по горло занят в Орегоне. Мы обменялись историями о Сбое, как до сих пор делают те, кто давно не виделся, и я выяснила, что Фокса почти не затронуло. Первые сутки он даже ничего не слышал о Сбое, поскольку его компьютеры работают независимо от ГК, как у Калли. Оказывается, я могла бы спрятаться не только на ферме "КК", но и в Орегоне, но не думаю, что от этого что-либо изменилось бы. Визит мой был отнюдь не дружеским: я пришла как представитель СРГК. Железнодорожный туннель уже наполовину дотянули от "Одинокой Голубки" до берегов Колумбии, но Фокс выступил резко против. Ему хотелось сохранить Орегон в первозданном виде, он не разрешал построить даже небольшое поселение на границе парка, лесной посёлок, который планировалось назвать "Дом родной" и сделать конечной станцией на северо-западе. Я сказала Фоксу, что несколько парней в клетчатых рубашках и с дисковыми пилами не нанесут большого вреда его драгоценным лесам, а он обозвал меня мародёршей-капиталисткой. Мародёршей, представьте себе! Боюсь, именно

тогда угасла последняя искра нашей былой любви. Поцелуй мой колун, Фокс![84]

Спустя несколько месяцев после кризиса, когда я окончательно преодолела тёмную полосу церковного вандализма, мне понадобилось обратиться к Дорогуше Бобби. Я отправилась к нему, но не нашла: оказалось, что он снова превратился в Безумного Боба и больше не принимает на Хедлиплаце. Не вернулся он и на Лейштрассе. В конце концов я напала на его след в Квартале Х: там он обосновался в ультраавангардном доме телесных мод и сосредоточился исключительно на эпатажных стилях внешности, востребованных у молодёжи. Боб попытался уговорить меня приделать вместо головы коробку, но я напомнила ему, что эта мода появилась благодаря нам с Брендой, после громкой истории о том, как мы похитили голову Верховного Перцера. Боб согласился по старой памяти поправить мне лицо и тело так, как я просила — но мне показалось, что с явной неохотой. После стольких лет респектабельной жизни опять пустился в безумства.

Получила я весточку и от самого Верховного Перцера. Он позвонил мне из тюрьмы, чтобы по-

---

[84] Примечания: 84

Игра слов: Kiss my ass! (англ., прост.) — Поцелуй меня в зад! (устойчивое выражение); axe (англ.) — колун, боевой топор.

благодарить. Я представить не могла, чем таким умудрилась это заслужить, и не особо внимательно его слушала, но поняла, что он сожалеет о всех годах, что провёл на свободе, занимаясь делами П. В. Ц. С. З. В тюремной камере он получил возможность круглые сутки смотреть телевизор и больше ни на что не отвлекаться. Он хотел, чтобы я поговорила с судьёй и узнала, нельзя ли продлить срок заключения. Разумеется, старина, я попытаюсь.

* * *

Одним из самых заметных последствий Сбоя стало то, насколько больше времени теперь приходится уделять медицинским мероприятиям. Полагаю, в моём теле всё так же полно наноботов, но работают они уже не так хорошо и слаженно, как раньше. Я никогда не пыталась выяснить, почему, меня это мало интересовало. Но, как бы то ни было, теперь мне приходится почти каждый месяц удалять раковые опухоли. Меня это не беспокоит, но многие другие очень переживают, потому-то и набирает всё больше сторонников движение "Восстановите кортекс!" Его участники ратуют за то, чтобы воссоздать ГК, сделав его больше и мудрее. В наше с вами время люди так

избалованы! Всё время забывают, каким наказанием когда-то был рак.

Вот в медицинском учреждении я и столкнулась с Калли, она тоже пришла удалять опухоли. Говорят, это у нас наследственное.

Мы не обмолвились ни словом. В этом для нас нет ничего странного; почти полжизни я не разговаривала с Калли и почти столько же — она со мной.

Она всё же пришла за мной в пещеру. Возможно, это было и к лучшему: не знаю, смогла бы я без посторонней помощи оторваться от могилы и вернуться домой. Хорошо было, наверно, даже то, что она спросила меня о том, о чём не имела права спрашивать: это разозлило меня настолько, что я ненадолго забыла о своём горе и накричала на мать, а она накричала в ответ. Она спросила меня, кто отец ребёнка. А сама-то никогда не позволяла мне задавать такие вопросы! Сама сделала моё детство настолько несчастным, что я мечтала, как папочка прискачет на белом коне и скажет, как ужасно он был не прав, что забыл обо мне, как на самом деле сильно он меня любит и как я ошибалась в Калли: она вовсе и не мать, а всего лишь цыганка, укравшая меня из колыбели…

Иногда мне кажется, что в нашем обществе с

отцовством что-то сильно не в порядке. Разве то, что каждый из нас, независимо от пола, способен выносить дитя, оправдывает фактическое упразднение роли отца? Но стоит подумать о Бренде и её развратном старике, о том, как часто в семьях случается подобное — и возникает другой вопрос: стоит ли вообще подпускать самцов к маленьким детям?

Я знаю лишь одно — что мне отца не хватало. Калли сказала, что если мне и вправду приспичило знать такую глупость, она назовёт мне имя. Я ответила, что она может не утруждаться, я и сама догадалась, кто он. Калли рассмеялась и заявила, что ничего я не знаю, не понимаю и не смыслю. На этом мы снова перестали разговаривать. Спустились с холма бок о бок, но каждая сама по себе, как было и всегда. Увидимся ещё лет через двадцать, Калли.

И всё же я думаю, что знаю, кто мой отец.

А Котёнок Паркер… ну зачем портить ему день?

* * *

С тех пор миновал уже год. Я по-прежнему думаю о Марио. И просыпаюсь посреди ночи, когда мне снится, как Уинстон отрывает руку

полицейской из Кинг-сити. Я так и не знаю, что с ней сталось. Она точно так же пала жертвой обстоятельств, как любой из нас; полиция Кинг-сити оказалась втянута в военные действия произволом ГК, будучи ни о чём не осведомлена, и понесла тяжелейшие потери.

Год проходит — и мы меняемся, но мир остаётся прежним. Он перекатывается через пустоты, оставленные ушедшими, и постепенно заполняет их собой. Я не представляла, как выпускать "Техасец" без Черити, но люди, служившие ей источниками информации, стали приходить со своими историями ко мне, и совсем скоро среди них нашёлся тот, кому её работа оказалась по плечу. Он далеко не так симпатичен, как Черити, но у него задатки журналиста.

Я по-прежнему издаю газету и преподаю в школе. А ещё я новый мэр Нью-Остина. Я не баллотировалась, но и не стала снимать свою кандидатуру, когда её выдвинула инициативная группа горожан. Колонка "Ядозуб" осталась такой же язвительной, как и до моего избрания. Возможно, в этом и есть конфликт интересов, но никому до него особо нет дела. Если оппозиции что-то не понравится, пусть учредят собственную газету.

Раз в неделю я веду гостевую колонку в "Ежедневных Сливках". Думаю, таким способом Уолтер пытается переманить меня обратно. Но вряд ли у него это выйдет, думаю, та часть моей жизни завершилась бесповоротно. Впрочем, как знать… Раньше я считала, что и мэром стать меня никогда не уговорят.

Я виделась с Уолтером не далее, чем на прошлой неделе, на открытии бара "Слепая свинья" после ремонта. Он был полностью уничтожен пожаром во время Сбоя, и одно время Глубокая Глотка угрожал оставить его в руинах. Но потом уступил давлению общественности и закатил шумную вечеринку в честь возрождения бара. Собралось большинство представителей четвёртой власти Кинг-сити, и те, кто уже не приехал вдрызг пьяным, вскоре тоже нализались.

Мы предавались всем тем же забавам, которые обычно начинаются, когда журналисты собираются вместе: пили, перемывали косточки отсутствующим коллегам, пересказывали скандальные истории "не для печати" о знаменитостях и политиках, снова пили, намекали на статьи, которыми вот-вот разразимся и о которых на самом деле даже понятия не имели, вновь и вновь обсуждали старые драки и раскрывали

новые заговоры в высших кругах, опять пили, блевали и пили ещё больше. Кому-то набили физиономию, кто-то остудил свой темперамент, было сыграно множество партий в покер. Новая "Слепая свинья" была неплоха, но старый друг всегда лучше новых двух, а посему хозяин выслушал немало жалоб. Как по мне, через пятьдесят лет замывания кровавых луж, подтирания разлитых напитков, выметания осколков кальянов и прочей посуды новое место станет не хуже старого и скорее всего никто, кроме совсем дряхлых стариков, даже не вспомнит, что бар когда-то горел.

В какой-то момент я обнаружила, что сижу за большим круглым столом в задней комнате, где обычно всерьёз играют в карты. Сама я не играла — никто из присутствующих ни за что в жизни не доверился бы мне за карточным столом. Играл Уолтер — и сердито смотрел себе в пригоршню, как будто бы, потеряв весьма жалкий общий фонд, он отправится в свои пятидесятикомнатные апартаменты без гроша за душой. Играл и Крикет, он нацепил на лицо своё фирменное недоумённое выражение "а что, флеш бьёт ординар?" и был расфранчён пуще обычного, особенно с тех пор, как стал каждый день одеваться по

моде девятнадцатого века. На первый взгляд, он выглядел интереснее всех в комнате — на нём был двубортный твидовый пиджак, рубашка с высоким накрахмаленным воротником — вот только из глаз пропала искорка. Жаль, Крикет… Если бы ты только в силах был представить, как мы могли бы портить друг другу жизнь лет пять или шесть подряд, а потом расстаться, от души возненавидев друг друга! А ещё, Крикет, если есть у тебя настоящий друг, ему следовало бы отвести тебя в сторону и шепнуть, что уже пора перестать принимать невинный вид, по крайней мере за карточным столом. Это немного лучше срабатывало, когда ты был девушкой, но даже и тогда было не здорово.

И кто же, вы думаете, спокойно восседал с еле заметной улыбкой, положив карты на стол рубашкой вверх и созерцая самую высокую горку фишек и обеспокоенные лица всех прочих игроков?.. Бренда Старр, приближённая всех звёзд, любимица трёх планет, вполне способная затмить королеву светской хроники Луэллу

Парсонс[85]! В этой девушке почти ничто уже не напоминало о той нескладной, искренней и неискушённой девочке, которую мне пришлось взять на работу двумя годами ранее. Она была всё так же невероятно высока ростом и молода, но всё остальное изменилось. Теперь она умела одеваться, и хотя её вкус показался мне в чём-то эксцентричным, у неё было достаточно веры в себя, чтобы изобрести собственный стиль. Тенью прежней Бренды смотрелась девчушка-подросток, начинающий репортёр, что сидела сбоку от наставницы и ловила каждое её пожелание — чудесная, клёвая девчонка, без сомнения, всю жизнь мечтавшая якшаться с известными людьми, так же как Бренда, как и я сама. Под моим внимательным взглядом Бренда перевернула свои карты, сорвала новый банк и откинулась на сиденье, раздумывая, что бы сдать теперь. Она провела рукой по колену девчушки, нарочито ревнивым жестом, и подмигнула мне. Ох, погоди растранжиривать себя, Бренда!

Во время следующей партии разговор зашёл,

---

[85] Примечания: 85

Луэлла Парсонс (1881–1972) — американская журналистка, первая и в течение многих лет самая знаменитая ведущая собственной колонки о кино, некоронованная "первая леди Голливуда". Знаменитости боялись её, а Уильям Рэндолф Хёрст обожал.

как это обычно и бывает при долгой игре, о том, что в мире происходит. Я в общей беседе не участвовала; незадолго до этого обнаружила, что как только люди замечают меня, стараются прекратить разговор о Великом Сбое. Но это была компания, от которой у меня почти не было секретов, и все здесь знали о Марио. Некоторым было известно и о моих трениях с ГК. А кое-кто, возможно, знал и о попытках самоубийства. Это заставляло их соблюдать осторожность, большинству из них скорее всего трудно было представить, каково это — вот так потерять ребёнка. Я было хотела заверить их, что всё в порядке, со мной всё хорошо, но вряд ли это к чему-нибудь привело бы — так что я просто сидела и слушала.

Сначала поговорили о ГК и о том, стоит ли его возрождать. Пришли к выводу, что лучше бы не стоило, но скорее всего он снова появится. Ведь при нём всё было так чертовски легко и удобно. Конечно, под конец он скурвился, но Великие Умы справятся с этим, не правда ли? В смысле, коли уж им удалось за неделю доставить человека с Луны на Плутон, почему бы им не пустить часть заработанных денег на то, чтобы снова сделать жизнь добросовестных налогоплательщиков проще и комфортнее? Полагаю, в конце концов

так и случится. У нас же демократия — особенно теперь, когда ГК больше не вторгается в наши дела, — так что если мы проголосуем за какое-нибудь дикое безумие, мы его и получим. Я только надеюсь, что на этот раз кто-нибудь позаботится, чтобы новому ГК всегда было с кем обняться. А то ведь и он вдруг может сделаться вздорным.

По другой модной теме собеседники не пришли к единому мнению. Этот вопрос крайне запутанный, и немало копий ещё будет сломано, пока он решится. Как, по-вашему, стоит поступить с открытиями, которые ГК сделал за годы своего мятежа? В частности, что насчёт записи памяти и клонирования людей, а?

На свет извлекли аналогию с Гитлером и принялись размахивать ею на все лады. Гитлеровский приспешник доктор Менгеле проводил безнравственные эксперименты на людях — по большей части пытал их. Не знаю, узнал ли он при этом нечто полезное, но полагаю, что да. Было ли этично использовать эти знания, наживаться на порождении зла? По-моему, ответ зависит от мировосприятия того, кому зададут этот вопрос. Лично я не уверена, этично ли это (что, возможно, проливает свет на моё мировоззрение), но не думаю, что использовать такое знание непра-

вильно, притом что я в этом вопросе — лицо не беспристрастное. Но будь то правильно или нет, думаю, в конце концов применение знаниям найдётся. На этом сошлись и практически все присутствующие — а что вы хотите, журналисты же. Некоторые люди в поисках новых знаний испробовали на себе те записанные воспоминания, что ГК не успел стереть — одна из таких записей осталась и у меня, но я не слишком настроена на сотрудничество — и если выяснится, что такой опыт пригоден для использования в работе, его будут использовать. Можете рыдать по этому поводу, если вам так хочется. Что же до меня, по большому счёту я полагаю, что знание не бывает правильным или неправильным. Это просто знание. Оно не как юриспруденция, где часть информации допускается к использованию, а часть опорочена теми методами, какими её добыли.

Минамата была далеко не единственной из комнат страха, созданных ГК, и не самой худшей. О некоторых из них стало известно, о других же по-прежнему умалчивают. И вам, поверьте мне, и правда будет лучше не знать о них.

Но как нам быть с вопросом, промежуточным ответом на который стало существо, мнившее себя Эндрю МакДональдом, но лишённое всех

человеческих чувств, а окончательным решением — толпы бездумно преданных повелителю солдат, доставивших мне столько неприятностей в первый день Сбоя? На самом деле и они не были конечным результатом эксперимента. ГК говорил, что метод поддаётся дальнейшему совершенствованию, и у меня нет причин сомневаться. Здесь речь о том, о чём публика желала знать больше всего: о бессмертии.

— Да, но это ведь не настоящее бессмертие, — возразил кто-то. — Продолжать жить за вас будет некто другой, очень похожий на вас и с вашими воспоминаниями. А вы, тот человек, что сидит сейчас за игорным столом с худшими картами, какие вам только доводилось видеть, будете точно так же мертвы, как были бы и до этого изобретения. Как только люди это поймут, они осознают, что затея не стоит возни.

— Нет, не рассчитывайте на это, — сказал кто-то другой. — Мои карты не настолько плохи, и это всего лишь партия неудачная, я закончу её и начну следующую. До сих пор единственным способом победить время для человека было создание чего-то такого, что переживёт своего создателя. Художники оттачивают своё искусство, большинство из нас заводят детей. Это наш

путь продления жизни. Думаю, клонирование отвечает той же потребности. Клон — будто ваш ребёнок, только это будете снова вы.

И тут один собеседник пихнул другого локтем в бок, и все прочие без слов прочитали его мысль: знаете… не стоит нам говорить о детях… при Хилди. По крайней мере, мне показалось, что так произошло, но, может, я просто излишне чувствительна. Какова бы ни была причина, разговор прекратился, в воздухе внезапно повис лишь один риторический вопрос. Брендина симпатяшка, поведя вокруг себя невинным взором, тоненьким голоском произнесла:

— А что в этом плохого? По-моему, отличная мысль.

Это было единственное, что она изрекла за весь вечер, но её реплика разбила наголову мою теорию о том, будто клонирование — бесполезное занятие и люди охотнее будут рожать детей, нежели копировать сами себя, и, главное, не понесут последние гроши в хранилища памяти. Но внезапно, взглянув в невинное лицо юности, я растеряла свою уверенность. Время покажет.

* * *

Перед вами прошли два года моей жизни. Возможно, самые урожайные на события, но и это тоже покажет время.

Я пишу эти строки, сидя в вагоне-салоне экспресса "Вождь прерии", направляющегося в Джонстаун, штат Пенсильвания. Я решила, что раз уж владею частью акций СРГК, давно пора и мне совершить путешествие. В школе каникулы, так что в кои-то веки у меня полно времени. Я пишу от руки, перьевой ручкой, на листах формата 13 на 17 дюймов из набора фирменной почтовой бумаги СРГК, лежащего на столике красного дерева с перламутровой инкрустацией. Рядом стоят чернильный прибор и хрустальная ваза с букетом живых люпинов. Для пассажиров "Вождя прерии" — всё только по высшему разряду! Проводник только что принёс мне горячего чаю с лимоном. Где-то впереди слышится чухание паровозного двигателя N 439, долетает лёгкий запах дыма. За моей спиной другой проводник скоро опустит откидную кровать, застелет её белоснежным бельём и оставит на подушке горсть мяты и бутылочку туалетной воды в подарок от компании-перевозчика. А где-то поблизости

повар выбирает кусок лучшей канзасской говядины, чтобы поджарить с кровью, как пожелал владелец компании.

Ну хорошо, если вам так хочется вдаваться в детали, это не говядина, а мясо бронтозавра. Может быть, даже с фермы "КК".

Скоро мы доберёмся до "Форта Уорт", где пополним запасы дров и воды. Я не планирую сходить там, мне сказали, что это унылый ковбойский городок, полный разнузданных и, возможно, небезопасных пастухов, совсем не подходящее место для воспитанной леди. (Так мне сказали; а на самом деле, поскольку я видела, как он строился, я знаю, что это просто большое помещение, через которое проходят рельсы и немощёная улица, а по обочинам, за кулисами голографического шоу, раскиданы деревянные домишки.)

За окнами вагона сгущаются сумерки. Недавно мы видели стадо бизонов, а вскоре после того — группу краснокожих, они придержали лошадей и торжественно помахали промчавшемуся мимо железному коню. Это была голографическая запись из отдела кадров киностудии, но что с того? В вагоне полно техасцев и есть несколько жителей Пенсильвании, возвращающихся восвояси. Они все нарядно одеты, костюмы ещё не истрепа-

лись в поездке. Напротив меня сидит маленькая амская девочка с родителями и смотрит, как я пишу. Неподалёку расположилась компания из трёх молодых холостяков, старающихся не слишком явно демонстрировать интерес к одинокой женщине за письменным столом. Скоро самый смелый из них подойдёт и попросит меня отужинать с ним, и если он найдёт сказать что-нибудь получше банального: "Чё пишем, милашка?", я составлю ему компанию.

Но только не в постели. Если он на это нацеливается, всё напрасно. Особая услуга, о которой я недавно просила Дорогушу Бобби / Безумного Боба, состояла в том, чтобы сделать меня бесполой, как была Бренда при нашей первой встрече. Эта просьба, возможно, была глупостью и совершенно точно — крайностью, но я обнаружила, что мне невыносима даже мысль о сексе, что я буквально возненавидела то место, из которого Марио появился на этом свете, чтобы прожить такую короткую и столь совершенную жизнь. И становиться снова мужчиной мне было не интересно. Так что я соскочила с секс-экспресса и не жалею об этом. Думаю, когда-нибудь я снова буду готова сесть на него, может, даже не сегодня — завтра, но пока мне так легко оттого, что я боль-

ше не завишу от гормонов ни одного, ни другого пола! И могу по желанию пускаться в любовные приключения каждые двадцать лет или около того, в качестве творческого отпуска.

Спускается ночь, поезд мерно покачивается, и я понимаю, что счастлива так, как давным-давно не была.

* * *

Ну что ж, мы с вами долго были вместе, а теперь почти пришла пора прощаться. Вы познакомились с Хилдебрандтом, затем с Хилдегард и наконец с Хилдоно: воротилой железнодорожного бизнеса, издателем, школьной учительницей, ведущей колонки комментатора в нескольких газетах, обездоленной матерью и неустанным борцом за реформу местоимений. На самом деле осталось лишь одно, что вам интересно было бы знать о нём / ней / этом человеке.

Я отправляюсь к звёздам.

У меня есть приглашение забронировать место. Раньше я об этом не говорило, должно быть, просто позабыло упомянуть, но как-то раз, примерно неделю спустя после смерти Марио, я сидело в хижине с револьвером Уолтера, бутылкой хорошей текилы и одним патроном в барабане. Я

пило, заряжало и разряжало оружие, снова пило и целилось во всё подряд: в дерево, в угол хижины, себе в голову. Я думало о том, что ГК сказал о вирусе, и о своих выводах насчёт правдивости этого утверждения, и не знало, о чём ещё думать и хочется ли мне думать вообще. А всё остальное… конечно, приносило мне удовлетворение, особенно преподавание, но больше не годилось для ответа на вопрос: "Чем ты занимаешься, Хилди?"

Мне пришла в голову кое-какая мысль, я немного поразмыслило и поспешило в "Хайнлайн". Там я спросило Смита, могу ли, когда он закончит двигатель, полететь с ним — пусть даже в виде бесполезного балласта. И он ответил:

— Конечно, Хилди, я сам собирался спросить, заинтересует ли вас такое предложение. Нам понадобится кто-нибудь, чтобы контролировать общественный резонанс, для начала, а потом — чтобы грамотно влиять на общественное мнение, когда придёт время вылета, а особенно по возвращении. Нам понадобятся советы, как сбыть наши статьи с максимальной прибылью. Чёрт возьми, да скорее всего кому-то придётся писать эти статьи за большинство из нас. Мы все — учёные, пилоты-испытатели, технические специалисты — частенько бываем косноязычны;

почитайте хотя бы отчёты покорителей космоса. Отправляйтесь в отдел рекламы прямиком к Синдбаду и посмотрите, не удастся ли вам прочистить ему мозги. Если выйдет хоть что-то хорошее, я рассчитываю через неделю поставить вас руководителем отдела. А работать хуже, чем Синдбад, у вас не получится.

Так что в некотором роде это прощальная речь. Все те, о ком я рассказывало до этого… никто из них не полетит. Они просто не из того теста. Я люблю их, каждого по-своему (да, даже тебя, Калли), но все они отягощены привязанностью, кто к Луне, кто к мужчине, кто к женщине. А вот "Гензель", "Гретель", "Либби" (который, кстати, поправился), "Вэлентайн Майкл Смит" станут моими товарищами по кораблю, и не важно, состоится ли отлёт через год, через двадцать лет или через пятьдесят. Все остальные уже за бортом.

Я по-прежнему учу детей, участвую в железнодорожных перевозках и выпускаю "Техасец". Но в своё бесконечное (ха!) свободное время делаю, что могу, для продвижения целей хайнлайновцев и их безумного проекта. Результат: за прошедший год ко мне обращались на два процента чаще. Пока что я не завоевало признание, но дайте только срок. И даже когда я сделаю всё возмож-

ное в этой области, всё равно останусь. Всегда ведь нужно кому-то помыть бутылку, вынести мусор, что-нибудь начистить до блеска. Позовите Хилдоно, и всё будет сделано в лучшем виде. Нет такой работы, которую я сочло бы чересчур грязной или мелкой, главным образом потому, что для важных дел я совершенно бесполезно. Я стремлюсь стать настолько необходимо проекту, чтобы оказалось немыслимым улететь без меня. Как это, не взять Хилди? Вот те на, а кто же мне ботинки надраит и пятки почешет?

Вот так-то. Я обещало не приводить к ясному и чёткому заключению и, думаю, сдержало своё слово. Я предупреждало, что вопросы останутся без ответа, и вижу целый ворох таких вопросов. К примеру, что там с Пришельцами? Братишка, да я знать не знаю. Последний раз, когда кто-то проверял, они по-прежнему курировали нашу родную планету и не планировали в ближайшее время выселяться. Вот если мы в кои-то веки соберёмся их выселить оттуда, это будет совсем другая история.

Что же мы там обнаружим? Этого я тоже не знаю, потому так и хочу полететь. Инопланетную разведку? Я не стало бы биться об заклад. Странные миры? Я бы сказало, это тайна за семью

печатями. Там может быть всё. Обширные пустые пространства, людская трагедия и надежда. Бог. Душа Марио. Ваша самая смелая мечта и худший из ваших кошмаров.

А может, мы обнаружим Элвиса и Сильвио в летающей тарелке, поющих старый добрый рок-н-ролл.

Подумайте только, что это будет за история!

Юджин, штат Орегон
2 мая 1991 г.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Когда на некоем этапе писательской карьеры возникает необходимость порвать с устоявшимися традициями научной фантастики, должное уважение к мнению человечества требует от писателя, чтобы он изложил причины, побудившие его принять такое решение.

Это произведение выглядит частью моей истории о будущем, нередко называемой "Восемь миров". В нём используются тот же событийный контекст, те же персонажи и технологии, что в более ранних моих произведениях, составляющих эту историю. В этом плане оно укладывается в традицию. А выбивается из неё в плане хронологии. Причина проста: когда я представил, что придётся оглядываться назад, перечитывать старые тексты и расставлять их в верном порядке, меня одолела тоска. Такая сильная, что чуть напрочь не отбила охоту писать новую вещь.

И тогда я подумал: что за ерунда?

Считайте это разъяснительным замечанием. "Стальной пляж" — не совсем часть цикла "Восемь миров". Или же "Восемь миров" — не совсем история будущего, поскольку это предполага-

ет непротиворечивый порядок событий. При желании можете коллекционировать ляпы. Но пожалуйста, не пишите и не сообщайте мне о том, что нуль-скафандры должны были быть изобретены гораздо раньше, поскольку я будто бы уже описывал их в таком-то или сяком-то произведении. Возможно, "Стальной пляж" даёт богатый материал для подобных замечаний. Ну и что?

Кто-то однажды назвал последовательность жупелом для ограниченных умов (думаю, это был редактор журнала "Нэшнл Инквайер"). Уверен, это утверждение заслужило бы одобрение Хилди.

Джон Варли
1 декабря 1991 г.